

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ДОКУМЕНТ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

*Сборник материалов
IV Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием
(г. Томск, 29–30 октября 2009 г.)*

Томск
2010

УДК 002
ББК 70
Д 63

Д 63 **Документ как социокультурный феномен:** Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под общ. ред. Н.С. Ларькова. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – 624 с.

ISBN 5-94621-295-8

Сборник содержит доклады и выступления, подготовленные к IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Документ как социокультурный феномен» (Томск, 29–30 октября 2009 г.).

УДК 002
ББК 70

Редакционная коллегия:
д.и.н., профессор Н.С. Ларьков (отв. ред.),
д.и.н., профессор Ю.В. Куперт,
д.и.н., профессор О.А. Харусь,
д.и.н., профессор С.Ф. Фоминых,
д.и.н., профессор А.С. Шевляков

Техническая работа с материалами:
И.Е. Яцковец

Издание осуществлено при финансовой поддержке
РГНФ, проект № 09-01-64180 г/Т.

ISBN 5-94621-295-8

© Томский государственный университет, 2010

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

О.В. Зоркова

сопредседатель Оргкомитета,
начальник Архивного управления Томской области

Уважаемые коллеги!

Тематика IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Документ как социокультурный феномен» отличается своим многообразием и связана с рассмотрением документа как выдающегося социокультурного феномена, вбирающего в себя широкий спектр социальных, психологических, организационных, экономических, культурных и иных характеристик, которые выделяют, в свою очередь, документ среди других социальных институтов жизнедеятельности человека.

Отрадно отметить, что, несмотря на непростую экономическую ситуацию, на конференцию собрались как представители науки, так и практики из различных уголков России. Сейчас, как никогда, необходим обмен знаниями и опытом в столь стремительно развивающийся технократический век. Следует отметить, что важное значение в современных условиях приобретает и архивное дело.

В настоящее время в обществе наличествует много миллиардов документов, миллионов баз данных. Ресурсы социальной информации весьма значительны. Так, комплектование областных и муниципальных архивов Томской области архивными документами за последние шесть лет с 2003 по 2008 гг. увеличилось в 1,3 раза, составив 2 078 225 документов. В указанный период в 2,1 раза возросло количество проведённых архивами информационных мероприятий и в 2,4 раза вырос поток запросов в областные и муниципальные архивы. Кроме того, увеличилось и количество консультаций: только Государственным архивом Томской области в 2008 г. проведено около 200 индивидуальных консультаций по вопросам восстановления родословного древа. Данные цифры наглядно демонстрируют, что архивные документы востребованы обществом, архивные учреждения социально значимы для общества и информационно насыщены.

Однако нам не всегда удаётся получить нужную информацию. Другими словами, существует проблема разрыва между накапливаемой информацией и её использованием. Причины этого называют разные: 1) всевозрастающий объём информации; 2) рассредоточенность информации в различных базах данных; 3) низкий уровень технической оснащённости отдельных

информационных учреждений; 4) недоступность накапливаемой информации для пользователей; 5) недостаточная информированность населения; 6) недостаточная квалификация информационных работников и т.д.

Поэтому в настоящее время, когда одной из основных государственных задач является построение единого информационного пространства, нет необходимости говорить о месте и значимости внедрения информационных технологий в работу архивных учреждений. Одним из приоритетных направлений в области внедрения автоматизированных архивных технологий по-прежнему является дальнейшее развитие общетраслевой системы автоматизированного централизованного государственного учёта документов Архивного фонда Российской Федерации, хранящихся в областных и муниципальных архивах. В 2008 г. ведение базы данных «Архивный фонд» осуществляли 2 областных и 17 муниципальных архивов Томской области.

Для облегчения поиска необходимой информации в архивных учреждениях Томской области создаются также иные специальные базы данных для накопления информации и предоставления её в соответствии с потребностями людей.

Следует отметить, что штатная численность областных и муниципальных архивов за эти шесть лет увеличилась только в 1,2 раза. Возникает вопрос: за счёт каких внутренних резервов удаётся выполнять архивам такую нагрузку. В большей степени – за счет развития информационных технологий. К примеру, за последние шесть лет в 3 раза увеличилось оснащение компьютерного парка областных и муниципальных архивов. Число физических посещений в архивах в 2008 г. снизилось на 2,7% по сравнению с 2007 г., в то же время возросло посещение сайтов областных архивов в указанный период на 9,3%.

Конечной целью для нас является полный переход государственных и муниципальных архивов на ведение государственного учёта в автоматизированном режиме, представление открытой части ресурсов, накопленных в базах данных, в режиме свободного удалённого доступа в сети Интернет.

И как всегда было в истории человечества: новые возможности связаны и с новыми опасностями, которые человечество стремится избежать. Поэтому так важно сегодня решение поднимаемых на конференции социокультурных, правовых, гуманитарных проблем информационного обслуживания, которые в условиях более высокого технического и технологического развития всё чаще встают перед людьми.

Желаю участникам конференции успешной и плодотворной работы!

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Н.П. Лукина

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ ДОКУМЕНТА
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Основной задачей доклада является попытка выявить социокультурную роль документа в складывающемся коммуникативном пространстве информационного общества. Это потребует уточнения концепта коммуникативного пространства, а также специфики функционирования в нем документа в предлагаемых информационным обществом социальных, культурных и технологических условиях.

Из всего дефинитивного многообразия наиболее инструментальным, т.е. работающим на нашу концепцию, представляется часто встречающееся определение документа как социальной информации, зафиксированной на материальном носителе созданным человеком способом в стабильной знаковой форме с целью передачи этой информации в пространстве и во времени [1. С. 19].

Данное определение фиксирует социокультурный статус документа через отнесение его к артефактам культуры, в том числе и технологической культуры, циркулирующим в социуме и выполняющим многочисленные функции: информационную, когнитивную, ориентационную, культурологическую.

В специальной литературе понятие социокультурного используется как чрезвычайно объемное и не поддающееся спецификации. В качестве предварительного условия необходимо отметить, что понимание социокультурного как целостного феномена должно базироваться на представлении о социальном и культурном, как обладающих собственной спецификой и логикой. Социокультурное есть синтез культуры и социальности.

Культура при этом понимается как совокупность результатов и способов деятельности человека, включая идеи, ценности, нормы, образцы. Культурная система, как ее понимает, например, немецкий теоретик Ю. Хабермас, есть культурное наследие, а также общественные институты, посредством которых это наследие в процессе социализации и профессионализации получает нормативную силу.

Приобщение к культуре происходит благодаря документам, в которых отражены и закреплены элементы культурной реальности.

Социальность трактуется как совокупность отношений субъекта с другими субъектами по поводу экономических, политических, идеологиче-

ских, познавательных отношений, формирующихся в процессе человеческой деятельности и воспроизводящих эту деятельность. Объединительные усилия социокультурного синтеза заключаются в создании органической общности социального и культурного, которые бы не растворялись друг в друге. Синтетическое проникновение требует, чтобы социальное и культурное взаимно учитывали принципы друг друга, чтобы от отдельных составляющих социума и культуры можно было перейти к их системному, сущностному качеству.

Документ как социокультурный феномен проявляет свои системные, синтезирующие интенции, будучи включенным в коммуникационный процесс, в коммуникативное пространство.

Использование концепта коммуникативного пространства для экспликации социокультурной природы документа требует пропедевтической процедуры категориального оформления понятия коммуникации.

Инвариантом большинства определений коммуникации выступает понятие информации, информационного обмена. Коммуникация как явление культуры и социальности предполагает массовый обмен информацией с целью воздействия на общество и его составные компоненты. В таком контексте говорят о социальной коммуникации.

Существует несколько методологических подходов к исследованию социальной коммуникации, к выяснению природы коммуникативного процесса, среди которых заслуживает внимания социально-философский подход, представленный именами Ю. Хабермаса и Н. Лумана. В концептуальных построениях этих теоретиков коммуникации отведена роль интегрирующего основания общества, базовой составляющей социального процесса. Под коммуникацией понимается современная форма социальности, которая охватывает сферу межличностного общения и осуществляется посредством технических средств. Однако механизм коммуникации определяется, в конечном счете, не техникой, а иными характеристиками, например, свойствами языка (Ю. Хабермас) или свойствами социальных систем, правилами социума (Н. Луман) [2, 3].

Коммуникация вмещает в себя разные типы социального действия, поскольку направлена на создание и распространение смысловых структур, на обмен смыслами, потребление смысловых структур, дискурсов, типов рациональности. Социальная коммуникация универсально опосредует любые человеческие практики, формирует способы и содержание профессиональной, аналитической, управленческой деятельности.

Оформление концепции коммуникации в качестве базового компонента социально-философской теории общества привело к возникнове-

нию понятия коммуникативной онтологии социальной реальности. Онтологический статус коммуникации, онтологический режим ее существования является предметом философской рефлексии. Философия изучает предельные основы коммуникации, коммуникативные возможности бытия. Коммуникация из подручного средства, используемого в рамках технических задач, трансформируется в способы существования человека, истории, культуры. В онтологическом смысле коммуникация связана со всеми видами репрезентации действительности, с миром символических конструкций, с жизненным миром человека.

Коммуникация является необходимым атрибутом социальной жизни человека и лежит в основе коммуникативного пространства любого социума. Коммуникация играет важнейшую роль в процессе структурирования социального пространства. Коммуникативные структуры равномерно распределены по различным сферам социального пространства: экономической, правовой, политической, идеологической, культурной.

К числу основных общественных функций коммуникации следует отнести:

- социальную, обеспечивающую связь между людьми, организациями, государственными учреждениями;
- экономическую, насыщающую информацией хозяйствующих субъектов для принятия управленческих решений;
- политическую, отвечающую за распространение информации государственных органов управления, политических партий и движений, обеспечивающую свободу слова в средствах массовой информации;
- государственную, обеспечивающую органы власти необходимыми данными для управления страной, в том числе для национальной безопасности;
- технологическую, обслуживающую технический прогресс в области информатизации общества.

В связи с постоянно возрастающей ролью информации в жизни общества информационный подход к исследованию социальной коммуникации представляется перспективным. Социальная информация является наиболее сложным и многообразным типом информации, связанной с человеческим обществом. Коммуникация как социальное явление есть социальное общение с использованием многочисленных систем связи, выработанных людьми, среди которых главными являются человеческая речь и язык.

Коммуникативное пространство представляет собой сложно структурированную систему, состоящую из взаимосвязанных структурных эле-

ментов: языка, социальной и исторической памяти, ценностей, мифов, архетипов, коммуникативного поведения, коммуникативных компетенций, коммуникативных потоков, коммуникативных связей. Как и пространство культуры, коммуникативное пространство является сферой порождения смыслов. Наличие коммуникативного пространства, в границах которого возникает социальный и культурный капитал, позволяющий субъектам достаточно свободно ориентироваться в современном обществе, оказывается также важнейшим ресурсом для воспроизводства личности, той или иной социальной группы, общества в целом. Онтологически коммуникативное пространство интегрирует культурное пространство, образуемое общностями людей, принадлежащих к определенной культуре и социальное пространство, образуемое территориальными общностями людей.

Основными интеграторами коммуникативного пространства являются: язык, картина мира, историческая и социальная память, коммуникативное поведение, коммуникативные компетенции.

Социальная память актуализируется как функционирующая в обществе динамичная система, как детерминирующий общественную практику механизм, а не как только архив произведенной и обработанной информации или как феномен исключительно нравственно-этического толка. Носителями (трансляторами) социальной памяти являются средства массовой коммуникации, знаковые системы вообще, внеорганические системы средств накопления информации. Таким образом, социальная память – это осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, средств и устройств процесс фиксации, систематизации и хранения теоретически обобщенного познавательного и практического опыта человечества, достигнутого в процессе развития науки, философии, искусства, технологии. Технический, информационный аспект социальной памяти актуализируется на этапе становления информационного общества. В зафиксированном и систематизированном виде информация поступает в хранилище социальной памяти в виде различного рода документов, книг, иных носителей информации, а также социальных институтов, обеспечивающих их сохранность и доступность для потребителей.

Понятие социальной памяти близко по значению к понятиям исторической памяти, преемственности, социального наследования. Социальная память является функциональным механизмом социального наследования, обеспечивающим непрерывность историко-культурной преемственности. В структуре социальной памяти можно выделить социальную память как хранилище информации и историческую память, актуально

функционирующую в данном обществе в конкретный исторический период времени в качестве ценностно-нормативной матрицы. Историческая память оказывается таким элементом коммуникативного пространства, который скрепляет социальный опыт и транслирует его от поколения к поколению. Историческая память ответственна за реконструкцию коммуникативного пространства, за сохранение культурного компонента коммуникации. Историческая память – это больше, чем историческое знание, зафиксированное в документе, это продуктивный ресурс для анализа, критики, пересмотра или поддержки традиции.

Язык является способом присвоения мира и способом укоренения человека в мире. Язык также средство хранения и трансляции ценностей, свойственных определенному обществу. В сфере языка формируются стереотипы, которые способствуют процессам адаптации индивидов и социальных групп к условиям существования в социуме. Язык выполняет функцию резервуара социального опыта, из которого черпается материал для вербализации того, что общественно значимо. Язык ранжирует по степени значимости и важности ценности, формирует классификации и объяснительные схемы окружающего мира. Посредством языка коммуникативное пространство играет существенную роль в процессах идентификации, наделяя общество наиболее стабильными чертами. Погруженность в конкретную языковую и социокультурную среду с неизбежностью накладывает отпечаток на субъекта, другими словами, пребывая в определенном дискурсивном контексте, субъект действует по правилам его логики, говорит на языке определенного разума, который через механизмы кодификации (формирование неких максим, носящих смыслообразующий и целеполагающий характер) задает ракурс видения окружающей реальности.

Картина мира представляет собой сложное образование, в котором в свернутом виде содержится значимая адаптированная информация об окружающей действительности.

Коммуникативное поведение есть выражение определенного коммуникативного кода, присущего определенной культуре, который задается совокупностью визуальных и динамических знаков, сопровождающих процесс вхождения в коммуникацию и пребывание в ней.

Коммуникативная компетентность встраивается в более широкий контекст коммуникативной культуры и оказывается квалификационной характеристикой как отдельной личности, так и общества. Коммуникативная компетентность на личностном уровне – это компетентность в использовании информационно-коммуникационных технологий как осно-

вание для понимания, возможности выбора, принятия решения в момент коммуникации. На уровне общества коммуникативная культура является системой нормативных технологий и оценочных критериев коммуникативного поведения.

Важнейшим параметром коммуникативного пространства является плотность и направленность циркулирующих информационных потоков, имеющих разную направленность и степень насыщенности. Эти показатели тесно связаны с социально-политическими факторами функционирования коммуникативного пространства, а именно, с экономическим положением и статусом групп, включенных в коммуникацию с целью своего воспроизводства, а также со статусом и политическим весом тех групп, которые находятся у власти.

Коммуникативное пространство не может не быть управляемым, оно не существует само по себе. На коммуникативное пространство пытаются оказывать влияние различные силы как внутри социума, так и извне. В данном контексте особую важность приобретает вопрос о сохранении цивилизационной и национальной идентичности, смыкающийся с вопросами преемственности поколений, культурного кодирования, укорененности в быстро меняющихся условиях современной жизни. В современном глобализирующемся мире управление коммуникативным пространством представляет собой необходимый элемент формирования социального порядка в целом.

На формирование и функционирование коммуникативного пространства оказывает существенное влияние быстрое распространение современных технологий передачи информации: средства массовой информации, средства массовой коммуникации (PR-технологии, реклама). Они обладают существенным манипулятивным потенциалом, направленным на сознание людей, на переконфигурацию (деконструкцию) коммуникативного пространства. Учитывая действительно объективно существующую в мире тенденцию глобализации, следует управлять смысловой, языковой и культурной средой национально-государственного коммуникативного пространства, расширяя его за счет популяризации истории и культуры своих народов, издания литературы, документов и средств массовой информации на родных языках.

Современный мир, который принято называть информационным обществом, ускоряет темпы развития благодаря новым информационно-коммуникационным технологиям. Эти технологии сжимают мир до размеров «глобальной деревни» в терминологии канадского философа М. Маклюэна, отменяют расстояния, делая их неактуальными. Концеп-

ции информационного общества Д. Белла и информационного капитализма М. Кастельса рассматривают понятия информации и коммуникации как ключевые в современных трансформациях технологически развитых стран мира. Смысл этих трансформаций заключается в том, что постепенно создается мировое коммуникативное пространство, которое тесно связано с экономикой, геополитикой, культурой, повседневной жизнью людей. Так, М. Кастельс отмечает, что главной чертой информационной эпохи становится наличие сетей, связывающих между собой социальных агентов, оказываясь не только средством коммуникации, но и кооперации.

Такие символы информационного общества как персональный компьютер и Интернет положили начала новым технологиям в производстве, образовании, культуре, благодаря которым наступает состояние, когда любой человек, находящийся в любой точке земного шара, в любой момент может получить необходимую ему информацию. Влияние электронных коммуникаций на социум беспрецедентно. Под воздействием современных компьютерных технологий трансформируется коммуникативное и социальное пространство. Понятие Интернета в рамках социально-гуманитарной концепции трактуется как синоним всемирного информационного пространства, сложного многомерного социокультурного феномена, средства массовой коммуникации. Коммуникация же трактуется как средство реализации реальных информационных, познавательных, социально-психологических, творческих потребностей человека. Интернет – коммуникативное пространство со своими нормами, этикетом, традициями, ритуалом, с особым качеством социального конструирования социальных взаимодействий информационного общества.

Коммуникативные интернет-технологии модернизируют, например, деятельность ученого, его взаимоотношения с научным сообществом и обществом в целом. В случае электронного депонирования результатов законченных исследований они получают распространение и признание в профессиональных кругах, а также фиксируют авторский приоритет. Более важным оказывается возможность вносить изменения и поправки в уже размещенный материал, сопоставлять и связывать его с другими объектами информационного поля, что превращает его в документ с открытыми границами. Научное сообщество получает дополнительную систему мотиваций, которая способствует более эффективному выполнению учеными их социокультурной и когнитивной функции по созданию новых знаний.

Другим примером функционирования коммуникативного интернет-пространства, в котором основным агентом оказывается государство, явля-

ется проект «электронного государства». Электронное государство помимо оказания информационных услуг гражданам, бизнесу, распространения информации и обмена ею между правительственными департаментами для совершенствования принятия решений и управления в целом, является эффективным средством накопления правительственных документов в режиме онлайн. Проект «электронного государства» и реальные программы его создания играют роль интегратора и инструмента модернизации всей системы управления. «Электронное государство», в котором во всех ветвях власти используются современные компьютерные технологии, основано на принципах открытости и общедоступности несекретной государственной информации, организации юридически легитимного электронного документооборота.

В Интернете присутствуют все виды документов: отчеты, кадастры, фактографическая информация, карты, статистические данные, а также полнотекстовая информация, ранее представленная только в традиционной среде (монографии, материалы конференций, доклады, периодические издания и многое другое).

Современная информационная среда не ограничивается традиционными (гутенберговскими) ресурсами и переходит к формированию электронного документооборота. В универсальных энциклопедиях электронный документ определяется как информация, представленная в форме набора состояний элементов вычислительной техники, иных средств обработки, хранения и передачи информации. Термином «электронный» фиксируется обозначение информации, закрепленной в оцифрованной, байтовой форме. Однако не все документы, в которых зафиксирована информация об идеях и знаниях прошлых поколений, могут быть оцифрованы.

Формирование электронного документооборота исходит из основного принципа, согласно которому документы должны быть источником качественной и верифицированной информации, полученной из авторитетных источников. Подлинность электронного документа подтверждается адекватной формой ее удостоверения.

Формирование электронного документооборота предполагает снятие дискриминационных мер в доступе к информации. В литературе обсуждаются проблемы юридического, политического и шире – социокультурного порядка, связанные с доступностью информации и способами ее трансляции. Так американский юрист Л. Лессинг предлагает понятие «разрешительной культуры» для обозначения новой информационно-коммуникационной реальности, связанной с законодательной системой копирайта, которая противостоит развитию «свободной культуры», необходимой для

распространения общественно полезной информации (Creative Commons). Сама идея свободного распространения информации при помощи Интернета, влияющая на формирование гражданского общества с общепонимаемыми гражданскими ценностями, наталкивается на практике на сворачивание объема и границ (если речь не идет о конфиденциальности) бесплатной информации. Л. Лессинг приводит пример того, что издатели электронной периодики требуют, чтобы доступ к традиционной печатной продукции в библиотеках был ограничен. «Это означает, – замечает Л. Лессинг, – что свободы, обеспечивавшиеся печатными изданиями в публичных библиотеках, начинают утрачиваться» [4. С. 250].

Таким образом, Интернет как коммуникативное пространство информационного общества можно рассматривать не только как информационную систему, массив информации, но и как модель интеллектуально-духовной сферы, как документальный фонд, интегрирующий все многообразие социокультурного опыта человечества. Информационно-коммуникационное пространство Интернета по своей природе служит метафорическим отражением идеи единства социума и культуры, глобального межкультурного взаимодействия, реализуемого в том числе, посредством документооборота.

Примечания

1. *Ларьков Н.С.* О предмете и объекте документоведения как междисциплинарного научного направления // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2006.

2. *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994.

3. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия. Сводный реферат // Современная западная теоретическая социология. М., 1992. Вып. 1.

4. *Лессинг Л.* Свободная культура. М.: Прагматика культуры. 2007.

М.С. Слободяник

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ДОКУМЕНТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В современном документоведении активно обсуждаются предложения известных учёных Ю.Н. Столярова и Н.Н. Кушнарченко о переименовании науки о документе в широком контексте в документологию и сохранении за наукой об управленческой документации названия документоведение. Бурные дискуссии вокруг этих предложений в профессиональной среде, к сожалению, имеют ярко выраженный эмоционально-личностный характер. Это обусловлено тем, что в публикациях Ю.Н. Столярова, с нашей точки зрения, отсутствует целостное видение документологии, как необходимое условие для продуктивного обсуждения проблемы.

Мы рассматриваем документологию как теоретическую часть целостной науки о документе – документоведения, которая изучает документ как основной элемент документной инфраструктуры общества в широком контексте (управленческая документация, издания, неопубликованные документы, которые приравниваются к публикациям). В соответствии с разрабатываемым нами информационным подходом наука о документе имеет сложный объект: Документ – Потребитель. Её предметом являются закономерности функционирования документов и документообразований, как каналов документальных коммуникаций, ориентированных на удовлетворение потребностей общества в целом и конкретного пользователя в текущей и ретроспективной документной информации. Предлагаемый объект и предмет подчёркивают определяющую роль содержательной информационной составляющей документа, что даёт основания считать информологию фундаментальной наукой для документоведения.

Документология (теория документоведения) делится на две составляющие – общую и отраслевые, которые отличаются содержательной частью документов, документного потока и документообразований (микротоков, массивов, ресурсов, фондов), ориентированных на удовлетворение универсальных и отраслевых информационных потребностей пользователей.

Общая и отраслевые документологии делятся на фундаментальную и прикладную составляющие, которые, в свою очередь, состоят из теоретической и исторической частей.

Остановимся детальней на проблематике общей документологии. Прежде всего, в проблемном поле этих исследований выделяются изуче-

ние документной инфраструктуры общества, науки о документе и непосредственно документа. Первоочередным является развитие категориально-понятийного аппарата науки. В этой проблематике приоритетное значение имеет обоснование базового, наиболее широкого понятия документа и определение на данной теоретической базе основных видов документов, которые относятся к архивной, деловой, информационной и другим видам деятельности.

Фундаментальными проблемами документологии являются: обоснование структуры и функций науки о документе и определение её места в системе наук; разработка теоретико-методологического инструментария; определение и обоснование законов и закономерностей нашей науки; формирование целостной системы знаний о документе, его функциях, структуре, признаках и свойствах; классификация и типология документов и документообразований и проведение документологического и информационного анализа выделенных групп.

Расширение объекта науки позволяет включить в сферу документологических исследований новые направления, в числе которых: анализ закономерностей и существенных особенностей документной инфраструктуры общества; изучение структуры и содержания документных потребностей, разработка и реализация систем и методов документного обеспечения основных категорий потребителей информации; особенности документной деятельности в различных социальных сферах и институтах, включая производство, распространение и использование документной информации; разработка прогрессивных технологий реализации документных процессов.

Следует обосновать сущность, содержание, структуру, функции и основные направления трансформации системы документальных коммуникаций, разработать её классификацию и провести комплексный документологический анализ выделенных групп, исследовать коммуникационный процесс и разработать его концептуальную модель, анализ которой позволит повысить теоретический уровень исследования системы документальных коммуникаций и определить общее и особенное в её реализации в архивах, библиотеках, органах НТИ и других социальных институтах этой системы.

Среди основных теоретических проблем документологии: обоснование сущности, свойств, структуры и функций документных потоков, их классификация и комплексный анализ выделенных групп, определение и обоснование общих закономерностей и особенностей функционирования документных потоков; системное исследование мирового, национального,

отраслевых потоков и проблемно-тематических микропотоков документов; проведение мониторинга документных потоков; обоснование специфики потоков и массивов управленческих документов и разработка теоретико-методического инструментария их многоаспектного анализа; разработка и реализация моделей документных потоков и массивов.

Заметное место в документологии занимает изучение информационных ресурсов как части документной инфраструктуры обществ. В этом исследовательском направлении целесообразно изучать широкий круг проблем: социальное назначение, структуру и функции информационных ресурсов, принципы и теоретико-методологические основы их организации, сохранности и обеспечения эффективного использования; общее и особенное в организации и использовании информационных ресурсов архивов, музеев, библиотек и органов НТИ; принципы и технологию формирования электронных информационных ресурсов. Межотраслевое значение имеет научно обоснованное решение проблемы обеспечения физической сохранности документов, прежде всего артефактов.

Формирование информационного общества актуализирует комплекс исследований электронных документов в широком значении (электронные публикации и электронная документация). Эти исследования необходимо посвятить следующим основным проблемам: обоснованию закономерностей функционирования электронных документов и их роли в системе коммуникаций; классификации электронных документов и комплексному изучению выделенных групп; анализу структуры, функций, признаков, свойств и сущностных особенностей электронных документов; изучению электронных публикаций – монографий, учебников, журналов, как документной базы электронной библиотеки и перспективных каналов коммуникации; изучению особенностей использования электронных документов основными категориями потребителей информации; изучению баз данных как специфической совокупности электронных документов; теоретико-методическим проблемам формирования системы электронной документации, её классификации и структуризации; теоретическим основам формирования электронных архивов и библиотек; управлению процессами создания, сохранности, распространения и защиты электронных документов; правовым вопросам обеспечения эффективного функционирования систем электронных публикаций и документации; возможности Интернет в организации и активизации использования электронных документов.

Документология призвана решить и широкий круг проблем традиционного (управленческого) документоведения, среди которых: обоснова-

ние сущности, структуры и функций управленческого документа и определение закономерностей и особенностей его функционирования в документной инфраструктуре общества; классификация и типология управленческих документов и комплексный документологический анализ выделенных видов и типов документации, изучение потребностей в управленческих документах и их использования основными категориями потребителей информации; мониторинг потоков и массивов управленческой документации; формирование и обеспечение доступности управленческих баз данных; развитие теоретико-методических основ производства управленческой документации. Предстоит разработать теоретико-методологические основы развития деловодства в информационном обществе.

В исторической части документологии целесообразно исследовать историю нашей науки и документа как её центрального объекта. Особое внимание следует уделить периодизации и историко-документологической реконструкции выделенных периодов и их основных этапов. Важным направлением такой реконструкции является проведение мониторинга развития документологического знания. Представляется целесообразным проведение комплексного исследования артефакта как источника историко-культурной информации.

Историческая часть документологии охватывает и широкий круг проблем исследования истоков и генезиса системы и отдельных каналов документальных коммуникаций. Необходимо разработать периодизацию и осуществить историко-документологическую реконструкцию основных этапов развития документных потоков; проанализировать историю их изучения и влияние на содержание и структуру документных потоков социально-политических процессов; определить сущностные особенности потока и массивов историко-культурных документов.

Целесообразно изучение артефактов и их роли в духовном прогрессе общества, истории библиотечных и архивных собраний и коллекций. Перспективны исследования генезиса носителей информации, истории развития электронных публикаций и документации, разработка критериев и технологии формирования электронных версий историко-культурных фондов библиотек и архивов, обоснование соотношения электронных и традиционных библиотек и архивов.

Следует также изучать историю создания и развития управленческой документации и генезис основных видов управленческих документов; особенности развития управленческой документации на различных этапах развития общества. Необходимо осуществить реконструкцию исто-

рии деловодства и провести анализ его состояния и развития на различных этапах развития общества.

Рассмотрим проблемное поле прикладных исследований, которые оказывают непосредственное влияние на практику. Приоритетными являются: разработка научно обоснованного инструментария управления документацией, стандартизация и унификация деловодных процессов и их технологии в традиционном и электронном форматах.

Исследование документных потоков характеризуется ярко выраженной прикладной направленностью. Их результаты должны быть направлены на разработку стратегии и методик удовлетворения информационных потребностей основных категорий потребителей информации, на обеспечение качественного формирования документных фондов и баз данных, определение информационной ценности универсальных и отраслевых источников информации.

Среди основных прикладных проблем исследования электронных документов выделяются: организация электронного документооборота; стандартизация, унификация и регламентация процессов создания, регистрации, распространения и сохранности электронной документации; теоретические и организационно-технологические основы формирования электронных архивов и библиотек.

Важными прикладными проблемами традиционного документоведения, которые должны получить дальнейшее развитие, являются: развитие государственной политики в сфере деловодства и управления документацией и её законодательное и методическое обеспечение; развитие государственной классификации документации и разработка типологической схемы служебной документации; дальнейшая унификация деловодных процессов и форм служебной документации; развитие научно-методических основ разработки номенклатуры дел и проведения экспертизы ценности служебной документации; теоретико-методическое обеспечение развития систем электронного деловодства.

Инфраструктурный характер деловодства обуславливает его практическое значение для различных отраслей, что является объективной предпосылкой развития отраслевой документологии. Важными условиями развития этого перспективного направления выступают также особенности отраслевых потоков и массивов документов и структура и содержание информационных потребностей пользователей.

Автор выражает надежду, что заинтересованное профессиональное обсуждение данной публикации будет способствовать уточнению и расширению проблемного поля документологических исследований и сохранению целостности науки о документе.

Н.С. Ларьков

НА ПУТИ К ОБЩЕМУ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЮ

В последнее время в документоведческом сообществе всё более глубоко стала осознаваться необходимость создания общей теории документа. К этому подталкивает, во-первых, сама логика становления и развития научных дисциплин, объектом изучения которых является документ, – управленческого документоведения, архивоведения, источниковедения, книговедения, библиографоведения и других. Каждая из них в отдельности достигла к настоящему времени значительных успехов в своём развитии, в том числе в исследовании частных теоретических проблем. Во-вторых, разработка общей теории документа необходима для оптимизации повседневной работы с документами, ибо давно и справедливо сказано, что нет ничего практичнее хорошей теории. Дополнительным стимулом в наши дни стало широкое внедрение в практику электронных документов и электронного документооборота. Наконец, такая теория нужна для более качественной подготовки будущих специалистов в сфере информационно-документационной деятельности, особенно в условиях перехода на двухуровневую систему высшего профессионального образования, сопряжённую с объединением специальностей, созданием новых направлений, в частности, направления «Документоведение и архивоведение», общая теоретическая основа для которых недостаточно проработана.

Проблема создания общей теории документа была поставлена ещё на рубеже XIX–XX столетий, когда более-менее явственно стали проявлять себя отдельные научные дисциплины, занимавшиеся изучением документа, а также рельефно обозначились успехи в развитии информационных технологий, результатом которых стало появление в XIX в. технотронных документов (фото-, кино-, фонодокументов). Однако в тот период, как, впрочем, на протяжении всей первой половины XX в., были сделаны только первые шаги в теоретическом осмыслении документа, заложены первые кирпичики в фундамент общего документоведения.

Развёрнутое строительство общей теории документа началось спустя столетие, на рубеже XX–XXI столетий. К этому времени был накоплен значительный эмпирический материал в рамках каждой из документоведческих дисциплин, проведены достаточно значимые локальные теоретические изыскания. И вновь важным фактором, стимулировавшим общетеоретические разработки, стал очередной революционный рывок в развитии

информационных технологий, появление компьютерных, сетевых технологий, электронных ресурсов. Теперь можно уже говорить о том, что более-менее зримо стали проступать контуры возводимого здания общей теории документа, весомый вклад в строительство которого внесли и продолжают вносить Г.Г. Воробьёв, Ю.Н. Столяров, А.В. Соколов, Е.А. Плешкевич, Н.Б. Зиновьева и некоторые другие, впрочем, пока всё же немногочисленные российские учёные. Весьма серьёзных успехов добились украинские авторы С.Г. Кулешов, Н.Н. Кушнарченко, М.С. Слободяник, Г.Н. Швецова-Водка, белорусский исследователь Ю.В. Нестерович. Появились первые крупные специальные работы монографического характера (хотя и опубликованные в виде учебных пособий) [1]. Озаботились, наконец, этой проблемой и чиновники федерального уровня. Свидетельство тому – выступление на VI Всероссийской научной конференции по архивоведению и источниковедению в июне 2009 г. руководителя Федерального архивного агентства РФ В.П. Козлова и публикация его доклада «Общая теория документа» в журнале «Делопроизводство» [2. С. 3–12].

Однако на пути создания общей теории документа стоит целый ряд барьеров, как объективного, так и субъективного порядка. Одни из них обусловлены трудностями познания окружающего нас мира в целом и огромного мира документов, в частности. Другие вызваны субъективными причинами, замкнутостью многих авторов в рамках отдельных отраслевых направлений документоведения, нежеланием выходить на междисциплинарный уровень исследований.

Одна из главных проблем, остающихся камнем преткновения, заключается в принципиальных расхождениях относительно круга научных дисциплин, для которых и на базе которых необходимо строить общую теорию документа. Ряд авторов, решая эту проблему, ограничивается фактически лишь управленческим документоведением с дополнением (да и то не всегда) архивоведения. Другие добавляют сюда археографию и документальное источниковедение. Третьи выступают за включение в число таких дисциплин всех, так или иначе связанных с изучением документа, в том числе книговедения, библиографоведения, дипломатики, патентоведения, бонистики и т.д.

В основе таких расхождений, как уже многократно отмечалось в документоведческой литературе, лежит разное понимание и толкование документа, хотя все исследователи сходятся в том, что именно документ является важнейшим объектом в теоретических построениях. Однако границы этого понятия, его объём у разных авторов отличаются, порой весьма существенно, в зависимости от более или менее корректного ис-

пользования метода восхождения от абстрактного к конкретному, который нередко попросту игнорируется. В результате для одних документ – это объект, функционирующий главным образом в сфере управления. Другие понимают документ предельно широко, включая в это понятие любую информацию на материальном носителе, в том числе музейные экспонаты, скульптуры и даже коллекции минералов. Между этими полюсами наблюдается множество промежуточных точек зрения, определенных документом.

Своеобразной лакмусовой бумажкой в понимании документа стал вопрос о том, включать ли в это понятие книгу, рассматривать ли её как один из видов документа. И, как следствие, может ли быть построена общая теория документа без учёта книги, а значит, и без использования тех существенных теоретических наработок, которые накоплены книговедением – одной из достаточно солидных информационно-коммуникационных научных дисциплин. Нерешённый вопрос о месте книги в общей теории документа является на протяжении последних десятилетий существенным тормозом в развитии отечественного теоретического документоведения.

Значительная масса специалистов в области управленческого документоведения и архивоведения отказывают книге в её праве быть документом. В частности, В.П. Козлов однозначно предлагает строить общую теорию документа без учёта книги, поскольку документ, по его мнению, принципиально отличается от книги [2. С. 8]. С другой стороны, некоторым книговедам претит сама мысль «поставить книгу в один ряд с «информационными однодневками» [3], т.е. со всеми не книжными видами документов. В результате «традиционные» документоведы, помещая документ в прокрустово ложе сферы управления, так и не ушли до сих пор дальше постановки проблемы создания общей теории документа, а в среде книговедов кипят нешуточные страсти, хотя именно те из них, что демонстрируют широкий социокультурный подход, сумели добиться наибольших успехов в разработке общего документоведения (документологии).

Между тем исключение книги из огромного мира документов не оправдано ни исторически, ни логически. Генетически книга не просто тесно связана, но является плоть от плоти документом. Это, кстати, признаёт и сам В.П. Козлов, мимоходом упоминающий о том, что под книгой «до изобретения книгопечатания подразумевался и архивный документ» [2. С. 6]. В рамках классификации документов книга представляет собой производный, по существу копияльный документ. Кстати, копирование книг-документов было широко распространено и до появления печатного стан-

ка. В Древнем Риме в I в. до н.э. – III в. н.э. тиражи рукописных книг достигали порой 1 000 экземпляров [4. С. 415]. Разумеется, в ряду других видов и разновидностей производных (копийных) документов книга занимает особое место. За многие столетия своего существования и развития книга приобрела и закрепила за собой новые свойства, функциональные предназначения (высококачественное полиграфическое исполнение, товарную функцию и т.п.), значительно отдалившие её, к примеру, от управленческих документов. В результате книга выступает в качестве производного документа, по форме совсем не похожего на авторский оригинал. Отличается также и движение книги в социальном пространстве и времени, поскольку книга, будучи документом опубликованным, изданным или депонированным, предоставляется в общественное пользование через книжную торговлю и библиотеки. Отличия существуют и в правовом положении книги [5. С. 201, 291–292].

Однако, несмотря на существенные отличия, книга вполне подпадает под определения документа, содержащиеся в документоведческой литературе. Как о всяком управленческом и ином документе, о книге также можно сказать, что это социальная семантическая структурированная информация, зафиксированная на материальном носителе созданным человеком способом в стабильной знаковой форме с целью передачи её в социальном пространстве и времени. Качественная определённости книги как документа сохраняется на протяжении столетий, начиная от рукописного времени её бытования и заканчивая современным электронным этапом. Что же касается богатства, внутривидового разнообразия книги, то оно во многом является результатом приспособления, формой существования этого вида документа в постоянно меняющейся внешней социальной среде. Причём появление электронных книг во многом стирает формальные отличия книги от других электронных документов, как в догутенберговский период были слабо различимы по внешним признакам рукописные книги в общем массиве документов. Вполне закономерно, что в последнее время признание книги в качестве документа получило закрепление в федеральном законе «Об обязательном экземпляре документов» и в нескольких ГОСТах. Поэтому любые попытки вынести книгу за рамки общей теории документа приведут лишь к ущербу самой этой теории, равно как не пойдут на пользу и книговедению. Разумеется, детальное изучение книги должно осуществляться в рамках соответствующих специальных документоведческих дисциплин, прежде всего книговедения.

Следует, однако, сказать, что и среди самих сторонников признания книги в качестве документа неоднозначно решается вопрос о её месте

в общей теории документа. Так, Е.А. Плешкевич в рамках разрабатываемой им «документной парадигмы» предлагает заменить сам термин «книга» более точным, по его мнению, термином «диахронный документ», помещая последний в так называемую «диахронную документную систему», функционирующую, по мнению учёного, наряду с двумя другими – оперативной и ретроспективной.

Однако, на наш взгляд, и терминологически, и по существу точнее было бы в данном случае рассуждать об оперативной и ретроспективной *среде бытования* документов, а не о соответствующих документных системах. К тому же предложенная Е.А. Плешкевичем «диахронная система» не может быть принята ни как «система», ни как «среда» бытования «диахронного документа», поскольку книга может бытовать и в оперативной, и в ретроспективной среде, переходить из одной среды в другую, находиться в состоянии покоя либо актуализироваться наряду с другими документами. По справедливому замечанию А.В. Соколова, все документы в известном смысле являются диахронными. В связи с этим Г.Н. Швецова-Водка, соглашаясь с Е.А. Плешкевичем в том, что «существует особая информационно-документационная система, в которой функционируют документы, объединяемые понятием «книга», вполне оправданно полагает, что называть эту систему и соответствующие документы диахронными некорректно [5. С. 74]. Вероятно, в данном случае точнее было бы говорить не о «диахронной документной системе», а о диахронной коммуникации, в которую вовлечены и книги, и другие виды документов.

А вот в чём нельзя не согласиться с Е.А. Плешкевичем, так это в необходимости выбора научной парадигмы при построении общей теории документа. В настоящее время в документоведческой литературе можно встретить несколько теоретических подходов – документный, информационный, «комплексный документально-информационный», информационно-коммуникационный. Они во многом пересекаются, дополняют друг друга. Однако до конца не изжит пока что и узкий делопроизводственный подход. Методологическая ущербность находит своё проявление, начиная от практической «приземлённости» самого понятия документа и заканчивая искусственным ограничением теоретической проблематики, в том числе в учебной литературе по документоведению.

Общее документоведение не может состояться без общей классификации документов. Будучи сложным социокультурным объектом, документ предоставляет богатые возможности для выделения в качестве классификационных оснований самых разных критериев. Главными из них чаще всего становятся информационная составляющая, способ (система)

документирования, знаковые средства фиксации и передачи информации, особенности материального носителя, бытование документа во внешней среде. На основе этих критериев создаются более-менее удачные блоки признаков и фасетно-блочные классификации. Но ни одна из них не может претендовать на универсальность, решая задачу лишь частично.

Возможно ли в рамках общей теории документа какое-либо общее основание классификации документов? Одни авторы скептически относятся к такой постановке вопроса, другие полагают, что возможно. В частности, В.П. Козлов предлагает в качестве такой основы «целевую, т.е. функциональную заданность документа» [2. С. 10]. В одной из своих публикаций он разделил все документы на два наиболее общих класса: «класс документов, регулирующих жизнедеятельность личности, общества, государства и отражающих результаты такого регулирования, и класс документов, отражающих духовную жизнь общества» [6. С. 29]. Однако автор ограничивает свою классификацию лишь четырьмя документоведческими дисциплинами – управленческим документоведением, архивоведением, документальным источниковедением и археографией.

Между тем целевое назначение документов может выступать важнейшим классификационным критерием для всех дисциплин документоведческого цикла, включая книговедение. Действительно, функции документа, будучи предопределены его общественно-практическими целями и задачами, являясь производными от них, оказывают непосредственное влияние на виды, разновидности, структуру документов, на их бытование в социальном пространстве и времени. К тому же функции документа непосредственно связаны с функциями информации, которые документ принимает на себя после фиксации этой информации на материальном носителе.

Каждый документ обладает, как минимум, двумя общими функциями – коммуникационной и регулятивной [7]. Возникновение документа было обусловлено, прежде всего, такой общественной потребностью как необходимость сохранения и передачи информации в социальном пространстве и времени. Коммуникационная функция – это, прежде всего, функция информационного обмена. Поскольку социальная коммуникация охватывает не только социальное пространство, но и социальное время, постольку коммуникационная функция документа представляет собой двуединство коммуникационно-пространственной и коммуникационно-временной функции (последняя иногда выделяется в качестве самостоятельной функции и именуется мемориальной либо функцией сохранения информации). Документ здесь одновременно выступает и в качестве формы существования коммуникации, и в качестве её результата.

Это – динамический коммуникационный объект. Двуединство коммуникационно-пространственной и коммуникационно-временной функции позволяет разделить всё многообразие документов с известной долей условности на оперативные и ретроспективные, находящиеся между собой в состоянии диахронной коммуникации.

Социальная коммуникация не ограничивается только информационным обменом. Одной из целей коммуникации является упорядочение информационных связей между коммуникантами и реципиентами. Будучи информационным взаимодействием, социальная коммуникация включает также и обратную связь. В результате документ как важное средство коммуникации, способствует организации, упорядочению, регулированию этих связей, оказывает влияние на ценностные ориентации, на поведение реципиентов. Иначе говоря, любой документ изначально выполняет также и регулятивную функцию, тесно связанную с коммуникационной.

Регулятивная функция может проявляться как непосредственно, так и опосредованно. Наиболее отчётливое, прямое проявление регулятивной функции документов наблюдается в сфере управления, что исторически обусловило постепенное выделение и формирование огромного массива управленческой документации.

Опосредованное коммуникативное воздействие регулятивной функции документов играет важнейшую роль в обеспечении устойчивости в целом социальной системы. Исторически подобную роль, пожалуй, впервые стали выполнять документы, содержавшие информацию о традициях, верованиях, цементирующих моральные устои, национальное самосознание общества. Такие документы постепенно обособились в отдельный массив, основу которого составили книги, и в наши дни продолжающие играть важнейшую роль в обеспечении устойчивости, самосохранении социума.

Регулятивная функция документов конкретизируется в более частных, специальных функциях, которые лежат в основе исторически сложившихся систем документации. В сфере управления такие системы нередко именуются функциональными, что со всей определённой указывает на их происхождение и занимаемое место. В их числе такие системы как организационно-распорядительная, плановая, информационно-справочная, кадровая, бухгалтерская и др.

Непосредственное проявление регулятивной функции характерно для массива документов, выполняющих правовую функцию. Она заключается в закреплении правовых норм и правоотношений в обществе. На основании правовой функции документы обычно разделяют на правовые акты и документы правовой практики.

Ряд документов обладает политической функцией, также связанной с управлением, поскольку к сфере политики относится в первую очередь деятельность органов государственной власти и государственного управления. Политическая функция находит своё выражение прежде всего в документах, предназначенных для информационного обеспечения внутренней и внешней политики государства. Кроме того, политическую функцию выполняют документы политических партий, различных общественно-политических структур, партийно-политических объединений, блоков, отдельных политических деятелей и т.д.

К политической примыкает идеологическая функция документа. Уже в древности у человека возникла потребность в фиксации на материальных носителях религиозных, философских и иных идей, взглядов, в которых проявлялось его отношение к окружающей действительности, находили отражение интересы различных социальных слоёв и групп населения.

Опосредованное воздействие регулятивной функции также конкретизируется в специальных функциях документов, которые формируют соответствующие системы документации. Среди них познавательная (когнитивная) функция, порождающая многочисленную научную документацию. С познавательной тесно связана образовательная (обучающая) функция, сопряжённая с распространением знаний, морально-нравственных норм, убеждений и т.п. Художественно-эстетическую функцию выполняют главным образом произведения художественной литературы, изобразительного искусства, фото-, кино-, видеодокументы. К художественно-эстетической примыкает досуговая (релаксационная, развлекательная) функция.

Опосредованно регулятивная функция находит свою конкретизацию и в функции исторического источника, которую выполняют прежде всего архивные документы. Как известно, необходимым условием существования человеческого общества выступает знание своего прошлого, накопление информации о жизни предшествующих поколений с последующей её передачей во времени. Сохранённая документированная информация, оказавшись в ретроспективной среде, в дальнейшем актуализируется преимущественно усилиями исторической науки.

Таким образом, функциональная предопределённость документов с большим основанием, нежели другие составляющие (информационная, материальная, знаковая и т.д.), может служить основой для создания иерархической классификации всего многообразия имеющихся в обществе документов, позволяя выделить классы, группы, подгруппы, виды и разновидности документов. При этом следует иметь в виду, что разработка функциональной

классификации сопряжена с немалыми трудностями, хотя бы уже вследствие полифункциональности любого документа. Кроме того, наряду с первичными специальными, ряд документов может быть наделён вторичными, прикладными функциями (например, товарной и др.).

Ещё одной трудностью на пути к общему документоведению является решение вопроса институционального оформления теоретических исследований. Далеко не все документоведы считают возможным и целесообразным выделение общего документоведения (либо документологии) в качестве самостоятельной дисциплины. Некоторые полагают, что более продуктивен «эволюционный способ накопления теоретических знаний, и только лишь после этого институциональное оформление» [8. С. 8]. Между тем, к настоящему времени уже накоплен для этого необходимый теоретический потенциал и назрела необходимость включения общего документоведения в качестве отдельной учебной дисциплины или, по крайней мере, в виде крупного раздела, предваряющего то или иное отраслевое, специальное документоведение. Тем более что такой опыт уже имеется и нашёл воплощение в ряде учебных программ, учебных и учебно-методических пособий [9].

Примечания

1. *Плешкевич Е.А.* Основы общей теории документа. Саратов, 2005; Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги. М.; Киев, 2009.
2. *Козлов В.П.* Общая теория документа // Делопроизводство. 2009. № 3. С. 3–12.
3. См., например: *Низовой Н.А.* Так что же первично: «книга» или «документ»? // Наука о книге. Традиции и инновации: Материалы двенадцатой междунар. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апреля 2009 г.). М., 2009. Ч. 1. С. 263–265.
4. *Мечковская Н.Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М.: Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2009.
5. *Швецова-Водка Г.Н.* Общая теория документа и книги. М.; Киев, 2009.
6. *Козлов В.П.* Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008. С. 29.
7. Подробнее см.: *Ларьков Н.С.* Общие функции документа // Документоведение. Библиотекноведение. Информационная діяльність: проблеми освіти, науки, практики : зб. матеріалів VI Міжнар. наук.-практ. конф., Київ, 19–21 трав. 2009 р. Київ, 2009. С. 11–15.
8. *Плешкевич Е.А.* Проблемы эволюции теоретических положений в дисциплинах документально-информационного цикла (обзор) // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 2009. № 7.
9. См.: *Столяров Ю.Н.* О документологической подготовке бакалавров документно-коммуникационного профиля // Вестник Челябинской гос. академии культуры и искусств. 2008. № 3. С. 13–26.

А.Г. Караваева

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АРХИВЫ
ГЛАЗАМИ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ:
ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Место архивов в меняющемся мире является предметом дискуссии специалистов уже более десятка лет. В связи с разными взглядами на роль архивов в жизни общества актуальной представляется задача изучения представлений об архивах различных групп пользователей архивной информации (в том числе – потенциальных). В данной работе рассматриваются ожидания непрофессиональных пользователей, обращающихся в государственные архивы. При этом государственные архивы видятся в их традиционном понимании, как научные учреждения, комплектующиеся документами постоянного срока хранения, отобранными в результате экспертизы ценности с целью отображения исторического опыта и представляющими социальную и культурную ценность для всего общества. В общественном сознании архивы и сейчас считаются «лабораторией истории», связываются с источниковым обеспечением исторической науки.

На протяжении десятилетий основными пользователями архивов оставались профессиональные исследователи. К ним можно отнести тех посетителей архивов, которые обращаются к документам с исследовательской целью по той или иной научной (правовой) проблеме. Это, прежде всего, ученые-историки, студенты, выполняющие учебные работы. К этой же категории можно отнести краеведов и ряд исследователей, занимающихся сбором прикладной (не исторической) информации. Профессиональные пользователи в целом имеют представление об архивной эвристике, целях и задачах государственных архивов, выдвигают требования в рамках этих целей и задач. Перестроечный и постперестроечный «архивный бум» был инициирован именно интересами профессиональных пользователей, которые в свою очередь отвечали на общественный запрос. В настоящий момент этот бум стабилизировался в устойчивый, спокойный интерес.

Сейчас мы имеем вторую волну интереса к архивам. В архивы обращаются непрофессиональные пользователи, движимые, прежде всего, своими частными, личными интересами или действующие во имя этих интересов (адвокаты). Причины обращения к архивным документам могут быть самые разные – от имущественных до духовных. Непрофессиональные пользователи имеют специфические запросы по отношению к архи-

вам, по своему представляют эту сферу деятельности, отличаются своеобразной информированностью.

Необходимо отметить, что определение пользователей как «непрофессиональных» не несет в себе никакой эмоциональной оценки. Запросы непрофессиональных пользователей столь же реальны, как и требования профессионалов, и то, что на многие их вопросы нельзя дать удовлетворительного ответа – проблема. В конечном итоге – это запросы граждан, которые платят налоги и ожидают, что их потребности будут удовлетворены. Расхождения между ожиданиями и реальностью должны быть артикулированы и осознаны, а ответственность за преодоление этого разрыва распределена.

Показателен в этом плане начавшийся бум частных генеалогических исследований, привлекший внимание к архивам. Не последнюю роль в рекламе таких исследований, породившей завышенные ожидания, сыграли сами архивисты и средства массовой информации. Очевидно, что российское общество атомизировано, а дефицит идентичности до сих пор не удовлетворен. Обращение к семейной истории – это путь к интеграции. Появилось множество агентств, оказывающих комплексные услуги по восстановлению истории семьи, рода. Создаются сообщества лиц (прежде всего на интернет-форумах), которые отлично представляют себе особенности фондов того или иного архива, помогают друг другу, дают консультации новичкам. Можно сказать, что эти непрофессиональные исследователи имеют наиболее реальные представления об архивах, в своих запросах приводят ссылки на исторические события, поисковые данные документов. Однако это – эмпирические знания, без понимания принципов комплектования архивных фондов. В частности, можно услышать обвинения, что документы, отражающие историю той или иной территории, хранятся в другом регионе.

Есть и другая группа непрофессиональных исследователей (как начинающих, так и уже имевших дело с архивами). Их понимание архивов предельно мифологизировано, а отношение может быть как положительным: «на вас последняя надежда, ничего не знаю о своей семье, хочу подтвердить семейную легенду» и т.п.; так и отрицательным: «мы в семье свою историю не сохранили, а в архиве обязаны сохранить, но ничего не дают». Последнее является объективным отражением отношения к истории семьи в условиях коллизий XX в. и апелляция к патерналистского государству в лице государственных архивов вполне понятна, если не справедлива.

Непрофессиональные исследователи воспринимают архивы как территорию тайн, где-то обязательно имеется досье на каждого человека, на семью, род.

Определенная вина в создании такого образа архивов лежит на историках и архивистах.

Вот лишь несколько примеров, отражающих положение дел.

Из запроса в Государственный архив Томской области (ГАТО): «Пишет Вам Иванова Ольга Анатольевна с просьбой помочь мне найти сведения о моем деде – Иванове Михаиле Матвеевиче 1900 г., рожден в Томской губернии. Очень надеюсь, что не откажете мне в просьбе, так как я составляю свою родословную, но о нем ничего не известно родственникам с 1937 г., когда он был арестован. Проживал он тогда в селе Чарыш Алтайского края и был кладовщиком в совхозе. Благодаря Интернету и Книгам Памяти мне удалось узнать, что его арестовали 4 ноября 1937 г. и вынесли приговор «10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет». Мне рекомендовали обратиться в архивы по месту рождения, чтобы найти дальнейшие следы. Вся надежда на Ваш архивный центр и добросовестных его служащих. Меня интересуют такие сведения: 1. Иванов Михаил Матвеевич 1900 г. Томская губерния – конкретное место рождения и дата. 2. Кто родители – полные имена – даты рождения-смерти, откуда родом. Если есть сведения и об их родителях, т.е. дедушках и бабушках моего деда и всех их детях, не сочтите за труд тоже сообщить. 3. Сестры-братья с полными именами и датами рождения-смерти. Если есть сведения, как сложилась их дальнейшая судьба: кто, когда, где женился-вышел замуж, полное имя мужа (жены), сколько детей, полные имена и даты рождения-смерти – тоже прошу сообщить... 5. Все о детях. Я знаю, что их было четверо: Надежда, Лидия, Анатолий (мой отец) и Владимир. Хотелось бы узнать: кто, где родился, т.к. до сих пор не могу найти место, где родился мой отец. Говорят, село Джизак в Киргизии. Но Джизак не в Киргизии, а в Узбекистане. 6. После ареста: где сидел, сколько отсидел, и дальнейшая судьба, куда отбыл и что делал, если известно, так как домой он не вернулся. 7. В случае, если погиб (умер) – когда и где? С нетерпением жду ответа». Такие запросы приходят в ГАТО сотнями, на большую их часть ответить положительно невозможно. Данный конкретный запрос имеет шанс на исполнение (разумеется, не полностью), так как сохранились дела репрессированных, где может быть указано место и время рождения.

Второй пример еще более показателен: молодая студентка 19 лет (родителям около 40, бабушке – за 60) получила задание написать реферат «Моя семья в истории России», бабушка помочь внучке не смогла («ничего не помнит»). По совету преподавателя вуза (sic!) пришла в архив, где попросила выдать ей историю ее семьи.

К архивистам обращаются, желая получить полные сведения о предках: их занятиях, интересах, духовном облике, т.е. о том, что должно являться элементом семейного предания. Все это свидетельствует о глубоком кризисе в преемственности поколений и особой ответственности, которая возлагается на государственные архивы в преодолении этого кризиса.

Реальные возможности восстановления семейной истории, которые государственные архивы могут предложить непрофессиональным пользователям, значительно отличаются от их ожиданий, к тому же сильно варьируются от архива к архиву.

Так, ГАТО ведет свою историю от Томского губернского архива, созданного 170 лет назад. Значительную часть фонда составляют документы губернских органов управления, в том числе своевременно не прошедшие экспертизу ценности (т.е. через 10 лет с момента создания). При организации Томского губернского управления архивным делом (на основании Декрета СНК от 01.06.1918 г.) в нем были сконцентрированы документы ведомственных, церковных, городских управленческих структур, включая документы по личному составу и переписку, документы ревизий и необработанных переписей населения, метрические книги, документы о переселении и ссылке. Первичных материалов обработанных переписей (1897, 1926 и др.) в ГАТО на хранении нет. Состав этих документов позволяет проводить генеалогические и биографические исследования, однако в нем имеются лакуны из-за пожаров и других утрат документов. В результате исследований по этим документам можно установить поименный состав семьи, даты рождения и смерти, наличие собственности. Другие факты биографии восстанавливаются крайне редко (у чиновников – по формулярным спискам, у церковнослужителей – по клировым ведомостям и т. п.).

Проводившаяся в 1920-х гг. экспертиза ценности и последовавшая в 1930-х макулатурная компания привели к ликвидации целых массивов документов, несущих генеалогическую информацию (в частности, исповедальных росписей). В то же время сформировались новые крупные документальные комплексы, несущие информацию о личностях (дела репрессированных, призванных на войну, эвакуированных и т.п.). Фактически, это наиболее поздние по времени массовые документы, содержащие генеалогическую информацию в ГАТО, так как наш архив практически не хранит трудовых историй.

С 1960-х гг. возобладал делопроизводственный принцип комплектования госархивов, личностная информация в поступающих на постоянное хранение документах сведена к минимуму. В ГАТО она содержится в до-

кументах нотариальных контор и решениях горисполкома о выделении земли, жилья (до 2004 г. в Томске не было городского архива с постоянным составом документов).

Следует также отметить, что в ГАТО практически отсутствуют документы XVII–XVIII вв., так как фонды этого периода в 1961 г. были переданы в ЦГАДА (ныне – РГАДА).

Отдельно надо сказать о проблеме базовых для генеалогических исследований документов – метрических книг и актовых записей. Во-первых, в архиве хранятся актовые записи только до 1925 г., актовые записи 1926 г. поступят на хранение из органов ЗАГС в 2026 г., т. е. станут доступными для свободного исследования только через 100 лет с момента создания. Во-вторых, метрические книги неоднократно перераспределялись между архивами на основании изменений в административно-территориальном делении, независимо от их происхождения, в-третьих, многие метрические книги не сохранились, т.е. не поступили на хранение в архив.

Таким образом, состав документов ГАТО позволяет проводить генеалогические и биографические исследования преимущественно за период с конца XVII по сер. XX в., результатом исследований в большинстве случаев является установление фамилии, имени, отчества предка, соотнесение их с датой рождения (бракосочетания, смерти), местом жительства, выявление поколенных связей. Так же относительно легко установить факты репрессий, эвакуации. Однако пользователи, как правило, ожидают значительно большего.

Для успешного поиска в государственных архивах необходимо представлять, что логика формирования документного массива делопроизводственная. Невозможно, пока не будут созданы сколько-нибудь полные полнотекстовые базы данных, найти сведения о человеке только по его фамилии, имени, отчеству; найти сведения по истории здания (квартиры) только по адресу. На постоянное хранение не передаются, как правило, просьбы и заявления о предоставлении жилья, ордера, домовые книги и другие документы регистрации по месту жительства, первичные материалы обработанных переписей населения, истории болезни и т.п. Личные дела (трудовые истории) практически недоступны для биографических поисков, так как хранятся в организациях в течение 75 лет, а в случае ликвидации организации передаются в государственный и муниципальный архив, где информацию из них можно получить, только подтвердив родство.

Налицо разрыв представлений непрофессиональных пользователей о государственных архивах с тем, что они в действительности из себя

представляют. Невозможность удовлетворить запросы пользователей вызывает у последних разочарование в архивах как таковых. Архивисты же вынуждены вести длительную переписку. Очевидно, что ситуацию необходимо исправлять, причем изменения должны быть двусторонними.

Во-первых, необходимо широкое информирование о современном состоянии архивов, их реальных возможностях, задачах деятельности. В первую очередь, такая работа должна вестись с учителями.

Во-вторых, следует уделять особое внимание созданию справочников и баз данных по документам, используемым в генеалогических исследованиях. Речь, прежде всего, идет о метрических книгах и межархивных справочниках.

В-третьих, предстоит большая работа с документами по личному составу, включение их описаний в современные информационно-поисковые системы, облегчение доступа к информации, в них содержащейся.

В-четвертых, при комплектовании архивов можно рассмотреть возможность приема массовых источников, содержащих биографическую информацию, на электронных носителях.

Наконец, и это самое главное, необходимо воспитывать ответственность за сохранение семейной памяти, учить созданию семейных архивов. Организационная форма может быть любая – уроки в рамках школьной программы, лекции, курсы при архивах.

Сами по себе эти меры не ликвидируют обозначенный разрыв между желаемым и возможным, но будут способствовать его сокращению.

Ю.В. Куперт

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Исторические документы – явление социальное. Они возникли как продукт исторического развития, рождённый человеческой мыслью и практикой, в качестве показателя определённого уровня цивилизации, знаменуя новую ступень общественного развития, когда люди переходили от созерцательного осмысления себя в природном комплексе к саморефлексии и самопознанию, связанными с ростом отчуждения общества от природы. Документы стали принадлежать обществу и, благодаря своим создателям, превращались в своеобразное вещественное отражение исторического скачка из царства необходимости в царство свободы. Появление документа – один из показателей зрелости общества на пути развёртывания коммуникации – важнейшего компонента движения истории, рассматриваемой в виде объекта (бытие прошлого), и в субъектном, можно сказать, виртуальном виде (познание исторического процесса).

Но двойственность, присущая истории одновременно как существованию и познанию, создаёт дополнительные трудности в выполнении историей своей главной функции связи между прошлым, настоящим и будущим, поскольку познание исторического процесса порой весьма далеко уходит от признания его реальности. Причины такого разрыва естественны. Это суверенность мышления, многофакторность общественного развития, а также огромные потери элементов исторической памяти в ходе её становления и развёртывания, особенно до появления письменности, когда сохранялись в цепочке времени вещественные исторические остатки, а память включала обилие мифологического материала.

Возникновение истории как неразрывной спутницы общества с неизбежностью привело к появлению естественного желания реконструкции прошлого, чтобы люди могли лучше познать самих себя и найти путь в будущее. Представлялось, что для этого достаточно, как полагал Л. Ранке, «восстановить прошлое, как оно произошло на самом деле», т.е. решить задачу, напоминающую головоломку, поскольку решать её можно только с учётом ещё одной составляющей процесса исторического познания – использования исторических фактов, наиболее полно отражающих объективную реальность истории, но также обладающих двойственностью, поскольку они доходят до потомков в различных формах субъективной передачи сведений о прошедшем в виде сложного конгломерата

событий. Поэтому нередко даже не столь важным представляется само событие, сколько его интерпретация. Скорее всего, именно это стало основанием утверждений, будто история является не наукой, а искусством.

В самом деле, известны творческие актёрские достижения в пьесах на исторические темы, когда заведомо придуманные авторами сюжеты, блестяще представленные актерами, выглядят правдивее истины. Гораздо хуже, когда в роли неудачливого интерпретатора истории выступает, например, человек с историко-архивным образованием, обладающий талантом рассказчика, но не удосуживающийся внимательно и глубоко изучать источники и литературу по теме, и допускающий поэтому множество ошибок, граничащих с фальсификацией истории, что весьма аргументировано доказала профессор О.И. Елисеева, анализируя опусы на исторические темы Э. Радзинского [1. С. 9–112].

В последние годы активно внедряется другая форма «интерпретации истории» – так называемая «альтернативная история», которая часто используется, чтобы прикрыть флёр коммерциализации исторических изысков покрывалом «теоретического» обоснования. В качестве примера можно привести названную научно-популярной, хотя она далека от такого рода литературы, книгу А.К. Гуца «Многовариантная история России» [2].

Исходя из того, что всегда в рамках исторического времени есть варианты альтернативного развёртывания исторического действия, А. Гуц даёт этому удивительное истолкование. Одним из центральных постулатов его позиции является утверждение, что реконструкция прошлого (история) более сложна и недостоверна, чем предсказание будущего; «это самая неподатливая задача» [2. С. 55]. Поэтому восстановлением прошлого можно заниматься, лишь опираясь на «интуиционистскую математику» [2. С. 57], стремясь интуитивно логически выбрать один из возможных вариантов свершившейся истории. При этом подчёркивается несостоятельность отечественной исторической науки, поскольку освещение большей части событий истории России, по мнению А. Гуца, не выдерживает критики, так как над ним поработало время плюс документы, которые менялись, фальсифицировались и приводили исследователей к более или менее общему знаменателю, особенно относительно отдалённой истории. «Прошлое многовариантно вследствие объективной неопределённости самих исторических фактов» [2. С. 62], – утверждает он. Отсюда вывод – искать и находить другие варианты истории. Как быть с источниками, на которые опирается историческое описание? Вместо ответа приводится ссылка на действительно авторитетнейшего историка Я.Н. Щапова, писавшего: «Важнейшим принципом современного источника яв-

ляется требование рассмотрения его в той исторической среде, в которой он возник, в сопоставлении с источниками того же времени, но принадлежащими другим традициям» [3. С. 8]. Всё верно. Тем не менее, далее следует саркастическая ремарка – коль скоро той среды уже нет, то рушится и всё представление об исторических процессах прошлого, особенно связанное с использованием русских летописей и работами русских историков, ибо они, как считал Август Шлёцер, «люди без учёного образования, которые знали только свои летописи, не зная, что вне России существовала история» [4. С. 84]. В качестве выхода из получившегося «исторического тупика» А. Гуц предлагает обратиться к многовариантной истории, которая суть «... теория, отстаивающая реальность множества вариантов отдалённого прошлого, но в силу особенностей человеческой психики «реальным» воспринимается только один» [2. С. 365].

Что же делать с интерпретацией отечественной истории? Вывод сводится к тому, что таковой просто нет: «*Подлинная история России – это совокупность всех вариантов истории России, известных нам и ещё неизвестных, ненаписанных, и подчас противоречащих друг другу*» [2. С. 35–36] (выделено в тексте автором цитаты – Ю.К.). Как видим, происходит специфическое использование действительно имеющей место альтернативности истории. Налицо только забвение того, что история может быть историей, только будучи процессом исторической *деятельности*, а не результатом мыслительных конструкций. Без понимания того, что история – деятельность, она утрачивает историзм, свою суть. Бытие людей перестаёт быть историческим. Поэтому попытки внедрить в историческое познание запрограммированную предопределённость, провиденциализм, умозрительно созданную многовариантность, поиски смысла и цели истории вне её, неизбежно ведут к «концу истории». Смысл история имеет, если источник её развития находится в ней самой. Человек, как деятельный субъект истории и источник социальных изменений, есть конечная цель истории, а человеческая деятельность – универсальный принцип истории, которой нет вне этой деятельности. Так выглядит реальный исторический процесс. Он к тому же инвариантен, поскольку из множества альтернатив, возможных вариантов исторического движения реализуется только один. *Terzium non datur*. Хотя постоянно возникают разные альтернативы развития или упадка, в сложной системе общественных отношений нет однолинейной зависимости одних событий от других, складываются многие факторы и причины будущего движения, можно заранее проследить господствующие тенденции. При всей непредсказуемости будущего его создают люди и, опираясь на исторический

опыт, могут даже многое предвидеть. Поэтому столь важно отношение к истолкованию прошлого, его интерпретации. Но делать это следует осторожно. Совершенно прав был Ч.П. Сноу, английский историк и писатель, утверждавший в качестве ценнейшего постулата научного сообщества верность истине и непримиримость к ошибкам, даже случайным: «...Если ложные утверждения будут прощать, если мы не будем бороться с ними всеми имеющимися у нас средствами, наука утратит свою единственную добродетель – истину... Ложные утверждения, при каких бы обстоятельствах они ни были сделаны, должны караться как можно более сурово» [5. С. 266–267].

Таким образом, интерпретация истории, связанная с личностью исследователя и господствующими в обществе представлениями об окружающем мире, с исторической деятельностью людей, свойственными им ментальными предпочтениями и другими моментами субъективного свойства, является тонким механизмом. Учитывая, что в истории есть случайность и сознательный выбор, который представляет собою важный элемент исторического процесса, что правильный выбор связан ещё и с социально-психологическим фактором чувства истории, содержанием которого, образно говоря, является связь с прошлым наряду с ответственностью за будущее, правильная интерпретация истории имеет очень важное значение.

Примечания

1. *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История России в мелкий горошек. М.: Мануфактура – Единство, 1998.
2. *Гуц А.К.* Многовариантная история России. М. – Спб.: Полигон, 2001.
3. *Щапов Я.Н.* Археографическая методика исследования памятников древнерусского права // Методика изучения древних источников по истории народов СССР. М.: Наука, 1978.
4. Цит. по: *Коялович М.О.* История русского самосознания. Минск, 1997.
5. *Сноу Ч.П.* Поиски. М., 1964.

ЧАСТЬ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ. СИСТЕМЫ И КОМПЛЕКСЫ ДОКУМЕНТОВ В ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ МНОГООБРАЗИИ

Г.Н. Швецова-Водка

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ ИЛИ ДОКУМЕНТОЛОГИЯ: КАК НАЗЫВАТЬ «НАУКУ О ДОКУМЕНТЕ ВООБЩЕ»

Остроту вопроса о названии науки о документе неоднократно подчёркивал Ю.Н. Столяров, в том числе в новейшей публикации [1]. Главным аргументом в пользу замены названия общего документоведения на документологию выдвигается стремление к устранению полисемии, когда одним и тем же термином называют разные учебные и научные дисциплины.

Такая аргументация представляется убедительной. Действительно, если в одном и том же учебном плане или в ряде родственных специальностей существуют две дисциплины с одинаковыми наименованиями, но разным наполнением, то одна из них должна быть переименована. И термин «документология» для названия «науки о документе вообще», без сомнения, вполне подходит. Заметим, что семантика терминов «документоведение» и «документология» в принципе равнозначна; особенности применения этих терминов зависят только от исторических обстоятельств их появления и последующего утверждения (или забывания, как это случилось с документологией).

Как известно, термин «документология» был предложен классиком «науки о документе вообще» Полем Отле. Однако наряду с ним, в качестве синонима, П. Отле применял термин «документация», который и стал более употребляемым в последующие годы, вплоть до последних публикаций международных стандартов по «информации и документации». Исходя из указанных реалий, мною в начале 90-х гг. XX в. для обозначения общей науки о документе было принято название «документационно-информационная наука» [2]. Судя по недавним публикациям Е. А. Плешкевича, это название поддерживается до настоящего времени [3].

В связи с тем, что в наши дни термин «документация» в русско-украинской документоведческой терминологии приобрел конкретное, узкое значение (как совокупность неопубликованных документов), его применение в указанном выше значении становится нежелательным. По-видимому, следует вернуться к термину «документология». Однако возникает вопрос: является ли документология только наукой о документе или же комплексом (циклом) наук, изучающих различные процессы деятельности в системе документальных коммуникаций? В понимании Поля Отле документология была именно комплексом наук. И сейчас часто говорят собирательно о науках «документально-коммуникационного цик-

ла». Может быть, именно этот цикл наук и следует называть документологией, а название «документоведение» оставить непосредственно для науки о документе, которая, в свою очередь, может быть дифференцирована по объекту и предмету изучения [4]? Такое соотношение понятий документология и документоведение представляется достаточно научно обоснованным.

О допустимости названия «документоведение» для «науки о документе вообще» свидетельствует и тот факт, что в начале 1990-х гг. Ю.Н. Столяров применил это название для учебной дисциплины, вводимой в план подготовки библиотекарей-библиографов. Его предложение было поддержано, дисциплина закрепилась в учебных планах специальности, а её содержание постепенно стабилизировалось, во многом благодаря учебнику Н.Н. Кушнаренко [5]. Вводный курс, знакомящий студентов с проблемами «документоведения вообще», можно было бы назвать «Введением в документоведение» или «Общей теорией документоведения», «Общим документоведением» или выделить «Теорию документа» и «Историю документа».

Существует еще ряд аргументов практическо-прагматического свойства (может быть, характерных только для Украины) против формального переименования документоведения в документологию. В частности, в Украине введена учебная специальность 7.020105 «Документоведение и информационная деятельность». Судя по её учебному плану и наполнению программы, в этой специальности идёт речь о документоведении в широком значении. Одновременно студенты данной специальности изучают «управленческое документоведение», что позволяет «разойтись» двум документоведениям в названиях.

Среди научных специальностей Украины документоведение представлено только в сочетании с архивоведением. Однако проблематика документоведения как науки допускает изучение общих проблем теории документа [6], а в состав специализированных учёных советов по защите соответствующих диссертаций включаются специалисты по любым проблемам документоведения.

Таким образом, приведенные аргументы свидетельствуют о возможности «широкой» трактовки документоведения без его переименования в документологию. Вместе с тем термин «документология» должен быть возвращен в научную терминосистему как обозначение совокупности дисциплин документально-коммуникационного цикла, имеющих общую методологию.

Однако, учитывая тот факт, что в практическом применении научных идей довольно часто приходится идти на компромиссы, чтобы избежать неплодотворных дискуссий и столкновений, можно предложить следующее решение: название «документоведение» оставить за традиционным документоведением (по преимуществу управленческим), тесно связанным с архивоведением. Соответственно, учебную специальность такого направления именовать «Управление документационными процессами и архивное дело» (под «документационными процессами» в данном случае понимаем работу с неопубликованными документами, или документацией).

Учебную специальность «Документоведение и информационная деятельность» переименовать в «Документалистика и информационная деятельность», имея в виду, что документалистика – это область практической деятельности, охватывающая любые документы. Известно, что документалистика понималась не только как наука, изучающая документ, но и как практическая деятельность по сбору, хранению, обработке и использованию документов. Термин «документалистика, документалистская деятельность» мог бы заменить «документационную деятельность» в широком значении, как практическую работу с любыми документами. В этом случае придётся отказаться от использования термина «документалистика» для обозначения науки. Есть и другой вариант: *практическую* деятельность по созданию, обработке, хранению, использованию любых документов назвать «документивной деятельностью» (вместо «документационной»), или «документивистикой», а специалиста – практического работника – называть «документивистом». Соответствующую *научную* специальность, в которой предполагается изучение практической работы с любыми документами, именовать «Документология и информология», включив её в научное направление «Социальные коммуникации». Может быть, таким образом удастся избежать многозначности понятия «документоведение» и ввести, наконец, документологию в сферу научной деятельности.

Если документоведение в широком значении будет названо документологией, то, возможно, следует подумать о том, чтобы переименовать документологию, как она трактуется в нашем понимании, т. е. как комплекс научных дисциплин. Наиболее подходящим для замены видится термин «документономия», который пока что не применяется ни в каких значениях. Почему бы не назвать им цикл наук, изучающих систему документальных коммуникаций во всех её разновидностях и составных частях? Хотя, конечно, поначалу новое название, а особенно его производные (например, «документономические дисциплины»), режет слух.

Может быть, использовать уже известное название науки, изучающей документ в широком значении, – документалистика? Не слишком ли рано мы «похоронили» документалистику как науку [см., например: 8, 9]? Её понимание на современном этапе может быть изменено кардинальным образом. В этом случае придётся отказаться от применения термина «документалистика» для обозначения практической деятельности, а ввести, как сказано выше, новое название – «документивистика».

В конце концов, названия наук – это результат договоренностей, конвенций. Главное – чтобы каждая наука определила своё место в общем научном знании.

Примечания

1. *Столяров Ю.Н.* Признание термина «документология» как способ преодоления полисемии, или чем документоведение отличается от ... документоведения // Соціальні комунікації в стратегіях формування суспільства знань : матеріали міжнар. наук. конф. 26–27 лют. 2009 р. / Харк. держ. акад. культури, Акад. мистецтв України, Ін-т культурології. У 2-х ч. – Х.: ХДАК, 2009. Ч. 1. С. 25–29.

2. *Швецова-Водка Г.Н.* Определение документа в документационно-информационной науке. Л., 1991. 44 с. Препринт / Б-ка Акад. наук СССР; № 12.

3. *Плешкевич Е.А.* Многоликий Янус документоведения // Науч.-техн. информ. Сер. 1, Орг. и методика информ. работы. 2004. № 12. С. 9–11.

4. *Швецова-Водка Г.Н.* Место документоведения в системе наук // Науч. и техн. информ. Сер. 1, Орг. и методика информ. работы. 2008. № 2. С. 10–13.

5. *Кушнарченко Н.Н.* Документоведение : Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Знання, 2000. 459 с.

6. *Кулешов С.* Проект концепції розвитку документознавства в Україні // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство : міжвід. зб. наук. пр. / Укр. наук.-дослід. ін-т архів. справи та документознавства [та ін.]. К., 2007. Вип. 9. С. 80–100.

7. *Столяров Ю.Н.* О дисциплинах общепрофессионального и специального блока в проекте учебного направления «Библиотечно-информационная деятельность» // Науч. и техн. б-ки. 2004. № 4. С. 13–9.

8. *Столяров Ю.Н.* Взлет и падение документалистики // Науч. и техн. информ. Сер. 1, Орг. и методика информ. работы. 2005. № 3. С. 1–3.

9. *Плешкевич Е.А.* Формирование документной парадигмы // Науч. и техн. информ. Сер. 1, Орг. и методика информ. работы. 2005. № 10. С. 19–22.

Ю.В. Нестерович

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ «ОБЩЕНАУЧНОГО» ПОНЯТИЯ ДОКУМЕНТА

На статус «общенаучного понятия», обозначаемого термином «документ», претендует ряд смежных по содержанию понятий, соответствующих «широкой» трактовке (как понятия информации, зафиксированной на материальном носителе для её передачи во времени и пространстве, с целью обращения в динамической информационной системе и т.п.). Вместе с тем, в ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 представлена «узкая» трактовка документа. Несомненно, что определение понятия документа в данном стандарте даётся в рамках документоведения.

Н.С. Ларьков отмечает, что именно перед документоведением «стоит важная задача – дать наиболее точное, обобщающее определение понятию «документ». Он разъясняет: «определения понятия «документ» в различных науках имеют существенные отличия». Подытоживает, что данное понятие «вобрало в себя такие наиболее существенные характеристики как информационное предназначение, наличие материального носителя, а также ряд функциональных аспектов». Принимает «широкую трактовку» документа как «информации, закреплённой на материальном носителе в стабильной знаковой форме созданным человеком способом для её передачи во времени и пространстве». Заметим, что приведённое определение раскрывает только технический аспект документа как продукта деятельности с закреплённой информацией (ПДЗИ), функционирующего в общественной жизни. Раскрытие социального аспекта документа предполагает характеристику его как «продукта общественного развития», перечисление выполняемых им функций – управленческой, правовой, статистической, политической и других [1. С. 47–48, 54–61]. В ГОСТ Р 51141-98 устанавливается синонимия терминов «документ» и «документированная информация».

Г.А. Двоеносова считает целесообразным вместо термина «документ» употреблять термин «информационный ресурс», определяя при этом первый термин как «форму организации и представления информации, обеспечивающей её достоверность и юридическую силу» [2. С. 51]. Тем самым она ратует за «узкую» трактовку документа. Приведённое определение расплывчато, вследствие расплывчатости используемого в определении термина «информация». Н.С. Ларьков чётко поясняет, что «именно социальная информация связывается с понятием документа» [1. С. 47]. Часто в законодательстве (например, в законах Республики Беларусь «Об информа-

ции, информатизации и защите информации» 1995 г. и 2008 г.) и в научной литературе термин «информационный ресурс» употребляется в значении совокупности инфомассивов в *автоматизированных* информационных системах. В соответствии с таким употреблением, термин «информационный ресурс» противоречиво обосновывать в качестве «нового собирательного термина, объединяющего все объекты с документированной информацией» [2. С. 51].

«Широкая» трактовка документа ведёт к противоречиям, проявляющимся и в «двойной» идентификации ПДЗИ. В частности, в рамках источниковедения в качестве типов письменных исторических источников выделяют повествовательные и документальные источники (напр.: [3]), либо повествовательные, дидактические документальные источники [4]. Если придерживаться «широкой» трактовки документа, то ПДЗИ, выступающие повествовательными, дидактическими документальными историческими источниками, следует характеризовать как «документы». А документальные исторические источники, кроме того, следует идентифицировать и как экс-правовые документы, относя их тем самым к определённому виду документов – правовых документов. Подобная трактовка противоречит принятому в рамках документоведения значению термина «документация» как совокупности *служебных* документов, касающихся определённого аспекта деятельности учреждения/организации, мероприятия, сотрудника и т.д. Если даже не ограничивать понятие документации признаком принадлежности к служебным документам, а рассматривать документацию как совокупность документированной информации, т.е. информации «используемой в процессах управления» [5. С. 68], то и в этом случае документация не формируется из любых ПДЗИ.

Мы в статье [6] и в монографии «Экспликация базисных понятий документоведения и инфософии» [7] придерживаемся «узкой» трактовки документа. Рассматриваем документ как одноуровневый с правовым актом, документальным и нарративным материалами ПДЗИ, функционирующий в общественной жизни. Уточняем понятие документа в рамках документологии (общего документоведения) как доступный для восприятия индивида ПДЗИ, выполняющий оперативные служебные функции (либо имеющий служебную значимость) в деятельности учреждений/организаций, созданный (либо составленный, оформленный, заверенный, санкционированный) в учреждении/организации, выполняющий оперативные регламентационно-регулятивные, договорные, декларативные, удостоверительно-подтвердительные функции в социодетальности (и «шире») – в общественной жизни). Предложенная дефиниция не означает редукцию понятия до-

кумента к понятию официального документа. К документам относятся учрежденческие документы и ПДЗИ, выполняющие определённые (наиболее значимые) оперативные функции в общественной жизни. Как документы следует идентифицировать и ПДЗИ, предназначенные для выполнения соответствующих функций, созданные вне учреждения, но заверенные должностными лицами (в т. ч. единственным должностным лицом), прежде всего тестаменты (завещания).

Элиминация «общенаучного» понятия документа, соответствующего «широкой» трактовке его, предполагает, соответственно, и снятие этой трактовки. Вместе с тем «узкая» трактовка документа допускает «общенаучное понятие» документа. Такое допущение предполагает дифференциацию и интеграцию термина «документ» и вне её невыполнимо. При «широкой» трактовке документа термины «архивный, библиотечный, исторический, электронный документ» и т.д. выступают обозначениями видовых понятий по отношению к понятию документа. При «узкой» трактовке документа данные термины выступают образованными от конструкта (протопонятия) документа как ПДЗИ, предназначенного для передачи во времени и пространстве. Термин «документ» при этом не выступает общим собирательным термином. Но востребован в смежных с документоведением научных дисциплинах для разграничения его содержания от содержания приведенных терминов. В свете эксплицированного документологического понятия документа использование термина «документ» в качестве усечения терминов «архивный, библиотечный, исторический, научно-технический документ», имеющее место в рамках архивоведения, библиотековедения, библиографоведения, книговедения, источниковедения, археографии, информатики, становится неприемлемым. Возникший в связи с распространением компьютерных информационных технологий термин «электронный документ» носит интегрированный характер. Им обозначают как понятие электронной записи – зафиксированных и сохраняемых в электронной среде цифровых данных, так и понятие электронного ПДЗИ – сохраняемых в электронной среде и репрезентированных цифровых данных, непосредственно используемых в социальной деятельности. Кроме того, он используется для обозначения понятия вида электронного ПДЗИ, т.е. ПДЗИ, имеющего атрибутом электронную цифровую подпись (либо её аналог) и другие реквизиты, придающие ему юридическую силу.

Эспликация понятия документа, соответствующая его «узкой» трактовке, порождает проблему терминообозначения теоретического объекта познания, выступающего общим по отношению к объектам, обозначае-

мым терминами «документ», «архивный, библиотечный, исторический, музейный, электронный документ». Вполне достаточным, на наш взгляд, было бы разрешить её не образованием общего понятия, выступающего родовым по отношению к понятиям, обозначаемым перечисленными терминами, а исходя из конструкта ПДЗИ, служащего предпосылкой образования данных понятий.

Примечания

1. *Ларьков Н.С.* Документоведение: Учеб. пособие. М.: АСТ; Восток–Запад, 2006.
2. *Двоеносова Г.А.* Вопросы теории документоведения сквозь призму подготовки специалистов // Делопроизводство. 2007. № 1.
3. *Грицкевич В.П., Каун С.В., Ходин С.Н.* Теория и история источниковедения: пособие для студ. гуманит. факультетов. Минск, 2000.
4. *Каишанов С.М.* Актовая археография. М., 1998.
5. *Ларин М.В.* Управление документацией в организациях. М., 2002.
6. *Нестерович Ю.В.* Некоторые вопросы теории и терминоведения археографии, связанные с интерференцией содержания понятий // Беларускі археаграфічны штогоднік. Минск, 2009. Вып. 10.
7. *В качестве* печатного издания монография выходит в Минске в 2010 г.

Е.А. Плешкевич

**ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ДОКУМЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
«ПРОДУКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
С ЗАКРЕПЛЁННОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ»**

Одним из основных направлений теоретического развития документальной науки является построение общей теории документа. Последние пять лет исследованию теоретической сущности документа посвящены работы белорусского историка, археографа и документолога Ю.В. Нестеревича. В итоговой работе [1] он изложил новую документологическую концепцию «продукта деятельности с закреплённой информацией» (ПДЗИ). Предпосылками её разработки стала, по мнению автора, неудовлетворительность обоснования понятия «документ» в документоведении и практике делопроизводства, закреплённого в стандартах и законодательных актах [2]. В результате он поставил задачу выработки оптимальной дефиниции понятия «документ», соответствующую его экспликацию, опираясь на метод корреляции содержания понятия документ с содержанием соответствующих понятий в других специальных научных дисциплинах, таких как археографическая публикация, исторический источник, текст документа, текст исторического источника, а также исходя из соотнесения дефиниций понятий «документ» и «документоведение».

Неудовлетворенность теоретической разработкой понятия «документ» и связанных с ним других базовых понятий объясняется противоречивостью теоретического документоведения. И это вторая причина разработки новой концепции. Причина противоречий, по мнению Ю.В. Нестеревича, кроется в смешении двух теорий (подходов). Он считает, что документоведческая теория документа исходит из трактовки и документа, и текста как информации, что она рассматривает документ в его информационном и материальном единстве, опираясь на трехкомпонентную структуру документа (текст, реквизиты, материальный носитель). Документалистика, абстрагируясь от носителя информации как второстепенного аспекта изучения информационных образований, систем и процессов, представляет документ как документированную информацию, составными компонентами которого является информация и метаинформация. Смешение конструктов информации и текста, документа и информации, сообщения и текста документа, информации и текста, очевидно, –

отмечает он, – делает невозможным непротиворечивое построение теории документа [1. С. 28–29].

Данное утверждение, мы полагаем, нуждается в комментарии. Во-первых, ни теория документоведения, ни документалистики не достигли уровня развития, позволяющего сделать подобные выводы. Во-вторых, что касается соотнесения понятий документа и текста, то, как нам представляется, документ это форма организации информационного процесса, в рамках которого текст – это одна из форм представления информации, наравне с изображением и звукозаписью. Таким образом, они не противоречат друг другу, поскольку отражают различные аспекты и используются в теоретических построениях именно в контексте соответствующего им аспекта. Что касается утверждения о том, что документоведение рассматривает документ как статическое явление, а не как процесс, то приведенный выше авторский вариант определения документа как единицы процесса свидетельствует, что он увязывает сущность документа с процессом делопроизводства. Таким образом, предпосылки, выступающие обоснованием для разработки новой теории, выглядят малоубедительными. Вместе с тем объективные причины, побуждающие дальнейшее теоретическое исследование сущности документа, безусловно, есть. Сегодня уже стало очевидным, что раскрыть сущность явления, обозначаемого как документ, возможно лишь выйдя на более высокий уровень теоретического обобщения, раскрывающего содержание понятия «документ» как проявление более сложного информационного явления. До сих пор таким явлением выступала информация, ее материализованная форма. Однако сложность данного научного понятия, его многоаспектность и многозначность требуют поиска «промежуточного» понятия, охватывающего многообразие форм материализованной информации, к числу которых относится и документ как одна из таких форм.

Анализ дефиниций понятия «документ», предлагаемых Ю.В. Нестеровичем, показывает эволюцию его представлений как о теоретической сущности документа, так и о методологии поиска этой сущности. Автор пытается определить документ не столько через раскрытие его структуры (хотя это тоже имеет место при определении документа как документированной информации с реквизитами), сколько через выявление информационного явления или объекта, частью которого выступает документ. Таким теоретическим понятием стал ПДЗИ.

Концепция ПДЗИ была призвана «оптимально коррелировать содержание понятий документа, текста, произведений и различных понятий, обозначаемых термом элементом «информация». Сущностной её чертой

в рамках документологии, по его мнению, выступает то, что она базируется не на теории документа, а на теории процессов, осуществляемых с помощью ПДЗИ, а также на классификации не документов, а ПДЗИ. В качестве базисного положения рассматриваемой концепции лежит процесс закрепления информации. К данному понятию автор концепции приходит через анализ понятия фиксирования (фиксации) информации как конструкта, получаемого методом идеализации. Понятие «фиксации» информации пришло из документалистики для обозначения процесса связи информации и материального носителя. Фиксирование (запись), т.е. перенос семантической информации на материальный носитель, играющий роль запоминающего устройства, осуществляется в виде букв и цифр, электромагнитных импульсов, пробивок, световых и цветовых сочетаний, разной формы штрихов.

В рассматриваемой концепции данное понятие получает дальнейшее развитие, через сопоставление процессов фиксирования и записи, а также их результатов. Фиксирование информации определяется автором как «процесс, в основе которого лежит прием сигналов (иначе – получение сообщений), их преобразование и закрепление на специальном материале и в техническом устройстве (материал и устройство, вследствие участия в этом процессе, становятся материальными носителями информации), нанесение и закрепление на них знаковконтинуумов» [3. С. 48], а «запись информации как процесс деятельности, в основе которого лежат прием сигналов, их преобразование, и закрепление их фиксаций на специальном материале, в техническом устройстве (материал и устройство, вследствие участия в этом процессе, следует характеризовать как материальный носитель информации), нанесение на МНИ знаковконтинуумов (текстов, графических изображений, символов) и одновременное закрепление их посредством некоторого агента информации (например, краски, клея)» [5. С. 140]. Разница между процессами фиксации и записи лишь в том, что запись определяется как процесс деятельности, в остальном, как нам представляется, определения совпадают. В социокommunikациях, отмечает автор, используется процесс записи. В качестве доказательства приводится пример, что след на песке, оставленный человеком, в том случае, если он не является результатом акта деятельности, неприемлемо характеризовать как результат записи информации.

В отличие от понятия «фиксирование информации», – пишет Ю.В. Несерович, – посредством понятия «документализация» удаётся охватить всевозможные информационно-документальные процессы, представляющие собой как фиксирование информации, так и фиксирование мыслительной

деятельности индивидов, и составляющие основу производства различных продуктов культурной деятельности (создание документальных фильмов, книг, музейных экспонатов и т.д.) [4. С. 51]. В результате фиксации информации образуется «запись», тогда как документализации – «документал».

Процесс документирования информации определяется Ю.В. Нестеровичем по-разному. В одной из своих работ, «отталкиваясь от обобщения процессов и аспектов практики делопроизводства», он рассматривает документирование, как «создание информации для выполнения ею определенных служебных функций». При этом процесс включения результатов документирования в документационную систему учреждения определяется как «документизация». Термин «документированная информация», по его мнению, следует интерпретировать «как обозначение информации, создаваемой для выполнения определенных, главным образом, оперативных служебных функций, и документизации, являющейся результатом оформления произведенной записи, иначе – результатом составления текста документа и оформления других элементов его формуляра – реквизитов» [6. С. 44–45].

Не вполне понятно, к какому процессу отнесён процесс записывания информации – к документированию или документизации, но судя по высказыванию – ко второму. Поскольку всякий коммуникационный процесс происходит посредством тех или иных форм коммуникации, то под документированием им понимается формирование коммуниката информационно-управленческого (административного) характера, под «документализацией» – коммуниката информационного и «мыслительного» характера, а под документизацией – соответствующее их письменное и иное оформление.

В другой работе Ю.В. Нестерович меняет содержание понятия «документирования», предлагая определять его как «процесс создания документированной информации посредством нанесения на специальный материал или техническое устройство знаков континуумов – текста, символов, изображений (составляющих текст и реквизиты документа), закрепления на нём фиксации сигналов» [3. С. 53]. Результатом документирования выступает «предмет деятельности с текстом/изображением, предназначенный для выполнения служебных функций. В случае его включения в документацию учреждения он наделяется статусом «документа», в случае не включения – «документона», который определяется как недокументизированный результат документирования. Фальсифицированные

документы, а также просроченные и вышедшие из документооборота документы он обозначает как «псевдодокументы».

Ю.В. Нестерович указывает на различие между процессами фиксации информации, с одной стороны, и документированием и документализацией – с другой, поскольку последние, по его мнению, «включают не только фиксирование, но и, как правило, аналитическую и синтетическую обработку записи» [3. С. 52]. Иными словами, разница в том, что документ и документал содержат не запись информации, а сведения и данные. В другой своей работе он оперирует терминами «документ» и «документальные материалы», которые он трактует как запись либо предмет деятельности с документальной информацией, предназначенную для выполнения общественно значимых функций и используемую в процессах общественной жизни [4. С. 144]. В той же статье в примечании он предлагает обозначать документальные материалы как документаты. Если такая запись либо предмет включены в документационно-информационную систему учреждения/организации, то они функционируют в качестве документа.

Как нам представляется, фиксация информации и её разновидности могут быть рассмотрены в двух аспектах: техническом и информационном. С технической точки зрения мы имеем дело не с информацией, а с физическим процессом и его модуляцией. Мы полагаем, что в основе модуляции может лежать как код, так и программа, определяющая порядок модулирования процессов естественного отражения, в результате которого модулируется некоторая структура физического процесса или явления как частного случая процесса (электромагнитные и воздушные волны, процесс светоотражения). Использование в процессе модуляции некоего кода позволяет рассматривать данную физическую структуру в качестве информационной структуры. Таким образом, информационный аспект заключается в том, что структура данного физического процесса модулируется нами для представления семантической информации на основе некоторой заданной программы. В качестве примера можно привести окраску стены и надпись, сделанную теми же красящими средствами на той же стене. Окрашенную стену мы идентифицируем как физический процесс нанесения вещества, имеющего определенные характеристики светоотражения, которые мы воспринимаем как определенный цвет. Окрашенная часть стены обладает лишь структурной информацией о структуре красящего вещества. Во втором случае мы идентифицируем «частично» окрашенную стену не как физический, а как информацион-

ный процесс, где физическая структура на основе письма как модуляции и букв алфавита как кода организована для представления семантической информации. Процесс фиксации информации традиционно определяется как закрепление во времени и пространстве. Такое определение явления фиксации мы считаем необходимым, но недостаточным. Мы полагаем, что фиксация информации это процесс обеспечения физического процесса, выполняющего роль носителя информации, энергетическим потенциалом, позволяющим сохранять заданную в процессе модуляции структуру. В конечном итоге она обусловлена энергетическим потенциалом носителя информации. В случаях с волновыми носителями их энергетический потенциал не позволяет сохранять структуру длительно; в случае с материальными носителями ситуация иная. Поэтому процесс фиксации имеет место всегда, но при этом имеет место и процесс так называемого «рассеивания», в ходе которого разрушается структура физического процесса и происходит утрата её информационной составляющей.

В этом контексте след на песке есть лишь результат процесса физического взаимодействия тела и песка, иными словами мы имеем дело с явлением отражения. Другое дело, если след оставлен как знак, т.е. заранее был задан некий код, на основании которого была осуществлена модуляция, тогда его структура, благодаря модуляции и коду приобретает информационное семантическое значение.

Информационный процесс, как известно, имеет место в биологической и социальной природе. Мы, безусловно, можем предложить термины, разграничивающие эти явления. Но вот идея разграничения процессов фиксирования информации и фиксирования «креативной мыслительной деятельности индивидов», и как их результат – разграничение записи и «документала» нам представляется дискуссионной. Запись, содержащая любую информацию, так же как и «документал» являются результатом социального информационного процесса. Что касается противопоставления понятий «запись», «сведения», «данные», то вряд ли оно возможно, поскольку предложенные термины отражают различные аспекты информационных явлений. Так, понятие «запись» свидетельствует о том, что имело место записывание (дискретное модулирование) информации с помощью заранее определенного репертуара символов (кода). Понятие «записи» логически связано с понятием «регистрации», в ходе которого фиксируется непрерывный физический процесс (аналоговое модулирование). Понятие «сведения» характеризует тот факт, что информационное сообщение имеет определенную структуру, понятие «данные» является

производным от понятия «сведения», и указывает на следующую степень семантической переработки сведений.

Другим важным положением выступает определение документа и других информационных объектов в качестве ПДЗИ. В рамках тех источников, с которыми мы ознакомились, автор не дает определения ПДЗИ, однако использование в качестве его синонима термина «фиксант» [1. С. 29] позволяет рассматривать его как обобщающее для обозначения фиксированной на материальном и/или энергетическом носителе информации. В зависимости от специфики субстрата социоинформации, средств его создания и закрепления он выделяет пять уровней фиксантов.

В рамках классификации ПДЗИ документы, по его мнению, выступают разрядом, выделяемым при классификации фиксантов в соответствии с критерием выполняемых фиксантом специфических функций в общественной жизни [1. С. 32]. В данном контексте документ рассматривается как ПДЗИ, выполняющий оперативные служебные функции в деятельности учреждений, оперативные нормотворческие, нормативно-правовые, нормативно-инструктивные, специализированно-регулятивные, удостоверительно-подтвердительные, манифестирующие функции в общественной жизни. К другим классификационным разрядам он отнес документальные и нарративные материалы, правовые акты. Разница между документом и записью состоит в выполняемых ими функциях.

Существенным шагом вперед можно считать поиск «наддокументального» термина, объединившего документные, протодокументные, а возможно, и иные формы материальной организации информации. Насколько данный термин способен стать таковым, покажут его дальнейшая разработка и научная критика.

Достаточно спорным выглядит утверждение автора о том, что применение в документационной науке иерархических классификаций ведёт к противоречиям. Иерархические классификации, направленные на выявление сущности документальных явлений, в отличие от типологических, в задачу которых входит максимально широкий охват и учет эмпирических аспектов документных форм, являются более сложными. Они, в отличие от типологических классификаций, возникают на достаточно высоком уровне теоретического знания. Противоречивость современных иерархических классификаций свидетельствует о недостаточной разработанности сущности явления и как следствия – классификационных признаков.

В заключение можно сказать, что появление концепции ПДЗИ связано с поиском сущностных основ документальных явлений, направленных по

поиск «звена», связывающего информацию и документ. В качестве методологического основания выбран комплексный синтаксическо-функциональный подход. Однако проведенный анализ концепции не позволяет, на наш взгляд, наделить её качеством непротиворечивости. Что же касается решения задачи экспликации понятия «документ», то по нашему мнению, выбор ПДЗИ в качестве экспликата возможен, если автор сумеет обосновать его способность раскрыть существенные черты документа как явления, определяющие его теоретическое и прикладное использование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Нестерович Ю.** Концепция и классификация продуктов деятельности с закреплённой информацией // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань. Київ : Четверта хвиля, 2009. Вип. 3. С. 28–39.

2. **Нестерович Ю.В.** Этюд по экспликации понятия документа в рамках документоведения // Документация в информационном обществе: административная реформа и управление документацией: Докл. и сооб. на 11-й Междунар. науч.-практ. конф. 23–25 нояб. 2004 г. / Росархив. ВНИИДАД. М., 2005. С. 337–347.

3. **Нестерович Ю.** К построению логически непротиворечивой теории документа // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань : Зб. наук. прац. Київ, 2007. С. 46–54.

4. **Нестерович Ю.В.** К построению теории документа: корреляция понятий записи, документа и документального материала // Документация в информационном обществе: управление документацией как сфера профессиональной деятельности : док. и сооб. на 14-й Междунар. научн.-практ. конф. 20–21 нояб. 2007 г. / Росархив. ВНИИДАД. М., 2008. С. 137–148.

5. **Нестерович Ю.В.** Эскизы по экспликации понятия документированной информации // Документ в системе социальных коммуникаций: Сб. мат. 3-й Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участием. Томск: ТГУ, 2008. С. 43–45.

С.В. Силков

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ПО ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЮ
И УПРАВЛЕНИЮ ДОКУМЕНТАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ
И ЗНАНИЯМИ**

Исследования в области формирования, систематизации, описания норм (кодификации) и стандартизации терминологии документно-коммуникационной сферы являются важной научной проблемой прежде всего потому, что результаты происходящих в этой сфере трансформаций напрямую отражаются в её терминосистеме. Поэтому для повышения эффективности и устойчивости социальных коммуникаций и управления критически важен постоянный процесс нормализации профессиональной терминологии.

Нормативные правовые акты (НПА) СССР, вводившие терминологию в ДОУ, не учитывали принятую международным сообществом терминологию, содержащуюся в модельных законах, конвенциях, хартиях, рекомендациях, стандартах и т.д. Принятие новых НПА Беларуси, в т.ч. Закона РБ «Об информации, информатизации и защите информации» [1], приблизило национальную терминологию к международной, но одновременно и трансформировало традиционно используемые понятия, которые, будучи заимствованными из смежных областей, приобрели новые свойства.

Корректно разработанная система терминов и понятий, чётко построенная и логически обоснованная терминосистема фундирует успешное решение базовых вопросов, связанных с научно-методической организацией государственного управления. В странах-лидерах в области ИТ все более распространяется практика включения терминологических словарей в локальные НПА организаций. Однако создатели документов, не обладая всей полнотой информации о правильности применения того или иного термина, допускают практические ошибки в применении действующей терминологии, что ведёт и к серьезным правовым последствиям. Таким образом, назрела необходимость создания интеллектуальных терминологических информационных ресурсов (ИТИР), которые: стали бы легитимным средством фиксации терминологии, накопления научных знаний и общения профессионалов; предоставляли бы полную информацию для выбора и правильного использования нужного термина (сведения о терминах и допустимости их использования, правовом статусе терминов и документах, их устанавливающих, и др.); смогли бы стать научной основой стандартизации терминосистем.

В мировой практике расширяется изучение теоретических основ функционирования и технологий применения управления документальными процессами и знаниями (УДП). Катализатор этих процессов – информатизация сферы управления, а также расширение сфер применения электронных документов и электронного документооборота. Важность исследований в области УДП, в т. ч. терминологических, обусловлена необходимостью повышения эффективности управленческих процессов и менеджмента информацией и знаниями в различных организациях.

Об активном формировании терминосистемы УДП свидетельствуют результаты анализа формирования и эволюции её понятийного аппарата: выявлены многочисленные трактовки и разные теоретические точки зрения на базовые понятия, неустойчивость отдельных категорий. Решение терминологических проблем сферы УДП эффективно влияет на практики работ с документами, и, в конечном итоге, на управление организацией в целом, поэтому в сфере УДП наиболее жёстко необходимы их конкретизация и однозначности, т.к. речь идет о масштабной форме коммуникации, от эффективного функционирования которой зависит обеспечение жизнедеятельности обществ.

Внедрение ИТ во все сферы жизни обществ активизирует работу международных организаций по принятию стандартов (законов) по регламентации электронного документирования, электронного документооборота и УДП, а также по унификации терминологии. Обогащение национальных терминосистем иностранной лексикой серьёзно испытывает действующий терминологический фонд на системность: неверные толкования (переводы) заимствованных иностранных терминов, часто встречающиеся в научной литературе, лишь одно из наиболее опасных явлений при нормировании научной терминологии как средства коммуникации; из-за примирения с алогизмом заимствованных иноязычных терминов можно оказаться в Вавилонской башне [2. Р. 158]. Но не меньшую опасность представляет и пренебрежение терминологией. Так, в новой Инструкции по делопроизводству в государственных органах и организациях РБ [3] полностью отсутствует раздел «Термины и определения». Все вытекающие отсюда последствия профессионалы легко представят.

В конце XX – начале XXI в. сформировались теоретические основы терминоведения областей знаний, смежных с ДООУ. Новые термины и понятия, проанализированные в научных трудах по документоведению, архивоведению, информатике и др., расширили терминологию УДП: в научный оборот были введены понятия, характеризовавшие содержание УДП – «жизненный цикл документа», «документационная система», «метаданные» и др. Основной предпосылкой теоретических работ по терми-

нологии документально-коммуникационных наук стала насущная необходимость уточнения её содержания, нормирования, введения в оборот терминов и понятий как ядра терминосистемы и отправной точки дальнейших теоретических исследований.

Разработка терминологических словарей и стандартов (в т.ч. международных) содействовала качественному скачку в теоретических исследованиях по терминоведению и становлению отраслевых дисциплин (так, Э.И. Ханпира ввёл понятие «архивоведческое терминоведение», которое исследовало проблемы интеграции понятий смежных научных областей и информационных наук [4]).

Терминоведческие исследования в документоведении и УДП дали возможность проработать теоретические и исторические аспекты проблем комплексности и системности терминологии, её становления и эволюции, формирования терминосистем, заимствования в терминосистемах, терминографии (как теории, методологии и практики составления терминологических словарей) и др.

Активное применение спектра теорий и практик смежных областей знаний фундировало развитие теории УДП и её терминологии, а обоснование системной концепции УДП дало возможность включить УДП в документально-коммуникационные науки, исследовать её терминологию с точки зрения междисциплинарных связей. С радикальным обновлением и расширением круга представлений о базовых терминах теоретические исследования в области терминологии документально-коммуникационной сферы вышли на принципиально более высокий уровень.

Терминология УДП включают понятия, относящиеся к процессам создания, оформления, систематизации, поиска и пользования управленческими документами, поэтому условно она может быть разделена на:

1) базовые понятия (информация; документированная информация; документ; служебный документ; информационная система; доступ; данные; документирование; информационный менеджмент; служебное лицо, управляющее документацией);

2) понятие отдельных видов документов и их носителей (оригинал; копия; проект; выписка; протокол; отчёт; дело; диск; магнитная лента; магнитный диск; дискета; оптический диск);

3) термины и терминосочетания, которые определяют учреждения, их структурные подразделения, осуществляющие информационную и документационную деятельность, основной функцией которых являются хранение и обработка документов (ведомственные архивы; текущие документы; полуактивные документы; документы, которые уже не имеют практической цен-

ности; документы правительственных учреждений; центры документации; канцелярия; общий отдел);

4) понятия, раскрывающие процессы УДП и их средства (экспертиза ценности документов; критерии ценности документов; перечни документов со сроками хранения; передача документов в архив и изъятию их для уничтожения; опись документов; контрольный словарь; классификация; тезаурус; индексирование; хранение; промежуточное хранение; электронный документ) [5. С. 118].

Кроме того, УДП взаимодействует со смежными областями знаний, использует их достижения, поэтому её терминология расширяется за счет заимствованных терминов и понятий. Так, помимо основной группы терминологии «чистого» делопроизводства, терминосистема УДП включает и архивную терминологию, поскольку делопроизводство активнее всего взаимодействует с архивным делом.

Созданный автором настоящей статьи междисциплинарный «InfoLio&Rec» зарегистрирован в РБ как «Информационно-поисковые и справочные системы»; рубрицирован как «Государство и право. Юридические науки» [6]. Он сформирован из 8 900 терминов с соответствующими определениями (толкованиями, разъяснениями) на основе анализа состояния науки и ИТ, (технических) НПА (законов, директив, стандартов, руководящих документов и т.д.) международных организаций, РБ, России и др. стран, иных источников по документоведению и УДП; пространства Мира хранения (библиотеки, архивы, музеи, их конвергенция); менеджмента знаний; информационного права, технологий и безопасности в государственном управлении (электронное правительство); смежных областей знаний. Языки «InfoLio&Rec» – русский, белорусский, английский. Ведётся работа над включением терминологии на немецком, украинском и французском языках.

Актуальность создания «InfoLio&Rec» диктуется:

– многообразием терминологических аппаратов указанных областей; необходимостью их упорядочения и нормализации;

– отсутствием полных терминологических словарей в этих областях, а также единой информационной системы, предоставляющей полную информацию о терминосистемах указанных областей;

– существенными расхождениями в толковании наукой и практикой ряда терминов;

– необходимостью гармонизации национальных терминосистем с терминологией международных сообществ, закрепления новых терминов и очищения терминосистем от устаревших терминов.

Основная цель «InfoLio&Rec» – системная поддержка процессов нормализации профессиональной терминологии, т.е. научно-методическая помощь в установлении непротиворечивой и однозначно понимаемой терминологии по направлениям формирования ИТИР. В состав целей также входит возможность дать значение определённого термина, а также нормативную и справочную информацию к деятельности пользователя, связанной с объектами и процессами, стоящими за терминологией. На основе «InfoLio&Rec» возможна разработка и (или) корректировка специализированных БД, классификаторов, справочников, но не подмена уже существующих.

Достижение основной цели предполагает: выявление всего многообразия терминов указанных предметных областей; отделение терминов определённой предметной области от терминов смежных областей знания; выявление факторов воздействия и результатов влияния на терминосистему; определение состава необходимых и достаточных терминов для развития предметной области; установление иерархий понятий; чёткую дефиницию терминов; проверку обоснованности полисемии и синонимии терминов; устранение нарушения правил общего и специального языка.

Стандарты, руководящие документы, регламенты и т.д. (технические НПА по правовому классификатору РБ) являются важнейшей формой накопления знаний: в них зафиксированы апробированные методологии (решения), они являются основным средством обеспечения совместимости информационных систем, особенно в Internet-сообществах. Поэтому основными источниками формирования «InfoLio&Rec», содержащими терминологию в сфере информации и документации, стали: международные стандарты ISO, ISO/IEC, Типовые Законы и стандарты СНГ (в первую очередь СИБИД); Типовые Законы UNCITRAL об электронной коммерции и электронных подписях; аналогичные Директивы Евросоюза; Указы Глав государств, Кодексы и Законы, Постановления Правительств, национальные стандарты РБ и РФ; локальные НПА (инструкции, правила, регламенты и т.д.), регулирующие вопросы организации работы с документами, составления и оформления документов в госорганах; рекомендательные и методические документы, отражающие специфику организации работы с отдельными массивами документов в организациях различных форм собственности; терминологические словари и справочники, Интернет-ресурсы; подготовленные на их основе автоматизированные БД, охватывающие термины из области документоведения, УДП, информатики и права; работы методического и рекомендательного характера; научные труды и учебно-мето-

дическая литература. Особое внимание уделено работам Н.С. Ларькова [7], Е.А. Плешкевича [8], Н.Н. Кушнарченко [9], Г.Н. Швецово-Водка [10].

Но ни один из указанных источников не может претендовать на полный и последовательный охват терминосистем по всем направлениям формирования ИТИР. К тому же большинство средств фиксации терминосистем в указанных областях неполны и непоследовательны.

Так, в области УДП в ИТИР включены базисные термины «документ», «управление документами», а также термины, входящие в терминосистемы следующих направлений указанной области: документ в социокультурных средах; классификация и виды (официальных) документов; документирование (порядок, средства, способы); структура документа; носители документной информации; системы документации; формы и методы организации работы с документами; управление документооборотом; оперативное хранение документов в организации; использование документов; организация работы с документами ограниченного доступа; ДОУ (нормативное регулирование; унификация и стандартизация; ИТ; организация службы; совершенствование).

Для предметных областей, где ещё не существует базисных терминологических словарей, в ИТИР будут включаться, в том числе, терминоряды, предлагаемые ключевыми специалистами в данной области.

Каждый ИТИР должен позволять осуществлять поиск терминов с использованием ключевых слов, тематических категорий, сущностей, документов, а также способствовать выбору термина на основе представления полной информации о нём. В «InfoLio&Rec», если пользователь не смог найти необходимой терминологии, он может выйти на рекомендованные автором ИР Интернет или на работы ключевых специалистов по терминоведению и направлениям формирования словаря. Информацию о «InfoLio&Rec» см. на <http://www.silkov-s-v.nagod.ru>. В состав рекомендуемых ИР входят юридический словарь терминов на Национальном правовом портале РБ, тематический глоссарий русского языка, Оксфордский и Вебстерский словари и др.

Материалы учебных курсов документоведческих и др. дисциплин включают большой объем специальной терминологии. Опыт преподавания этих дисциплин выявил существенные сложности процесса освоения терминосистем:

– ограниченность во времени, обычно отводимом учебными планами на предметы, объёмные по материалу и глубокие по уровню необходимости их осмысления. На аудиторных занятиях фактически отсутствует возможность систематического освоения терминосистемы;

– нехватка современных учебных пособий, справочников и словарей, которые были бы рассчитаны на самостоятельную работу с целью получения учащимися достаточных знаний в области терминосистем изучаемых дисциплин и учитывали бы особенности их будущей профессиональной деятельности;

– традиционность изложения учебных материалов: затраты времени на лекции «под запись» не позволяют уделять достаточного внимания анализу содержания формулировок определений терминов. К тому же каждая тема учебных курсов включает десяток и более «единиц терминологии», а по мере изложения материала происходит рост их количества.

Решить такие проблемы имеющимися изданиями невозможно: они недоступны из-за малых тиражей, морально быстро устаревают, а в иностранных изданиях не учитывается правовая специфика РФ. Поэтому возникает необходимость внедрения ИТИР в учебные процессы: сложность в запоминании формулировки в данном случае будет компенсироваться наличием чётких образов (моделей) определений и обновлением их в памяти.

Система обучения терминологии по направлениям формирования «InfoLio&Rec» включает терминологию на различных языках, перечень сокращений и специальных обозначений. Предлагаемая технология обучения терминологии основана на выделении для каждого термина словаря группы терминов, которые составят тезаурус-микрословарь, поддерживающий иерархию терминов, связи между ними и (или) определенные операции – поиск более общих терминов, более узких, взаимосвязанных, и т.д.

Современные библиотеки, архивы, музеи (БАМ) стали необходимым инструментом менеджмента знаний (knowledge management, КМ). Имплементации КМ в БАМ позволяют разрабатывать их общую базу знаний (БЗБАМ), необходимость создания которой диктуется ростом проблем с терминологией, с интегрированием потоков документов в единое информационное пространство, с использованием, комплектованием, учетом, обеспечением сохранности документов и созданием научно-справочного аппарата.

Проблемы, для решения которых необходимо создание БЗБАМ:

– концентрация и оперативный доступ в нужное время и в нужном месте ко всему накопленному и (пере)распределенному эффективному опыту профессионалов по решению однотипных проблем, возникающих в БАМ, а также по совместному применению всех ресурсов отраслей.

– гармонизация междисциплинарных рядов терминологий и терминосистем, создание скомплексированных терминологических стандартов, тезаурусов, словарей;

– УДП: управление внутренней и внешней организационно-распорядительной и другой документацией; изучение единой среды (реальной и виртуальной) обращения документов всех видов на основе общих методов изучения; извлечение формализованных знаний;

– (пере)обучение: управление квалификацией работников, организация обмена мировым и национальным опытом, взаимной поддержки и помощи при совместном обучении, приобретения устойчивых навыков совместных действий и совместного применения всех полученных знаний, общения, сокращение периода пополнения знаний и адаптации работников, подготовка специфических знаниевых упаковок, включающих в себя, в т.ч., терминологию и «методики, технологии, процедуры, руководства, письма, новости, слабоформализуемые сведения о читательской аудитории и ее информационных потребностях» [11. С. 10–15].

Базисные функции БЗБАМ:

– точное формулирование вызревших проблематик и путей поиска релевантных знаний (к примеру, методики выполнения библиографических запросов любой степени сложности) (процессы интернализации);

– оперативное удовлетворение информационных потребностей пользователей – обеспечение выборок из всех (внешних и внутренних) хранилищ знаний (книги, документы, инструкции, регламенты, сообщения, интервью), сортировок по проблематикам, выявление прецедентов и (или) аналогов, поиск различных готовых решений (идей, точек зрения) и др. (процессы экстернализации);

– оценивание явных знаний (процессы интермедиации);

– совместное применение знаний (процессы когитологии).

Базисом же конвергенции БАМ является общий для них объект фондообразования – документ.

На основе «InfoLio&Rec», содержащего БАМ-терминологию, возможно построение структурированной фактологической среды БЗБАМ. Одной из моделей логического вывода в БЗБАМ на основе такой фактологической среды является индуктивный вывод, адекватный для получения на основе принципиально неполной информации наиболее вероятного результата («предвосхищение будущего» в результате интеграции прошлого неявного, тацитного опыта).

Реализация БЗБАМ даст существенный импульс системному переходу к целостным КМ-технологиям на уровне интеграции гуманитарных, естественно-научных и технических знаний, однако для решения проблем, возникающих при разработке тезаурусов и нормативных БД необходимо

также проработать и правовой статус нормативной базы культуры, основанный на единой терминологии, конвертировании существующих БД в гармонизированные между собой форматы интегрированных систем (национальных и всемирных) по культурному наследию, а также на общих стандартах описания форматов данных и знаний для БАМ.

Терминология каждой науки, сферы деятельности отображает богатство профессиональных знаний [12. С. 31], поэтому терминология УДП важна не только для работников, обрабатывающих управленческую документированную информацию, или разработчиков НПА, но и для языка исследователей, развивающих теоретические основы УДП. Вследствие этого «InfoLio&Rec» может быть использован:

- госслужащими, работниками библиотек, архивов и т.д., специалистами в области управления информационными системами и УДП;

- исследователями при выработке единой терминологии; студентами, аспирантами, преподавателями при обучении терминологии, новым моделям, технологиям, подходам;

- в качестве основы для построения структурированной фактологической среды базы знаний сферы БАМ и др. сфер;

- при получении справок по различным вопросам, ориентировании в процессах документооборота в различных организациях; определении смыслового значения терминов и переводе их с разных языков; расшифровке и объяснении сокращений, специальных обозначений; поиске необходимых сведений по терминам, сокращениям и специальным обозначениям; подборке статей для создания докладов, обзоров, справок.

Вследствие широты охвата современной терминологии «InfoLio&Rec» будет трансформироваться в сеть взаимосвязанных ИР базовой терминологии: «Документ и книга: терминология», «Управление документами: терминология», «Пространства Мира хранения (библиотеки, архивы, музеи): терминология», «Менеджмент знаний: терминология», «Информационные технологии, право и безопасность в государственном управлении. Электронное правительство: терминология» и др.

Проблемы терминологии нуждаются в расширении исследований. И только привлечение достижений высококвалифицированных специалистов разных областей научных знаний и сфер практики станет залогом нахождения ответов на неотложные проблемы сообществ.

Примечания

1. **Закон РБ** «Об информации, информатизации и защите информации» от 10.11.2008 № 455-3 // Нац. реестр правовых актов РБ, 2008.
2. **Duchein M.** A propos de la terminologie archivistique // La Gazette des Archives. 1965. № 50.
3. **Постановление** Министерства юстиции РБ «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в государственных органах и организациях РБ» от 19.01.2009 № 4 // Национальный реестр правовой информации РБ, 2009.
4. **Ханпира Э.И.** Некоторые вопросы терминоведения в связи с подготовкой «Словаря современной архивной терминологии социалистических стран» // Актуальные проблемы архивоведения и документоведения. Естественнонаучные вопросы архивного дела. М, 1981. С. 142–154.
5. **Поплавський М.М.** Керування документальними процесами: загальні питання термінології // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань: зб. наук. праць / Київ. Нац. ун-т. культури і мистецтв: ф-т державного управління. За заг. ред. В.В. Бездрабко. Київ. 2007.
6. **Свидетельство** о включении энциклопедического электронного web-словаря современной терминологии «InfoLio&Res» в Государственный регистр информационных ресурсов РБ от 12.01.2009 № 1100900613.
7. **Ларьков Н.С.** Документоведение: Учеб. пособие. Томск, 2005.
8. **Плешкевич Е.А.** Основы общей теории документа. Саратов, 2005.
9. **Кушнарченко Н.Н.** Документоведение: Учебник. 7-е изд., стер. Київ: Знання, 2006.
10. **Швецова-Водка Г.Н.** Общая теория документа и книги. М.: Рыбари; Київ, 2009.
11. **Крымская А.С.** Управление знаниями – перспективная технология для библиотечно-информационных работников // Научн. и техн. биб-ки. 2005. № 9.
12. **Калишевич З.Е., Назин И.С., Смоктунович Л.Л., Сирченко Л.Г.** Советская архивная терминология // Сов. архивы. 1969. № 1.

В.А. Савин

АРХИВНОЕ ФОНДОВЕДЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ

Фондоведения как комплексной, междисциплинарной научной дисциплины нет. В различных, родственных архивному делу, гуманитарных сферах деятельности теоретические проблемы фондов разрабатываются самостоятельно, подчиняясь потребностям практики.

До настоящего времени документальные фонды [1] различных служб информационных ресурсов, к числу которых относится и Архивный фонд России [2. Ст. 3], развиваются обособленно. Сложились и складываются специфические теории и технологии формирования и использования фондов библиотек, органов научно-технической информации, книжных палат, региональных комитетов по печати, музеев, выставочных учреждений, фирм, предприятий и организаций, действующих изолированно, без должной связи друг с другом, хотя направленность их, по сути, одинакова – удовлетворение информационных потребностей каждого человека, всего общества и государства.

Пытаясь раскрыть сущность документного потенциала системы информатизации общества посредством изучения документальных фондов, наиболее целенаправленно и продуктивно проявила себя наука библиотековедение. С начала 1980-х гг. в рамках библиотековедения развивалось библиотечное фондоведение, что позволило не только расширить круг теоретических проблем библиотечных фондов, но сделать выводы обобщающего, междисциплинарного характера [3–6].

Опираясь на достижения своей науки, библиотековеды предприняли попытки выявления и интеграции проблематики всех видов документальных фондов различных информационных служб, рассматривая их как систему документной информации, циркулирующей в обществе [7].

Уделяя особое внимание сущности термина «документный фонд» библиотековедение характеризует его как систематизированную совокупность документов, подобранных информационным учреждением в соответствии с его профилем, целевой установкой, организация которых подчинена задачам их временного или вечного хранения и использования. Такое определение, с некоторыми оговорками, применимо и к архивным фондам [2. Ст. 3]. При этом предлагается понятная для архивистов формула: документ = информация + материальный носитель информации.

Вводимое в оборот понятие «документное фондоведение», однако, носит несколько зауженный, на наш взгляд, характер, так как представляется в качестве научной области, изучающей и разрабатывающей рекомендации по построению системы документных фондов. Это естественно, так как главное место в документном фондоведении занимает технология формирования документных фондов специализированных информационных служб, состоящая из системы общих для всех технологических процессов: моделирование фонда, комплектование, учёт, обработка, размещение, хранение и использование документов.

Документоведение является научной дисциплиной, сформировавшейся на базе архивоведения. Оно возникло как результат осознания архивистами значения хорошо организованной в учреждениях документации для качества архивного фонда и получило самостоятельное значение [8. С. 4]. Однако эту науку, несмотря на генетическую близость с архивоведением, давно введённое понятие «документальный фонд» [9. С. 6] не интересует даже в свете проблем взаимосвязи и преемственности делопроизводства и архивного дела как основы формирования Архивного фонда России [10. С. 32–38]. И хотя документоведение признает наличие документального фонда страны [11, 12], научной разработке этот термин не подвергался. Понятие «фондоведение» для документоведения чуждо.

Требования, выдвигаемые современными информационными технологиями и их продукцией, неотвратимо приближают документоведение и архивоведение к «электронному фондоведению» [13–15]. Открывающиеся перспективы «минимизации» документированной информации ставят на повестку дня необходимость кардинального пересмотра процедуры отбора документов на государственное хранение. Имеющиеся принципы и критерии экспертизы ценности документов, направленные на максимальное сокращение документального фонда в ходе трансформации его в архивный фонд, выглядят анахронизмом на фоне вполне доступных технологий работы с электронными документами. Много десятилетий преследующая практику архивного дела «проблема архивной полки», вынуждавшая архивоведение разрабатывать схемы «свертывания» информации (поглощённость, дублетность, дифференциация и т. д.), умирает естественной смертью. Появляется реальная возможность постоянно хранить документальный фонд без малейших изъятий.

Современные условия диктуют необходимость развития теоретического фондоведения не только для адекватного взаимодействия архивоведения и смежных с архивным делом гуманитарных наук и дисциплин. Практическая потребность в повышении эффективности деятельности

государственных архивов по формированию и организации Архивного фонда РФ, развитию и совершенствованию его коммуникативных связей с обществом и государством настойчиво указывают на необходимость развития «архивного фондоведения» в качестве научной дисциплины, обеспечивающей развитие теории и практики архивного дела.

Для успешного становления архивного фондоведения усилиями архивоведов нескольких поколений созданы благоприятные условия. Основательно разработана история проблемы [16] и ее зарубежные корни [17, 18], создан значительный теоретический потенциал [19, 20], активно разрабатываются научные проблемы, связанные с историей и современным состоянием Архивного фонда РФ [21–23], в значительной мере обобщен колоссальный опыт государственных и ведомственных архивов по фондированию архивных документов [24–26].

Как уже отмечалось в архивоведческой литературе, без ясного понимания того, что должен представлять собой конечный результат формирования архивных фондов организаций и граждан, какие общественные потребности удовлетворяет получаемая в итоге совокупность признанных ценными документов, работа по формированию общенационального Архивного фонда становится бессистемной и негармоничной [27].

Примечания

1. В *библиотечном* деле применяется термин «документный фонд».
2. *Федеральный закон* «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. // Отечественные архивы. 2005. № 1.
3. *Терешин В.И.* Библиотечный фонд. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУКИ: ИПО «Профиздат», 2000.
4. *Государственная политика* в области сохранения библиотечных фондов: Материалы совещания / Сост. С.А. Добрусина. Ред. Э.Г. Вершинина и др. Всерос. совещание руководителей федер. и центр.б-к субъектов РФ. СПб: Рос.нац.б-ка, 2000.
5. *Столяров Ю.Н.* Сто лет библиотечного фондоведения // Науч. и техн. б-ки / ГПНТБ России. 2001. № 6. С. 16–48.
6. *Российское библиотековедение: XX век.* Направления развития, проблемы и итоги: Опыт монографического исследования / Б.Н. Бачалдин, А.Н. Ванеев, Ф.С. Воройский и др. Сост. Ю.П. Мелентьева. М.: Фаир-пресс, 2003 и др.
7. *Терешин В.И.* Документные фонды: Учеб. пособие для студентов информационных специальностей вузов России. М., МГУКИ, 1997.
8. *Сокова А.Н.* Документоведение и его роль в исторической науке и управленческой деятельности // Делопроизводство. 2004. № 4.
9. ГОСТ 16487-83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М., 1984.
10. *Демушкин А.С., Ковш Л.А.* Взаимосвязь и преемственность делопроизводства и архивного дела как основы формирования Архивного фонда Российской Федерации // Делопроизводство. 1999. № 2.

11. *Ларин М.В.* Управление документацией в организациях: проблемы истории и методологии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 51.
12. *Ларин М.В.* Государственное регулирование делопроизводства в России: история и современность // Делопроизводство. 2002. № 1. С. 3.
13. *Дроков С.В.* Современные возможности экспертизы ценности и учёта электронных документов в организациях // Отечественные архивы. 2003. № 5. С. 26–32.
14. *Тихонов В.И.* Методология экспертизы ценности электронных документов нуждается в развитии // Там же. С. 33–37.
15. *Сокова А.Н.* Электронный документ и электронный архив // Делопроизводство. 1999. № 1. С. 6–10.
16. *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 3–20 и др.
17. *Старостин Е.В.* Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М., 1997.
18. *Старостин Е.В.* Происхождение фондового принципа классификации документов // Советские архивы. 1988. № 6. С. 18–28 и др.
19. *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001.
20. *Автократов В.Н.* О разработке типологии фондов, коллекций и других документальных комплексов, хранящихся в государственных архивах // Тр. ВНИИДАД. М., 1974. Т. 5, ч. 2. С. 3–28 и др.
21. *Савин В.А.* «Хранить нельзя уничтожить». Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР–СССР. 1918–1950-е гг. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000.
22. *Савин В.А.* Архивный фонд Российской Федерации как объект познания. Историко-графический аспект // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 21–28.
23. *Савин В.А.* Государственный архивный фонд России: генезис понятия // Отечественные архивы. 1999. № 1. С. 27–38 и др.
24. *Елпатьевский А.В., Химица Н.И.* Фондирование документов современных организаций в государственных архивах России // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 35–43.
25. *Шабанова Т.Е.* О некоторых проблемах фондирования документов Архивного фонда РФ // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 30–33.
26. *Шабанова Т.Е.* История и практика фондирования документов Архивного фонда Российской Федерации // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 28–34 и др.
27. *Черешня А.Г.* Стратегия формирования Архивного фонда Российской Федерации // Отечественные архивы. 2003. № 5. С. 21.

В.С. Боброва

У ИСТОКОВ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

Представление о документоведении, как о междисциплинарном научном направлении, уже не вызывает сомнения [1]. Более того, в свете современных научных тенденций можно утверждать, что динамично развивающееся документоведение в настоящее время фактически приобретает признаки фундаментальной науки. Разработки в сфере происхождения, эволюции, свойств, функций, структуры документа и закономерностей развития документационных систем, документных коммуникаций и технологий являются безусловной теоретической основой для таких прикладных и тесно связанных с практикой дисциплин, как архивоведение, источниковедение, библиотековедение, музееведение и др.

Обращаясь к вопросу о возникновении документоведения в России, следует отметить его тесную связь с развитием архивоведения в советский период отечественной истории. Именно в процессе выработки основ и реализации идеи централизации архивного дела, поиска оптимальных методов и источников комплектования государственных архивохранилищ, разработки принципов экспертизы ценности документальных материалов была осознана необходимость в более глубоком изучении феномена документа. Начавшая осуществляться в Советской России централизация архивного дела вскоре обнажила потребность в максимально рациональной организации всего документооборота как предварительной стадии подготовки материалов, отложившихся в результате деятельности тех или иных субъектов, к архивированию.

Современными учёными установлено, что термин «документоведение» появился в советской научной литературе в 1943 г. [1. С. 17], и это не случайно. К этому времени относится научная постановка проблемы комплектования Государственного архивного фонда (ГАФ), наиболее чётко прозвучавшая на заседаниях научного совета Управления государственными архивами (УГА) НКВД СССР 6 и 11 августа 1943 г. В центре внимания участников заседаний находился доклад члена научного совета УГА, кандидата исторических наук Д.С. Бабурина «О научных принципах и практических задачах по комплектованию Государственного архивного фонда». Д.С. Бабурин выступил с инициативой создания в УГА специального научного центра с целью разработки вопросов научно-исторической экспертизы документов.

Актуальность проблемы выработки научной основы для комплектования государственных архивохранилищ документальными материалами была обусловлена обострившимся в годы войны кризисом комплектования ГАФ. Причинами кризиса являлись не только объективные обстоятельства военного времени, но и неэффективность методов, применявшихся для комплектования госархивов в предыдущие годы. Ставя на научную основу вопросы комплектования, Д.С. Бабурин, в частности, выступил против применения перечней в качестве основополагающего метода экспертизы ценности документов, широко использовавшегося в архивоведческой практике в довоенный период. С точки зрения Д.С. Бабурина, возможность автоматического отбора документов на хранение «приводит по существу к отрицанию и ликвидации советского архивоведения как науки». Не отрицая полностью практического значения перечней, Д.С. Бабурин считал необходимым отстаивать в практике работы архивных органов «единственно правильный и обоснованный принцип непосредственной научно-исторической экспертизы документальных материалов» [2. Л. 7 об].

В докладе Д.С. Бабурина и при его обсуждении поднимались и другие актуальные для архивоведения в те годы проблемы. Так, в числе вопросов, которые, с точки зрения докладчика, должны были подлежать научной разработке, назывались проблемы концентрации секретных, совершенно секретных и шифрованных документов. В связи с тем, что «никакая другая документация не уничтожается нашими ведомствами столь беспощадно и бесконтрольно, как секретная, совершенно секретная и шифрованная документация», Д.С. Бабурин предлагал создать специальный государственный архив, в котором были бы сосредоточены секретные и шифрованные документы высших государственных учреждений страны [2. Л. 9]. Отмечая резкое падение поступления новых фондов в состав государственных архивов в годы войны, Д.С. Бабурин объяснил это безынициативностью начальников архивов, которые «воспитаны так, что... не могут сделать какого-либо более или менее самостоятельного шага» [2. Л. 10 об.]. Д.С. Бабурин вышел на принципиальный для того времени вопрос о статусе и полномочиях архивистов: «...несмотря на наличие специального ведомства, руководящего в государственном масштабе всем архивным делом в стране, у нас никто не может сообщить данных о том, подлежат ли, скажем, материалы Наркомзема, Госплана, Совнаркома или любого другого центрального или местного государственного учреждения включению в состав соответствующего государственного архива, в каком именно количестве, в какие сроки» [2. Л. 10 об.].

По вопросу о необходимости развивать «активное комплектование» Д.С. Бабурина поддержал стоявший у истоков организации архивного дела в СССР В.В. Максаков [2. Л. 13 об.]. Предложение Д.С. Бабурина о создании архива документов особой секретности было оспорено старшим научным сотрудником организационно-методического отдела УГА Н.А. Павловой, которая посчитала его научно не обоснованным, поскольку «такой архив должен был бы хранить самый разнородный материал» [2. Л. 22]. Вместе с тем, Н.А. Павлова выступила с предложением создать единые исторические архивы для отдельных регионов страны, в частности, Сибири, для того, «чтобы иметь возможность собрать компактно воедино те документальные материалы, которые в процессе административно-территориальных изменений и перебросок сейчас распылены по разным архивам» [2. Л. 22]. Н.А. Павловой подчеркивалось, что в процессе складывания госархивов было «много стихийного, случайного», требующего теперь «изменения, пересмотра, приведения в систему» [2. Л. 20 об.].

В выступлении члена научного совета, начальника научно-издательского отдела УГА П.Г. Софинова был поднят вопрос о коллекционировании документальных материалов в условиях централизации архивного дела. Он подверг острой критике деятельность Института Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) по перемещению документов вождей коммунистической партии и советского правительства из государственных архивохранилищ в архив ИМЭЛ: «... в результате деятельности Ленина образовались документальные материалы по советскому строительству, которые связаны с деятельностью Совнаркома, Совета труда и обороны, наших высших государственных учреждений и т.д. Что делалось несколько лет тому назад? Из дел выдирались ленинские телеграммы, ленинские резолюции и передавались в архив ИМЭЛ, который издавал ленинские сборники. Анализ показал, что эти ленинские документы не аннотированы, не объяснимы, потому что оторваны от всего комплекса документов, которые служили причиной рождения этих документов» [2. Л. 18 об.]. Выступавший отметил, что в процессе изъятия ленинских документов из государственных хранилищ, как правило, возникала недопустимая ситуация, когда в делах не отмечалось, что документ вырван, а в документе не указывалось, из какого архива он взят. П.Г. Софинов подчеркнул, что данная проблема требует разрешения вначале в научно-теоретическом порядке, а затем в законодательном.

Старший научный сотрудник Центрального государственного Литературного архива Г.М. Залкинд отметил разницу между ситуацией 1940-х гг.

и начальным периодом централизации архивного дела: «В 1918–1923 гг. ставился вопрос только о том, чтобы вообще собрать документальные материалы в архивы. Сейчас перед нами стоит уже другой вопрос – создать такие центральные государственные архивы, которые имели бы полноту своих фондов, чтобы исследователи могли бы с удовлетворением работать в них и иметь сконцентрированные все нужные им материалы» [2. Л. 15 об.]. Г.М. Залкинд обратился к проблеме контроля архивистами ведения делопроизводства в учреждениях и подчеркнул чрезвычайную важность вопроса о неразрывной связи комплектования ГАФ с начальным зарождением документов в учреждениях и организациях, справедливо полагая, что этим не только улучшится качество поступления материалов, но и будет обеспечена большая сохранность и правильность принципов комплектования документальных материалов в архивах учреждений.

Большое научное значение доклада Д.С. Бабурина и необходимость дальнейшего тщательного научного осмысления поднятых в докладе и в прениях проблем отметил начальник УГА И.И. Никитинский [2. Л. 23 об.]. Вскоре на основании предложений Д.С. Бабурина в УГА был образован отсутствовавший до этого отдел комплектования, который Д.С. Бабурин и возглавил.

Логика развития архивного дела по пути централизации обусловила необходимость осмысления глубоких теоретических вопросов, являвшихся базовыми в сфере комплектования ГАФ, но находившихся за пределами конкретной архивоведческой практики. Таким образом, создавались предпосылки для возникновения нового научного направления. Учитывая специфику Советской России, которая заключалась в административно-командной системе управления и доминировании государственного сектора во всех сферах жизнедеятельности, приоритет вначале отдавался изучению вопросов, связанных с организацией управленческой и делопроизводственной документации в госучреждениях. Отсюда – узкий характер документоведения советского периода. В настоящее время ограниченность преодолена, и документоведение эволюционировало в фундаментальное научное направление, формирующее теоретическую основу, как для архивного дела, так и в других отраслях, объектом и предметом деятельности которых является документ во всем его многообразии.

Примечания

1. См.: *Ларьков Н.С.* О предмете и объекте документоведения как междисциплинарного научного направления // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2006. С. 17–25.

2. *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1539.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

Задача разработки адекватной классификации документов имеет большое значение для обеспечения непротиворечивой системы их библиографического описания [1]. Особую актуальность эта задача приобрела в наше время, когда, с одной стороны, появился принципиально новый вид документа – электронный, а с другой – стала происходить конвергенция разных по своей физической природе документов. Кроме того, стало наблюдаться непостоянство содержания документов (например, заметок в блогах и вызванных ими обсуждений).

На наш взгляд, система классификации документов должна учитывать характер размещённой в них информации и, таким образом, содержать следующие характеристики документа:

1. Статичность информации, т. е. неизменность содержания документа во времени. По этому критерию документы могут делиться на статические и динамические.

2. Способ использования информации:

2.1. Чтение – когда индивидуум самостоятельно читает или иным образом воспринимает документ при помощи своих органов чувств и/или технических средств, но при этом не может влиять на его содержание. Примеры: книга, фильм, записанный на DVD-диске и предназначенный для домашнего просмотра.

2.2. Показ – когда документ демонстрируется индивидууму иным лицом, и при этом возможности индивидуума влиять на порядок просмотра документа и на его содержание ограничены или отсутствуют. Примеры: электронная презентация для конференции, фильм для показа в кинозале.

2.3. Заполнение – документ предназначен для заполнения его индивидуумом по оговорённым правилам. Пример: рабочие тетради, прописи.

2.4. Дискуссия – документ служит для инициирования и ведения дискуссии. Пример: запись в блоге.

2.5. Игра – осуществление случайных действий в соответствии с оговорёнными в данном документе правилами, причём при повторном использовании документа эти действия, как правило, не повторяются. Пример: настольные игры.

Способы 2.1 и 2.2 можно назвать пассивными, способы 2.3–2.5 – активными.

3. Способ восприятия информации. Здесь речь идет о тех органах чувств, которые задействует индивидуум для восприятия содержащейся в документе информации. В частности, благодаря этому критерию можно разграничивать немые и звуковые фильмы.

Перечисленные выше признаки могут выступать как по отдельности, так и в сочетании. Например, страничка в социальной сети vkontakte.ru, на которой размещён какой-либо фильм, также содержит возможность отправки комментариев. Таким образом, по критерию использования информации данный документ может быть классифицирован как предназначенный для чтения (просмотр фильма), так и для дискуссии (его обсуждение).

На наш взгляд, введение этих дополнительных признаков в систему описания документа позволит сделать это описание более точным и более соответствующим современной специфике документа.

Примечания

1. *Савина И.А.* Библиографическое описание документа: Учеб.-метод. рекомендации. СПб.: Профессия, 2006.

Ж.А. Рожнёва

ПОРТАЛЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Современное государство призвано удовлетворять интересы граждан, повышая свою эффективность за счет использования прагматичных и технологичных моделей работы. Поэтому в государственное управление сегодня всё активнее внедряются информационно-коммуникационные технологии. Одним из результатов этого процесса является разработка и реализация национальных, региональных и местных концепций «электронного правительства». Общая цель данных проектов заключается в построении своеобразного «электронного государства» как единой системы.

На сегодняшний день термин «электронное правительство» является широко распространенным, хотя появился он сравнительно недавно. В 1997 г. Национальный научный фонд США в рамках программы по анализу использования новых технологий в целях улучшения работы федеральной администрации впервые ввёл понятие «цифровое правительство» (digital government), которое впоследствии было заменено термином «электронное правительство» (e-government).

В Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г., одобренной распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 г., под электронным правительством понимается «новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов» [1].

Одним из ключевых принципов, заложенных в концепцию электронного правительства, является, таким образом, увеличение доступности государственной информации и услуг, повышение их качества. Это одна из важнейших современных тенденций в развитии государственного управления в мире. Идея «электронного правительства» появилась именно как следствие этой тенденции, а не исключительно благодаря бурному развитию информационных технологий.

В рамках электронного правительства взаимодействие органов власти между собой, с гражданами, различными коммерческими и общественными организациями осуществляется с помощью Интернет и других инфор-

мационных сетей. Электронному правительству свойственны такие признаки, как оперативность предоставления информации и услуг, интерактивность, географическая безграничность, экономия времени и финансов.

Создание полноценного электронного правительства проходит, как правило, несколько этапов. Первоначально создаются многочисленные сайты различных государственных органов, содержащие только информацию об их деятельности и контактные сведения. Дальнейшее развитие таких сайтов предполагает появление некоторых элементов интерактивности, что чаще всего выражается в возможности отправить письмо по электронной почте или задать интересующий вопрос и получить ответ на самом сайте. На третьем этапе государственные сайты начинают предоставлять своим пользователям различные on-line услуги. Например, у граждан появляется возможность платить налоги, продлевать лицензии, передавать отчётные документы через Интернет. Четвертый этап включает создание государственных порталов, которые объединяют сайты отдельных органов власти и предоставляют доступ к огромному количеству информации и широкому спектру различных услуг, в том числе интегрированных.

К ключевым характеристикам интернет-порталов можно отнести агрегирование информации из различных источников, возможность персонализации и управления доступом, наличие инструментов интерактивного взаимодействия. Являясь полноценным электронным правительством, порталы органов государственной власти выступают в качестве:

- центральной точки доступа для всех пользователей сети Интернет к консолидированной правительственной информации и услугам;
- универсального средства навигации по всей совокупности государственных интернет-ресурсов;
- среды информационного взаимодействия органов власти и целевых групп потребителей правительственной информации и услуг;
- канала информационной и экспертной поддержки граждан и бизнеса по различным аспектам взаимодействия с госорганами;
- организационно-технологической платформы, определяющей и регулирующей развитие государственных интернет-ресурсов;
- среды поддержки коллективной работы межведомственных рабочих и проектных групп [2].

В последние годы в нашей стране началась практическая реализация концепции электронного правительства, что выразилось в принятии ряда соответствующих нормативных и стратегических документов [3], создании официальных сайтов государственных органов управления. На сегодняшний день в Интернет имеют свои представительства практически

все федеральные органы исполнительной власти, исполнительные и законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации. В регионах открыты специализированные сайты для размещения информации о государственных закупках [4]. Кроме того, создан единый федеральный Интернет-портал государственных услуг [5].

Таким образом, в структуру государственного управления встраивается система порталов электронного правительства, призванная предоставить российским гражданам широкий доступ к правительственной информации и сервисам. Как и в традиционной модели, взаимодействие граждан и органов власти посредством Интернет предполагает соответствующее документационное обеспечение.

Обращение пользователей к государственным порталам обычно имеет целью получение информации и/или услуги. Оба варианта подразумевают необходимость использования тех или иных документальных ресурсов. По сути, сами порталы представляют собой массивы разнообразной документированной информации, снабженные инструментарием для её получения и обработки.

Описывая в целом документальные ресурсы правительственных порталов, следует отметить, прежде всего, разнородность их информационной природы. Мультимедийный характер интернет-среды делает не только возможным, но и вполне естественным сосуществование в рамках одной системы документов разных форматов. На сайтах государственных органов присутствуют текстовые, изобразительные, аудиовизуальные документы, базы данных и программы.

Большинство составляют текстовые документы. Их условно можно разделить на две группы: документы, воспроизводящие полностью или частично формуляр и содержание официальной документации, и документы с оригинальным содержанием и структурой. Первая группа включает электронные копии различных нормативно-правовых, организационно-распорядительных, информационно-справочных, отчётных и т.п. документов, являющихся результатом деятельности органов власти всех уровней. Соответственно, такого рода документы имеют необходимые реквизиты, позволяющие легко их идентифицировать. Ко второй группе относятся документы, создаваемые специально для информационного наполнения порталов, такие, как новости, объявления, справочные материалы и т.д. Как правило, они имеют произвольное оформление, без чёткого указания на авторство и дату создания документа, за исключением новостных материалов, которые обязательно датируются.

Текстовые документы на государственных порталах доступны пользователям в следующих вариантах:

- в виде текстового содержания веб-страницы (html-формат);
- изображение документа (в форматах .jpeg, .tiff, .pdf);
- файл для просмотра и/или скачивания (наиболее распространенные форматы – .doc, .rtf, .xls, .pdf).

Использование разных форматов диктуется особенностями документов-источников и политикой создателей сайта. Например, на официальном портале Правительства Москвы все правительственные документы представлены в html-формате и в txt-файлах.

Текстовые документальные ресурсы порталов можно также разделить в зависимости от характера взаимодействия с пользователем на статичные и интерактивные. Содержание статичных документов остаётся неизменным, а если и меняется, то только по инициативе администрации портала. Такие документы призваны удовлетворять, прежде всего, информационные потребности граждан.

Наибольший интерес вызывают интерактивные документы, обеспечивающие, как правило, предоставление какой-либо государственной услуги или обратную связь. Содержание таких документов полностью или частично определяется пользователем. Наиболее распространенными вариантами таких документов являются:

- электронные письма в государственные органы, которые можно создавать и отправлять на самих порталах с помощью экранных форм или автоматически открывающейся почтовой программы;

- различные бланки, образцы документов, требующие заполнения. Подобные документы предлагаются чаще всего в виде файлов для скачивания, в которые граждане могут затем добавлять недостающие сведения. Возможно также формирование готовых документов автоматически после заполнения экранной формы;

- сообщения, комментарии граждан в гостевых книгах, форумах, блогах.

Наличие интерактивных документов имеет принципиальное значение для формирования полноценного электронного правительства, поскольку именно с их помощью достигается декларируемое упрощение взаимодействия граждан и государственных органов.

Следующими по распространённости на правительственных порталах являются изобразительные и аудиовизуальные документы. Изобразительная документация представлена в основном фотографиями и изображениями документов, о которых уже говорилось выше. Имеющиеся на порталах фотографии отличаются жанровым и тематическим разнообразием.

Аудиовизуальные документы представлены видеорепортажами о различных событиях, аудио- и видеозаписями выступлений представителей органов власти. Изобразительные и аудиовизуальные документы, как правило, служат иллюстрацией к текстовым документам или выступают в качестве самостоятельных информационных ресурсов.

Наиболее специфическими документальными ресурсами государственных порталов являются базы данных и программные приложения. Самые распространённые среди них – документальные базы данных, которые содержат различные документы в текстовых или графических форматах и предлагают средства их поиска по различным атрибутам. Кроме того, на отдельных сайтах встречаются фактографические базы данных, содержащие, например, сведения об организациях или публичных лицах.

Программные приложения, доступные на порталах, предназначены для просмотра документов или корректной работы сервисов. Такое программное обеспечение является свободно распространяемым или становится доступным после различных (формальных или строгих) процедур авторизации. Данные ресурсы представлены не столь широко как остальные, что связано как с уровнем пользовательской потребности в них, так и с недостаточным развитием on-line услуг на порталах российских органов власти.

Таким образом, документационное обеспечение взаимодействия граждан и органов власти через порталы электронного правительства значительно отличается от традиционной модели. Отличия проявляются, прежде всего, в видовом и тематическом разнообразии документированной информации, к которой получают доступ граждане, в упрощении создания необходимых для обращения в органы власти документов, в преодолении географических и временных барьеров. В целом развитие системы электронного правительства, бесспорно, способствует повышению эффективности деятельности государственных органов управления.

Примечания

1. *Административная* реформа в Российской Федерации. Режим доступа: http://www.ar.gov.ru/ru/about/el_russia/documents/?id20=747&i20=7

2. *Отчёт* «Методология технологической поддержки и сопровождения ИС «Правительственный портал» // Административная реформа в Российской Федерации. Электронная Россия. Результаты работ. Режим доступа: http://www.ar.gov.ru/common/img/uploaded/cdocument/Metodologiya_podderzhki_otchet_151106.doc

3. *Например*, ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006 г.), Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти», Федеральная целевая программа «Электронная

Россия (2002–2010 гг.)», Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г., Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г., одобренная распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 г. и др.

4. См.: **Отчёт** по Мониторингу официальных сайтов государственных органов Российской Федерации, 2008 // Институт развития свободы информации. Режим доступа: <http://www.svobodainfo.org/info/getorig?ndoc=458221279>

5. **Портал** государственных услуг. Общероссийский государственный информационный центр. Режим доступа: <http://www.ogic.ru/magnoliaPublic/Main.html>

С.А. Шпагин

БЛОГИ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Развитие технических возможностей коммуникации в современном информационном обществе приводит к появлению всё новых и новых её форм. В особенности это относится к сети Интернет, где пространство общения расширяется столь стремительно, что возможности получения и распространения информации ограничиваются едва ли не одной фантазией и желанием коммуникаторов и реципиентов. Это существенным образом изменило характер коммуникации не только в межличностном общении, экономике, но и в политике. Как отмечают А.И. Соловьев и С.А. Туронок, «Интернет-дискурс инициировал такие процессы, которые стали существенно модифицировать различные институты, нормы и даже самих участников политического процесса» [1. С. 267].

Например, с появлением в Интернете так называемых социальных сетей возникли принципиально новые возможности и формы коммуникации, активно используемые ныне политическими акторами. В отличие от ведения самостоятельных сайтов, заполнение персонального профиля в социальной сети не требует отдельных материальных затрат, что делает эту процедуру доступной для всех категорий населения, имеющих выход в Интернет. Это обстоятельство заметно повышает социальное значение такой формы коммуникации, поскольку её посредством расширяются возможности политического участия для молодежи и социально незащищённых слоёв населения.

Одной из таких возможностей является *блог* – электронный дневник пользователя, размещённый на его персональной странице в социальной сети и доступный для просмотра либо ограниченному кругу лиц, либо всем желающим – выбор зависит только от автора дневника. Эта форма электронного общения приобрела в последние годы большую популярность, причем затронула она не только молодежь. Блоги ведут актёры, писатели, спортсмены, журналисты и даже ведущие политики. Среди последних – действующий президент России. Появились также корпоративные блоги, как коммерческого, так и политического характера [2]. Пространство общения в Интернете посредством блогов стало уже столь значительным, что заставляет экспертов обратить внимание на потенциал и перспективы этого явления. Так, в США политические блоги помогают собирать колоссальные средства на ведение предвыборных кампаний и оказывают мощное

психологическое влияние на политиков [3. С. 86–87]. Наконец, любое из современных исследований, посвящённых Интернет-сообществам, уже не считается репрезентативным без изучения блогосферы.

В чём же заключается привлекательность блога как формы Интернет-коммуникации? Прежде всего – в его *оперативности*, возможности с его помощью немедленно реагировать на текущие события. Затем – в его *бесцензурном характере*, позволяющем размещать в сети эмоционально окрашенные сообщения и заметки, которые непосредственно выражают собой авторское мнение по тому или иному актуальному вопросу. Наконец (и это, может быть, самое главное), блог представляет собой документ особого рода, отличительными свойствами которого являются *открытость* и *многомерность*. Наряду с возможностями гипертекстовой коммуникации, которые предоставляет Интернет, блог является, в сущности, незавершённым документом, который продолжается во времени и пополняется информацией до тех пор, пока это соответствует желанию автора. Кроме того, автор чаще всего даёт возможность комментирования своего блога, тем самым не только получая обратную связь, но и предоставляя посетителям широкое поле для самовыражения и проявления критических способностей. В результате некоторые блоги превращаются в самостоятельные дискуссионные площадки, где по поводу отдельных сообщений или комментариев разгораются целые словесные баталии.

Вместе с тем, есть основания полагать, что в России популярность блогосферы имеет не только универсальную, но и специфическую природу. На это косвенным образом указывают данные новейших исследований социальных сетей в политическом Рунете.

В частности, А.А. Киселев указывает на то, что «конвенциональные группы (государство, политические партии) недостаточно используют возможности активизации политического участия граждан посредством Интернета, в то время как неконвенциональные группы активно используют основные возможности ИКТ для мобилизации граждан и организации общественно-политических действий» [4. С. 12]. Если же конвенциональные группы всё-таки прибегают к политической Интернет-коммуникации, то наиболее востребованными для реципиентов оказываются диалогические её формы – т.е. форумы и блоги [4. С. 20].

С другой стороны, Флориана Фоссато подчёркивает такие тенденции российских социальных сетей, как низкий уровень качества Интернет-дискуссий, дефицит доверия, нетерпимость их членов, закрытость и воспроизводство внесетевых («офлайнных») форм деятельности [5. С. 92–93]. В поисках объяснения подобного их состояния она приходит

к выводу о том, что в условиях «частичной ресоветизации» российской политики и медиа-системы Интернет превратился в альтернативное социальное пространство, аналогичное андеграунду советских времён. Вопреки прогнозам энтузиастов демократизации рубежа веков, виртуальное пространство не трансформировало собой социальную действительность, а само приспособилось к ней. И российские социальные сети в их нынешнем состоянии стали одним из механизмов такого приспособления: «Интернет становится инструментом адаптации к той политической реальности, на которую, по мнению пользователей, они не в состоянии повлиять ни вместе, ни поодиночке» [5. С. 96].

Думается, что такие характеристики Рунета вообще и социальных сетей в нём, в частности, далеко не случайны. Они отражают собой едва ли не центральную черту отечественной политической культуры, обусловленную ограниченностью возможностей действительного воздействия граждан на государственную политику. Такой чертой является склонность наших соотечественников к *замещению публичной политики дискурсивными практиками, выведенными за рамки официального политического пространства*. Эта склонность, проявившая себя ещё со времён салонных дискуссий западников и славянофилов, продолжается кружковыми традициями разночинной интеллигенции и кухонными разговорами интеллигенции советской. А в наше время она находит своё закономерное воплощение в возможности с комфортом поболтать о политике на форуме, в чате или блоге (неважно, своём или чужом), не придавая сколько-нибудь серьёзного значения высказанным там мнениям и оценкам.

Такая пассивная позиция неоднократно фиксировалась в современных исследованиях российской политической культуры. Пользуясь методологией голландских социологов Ф. Хьюнка и Ф. Хикспурса, российский исследователь В.О. Рукавишников ещё в конце 1990-х гг. на основе статистического анализа политических ориентаций рассчитал примерное соотношение политических субкультур в России. Полученные данные свидетельствуют о том, что в нашей стране доминируют «пассивные» культуры, которые характеризуются низким уровнем политической активности граждан. Немногочисленная группа политически активных россиян почти целиком не доверяет существующим политическим институтам. Преобладающей же (по статистике – более половины населения) является одна из пассивных культур – так называемая субкультура «наблюдателей»: «Россияне – люди грамотные, привыкшие на досуге смотреть информационно-политические программы на ТВ, слушать радио, читать газеты, судачить о политике и не верить политикам» [6. С. 194].

Проблема, однако, состоит в том, что российская власть обычно придавала привычке высказывать своё мнение о политике преувеличенное значение. В XIX в. III Отделение один за другим раскрывало «заговоры умов», фабрикуя дела лишь по обвинению в «противузаконных умыслах». В XX в. спецслужбы арестовывали советских людей даже за политические анекдоты. И эта практика находит своё отражение в актуальной политике. Доказательством тому служат неоднократные решения о привлечении блоггеров к уголовной ответственности по ст.282 УК РФ (за возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием СМИ). Думается, что такая практика происходит из разницы пониманий сущности блага в сетевой среде и правоохранительных органах. Если блоггеры полагают, что в своём дневнике они «у себя дома», в своём социальном пространстве, то органы правопорядка считают их издателями СМИ. И лишь время покажет, как они смогут понять друг друга.

Примечания

1. *Политические коммуникации*: Учеб. пособие для студентов вузов / Ю.Ю. Петрушин и др.; под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект-Пресс, 2004. 332 с.
2. *Кузин А., Ющук Е.* Корпоративный блог – новый инструмент политических коммуникаций // Конкурентная разведка. Сайт Ющука Евгения Леонидовича. Режим доступа: <http://ci-razvedka.ru/Corporate-Blogging-Politics.html>
3. *Фрам Д.* Записки БЛОГОнамеренного // Русский журнал. 2008. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Media/Files/Devid-Fram-Zapiski-BLOGOnamerennogo>
4. *Киселев А.А.* Политическое участие в Интернете: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2007. 26 с.
5. *Фоссато Ф.* Рунет как инструмент адаптации // Pro et contra. 2009. № 2. С. 91–99.
6. *Рукавишников В.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения / В. Рукавишников, Л. Халман, П. Эстер. М.: Международные отношения, 2000.

И.Л. Скипор

**ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ КАК СРЕДСТВО ДОСТУПА
К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДОКУМЕНТНЫМ РЕСУРСАМ УЧЁНОГО
(НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО АРХИВА
ПРОФЕССОРА С.А. СБИТНЕВА)**

Результативность деятельности учёного, как известно, принято оценивать числом и значимостью его опубликованных работ, наличием зарегистрированных разработок, патентов, количеством докладов, представленных на научных симпозиумах различного уровня. Однако эти документы не всегда могут отразить эволюцию идей и научных воззрений, личное отношение учёного к окружающей действительности, степень влияния на них профессиональной, социально-экономической среды. С этой точки зрения несомненный интерес представляют личные архивы учёных, которые всегда считались самыми ценными и самыми объективными документальными свидетельствами их жизни и творчества.

В процессе жизни и деятельности каждого человека образуется и накапливается совокупность документов, представляющих собой документальный фонд, который принято относить к персональным документным ресурсам. Персональные документные ресурсы представлены разнородными по своему происхождению и разнообразными по своему составу видами и разновидностями документов, начиная от детских рисунков, писем, фотографий и заканчивая документами, удостоверяющими личность [1. С. 337]. Особое место среди персональных документных ресурсов занимают личные архивы учёных, которые имеют несомненную историческую и научную ценность. Совокупность документов, представленных в данном виде архивов, принято называть архивным фондом личного происхождения.

Российская научная, педагогическая, информационно-библиотечная общественность обладает богатейшим наследием, которое сосредоточено, в том числе, и в личных архивных фондах выдающихся деятелей. Однако эти ресурсы зачастую мало известны и доступ к ним ограничен, поскольку они бывают чрезвычайно раздроблены по различным хранилищам в связи с профессиональными территориальными и ведомственными передвижениями учёного. К числу традиционных мест хранения таких ресурсов относятся архивы, музеи и библиотеки учебных заведений, специализированных научно-исследовательских институтов, научных и профессиональных

обществ, личные архивы учёных и специалистов, расположенные у них дома или у их наследников.

Автоматизация архивной деятельности, использование сетевых технологий позволили обеспечить на принципиально новом уровне не только сохранность архивных фондов, но и возможность свободного доступа к ним в любое время из любой точки земного шара. В настоящее время в Интернет имеются примеры реализации электронных архивов. Так, web-портал Российской академии наук (www.ras.ru) обеспечивает доступ к личным архивам академиков В.И. Вернадского, С.И. Вавилова, Л.В. Комарова, Н.А. Морозова, К.Э. Циолковского. В качестве самостоятельных сайтов представлены архивы академика А.П. Ершова (www.ershov.ras.ru), выдающегося педагога А.С. Макаренко (www.makarenko.edu.ru). Тем не менее, эти примеры являются единичными, а личные электронные архивы деятелей информационно-библиотечной сферы до настоящего времени в Интернет вообще не были представлены.

На кафедре технологии автоматизированной обработки информации (ТАОИ) Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ) реализован проект по созданию электронного архива Стаса Андреевича Сбитнева (18.03.1918 – 26.08.2002) – выдающегося педагога, ученого и специалиста в области информационно-библиотечной деятельности, основателя библиотечного факультета (ныне института информационных и библиотечных технологий) и кафедры ТАОИ КемГУКИ, заслуженного работника культуры РСФСР. С.А. Сбитнев внёс особый вклад в формирование и развитие КемГУКИ, сформировал научную школу, оказавшую заметное влияние на развитие информационно-библиотечной теории и практики, подготовку кадров. Наследие С.А. Сбитнева позволяет проследить эволюцию библиотек, информационных центров, а также подготовки библиотечно-информационных кадров в России и на постсоветском пространстве. При реализации данного проекта была использована разработанная на кафедре ТАОИ КемГУКИ интегрированная технология создания электронных информационных ресурсов [2].

Как известно, архив включает в себя совокупность архивных документов. Архивный документ – документ, сохраняемый или подлежащий сохранению в силу его значимости для общества и равно имеющий ценность для собственника [3. С. 4]. При определении состава документов, подлежащих размещению в электронном архиве, мы ориентировались на основные группы критериев экспертизы ценности документов: критерии происхождения документов; критерии содержания документов; критерии внешних особенностей документов [4. С. 86]. При этом наиболее важной стала

оценка значимости содержания документов. Поскольку в качестве приоритетной была выбрана цель – показать различные грани деятельности профессора С.А. Сбитнева как учёного, педагога и специалиста в области информационно-библиотечной деятельности, при содержательном отборе документов именно эти аспекты выступали в качестве определяющих.

В структуре электронного архива выделены следующие разделы: «Биография»; «Труды»; «Конференции, семинары»; «Руководство дипломными работами и проектами»; «Фотоархив»; «Мультимедийные материалы»; «Награды»; «Автографы»; «Слова любви и признательности»; «Реализация идей С.А. Сбитнева».

Учитывая типовую схему классификации документов фондов деятелей науки, культуры [4. С. 138], а также имеющиеся материалы, в электронном архиве максимально полно отражены библиографические сведения о научных и учебно-методических трудах С.А. Сбитнева; проведенных под его руководством научно-исследовательских работах; участии Стаса Андреевича в многочисленных конференциях и семинарах; составе выполненных под его руководством дипломных работ и проектов. Наряду с библиографическими сведениями, в архиве представлены полные тексты документов С.А. Сбитнева (научные статьи, учебно-методические пособия, рукописи, отчёты о НИР), публикации о С.А. Сбитневе. Важное место в электронном архиве занимают персональные документы, характеризующие основные вехи его жизненного пути: учеба, годы сражений на фронтах Великой Отечественной войны, профессиональная библиотечно-информационная, научная и педагогическая деятельность. Среди них автобиография, личный листок по учёту кадров; диплом об окончании Московского государственного библиотечного института; аттестат доцента кафедры научно-технической информации; удостоверение участника Великой Отечественной войны; акты о вводе в эксплуатацию разработанной под его руководством ИПС «Квантор», направление её на ВДНХ СССР и удостоверение о награждении золотой медалью ВДНХ СССР.

Безусловную ценность имеют размещённые в архиве уникальные фотографии, автографы, поздравительные тексты и телеграммы, отражающие многочисленные деловые связи с учёными и специалистами библиотечно-информационных учреждений России и стран СНГ и свидетельствующие о глубоком уважении, признании, искреннем восхищении и любви к Стасу Андреевичу Сбитневу.

В целом электронный архив профессора С.А. Сбитнева является мультимедийным продуктом, в составе которого представлены текстовые доку-

менты, видеоматериалы, фотодокументы, электронные презентации. Для обеспечения удобства навигации максимально использованы возможности гипертекстовой системы. В качестве основных принципов группировки архивных материалов выступили тематический и хронологический принципы. С целью расширения поисковых возможностей создан разветвлённый научно-справочный аппарат, который не выделен в качестве самостоятельного компонента ко всему архиву, а привязан к конкретным его разделам. Например, в разделе «Труды» представлены указатель соавторов и указатель заказчиков хозяйственных НИР. Это позволило не только обеспечить дополнительные поисковые возможности электронного архива, но и показать масштабность, несомненную социальную значимость выполненных под руководством С.А. Сбитнева НИР. Так, среди заказчиков НИР – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина; Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры РСФСР; ГПНТБ СССР; Институт метрологии Сибирского отделения Академии наук СССР и др. Раздел «Конференции, семинары» наряду с хронологическим перечнем докладов и выступлений С.А. Сбитнева содержит географический указатель.

В настоящее время электронный архив размещён на сайте кафедры ТАОИ КемГУКИ (www.taoi.kemguki.ru) в разделе «Электронные ресурсы». Он может быть использован в ходе учебной, научно-исследовательской, научно-методической работы, при организации информационного и справочно-библиографического обслуживания пользователей. Данный электронный ресурс является историко-архивным материалом, поскольку во многом отражает историю становления и развития института информационных и библиотечных технологий, кафедры ТАОИ КемГУКИ, а также позволяет проследить эволюцию развития библиотечно-информационных учреждений во второй половине XX в.

Примечания

1. *Ларьков Н.С.* Документоведение: Учеб. пособие. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.
2. *Колкова Н.И., Скипор И.Л.* Моделирование интегрированной технологии создания электронных информационных ресурсов: соотношение общего и специфического // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2008. № 4. С. 15–31.
3. ГОСТ Р 51141–98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М., 1998.
4. *Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П., Бурова Е.М.* Архивоведение: Учебник. М., 2002.

О.Е. Косых

**СИБИРСКАЯ ГАЗЕТНАЯ И ЖУРНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. – 1919 г.
В ФОНДАХ ТОМСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Периодическая печать как письменный исторический источник наиболее широко освещает все стороны человеческой жизнедеятельности: экономическую, политическую, социальную, культурную и т.д. В ней содержатся все типы информации: наряду с собственно газетным материалом (передовицами, хрониками, заметками и др.) помещались сообщения законодательных и исполнительных органов власти, стенограммы, отчеты о съездах, конференциях и совещаниях различных партий и общественных организаций, объявления и др. Это, несомненно, делает периодику чрезвычайно важным источником. Данное утверждение касается как в целом российской периодики, так и региональной, в частности сибирской. Говоря о сибирской периодической печати в указанный период, т.е. с момента её появления и до падения колчаковского режима, мы имеем в виду газеты и журналы, выходившие в пяти губерниях: Тобольской, Томской, Алтайской (выделилась из Томской губернии в середине июня 1917 г.), Енисейской, Иркутской и трех областях: Акмолинской, Забайкальской и Якутской. Переименование отдельных губерний и областей Сибири советской властью в марте–мае 1918 г. в данном случае не учитывается.

В фондах Томского областного краеведческого музея (ТОКМ) [1] автором выявлено 125 сибирских повременных изданий (75 наименований газет и 50 названий журналов) из 994, одновременно выходивших во второй половине XIX в. – декабре 1919 г. и обозначенных в наиболее полных на сегодняшний день указателях сибирской периодики [См. 2, 3, 4, 5].

Сибирская периодика второй половины XIX в. – 1919 г. в фондах ТОКМ

Территориально-административная единица Сибири	Газеты	Журналы
Тобольская губерния	4	2
Акмолинская область	10	6
Томская губерния	42	27
Алтайская губерния	6	2
Енисейская губерния	4	5
Иркутская губерния	8	7
Забайкальская область	1	1

Как видно из таблицы, в наибольшем количестве в фондах ТОКМ сохранились периодические издания, выпускавшиеся в Томской губернии, и это не случайно, так как здесь выходило большое число газет и журналов. Кроме того, именно местная периодическая печать наилучшим образом «отложилась» в Томском краеведческом музее. Периодики же, издававшейся в тот период в Якутской области, здесь не обнаружено.

В процессе работы с прессой в фондах ТОКМ удалось выявить 20 сибирских изданий, не зафиксированных в ранее упомянутых указателях сибирской периодики, а также 4 органа печати с неполно указанными годами выпуска (журналы: Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Омск, 1881, 1886, 1889, 1891–1900, 1910 гг.; Записки Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Иркутск, 1867 г.; Известия Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Иркутск, 1886–1895, 1897–1898 гг.; Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1913 г.) [6. С. 47–48]. Кроме того, установлено, что далеко не все номера газет, находящиеся в фондах ТОКМ, имеют полный объём выпуска, поэтому датировку можно произвести лишь по информации материалов одного или нескольких листов издания, что нередко ставит под сомнение время выхода самой газеты. Необходимо отметить также довольно плохую сохранность некоторых повременных изданий [6], таящую в себе потенциальную угрозу последующей их полной утраты, а вместе с этим и содержащейся в них ценной информации.

Важность периодической печати как источника заключается, прежде всего, в обилии фактического материала, который помещался на страницах газет и журналов ежедневно (или с определенной периодичностью), так как повременным изданиям присущи свойства непрерывности, интенсивности, оперативности и целенаправленности информационного воздействия на аудиторию. Материалы повременных изданий отражают социально значимые события и явления, с одной стороны, и настроения и установки различных социальных групп населения, с другой. Информация, представленная в разных жанрах (статья, корреспонденция, фельетон и др.), отклики читателей, тираж и цена издания позволяют установить, на какие социальные слои был ориентирован тот или иной орган печати, насколько широко он был распространён и в какой степени удовлетворял запросы аудитории. Нередко по интерпретации тех или иных фактов в аналитических статьях, по подаче материала на страницах периодики можно судить о политической ориентации издателей, редакторов, членов редакционных кол-

легий, а также их смене. Кроме того, прослеживаются связи между отдельными изданиями.

Общеизвестно, что пресса является сильнейшим средством агитации и пропаганды. Следовательно, при работе с периодической печатью как с историческим источником необходимо соблюдать определенную методику, обусловленную её особенностями. В первую очередь, нужно учитывать общественно-политические воззрения издателя, редактора и редакционной коллегии, так как последняя нередко подходила выборочно к публикации тех или иных фактов или интерпретировала их по своему усмотрению, преследуя определённые цели. Иногда материал содержал не только явную, но и скрытую информацию, что наиболее ярко прослеживается в политических резолюциях форумов партийных, общественных, религиозных и других организаций. Для установления достоверности информации необходимо перепроверять её по изданиям различных общественно-политических направлений, архивным и документальным материалам и другим источникам. При исследовании газет и журналов также важно учитывать и правовое положение прессы в различные периоды времени. Без знакомства с законами о печати и цензуре невозможно понять многие черты периодики, присущие ей в ту или иную эпоху.

Примечания

1. *Фонд* письменных источников, библиотека, отдел документальных материалов (архив) Томского областного краеведческого музея.
2. *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.): указатель газет и журналов. Изд. доп. и испр. Томск, 2009. 144 с.
3. *Периодическая печать* Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых, И.Г. Мосина. Науч. ред. Э.И. Черняк. Томск, 2001. 92 с.
4. *Периодическая печать* Сибири. Указатель газет и журналов (март 1917 – май 1918 гг.) / Сост. Е.Н. Косых. Науч. ред. Э.И. Черняк. Томск, 1990. 85 с.
5. *Периодическая печать* Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 гг.). Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых, С.Ф. Фоминых. Науч. ред. Э.И. Черняк. Томск, 1991. 54 с.
6. *Периодическая печать* Сибири в фондах Томского областного краеведческого музея (вторая половина XIX в. – декабрь 1919 г.). Указатель газет и журналов: Метод. пособие / Сост. О.Е. Косых. Науч. ред. Э.И. Черняк. Томск, 2005. 58 с.

Н.В. Васенькин

**АРХИВ Н.М. ЯДРИНЦЕВА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ И СОСТАВ**

Отличительной приметой последних десятилетий является возвращение в историю забытых или сознательно замалчиваемых в прошлом имён, и как следствие – повышенный интерес к мемуарам, дневникам, письмам и в целом к источникам личного происхождения, а также возросший интерес к публикациям документального наследия и осознание его большого значения.

Исторически сложилось так, что Научная библиотека Томского государственного университета (НБ ТГУ) имеет в своих фондах и архивные материалы. В настоящее время архивный фонд, хранящийся в её отделе рукописей и книжных памятников (ОРКП), кроме большой коллекции рукописных книг, насчитывает 27 архивных фондов, содержащих документы сибирских общественных деятелей, писателей, учёных, а также отдельные части архивов различных учреждений г. Томска и фонд единичных поступлений.

В число этих фондов входит и архив Григория Николаевича Потанина (1835–1920) – известного естествоиспытателя, путешественника и общественного деятеля, поступивший в библиотеку в 1920 г. из закрытого Института исследования Сибири. В общем объёме его архива (более 16 000 листов) присутствует и значительная часть необработанных и неучтённых материалов. Среди них документы, принадлежавшие другу Г.Н. Потанина – крупнейшему представителю общественной мысли и исследователю Сибири, публицисту и идеологу сибирского областничества Николаю Михайловичу Ядринцеву (1842–1894). Если история поступления архива Г.Н. Потанина в НБ ТГУ достаточно хорошо известна [1], то на истории поступления ядринцевских документов к Г.Н. Потанину следует остановиться особо.

Г.Н. Потанин вполне осознавал масштабность и значимость для Сибири личности Н.М. Ядринцева. Поэтому, получив известие о смерти Николая Михайловича из письма ближайшего друга последних лет его жизни психиатра Вениамина Ивановича Семидалова (1865–1917), уже в ответном письме он писал: «Я хочу обратиться к Надежде Фёдоровне [Ржавской] с просьбой, чтобы за мной оставлено было право издать избранные статьи Ник[олая] Мих[айловича], не вошедшие в его большие

книги («Сибирь как колония», «Община в тюрьме и ссылке»), собрать его письма и воспоминания друзей о нём и позаботиться о составлении биографического очерка» [2. С. 254]. Но в селе Большом, в имении Н.Ф. Ржавской, Григорий Николаевич не обнаружил ни писем, ни неизданных рукописей, так как Н.М. Ядринцев, по предположению Н.Ф. Ржавской, мог взять их с собой в Барнаул, чтобы писать мемуары. Г.Н. Потаниным была найдена только переписка Николая Михайловича с его женой и письма к ней её матери [2. С. 264]. Будучи душеприказчиками Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанин и В.И. Семидалов развернули активную деятельность по сбору его документов, оказавшихся в самых разных местах и у самых разных лиц. «Если что найдёте в Иркутске, его письма, рукописи, личные воспоминания, пожалуйста, просите дать мне для пользования с тем, конечно, чтобы по миновании надобности они будут возвращены их владельцам», – обращался Григорий Николаевич к И.И. Попову [2. С. 260]. В конце концов, в руках Г.Н. Потанина образовался, по всей видимости, достаточно большой массив документов его покойного друга, несмотря на то, что, по его же словам, Н.М. Ядринцев все получаемые им письма имел обыкновение уничтожать [3. С. 103].

Летом 1901 г. Г.Н. Потанин перебрался на жительство из Петербурга в Иркутск, отправив вперёд себя ящик со всеми собранными им документами, прибавив к ним и письма Н.М. Ядринцева к нему, в музей ВСО ИРГО. Но спустя полгода Г.Н. Потанин спешно уехал в Томск, отчасти из-за провала его попытки организовать новую областническую газету «Байкал», но в большей степени по причине личного плана, оставив архив в Иркутске. В 1904 г. он разрешил Таисии Михайловне Фарафоновой пользоваться этими документами для работы над биографией Н.М. Ядринцева. Часть из них она, опять же с согласия Потанина, уезжая из Иркутска, забрала с собой. Затем следы этой части архива на некоторое время теряются, поскольку Т.М. Фарафорова в 1906 г. оставила их на хранение в редакции журнала «Былое». Только в конце 1915 г. Г.Н. Потанин сообщает ей, «что корзина с бумагами Ядринцева... наконец, мною получена» [3. С. 140].

Документы Н.М. Ядринцева, как было сказано выше, находились в необработанной части архива Г.Н. Потанина. Лишь немногие из них прошли обработку еще в Институте исследования Сибири и имели характерный признак – проставленный рубрикаторм номер. Ввиду их значительного количества (2 417 листов), а также роли и значения деятельности Н.М. Ядринцева в развитии Сибири было принято решение о выделении этих документов в самостоятельный архивный фонд, которому по

списку архивных фондов ОРКП был присвоен третий номер. Документы архива, охватывающие период с 1860 по 1906 г., систематизированы по следующим разделам:

Творческие рукописи (59 ед. хр.). Этот раздел предваряет сопроводительная записка Т.М. Фарафоновой к архиву Н.М. Ядринцева: «Находящиеся здесь рукописи представляют часть архива Н.М. Ядринцева, сохраняющегося в Иркутске при музее Географич[еского]общества... в случае моей смерти должны поступить в Ирк[утский] музей *собственность которого и составляют*» (курсив мой. – Н.В.) [4]. Написанная при передаче документов в редакцию «Былого», упомянутая записка требует некоторого дополнения. Как писал сам Потанин в 1914 г. в письме В.И. Семевскому: «Я эти письма отделу не жертвовал... В музее они находились только на хранении. Отделу я их не дарил и никакого дарственного документа не писал, поэтому и считаю эти письма своей собственностью» [3. С. 119]. В составе раздела – черновики и беловые рукописи статей, очерков, фельетонов, стихотворений; биографические заметки, выписки, записки для памяти, копии статей. Документы в разделе расположены в хронологическом порядке. При этом место документов имеющих приблизительную датировку, охватывающую несколько лет, определялось по первой дате. При составлении заголовков брались либо авторские названия, указанные в документах, либо документы были названы исходя из содержания.

Материалы служебной и общественной деятельности. Материалы собранные фондообразователем (18 ед. хр.) – объединены в силу незначительного количества документов и систематизированы в хронологическом порядке, а внутри одного года – в алфавите авторов. В состав раздела вошли документы, относящиеся к деятельности Н.М. Ядринцева и как редактора газеты «Восточное обозрение» (доверенность, письма в редакцию, ходатайства и пр.), и как учёного и общественного деятеля (открытые листы, предписания, отзыв о деятельности). Место документов имеющих приблизительную датировку, охватывающую несколько лет, определялось по первой дате.

Переписка (85 ед. хр.) – самый значительный по объёму раздел архива. Она сгруппирована в два комплекса – письма Ядринцева и письма к Ядринцеву. Каждый комплекс систематизирован в алфавитном порядке адресатов и корреспондентов, а внутри по датам написания. Место документов имеющих приблизительную датировку, охватывающую несколько лет, определялось по первой дате. Письма к неустановленным лицам помещались в конце в хронологическом порядке, а письма от неустанов-

ленных лиц описывались на фамилию адресата с краткой аннотацией содержания и помещались также в конце основного комплекса.

Изобразительные материалы (3 ед. хр.), несмотря на незначительность объёма, всё же были выделены в самостоятельный раздел, который состоит из двух фотопортретов (А.Ф. Ядринцевой и неизвестной) и дружеских шаржей Н.М. Ядринцева на двух, предположительно, сотрудников редакции газеты «Восточное Обозрение».

Документы А.Ф. Ядринцевой (25 ед. хр.) структурированы как самостоятельный личный архивный фонд – творческие рукописи (конспекты и выписки из статей, перевод сочинения Прудона); биографические документы (прошение в Педагогический совет нижегородской гимназии); переписка. Первые два блока документов систематизированы в хронологическом порядке, а переписка – в алфавитном порядке адресатов и корреспондентов, а внутри – по датам написания. Письма к неустановленным лицам помещались в конце в хронологическом порядке, а письма от неустановленных лиц описывались на фамилию адресата с краткой аннотацией содержания и помещались также в конце основного комплекса. Место документов имеющих приблизительную датировку, охватывающую несколько лет, определялось по первой дате.

Документы родственников (8 ед. хр.) представляют собой письма к Александре Ивановне Барковой – матери А.Ф. Ядринцевой и к сестре матери – Надежде Фёдоровне Ржавской. Документы в разделе расположены в алфавитном порядке.

Всего на сегодняшний день сформировано 198 единиц хранения.

Таким образом, сформированный личный архивный фонд Н.М. Ядринцева является существенным дополнением к уже известному списку его личных архивных фондов, хранящихся в различных архивохранилищах России [5], и значительно расширяет источниковую базу изучения истории сибирской публицистики, сибирского областничества, фактов биографии самого Н.М. Ядринцева, которому Сибирь, по словам современников, была обязана, как никому другому. «Он был её историком, этнографом, археологом, экономистом, деятелем по народному образованию, публицистом, поэтом и литературным работником» [6].

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09–01–64101а/м.

Примечания

1. Об истории поступления и составе архива см.: *Васенькин Н.В., Колосова Г.И.* Обзор архива Г.Н. Потанина, хранящегося в фонде Научной библиотеки Томского государствен-

ного университета // Сб. материалов международной научно-практической конференции, посвященной 170-летию Г.Н. Потанина «Г.Н. Потанин – учёный, путешественник, общественный деятель: Российская интеллигенция XIX века и проблемы истории и этнографии казахов». Павлодар: ПГУ им. С. Торайгырова, 2005. С. 12–17.

2. *Письма* Г.Н. Потанина / Сост. А.Г. Грум-Гржимайло и др. Иркутск, 1990. Т. 4. 428 с.

3. *Письма* Г.Н.Потанина / Сост. А.Г. Грум-Гржимайло и др. Иркутск, 1992. Т. 5. 272 с.

4. ОРКП НБ ТГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

5. *В настоящее время* это Государственный архив Иркутской области (Ф. 295, 193 ед. хр.); Государственный архив Красноярского края (Ф. 217. Оп. 2. Д. 7), РГАЛИ (Ф. 580, 92 ед. хр.) и Томский областной краеведческий музей (Фонд Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, 27 ед. хр.)

6. *Лемке М.* Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк. К десятилетию со дня кончины. СПб., 1904. С. VI.

Т.В. Родионова

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ Г.Н. ПОТАНИНА

К вопросу о формировании потанинского наследия обращались Г.И. Колосова, Г.С. Гурьева, В.А. Муравская и др., однако он до сих пор остаётся слабо изученным.

Инициатором приобретения книжного собрания Г.Н. Потанина выступил в декабре 1919 г. председатель совета Института исследования Сибири профессор В.В. Сапожников [1. С. 61, 69]. В Государственном архиве Томской области сохранилась записка, подписанная Г.Н. Потаниным, в которой говорилось: «Сим уведомляю совет Института исследования Сибири, что я согласен продать свою библиотеку Институту и разрешаю перевезти её сейчас же в помещение библиотеки Института исследования Сибири для составления списка и определения её стоимости» [2. Л. 124]. Записка поступила 17 декабря 1919 г.; и сразу же книги перевезли в подвальном этаже физического корпуса Томского технологического института. Началась работа библиотечной комиссии по её оценке [3. Л. 14].

20 декабря 1919 г. исполняющий обязанности библиотекаря Института исследования Сибири Н. Дмитриев сообщал в совет института о том, что вместе с библиотекой Г.Н. Потанина были переданы рукописи, портреты, рисунки, которые предположительно были выполнены во время путешествий. По свидетельству Н. Дмитриева, потанинское собрание было передано только на хранение, но он полагал возможным «просить об оставлении в Институте исследования Сибири хотя бы части этих предметов навсегда» [2. Л. 143].

С целью оценки библиотеки был составлен список книг и журналов с указанием их стоимости. Так, например, подборка журналов «Этнографическое обозрение» за 1899–1916 гг. без двух номеров оценивалась в 2 500 руб. Были перечислены без указания точных названий также подборка журналов «Живая старина» за 1890–1916 гг., китайские, маньчжурские, тибетские, татарские, якутские словари, фольклористические сборники, книги зарубежных авторов, а также авторские рукописи, статьи, брошюры, отдельные номера различных журналов и газет [4. Л. 22].

Работа по просмотру потанинской библиотеки продолжалась несколько месяцев. 17 февраля 1920 г. был заслушан доклад исполняющего обязанности заведующего библиотекой Института исследования Сибири

М.К. Азадовского, который оценил книжное собрание Г.Н. Потанина в 40 тыс. руб. [4. Л. 13] Вопрос об окончательной оценке библиотеки Г.Н. Потанина обсуждался 4 апреля 1920 г. [4. Л. 68].

Г.Н. Потанин не дождался завершения оценки. 1 июля 1920 г. Н.В. Гутковский сообщил на заседании совета Института исследования Сибири о смерти Г.Н. Потанина, просил присутствовать на погребении и предложил Н.Н. Бакаю приступить к разборке рукописей Г.Н. Потанина [1. С. 195]. Месяц спустя, 29 июля 1920 г., совет Института исследования Сибири постановил принять меры по охране потанинских рукописей и произвести их регистрацию [1. С. 204]. Это постановление было выполнено: сделаны «отдельные инвентари» и списки для книг, периодических изданий, рукописей, рисунков и портретов, поступивших от Г.Н. Потанина; потанинское собрание было помещено в особый отдел, отдельно от общего отдела и периодических изданий библиотеки [4. Л. 127].

Наряду с руководством Института исследования Сибири мерами по сохранению наследия Г.Н. Потанина озаботился ректор Томского технологического института Я.И. Михайленко. На заседании институтского совета 13 июля 1920 г. он сообщил о кончине Г.Н. Потанина, а профессор института, брат первой жены Г.Н. Потанина, А.В. Лаврский предложил перевести потанинское собрание в библиотеку технологического института [5. Л. 62]. 23 июля 1920 г. ректор Томского технологического института обратился в Институт исследования Сибири с просьбой о передаче потанинской библиотеки [4. Л. 118–119]. Судя по всему, просьба была удовлетворена и книжное собрание Г.Н. Потанина находилось в библиотеке технологического института несколько месяцев, до тех пор, пока в ноябре 1920 г. председатель по ликвидации дел Института исследования Сибири не обратился в правление Томского университета с просьбой о принятии в университет всего библиотечного имущества Института. При этом он настаивал, чтобы библиотека Г.Н. Потанина была размещена в университетском книгохранилище отдельно и таким образом, чтобы перерыв в пользовании потанинской библиотекой был самый незначительный, так как, по его уверениям, надобность в этой библиотеке была очень большая [6. Л. 128]. Окончание перевозки библиотеки Института исследования Сибири из здания технологического института в библиотеку Томского университета подтверждается актом от 21 декабря 1920 г. [7. Л. 19]

В октябре 1921 г. в библиотечную комиссию ТГУ обратился секретарь Сибирского научного кружка им. Г.Н. Потанина. Он просил принять на хранение книги и имущество кружка, кабинет сибиреведения и комнату Г.Н. Потанина. В кабинете сибиреведения, помимо портретов Н.М. Яд-

ринцева, С.С. Шашкова, Г.Д. Гребенщикова, Н.И. Наумова, П.П. Ершова, картин сибирских художников, располагались бюст и портрет Г.Н. Потанина, а в комнате Г.Н. Потанина хранились портреты, картины, рукописи, заметки, адреса, газеты и другие потанинские вещи [7. Л. 56].

Решением библиотечной комиссии ТГУ библиотека и имущество были приняты на хранение. Предполагалось шкафы с книгами поставить в комнате систематического каталога и составить акт о регистрации адресов на имя Г.Н. Потанина, а на первом этаже библиотеки установить табличку «Библиотека и имущество Сибирского научного кружка имени Григория Николаевича Потанина» [7. Л. 54–55].

Общественность волновала проблема сохранения потанинского наследия. В 1924 г. в правление Томского государственного университета поступило обращение председателя Томского губернского комитета по делам музеев с предложением провести опись и систематизацию материалов Г.Н. Потанина, предоставить отдельное изолированное помещение для обеспечения сохранности литературного и научного наследия и некоторых предметов его рабочего кабинета, хранящихся в Научной библиотеке [7. Л. 169]. В 1926 г. было получено официальное разрешение на открытие кабинета Г.Н. Потанина в библиотеке ТГУ. В него были перемещены все потанинские рукописи, переписка, библиотека [8. С. 13]. Однако на рубеже 1920–30-х гг., когда начались гонения на краеведение и музейное дело, отношение к потанинскому наследию изменилось.

В апреле 1931 г. была образована комиссия в составе П.П. Славнина, В.Н. Наумовой-Широких, студентов педагогического факультета ТГУ Михайлова и Ракова, под председательством директора библиотеки Н.И. Ефимова, которая осмотрела кабинет Г.Н. Потанина. Комиссия констатировала, что переписка Г.Н. Потанина валялась на полу вперемешку с научными материалами и мусором, в чемодан Г.Н. Потанина были набиты различные фотографии, портреты, картины, альбомы, записные книжки. Комиссия предложила разобрать материалы по различным отделам Научной библиотеки, а некоторые предметы передать в музей: корзину с вещами – в Томский краевой музей (современный Томский областной краеведческий музей), а папки для адресов, чемодан с фотографиями, портретами, картинами, папками музейных предметов, бюст Г.Н. Потанина, журналы, циркуль – в этнолого-археологический музей ТГУ (современный Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ) [9. Л. 1–2].

Неизвестно, насколько полно было выполнено данное предписание, так как документы, подтверждающие акт передачи предметов не сохранились. Однако на большинстве фотографий, хранящихся ныне в Науч-

ной библиотеке ТГУ, стоит штамп Томского этнолого-археологического музея. Следовательно, либо эти предметы действительно были переданы согласно заключению библиотечной комиссии 1931 г., либо попали в музей прямым из Института исследования Сибири [10. С. 30–33].

Ныне наследие Г.Н. Потанина поделено между Научной библиотекой ТГУ, Томским областным краеведческим музеем, Томским областным художественным музеем и Музеем археологии и этнографии Сибири ТГУ. Силами сотрудников библиотеки и музеев осуществляется публикация источников, популяризация личности и трудов Г.Н. Потанина. Однако не все источники выявлены и систематизированы, что требует дальнейших исследований, решений комплексных проблем сохранения и использования потанинского наследия, издания всех имеющихся в томских хранилищах потанинских материалов.

Примечания

1. *Журналы* заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) // Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 264 с.

2. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 48.

3. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 39.

4. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 13.

5. ГАТО. Ф. Р-816. Оп. 1. Д. 4.

6. *Архив* Научной библиотеки ТГУ. Т. 3.

7. *Там же*. Т. 4.

8. *Шатилов М.* Исторический очерк и обзор Томского Краевого Музея (1922 – 18 марта 1926 г.) // Труды Томского Краевого музея. Томск. 1927. Т. 1. С. 1–37.

9. *Отчёт* о проделанной работе. Комиссия по разбору архива Потанина Г.Н. Рукопись // Архив Научной библиотеки ТГУ. Без номера.

10. *Ожередов Ю.И.* Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып. 2. С. 21–38.

Е.В. Сизова

**РОЛЬ П.И. МАКУШИНА В ФОРМИРОВАНИИ
БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА П.И. МАКУШИНА)**

При открытии мужских гимназий на основании уставов учебных заведений учреждались учебные библиотеки, которые должны были состоять из сочинений «известных классических авторов и лучших учёных творений иностранных и российских» [1. С. 18], а также «из книг, могущих способствовать обогащению учителей знаниями и предназначенных для употребления учащимися» [2. С. 15].

Первоначально основным источником формирования книжных собраний учебных заведений был Департамент народного просвещения, который рассылал по школам в кредит с надбавкой 20% необходимые для учебного процесса книги. С 1832 г. Министерство постановило, чтобы учебные заведения выделили из своих средств по 200 руб. для образования «книжного капитала» на их покупку. В связи с этим начали издаваться специальные каталоги ученических библиотек средних учебных заведений, где указывался большой спектр рекомендуемой литературы. Министерство народного просвещения не настаивало на приобретении всех означенных в списках книг, поэтому педагогические советы гимназий могли сами выбирать, чем пополнять фонды библиотек. В то же время не возбранялось включать в их состав книги, которых не было в каталогах, но которые были рекомендованы и одобрены Министерством народного просвещения. Периодически каталоги книг для библиотек пересматривались и дополнялись. Таким образом, учебное руководство средних учебных заведений получило возможность самостоятельно закупать необходимую литературу и учебные пособия в книжных магазинах или непосредственно у издателей.

Ещё одним источником формирования книжных фондов школьных библиотек служили частные пожертвования от учёных, меценатов и общественных организаций. Однако эти источники не были постоянными и не всегда содержали в себе те книги, которые по своему содержанию соответствовали своему назначению и были пригодны для школьного возраста.

Библиотеки Западно-Сибирских мужских гимназий комплектовались из тех же источников, но данный процесс имел свои особенности. До 70-х гг. XIX в. в Западной Сибири, как и в сибирском регионе в целом, не было ни

книжных магазинов, ни собственных типографий, ни городских библиотек. Закупка книг была очень дорогостоящим и долгим процессом.

Потребность в литературе в библиотеках Западно-Сибирских мужских гимназий была высокой, а источников её пополнения было недостаточно. Министерство народного просвещения, конечно же, посылало в сибирские учебные заведения учебники и учебные пособия. Но в 1865 г. этот процесс был прекращен. Департамент стал заключать договоры с частными книготорговцами о снабжении учебных заведений книгами. «Он сложил все числящиеся за училищами недоимки, и имеющиеся в наличности книги разослал по отдельным училищам. Так образовались продажные библиотеки» [3. С. 35], которые занимались розничной торговлей книгами в помещении учебных заведений. Однако здесь учебные пособия и литература залеживались из-за того, что «в учебных заведениях находилось мало учеников, желающих приобрести руководства, присланные в большом числе экземпляров» [4. Л. 69–69об.]. В результате у гимназий накапливались долги за книги, которые им были не нужны.

Хотя Министерство народного просвещения и снабжало учебными пособиями принадлежащие к ведомству учебные заведения, но этого было явно недостаточно. Поэтому первоначальный книжный фонд мужских гимназий Западной Сибири формировался бессистемно, в основном за счёт частных пожертвований, как деньгами, так и книгами.

Библиотека Томской мужской гимназии начала формироваться еще до её официального открытия за счёт частных пожертвований. В связи с этим она не имела достаточного количества книг, которые могли бы обеспечить учебный процесс. Из бюджета этого учебного заведения на комплектование библиотечного фонда была выделена очень незначительная сумма, поэтому к моменту открытия Томская мужская гимназия не имела полного комплекта учебных пособий и книг, необходимых для обучения гимназистов.

Для исправления сложившейся ситуации предпринимались некоторые действия: библиотека гимназии была присоединена к библиотеке, созданной томскими купеческим, мещанским и цеховым обществами [5. С. 15]; для учебного процесса и для получения преподавателями новой информации стали выписывать периодические издания, руководства для преподавания и сочинения «образцовых» писателей; в связи с увеличивающейся потребностью в книгах следующим шагом было то, что в 1862 г. для обеспечения гимназистов учебной литературой к гимназии была присоединена Томская публичная библиотека, которая 1 января 1863 г. была открыта для публики. Однако уже в 1866 г. главный инспектор училищ Томской губернии признал невозможным дальнейшее пребывание публичной библиотеки

в гимназии и то, чтобы гимназисты являлись её подписчиками. Было решено вновь передать библиотеку городу и учредить собственную ученическую библиотеку, которая и открылась в 1867 г. Так или иначе, книжный фонд Томской мужской гимназии из-за скудости ресурсов не удовлетворял свои насущные потребности даже после открытия при этом учебном заведении «продажной библиотеки», просуществовавшей до 70-х гг. XIX в.

Первые шаги в улучшении обеспечения учащихся необходимой для учебного процесса литературой попытались сделать преподаватели Томской мужской гимназии. В 1868 г. инспектор Н. Стукальский, учитель немецкого языка К. Лохер и еще несколько человек, служащих в Сибири в ведомстве Министерства народного просвещения, объединились для создания общества «Сибирской книжной торговли и Комиссионерства учебных заведений (Восточной и Западной Сибири) для облегчения выписки, продажи, как учебных книг, так и других дозволенных в продажу и распространение» [6. Д. 2. Л. 15]. Однако это общество так и не было учреждено.

Серьёзные изменения стали наблюдаться только начиная с 1871 г., когда томским купцом П.И. Макушиным была открыта первая публичная частная библиотека «для более широкого охвата населения города, прежде всего, для учащихся средних учебных заведений» [7. Д. 2. Л. 2]. В момент открытия её фонд составлял 583 названия, из которых Макушин составил особый отдел в количестве 300 книг, доступных пониманию учащихся в старшем отделении школ. Однако библиотека функционировала не более полугода. Не удалось Петру Ивановичу приобщить к числу читателей учащихся городских школ. Это произошло из-за того, что директор училищ, он же директор Томской губернской мужской гимназии, проведя об этой «ученической библиотеке», нашёл само её существование укором учебному начальству и дискредитацией этого начальства в глазах населения. «Во всем складе господина Макушина и во всех его приёмах» он видел что-то «сомнительное и вызывающее к подозрению» [8. Л. 14].

Директором училищ было сделано распоряжение по всем учебным заведениям Томской губернии, запрещавшее школьникам ходить в библиотеку Макушина за книгами для чтения, где выбор книг «бывает совершенно случайным». Классные наставники должны были предлагать ученикам книги из ученических библиотек.

Дальнейшая деятельность П.И. Макушина заметно повлияла на комплектование библиотечного фонда Томской мужской гимназии. Дело в том, что Пётр Иванович после окончания каждого учебного года произ-

водил тщательный опрос всех заведующих учебными заведениями города и губернии о том, какие и сколько учебников и учебных пособий требуется на следующий учебный год. На основании этих сведений определялось количество необходимых экземпляров каждого из используемых учебников в «норме двух третей» от числа учащихся. К началу учебного года все книги были уже в Томске, а для заказчиков вне Томска были на местах к 15 августа. Если в течение учебного года ощущался недостаток в каком-либо из учебников, то Пётр Иванович немедленно выписывал его телеграммой из Петербурга или Москвы [7. Д. 3. Л. 7].

Бесперебойное выполнение всех заказов в срок привело к тому, что 12 февраля 1877 г. педагогический совет Томской мужской гимназии решил передать закупку книг и учебных пособий, необходимых для этого учебного заведения, книжному магазину Михайлова и Макушина. Первоначально предполагалось подписать контракт с этим магазином на условиях, что книги для казённых воспитанников будут продаваться по петербургским ценам, а для других учеников гимназии – на 10% дороже [10. Л. 2об.]. В конечном итоге был подписан договор, по которому Макушин «обязывался за комиссию брать не более 10% цены книг с пансионеров, а с бедных учеников даже и 5%» [6. Д. 3. Л. 55об.].

Таким образом, можно выделить три основных источника формирования библиотеки Томской мужской гимназии. Первый заключался в присылке учебной литературы Министерством народного просвещения; второй – в пожертвованиях, а третий – в собственных закупках книг, которые производились через магазин Макушина. Последнее обстоятельство стало для Томской мужской гимназии наиболее удобной и приемлемой формой комплектования фундаментальной и ученической библиотек вплоть до самого закрытия учебного заведения.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-01-64102 а/т.

Примечания

1. *Устав* учебных заведений, подведомых университетам. Б.м., 1804.
2. *Устав* гимназий и прогимназий 1864 г. СПб., 1864.
3. *Краткие сведения* по истории дирекции училищ Томской губернии. Томск, 1913.
4. *Государственный архив* Томской области (ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 7.
5. *Мисюрев А.* Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие ее существования (1838–1888). Томск, 1894.
6. ГАТО. Ф. 101. Оп. 1.
7. ОРКП НБ ТГУ. Фонд Ф. 4: П.И. Макушин. Оп. 1.
8. *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 78. Д. 24.

А.М. Иванова

МАТЕРИАЛЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 г. В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ПРИМЕР ФУНКЦИОНАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ ДОКУМЕНТА

Перепись 1917 г., предполагавшая сплошной подворный учёт крестьянских хозяйств, с указанием численности населения и скота, размеров посевных площадей, землевладения и землепользования с подразделением земельной площади по отдельным угодьям, количества и видов сельскохозяйственного инвентаря, промыслов, преследовала цель получения необходимых данных о сельскохозяйственном производстве страны для продолжения войны и решения земельного вопроса.

Советом министров 05.05.1917 г. было утверждено положение о проведении всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи и всероссийской городской переписи 1917 г. Для сельскохозяйственной переписи составлялись подворные карточки, общинные и поселенные бланки, списки населённых мест в волости и списки домохозяев.

В настоящее время документы переписи 1917 г. выступают в качестве важнейшего исторического источника. Они предоставляют исследователям возможность изучать комплекс проблем связанных с развитием сельского хозяйства, таких как уровень капиталистического развития сибирской деревни начала XX века, модернизации крестьянского хозяйства, процент применения наёмной рабочей силы, категории сдатчиков и арендаторов земельных наделов, социальный состав населения и др.

Нельзя, конечно, с полной уверенностью говорить об абсолютной достоверности представленных сведений, так как крестьяне в основном неодобрительно относились к проведению переписи, и, несмотря на воззвания правительства, призывавшего крестьян не скрывать действительного положения дел в хозяйстве, опасались давать правдивые показания из-за боязни реквизиции земли и имущества. Так, окружной инструктор Щегловского района в письме заведующему переписью от 14.08.1917 г. писал: «показания населения не везде, конечно, надо счесть за правильные: есть преуменьшения, в показаниях средних сборов на одну десятину, и преувеличения, в показаниях затрат на обработку земли». И это был не единичный случай [5. Л. 94].

Изначально важнейшей функцией материалов переписи являлась функция учёта. Для сельскохозяйственной переписи 1917 г. был разработан специальный бланк. Демографический отдел подворной карточки предполагал

регистрацию населения по полу и возрасту с указанием сословия, национальности и отношения к сельскому обществу, учитывалось грамотное население. Определяющим при выделении работоспособного населения являлся возрастной фактор, 18–60 лет для мужчин и 16–55 лет для женщин. Подворная карточка не только фиксировала факт найма сельскохозяйственных рабочих, но и делила их на годовых, сроковых, поденных и работающих сдельно. Регистрировались взятые в армию мужчины. В карточку включались сведения о сроках и условиях аренды, данные о том, кому сдавалась и у кого арендовалась земля. В разделе о сельскохозяйственном инвентаре учитывались сведения не только об усовершенствованном инвентаре, но и простейшем (телеги на деревянном ходу, бороны и др.).

Многогранность материалов переписи характеризуется также наличием информационной и социальной функций, присущих документу изначально, так как он всегда несёт определенную информацию и создаётся в результате той или иной общественной потребности. В случае с сельскохозяйственной переписью 1917 г. это было связано с намерением правительства выяснить положение сельского хозяйства страны в период Первой мировой войны и сбором данных о землевладении, землепользовании, миграции населения для проведения аграрной реформы. Для этого в бланке переписи сельского населения в Сибири указывались категории крестьян: старожилы и переселенцы, указывалась губерния выхода и год прибытия в Томскую губернию, время образования самостоятельного хозяйства. Изучение социальной функции документа помогает воспроизвести механизм действия общества.

Материалы переписи выполняли также управленческую, правовую, политическую, коммуникативную и культурную функции.

В управленческой функции документ выступает как средство управленческой деятельности, её выполняют документы, созданные для целей управления и для обеспечения процесса принятия решений. Одной из главных задач переписи являлся сбор необходимой информации для решения земельного вопроса. С этой целью необходимо было повсеместно собрать сведения о земельных нуждах крестьян, о земельных запасах в руках помещиков, церквей, монастырей, казны, кабинета. Предполагалось выяснить, сколько и под какими угодьями имеется земли в России, как пользуется крестьянство землёй в большинстве случаев (на общинных началах или в виде единоличной собственности), какое количество имеется крестьян малоземельных и безземельных, сколько наёмных рабочих занято в сельском хозяйстве, как население восполняет недостаток земли путём аренды и т.д.

Вопрос о земле должно было решать Учредительное собрание, для чего предполагалось заблаговременно составить законопроект о земельном устройстве России. Таким образом, можно говорить о политической и правовой функциях документов переписи 1917 г. Политическая функция документа определяется необходимостью запечатления, сохранения и передачи информации о политических процессах в обществе, внутренней и внешней политике государства. Что касается правовой функции, то хотя материалы переписи напрямую и не являются правовой документацией, но их предполагалось использовать для принятия закона о земле.

Материалы переписи выполняли также и коммуникативную функцию, основной задачей которой является передача информации во времени и пространстве.

Можно говорить и о культурной функции документов сельскохозяйственной переписи 1917 г., так как в подворной карточке учитывался самый разнообразный сельскохозяйственный инвентарь, начиная от паровых и нефтяных молотилок и заканчивая телегами на деревянном ходу. Анализ этих данных даёт представление о техническом уровне развития крестьянского общества в России начала XX в.

Таким образом, материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. выполняли следующие функции: исторического источника, учёта, информационную, социальную, политическую, культурную, управленческую, коммуникативную, правовую. Значение той или иной функции со временем изменяется, так как меняется роль самого документа в общественных отношениях, социальной структуре. Для документов переписи 1917 г. сейчас на первый план вышла функция исторического источника, тогда как другие функции исчезли либо их удельный вес уменьшился. Некогда актуальная информация, содержащаяся в документах переписи, со временем превратилась в информацию о прошлом.

Примечания

1. *План* организации всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи 1917 г. в Томской губернии. Томск, 1917.
2. *Илюшенко М.П.* Функциональный анализ документа // Делопроизводство. 1999. № 2.
3. *Илюшенко М.П.* Функциональный анализ документа // Делопроизводство. 2000. № 1.
4. *Государственный архив* Томской области (ГАТО). Ф. 239. Оп. 13. Д. 17.
5. ГАТО. Ф. 239. Оп. 13. Д. 18.
6. ГАТО. Ф. 239 Оп. 17. Д. 1а.

Е.В. Литенкова

**КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ ПО ПРОВЕДЕНИЮ
СЕССИЙ ТЮМЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ В 1944–1950-е гг.**

14 августа 1944 г. Указом Президиума Верховного СССР была образована Тюменская область с центром в городе Тюмени. Руководство регионом с 1944 по 1994 гг. осуществлял Тюменский областной совет депутатов трудящихся (с 7 октября 1977 г. – Тюменский областной совет народных депутатов).

С принятием Конституции СССР в 1936 г. советы депутатов трудящихся стали постоянно действующими органами власти и управления на своей территории. Они избирались на установленный срок, в течение которого осуществляли свои полномочия в одном и том же составе депутатов. Советы решали многочисленные вопросы хозяйственного и социально-культурного строительства, устанавливали местный бюджет, утверждали планы развития хозяйства и культуры и обеспечивали их выполнение, руководили местной промышленностью, сельским хозяйством.

В настоящее время документы Тюменского областного совета за 1944–1994 гг. находятся в архивном фонде № Р-814 «Тюменский областной совет народных депутатов и его исполнительный комитет» Государственного архива Тюменской области. Фонд насчитывает более 11 тыс. дел, содержащих важную информацию по истории органов представительной власти Тюменской области в советский период. Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются материалы сессий областного совета, содержащие ценные сведения, касающиеся основных сторон жизни области. Так, именно на сессиях Тюменского областного совета утверждались годовые бюджеты, народно-хозяйственные планы области.

Тюменский областной совет осуществлял свою работу в сессионном порядке. Периодически созывались собрания депутатов, на которых решались важнейшие вопросы политической жизни региона и государственного управления. Такой порядок, как считалось, гарантировал гласность и публичность их работы.

1 сессия первого созыва Тюменского областного совета состоялась 21–22 ноября 1944 г. Её итогом стало утверждение структуры исполнительной власти и окончательная организация деятельности Тюменского областного совета. Был создан областной исполнительный комитет, образованы 11 отделов и 6 управлений исполкома, утверждены плановая комиссия и сектор

кадров при председателе облисполкома и организованы постоянно действующие комиссии областного совета [1. Л. 5].

О созыве очередной сессии Тюменского областного совета сообщалось в решении его исполнительного комитета, где оговаривалась дата созыва, повестка дня, назначались докладчики по рассматриваемым вопросам и комиссии для выработки проектов решений сессии, а также содержалась информация о составе присутствующих на заседании. Решение подписывал председатель областного исполнительного комитета или его заместитель и секретарь или член исполкома [2. Л. 20–21].

Подготовка каждого заседания сессии включала целый ряд организационных и технических вопросов. Оформлением документации областного совета занимался организационно-инструкторский отдел исполкома. Коллегиальный орган был правомочен решать вопросы при наличии кворума, т.е. установленного законом или уставом числа присутствующих на заседании членов, считающегося обязательным условием для признания решения коллегиального органа действительными. Организационному или общему отделу необходимо было заблаговременно выяснить, кто из членов коллегиального органа находился в отпуске, в командировке или на лечении, имелась ли возможность обеспечить кворум в день заседания, какие меры необходимо принять, чтобы члены коллегиального органа имели возможность присутствовать на заседании в назначенный срок.

Открыв заседание, председательствующий прежде всего ставил вопрос об утверждении повестки дня. В неё могли вноситься новые вопросы, если они в достаточной степени были подготовлены для рассмотрения на заседании, или исключаться некоторые вопросы, если члены коллегиального органа считали это необходимым. Затем определялся регламент работы сессии.

В повестке дня заседания Тюменского областного совета все вопросы имели полное и точное наименование. Считалось, что формулировка вопроса будет являться заголовком проекта решения. Однородные вопросы повестки дня, как правило, объединялись одним наименованием. Например, вопросы кадров обозначались, как организационные [5. Л. 3; 8. Л. 4].

Всех присутствующих на заседании можно было условно разделить на две группы: постоянные участники и приглашённые. К первой группе относились члены совета, руководители его структурных подразделений, представители прокуратуры как органа, осуществлявшего надзор за соблюдением законности. Все эти лица участвовали в заседаниях с начала и до конца. Сюда же входили депутаты Верховного Совета РСФСР и СССР, председатели окружных районных и городских исполнительных комитетов.

Ко второй группе относились лица, чьё участие в том или ином заседании ограничивалось рассмотрением только одного вопроса. Их фамилии в документе записывались отдельной строкой [4. Л. 3; 5. Л. 3]. В результате число участников сессии могло достигать 200 и более чел.

После утверждения повестки дня, порядка рассмотрения вопросов и регламента работы председатель сессии объявлял о переходе к рассмотрению повестки и предоставлял слово докладчику по первому вопросу. После его выступления начиналось обсуждение доклада, завершавшееся принятием конкретного решения.

Каждое заседание Тюменского областного Совета документировалось. Протоколы составлялись по определенной форме и содержали сведения о составе совета, о присутствующих на заседании, повестке дня, а также записи выступлений участников заседания и принятые решения. Протоколы составлялись, как правило, по одному образцу и содержали наименование («Протокол»), номер, наименование коллегиального органа, дату, наименование места проведения заседания, количественный состав совета, повестку дня заседания, текст с изложением хода обсуждения вопросов и принятых решений, подписи председателя и секретаря областного совета. Нумерация протоколов осуществлялась в пределах срока полномочий совета.

Текст протокола составлялся по разделам «Слушали», «Решили». В разделе «Слушали» указывались наименование вопроса (заголовок проекта решения), инициалы и фамилия докладчика, кратко излагалось содержание выступления. В разделе «Решили» записывалось принятое решение [6. Л. 1–3].

Тексты протоколов печатались и подписывались председателем и секретарём сессии [6. Л. 3; 7. Л. 5]. Копии протоколов в обязательном порядке направлялись в Президиум Верховного Совета СССР и РСФСР [3. Л. 1, 2].

К протоколам Тюменского областного совета прилагались решения, содержавшие следующие реквизиты: наименование вида документа («Решение»), наименование коллегиального органа, дату, место проведения заседания, текст, подписи соответствующих лиц (председателя и секретаря исполкома облсовета). Заголовок решения во всех случаях начинался с предлога «О» или «Об», например: «Об освобождении...», «Об утверждении...», «О мерах...», «О ходе...». Текст решения состоял из двух частей: описательной (констатирующей) и постановляющей (резолютивной). В решениях по кадровым вопросам описательная часть отсутствовала [7. Л. 24, 25].

После того, как решение на заседании коллегиального органа принималось, завершалось его оформление, а после окончания сессии ему при-

сваивался номер, например, решение Тюменского областного совета депутатов трудящихся (8 сессия 3 созыва). Однако в первые годы такая практика отсутствовала, фиксировались только дата и подписи соответствующих должностных лиц.

Как правило, наименования должности в подписи на решениях должны были ставиться полностью: Председатель исполнительного комитета Тюменского областного совета депутатов трудящихся. Однако часто в документах совета встречается сокращённое написание, например: Председатель Тюменского облисполкома или Председатель исполкома областного Совета [7. Л. 16, 23]. Печати на подлинниках решений не ставились, поскольку данные документы не предназначались для обращения за пределами коллегиального органа.

Анализ комплекса документов, связанных с подготовкой и проведением сессий Тюменского областного совета, позволяет сделать вывод о том, что за первые полтора десятилетия его функционирования существенных перемен в оформлении документов заседаний совета не произошло. Имели место лишь незначительные изменения. В частности, в конце 1950-х гг. в протоколах стали указывать не только количество присутствующих, но и количество отсутствующих на заседаниях сессии, а также причины отсутствия депутатов и приглашенных лиц. Значительно увеличился также объём справочного материала, который накапливался в процессе подготовки и проведения сессий (многочисленные справки, заявления). Основной проблемой оформления документов в тот период являлось отсутствие инструкции по делопроизводству в областном совете и его исполнительном комитете.

Примечания

1. *Государственный архив* Тюменской области (ГАТюмО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 213.
2. ГАТюмО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 570.
3. ГАТюмО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 1028.
4. ГАТюмО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 1832.
5. ГАТюмО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 1834.
6. ГАТюмО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 2105.
7. ГАТюмО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 2107.
8. ГАТюмО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 2109.

И.А. Крайнева

**ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ ФОТОГРАФИЙ
КАК СОБРАНИЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ НАУКИ
В СИБИРИ**

Развитие инфосферы – мирового информационного пространства – несет широкие возможности коммуникации. Осознание взаимной информационной связанности людей в настоящем и будущем находит свое выражение в использовании современных телекоммуникационных средств сохранения наследия поколений и культур.

Элементом такого наследия, массовым объектом коллекций музеев, государственных, корпоративных и частных архивов является кинофото-документ как особый вид репродуцирования. Фотография в этом ряду обладает спецификой. Как феномен культуры, исторический источник, она, в отличие от многих других источников информации, как правило, «доходит до читателя в первозданном виде, не подвергаясь искажениям со стороны интерпретатора» [1. С. 110].

Документальность и достоверность делает фотографию особым видом артефакта. Важность фотодокумента определяется также широким распространением фотографирования как вида человеческой деятельности, причем развитие технологии ему все более способствует. Фотодокумент создает зримый образ эпохи во всех ее проявлениях, он понятен современнику, но должен быть объяснен последующим поколениям. В силу этой своей специфики фотодокументы являются важнейшим источником информации, не фиксируемой другими видами источников, они иллюстрируют исторические события, обеспечивают их фиксацию и облегчают восприятие исторического исследования.

За более чем 50-летний период существования Сибирского отделения РАН (СО РАН) накоплен огромный массив кино- и фотодокументов, который до недавнего времени не подвергался систематическому исследованию. Задача его изучения, хранения и систематизации давно назрела. Впервые в истории СО РАН фотография становится объектом исследования.

Современные средства обработки и хранения информации привели к появлению электронных архивов данных. Во всем мире информация переводится на электронные носители, что позволяет, во-первых, обеспечить сохранность исходных документов, поскольку в повседневной работе специалисты самого разного профиля обращаются уже не к оригиналам, а к их электронным копиям, и, во-вторых, благодаря развитию со-

временных инструментальных систем значительно облегчается задача поиска информации в самых разнородных массивах данных. Нельзя не упомянуть и возможности Интернета, распространение которого в последние десятилетия обеспечивает широкий доступ к информации самым разным категориям людей – от профессионалов до любителей «побродить по всемирной паутине».

Целями проекта являются: сбор кино- и фотодокументов по истории науки в Сибири, их оцифровка, постоянное надежное хранение электронных копий; создание базы данных по фактам истории СО РАН в виде зримых образов; предоставление удобных средств поиска фотографий и связанных с ними фактов в этой базе, поддержка исследований в области истории науки, биографики, музейной деятельности; предоставление доступа к материалам архива широким кругам общественности.

Кроме того, с привлечением возможностей информационных технологий обеспечиваются систематизация, популяризация и использование в исследовательской работе уникальных исторических источников, которыми являются фотодокументы, кинофильмы и видеозаписи, связанные с историей науки в Сибири.

Поставленные цели достигаются путем размещения вышеназванных исторических источников в «Электронном фотоархиве СО РАН» <http://www.soran1957.ru>. Он создан на основе системы СОРАН1957, которая включает базу данных, где хранятся фото- и кинодокументы, служебный интерфейс, позволяющий специалистам – информационным работникам – вводить документы в базу данных, описывать и редактировать их, и Web-интерфейс, обеспечивающий доступ к архиву ученым – историкам и науковедам, а также пользователям Интернета, интересующимся историей СО РАН. С каждым документом в базе данных связана информация о персонах, об организациях и событиях, представленных на этом фото, осуществлена его привязка к одной или нескольким тематическим коллекциям, географическим системам.

Изучение и архивирование кино- фотодокументов идет по следующим направлениям: научные биографии, фотолетопись учреждений и организаций, научные приборы, научные мероприятия, исследования и открытия, архитектурные особенности сибирских Академгородков, юбилейные и другие знаковые мероприятия, бытовые зарисовки, пейзажи.

Как сами научные проблемы, на решение которых направлен проект, так и сферы использования результатов проекта, носят междисциплинарный характер, поскольку объединяют специалистов из разных областей знания. Результаты проекта могут быть использованы исследователями ис-

торического, науковедческого, социодемографического профиля; специалистами в области биографики и музейного дела, истории фотографии, кино-фотодела, в выставочной деятельности, представителями средств массовой коммуникации. Информационная система может быть использована для решения широкого круга проблем, связанных с хранением больших массивов разных данных и поиском в них.

Содержание проекта включает три основных момента:

1. Исследования, направленные на поиск исторических источников для наполнения системы.

Проект «Электронный фотоархив Сибирского отделения РАН» был задуман в преддверии 50-летия со дня основания Отделения. Он инициирован Институтом систем информатики им. А.П. Ершова в 2005 г. и поддержан Президиумом СО РАН. Впервые в истории СО РАН были предприняты действия, направленные на сохранение и упорядочение фото- и кинодокументов, осуществлен комплексный подход к ним, как к историческим источникам. На начальном этапе выполнения этого проекта переведено в электронный формат и описано в системе СОРАН1957 свыше 8 тыс. фотодокументов и 30 фильмов по истории Сибирского отделения РАН.

В Сибирском отделении накоплен огромный архив фотодокументов, отражающий историю становления и развития СО РАН на протяжении более полувека. Весь массив документов находится в разных местах и у разных лиц, затруднена атрибуция многих снимков, возникают проблемы физической сохранности фото- и кинодокументов. С каждым годом все труднее обеспечить их хранение и интерпретацию, поскольку ветераны СОРАН отходят от активной деятельности или уходят из жизни.

По мере исследования состояния дел с использованием и хранением фото- и кинодокументов стала очевидна неизбежность расширения хронологических и тематических рамок истории науки в Сибири, поиск истоков в более ранних «культурных слоях». Так, были привлечены фотодокументы по истории первых экспедиций АН СССР в Сибирь, фрагментарно собрания из музеев Томского государственного университета, учреждений Западно-Сибирского филиала АН СССР и др. Работа в этом направлении будет продолжена, активно будут привлекаться коллекции кино-фотодокументов институтов СО РАН, издательств, газет, музеев, частных собраний.

2. Наполнение Электронного архива.

Наполнение архива является трудоемким процессом: во-первых, поиск информации для полного аннотирования документов требует значительных усилий специалиста-историка науки, во-вторых, ввод информа-

ции в базу данных, осуществляемый оператором, требует внимания и занимает достаточно много времени. В работе по наполнению архива можно выделить несколько этапов:

– Все документы необходимо отсканировать, добиваясь при этом достаточно высокого качества получаемого изображения. Это обеспечивается путем сканирования фотодокументов с высоким разрешением в режиме tif rgb. Высокое качество сканирования позволяет в дальнейшем обрабатывать изображения с помощью графических редакторов для улучшения качества изображения, что особенно важно при работе со старыми, плохо сохранившимися фотографиями и слайдами. Достигнутое качество изображения позволит использовать фотоматериалы, например, в печати, для графической обработки и т.д. В последние годы, в связи с широким развитием цифровой фотографии, задача получения качественных изображений несколько упрощается, отпадает необходимость сканирования современного материала.

– Ввод изображений в систему, где предусмотрена возможность хранения нескольких представлений одного документа – отсканированных с большим разрешением для дальнейшей работы или репродуцирования и небольших по размеру файлов для представления в интернете.

– Ввод в базу данных архива описания документа и установление соответствия между ним и его изображением. Описание документов осуществляется с помощью специальной подсистемы – «Рабочее место архивариуса». Работа ведется в режиме on-line, одновременно вводом документов могут заниматься несколько человек, каждый документ, занесенный в базу данных, сразу же становится доступен для просмотра. Вводя документ в базу данных, оператор-архивариус должен проанализировать его и выделить такие поля, как автор кино- и фотодокумента, изображенные персоны, место действия, событие, место работы лиц, изображенных на фотографии, город и страну, время создания документа, ключевые слова и т. д. Кроме того, каждый документ снабжается краткой аннотацией. В результате посетитель электронного архива сможет найти интересующие его документы с помощью поиска, параметрами которого могут быть ключевые слова, имена и фамилии, названия организаций, города и пр.

3. Развитие системы СОРАН1957.

Технологический комплекс, используемый для создания Фотоархива СО РАН был создан в ИСИ СО РАН в 2005–2007 гг. и в настоящее время требует модернизации и функционального расширения. Предполагается переработать или перевести на новую технологическую базу следующие компоненты комплекса: систему первичной работы с мультимедиа доку-

ментами, два интерфейса редактирования данных (рабочие места архивариуса), публичный интерфейс, предназначенный для предоставления доступа к документам и базе данных со стороны широких слоев общест-венности.

Кроме того, предполагается разработать новый вариант ядра системы, создать возможность распределенной работы с системой (организация под-проектов), расширить набор классов архивируемых документов, разрабо-тать специализированные средства анализа целостности и полноты дан-ных, качественнее решить вопрос дублирования, сохранения и миграции документов и базы данных.

Систему первичной работы с мультимедиа документами планируется перевести на технологию кассет, расширить набор обрабатываемых доку-ментов, увеличить гибкость по доступу к оригиналам и просмотрным копиям, ввести систему контроля над появлением копий документов (на-пример, устранять дубли фотографий).

В качестве рабочих мест архивариуса в настоящее время используют-ся две системы, отличающиеся тем, что одна – Web-приложение, другая – Windows-приложение. Обе программы нужны в системе и обе требуют модернизации. Web-приложение необходимо перевести на технологии Web 2.0 (AJAX), возможно будет сделана также Silverlight-версия. Win-dows-приложение (программа Fact-o-graph) требуется перевести в техно-логический базис WPF платформы .NET Framework 3.5. Кроме того, надо увеличить гибкость и удобство редактирующих приложений и учесть по-желания пользователей

В настоящее время существует множество подходов к фиксации фак-тов исторической направленности. К таким подходам относятся: базы данных, всемирная паутина World Wide Web, системы описания инфор-мационных ресурсов, основанные на метаинформации, электронные биб-лиотеки. В последние годы активно развивается новое направление в ин-формационных технологиях: Semantic Web (SW). В отличие от упомяну-тых подходов, подход SW позволяет формализовать существенные зна-ния о смысле данных и использовать эти знания для создания информа-ционных систем нового поколения.

Система реализована в технологии .NET, легко может быть установлена на сервер или даже на пользовательскую машину. База данных фото-ар-хива в настоящее время содержит информацию о 7 тыс. персон, о 2 тыс. организаций и мероприятий, в архиве имеется 16 тыс. фотодокументов.

Если технологические аналоги данному проекту можно найти, по-смотреть любой интернет-ориентированный ресурс, относящийся к элек-

тронным архивам и музеям (например, Виртуальный компьютерный музей <http://www.computer-museum.ru> или Древнерусские берестяные грамоты <http://gramoty.ru>), то содержательно рассматривая проект в русле мировых тенденций, можно упомянуть лишь недавно обнаруженный проект компании Google, создавшей онлайн-базу фотоархива журнала LIFE (св. 20 тыс. фото, <http://images.google.com/hosted/life>). С этой точки зрения в России проект уникален [2–3].

Примечания

1. *Петровская Е.В.* Фотография в биографическом контексте // Право на имя: Биографии 20 в: Биография как парадигма исторического процесса: Вторые чтения памяти Вениамина Иофе: Санкт-Петербург, 16–18 апреля 2004 г. СПб., 2005.

2. *Марчук А.Г.* Электронные архивы, музеи и экспозиции // Тр. 5-ой Всероссийской науч. конф. «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции» – RCDL2003. НИИ Химии СПбГУ, 2005. С. 106–111.

3. *Крайнева И.А., Марчук А.Г., Марчук П.А.* Технологии исторической фактографии: Электронный фотоархив СО РАН // Мат. Всероссийской науч.-практ. конф. «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество», Улан-Удэ, 6–9 сентября 2009 г. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 3–8.

А.А. Толстова

**ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Одной из важнейших задач Томского государственного университета (ТГУ) является информационное обеспечение нужд науки и образования. Наиболее эффективный подход – организация доступа к источникам информации в электронной форме. Научная библиотека, как структурное подразделение ТГУ, в соответствии с поставленной задачей призвана поддерживать обучение и научные исследования, обеспечивать доступ к мировым знаниям и информации путем организации книжного фонда и внедрения современных информационных технологий.

Для осуществления библиотекой комплектования фонда электронных документов необходимо однозначное понимание терминов используемых в этой сфере. В отсутствие согласованного мнения и должной обоснованности определений в профессиональной литературе, мы будем опираться на международный и межгосударственный стандарты.

Библиотечный фонд – это документы, предоставляемые библиотекой ее пользователям; включают документы, имеющиеся в библиотеке, и удаленные ресурсы, для которых оформлены права доступа, постоянного или временного [1].

Электронный документ – документ на машиночитаемом носителе, для использования которого необходимы средства вычислительной техники [2].

В настоящее время процесс формирования фондов электронных документов в библиотеках приобрел устойчивый характер. Начало было положено в конце 1980-х гг. путём приобретения электронных изданий на CD-ROM. Сейчас все большее развитие получают фонды электронных документов без индивидуального материального носителя или сетевых.

В Научной библиотеке ТГУ организован доступ к информационным ресурсам на компакт-дисках, в локальной сети библиотеки, а также в режиме удалённого доступа.

Библиотека формирует фонд электронных изданий на оптических компакт-дисках (CD-ROM) по всем отраслям знаний. Учебные пособия на компакт-дисках хранятся в отраслевых читальных залах в соответствии с содержанием электронного издания. Библиографические и справочные издания – в библиографическом информационном центре.

В локальной сети библиотеки установлены библиографические базы данных ИНИОН по социальным и гуманитарным наукам, реферативный журнал научно-технической информации ВИНТИ, электронные издания государственной библиографии («Российская национальная библиография», «Книги и брошюры», «Авторефераты диссертаций» и др.); справочно-правовые полнотекстовые системы – «Консультант Плюс», «Гарант-Максимум», «Кодекс» и др. Локальные базы данных доступны с автоматизированных мест Научной библиотеки, а также на некоторых кафедрах университета и предоставляются пользователям бесплатно.

Научная библиотека ТГУ предоставляет доступ к полнотекстовым удалённым ресурсам, которые представлены электронными журналами и книгами преимущественно на английском языке. Библиотека имеет доступ к таким базам данных, как Научная электронная библиотека (РФФИ), Университетская информационная система РОССИЯ (УИС РОССИЯ), Электронная библиотека диссертаций (с 1998 г.), Science Direct (2000–2005 гг.), база данных JSTOR Art&Sciences 1 Collection, Oxford University Press (с 1996 г.), American Chemical Society (ASC, с 1996 г.) и др. Доступ к ресурсам возможен со всех компьютеров ТГУ и читальных залов Научной библиотеки ТГУ.

Одним из приоритетных направлений ТГУ, как держателя информационного потенциала большого объёма, является также создание электронной библиотеки (ЭБ) на базе Научной библиотеки.

ЭБ формируется универсальной по содержанию и включает документы, фрагменты документов, отдельные главы, оглавления изданий. Хронологические рамки для включаемых документов не устанавливаются. Тем не менее, приоритеты отдаются:

1. *Научным и учебным изданиям ТГУ.* Коллекция опубликованных результатов фундаментальных и прикладных научных исследований ТГУ должна предоставить будущему поколению исследователей доступ репрезентативной электронной коллекции документов, изданных в ТГУ.

2. *Авторефератам диссертаций (с 2003 г.),* представленных к защите в диссертационные советы ТГУ, хранящихся преимущественно в Научной библиотеке на правах рукописей. Формирование электронной коллекции осуществляется на основе текущих поступлений от авторов полных электронных версий авторефератов одновременно с твердыми копиями.

3. *Книгам по истории Сибири, города Томска, сибирским газетам,* имеющимся в фонде Научной библиотеки ТГУ, которые призваны многоаспектно раскрыть развитие культуры Сибири на фоне социально-политической истории России. В первую очередь библиотека считает необ-

ходимым сохранить повреждённые документы, имеющие научную ценность для исследователей Сибири.

4. *Коллекциям документов в поддержку учебно-образовательного процесса* – оцифрование изданий для удовлетворения запросов студентов. Отбор изданий производится на основе изучения интенсивности использования изданий в фондах НБ, в сопоставлении с рекомендациями кафедр, предполагает экспертизу в отборе материалов.

В состав ЭБ включаются ресурсы, физически хранящиеся в ТГУ (на внешних носителях, компакт-дисках и т.п. или серверах вне зависимости от источника их поступления с соблюдением условий легитимности). Ресурсы электронной библиотеки являются частью фонда Научной библиотеки ТГУ. Для каждого документа или его составляющей определяются права доступа: во внешнем Интернете, в корпоративной сети университета и в помещении Научной библиотеки.

Таким образом, развитие электронных информационных технологий предоставило Научной библиотеке ТГУ новые возможности для информационного обслуживания, расширило возможности поиска и быстрого получения библиографической и полнотекстовой информации из библиотек и учреждений всего мира.

Научная библиотека Томского государственного университета, организуя сбор, хранение и использование, а также создание собственных электронных информационных ресурсов, является неотъемлемым компонентом процесса информатизации вуза. Внедрение электронных информационных технологий, обеспечение эффективного доступа к разнородным распределённым информационным ресурсам позволяет включить университет в российское и мировое информационное и научно-образовательное пространство.

Примечания

1. *Международный стандарт* ISO/FDIS 2789:2006. Информация и документация – Международная библиотечная статистика.

2. ГОСТ 7.83-2001. Электронные издания. Основные виды. Выходные сведения.

Д.В. Помелова

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОПОЛНЕНИЯ ФОНДОВ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

Деятельность краеведческого музея опирается, как правило, на музейное собрание, которое включает основной фонд музейных предметов и фонд научно-вспомогательных материалов. Кроме того, в процессе музейного строительства возникают фонд материалов временного хранения, архивный и библиотечный фонды и др. В процессе научного комплектования фондов краеведческого музея осуществляется работа по выявлению, собиранию и систематизации источников, документирующих природные явления, историческое прошлое данной территории.

В формировании и пополнении музейных фондов чаще всего используются источники различных типов. Прежде всего это вещественные источники, к каковым относятся археологические материалы, добытые в результате специальных раскопок, а также случайных находок; орудия труда, различные технические приспособления, образцы промышленной продукции; предметы, характеризующее военное дело (оружие, обмундирование, знаки воинского отличия, знамена); предметы бытовой культуры, одежды и т.д. В круг вещественных источников включаются также материалы нумизматики (монеты), бонистики (бумажные деньги), фалеристики (ордена, медали и др. знаки), сфрагистики (печати), геральдики (гербы) и пр.

В группу изобразительных источников, важных для формирования и пополнения музейных фондов, входят произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства (живопись, графика, скульптура, изделия народных художественных промыслов), а также фотографии и фотографические материалы (дагерротипы, негативы, позитивы). Подгруппу изобразительно-графических источников составляют карты, планы, атласы, глобусы, чертежи, отражающие исторические события, географическое положение той или иной местности.

Особую группу музейных источников формируют киноматериалы (документальные и художественные) и фонозаписи (речевые, музыкальные, шумовые записи на грампластинках, магнитофонных лентах, аудиокассетах, компакт-дисках). Они находят все более широкое применение в таких направлениях музейной деятельности, как экспозиционная работа, музейная педагогика и др.

Письменные памятники – рукописи, архивные документы, различные типографские издания – обеспечивают основу научного изучения и пони-

мания исторического прошлого, а одновременно и визуализируют прошлое [1]. Особенностью музейного комплектования новейшего времени стало поступление и использование электронных документов.

Для краеведческих музеев характерно комплексное документирование природных и исторических процессов, поэтому в формировании фондов музеев и в их работе используется весь спектр исторических источников [2. С. 91]. При этом наряду с уникальными документами и вещественными источниками в музее собираются и хранятся типовые предметы, они нередко откладываются в дублетном фонде, создание которого обеспечивает большую сохранность коллекционных музейных предметов, усиливает эффективность их использования [3. С. 47].

В создании научно-вспомогательного фонда привлекаются различные воспроизведения (фотокопии, слепки, муляжи, макеты, реконструкции), образцы сельскохозяйственных культур и других натуральных материалов, подверженных порче и требующих частой замены, а также природные материалы, не имеющие музейного значения, но используемые для наглядного показа некоторых явлений природы [4. С. 24].

Пополнение музейных фондов осуществляется путем целенаправленной научно-фондовой работы, направленной на комплектование, учет, сохранение и использование музейных предметов. Вместе с тем расширение фондов возможно и за счет случайных поступлений, приобретения или получение в дар коллекций личного происхождения.

Примечания

1. *Инструкция* по учету, хранению и реставрации музейных предметов и музейных коллекций ГУК СОИКМ им. П.В. Алабина. Самара, 2007.
2. *Музееведение*. Музеи исторического профиля / Под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высшая школа, 1988.
3. *Инструкция* по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. М., 1984.
4. *Дубов И.В.* Музееведение: Краткий курс лекций. СПб, 2004.

С.Ю. Гасникова, И.А. Лило

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ И НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ АТТЕСТАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В жизнедеятельности любого образовательного учреждения существуют такие правовые формы, как лицензирование, аттестация и аккредитация. Аттестация в становлении образовательного учреждения занимает важное место, является основной формой государственно-общественного контроля качества образования. Государственная аттестация образовательных учреждений призвана обеспечить гарантии получения обязательного образовательного минимума в учреждениях как общего, так и профессионального образования всех уровней, а также защитить общество от тех учреждений, образовательный процесс в которых не соответствует установленным государством требованиям и потому не обеспечивающих надлежащую подготовку выпускников. Задачи общественной аттестации могут быть гораздо шире, но главная её цель – выявление «максимума» образовательного потенциала учебного заведения.

Аттестация является неотъемлемой частью процесса становления образовательного учреждения и оказывает влияние на его дальнейшее функционирование. Весь процесс прохождения аттестации сопровождается большим количеством документации, к которой предъявляются определённые требования.

Аттестация окажется сложной процедурой без знания действующего и постоянно меняющегося законодательства и учёта всех тонкостей, которые сопровождают процесс аттестации. Изучение законодательной базы необходимо для того, чтобы своевременно реагировать на огромное количество изменений в законах и иных нормативных актах, регулирующих данный процесс, а также для правильного оформления документов, необходимых для получения лицензии.

Особенности аттестации образовательных учреждений, реализующих образовательные программы общего образования, и учреждений начального профессионального образования определены Положением о порядке аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений, утвержденным приказом Минобрнауки России [1]. В этом положении устанавливаются на единой нормативной и организационно-методической основе: порядок аттестации такого рода образовательных учреждений; документы, необходимые для проведения аттестации, а также документы,

которые образуются по итогам аттестации; сроки проведения аттестации, состав аттестационной комиссии.

Аттестация дошкольных образовательных учреждений, образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (законных представителей), специальных (коррекционных) образовательных учреждений для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии, учреждений дополнительного образования детей, а также вновь созданных экспериментальных образовательных учреждений проводится соответствующим государственным органом управления образованием в порядке, предусмотренном типовыми положениями об этих образовательных учреждениях. Перечень, форма и требования к содержанию документов, представляемых указанными образовательными учреждениями на аттестацию, определяются Минобрнауки России. Так, приказом Минобрнауки России [2] установлены требования, предъявляемые к образовательным учреждениям дополнительного образования детей, и критерии их отнесения к соответствующему типу, виду и категории.

Аттестацию высших учебных заведений регулирует Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [3]. В нём указывается: кем проводится аттестация, цель и содержание аттестации, её критерии.

Ещё одним нормативным актом в области аттестации образовательных учреждений является Постановление Правительства Российской Федерации [4], согласно которому аттестация образовательных учреждений осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки.

В 2005 г. были разработаны Методические рекомендации по проведению аттестации образовательных учреждений среднего профессионального образования (средних специальных учебных заведений) и их филиалов [5]. Эти рекомендации состоят из двух разделов – общие положения и процедура проведения и принятия решения по аттестации, в которых последовательно изложены рекомендации по проведению аттестации, с учётом законодательства.

Вопросы, касающиеся совершенствования процедуры аттестации и проведения комплексной оценки деятельности образовательного учреждения среднего профессионального образования (среднего специального учебного заведения), отражены в Приказе Минобрнауки РФ «О комплексной оценке деятельности образовательных учреждений среднего профессионального образования (средних специальных учебных заведений), находящихся в ве-

дении Минобразования России, и негосударственных образовательных учреждений среднего профессионального образования (средних специальных учебных заведений)» [6].

Таким образом, аттестация образовательного учреждения любого уровня проводится в соответствии с законодательством Российской Федерации. Вся аттестационная деятельность имеет прочную правовую базу. Изданы нормативные акты, которые распространяются на все виды образовательной деятельности. Для каждого уровня образовательного учреждения существуют также отдельные законодательные акты. Наряду с Федеральным законодательством, которое регламентирует порядок проведения аттестации образовательных учреждений, существуют акты субъектов федерации, а также множество методических рекомендаций по проведению аттестации образовательного учреждения. Следует отметить, что при проведении аттестации необходимо учитывать изменения в законодательстве.

Примечания

1. **Положение** о порядке аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений, утвержденное приказом Минобразования России № 1327 от 22.05.1998 (с изм. от 11 августа 2000 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2000. № 5. Ст. 2348.

2. **Приказ** Минобразования РФ от 03.05.2000 № 1276 «О Государственной аккредитации образовательных учреждений дополнительного образования детей» // СЗ РФ. 2000. № 31. Ст. 2567.

3. **Федеральный закон** от 22.08.96 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.

4. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 17.06.2004 № 300 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки» (с изм. от 7 октября 2006 г.) // СЗ РФ. 2006. № 78. Ст. 3001.

5. **Методические рекомендации** по проведению аттестации образовательных учреждений среднего профессионального образования (средних специальных учебных заведений) и их филиалов (утв. Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки 14 января 2005 г.).

6. **Приказ** Минобразования РФ от 20.10.2001 № 3734 «О комплексной оценке деятельности образовательных учреждений среднего профессионального образования (средних специальных учебных заведений), находящихся в ведении Минобразования России, и негосударственных образовательных учреждений среднего профессионального образования (средних специальных учебных заведений)» // СЗ РФ. 2001. № 63. Ст. 2359.

Е.А. Давыденко

**ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА
ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ**

Общеизвестно, что в демократических государствах, в том числе и в России высшей ценностью является человек, его жизнь. Государство создаёт условия для обеспечения достойной жизни, свободного развития и самореализации потенциала каждой личности. Под достойной жизнью человека понимается его материальная обеспеченность на уровне стандартов современного развитого общества, доступ к ценностям культуры, гарантированность прав личной безопасности, а под свободным развитием человека – его физическое, умственное и нравственное совершенствование.

Современное общество, кроме того, что оно «потребительское» и «постиндустриальное», характеризуется ещё и как «информационное», тем самым подчёркивается исключительная роль информации в дальнейшем развитии человечества. Документы являются не только средством делового общения, но и юридическим обоснованием прав и обязанностей личности. Более того, благодаря разнообразным видам документов мы можем изучать историю развития как всего человечества, так и каждой личности отдельно.

Современное делопроизводство – это результат многовекового исторического процесса. Чем больше в наличии документальных источников или солидных артефактов, свидетельствующих об историческом прошлом государства и его граждан, тем богаче менталитет нации, больше уважения народа к самому себе и своей Родине.

В современном российском обществе всё больший интерес вызывают внешние и внутренние факторы деятельности «малочисленных народов». В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, расположенном в среднем течении реки Оби, в северо-западной части Сибири, проживают народы ханты и манси. Появление документов у этих народов непосредственно связано с эволюцией общества, с определёнными этапами его развития. Система официального государственного делопроизводства, с помощью которой можно исследовать процесс документирования жизни ханты и манси, начинает складываться в период формирования русского централизованного государства, с середины XV в.

Реальные сведения о хозяйстве ханты и манси приводятся в документах делопроизводственного характера – отписки воевод, челобитные русского и аборигенного населения, указы из Москвы, таможенные и ясачные книги. Это документы, созданные в период присоединения Западной Сибири и управления ею на ранних этапах. Небольшая часть таких документов опубликована (Обдорский край и Мангазея в XVII в.; Сословно-правовое положение, 1999; Яковлев, 1950; 1951а; 1951б; Титов, 1890; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII вв., 1993; 1995; Оглоблин, 1900; Русская историческая библиотека, 1875; Миллер, 1999; 2000). Часть данных из этих документов в изложении или прямых цитатах приведена в ряде публикаций (Бахрушин, 1955; Долгих, 1960; 1970; Кириков, 1960; 1966; Павлов, 1972).

В Центральном архиве, созданном при Оружейной палате России, хранятся исторические памятники, которые включают документы учреждений, управлявших Сибирью в XVI–XVIII вв. В делах Сибирского приказа сохранились документы, достаточно полно освещающие роль кодских воинов в начале русской колонизации Зауралья и Сибири. В тексте документа остяки подчеркивают, что служба их московскому государю была отнюдь не лёгкой: «...и кровь проливали, и головы свои складывали истари, от Сибирского взяты...».

Позже, по определённому петровскому формуляру были оформлены сыскные дела и документы Казанского, Посольского и Сибирского приказов и приказных изб сибирских городов, дела и документы «Соболиной казны» (отделения Сибирского приказа, ведавшего торговлей мехами и казёнными товарами), списки и росписи: послужные служивших людей (со сказками и расспросными речами о походах и службах) и т.д.

Одними из основных являются документальные источники, на основе которых можно получить определённое представление об уровне работы с документами по жизнеобеспечению внутри общества хантов и манси на протяжении длительного периода развития.

Представления ханты и манси о письменности и грамоте на бумаге пронизывают всю традиционную хантыйскую и мансийскую ментальность. Например, сохранились рисунки, как верховное божество даёт человеку «золотую грамоту» и другие указания в письменной форме. Человека, попавшего к лесному царю, спасает то, что с ним имелась грамота (одним своим присутствием). Бумага, которая прилипла к правой руке сына бога Нум-Торума, поднимает его на верхние небесные уровни.

Всё это говорит о том, что уважение к письменности в традициях обских угров не случайное явление, не мода, а глубочайший ориентир их

этнического бытия. Юван Шесталов так выражает эту идею: «Волшебному умению изображать волшебные мысли на бумаге завидовали даже дедушка и бабушка».

Немаловажную роль играют документы, в которых зафиксированы правила, нормы, рекомендации жизнеобеспечения коренных малочисленных народов.

В некоторых северных управах сохранились документы о наказании за маловажные проступки, которые заменялось платой в пользу пострадавшего или обиженного. За кражу существовали наказания розгами, а часто в документах упоминалась процедура проведения очистительного присягания на морде медведя или произнесение клятвы: «Если я виновен, то пусть меня съест зверь». Содержится в документах и такое наказание, как битьё виновного по щекам и испрашивание прощения с поклонами в ноги обиженному или оскорблённому.

Таким образом, научный интерес вызывает определение места и роли документов в жизнеобеспечении ханты и манси в исторической перспективе, в динамике, а также на отдельных этапах исторического развития самобытного сообщества. Перед исследователями стоит непростая задача проанализировать виды и формы документов, регулирующих жизнедеятельность коренных малочисленных народов ХМАО – Югры начиная с древнейших времён и до наших дней.

В.В. Степанова

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРОДА НИЖНЕВАРТОВСКА

Объяснить состояние и развитие документационного обеспечения на предприятиях города Нижневартовска, значит учесть основные направления и пути развития документооборота. Накопленный анализ позволяет сосредоточить внимание на трансформациях и модификациях документационного обеспечения, в ходе которых пересматриваются основные задачи подготовки специалистов-документоведов.

Представляются важными, на наш взгляд, размышления о структуре ДОУ на предприятиях города, основными задачами которой является внедрение единого порядка работы с документами в организации в соответствии с ГСДОУ и действующими нормативами; совершенствование форм и методов работы с документами с учётом механизации и автоматизации документационных процессов [1].

Государственная система документационного обеспечения управления, стандарты, в том числе, ИСО 15489, являются методической базой для служб ДОУ в российских организациях и подготавливают почву для принятия единого национального стандарта [2. С. 9].

Тем не менее, это не мешает нам считать, что отсутствие детальных организационно-технологических положений о структуре ДОУ на предприятиях не позволяет в полной мере решать вопросы документационного обеспечения как на отдельных предприятиях, так и в целом на территории Российской Федерации.

На настоящий момент типовая инструкция по делопроизводству существует только для федеральных органов исполнительной власти. Работники служб ДОУ различных предприятий и фирм сталкиваются с множеством трудностей при разработке конкретной структуры ДОУ для своих организаций.

В учреждении любой организационно-правовой формы и формы собственности должна создаваться служба ДОУ, действующая на правах самостоятельного структурного подразделения. Наименование службы, её структура, должностной, численный состав устанавливаются вышестоящими организациями в государственных организациях, а в негосударственных – их руководством. Структуры ДОУ рекомендуется создавать в зависимости от принадлежности к определенной группе организаций

Служба ДОУ должна решать конкретные задачи, иметь установленный круг прав и обязанностей [3, 4].

Проведённый анализ структур документационного обеспечения на 200 предприятиях города Нижневартовска позволяет представить контуры современного документационного знания о структурном состоянии ДОУ [5–13].

В городе по официальным данным функционирует 6 тыс. предприятий, из них 4132 являются крупными и средними, 1868 – малыми и 10 тыс. предприятий – без образования юридического лица [14, 15].

Самой распространённой практикой на предприятиях города является передача вопросов документационного обеспечения руководителю кадрового органа. Такая структура характерна для Нижневартовского городского совета РОСТО, «Сибнефтепровода», компании «Клариянт Бетайлигунген АГ» (Clariant Beteiligungen AG), дошкольных учреждений города и других организаций. На сотрудников отдела кадров возложены дополнительные обязанности по документационному обеспечению, что приводит к перегруженности сотрудников работой, не соответствующей профилю кадровой службы.

Второй организационной формой документационного обеспечения на предприятиях является так называемая «смешанная» структура ДОУ. Такая структура объединяет специалистов различного профиля. Это может быть канцелярия, в состав которой входят заведующий канцелярией, инженер КТМ, оператор КТМ, секретарь-стенографистка, архивариус, делопроизводитель, экспедитор («Свердловэнерго»), отдел по персоналу и делопроизводству («ТНК-ВР Менеджмент», «ТНК-ВР Западная Сибирь»), делопроизводитель, находящийся в подчинении у начальника отдела социального развития и АХО («Белозерское управление техническим транспортом»), делопроизводитель, секретарь-переводчик, исполнители в каждом отделе («Нижневартовское нефтеперерабатывающее объединение»), секретарь руководителя (отдел УФМС России по ХМАО–Югре), начальники отделов, старшие судебные приставы (отдел Управления Федеральной службы судебных приставов по городу Нижневартовску и Нижневартовскому району), отдел делопроизводства и контроля исполнения, входящий в состав департамента административного обеспечения, находящегося в подчинении заместителя генерального директора по сервисной поддержке (ОАО «ТНК–Нижневартовск»), отдел общего обеспечения (Инспекция МЧС России г. Нижневартовска) и т.д.

Самой распространённой структурой документационного обеспечения на предприятиях являются секретари при дирекции предприятий (район-

ный Центр занятости населения, «Российское страховое народное общество», «Армпласт», театр-студия «Скворешник», «Теплоснабжение», «Компания по управлению имущественным комплексом», поселковые отделения милиции и т.д.).

Специализированные отделы по документационному обеспечению существуют на отдельных предприятиях города («Нижевартовское нефтегазодобывающее предприятие», администрация города Нижневартовск, «Управляющая компания Горэлектросеть» и т.д.).

В отдельных детских садах, в школах, в различных филиалах и небольших организациях документационное обеспечение возлагается на делопроизводителя (детский сад комбинированного вида № 45, муниципальная общеобразовательная средняя школа № 18, Нижневартовский филиал ООО «Курасковское управление технологического транспорта», архивный отдел по личному составу и др.).

Анализ структур ДООУ на социально значимых предприятиях города высветил проблему пересмотра программ обучения специалистов ДООУ, особенно по вопросам технологии создания структур ДООУ, должностному составу служб, формированию нормативно-правовой базы.

Необходимо соединение теории и эмпирии, микро- и макроподходов в создании единого документационного пространства. Формирование документационного обеспечения нужно начинать с создания специализированной структуры служб ДООУ. Необходимо создание такого варианта структуры ДООУ, где было бы раскрыто внутреннее единство процессов управления документами и субъективного представления каждой организации по данному вопросу. Примечательно, что отдельная структура в системе управления предприятием продолжает критически восприниматься большинством руководителей, считающих возможным сужение этой структуры или заменой её уже существующей.

Думается, что точка зрения документоведов о месте, роли, значении рациональной структуре позволит суммировать множество различных толкований о структуре ДООУ, предложить реальные механизмы по проверке результативности их деятельности.

В настоящее время отчетливо прослеживается поиск оптимальной модели руководства по управлению документацией с учетом проблем глобализации, а также особенностей документационного обеспечения в той или иной стране. Думается, что процесс глобализации заставляет по-новому взглянуть на проблему подготовки специалиста по документоведению и архивоведению. Требуется осознание важности подготовки по теории и практике глобализации, языковой подготовке специалистов, введению в базу-

вую подготовку студента изучения международных стандартов и практики их реализации, систем документационного обеспечения европейских стран, в том числе структур, обеспечивающих этот процесс.

Немаловажное значение имеет организация и проведение практик, которые должны быть адаптированы к существующим структурам документационного обеспечения. Необходимо пересмотреть тематику курсовых и дипломных работ, ориентируя часть студентов на анализ деятельности структур, связанных с документационным обеспечением в зарубежных фирмах.

Примечания

1. *Государственная система* документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения. М., 1991.

2. *Ларин М.В., Рысков О.И.* Управление документами на основе международного стандарта ИСО 15489–2001. М., 2005.

3. *Финонова Л.Р.* Организация и технология ДОУ. Пенза, 2005.

4. *Кузнецова Т.В.* Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти // Делопроизводство. 2009. № 3.

5. *Положение* о Совете муниципальной вечерней (сменной) общеобразовательной школы № 1 по вопросам регламентации доступа к информации в сети Интернет. Утверждено приказом от 13.04.2007 № 110.

6. *Должностная инструкция* специалиста по кадрам муниципальной общеобразовательной средней школы № 24, утвержденная директором 01.09.2006.

7. *Устав* Муниципального образовательного учреждения Районного центра дополнительного образования детей «Спектр». Утвержден постановлением главы Нижневартовского района от 17 июля 2006 г. № 678.

8. *Положение* «Об Отделе общего обеспечения», утверждено руководителем Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы России № 6 по ХМАО–Югре от 11.01.2005.

9. *Инструкция* по работе с документами ОАО «ТНК-Нижневартовск», утвержденная приказом генерального директора 11.10.2006.

10. *Приказ* МЧС России от 7 марта 2003 г. № 120 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству...», с изменениями и дополнениями от 29 июня 2005 г. № 509.

11. *Инструкция* по делопроизводству в МИФНС № 6 по ХМАО–Югре», утверждена приказом МИФНС России № 6 по ХМАО–Югре от 30 апреля 2008 г. № 01-06/120.

12. *Положение* «Об Отделе общего обеспечения», утверждено руководителем Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы России № 6 по ХМАО–Югре от 11.01.2005;

13. *Инструкция* по делопроизводству в администрации г. Нижневартовска. Утверждена распоряжением Главы города Нижневартовска Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.07.2004 г. № 855-р. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.n-v.ru>

14. *Официальный сайт* администрации и думы г. Нижневартовска [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.n-vartoovsk.ru>

15. *Информационный сайт* г. Нижневартовска «Организации и предприятия города» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.teluh.stsland.ru>

Е.И. Журко, Л.А. Якубова

**ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЗАГС
(НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛА ЗАГС ПОСЁЛКА ИЗЛУЧИНСК
АДМИНИСТРАЦИИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА)**

Исследование систем документации даёт возможность определить состав управленческой документации, методы и приемы управления, практику принимаемых управленческих решений и возникающие при этом проблемы. В этой связи представляют интерес системы документации отдела ЗАГС пос. Излучинск Нижневартовского района (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра).

Авторами были исследованы организационные, распорядительные и информационно-справочные документы учреждения в общем количестве 68.

Система *организационной документации* отдела ЗАГС представлена уставом, положением об отделе ЗАГС, инструкциями.

Устав находится в администрации района. В отделе ЗАГС имеется только старый устав в виде книжечки. Новый устав опубликован в газете «Новости Приобья» и размещён на сайте администрации Нижневартовского района. Устав принят решением Думы Нижневартовского района и зарегистрирован Управлением по вопросам местного самоуправления администрации. На сайте дан только текст устава. Устав состоит из следующих глав: 1. Общие положения; 2. Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления; 3. Органы местного самоуправления Нижневартовского района; 4. Муниципальные правовые акты; 5. Экономическая основа местного самоуправления; 6. Муниципальная служба; 7. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления; 8. Изменение и (или) дополнение настоящего устава; 9. Заключительные и переходные положения.

Положение о ЗАГС представлено в электронном варианте. Оно утверждается распоряжением главы Нижневартовского района. Положение оформлено на стандартных листах бумаги и включает следующие разделы: 1. Общие положения; 2. Основные задачи отдела ЗАГС; 3. Функции отдела ЗАГС; 4. Права отдела ЗАГС; 5. Организация деятельности отдела ЗАГС; 6. Ответственность отдела ЗАГС.

Должностные инструкции и должностной регламент составлены для каждой должности и доступны в электронном варианте. Имеются ошибки

в оформлении: отсутствует реквизит «наименование организации»; слово «УТВЕРЖДАЮ» в грифе утверждения напечатано строчными буквами вместо заглавных, поставлено двоеточие; название видов документов печатается строчными буквами; подпись руководителя подразделения отсутствует.

В отделе ЗАГС имеется «Инструкция по делопроизводству в администрации Нижневартовского района» 2008 г., которая разработана в соответствии с ГОСТ Р 6.30–2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов», Типовой инструкцией по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, утверждённой приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 08.11.2005 № 536, Уставом района, Регламентом работы администрации района, утверждённым постановлением главы района от 30.08.2007 № 1087, постановлениями и распоряжениями главы района. Инструкция является нормативным документом, устанавливающим порядок документационного обеспечения деятельности администрации района в процессе осуществления её полномочий. Инструкция определяет единую систему организации делопроизводства, устанавливает правила и порядок работы с документами несекретного характера в администрации района. В ней содержится множество приложений: образец общего бланка администрации района, образец оформления положения, форма акта, форма номенклатуры дел структурного подразделения и др.

Таким образом, в оформлении организационных документов имеются некоторые недочеты. Устав и положение находятся в администрации Нижневартовского района, а в самом отделе ЗАГС они представлены в виде приложения к распоряжению главы района.

Из распорядительных документов в отделе имеются распоряжения и решения. Был в наличии только приказ 2003 г. В настоящее время приказы не издаются, они заменены распоряжениями, которые издаёт в пределах своих полномочий глава муниципального образования района. Проекты распоряжений готовятся и вносятся заместителями главы муниципального образования, руководителями структурных подразделений администрации района. Эти проекты подлежат обязательному согласованию и последовательно визируются в листе согласования: 1. Руководителем структурного подразделения, подготовившим проект, или ответственным исполнителем; 2. Заместителем главы муниципального образования в соответствии с распределением обязанностей, курирующим структурное подразделение, под-

готовившее проект; 3. Руководителями структурных подразделений, должностными лицами служб, интересы которых затрагиваются в документах и которым предусматриваются задания или поручения; 4. Начальником юридического управления администрации муниципального образования; 5. Управляющим делами, который окончательно визирует доработанный проект. В листе согласования к проекту распоряжения указывается список рассылки. Распоряжения подписывает глава муниципального образования района, а в его отсутствие – лицо, исполняющее обязанности главы муниципального образования Нижневартовский район.

В оформлении распоряжений имеются неточности. В частности, в одном из распоряжений за 2007 г. отсутствовал реквизит «герб субъекта РФ», в других он был помещён в верхнем углу. Все распоряжения, имеющиеся в отделе ЗАГС, исходят от главы Нижневартовского района или от сотрудника, исполняющего его обязанности. На некоторых распоряжениях имеется реквизит 19 – «отметка о контроле», которая проставляется в правом верхнем углу. Все распоряжения имеют отпечаток печати, но отсутствует подпись главы района. Все распоряжения содержат также реквизит 28 – «отметка об исполнении документа и направлении его в дело» (проставляется в правом нижнем углу) с указанием вида документа – РАСПОРЯЖЕНИЕ. Во избежание нарушения модели построения документов, форматов, размеров полей согласно требованиям ГОСТ Р 6.30–2003 шаблоны бланков распоряжений имеют электронную защиту и не могут быть изменены при печатании, о чем имеется указание в Инструкции по делопроизводству.

Авторы ознакомились в отделе ЗАГС также с *информационно-справочной документацией*. Справки здесь составляются специалистами отдела и начальником отдела по итогам проверки работы администрации различных населённых пунктов по вопросам, входящим в компетенцию отдела. Справки содержат следующие реквизиты: наименование вида документа, дата документа (проставляется в правом углу), регистрационный номер документа (не всегда), текст, подпись.

Деловая переписка отдела ЗАГС имеет свои особенности. Сроки подготовки ответных писем устанавливаются резолюциями главы района, заместителей главы района или руководителей структурных подразделений на основании имеющихся сроков исполнения поручений, запросов. Письма оформляются только на бланке письма, имеющем установленный комплекс обязательных реквизитов и порядок их расположения. Начинаются письма с приветственной формулы «Уважаемый (ая)». Подписывает письма руководитель структурного подразделения или заместитель главы

района. Не всегда на письмах проставляется отметка об исполнителе. Адресат указан верно, в дательном падеже, но не всегда инициалы ставятся перед фамилией. Согласования на письмах отсутствуют.

Протоколы в отделе ЗАГС оформляются на общем бланке организации. Выявлены следующие недочёты в их оформлении: нарушена последовательность изложения в основной части (СЛУШАЛИ, ПОСТАНОВИЛИ, раздел ВЫСТУПИЛИ отсутствует); отсутствует реквизит «дата документа»; словосочетание «Повестка дня» расположено в центре.

Наибольшее количество документов, образующихся в деятельности отдела ЗАГС поселка Излучинск, относится к информационно-справочной системе. Несмотря на то, что оформление документов в этом учреждении регламентировано локальным нормативным актом (Инструкцией по делопроизводству), при составлении и оформлении различных управленческих документов допускаются неточности.

Т.Н. Кондратьева

СИСТЕМЫ ПЛАНОВОЙ И ОТЧЁТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ КАДРОВОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОРГАНА ВЛАСТИ

Общеизвестно, что муниципальное делопроизводство на государственном уровне регламентировано крайне недостаточно, хотя имеет свою специфику. Для ведения общего делопроизводства муниципальные образования разрабатывают инструкции и в ближайшее время, вероятно, уточнят их в связи с внедрением новых Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти [1]. Ведение же кадрового делопроизводства, как правило, вообще не регламентируется локальными актами местной администрации. Возможно, в будущем ситуация изменится, если будет принят Федеральный закон «О документировании отношений в сфере труда», проект которого сейчас обсуждается. Обязательность документирования трудовых отношений прямо предусмотрена Трудовым кодексом Российской Федерации, где в отдельных статьях названы некоторые виды документов (штатное расписание, трудовой договор, приказ об оформлении приёма, перевода, увольнения работника и др.) [2]. Кадровые службы в муниципальных органах власти в своей работе руководствуются также Федеральным законом «О муниципальной службе» [3], региональным законодательством, распоряжениями губернатора, уставом администрации, иными муниципальными правовыми актами.

Кадровые подразделения выполняют функции по оформлению движения кадров, ведению различного учёта сведений о муниципальных служащих. В структуре документационно-информационной системы этих подразделений значительный объём составляют плановые и отчётные документы по управлению кадрами.

Большинство планов и отчётов по персоналу, создаваемых в кадровой службе, относятся к информационно-справочной документации, но некоторые из них носят организационно-правовой характер (штатное расписание, график отпусков и др.). Плановые документы кадрового подразделения органа местного самоуправления различны по содержанию и форме, разрабатываются они, как правило, на предстоящий календарный год. Перспективное планирование касается комплектования кадрами местной администрации, повышения квалификации, оформления на пенсию муниципальных служащих. Планы, программы, графики могут разрабатываться как на длительный срок, так и для текущей деятельности отдела. Назовём

некоторые разновидности данной категории документов. Например, кадровое подразделение готовит ежегодно план работы по ведению воинского учета и бронирования граждан, план замены руководителей, специалистов, призываемых по мобилизации в военное время, план оповещения граждан, пребывающих в запасе. Планируется деятельность кадровой службы в целом, составляются индивидуальные планы работы специалистов по кадрам. Развитие персонала отражается в документах: план замещения штатных должностей; план обучения, повышения квалификации работников; план сокращения и высвобождения персонала; план кадрового резерва лиц, не достигших предельного возраста для прохождения на муниципальной должности муниципальной службы; план кадрового резерва студентов; план кадрового резерва на замещение муниципальных должностей муниципальной службы, список кандидатов в кадровый резерв на замещение главных, ведущих и старших муниципальных должностей, список уволенных служащих и зачисленных в кадровый резерв.

Технологическая цепочка процедуры составления плановых документов в службе кадров муниципальной администрации включает следующие операции:

- сбор, обобщение и анализ отчётных кадровых показателей;
- выработка концепции предполагаемого решения;
- определение источников пополнения кадрами;
- расчёт возможностей совершенствования социальной сферы;
- разработка проекта конкретного документа;
- согласование проекта;
- удостоверение (подписание, утверждение).

Проект годового плана работы кадровой службы разрабатывается руководителем данного подразделения либо его заместителем. Содержание и структура проекта должны соответствовать требованиям руководящих правовых актов и основываются на показателях работы с документами по персоналу за предшествующий год. Первоначально определяются приоритетные направления работы с персоналом в планируемом периоде, затем определяются виды, основные методы, технологии и сроки выполнения работ; исполнители по видам деятельности; порядок осуществления контроля выполнения наиболее важных мероприятий; порядок представления результатов и отчётности о проделанной работе. На основе годового плана деятельности службы кадров разрабатываются индивидуальные планы работы сотрудников подразделения. Таким образом, кадровое планирование касается целесообразного использования персонала; его обучения; формирования кадрового резерва и воинского учета.

Систему отчётной документации кадровой службы муниципального органа власти составляют документы, содержащие сведения о результатах деятельности по управлению персоналом за определенный период времени. Можно выделить несколько комплексов отчётных документов:

- государственная статистическая отчётность;
- документация, направляемая в вышестоящие органы государственной власти;
- внутренняя отчётность.

Отчёты составляются по разным направлениям деятельности кадровой службы:

- о результатах функциональной деятельности отдела;
- о структуре и штатной численности органов местной администрации (данный отчёт составляется ежегодно по состоянию на 1 января);
- сведения о кадровом составе лиц, замещающих муниципальные должности и должности муниципальной службы администрации (документ сдаётся два раза в год, до 10 января и до 10 июля);
- сведения о формировании кадрового резерва муниципальной службы администрации (сдаются ежеквартально);
- список кадрового резерва муниципальной службы администрации (составляется ежеквартально);
- сведения о дополнительном профессиональном образовании муниципальных служащих администрации (ежемесячный отчёт);
- сведения о проведении квалификационных экзаменов и присвоении классов чинov муниципальной службе (отчёт сдаётся два раза в год, до 10 января и до 10 июля);
- сведения о проведении аттестации муниципальных служащих администрации (документ составляется два раза в год);
- сведения о порядке замещения вакантных должностей муниципальной службы.

Кадровая служба направляет также статистическую отчётность в органы статистики и сведения о муниципальных служащих в Пенсионный фонд (форма СЗВ-К). Отчёты могут запрашиваться Администрацией губернатора. Отдел сдаёт также отчёт по форме П-4 «Сведения о численности, заработной плате и движении кадров» ежемесячно не позднее 15 числа, следующего за отчётным месяцем.

Отчётными документами по ресурсам военнообязанных являются:

- доклад о состоянии воинского учета;
- отчёт о численности работающих и забронированных граждан, пребывающих в запасе.

Анализ видового состава документов системы плановой и отчётной документации позволяет говорить о необходимости управления данной информацией. Очевидно, важно составлять, во-первых, график документооборота, во-вторых, инструкцию по кадровому делопроизводству. Регламентацию форм и содержания плановой и отчётной документации можно закреплять в Табеле и Альбоме унифицированных форм плановых и отчётных документов, разработка которых позволит:

- оптимизировать состав данной документации;
- классифицировать документы по функциям;
- упорядочить состав форм планов и отчётов.

Такой Табелю может выполнять функцию справочника, содержащего наименования форм документов рассматриваемой категории, даст возможность осуществлять оперативный поиск информации и контроль деятельности исполнителей. Приложением к Табелю предлагается составлять Альбом унифицированных форм планов и отчётов кадровой службы и методические рекомендации по их составлению и оформлению. Результатом такой разработки является эталонный массив образцов документов в электронной форме, что во многом облегчит работу персонала кадровой службы муниципального органа власти по подготовке плановой и отчётной документации.

Примечания

1. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 15 июня 2009 г. № 477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти». Режим доступа: <http://www.garant.ru/holtaw/doc/138570.htm>
2. **Трудовой кодекс** Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ (в ред. от 30.12.2008) // Собрание законодательства РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 3.
3. **Федеральный закон** Российской Федерации от 2 марта 2007 г. №25-ФЗ (в ред. от 25.12.2008) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

Г.А. Самбурская

РЕШЕНИЕ СУДА КАК ДОКУМЕНТ, ИМЕЮЩИЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННУЮ ФУНКЦИЮ

В российском делопроизводстве документ определяется как зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими её идентифицировать. Официальным, то есть имеющим право на пользование в организации, может считаться только документ, созданный юридическим лицом, оформленный и удостоверенный в установленном порядке. Решение суда – это функциональный акт, документ, выражающий волю государства и принимаемый компетентным органом [1. С. 250].

В документоведении выделяются следующие функции документов: документирование (запечатление) фактов или явлений, коммуникативная, доказательственная функции, функция исторического источника [2. С. 5]. Функции документа определяют состав его реквизитов, построение текста и его лексические особенности. Совокупность реквизитов документа отражает его форму. Следовательно, для того, чтобы документ отвечал своему назначению, он должен быть составлен в соответствии с формой, принятой для данного вида документов. От полноты и качества оформления документов зависит их доказательственная (юридическая) сила, так как они служат подтверждением конкретных фактов, явлений, событий.

Структура и содержание судебного решения достаточно чётко регламентируется законом. Ст. 198 ГПК указывает на те реквизиты и сведения, которые должны присутствовать в тексте решения. Судебное решение состоит из четырёх частей, изложенных в строгой последовательности: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной. Каждая из частей судебного решения должна содержать информацию, указанную в законе. Судебное решение начинается наименованием постановляемого акта «Решение». Решение суд выносит именем Российской Федерации, что обязательно отмечается во вводной части.

Далее во вводной части судебного решения указывается: дата вынесения решения; место принятия решения; наименование суда, принявшего решение; судебный состав, рассматривающий дело. Указываются фамилии и инициалы судей (данные о судебном составе, отраженные в решении, должны совпадать со сведениями в протоколе, в противном случае нарушается неизменность судебного состава); фамилия и инициалы секретаря судебного заседания; фамилия и инициалы прокурора, если последний принимает участие в рассмотрении дела; название сторон, дру-

гих лиц, участвующих в деле. В отношении юридических лиц должны быть приведены все сведения, характеризующие их, в полном соответствии с тем, как это указано в зарегистрированных уставах и приложениях. Если заявление подано в защиту чужих интересов, то указывается, в чьих интересах возбуждено дело; при участии в деле третьих лиц в текст решения вносятся сведения о них. Если в деле участвуют представители, должно быть указано, чьи интересы они представляют. Указывается предмет спора или заявленное требование (например, о восстановлении на работе учителем начальных классов, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда, об установлении факта признания отцовства).

Несоблюдение требований о содержании вводной части решения суда влечёт неблагоприятные последствия, прямо указанные в ч. 2 ст. 364 ГПК РФ. Из юридического анализа содержания данной статьи можно сделать следующие выводы. Указание состава суда даёт возможность проверить: рассмотрено ли дело в законном составе судей; принято ли решение суда теми судьями, которые входили в состав суда, рассматривавшего дело; подписано ли решение суда тем судьей, который указан во вводной части.

Точное указание предмета спора или просьбы по делам особого производства и из публичных правоотношений позволяет проверить, правильно ли отражено содержание требований заявителя в описанной части решения и соответствует ли оно требованиям, указанным в заявлении, так как «недопустимо включение в резолютивную часть решения выводов по вопросам, которые не были предметом судебного разбирательства» [3. С. 6].

Кроме того, из содержания вводной части определяется предмет иска, заявленные требования, что даёт возможность проверить соответствие резолютивной части решения заявленным требованиям, изложенным во вводной части. Из указания во вводной части лиц, участвующих в деле, можно сделать вывод о надлежащих сторонах по делу. Кроме того, вводная часть придаёт решению статус документа, так как содержит обязательные реквизиты.

В соответствии со ст. 198 ГПК РФ в описательной части решения суда должны содержаться: указание на требования истца (краткое изложение заявленных требований – ст. 170 АПК); возражения ответчика на требования; объяснения других лиц, участвующих в деле (объяснения, заявления, ходатайства лиц, участвующих в деле – ст. 170 АПК).

Описательная часть решения суда позволяет проверить: изменялись ли требования истца или заявителя в ходе судебного разбирательства; все ли доводы лиц, участвующих в деле (особенно истца и ответчика, заявителя и заинтересованных лиц), суд учитывал при вынесении решения. Упущения суда при изложении описательной части являются основанием для отмены.

Мотивировочная часть судебного решения состоит из трёх важнейших элементов: а) изложения фактических обстоятельств дела, установленных судом; б) анализа доказательств, на основе которых суд считает факты установленными, анализа доводов, исходя из которых представленные доказательства суд не принимает; в) юридической квалификации, состоящей из определения правоотношения, существующего между сторонами, и ссылки на нормы права, которыми регулируется это правоотношение. Мотивировочная часть содержит фактологическое и доказательственное обоснование вывода суда: суд указывает не только на то, какие факты он считает установленными, но и почему; суд анализирует доказательства с позиции их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, указывает, какие обстоятельства какими доказательствами подтверждаются, почему суд отклоняет те или иные доказательства.

В мотивировочной части судебного решения должно обязательно содержаться указание на применяемый закон и на его конкретную норму. Суд при этом не должен ограничиваться простой ссылкой на статью закона, а обязан обосновать правовую квалификацию установленных судом отношений, а также необходимость применения данного закона к конкретным, действительно существующим отношениям. Правовым основанием судебного решения могут быть нормы материального права, содержащиеся в международных договорах и соглашениях, заключённых между Россией и иностранным государством, а также международные конвенции.

Любое нарушение требований, предъявляемых законом к мотивировочной части искового заявления, является основанием для отмены решения суда в связи с тем, что судом не всем, исследованным в судебном заседании доказательствам, дана надлежащая оценка, что привело к «недосказанности установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела или несоответствию выводов суда первой инстанции, изложенных в решении, обстоятельствам дела» (ч. 2 ст. 362 ГПК РФ).

Решение является актом правосудия, окончательно разрешающим дело, и его резолютивная часть должна содержать исчерпывающие выводы, вытекающие из установленных в мотивировочной части фактических

обстоятельств, а именно: вывод суда об удовлетворении иска (жалобы или заявления по делам неисковых производств) или об отказе в иске полностью или в части; указание на распределение судебных расходов; указание на срок и порядок обжалования. Решение суда должно содержать ответы на все требования и точно им соответствовать. Требования, предъявляемые к судебному решению, предусмотрены законом и по характеру подразделяются на две группы требований, предъявляемых: к содержанию судебного решения, к форме судебного решения.

Решение суда – это не только акт правосудия, результат осуществления судебной власти, но и документ, строго регламентируемый законом, имеющий определённый состав реквизитов, построение текста и лексические особенности. Только решение, отвечающее всем требованиям ст. 198 ГПК РФ (документа), имеет доказательственную силу, в том числе преюдициальную, как указано в ст. 61 ГПК РФ. Реквизиты судебного решения, предусмотренные этой статьёй, позволяют его идентифицировать.

Таким образом, решение суда следует рассматривать как разновидность акта по применению права, так как решение при определённых условиях само наделяется силой закона, т.е. приравнивается по своим качествам к норме действующего права.

Примечания

1. *Власов А.А.* Гражданское процессуальное право. М., 2003.
2. *Процессуальная документация*: Учеб.-метод. пособие / В.Н. Рабчук; Под ред. Т.А. Сахневич. Ростов н/Д., 2008.
3. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2.

Л.Л. Попова

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Корпоративная культура представляет собой неявное, невидимое и неформальное сознание организации, которое управляет поведением людей и, в свою очередь, само формируется под воздействием их поведения [1–3]. В Томском политехническом университете (ТПУ) она рассматривается как одна из технологий в рамках Комплексной программы развития до 2020 г., как система ценностей («Знание. Свобода. Процветание»), как диалектика традиций и инноваций, как способ восприятия себя частью единого целого.

Одной из структурных единиц ТПУ является кафедра промышленной и медицинской электроники, недавно отметившая своё 50-летие. В момент открытия она была первой кафедрой в восточных регионах страны, осуществлявшей подготовку кадров по промышленной электронике. За полвека выпущено свыше 2 000 специалистов. Здесь были созданы первые образцы малогабаритных бетатронов, которые благодаря комплексу уникальных параметров приобрели мировую известность и в настоящее время выпускаются серийно. По итогам научных исследований на кафедре защищено около 80 кандидатских, 6 докторских диссертаций, получено более 300 авторских свидетельств и патентов [4].

На кафедре сложился коллектив с самобытной культурой. Возникло желание зафиксировать, оформить, всё что наработано. Это вылилось в создание документальной коллекции. С помощью сотрудников кафедры удалось обеспечить видовое разнообразие документов (письма, официальные документы, фотографии, видеоматериалы и др.).

Важным источником для понимания кафедральной жизни являются выпуски собственной газеты «ПРОМ и МЕД» (тираж 500 экз.), которые посвящены, как правило, заметным вехам истории – анализу очередной пятилетки кафедры, знаменательным датам.

В документальной коллекции кафедры более 500 фотографий за период 1959–2009 гг. Среди них фотопортреты преподавателей, сотрудников, студентов, групповые портреты, сюжетные кадры, отражающие учебную, спортивную, бытовую и др. страницы кафедральной истории. Ведётся работа по созданию электронной версии фотодокументов.

Отличительной особенностью кафедры является стихотворно-песенное творчество её сотрудников и студентов. В коллекции скопилось несколько сотен произведений, 215 из которых вошли в сборник «Кафедральное избранное». Создан также и первый музыкальный альбом песен (2009 г.), ставших хитами среди студентов, преподавателей и выпускников кафедры в разные годы

Технические возможности кафедры, квалификация сотрудников позволяют использовать информационные технологии в создании электронной версии документальной коллекции. Осуществляется цифровое копирование подлинных документов, сканирование, а также цифровая фото- и видеосъёмка. Созданы видеофильмы о посвящении в студенты, о 45-летию кафедры.

Одно из новых направлений – создание электронной коллекции внутривузовских изданий, востребованных в рамках учебного процесса.

Кафедра имеет свой сайт [5], который обеспечивает общедоступность, оперативность, динамизм представления информации. С его помощью осуществляется оперативная связь с учебно-методическим советом по образованию в области радиотехники, электроники, биомедицинской техники, родственных кафедрами, поддерживается связь с выпускниками.

Часть коллекции кафедры была передана в Центр документации новейшей истории Томской области, где хранится личный фонд Льва Мартемьяновича Ананьева, основателя и заведующего кафедрой на протяжении 30 лет. В настоящее время этот фонд насчитывает 15 ед. хр., содержащих документы о разносторонней деятельности учёного (задания для дипломников и аспирантов, позволяющие судить о нём как о преподавателе, научном руководителе; предложения по организации научной деятельности, учебного процесса; справки; отчёты; вырезки из газет и др.).

Документы личного фонда, воспоминания выпускников, сотрудников обладают значительным воспитательным потенциалом, создавая более реальное представление современных студентов о ветеранах кафедры, формируют чувство сопричастности к истории кафедры. В настоящее время разрабатывается проект написания истории кафедры с учётом современных информационных технологий.

В целом неповторимый корпоративный дух, запечатлённый в документальной коллекции – письмах, отчётах, протоколах, фотоальбомах различных поколений сотрудников и студентов кафедры; живущий в традициях, капустниках, в студенческих концертах, в кафедральном фольклоре, в живой памяти – составляет культурное наследие Томского политехнического

университета, формирует его неповторимую корпоративную культуру, являющуюся важной технологией подготовки современного специалиста.

Примечания

1. Подробнее о корпоративной культуре см.: **Спивак В.А.** Корпоративная культура. СПб.: Питер, 2001. 345 с.
2. **Шукин В.** «Профиль корпоративной культуры» – инструмент диагностики организации // Человек и труд. 2002. № 4. С. 81–84.
3. **Сергиенко С.К.** Современные отечественные технологии оценки и развития управленческого персонала. М.: Книжный мир, 2004. 206 с.
4. **Томский** политехнический университет. 1896–1996. Исторический очерк / Под ред. А.В. Гагарина. Томск: ТПУ, 1996. 448 с.
5. **Режим** доступа: <http://www.epd.tpu.ru/ime/index.htm>

Л.И. Казакевич

ДОКУМЕНТАЦИОННАЯ СИСТЕМА ГЛАВНЫХ ОРГАНОВ ООН

Организация Объединенных Наций, созданная более шести десятилетий назад, является крупнейшей межправительственной организацией в мире. Её многогранная деятельность сопряжена с подготовкой, принятием и реализацией огромного количества документов. Целью данной публикации является анализ сложившейся документационной системы ООН, прежде всего, с точки зрения разнообразия видов документов, создаваемых главными органами ООН, к числу которых относятся Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС), Секретариат.

Общие рамки работы ООН, её цели, принципы, структура были определены уставными документами [1]. Среди главных органов ООН, прежде всего, следует назвать Генеральную Ассамблею. Она является основным совещательным органом Организации Объединенных Наций. Ассамблея ежегодно собирается для проведения очередной сессии, начинающейся в сентябре и работающей до декабря каждого года. В конце декабря обычно объявляется перерыв в работе сессии, затем на следующий год она возобновляет свою работу по мере необходимости и завершается за день до начала следующей сессии. Началу сессии предшествует создание таких документов, как повестка дня (первоначальный перечень пунктов, аннотированный вариант первоначального перечня, предварительная повестка дня, доклад Генерального секретаря по повестке дня и, наконец, повестка дня). Генеральный секретарь представляет ежегодные доклады, посвящённые многим вопросам. В начале каждой сессии выходит записка о состоянии готовности документации, которая является руководством при поиске не только докладов Генерального секретаря, но и всех остальных докладов.

Ряд вспомогательных органов относится к компетенции Генеральной Ассамблеи. Они должны предоставлять ежегодные, а иногда двухгодичные доклады о своей деятельности. Доклады предоставляются шестью главными комитетами. В таких докладах содержатся резолюции или решения, принятые конкретным вспомогательным органом и рекомендуемые этим органом к принятию Генеральной Ассамблеей на её пленарном заседании. Доклады вспомогательных органов представляют собой фактически отчёт о проделанной работе и обычно выпускаются в качестве дополнений к официальным отчётам Генеральной Ассамблеи. Генераль-

ная Ассамблея принимает резолюции и решения. Резолюции Организации Объединенных Наций является официальным выражением мнения или воли органов Организации. Термин «решение» используется для обозначения официальных постановлений, кроме резолюций, и по таким вопросам, как выборы, назначения, время и место проведения заседаний и др. На заседаниях Генеральной Ассамблеи ведется стенографическая запись, на основе которой составляется стенографический отчет. Отчеты о заседаниях включаются в официальные отчеты. Отдельным документом становятся выступления в прениях.

Помимо очередных сессий Генеральная Ассамблея созывается на свои специальные сессии, которых могут потребовать обстоятельства [2]. Работа специальной сессии Генеральной Ассамблеи начинается с документов о её созыве, и этими документами могут быть резолюции, прессклизы и др. [3]. В период между сессиями Генеральная Ассамблея может собраться на чрезвычайную специальную сессию, созываемую в течение двадцати четырёх часов со времени поступления требования о таком созыве от Совета Безопасности (при поддержке любых семи членов Совета из пятнадцати) или по требованию большинства членов Организации Объединенных Наций [4]. Работа Генеральной Ассамблеи сопровождается принятием таких международных документов, как Декларации, Конвенции и другие основополагающие документы.

Система документов создается и в ходе работы одного из главных органов ООН, каким является Совет Безопасности. Он несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, что определило его вспомогательные органы и документы, создаваемые ими и Советом Безопасности. Работу Совета Безопасности регламентирует повестка дня, которая готовится для каждого заседания отдельно. В стенографических отчетах отражается ход заседания Совета Безопасности. На заседаниях заслушиваются доклады Генерального секретаря, выступления и заявления Председателя, доклады Миссий Совета Безопасности, резолюции Комитета по санкциям Совбеза, резолюции и решения самого Совета Безопасности. Проекты резолюций, не принятых в результате голосования постоянных членов Совбеза (вето Совета Безопасности), представлены в документах по периодам (1946–1949, 1950–1959, 1960–1969, 1970–1979, 1980–1989, 1990 – до настоящего времени) и по странам (Китай, Соединённое Королевство, США, СССР/Российская Федерация, Франция). В Совете Безопасности циркулируют документы постоянных комитетов, комитетов открытого состава, различных рабочих групп. Сам

Совет Безопасности предоставляет Генеральной Ассамблее ежегодный доклад о своей деятельности.

Секретариат является одним из главных органов Организации Объединенных Наций и представляет собой международный персонал, работающий в учреждениях по всему миру и выполняющий разнообразную повседневную работу Организации [5]. Во главе Секретариата стоит Генеральный секретарь, который назначается Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности сроком на 5 лет с возможностью переизбрания на новый срок. Основным видом документа, подготавливаемым Генеральным секретарём, являются его доклады. Он выступает с ежегодными докладами о работе ООН, на сессиях Генеральной Ассамблеи, перед Советом Безопасности и по отдельным вопросам [6].

Большой круг проблем находится в ведении Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС). В первую очередь он занимается экономическими, социальными и культурными вопросами, а также вопросами здравоохранения и вопросами, связанными с правами человека и основными свободами, координирует работу ООН и специализированных учреждений. ЭКОСОС проводит организационную сессию весной и основную сессию летом каждого года. Организационную сессию определяют такие документы, как двухгодичная Программа работы и повестка дня. Оба документа содержат информацию относительно круга вопросов, охватываемых каждым пунктом повестки дня, и основной документации, которая должна быть представлена по этому пункту. Основная сессия Экономического и Социального Совета созывается поочередно в Нью-Йорке (в чётные годы) и в Женеве (в нечётные годы) и делится на ряд этапов: этап заседаний высокого уровня, этап оперативной деятельности, этап координации, этап рассмотрения гуманитарных вопросов и общий этап. Эта работа находит отражение в отчётах о заседаниях и сессионных докладах.

Вспомогательные органы ЭКОСОС, например, Комиссия по правам человека, Комиссия по устойчивому развитию, Исполнительный совет Детского фонда ООН и др. ежегодно предоставляют свои доклады, в которых могут содержаться резолюции и решения, принятые конкретным вспомогательным органом и рекомендуемые для принятия Экономическим и Социальным Советом или Генеральной Ассамблеей через ЭКОСОС. Такие доклады публикуются обычно в виде дополнений к официальным отчётам ЭКОСОС. Экономический и Социальный Совет предоставляет Генеральной Ассамблее доклады о своей работе. Благодаря деятельности Экономического и Социального Совета составляются основ-

ные обзоры и доклады ООН в экономической и социальной областях. Они делятся по регионам и тематически [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что документационная система, создаваемая в главных органах Организации Объединенных Наций, разнообразна по видам документов и достаточна для исполнения этими органами своих функций в рамках отведенных им полномочий.

Примечания

1. **К уставным документам**, кроме Устава ООН, относятся уставные документы таких органов Организации, как Международный суд, Международный уголовный суд (Римский статут), Управление Верховного комиссара по делам беженцев, Административного трибунала ООН, Международного трибунала по Руанде, а также Устав Университета ООН, Статут Института ООН по исследованию проблем разоружения, Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, Устав Всемирной туристской организации и др. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/basicdoc.htm>

2. **По данным** на ноябрь 2008 г., с апреля–мая 1947 г. по январь 2005 г. было созвано 28 специальных сессий. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/gadocs/spec>

3. **Пресс-релизы** не считаются официальными документами и издаются только в информационных целях. Вместе с тем, они являются ценным инструментом для аналитической работы по текущим вопросам, так как зачастую выходят намного раньше официальных документов. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/dhl/resguide/press.htm>

4. **За период** с ноября 1956 г. по 2006 г. было созвано 10 чрезвычайных специальных сессий Генеральной Ассамблеи. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/gadocs/emerg>

5. **Структура управлений** и департаментов Секретариата, которые, в свою очередь, состоят из отделов, управлений, секторов, даёт представление о характере и масштабах документации Секретариата. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/basic/depts.htm>

6. **Режим** доступа: <http://www.un.org/russian/sg/reports.shtml>

7. **Обзоры** по регионам охватывают Азию и Тихоокеанский регион, Африку, Западную Азию, Европу, Латинскую Америку и Карибский бассейн. Тематика обзоров и докладов Экономического и Социального Совета чрезвычайно обширна: Демографические тенденции, Женщины: роль в развитии, Здравоохранение, Миграция, Молодежь, Наименее развитые страны, Наркотики, Насилие, Окружающая среда и развитие, Продовольствие, Сельское хозяйство, Социальное развитие, СПИД и др. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/esa/surveys.htm>

ЧАСТЬ II

ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С ИНФОРМАЦИЕЙ И ДОКУМЕНТАМИ

О.Е. Хмельницкая

**РАЗВИТИЕ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ:
СТАДИЯ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ
(РАБОЧАЯ ГИПОТЕЗА)**

Если под документом подразумевать содержательный текст, который может быть датирован, идентифицирован и сохраняем в неизменном виде, следует признать, что весьма значительная часть посланий в сети может подойти под это определение. Теоретически администрация сетевого ресурса имеет неограниченные возможности внести любые изменения в информационные материалы принадлежащего ей сектора Интернета без отображения сведений об этом факте, однако на практике эта возможность реализуется с осторожностью. Не последняя причина такой осторожности заключается в том, что пользователи, узнав о необоснованном редактировании своих текстов, выражают недовольство вплоть до того, что навсегда покидают ставшие таким образом негостеприимными Интернет-уголки в поисках мест с большей свободой выражения мысли. А наиболее опытные пользователи давно выработали устойчивую привычку – при возникновении любых ситуаций, чреватых нежелательной правкой текстов, сохранять последние в виде графических изображений, делать скриншоты, видеоизменить которые значительно труднее, хотя и не невозможно. Впрочем, исторический опыт учит нас, что и по отношению к документам на традиционных носителях нельзя быть уверенным в их неизменности и сохранности на протяжении веков. Достаточно вспомнить, сколько явных и скрытых поправок претерпели крупнейшие информационные объекты, прежде чем мы получили возможность ознакомиться с ними.

Единственное, на наш взгляд, принципиальное отличие интернет-документов от остраконов, берестяных грамот или мемуаров провинциального русского дворянина заключается в потенциальной величине читательской аудитории (впрочем, далеко не всегда осознаваемой автором). Про осознание стоит сказать особо. Автору этих строк не раз приходилось фиксировать внимание чересчур разоткровенничавшегося собеседника на том, что «разговор слышат» («текст читают, идентифицируют, копируют») слишком многие. В подтверждение предлагалось обратиться к списку присутствующих в данный момент времени в данной точке сетевого пространства и представить себе в школьной (а иногда и вузовской) аудитории такое количество людей, не просто слушающих излияния, но и автоматически получающих подробный конспект происходяще-

го. Мало того, количество таких конспектов в действительности превосходит все мыслимые пределы: содержимое большинства ресурсов кэшируется и сохраняется навсегда. Приведу цитату из одного из сетевых разговоров: «Гораздо действеннее с точки зрения сохранения тайны рассказывать о своих проблемах, встав с рупором на центральной площади города: большинство примет вас за городского сумасшедшего или представителя маргинального общественно-политического объединения и равнодушно пройдет мимо». Увы, подавляющее большинство собеседников оказывалось неспособным в полной мере осознать этот факт как данность и скорректировать свои действия хотя бы из соображений безопасности. Впрочем, объяснение этого феномена явно лежит вне плоскости настоящего сообщения.

Здесь может быть задан вопрос: неужели идентификация автора в сети действительно настолько проста для неспециалиста в сфере информационных технологий, не являющегося администратором ресурса, не имеющего возможность отследить IP? Начнем с того, что подавляющее большинство пользователей стремится достичь узнаваемости собственных посланий – даже если оставить в стороне многочисленные случаи использования в качестве никнейма (прозвища) реальных фамилии и имени, в качестве аватары или юзерпика (сопроводительной картинки) реальных фото, а в качестве подписи, завершающей каждое послание, телефонного номера и адреса. Это случается намного чаще, чем может предположить непосвященный. Но не составляет проблемы и идентификация пользователя по косвенным признакам. Особенно актуально это для томских сетей, где из-за существовавшей вплоть до недавнего времени значительной диспропорции в стоимости «внутреннего», т.е. областного, и «внешнего», т.е. общемирового, Интернет-трафика сформировалось, по сути, локальное городское сетевое сообщество, в котором «все всех знают». Поискковые инструменты позволяют в течение нескольких секунд собрать все тексты одного автора в каждой точке сетевого пространства в единый комплекс, иногда достигающий значительных размеров, после чего установление персональных данных того или иного пользователя зависит только от степени заинтересованности и умения анализировать информацию. Здесь пытливого исследователя может подстергать сюрприз, поскольку сетевой образ человека иногда совершенно не коррелирует с реальным. Парадокс, но два очевидных способа защититься от нежелательного узнавания – оставлять анонимные комментарии и писать без прямой отсылки к собственному опыту – не получают распространения. Ценность анонимных текстов в Интернет-сообществе неизмеримо ниже ценности текстов авторских (или псевдоавторских), даже

если на ресурсе существует техническая возможность отправлять неподписанное сообщение, что в настоящий момент встречается нечасто. А рассуждения «вообще» встречают меньший отклик, чем рассказ о конкретных действиях и ситуациях в деталях. Эти ожидания в целом находят понимание со стороны пишущих в сети, и они сами принимаются заботиться о том, чтобы оказываться легкоузнаваемыми. Сетевое имя и картинка начинают восприниматься как нечто сугубо личное, и уже можно говорить об устойчивой тенденции к фиксации пользователями этих атрибутов на длительный период. «Покушение» на «чужую» картинку (в особенности на подлинную фотографию участника конкретного сообщества) или «чужое» имя (а благодаря одновременному использованию кириллицы и латиницы любое сетевое имя можно изобразить несколькими, подчас неотличимыми глазом способами) воспринимается болезненно не только теми, чьё право быть мгновенно узнаваемым нарушено таким образом, но и окружающими, которые испытывают дискомфорт оттого, что вынуждены каждый раз затрачивать усилия на угадывание авторства.

По большому счету, в этом нет ничего принципиально нового. Несомненной новацией, принесенной в строгий мир документа современными технологиями, является совершенно особое восприятие времени, иная, невообразимая ранее, реакция на скорость отклика на сетевое обращение. Стоит обратить внимание на данный феномен, противоположный тому, о чем шла речь выше: там огромная аудитория не замечалась; здесь же умами владеет иллюзия постоянного внимания к чужим сообщениям тех пользователей, которые отображены как присутствующие в данной точке сетевого пространства в данный момент времени. Присутствует – значит, читает и готов (= «должен») отреагировать. По наблюдениям автора сообщения, запоздалой реакцией может считаться пауза от двух минут (обмен посланиями в системах мгновенных сообщений) до трех суток (из практики работы гостевой книги Государственного архива Томской области). Эта ситуация, немыслимая для традиционного документооборота, в сети устоялась настолько, что можно говорить уже о трансформации норм этикета. И если в неофициальном сетевом общении «запаздывание» ответа (иногда на несколько минут!) может быть сочтено неловкостью, то, например, в электронной деловой переписке частных лиц ответ, отправленный позднее, чем через сутки, уже является нарушением приличий и неуважением к собеседнику.

Меняются и стилистические нормы. Многие формулы вежливости, характерные для русского эпистолярного жанра, в сети рассматриваются как издевательство. Едва ли не все так называемые «комплименты» предшествующих эпох в Интернете заменяются одной-единственной аббре-

виатурой ИМНО, означающей, что автор подчеркивает, что текст является не чем иным, как выражением его частного мнения (если вдуматься, никакого особого смысла в этом нет: как будто мы в других ситуациях выражаем исключительно мнения чужие). На этом реверансы в адрес остальных участников общения завершаются. Возможно, корни этого явления лежат в общесетевой тенденции к сокращению слов: «тэзть» и «есно» повсеместно употребляются вместо «так сказать» и «естественно». Трудно дать однозначную оценку данному явлению, зато несомненным плюсом сетевых коммуникаций является практически полное отсутствие слов-паразитов. Означает ли это улучшение «качества» текста при одновременном сокращении его объема? Вряд ли, но думается, что все-таки можно высказать осторожное предположение о том, что сетевые послания унаследовали от текстовых документов на материальных носителях стремление поместить каждую лексическую единицу строго на отведенное для нее место – конечно, лишь в меру лингвистических способностей и чутья автора. Наибольший отклик находят послания, объем которых не превышает нескольких сотен печатных знаков. Документ большего объема прочтут лишь в том случае, если его содержание неординарно, в противном случае либо налагаются разного рода резолюции, свидетельствующие о нежелании тратить время на ознакомление с многобуквенным текстом, либо послание пролистывают при помощи скролла мыши.

Любопытно, что в русскоязычном секторе Интернета не существует какой-то единой формулы общения: в ЖЖ рекомендуется к незнакомым людям обращаться на «вы», на форумах чаще предписывается обращение и к незнакомцам на «ты», однако каких-либо серьезных конфликтов на почве этих несоответствий не наблюдается. Одни и те же пользователи без заметных усилий принимают и те, и другие правила, так что можно говорить о все той же легкости подстраивания к шаблону, которая так выручает нас при написании заявлений. В то же время устойчивой тенденцией стало меньшее в сравнении с традиционными документами использование прописных букв даже в тех случаях, когда это предписано нормами литературного русского языка. Если согласиться с выводом Максима Кронгауза о тяготении к прописным буквам авторов религиозных и политических текстов, то, по-видимому, можно говорить о стремлении большинства пользователей к максимальной десакрализации и деполитизации своих посланий, а это уже заявка на выражение социальной позиции.

Пора признать: тот, кто пишет в сети, пишет в вечность.

Е.О. Матвеева

ВОСПРИЯТИЕ ДОКУМЕНТИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ

В начале XXI в. отечественное документоведение развивается в тесной связи с другими гуманитарными науками, результаты которых обогащают теорию документной коммуникации и способствуют многоаспектному совершенствованию её методики. Отечественные документоведы неизменно опирались на достижения историков, учитывали изыскания книговедов, принимали во внимание результаты социологических исследований, обращались к трудам семиотиков, лингвистов, информатиков. Как справедливо замечает известный отечественный документовед Н.С. Ларьков: «Документоведение относится к числу наук об обществе, поэтому свои задачи оно решает совместно с другими гуманитарными науками, как фундаментальными, так и прикладными. Это взаимодействие проявляется в различных формах и происходит на разных уровнях, прежде всего на уровне объекта и предмета исследования, понятийного аппарата, методов исследования» [1. С. 27].

В наше время в связи с изменением социокультурной ситуации, развитием новых экономических отношений, появлением множества фирм, частных предприятий, банков, связанных партнёрством с государственными учреждениями, рекламными агентствами, средствами массовой информации, особую актуальность приобретает проблема точного и адекватного восприятия документированной информации, иначе говоря, на первый план выступает безусловно существующая связь между документоведением и психологией управления, научной дисциплиной и практической отраслью, занимающей заметное место в практике менеджмента и маркетинга. Одной из актуальных проблем, интегрирующей усилия документоведов и психологов, является научное осмысление коммуникационных барьеров, препятствующих освоению информации, содержащейся в документах, а значит снижающих и эффективность управления.

Трюизм, гласящий, что документы создаются людьми и для людей, вполне аксиоматичен, а потому не требует доказательств, однако необходимо уточнить, как и почему возникают психологические препятствия на пути восприятия документированной информации управленческого характера.

Под психологическими барьерами принято понимать психическое состояние, проявляющееся в неадекватной пассивности субъекта, что пре-

пятствует выполнению им определённых действий. В социальном поведении коммуникационные барьеры проявляются прежде всего в отсутствие гибкости в межличностных отношениях и социальных установках, когда человеку бывает трудно отрешиться от традиционных стереотипов, взглядов, морально-нравственных и социальных принципов. Безусловно, психологические барьеры восприятия информации могут явиться следствием и индивидуальных особенностей личности, специфики памяти, внимания, мышления и воображения человека.

Для эффективной организации управленческой деятельности необходимо преодолевать уже существующие коммуникационные барьеры и препятствовать возникновению новых. Знание основных видов психологических коммуникационных барьеров, возникающих при восприятии документированной информации, помогает решать стратегические задачи управления организацией, поэтому остановимся на данном вопросе более подробно. К важнейшим, значимым для управленческой практики коммуникационным барьерам следует отнести социально-культурные, эстетические, интеллектуальные, логические и эмоциональные барьеры.

Социально-культурные барьеры возникают из-за неспособности понимать людей другого культурного уровня, других взглядов, иного менталитета. Их разновидностью являются этические, ролевые, мировоззренческие психологические барьеры. Менеджерам, представляющим различные организации (в диапазоне от коммерческих структур до библиотечно-информационных учреждений), хорошо знакома ситуация, когда распоряжения некомпетентного, неавторитетного руководителя (в том числе, задокументированные по всей форме) психологически блокируются, а потому исполняются не в полном объёме. При этом всякая следующая попытка ознакомить коллектив с новым приказом и распоряжением встречает еще более ожесточённое психологическое сопротивление. Дело здесь не в качестве и даже не в количестве управленческих документов, которые могут быть грамотно составлены, и, объективно отражая профессиональные требования, не противореча ни корпоративной этике, ни действующим на сегодняшний день законодательным актам, не вызовут у стороннего наблюдателя особых возражений. Социокультурные барьеры в данном случае обусловлены напряжёнными отношениями в коллективе, нежеланием, а чаще всего и неумением руководителей прислушаться к мнению рядовых сотрудников и уважительно относиться к чужим взглядам.

Иногда возникновение социокультурных барьеров бывает вызвано недостаточным развитием у руководителей организации навыков эффективного менеджмента, предполагающего среди прочих умение предви-

деть результат своих действий и развитие ситуации. Если руководство имеет чёткие представления о стратегии и перспективах менеджмента организации, если даже в сложных случаях у него есть план выхода из кризиса, тогда, как правило, не возникает проблема, вызванная неверным или невнимательным восприятием сотрудниками задокументированной информации управленческого характера. В противном случае, когда руководство пребывает в панике и по несколько раз за неделю издает всё новые распоряжения (иногда взаимоисключающего характера), степень доверия к таким документам неуклонно снижается.

Большое значение для организации управленческой практики имеет снятие этических барьеров, которые иногда возникают из-за невнимательного, небрежного отношения сотрудников, готовящих документы, к своим обязанностям. Общеизвестно, например, что библиотечно-информационные учреждения, активно развивая PR-деятельность, пытаются заинтересовать работой библиотеки известных, социально-значимых личностей. Такая деятельность неизбежно приводит к росту количества документов: официальных приглашений, писем, поздравительных открыток. Важным этическим моментом, во многом определяющим действенность таких документов, является, безусловно, внимательное соблюдение их авторами правил обращения к официальным лицам, подразумевающее точное указание их регалий. Ошибки в таких, на первый взгляд, незначительных деталях, как учёная степень или звание адресата, производят негативное впечатление и способствуют возникновению новых коммуникационных барьеров.

Логические коммуникационные барьеры, связанные с существованием разных логических подходов к анализу и доказательству фактов, также довольно часто встречаются в практике управления. Логические коммуникационные барьеры являются следствием несогласованности действий между сотрудниками, в результате которой восприятие информации, содержащейся в управленческих документах, становится неполным и искажённым, что не может не препятствовать нормальному функционированию организации.

Деятельность по устранению коммуникационных барьеров, способствующая более глубокому, точному и полному восприятию задокументированной информации, содержащейся в управленческих документах, является сегодня важнейшим направлением менеджмента организации.

Примечания

1. *Ларьков Н.С.* Документоведение: Учеб. пособие. М., 2006. 427 с.

О.В. Арлашкина

**ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ
СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ СОВРЕМЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ**

Любое социальное взаимодействие не может осуществляться вне культуры. Это убедительно доказано многими учеными. Т. Парсонс считал культуру одной из важнейших подсистем социального действия, которая выполняет функцию поддержания латентного образца (latent pattern maintenance) и характеризует внутреннюю организацию взаимодействия социализированных индивидов [1]. В эконоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах Т.М. Дридзе социальная коммуникация предстает как универсальный социокультурный механизм человеко-средовых интеракций [2]. При изучении опосредованного социального взаимодействия (общения через различные средства связи) большое значение приобретают проблемы социальной идентификации в процессе опосредованного общения, проблемы влияния этого вида общения на непосредственную интеракцию, потери связи индивида с реальным миром [3]. Например, Интернет-коммуникации рассматриваются как интеракции в виртуальном пространстве, являющемся своеобразным антонимом реального мира («виртуальная социальная реальность») [4. С. 212–235]. В современном информационном обществе формируются актуальные социальные взаимодействия (между реальными субъектами) и виртуальные (где один субъект – реален, а другой – воображаем) и складываются новые социокультурные образцы, объединяющиеся в понятие «информационная (цифровая, компьютерная, мультимедийная коммуникационная) культура». Информационную культуру можно определить как степень совершенства, достигаемого индивидом в использовании информационных ресурсов и в управлении информационными процессами и системами. Информационная культура является также фактором социальной адаптации индивида в информационном обществе и, одновременно, средством рационального и умеренного использования виртуальных способов взаимодействия в повседневной жизни.

Управление персоналом как система социального взаимодействия включает в себя социокультурный опыт, который является внутренней характеристикой, обуславливающей данный тип взаимодействия. Связь

системы управления персоналом с организационной культурой лежит в области принципов управления, которые отражаются в кадровой политике организации. Другими словами, формирование и реализация кадровой политики всегда осуществляется с учетом организационной культуры, частью которой является и культура информационного обмена. При этом функция поддержания латентных образцов находится в распоряжении специалистов по кадровому менеджменту, которые накапливают и передают важную кадровую информацию, общие паттерны взаимодействия и культурный опыт организации. Так кадровая служба обеспечивает надлежащее функционирование социальных регуляторов организации: обеспечивает социальный контроль, оптимизирует организационную структуру, является хранителем норм и ценностей организации, ее деловой культуры как наиболее важного фактора среды.

Для адекватной оценки развития информационно-коммуникационной культуры необходимо учитывать параметры социальной коммуникации в системе управления кадрами. Типичными отношениями в данной системе являются формальные и неформальные связи, в которых, помимо всего прочего, используются разные коммуникативные средства. Формальные коммуникации по средствам отличаются от неформальных официальным словоупотреблением, апеллированием к должности, а не к личности коммуникатора, информация носит деловой характер. Неформальные коммуникации могут выполнять различные функции: от создания благоприятного социально-психологического климата до помощи в выполнении поставленных профессиональных задач (набор персонала, обучение, адаптация и т.д.). Неформальные коммуникации, как и формальные, должны быть управляемыми, чтобы содействовать достижению целей управления кадрами, при этом субъектом управления коммуникациями становится кадровая служба как посредник социального взаимодействия. Различают также устную, документную или электронную коммуникацию, хотя с внедрением электронного документооборота эти определения становятся достаточно условными.

Служба управления персоналом несет ответственность за кадровый документооборот и, тем самым, выполняет функции социально-коммуникационного института. В этой связи ее работники должны иметь достаточную подготовку в области документационного обеспечения управления и соответствующий уровень информационной культуры, что является неременным условием достижения эффективности не только внутренних коммуникаций, но и всей кадровой работы.

В современных системах управления персоналом все информационные процессы протекают с учетом использования мультимедийных средств. Обогащается исполнение функций управления персоналом. Так, при наборе и отборе персонала используется анализ социальных сетей, изучение спроса и предложения на виртуальном рынке труда в сети Интернет. Сайты организаций становятся эффективным инструментом, оптимизирующим осуществление кадровой деятельности. Все большим разнообразием отличается специализированное программное обеспечение, которое позволяет автоматизировать большинство функций управления персоналом. Использование локальных сетей позволяет в кратчайшие сроки осуществить обмен информацией по любому возникающему вопросу.

В целом, высокий уровень информационной, мультимедийной коммуникационной культуры сегодня становится важным квалификационным требованием. Повышение данного уровня зависит, прежде всего, от руководства, которое должно не только осознавать важность и поддерживать развитие информационного прогресса, но и иметь соответствующий культурно-коммуникационный опыт. Как показывает практика, эффективность коммуникаций в системе управления персоналом зависит от уровня информационной культуры всех субъектов взаимодействия: топ-менеджеров, линейных руководителей, специалистов по кадровому менеджменту и персонала в целом. И, поскольку выбор и использование средств социального обмена субъектами взаимодействия формирует механизм их действий и определяет степень их сотрудничества и взаимопонимания, высокий уровень информационной культуры организации позволит обеспечить оптимизацию информационных процессов и социальной коммуникации в системе управления кадрами.

Примечания

1. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. THESIS. Весна 1993. Т. 1, вып. 2. С. 94–122.

2. *Дридзе Т.М.* Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах / Отв. ред. Т.М. Дридзе: В 2 кн. М.: ИС РАН, 2000. Кн. 1.

3. *Игнатъев В.И.* Системно-генетическая динамика социума. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007.

4. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 330.

А.И. Шарунов

ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ РОЛЕЙ НА ХАРАКТЕР ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ В ДОКУМЕНТАХ

В деловом общении обычно возможно выделить активного, наступающего инициатора обмена документами (руководитель, фирма, предприниматель) и того, на кого направлены усилия инициатора (действующий или потенциальный партнер по бизнесу, исполнитель). Более пассивный может быть заинтересован в развитии делового процесса, но не представлять путей достижения цели. Информационный обмен строится в зависимости от роли коммуникантов и может принимать обостренные формы, доходящие до конфликтов. Каждый случай обмена информацией своеобразен, характер обмена зависит от того, извлечение или распространение сведений преобладает.

Распоряжающийся инициативой стремится адресовать сведения партнеру, передавать информацию. Но её объём строго дозирован в документах. Они касаются только того, кто и как должен ими пользоваться. Поэтому данные кратки и указания близки к команде. Чем строже человек распоряжается инициативой, тем скупее и чаще выдает, и тем меньше и реже требует отчета, доклада, информации об исполнении.

Если отношения партнеров ещё только завязываются, инициатор, чтобы поддерживать интерес к себе и не выпускать инициативу из своих рук, стремится интриговать слушателей новизной – дразнить своей осведомленностью, не раскрывая полностью источников, вызывать потребность у партнера к углублению отношений, к сотрудничеству, к получению дополнительной информации. Одновременно инициатор вступает в двусторонний обмен, добывает информацию о том, какие сведения и на каких условиях партнеры хотят получить.

Информационный обмен всегда отражает противостояние интеллектов. При овладении инициативой нужно обнаружить осведомленность большую, чем та, которой располагает партнер об интересующем его предмете. Обещание важной информации привлекает внимание, выделяет инициатора среди конкурентов. Если объём предлагаемого нового не будет оценен, не достигает цели, то приходится выдать дополнительные сведения того же содержания, но более точно выраженные, и подчеркнуть новизну идей для партнера.

Потребность в недостающих сведениях побуждает обращаться к обещающему, который располагает информацией и готов выдать её, но для

этого он требует к себе внимания. Завладев вниманием, инициативой, обещающий может начать извлекать полезную для него информацию, одновременно дозируя новое. Завладевая инициативой, точнее, навязывая её, он делится информацией только о своей осведомленности. Если на инициативу претендуют одновременно несколько человек, то каждый подчеркивает новизну и значительность обещаемой им информации.

Укрепившиеся деловые отношения стабилизируют коммуникативный обмен. Овладевший инициативой не может быть удовлетворен пассивным ведением дел партнером, требует встречной инициативы. Побуждая к ней, обычно стремятся получить информацию, уточняя сложные моменты, возможно касающиеся перспективных, отдаленных действий. Партнеру приходится помогать: выдавать ему сведения о том, какая именно, зачем и почему нужна недостающая информация, почему партнер должен ее дать. Документы отражают обмен инициативой в более или менее широких границах. При этом обнаруживаются сильные и слабые стороны участников совместной деятельности (причины, способствующие углублению партнерских отношений, либо причины противоречий и даже сопротивления). Появляется возможность указать партнеру на несостоятельность его доводов и на весомость, обоснованность определенных требований, но только для того, чтобы убедиться, что его требования приняты партнером и будут им выполнены.

Продвинутое в отношениях деловое противостояние проявляется в документах. Их содержание лишено новизны, максимально доступно – требуются конкретные выводы и следующие за ним поступки. Предлагается либо согласиться, либо не соглашаться. Для этого не нужно многих слов, новизна минимальна, содержание банально. Таково информационное наполнение документов, обеспечивающих деловые отношения (купля-продажа, наем, увольнение, приглашение и пр.), и организационно-распорядительных (выговор, примирение).

В спорных ситуациях проявляется выжидательная манера делового взаимодействия: в документах все меньше точности, ясности, определенности, больше усложненного многословия. Краткость и определенность выражений, наоборот, говорит о деловом подходе партнеров к предмету спора.

Обычно деловые люди претендуют на обмен точными и вполне определенными сведениями о конкретном деле. Но когда в деловой переписке обсуждаются вопросы субъективного порядка, приходится довольствоваться выражениями менее точными. Не хочется быть банальным, но и слишком заумное содержание мешает доступному изложению содержания. Поэтому договориться с партнером ясно и окончательно о чем-

либо предметном легче, чем о субъективной оценке отношений. Если же полная договоренность обо всем этом и достигается, то обычно только в абстрактной форме. Здесь каждый либо понимает суть не совсем так, как другой, либо она приобретает характер договоренности об объективных проявлениях субъективного, которые могут быть истолкованы по-разному. Поэтому в деловой переписке обмен информацией тяготеет к точным однозначным выражениям, и в ней нет места обобщениям, не имеющим определенных границ. В деловом обмене точность может быть обеспечена конкретизированными формулировками, и дополнительные средства ищутся в новых, все более точных выражениях.

Отличительные черты имеет информационный обмен в документах совещательного процесса. Здесь выдача и добывание информации слиты в одно, лишены директивного стиля взаимодействия. Подразумевается рассудочная манера изучения данных, их оценка, осторожное уточнение мнений (содержится некое «не правда ли?», «может быть?», «иногда...»). Партнеры с доверием обмениваются данными. Документы уточняют, какая именно информация необходима. Это проверка уже более или менее известного. Одни участники информационного обмена стремятся получить из документов больше информации, снижая уровень неизвестного, уточняют, ждут, другие (эксперты, специалисты, руководство) – восполняют недостающие сведения.

Документы, фиксирующие полемику на совещаниях, отражают стремление выступающих представлять такие сведения, которые должны одобрить единомышленники и принять определенное решение. Протоколы и стенограммы собраний с очевидностью показывают: это не совещание в настоящем смысле слова. Ведь в подлинном совещании люди советуются. Тогда предлагаемая и получаемая информация в документообмене максимально уравновешены. Каждый, предлагая своё, в равной мере и сам нуждается в предложениях других – ждет и восполняет сведения от партнеров.

Партнер, не заинтересованный в сторонних инициативах (навязчивых предложениях, рекламе и т.п.) не нуждается в информации извне. Если он и выдает информацию, то с единственной целью, чтобы прекратить обмен. Инициатор новых идей предполагает, что адресат не знает, сколь значительно то, о чем идет речь – снабжает его дополнительной информацией.

Избегающий контактов предполагает, что инициатор навязчив, потому что не знает, чему он мешает. Он формулирует документ, содержащий достаточно ясные, сколь можно краткие и окончательные сведения. Обычно содержание документов оформлено небрежно, поскольку адре-

сант занят чем-то более важным. В некоторых случаях ему придется отвлечься от своих занятий и перейти в наступление: «Вам отказывают, разве не понятно?»

Если взаимоотношения развиваются в рамках торга, то документы представляют уравновешенный обмен сведениями, но другого характера по соотношению интересов. Каждый строго дозирует новое, дает столько, сколько необходимо для уточнения диспозиции, но и не так мало, чтобы получить в обмен данные, которых он добивается.

Понимание закономерностей информационных процессов в документационном взаимодействии помогает эффективно управлять, интерпретировать и оценивать характер истинных намерений партнеров, перспективность деловых отношений.

ТЕХНИКА РАБОТЫ С ЮРИДИЧЕСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ

Юридический документ – это материальный носитель правовой информации. Массив юридических документов на сегодняшний день огромен. По состоянию на 2001 г. в Российской Федерации действовало около 500 тыс. нормативных правовых актов, включая акты субъектов федерации и постановления судов. По данным специалистов юридической компании «Гарант», если сложить эти акты вместе, получилась бы стопа высотой в 24-этажный дом [8. С. 6]. В этой связи как только не характеризуют ученые и практики современное законодательство Российской Федерации (и переходное, и интенсивно развивающееся), чтобы оправдать его не всегда высокое качество.

Подобная ситуация объясняется рядом объективных и субъективных причин. Одной из них является несоблюдение правил юридической техники или неверное использование ее инструментария. Еще в начале XX в. Р. фон Йеринг в своей работе «Юридическая техника» отмечал, что составление документа – это сложная кропотливая работа и ее надо делать не по наитию, а по правилам, которые должны быть заранее продуманы: «Чтобы понимать и применять право, недостаточно одного здравого разума, необходимо юридическое искусство» [4. С. 322]. Конечно, первые юридические документы (например, Законы Ману, Законы Хаммурапи) не отличались совершенством формы и содержания, изобилуя пробелами и противоречиями, текст документа не отвечал современным представлениям об официально-деловой стилистике, структура не отличалась логичностью и последовательностью. Ярким примером могут служить следующие выдержки из Законов Ману (Индия, приблизительно II в. до н. э. – II в. н. э.): «Если бы царь не налагал энергично наказания на тех, которые заслуживают наказания, то сильнейшие изжарили бы слабейших, как рыбу на вертеле» или «Женщина считается полем, мужчина считается семенем; рождение всех одаренных телом существ имеет место вследствие союза почвы с семенем... Те, которые не владеют полем, но имея семена, бросают их в чужую землю, не получают прибыли в зерне (плода), которое может вырасти» [3. С. 31, 47]. Более поздние по времени создания юридические документы также не были лишены подобных признаков. И сегодня во многих офисах висит распечатка из Указа Петра I от 6.12.1708 г. следующего содержания: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы своим разумением не смущать начальства».

Одним из первых авторов, кто разработал подобные правила в целях их практического применения в России, по праву может считаться М.А. Багулянский (Правила, наблюдаемые при исправлении Сводов, 1831 г.). С тех пор юридическая техника значительно продвинулась вперед, однако, само понятие юридической техники и ее значение в создании и последующей «жизни» юридических документов до сих пор остается вопросом дискуссионным. Одни авторы считают, что нет никакой необходимости в существовании этой категории, и видят в отождествлении техники и права опoшление последнего [6. С. 17]. Другие не столь категоричны, но тоже признают его «научное банкротство», объясняя его существование на современном этапе лишь данью правовой традиции [7. С. 22]. Третьи, напротив, возносят его значение до своего рода искусства (например, «искусство владения правилами языковой игры»), «пластической хирургии права» [1. С. 10; 4. С. 329].

Юридическая техника – условный, собирательный, многоаспектный, даже полисистемный термин, требующий дополнительного объяснения для неюристов.

Слово «техника» произошло от греческого (искусство, мастерство), оно употребляется во многих значениях – мастерство, умение, знание, искусство, опыт, приемы работы и приложение их к делу, высокая квалификация, сноровка, артистизм и др.

Применение термина «техника» к праву, как отмечает Г.И. Муромцев, есть частный случай его использования в нетехнической сфере социальной жизни, в частности в искусстве, соответствующих отраслях науки, в спорте и т.д. При этом в понятии «юридическая техника» термин «юридическая» является своего рода «привязкой», призванной очертить рамки применения понятия «техника». В этих условиях последнее должно иметь как минимум два значения: общее, или «сквозное», повсеместно приемлемое, и специальное, отражающее его специфику в конкретной сфере применения (право, литературе, различных видах искусства и т. д.) [6. С. 9].

Но даже в юриспруденции очень часто имеет место подмена юридической техники однопорядковыми терминами – технические средства, технические операции, конструкции. Однако, как правильно замечает А.Б. Лисюткин, вряд ли будет обоснованным столь широкое понимание содержания юридической техники, когда в него включаются компьютеры, металлоискатели, фотоаппараты, строительный гипс и т.д. только потому, что действующее законодательство содержит нормы права, которые определяют их в качестве технических средств, используемых в целях раскрытия и расследования преступлений [5. С. 26].

В настоящее время наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой юридическая техника рассматривается как совокупность правил, приемов, способов и средств разработки, оформления, систематизации и толкования наиболее совершенных по форме и содержанию юридических документов, создаваемых в процессе юридической деятельности субъектов права.

Это комплексное определение, хотя и отражает взгляды большинства ученых на рассматриваемую категорию, тем не менее, не отвечает одному из правил юридической техники в отношении терминологии. Как писал Р. фон Йеринг, понятие должно «охватывать тело в его сущности, индивидуальности, отграничивать его от других тел», т.е. должно содержать в себе «логическую квинтэссенцию тела» [4. С. 362]. А сущность этого понятия и есть «камень преткновения» во всех научных дискуссиях. И вряд ли здесь будет достигнут компромисс, ибо данное понятие, на наш взгляд, относится к разряду основополагающих (как и большинство понятий теории права), а они не имеют и не могут иметь четких определений, только описательные.

Поэтому юридическая техника может рассматриваться в нескольких ипостасях: как инструментарий (средства, приемы), как процесс (деятельность), как результат (синоним права). На наш взгляд, юридическая техника действительно представляет собой в области науки учение о юридическом инструментарии, оптимальное использование которого позволяет минимизировать ошибки в процессе создания юридических документов; в области практического применения – профессиональное мастерство, основанное на ранее полученных знаниях и доведенное до совершенства, особенно имея природную способность к подобной деятельности. Не каждому дано и мыслить легко и лаконично, и излагать эти мысли на бумаге также просто и ясно. Еще Екатерина II в Наказе Комиссии по составлению проекта Уложения отмечала, что «всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех...» [2. С. 87].

Главным назначением юридической техники, считал Р. фон Йеринг, является «формальная отделка существующего правового материала», т.е. количественное и качественное упрощение права [4. С. 332]. Но это не единственная задача с успехом решаемая юридической техникой. Не менее важной задачей, всегда стоящей перед юридической техникой, является недопущение конфликта юридической и реальной действительности. Впрочем, это уже тема для другого исследования.

Таким образом, недооценка требований юридической техники ведет к нарушению логики, стиля изложения, ведет к декларативности, проти-

воречивости, неясности юридических документов, возникновению ошибок, имеющих негативные последствия для субъектов права. Поэтому владение юридической техникой следует рассматривать как грамотность юриста. Более того, высокий технико-юридический уровень правовых документов – один из важнейших показателей правовой культуры общества в целом.

Примечания

1. *Александров А.А.* Юридическая техника – Судебная лингвистика – Грамматика права // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2.
2. *Денисов Г.И.* Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8.
3. *Законы Ману* // Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. М., 1996. Т. 1.
4. *Йеринг Р.* Юридическая техника // Избранные труды. В 2 т. СПб., 2006. Т. II.
5. *Лисюткин А.Б.* Юридическая техника и правовые ошибки // Государство и право. 2001. № 11.
6. *Муромцев Г.И.* Юридическая техника (некоторые теоретические вопросы) // Правоведение. 2000. № 1.
7. *Соловьев О.Г.* Юридическая техника в правотворческой и правоприменительной деятельности: понятие и виды // Юридический мир. 2009. № 1.
8. *Цеплев В.* Какой ногой пишут законы // Аргументы и факты. 2001. 15 апр. № 14.

А.В. Дворецкий

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЗАЩИТЫ СВЕДЕНИЙ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Правовой основой отечественного законодательства о конфиденциальной информации является Конституция Российской Федерации 1993 г., которая содержит ряд норм, имеющих непосредственное или опосредованное значение для регулирования информационных и связанных с ними отношений. Для правового регулирования вопроса о сведениях конфиденциального характера особое значение имеют ст. 23, 24, 29 Конституции РФ. Ст. 23 закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту чести и доброго имени, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ст. 24 устанавливает, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается, и обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Ст. 29 гарантирует свободу массовой информации, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

Указанные положения содержатся во второй главе Конституции РФ. Невозможность пересмотра и изменения норм этой главы без одобрения новой Конституции РФ позволяет говорить о наличии иерархии норм основного закона, в которой нормы первой, второй и девятой глав занимают приоритетное по отношению к другим главам положение. Для полной и эффективной защиты каждого охраняемого Конституцией РФ права используются положения нескольких отраслей отечественного законодательства.

Оптимальный вариант правового регулирования отношений по поводу информации предполагает наличие тщательно выверенного и закрепленного правом баланса двух основных информационных прав и свобод: права знать и права таить. После всенародного голосования в декабре 1993 г. эти нормы получили свое дальнейшее конституционно-правовое развитие и закрепление в ст. 23 и 24 Конституции РФ. Впоследствии развитие этих основных информационных прав в российском правовом и информацион-

ном пространстве стало складываться противоречиво. В рамках внутривидового различия становление права таить гораздо менее успешно, чем права знать [1].

С одной стороны, лицо имеет право получать любую информацию, относящуюся к его личности. Это отношения относительного характера, когда праву лица иметь доступ к информации о себе соответствует требование к ограниченному кругу обязанных лиц предоставить эти сведения. Принцип свободного доступа гражданина отражает его «право знать». С другой стороны, лицо может требовать ограничения доступа к информации о себе у неопределенного круга лиц. Это абсолютные правоотношения. Для их реализации используется принцип конфиденциальности, направленный на обеспечение «права таить». Законодательное обеспечение этого права в нашей стране имеет недолгую историю и в настоящее время находится в стадии активного роста и систематизации.

Общие требования в отношении формирования и использования информационных ресурсов закреплены федеральными законами «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], «О персональных данных» [3], «О связи» [4], «О почтовой связи» [5], «Об электронной цифровой подписи» [6], «Об архивном деле в Российской Федерации» [7]. В связи с развитием их положений приняты следующие подзаконные акты: Доктрина информационной безопасности РФ [8], Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов [9], указы Президента РФ «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» [10], «Об основах государственной политики в сфере информатизации» [11], Постановление Правительства РФ «О порядке ввода в эксплуатацию отдельных государственных информационных систем» [12] и др.

В совокупности все упомянутые законы Российской Федерации создают правовую основу регулирования отношений, связанных со сбором, использованием и обработкой сведений конфиденциального характера, с учетом специфики субъектов, которых они касаются. На определенной стадии развития общества сбор, обработка и предоставление информации становятся настолько важным элементом общественной жизни, что возникает необходимость предусмотреть специальные правовые меры, обеспечивающие интересы лиц, занятых в этой сфере [13. С. 393]. Существуют разные категории информации, по поводу которых используются специфические методы правового регулирования. Сведения конфиденциального характера относятся к одному из таких видов.

Вся документированная информация подразделяется на общедоступную и информацию с ограниченным доступом. Документированная информация с ограниченным доступом включает в себя две категории: информацию, отнесенную к государственной тайне, и конфиденциальную информацию. Перечень сведений конфиденциального характера установлен Указом Президента РФ [10]. Он включает в себя шесть самостоятельных видов информации. Персональные данные занимают в перечне первое место, но основания для вывода о наличии иерархии между видами сведений конфиденциального характера отсутствуют. Кроме персональных данных, к сведениям конфиденциального характера отнесены: 1) сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства; 2) служебные сведения, составляющие служебную тайну; 3) сведения, связанные с профессиональной деятельностью (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и т.д.); 4) сведения, составляющие коммерческую тайну; 5) сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них.

Рассмотренная классификация сведений конфиденциального характера не является симметричной. Для нее выбрано несколько критериев. Качество конфиденциальности означает, что доступ к информации возможен только с разрешения лица, к которому она относится.

Иерархия нормативных актов, регулирующих отношения по поводу сведений конфиденциального характера, включает также акты, принимаемые в пределах отдельной организации. В любой организации существует определенная совокупность процедур и правил использования информации. Она отражает отдельные этапы получения, хранения, комбинирования, передачи и иного использования информации. Соблюдение указанного алгоритма обработки информации гарантирует информационное обеспечение достижения поставленных работодателем целей. Часть этого технологического процесса составляет обработка конфиденциальной информации.

Отношения по соблюдению порядка информационного оборота регламентируются в нормативных документах – локальных актах организации. Эти акты отражают особенности организации, связанные с использованием информации. С позиции отражения в указанных документах информационной составляющей процедуры обработки сведений следует признать право работодателя устанавливать этот порядок самостоятельно. При таком подходе принятие подобных актов – это реализация нор-

мативной составляющей хозяйской власти работодателя. Однако законодательство не предусматривает, в каком порядке работодатель должен утверждать документы организации в области защиты информации конфиденциального характера. Поэтому для того, чтобы в дальнейшем положения документов об охране сведений конфиденциального характера не оспаривались, они часто принимаются по согласованию или с учетом мнения выборного представительного органа работников.

Делопроизводство документов конфиденциального характера регламентируется не только текстовыми документами, но и схематическими, графическими актами. В качестве примеров можно назвать оперограммы движения документации по личному составу в организации, схемы передачи кадровой документации в иные подразделения, структуры делопроизводственных подразделений организации.

Производственная функция локального регулирования отношений по охране конфиденциальной информации сводится к отражению особенностей порядка обработки данных сведений в конкретной организации. При этом раскрываются технологические особенности использования данных сведений органами и должностными лицами определенной организации. Организационное значение указанного локального нормотворчества проявляется в управленческой деятельности по регламентации работы подразделений организации и их должностных лиц, связанных с использованием информации конфиденциального характера. Эффективная защита информации в пределах отдельно взятой организации предполагает комплексный подход к определению возможных рисков утраты информации, принятию единых правовых мер по отношению к различным категориям сведений конфиденциального характера.

В юридической литературе уже уделялось внимание соотношению понятий «защита» и «охрана». Как справедливо отмечают некоторые авторы, эти термины взаимосвязаны, но не тождественны [14. С. 15–20]. Обоснована позиция тех ученых, которые полагают, что охрана права предполагает применение правовых средств для обеспечения установленного правопорядка, а защита проявляется в использовании правовых механизмов по восстановлению нарушенных прав. Защита в отличие от охраны всегда носит конкретный характер и наступает исключительно в случае нарушения существующего права [15. С. 7]. Использование этой правовой категории не только отражает возможность применения мер ответственности за нарушение соответствующих правовых норм, но и предполагает соблюдение норм права для предотвращения нарушения

прав управомоченного лица. Регулирование отношений по поводу сведений конфиденциального характера относится как к охране, так и к защите.

Основная цель правового регулирования отношений по поводу сведений конфиденциального характера – не допустить их разглашения, утраты или искажения, однако правовой метод регулирования может быть эффективным лишь при наличии эффективных средств привлечения к ответственности нарушителей. Поэтому правовое регулирование должно основываться на взаимодополняющем сочетании охранительных и защитных мер.

Примечания

1. **Монахов В.** Право тайны // Право знать: история, теория, практика. 2003. № 5–6. Режим доступа: [http://www.ksdi.ru/right/2003_77_78\(5-6\)/monahov_5_6.html](http://www.ksdi.ru/right/2003_77_78(5-6)/monahov_5_6.html)

2. **Федеральный** закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2006. Ч. 1, № 31. Ст. 3448.

3. **Федеральный** закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006 г. Ч. 1, № 31. Ст. 3451.

4. **Федеральный** закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 29.04.2008 г.) «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

5. **Федеральный** закон от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ (ред. от 28.06.2009 г.) «О почтовой связи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

6. **Федеральный** закон от 10.01.2002 г. № 1-ФЗ (ред. от 08.11.2007 г.) «Об электронной цифровой подписи» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 127.

7. **Федеральный** закон от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 43. Ст. 4169.

8. **Доктрина** информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 09.09.2000 г. № Пр-1895 // Российская газета. 2000. 28 сент. № 187.

9. **Концепция** формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов, утв. Решением Президента РФ от 23.11.1995 г. № Пр-1694. М., 1996.

10. **Указ** Президента РФ от 06.03.1997 г. № 188 (ред. 23.09.2005 г.) «Об утверждении сведений конфиденциального характера» // СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

11. **Указ** Президента РФ от 20.01.1994 г. № 170 (ред. от 09.07.1997 г.) «Об основах государственной политики в сфере информатизации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 4.

12. **Постановление** Правительства РФ от 10.09.2009 г. № 723 «О порядке ввода в эксплуатацию отдельных государственных информационных систем (вместе с «Положением о регистрации федеральных государственных информационных систем»)» // СЗ РФ. 2009. № 37. Ст. 4416.

13. **Калятин В.О.** Интеллектуальная собственность (Исключительные права): Учебник для вузов. М., 2000.

14. **Амельчаков И.Ф., Прудникова С.А.** Соотношение правовых категорий «охрана», «обеспечение», «защита» // Закон и право. 2001. № 5.

15. **Халиков В.Р.** Защита трудовых прав работников. Челябинск, 2004.

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ

Исторически задачей рекламной коммуникации было информирование, но сегодня она значительно расширила свои функции. Задачи рекламы в условиях развитого, высококонкурентного рынка – не просто информировать потребителя о товаре, а сообщать об имеющемся выборе, быть для компании-производителя эффективным средством взаимодействия с потребителем. Поэтому рекламный текст можно рассматривать как инструмент коммуникации, который переводит товарное предложение на язык нужд и запросов потребителей. Однако не все рекламные обращения достигают сознания потребителя. Из общего числа рекламных сообщений, воздействующих на потребителя, убеждающим эффектом обладают лишь 10%, из которых запоминается только 5%.

В широком понимании современные рекламные тексты выполняют важнейшую коммуникативную функцию. С функциональной точки зрения рекламные тексты наиболее полно совмещают в себе реализацию двух функций воздействия. Во-первых, это функция воздействия языка, реализуемая с помощью всего арсенала лингвистических средств выразительности. Во-вторых, функция массовой коммуникации, реализуемая с применением особых media-технологий, характерных для того или иного средства массовой информации, например, использование цвета в печати, шрифтового и визуального оформления.

Реклама тесно связана со СМИ, которые и выступают в качестве носителя конкретных рекламных текстов. Вместе с тем реклама – это не только массовая, но и во многом принудительная коммуникация. Некоторые исследователи сравнивают рекламу по силе воздействия на массовое сознание с тем воздействием, которые оказывают искусство и религия.

Если рассматривать рекламный текст как коммуникативную единицу, то это текст, содержащий рекламную информацию о частном лице или организации, товарах, идеях и каких-либо начинаниях. Рекламный текст предназначен для неопределенного круга лиц, он создаётся для формирования или поддержания интереса к торговой фирме, её товарам.

Рекламный текст не может быть понят как линейная последовательность знаковых, и только вербальных, единиц. Для него существенна не столько категория связности (соединение элементов внутри текста), сколько категория целостности – смысловое и коммуникативное единство. Достоинства рекламного текста определяются такими показателями,

как точность, яркость и доступность рекламного образа, многообразии и направленности ассоциативных связей, а также художественные изыски и изящество словесной формы.

Рекламный текст представляется весьма привлекательным с точки зрения его анализа, так как строится по достаточно жёсткой схеме: заголовок, пояснительный текст, рекламный слоган и товарный знак. Рекламные тексты относятся к эмотивному типу высказывания, т.е. сообщению, обращенному к интуиции и чувствам клиента. С точки зрения синтактики, рекламный текст имеет формульный характер – связан жёсткой последовательностью элементов [1. С. 131]. Формула рекламы включает в себя четыре элемента, идущих друг за другом в строгой последовательности. Attention – интригующая ключевая фраза, заголовок (не более 4-5 слов). Первая фраза рекламного текста должна содержать в себе коммуникативное событие. Отсутствие такого события делает дальнейший рекламный текст бессмысленным. Interest – сообщение о свойствах товара, неизвестных клиенту (2-3 предложения). Desire – кульминационный узел воздействия, цель которого вызвать острое желание покупателя обладать товаром; чаще всего существует в виде слогана или изобразительного знака. Action – финал рекламного текста, сосредотачивающий в одной фразе весь смысл сообщения с целью вызвать эффект прямого действия (покупку). В отличие от других текстов (научных, художественных) последовательность этих действий в рекламных текстах носит определённый характер. Кульминация традиционно строится на двух психологических предпосылках: на ожидании сюрпризов (иначе говоря, на любопытстве) и чувстве безопасности.

Важным аспектом в создании рекламного текста является применение закона стилистической формы [2. С. 25]. В риторике для придания тексту стилистической формы используются тропы и фигуры. Общее, что их объединяет – это наличие второго смысла. При составлении любых рекламных текстов часто используются метафоры и метонимии. К примеру, автор рекламного текста, предлагая потребителям колготки, называет их «одеждой для ваших ног», реализуя тем самым метафорический принцип. Когда, рекламируя стоматологический салон, рекламист изображает счастливое семейство с белоснежными улыбками, он опирается на метонимию. Широко употребляется в рекламных текстах и перифраз – замена слова иносказательным описательным выражением. Перифраз строится на определении предмета вместо его прямого названия: «Они давно победили сырость и мороз!... Белый цвет им идеально подходит в любые

дни! Они не боятся кариеса и ржавчины. Их не нужно красить, а прослужат они исключительно долго!!!» (реклама пластиковых окон).

Следует отметить, что особенностью рекламного текста в газетах и журналах является его относительно слабая защищённость иными выразительными средствами помимо слова. Поэтому роль слова несоизмеримо высока именно в этом виде рекламного сообщения. Люди не читают рекламных объявлений как таковых, они читают то, что их интересует. Следует отметить, что привлечь внимание потребителя необходимо в максимально сжатые сроки – в распоряжении рекламиста всего 1,5 с, именно столько времени в среднем читатель задерживает свой взгляд на каждом сообщении. Целесообразность прочтения текста объявления определяется с помощью заголовка – первых слов объявления. Если заголовок соотносится с потребностями человека, то он будет читать и всё объявление. Если нет – переведёт взгляд дальше. Если заголовка в объявлении нет вообще, то человек затруднится с принятием решения о необходимости прочесть текст. Заголовок должен быть понятным, простым. Если его суть невозможно понять быстро, человек переведет взгляд на следующую рекламу.

Чтобы привлечь внимание определённой целевой группы, порой достаточно вставить в заголовок одно ключевое слово, которое указывает на товарную категорию и аудиторию пользователей продукта. Прямо говоря, о каком товаре идет речь, мы снимаем все возможные разночтения. То же самое происходит, когда мы называем тех, для кого товар предназначен, и в этом случае заголовок указывает на целевую аудиторию: «Косметика для маленьких принцесс» (детская косметика «Принцесса»), «Милые дамы, спешите!!! Неделя беспрецедентных скидок на колготки в магазинах «Дамское счастье»!». Заголовки также указывают на товарную категорию: садоводство, сантехнические услуги, мягкая мебель и т.д.

Текст представляет собой перечень выгод, характеристик, аргументов, доказательств. Наиболее логичным порядком изложения информации будет тот, который более близок к последовательности изучения товара покупателем – сначала основная выгода и связанные с нею аргументы и факты, затем – второстепенные характеристики. Это похоже на перевернутую пирамиду: самая важная информация расположена вверху, менее значительные и интересные факты – снизу. Все характеристики приводятся по мере убывания важности [3. С. 71]. Такая структура, как правило, наиболее удобна для читателя. Она позволяет ему быстро ухватить главное, прервать чтение в любом месте, не упустив важной информации.

Употребление каждого слова в тексте должно быть обосновано. Необходимо подбирать только действительно подходящие, энергичные, ёмкие слова. Большую роль в читаемости текста играет использование абстрактных слов. Такие слова, как правило, обозначают понятия, которые нельзя воспринимать при помощи имеющихся у человека органов чувств. Это разного рода обобщения, которые обозначают класс, группу предметов или явлений. С помощью абстрактных слов очень легко описать любой товар («красивый», «надёжный»). Однако так поступает большинство рекламодателей, и подобные слова стали шаблонами. Кроме того, понятия о красоте и надёжности весьма субъективны. В результате обобщения воспринимаются убедительно.

С точки зрения коммуникации с потребителем большое значение имеют рекламные реквизиты – справочная информация, размещённая в рекламном тексте, целью которой является налаживание прямого контакта между потребителем рекламной информации и производителем товаров или услуг. Реквизиты сообщают сведения об источнике информации: адрес, телефон. Однако возможно и полное отсутствие реквизитов: рекламный статус обеспечивается презентацией одного из компонентов бренда (имя и слоган, логотип, товарный знак и торговая марка как элементы фирменного стиля).

Завершая анализ рекламных текстов с точки зрения их коммуникативной значимости, следует отметить, что помимо своего основного вклада в развитие массовой коммуникации, реклама существенно интенсифицировала информационные процессы. Таким образом, рекламный текст как вид массовой коммуникации требует к себе серьёзного, вдумчивого отношения, ответственности и специфического подхода.

Примечания

1. *Медведева Е.* Основы рекламоведения. М., 2003.
2. *Красных В.В.* Текст как единица дискурса // Международная юбилейная сессия, посвящённая 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова: тезисы докладов. М., 1995.
3. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2002.

А.В. Бочаров

**РАСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ
ПРИНЦИПОВ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
НЕСТРУКТУРИРОВАННОГО ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ
АВТОМАТИЗАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ИНДЕКСАЦИИ**

Все компьютерные поисково-экспертные системы основаны на автоматическом индексировании текстовой информации посредством учёта встречаемых в текстах слов. Однако обработка результатов такой индексации при поисковых запросах или авторубрикации документов даёт много информационного мусора, что в ситуации современного информационного взрыва ведёт к накоплению непродуктивных затрат времени и средств.

До сих пор эту проблему пытаются решить (например, в поисковых интернет-сервисах), используя семантические алгоритмы уже имеющихся словарных индексных баз данных, в которых указано, какое слово сколько раз и по каким сетевым адресам встречается. При этом с избавлением от одного информационного мусора в информационных запросах нередко только заменяют его новым.

В общем виде задача, рассматриваемая здесь автором, такова: для более интеллектуального и эффективного поиска необходимо также построение индексов тематического авторубрицирования (доминирования контекстов, соотношения предметных областей, степени представленности сфер описываемой реальности). Для решения этой задачи необходимо разработать алгоритм, в котором будет реализована своеобразная аппроксимация (приближение) компьютерной числовой оценки доминирования темы в тексте к субъективному человеческому восприятию большего или меньшего доминирования темы. Прежде чем понять возможную логику и, может даже, философию такого алгоритма, рассмотрим сначала конкретные примеры, показывающие действительную практическую актуальность заявленной проблематики.

Рассмотрим некоторые показательные примеры неизбежности хаоса избыточной информации при традиционной словесной индексации даже в наиболее продвинутых системах семантического анализа. Ни одна поисковая или экспертная программа (по крайней мере, для русского языка) не может корректно определить, о какой предметной области (сфере жизни, тематическом контексте) идёт речь, к примеру, в сообщениях о каких-либо мероприятиях (конференциях, заседаниях, выставках, ярмарках, круглых

столах и т.д.). Программы могут только выдавать термины, которые встречаются рядом с интересующим понятием, но эти термины во многих случаях могут не иметь отношения к тому, что нужно для действительно полезной и функциональной тематической рубрикации. По такому принципу анализируют и выдают информацию современные поисковые метамашины Teoma, Quintura, Clusty и Nigma и подобные им, автоматически структурирующие по определённым понятийно-терминологическим разделам результаты запросов, сделанных на платформе других поисковых машин. Окончательное структурирование полезной информации всё равно придётся делать вручную. То же самое можно сказать о лучшей на сегодняшний день экспертной системе по обработке неструктурированной текстовой информации на русском языке RCO (официальный сайт <http://www.rco.ru>), которая ниже будет рассмотрена подробнее.

Самые впечатляющие возможности в системе RCO имеет модуль фактографического анализа текстов (RCO Fact Extractor). Это модуль автоматического извлечения из текста описаний ситуаций – событий и фактов определенного типа, с определенными участниками (покупатель, продавец, товар и т.п.). Общее количество семантических шаблонов в библиотеке модуля составляет около 700. Примеры шаблонов по тематике «Кадры»: «Должности» (Должностное лицо – персона; Должность – занимаемая или освобождаемая должность; Организация – место работы); «Забастовки персонала» (Организация – название; Участник – участники акции протеста, сотрудники организации; Акция – акция протеста). «Договоры» (Участник 1 – первая сторона (организация, персона); Участник 2 – вторая сторона (организация, персона).

Таким образом, описание событий и ситуаций из неструктурированного текста преобразовывается в стандартизированный структурированный вид. При автоматическом наложении шаблонов на неструктурированный текст теоретически предполагается соответствие смыслового контекста интересующей тематике, но практически соответствие тематике предварительно не учитывается. Поэтому наложение шаблона может нередко давать некорректные или абсурдные результаты.

Для проверки этого утверждения демонстрационная версия экстрактора фактов RCO Fact Extractor была использована при анализе массива текстов всех сообщений СМИ Томска за март 2006 г., представленного в электронном архиве региональной администрации. Это почти 5 тыс. инвариантных полнотекстовых сообщений томских газет и региональных теле- и радиоканалов. RCO Fact Extractor было дано задание выделить

в этом массиве текстов не менее 10 тыс. отдельных фактов и составить на основе этого тематически рубрицированное досье.

Ниже приведены только несколько из множества показательных примеров некорректного рубрицирования в фактографическом досье вследствие опоры только на словесную, а не на тематическую индексацию.

К рубрике «Суды и расследования» были, в частности, отнесены следующие сообщения:

– о том, что томские спектакли вынесены на суд театральной общественности Москвы;

– о том, что спикер Томской Думы был подвергнут «допросу» журналистов;

– о том, что заместитель мэра представил на суд депутатов целевую программу по коммунальной сфере.

К рубрике «Боевые действия» были отнесены сообщения:

– о том, что установка связи Томск-Колпашево позволит «убить несколько зайцев»;

– о том, что гости из сибирских регионов будут соревноваться в беге на лыжах и стрельбе;

– о том, что местные экологи волновались по поводу отстрела перелётных птиц;

– о том, что в Томске происходит большое сражение, связанное с подписанием договоров между коммунальными компаниями.

Таких курьёзов множество, и связаны они с тем, что компьютер пока не понимает смысла слов, он рассматривает только сочетания знаков. Поэтому, когда он встречает в двух разных текстах одинаковое сочетание знаков с разным смыслом, он не сможет различить эти смыслы простым перебором вариантов словарных соответствий. Именно поэтому в приведённом примере программа не может различать, о каких «судах» идёт речь: о тех, которые плавают по морям; о тех, в которых рассматриваются преступления, или о тех, от которых зависит популярность актёров театра. Ищутся все грамматические варианты словоформы «суд», независимо от того, в каком контексте и в каком смысле эти грамматические варианты употреблены. Аналогичные причины ошибок наблюдаются также при рубрицировании путём сравнения с эталонными документами-шаблонами.

В целом система RCO очень эффективна. Именно поэтому она и взята для демонстрации актуальности проблемы тематической индексации. Из тех фактов и рубрик, которые были определены, большинство определе-

но правильно. Однако, во-первых, для значительной части фактов в исследуемой выборке сообщений СМИ тематические рубрики определены абсолютно неверно или не совсем корректно. Во-вторых, большой массив предполагаемой целью программы информации по рубрицированию и фактографии вообще будет незамечен в рамках применяемой концепции поиска и извлечения знаний из текста. И это относится к лучшей на сегодняшний день экспертной системе анализа неструктурированной информации на русском языке, уже задействованной на практике и получившей признание в серьёзных консалтинговых компаниях и в информационных отделах силовых органов.

С фразеологизмами можно справиться путём фильтрации и перебора. Можно создать фильтр, который будет отсекал все фразеологизмы со словом «убить», как не относящиеся к тематике боевых действий. Такой способ замедлит работу программы, потребует много ручной работы квалифицированных филологов и программистов, но, тем не менее, он будет справляться с задачей в рамках традиционной парадигмы перебора вариантов. Однако с выражениями, использованными в тексте в переносном смысле, принцип перебора вариантов уже не справляется. «Сражения» и «битвы» могут происходить в самых разных сферах: от битвы за урожай до сражений за подписание договора между коммунальными организациями. Программа, автоматически относящая эти понятия к тематике «боевые действия», отнимет много времени на отсеивание информационного мусора.

Эксперт может создавать новые фильтры и менять их содержание, но любое слово всё равно будет иметь разные смыслы в разных контекстах. Если тематический фильтр никак не учитывает возможные контекстно-семантические зависимости лексем, а основан только на переборе их грамматико-морфологических форм, то неизбежно накопление ошибок. Всё это в конечном итоге «пожирает» время аналитиков и документоведов, снижая эффективность их работы.

Многие понятия и слова могут иметь отношение к любым сферам жизни, то есть их конкретный смысл может зависеть от бесконечного множества контекстов. Смысл всего текста вырастает из связанных с этим текстом по тематике других текстов, то есть из культурного контекста. Причём человек может один и тот же контекст наделять разными смыслами, то есть назначение одного из возможных смыслов будет носить вероятностный характер. Вывод из этих примеров таков: когда речь идёт о потенциальной бесконечности, простым перебором словарных фильтров уже не обойтись.

Сравнительная характеристика человеческих и компьютерных принципов интерпретации неструктурированного текста

Критерий сравнения	Определение значений и смыслов слов и выражений	
	человеком	компьютером в имеющихся программах
Учёт окружающего тематического контекста	При определении смысла слов и выражений всегда учитывается тематический контекст окружающего текста (рубрикация по сферам жизни и по жанрам), исходя из всего багажа общекультурных индивидуальных знаний	Компьютер не способен самостоятельно определить смысла слов и выражений, так как в него закладывают только знания о структуре языка, без соотнесения их с общекультурными знаниями
Учёт априорной вероятности значения слова	Человек заранее (a priori) знает, какие слова или выражения однозначно указывают на тематический контекст, какие могут не всегда, но часто, какие – очень редко, какие – никогда, а какие могут указывать сразу на несколько рубрик. Затем (a posteriori) он соотносит это априорное знание с интерпретируемым текстом	В программах a priori предполагается, что отдельные слова и выражения могут только однозначно указывать или не указывать на один из тематических контекстов. То есть априорная вероятность значения слов игнорируется, так как всегда равна единице (100%). В результате a posteriori компьютер не может соотносить вероятность обозначения словом разных смыслов с тематикой окружающего текста
Учёт частот встречаемости слова	Если эксперт накапливает опыт интерпретации понятий в текстах по определённой тематике, то он не делает каждый раз сравнения частот встречаемости всех слов во всех прочитанных по теме текстах	Вероятность принадлежности слов к тематической рубрике вычисляется статистически по средней частоте встречаемости одних слов относительно частот всех встречающихся слов в ограниченной выборке текстов
Необходимость специальной формализованной разметки текста	Человек не нуждается для чтения и понимания текста в дополнительной структурированной и формализованной разметке. Он оценивает тематику и контексты исходя только из непосредственного содержания	Многие программные разработки извлечения информации из текстов и авторубрикации связывают это с дополнительной разметкой текстов. Динамичность web-пространства и вообще любых редактируемых электронных документов делает любую семантическую разметку неактуальной и бесперспективной

Вопрос в том, как научить компьютер вычислять вероятность присутствия в контексте разных смыслов, и, уже исходя из этих вероятностей, определять то, каким смыслом обладает интересующее слово.

В первую очередь разберёмся, чем отличаются человеческие и компьютерные принципы интерпретации неструктурированного текста. Эти различия представлены в таблице.

Обобщая, можно констатировать, что все расхождения человеческих и компьютерных принципов интерпретации неструктурированного текста исходят из одного базового отличия: обладание человеком априорной информацией о вероятных смыслах, которые могут быть в конкретном тексте в конкретной ситуации. Это означает, что для выполнения поставленной задачи нужно найти математическую концепцию и соответствующий ей математический аппарат, работающие с априорными вероятностями. Теоретические и прикладные аспекты решения данной задачи выходят за рамки данной публикации и требуют специального, более подробного рассмотрения.

К.В. Ялунина

РЕГИСТРАЦИЯ ИЛИ «ЗАХВАТ» ДОКУМЕНТА: СОДЕРЖАНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ

Регистрация, т.е. «запись учетных данных о документе по установленной форме, фиксирующей факт его создания, отправления или получения» [1. С. 4], является ключевым моментом в постановке работы с документами. Регистрация помимо учета документов преследует и другие цели: эффективный контроль исполнения документов, а также оперативное ведение информационно-поисковой и архивно-справочной работы по документам [2. С. 3–6].

В западной традиции делопроизводства регистрация рассматривается несколько иначе – в качестве этапа более широкого процесса, называемого захватом или вводом документа в документную систему. Это связано, в том числе, и с различными трактовками самого понятия документ, в котором различают два типа объектов: документ и запись. Официальными документами или записями (record) считается информация, составленная, полученная и сохраняемая как свидетельство деловой деятельности организации в соответствии с требованиями закона [3. С. 2]. Информационный документ (document) – это записанная информация или материальный объект, которые могут быть обработаны как отдельная единица [4. С. 21]. Таким образом, информационные документы отличаются от официальных документов тем, что содержат информацию, которая не прошла процедуры захвата (т.е. ввода в документную систему), характерной для официальных документов. При этом некоторые документы при определенных условиях становятся официальными документами.

Захват обозначает весь комплекс действий по включению официального документа в документную систему: регистрация, классификация, добавление метаданных и замораживание содержания исходного (ранее неофициального) документа. Ввод метаданных связан с тем, что документы или данные, произведенные или полученные в процессе деятельности организации, получают определенный набор метаданных. Классификация предполагает привязку документа к конкретному классу или объекту схемы классификации для обеспечения управления документной системой. Регистрация означает действие по присвоению официальному документу уникального идентификатора в системе. Замораживание метаданных предназначено для обеспечения неизменности содержания и контекста документа [3. С. 2].

Процесс захвата официальных документов обладает рядом особенностей по сравнению с отечественными традициями делопроизводства.

Во-первых, в процессе захвата большое внимание уделяется связи документа с объектом (агрегацией) схемы классификации, которая тесно связана с потребностями деловой деятельности организации и определяется как иерархическая организация классов, дел, разделов, томов и официальных документов [4. С. 22]. При этом схема классификации выступает как более общее и универсальное понятие, чем номенклатура дел. Так, в организации может одновременно применяться несколько схем классификации, в отличие от единственной номенклатуры дел. По сравнению с номенклатурой дел, схема классификации имеет очень сложную и разветвленную структуру (класс – дело – раздел – том), при этом документ может принадлежать одновременно к нескольким объектам схемы классификации.

Во-вторых, система классов схемы классификации (в отличие от номенклатуры дел) предполагает несколько уровней иерархии (не менее трех) с целью обеспечения эффективной и стабильной организации документов.

В-третьих, «захват» документа (особенно в электронно-цифровой форме) предполагает присвоение документу гораздо большего количества метаданных различных типов, чем традиционный набор реквизитов регистрации. Например, если количество обязательных и дополнительных реквизитов, присваиваемых бумажному документу в ходе процесса регистрации не превышает 20 [5], то число элементов метаданных, вводимых в процессе захвата документа, на порядок выше [6].

В-четвертых, процедуре захвата подвергается более широкий состав документов организации: сообщения электронной почты (в том числе поступившие на домашние компьютеры сотрудников), аудиозаписи, сканированные изображения, видеозаписи, Интернет-страницы, информация из других компьютерных приложений и т.д.

В-пятых, западные модели регистрации документов предполагают использование не только принципов алфавитной или последовательной нумерации документов и дел, но и соотнесение документа с определенной бизнес-функцией организации [7].

Таким образом, расширенное понимание процесса регистрации документа может способствовать созданию в организации эффективной системы управления документацией в соответствии с ГОСТ Р ИСО 15489.

Примечания

1. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М.: Издательство стандартов, 1998.
2. Подробнее см.: *Кузнецова Т.В.* Регистрация – ключевой момент организации работы секретаря с документами // Секретарское дело. 1999. № 4.
3. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования. М.: Стандартинформ, 2007.
4. MoReq2. Типовые требования по управлению электронными официальными документами. М., 2008.
5. *Государственная* система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения. М., Главархив СССР, 1991.
6. *Appendix 9* to the MoReq2 Specification: Metadata model, 2008. Access mode: http://ec.europa.eu/transparency/archival_policy/moreq/spec_moreq2_en.htm
7. *Саттон М. Д.* Корпоративный документооборот: Принципы, технологии, методология внедрения. СПб, 2002.

Е.А. Круглыхина

АУДИОДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ЗАСЕДАНИЙ ТОМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ III СОЗЫВА

Постоянное расширение способов записи (фиксирования) информации, связанное с неуклонным проникновением новых технологий во все сферы жизнедеятельности общества, приводит к возникновению все более сложных нетрадиционных видов документов, которые сочетаются с традиционными документами, рукописными, печатными.

Деятельность учреждений, работающих на основе коллегиальности, отражается в постановлениях, решениях, которые принимаются в результате обсуждения на заседаниях. Основной формой организации работы Томской городской Думы III созыва (далее Дума), представительного органа местного самоуправления, являлось Собрание Думы [1]. Так, за период III созыва (2001–2005 гг.) было проведено 57 Собраний. В соответствии со ст. 37 Регламента Думы, утвержденного решением от 17.10.2001 № 61, ход заседаний Собраний Думы документировался аудиозаписью, на основании которой позже оформлялись протокол и стенограмма заседания Собраний.

Звукозапись как один из способов фиксирования информации – это процесс записи звуковой информации с целью ее сохранения и последующего воспроизведения. Исходя из этого, аудиозаписи заседаний Думы содержат информацию о ходе Собраний, зафиксированную с целью ее сохранения и передачи во времени и пространстве.

ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» идентифицирует документ, содержащий звуковую информацию, зафиксированную любой системой звукозаписи, как фонодокумент [2]. И, следовательно, аудиозаписи заседаний Думы на аудиокассетах (носитель информации на магнитной ленте) являются фонодокументами.

В документировании информации важны применяемые способы и средства изготовления документа. Процесс создания фонодокумента в Думе происходил по схеме: микрофон – усилитель электрических колебаний – устройство, осуществляющее запись. Полученные в результате этого процесса аудиозаписи могут быть воспроизведены только с помощью технических средств (магнитофона).

Аудиокассеты Думы содержат записанную информацию – доклады, сообщения, выступления депутатов Думы, а также приглашенных на заседания лиц. В зависимости от продолжительности заседаний аудиозапись производилась секретариатом Думы на 1-12 аудиокассетах (с двух

сторон). Каждый магнитный носитель имеет этикетку, на которой содержится информация о Собрании Думы (номер Собрания, дата записи).

В соответствии с Федеральным Законом «Об архивном деле в Российской Федерации» органы местного самоуправления, в процессе деятельности которых образуются документы Архивного фонда Российской Федерации и другие документы, подлежащие приему на хранение в муниципальные архивы, выступают источниками комплектования муниципальных архивов [3]. Таким образом, в задачи Думы как источника комплектования входит: обеспечение учета и сохранности аудиозаписей; обеспечение аутентичности (подлинности) аудиозаписи, т.е. гарантирование, что аудиозаписи не подвергнуты случайному или преднамеренному изменению; подготовка и передача на постоянное хранение в муниципальный архив города Томска (далее муниципальный архив) аудиозаписей.

При попытке решить поставленные задачи было обнаружено отсутствие четкой законодательной базы, методических рекомендаций по обеспечению учета, сохранности, организации процесса передачи фонодокументов на хранение.

При изучении нормативных документов (Регламентов городских Дум) ряда регионов Российской Федерации выявлено, что ход заседаний фиксируется аудиозаписью, на основании которой оформляются протокол, стенограмма. Вопрос хранения аудиозаписей, передачи на постоянное хранение не регламентирован. Исключение составляет Регламент Смоленского городского Совета, где определено, что звукозапись сессии, ее хранение производятся в порядке, определенном инструкцией по делопроизводству. В Регламенте Ульяновской городской Думы установлено, что составление протоколов, аудиозаписей, их копирование, хранение возлагаются на соответствующие службы аппарата Думы, которые обеспечивают хранение протоколов и аудиозаписей согласно номенклатуре дел.

Если традиционные документы на бумажной основе (такие, как протокол, стенограмма, имеющие постоянный срок хранения [4]), передаются в установленном порядке в муниципальный архив, то на повестку дня встает вопрос – как быть с аудиозаписью? «Перечень типовых управленческих документов, образующихся в деятельности организаций, с указанием сроков хранения» не устанавливает сроки хранения для аудиозаписей (фонодокументов).

Еще одна задача Думы как источника комплектования – учет, который подразумевает определение количества и состава в установленных единицах учета и отражение этого количества в учетных документах.

Единицы хранения как физически обособленный документ или совокупность документов, имеющие самостоятельное значение, можно классифицировать по виду документации. Так, для фонодокументов Думы единицей хранения является физически обособленный рулон магнитной ленты (кассета) [5].

В целях осуществления учета фонодокументов Думы составлена опись, которая содержит краткую информацию: количество аудиокассет, записанных в ходе каждого заседания; дата записи; язык, на котором представлена информация; место записи; тип и формат магнитной ленты. В целом за период работы III созыва записано 305 аудиокассет.

Особые условия и режим хранения информации не на традиционных носителях прописаны в «Основных правилах работы архивов организаций», но они не прошли регистрацию в Министерстве юстиции РФ [6]. В разделе 9 указанных правил «Порядок передачи документов архива на постоянное хранение» установлен срок хранения документов органов местного самоуправления – 5 лет. Другим нормативным документом устанавливается температурно-влажностный режим хранения. Так, фонодокументы рекомендуется хранить при температуре от 8 до 18°C и относительной влажности воздуха от 45 до 65% [7]. В здании Думы на сегодняшний день нет отдельного помещения для хранения архивных документов, поэтому соблюдать режим хранения крайне затруднительно. Каждая единица хранения упакована в негерметичный индивидуальный пластмассовый футляр.

Хотелось бы также обратить внимание и на проблему аутентичности и целостности аудиозаписей, произведенных в ходе заседаний Думы. Как доказать подлинность аудиозаписей? Можно ли считать запись кассеты оригиналом? Будут ли проигрываться кассеты через 10–20–30 лет? Эти вопросы становятся актуальными уже сегодня. Казалось бы, необходимо всего лишь поддерживать кассеты в рабочем состоянии. Но для этого требуется обеспечить условия хранения, постоянный контроль за физическим состоянием носителей, регулярную очистку от пыли, перемотку. Организации не имеют не только опыта, но и возможности проводить работы такого рода, и Дума не исключение.

От решения обозначенных проблем зависит сохранность целого пласта современной документации, который в отдаленном и весьма технологичном будущем мог бы стать ценнейшим источником ретроспективной информации для исторической науки, государства и общества [8].

Подводя итог, следует отметить, что аудиозаписи Думы представляют собой определенную историческую ценность. Они появились в момент

и на месте событий, а значит, дают возможность услышать работу депутатов такой, какой она была, и заслуживают внимания будущих исследователей.

Примечания

1. **Регламент** Думы города Томска, утв. решением Томской городской Думы от 17.10.2001 № 62 // Муниципальный архив. Ф. 400. Оп. 1 Д. 6. Л. 57–79.

2. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Режим доступа: <http://www.termika.ru/dou/docs/detail.php?id=1658>

3. **Федеральный** закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Ст. 20 [Электронный ресурс]: справ. правовая система Консультант Плюс.

4. **Перечень** типовых управленческих документов, образующихся в деятельности организаций, с указанием сроков хранения, утв. Росархивом 06.10.2000 г. [Электронный ресурс]: справ. правовая система Консультант Плюс.

5. **Приказ** Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 18.01.2007 № 19 «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук». [Электронный ресурс]: справ. правовая система Консультант Плюс.

6. **Основные** правила работы архивов организаций (одобрены решением Коллегии Росархива от 06.02.2002). [Электронный ресурс]: справ. правовая система Консультант Плюс.

7. **Приказ** Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 18.01.2007 № 19 «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук». [Электронный ресурс]: справ. правовая система Консультант Плюс.

8. **Тихонов В.И.** Применение традиционных методов в экспертизе ценности электронных документов // Отечественные архивы. 2009 № 3. С. 37–47.

К.А. Чернов

**РАБОТА ИНСПЕКТОРОВ
АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АРХИВНОМ ДЕЛЕ
В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ НОВОГО ЗАКОНА № 294-ФЗ**

26 декабря 2008 г. был опубликован Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (принят Государственной Думой 19.12.2008, одобрен Советом Федерации 22.12.2008). С 1 мая 2009 г. он вступил в силу.

Новый Федеральный закон устанавливает порядок организации и проведения проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей органами, уполномоченными на осуществление государственного контроля (надзора), права и обязанности органов, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора) ... их должностных лиц при проведении проверок, права и обязанности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля, (надзора) ... по защите их прав и законных интересов.

Поскольку, в соответствии с ФЗ № 125 «Об архивном деле в Российской Федерации» контроль за соблюдением законодательства об архивном деле в РФ осуществляют в «том числе уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области архивного дела, в пределах своей компетенции ...», то понятно, что новый закон имеет отношение к работе Архивного управления Томской области, напрямую касаясь деятельности его инспекторов, непосредственно осуществляющих контрольные функции. Именно в работе инспекторов новый закон вызвал наибольшие изменения, связанные с планированием работы, организацией проверок, контролем за устранением выявленных в ходе проверок недостатков.

Подвергся переработке «Административный регламент исполнения Архивным управлением Томской области государственной функции по осуществлению в соответствии с действующим законодательством проверки соблюдения законодательства Российской Федерации и Томской области об архивном деле и организации документов в делопроизводстве в отношении органов государственной власти Томской области, органов местного самоуправления Томской области, областных и муниципальных

организаций, негосударственных организаций и граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица» (далее – Административный регламент).

Изменения коснулись планирования работы инспекторов Архивного управления. Ранее в годовой план работы управления вносилось общее количество проверок («не менее ххх инспекторских проверок»), в том числе указывалось количество проверок в командировках. В течение года в соответствии с этим планом составлялись планы работы на месяц, в которых указывались название организации и конкретная дата проведения проверки. Теперь же в соответствии с 294-ФЗ в ежегодном плане проведения проверок указываются следующие сведения: наименования проверяемой организации (юридического лица), цель и основание проведения каждой проверки, дата и сроки проведения каждой проверки. В соответствии с этими требованиями были составлены планы проведения проверок на второе полугодие 2009 г., а затем на 2010 г. (согласно ч. 6 ст. 9 закона «в срок до 1 ноября года, предшествующего году проведения плановых проверок, органы государственного контроля (надзора) ... направляют ... проекты ежегодных планов проведения плановых проверок в органы прокуратуры ...»). Ч. 8 упомянутой статьи указывает, что основанием для включения проверки в ежегодный план является истечение 3-х лет либо со дня государственной регистрации юридического лица (в налоговых органах – *К.Ч.*), либо с момента проведения последней плановой проверки. О проведении плановой проверки организация должна быть уведомлена не менее, чем за 3 рабочих дня до её начала.

Вместе с Административным регламентом были переработаны и приложения к нему: приказ Архивного управления на проведение проверки; акт проверки юридического лица; бланк предписания (как приложение к акту проверки); блок-схемы последовательности действий при исполнении государственной функции (контроля).

Приказ на проведение проверки разработан в соответствии с типовой формой распоряжения (приказа), утверждённой приказом МЭРТ № 141 от 30.04.2009 «О реализации положений Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Заверенная копия приказа высылается в намеченную к проверке организацию. Поскольку приказ в его новой форме заменил высланное ранее в организацию уведомительное письмо, в него включены правовые основания проведения проверки, перечень мероприятий по контролю, необходимых для достижения целей и задач проверки и т.д.

Ранее акт обследования и предписание на устранение нарушений были размещены на одном бланке. По новой форме составляется акт проверки, в котором фиксируются обнаруженные нарушения и недостатки, и, как приложение к нему, составляется предписание, где указываются мероприятия, которые необходимо выполнить для устранения нарушений и недостатков.

Новый Административный регламент после его принятия прошёл проверку Прокуратуры Томской области (письмо Прокуратуры начальнику Архивного управления от 17.07.2009 № 7/2-14-2009 «О проекте приказа Архивного управления Томской области об утверждении Административного регламента»). В письме был высказан ряд замечаний, суть которых сводилась к необходимости привести Административный регламент в полное соответствие с Федеральным законом № 294-ФЗ. Так, по требованию прокуратуры, срок проведения проверок организации был установлен 20 дней, а не 3 дня, скорректировано название акта проверки и т.д.

Изменились названия проводимых мероприятий по контролю: «инспекторская» проверка организации теперь именуется «плановой», а контрольная, в процессе которой отслеживается выполнение вынесенных предписаний – «внеплановой».

В план плановых проверок организаций на 2010 г. включены:

- организации – источники комплектования областных и муниципальных архивов;

- организации, внесённые в список социально и экономически значимых предприятий и организаций (список ежегодно утверждается распоряжением Губернатора Томской области);

- организации, проходящие процедуру ликвидации (банкротства).

В самом начале работы в соответствии с новым законом (май 2009 г.) была проведена проверка Архивного управления органами прокуратуры. В ходе её было отмечено, что в целом переход на работу в соответствии с новым законом в Управлении прошёл успешно. Было высказано лишь одно замечание по форме заполнения акта.

Поскольку разработка плана проведения плановых проверок на 2009 г. потребовала определённого времени (отчасти также из-за кадровых перестановок), в мае–июле 2009 г. инспекторы Архивного управления проводили лишь внеплановые проверки по выполнению ранее выписанных предписаний на устранение нарушений. В июле 2009 г. в ходе проведения внеплановых проверок в муниципальном образовании «Каргасокский район» инспектором Управления было составлено два протокола об административном правонарушении по ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ

(«невыполнение в срок законного предписания органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль)») на юридических лиц. В результате на одну из организаций, как юридическое лицо, мировым судьёй Каргасокского района был наложен штраф в размере 10 тыс. руб.

Принятие нового закона 294-ФЗ отражает становление правового государства в нашей стране. Закон внёс определённые коррективы в работу инспекторов Архивного управления Томской области, как специалистов, непосредственно отвечающих за исполнение функции соблюдения законодательства Российской Федерации и Томской области об архивном деле.

М.Ш. Куулар

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ АРХИВНОГО ФОНДА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Демократические перемены в России привели к кардинальным изменениям в научно-информационной деятельности архивных учреждений РФ. Этому способствовал ряд обстоятельств. Прежде всего, существенно изменился и обогатился состав Архивного фонда РФ за счёт включения документов бывших партийных архивов и, частично, архивов КГБ СССР. Архивные богатства России по своему значению для мировой культуры превосходят аналогичный информационный потенциал многих стран мира [1. С. 1–2].

Использование и пропаганда документов, хранящихся в архивах, является важной задачей. Документы и информация, в них содержащаяся, должны служить обществу, людям, работать на их благо.

Государственный архив Республики Тыва (РТ) располагает богатейшей источниковой базой и является неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов России и её информационных ресурсов. Состав и содержание документов позволяют сотрудникам архива и исследователям республики создавать новые научные и популярные труды, максимально расширять тематику исследований [2. С. 40].

Использование документов – сложная и ответственная работа, которая требует высокого профессионализма, знания в совершенстве научно-справочного аппарата данного архива, источниковедения. Поэтому в государственных архивах использование документов считают разновидностью научной работы. Сотрудники всех архивов и сами архивы несут ответственность за точность, достоверность и своевременность предоставления информации [3. С. 8].

На сегодняшний день особенностью работы по выявлению документов и их использованию является её исследовательский и аналитический характер.

К визиту главы правительства РТ в Монголию были выявлены документы и составлена аналитическая справка «Об истории международных отношений Тувинской народной республики и Монголии до 1944 г., о дипломатическом этикете», а также справка «О развитии первых торговых отношений Урянхайского края (Тувы) и Монголии».

Понимая ценность архивного документа как исторического источника, ряд руководителей местных государственных служб, муниципальных

административно-управленческих структур проявляет глубокую заинтересованность в получении в архиве соответствующих материалов. Так, в 1995–2009 гг. появились исследовательские работы архива и подготовлены информационные материалы: «История органов статистики Республики Тыва», «История здравоохранения Тувы», «Аптечной службе в Туве – 80 лет», «Органам социальной защиты Республики Тыва – 80 лет», «Органы местного самоуправления Тувинской народной республики до 1944 года», «К 95-летию города в центре Азиатского материка», «Россия и Тува – вместе 65 лет» (к юбилею вхождения Тувинской народной республики в состав СССР и РСФСР), исторические справки о городах Чадан, Ак-Довурак, поселке Хову-Аксы, русских поселениях в Туве – Знаменке, Бояровке, Владимировке, «Об истории золотодобычи в Туве» (сведения о первых приисках, артелях).

Возрос интерес органов государственной власти к восстановлению своей истории. По запросу администрации города Кызыла госархивом были выявлены документы и составлена историческая справка о председателях горсамоуправления и горисполкома города Кызыла за весь период его работы. Также в 2001 г. к 80-летию образования Тувинской народной республики, в правительство Республики Тыва госархив предоставил историческую справку о председателях правительства республики с 1921 г. по настоящее время, а в Верховный хурал (парламент) Республики Тыва – историческую справку о председателях Малого хурала ТНР, позже Верховного совета Тувинской АССР, Верховного хурала Республики Тыва с 1921 г. по настоящее время.

В 2002–2003 гг. было выявлено и предоставлено в правительство Республики Тыва около 150 архивных документов и фотодокументов для книги «Заслуженные люди Тувы XX века».

По архивным документам были подготовлены исторические справки, которые были составлены по заявкам Чаа-Хольской, Тоджинской, Сут-Хольской районных администраций к юбилею этих районов. Данные справки включили в книги «Прекрасная моя Тоджа», «Древняя земля Чаа-Холя», «К 60-летию Сут-Хольского кожууна – время, люди, события».

Государственная архивная служба и Центральный государственный архив РТ принимали участие в подготовке и проведении конференций. Так, в 2000 г. на международной конференции «70-летие современной тувинской письменности» на секции «Архивы Республики Тыва – история государства и народа» выступали с сообщениями специалисты архива, студенты исторического факультета ТывГУ, учёные республики. Специалисты архивной службы Тувы принимали активное участие в заседа-

ниях других секций, в частности, секции «История тувинской письменности в архивных документах», где выступали учёные из Узбекистана, Казахстана, из различных регионов России. В 2001 г. в рамках подготовки научно-практической конференции к 80-летию Тувинской народной республики были выявлены 162 документа и оформлена выставка в правительстве Республики Тыва. Архивное агентство и Центральный государственный архив РТ в 2008 г. организовали и провели научно-практическую конференцию, посвящённую 90-летию государственной архивной службы России. На выставке («Архивы Республики Тыва – взгляд на прошлое и настоящее») были представлены 68 архивных документов и фотодокументов по истории архивного дела России и Тувы. В 2009 г. документы Центрального государственного архива РТ как исторические источники были использованы при подготовке выставок: «История Тувы в документах и фотографиях» (36 документов и 101 фотография), выставка демонстрировалась во время дней Тувы в городе Красноярске; «95-летие Белоцарска – Урянхайска – Красного – Кызыла» (38 документов и 126 фотографий); «К 65-летию вхождения Тувы в состав СССР и РСФСР» (30 документов и 110 фотографий).

Основной задачей выявления архивных источников по всем обозначенным выше темам исследований неизменно являлось наиболее полное и всестороннее раскрытие исторических событий и фактов.

Примечания

1. *Павлова Т.Ф.* Организация использования архивных документов в современных условиях. Доклад начальника управления комплектования, организации услуг и архивных технологий Федерального архивного агентства на совещании-семинаре Научно-методического совета архивных учреждений Сибирского федерального округа. Барнаул, 2004.

2. *Вестник архивиста.* 2009. № 2 (106).

3. *Материалы* научно-практической конференции, посвящённой 90-летию государственной службы России. Кызыл, 2008.

Т.А. Дмитриева

**ПРАКТИКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО АРХИВА
г. АСИНО ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Совсем недавно услуги архивной службы ограничивались выдачей копий, выписок, справок и сочинением статей. Архив документов постоянного срока хранения – это производственные документы, статистические цифры, безлика для неспециалиста бухгалтерия. Из таких документов можно кое-что «вытащить», но мало. Да и специфика районного архива не предполагает наличия в нём артефактов или особо ценных документов.

Но жизнь идёт. Каждый прожитый год становится историей. В муниципальном архиве г. Асино появились личные фонды, газетный фонд, коллекции редких и оригинальных документов, фотофонд усилился сюжетными фотографиями, был сформирован архив документов по личному составу. Затем в архив поступили на хранение метрические книги церквей. Вот с них всё и началось...

Городу Асино немного лет – чуть более ста. Когда отмечали столетний юбилей, появилось желание – насколько можно точно приблизиться к дате образования города. Перелистали метрические книги и нашли дату рождения ребёнка, который первым родился на новом месте. Рассказали об этом всем, и в архив потянулись исследователи. Кто-то хотел узнать о своём селе, кому-то необходимо было отыскать свои корни. Был случай, когда по метрическим книгам удалось восстановить польское происхождение родственников заявителя.

На основе работы с церковными книгами, хранящимися в архиве, школьники восстановили историю не только православных церквей района, но и старообрядческой церкви, существующей в пос. Гарь Асиновского района.

Поиск информации о населённых пунктах района сотрудники архива ведут совместно с музеем. Такое сотрудничество позволяет уточнять памятные даты, исторические события, т.к. в фондах музея есть и фотографии, и данные опросов старожилов, в архиве же находится на хранении документальная информация.

Вероятно, движения «в архив за историей» могло бы и не случиться, если бы сами сотрудники не начали популяризацию архивных докумен-

тов. Были попытки открыть на местном телевидении рубрику по истории города. Вышло несколько сюжетов, даже был некоторый резонанс, но постоянной рубрика не стала. Видимо, не хватило энтузиазма. Через местные газеты, в которых организована публикация статей, заметок, подборок материалов к юбилейным и памятным датам, сотрудники архива предлагают населению интересную историческую информацию.

Летом 2009 г. архив в сотрудничестве с районной библиотекой подготовил и провел выставку «Молодёжь: вчера и сегодня».

Достаточно часто обращаются представители организаций и граждане с просьбой уточнить территориальную принадлежность родной деревни к Асиновскому району в связи с искажениями названий в личных документах. Необходимую информацию можно почерпнуть из фонда статистики или из похозяйственных книг. К сожалению, не всегда сведения бывают достоверными либо в силу малограмотности людей, заполнявших отчётные формы, либо в связи с тем, что наряду с официальным названием существовали, скажем так, народные.

В последние годы приходят запросы от поисковых отрядов по розыску родственников солдат, погибших в годы Великой отечественной войны.

Усилился интерес к генеалогии: в 2009 г. архивом была проведена исследовательская работа, которая охватила временной период с 1865 по 1920 гг.

Значительное внимание уделяется организации работы со школьниками, студентами: для них проводятся экскурсии в архив, беседы и лекции. Архивные документы востребованы при написании школьных рефератов, дипломных работ. В результате школьных исследовательских работ пополняются и фонды архива: рефераты и эссе школьников удачно вписываются в тематику некоторых фондов. В 2009 г. на основе работ школьников был сформирован самостоятельный фонд.

При формировании концепции постоянной экспозиции Асиновского района в Томском краеведческом музее также были использованы материалы местного архива.

К 60-летию победы СССР в Великой Отечественной войне совместно с музеем проводились лекции для школьников. У города богатая военная история: в Асино формировались несколько воинских частей, уроженец города стал Героем Советского Союза, здесь жил полный кавалер ордена Славы, один из председателей исполкома был капитаном второго ранга, а известный директор одной из школ служил в разведоте, также сформированной в сибирских краях. Дети очень живо реагируют на рассказы о войне, потому что в каждой семье есть, о ком вспомнить.

Богатством архива, кроме метрических книг, являются фонды документов личного происхождения. Документы некоторых фондов запрашиваются для исследования, конечно, с разрешения собственника. Многие личные фонды стали уже собственностью архива, поскольку возможность общения с фондообразователями, увы, утрачена в связи с их смертью.

Ежегодно в Асино проводятся два больших мероприятия: Духовно-исторические чтения в рамках празднования Дней славянской письменности и культуры и районная научно-практическая конференция школьников «Мир вокруг нас». В Духовно-исторических чтениях специалист архива несколько раз принимал участие в качестве докладчика. Роль специалиста архива в конференции школьников более широкая – от предоставления архивных документов, оказания помощи в оформлении работ до руководителя Историко-краеведческой секции. Некоторые доклады школьников представляют собой полновесные исследовательские работы, занимающие первые места в конкурсах различного масштаба; некоторые, как уже отмечалось выше, пополнили фонды архива.

Ещё одна идея родилась и постепенно воплощается в жизнь в связи с появлением в администрации локальной сети. Всегда было устойчивое желание показать интересные документы своим коллегам, но возможности открыть экспозицию в помещении архива не было и не будет. Современные информационные технологии позволяют выложить на сервер администрации интересные фото, текстовые документы. Кроме того, на сайте администрации используется информация, предоставленная архивом.

Очевидно, что работа сотрудника архива перестаёт быть однообразной. Поступающие в адрес архива запросы иногда выходят за рамки компетенции его сотрудников, однако они предпринимают всё возможное для оказания помощи в поиске и предоставлении необходимой пользователям информации.

ПРАВИЛА РАЗРАБОТКИ СИСТЕМ ДОКУМЕНТООБОРОТА

Создание любой системы и ее интеграция в сложившуюся структуру компании всегда сопровождаются неожиданно возникающими сложностями, предвидеть которые удастся нечасто. За годы участия в проектах по организационному проектированию сформулирован ряд правил, соблюдая которые можно значительно снизить риск срыва внедрения.

Правило 1. Проверить и перепроверить состав участников системы.

Системы документооборота – это, прежде всего, передача и обработка информации. От того, насколько оптимально направлены информационные потоки, зависит качество работы всей системы. В первую очередь необходимо определить всех участников системы и их роли (создатель документа, исполнитель, посредник и т.д.). Здесь кроется первый подводный камень для разработчиков – в случае, если кто-то из участников не будет учтен при проектировании информационных потоков, при внедрении система даст сбой и потребует коррекции.

Правило 2. Точно и в полном объеме определить функции каждого участника.

Поскольку любой документ является последствием исполнения участником системы какой-либо функции, определение функций, а соответственно, и всех документов, которые участник издает, согласовывает, утверждает, необходимо провести в полном объеме. В противном случае внедрение системы усложнится по причине появления новых документов, изменения маршрута и состава участников информационных потоков. Чтобы получить полную картину, применяют линейную карту распределения ответственности, где указаны сама функция, лицо, ответственное за ее исполнение, руководитель этого лица, его контролер и, самое главное, – документы, которые получает исполнитель для своей работы с указанием адресанта. На основании такой карты и выстраиваются все информационные потоки.

Правило 3. Типовые формы нужно разрабатывать, исходя, в первую очередь, из потребности в информации, а затем – из требований нормативных актов.

При создании типовых форм документов возможно чрезмерное стремление их разработчиков к соответствию требованиям нормативных актов по делопроизводству. Необходимо помнить, что формы разрабатываются для людей и не должны содержать информации, не используемой

при выполнении должностных обязанностей. Поэтому сочетание в документе разнородных сведений, тем более, если с ним работают разные участники, приводит к замедлению документопотока, т.к. специалисты тратят рабочее время на фиксацию второстепенных данных, возрастают трудозатраты на обработку документов.

Правило 4. Перед непосредственным внедрением система должна быть «отрепетирована» на виртуальной модели компании.

После того, как система считается проработанной в теоретическом плане, заказчик стремится как можно скорее ее внедрить и достичь желаемой цели. Однако все ошибки и недочеты разработчиков проявляются именно при работе системы, поэтому переводить на нее всю компанию сразу очень рискованно. Систему сначала отработывают на одном подразделении (канцелярия или общий отдел) или создают виртуальную модель компании, в которую переносят информацию из существующего прообраза. Ошибки, допускаемые системой, в этих случаях выявить и устранить значительно легче, чем в действующем предприятии, так как за ее работой ведется постоянный контроль и коррекция не отражается на производственном процессе. Также возможен вариант, когда система все-таки внедряется в компанию, но фактически работает параллельно со старой, просто дублируя ее данные.

С.Л. Разинков

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Управление документацией играет важную роль в деятельности организации. Класс информационных систем, объединяющих единой технологией процессы работы с информацией в рамках целой организации и позволяющих обеспечить управление документацией на всех стадиях её жизненного цикла, в отечественной терминологии закрепился под наименованием «системы электронного документооборота» (СЭД) [1].

В России законодательная база использования и разработки СЭД практически отсутствует, как и стандарты, однозначно определяющие вопросы внедрения и ведения электронного документооборота [2]. Естественно, что восполнять данные «бреши» приходится за счёт изучения зарубежных нормативно-методических документов, среди которых выделяются стандарты и требования США (DoD), Евросоюза (MoReq2), Австралии (Functional Specifications for ERMS Software), действующие в течение длительного времени и диктующие главные направления развития и совершенствования систем электронного документооборота. Анализ этих документов позволяет сформировать чёткий понятийный аппарат, выявить основные принципы создания и функционирования СЭД, предъявляемые к ним требования и возможности их применения в российской традиции управления документацией.

В зависимости от объекта управления зарубежные специалисты различают два основных вида систем электронного документооборота: системы управления электронными записями, т.е. официальными документами (ERMS) и системы управления электронными (информационными) документами (EDMS) [3]. В таблице представлены наиболее типичные различия EDMS и ERMS [4].

На практике весьма трудно разделить функциональность EDMS (имеваемых в отечественной специальной литературе системами электронного документооборота) и ERMS (называемых электронными хранилищами документов), особенно, когда речь идет о поддержке повседневной работы с документацией. В связи с этим выделяют интегрированные системы управления электронными записями и документами (EDRMS), с одной стороны, и системы управления записями и (неструктурированной) информацией (RIMS) – с другой [5]. Однако, несмотря на многообразие формулировок, мы будем придерживаться понятия системы электронного

документооборота, включающей по определению функциональность ERMS, EDMS, EDRMS и RIMS.

Сравнительная характеристика ERMS и EDMS

ERMS	EDMS
Предназначена для управления записями (официальными документами)	Предназначена для управления информационными документами
– Предохраняет записи от изменения	– Позволяет изменять документы и/или иметь множество версий документа
– Предохраняет записи от удаления, кроме определенных, строго контролируемых обстоятельств	– Может позволять владельцу документов удалять документы
– Внедрение связано со всей организацией	– Внедрение фокусируется на отдельном структурном подразделении
– Обязательно должна включать строгие механизмы управления жизненным циклом	– Может включать некоторые функции управления жизненным циклом документа
– Обязательно должна включать строгую структуру размещения записей (схему классификации), которая обслуживается администратором	– Может включать структуру хранения документов, которая находится под управлением пользователей
– Может поддерживать повседневную работу, но основным предназначением является надежное хранение записей, значимых для деятельности организации	– Основной целью является поддержание повседневного использования документов в текущей деятельности организации

Все СЭД имеют сложную структуру, составляющую совокупность различных типов объектов. Информационная модель, созданная на основе диаграммы «сущность–связь» (Entity-Relationship Diagram, ERD), обеспечивает наглядное однозначное представление данных компонентов и отношений между ними. ERD применяются для детализации и документирования информации систем, включая идентификацию объектов, важных для предметной области (сущностей), их свойств (атрибутов) и связей с другими объектами (отношений) [6]. Однако ERD показывают не реальную структуру массивов информации, хранимых в СЭД, а являются представлением в контексте ассоциированных с документами метаданных, используемых для управления документами. Диаграмма «сущность–связь» представляет собой упрощенную модель, в которой не предпринимается попытка представить наиболее значимые для объектов СЭД сущности и связи (рис. 1).

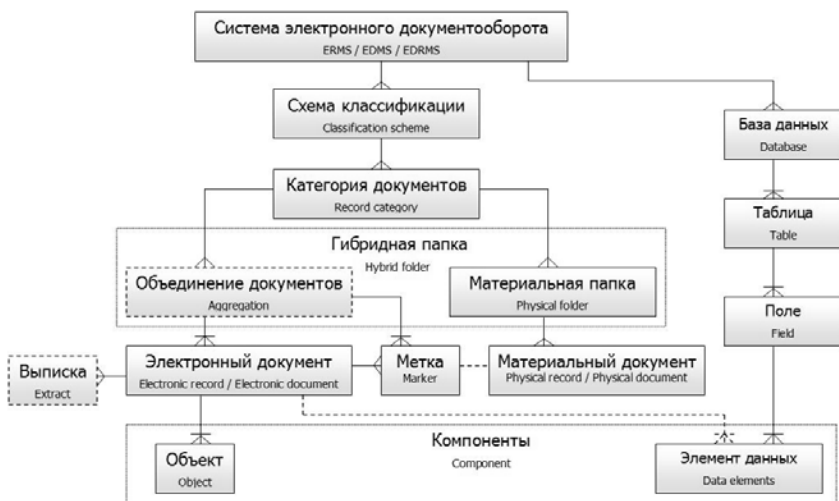

Рис. 1. Взаимосвязь логической и структурной моделей СЭД

Основной функциональной единицей представления данных в СЭД является электронный документ, который должен включать хотя бы один компонент – вложенный, связанный или присоединённый объект (например, текстовый документ, электронную таблицу, веб-страницу, звуковой, графический или видео файл) [7]. Возможным, но не обязательным объектом СЭД является выписка – копия части электронного документа, в котором некоторые данные были удалены или скрыты. На основе одного документа может быть создано несколько выписок, однако не все СЭД поддерживают механизмы их формирования. Выписка обеспечивает «цензурирование» документа, т.е. предназначена для пользователей, обязанных по служебной необходимости ознакомиться или работать с документом, но не имеющих доступа к его полному тексту или отдельным метаданным.

Важную роль в СЭД играют различные объекты, предназначенные для классификации, систематизации, группировки или агрегирования документов. Самым аморфным уровнем систематизации является объединение документов. Объединение отражает взаимодействие между электронными документами в СЭД. Объединения могут быть чётко структурированными взаимосвязями (например, электронные папки (дела), разделы или тома, содержащие связанные электронные документы) или слабо формализованными ссылками между документами посредством метаданных.

В СЭД, поддерживающих объединение электронных документов, не предполагается их обязательная систематизация в момент создания объекта. В отдельных случаях электронные документы могут содержаться в системе вне всех объединений, не входя ни в одну папку и не имея связей с другими элементами.

Следующий уровень систематизации – распределение электронных документов по категориям (классам), представленным в схеме классификации – иерархической структуре, отражающей функции управления организации и отдаленно напоминающей традиционную номенклатуру дел. Категории документов могут основываться на функциональном анализе бизнес-процессов организации, а также тематических или предметно-ориентированных описаниях.

Особым видом систематизации данных, присущим не всем СЭД, является группировка электронных документов в гибридной папке, совокупности взаимосвязанных электронных и материальных папок, предполагающих параллельное ведение традиционного («бумажного») и электронного документооборота. В свою очередь, материальная папка, хранящаяся в СЭД в качестве меток (метаданных профиля местонахождения документов), может располагаться в собственной схеме классификации.

Основные объекты СЭД могут быть реализованы не только в документоориентированной, но и в иной, в первую очередь, реляционной, модели. В этом случае они образуют совокупность баз данных, таблиц, полей и отдельных элементов данных.

Таким образом, модель представления документированной информации в СЭД предполагает множество взаимосвязанных объектов, центральным из которых является электронный документ, для которого аутентичность, целостность, достоверность и применимость использования обеспечивается набором поисковых, административных и консервационных метаданных.

Примечания

1. *Бобылева М.П.* Эффективный документооборот: от традиционного к электронному. М., 2004.
2. *Храмцовская Н.А.* Стандарты СЭД: что подойдет в России? Режим доступа: <http://www.cnews.ru/reviews/articles/index.shtml?2006/04/21/200355>.
3. *Functional Specifications* for Electronic Records Management Systems Software. 2006. Режим доступа: www.naa.gov.au/recordkeeping/er/erms/specifications.html.
4. MoReq2. Типовые требования по управлению электронными официальными документами. М., 2008.

5. **Guidelines** for Implementing the Functional Specifications for Electronic Records Management Systems Software. 2006. Режим доступа: www.naa.gov.au/recordkeeping/er/erms/guidelines.html.

6. **Каляян А.Н., Калянов Г.Н.** Структурные модели бизнеса: DFD-технологии. М., 2003. С. 11, 21.

7. Более подробные характеристики объектов см.: **Guidelines** for Implementing the Functional Specifications for Recordkeeping Functionality in Business Information Systems Software. 2006. Режим доступа: www.naa.gov.au/recordkeeping/er/bis/guidelines.html.

Е.С. Горюнова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ DOCFLOW В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Решения являются основной частью реализации управленческих функций в деятельности каждой организации. Традиционно управленческое решение рассматривается как процесс и результат оптимального выбора из множества альтернативных вариантов, осуществляемого на основе системы критериев, зачастую, в условиях неопределенности [8]. Однако, по мнению многих современных авторов, принятие решения является более многогранным понятием, которое включает операции по исполнению, контролю и анализу результатов реализованного решения [4; 9]. В таком расширенном понимании управленческое решение отождествляется со всем процессом управления и характеризуется не только наличием выбора, но и его обоснованием, а также протеканием во времени.

Принятие управленческих решений в большинстве случаев производится по заданному алгоритму и основывается на технологии прохождения документов в организации. Вся процедура документирования решения носит строго регламентированный характер и может рассматриваться как частный случай потоков работ (workflow).

Понятие потоков работ включает регулярно повторяющуюся последовательность операций, представляющих работу отдельного человека, группы лиц, структурного подразделения, простого или сложного механизма. Международной коалицией управления потоками работ (WFMC) workflow определяется как полностью или частично автоматизированный бизнес-процесс, содержащий сообщения, информацию или задания, которые в соответствии с набором процедурных правил передаются между участниками данного процесса [1].

Структура потока работ содержит систему взаимосвязанных элементов, основными из которых являются процесс, действие, задача, элемент работы (задание), маршрут, экземпляр. Процесс выступает в качестве формализованного представления бизнес-процесса, которое формируется из набора согласованных действий, связанных в определенной последовательности и направленных на достижение общих целей организации. Процесс состоит из одной или нескольких задач, т.е. заданного инициатором некоторого объема работ, который нужно выполнить, и ряда условий, определяющих осуществление задачи. Задача является неделимой структурной единицей какой-либо работы, выполняется как единое целое

и требует полного завершения в заранее установленные сроки. Реализация потоков работ ассоциирована с понятием экземпляра, который отражает выполнение конкретного процесса или задачи в условиях реальной деятельности организации.

Как было отмечено выше, управленческое решение тесно связано с процессами документационного обеспечения деятельности организации. Основными этапами принятия управленческих решений в самом общем виде являются: подготовка к созданию управленческого решения, его разработка, принятие, реализация и анализ полученного результата. Жизненный цикл управленческого решения сопровождается изданием соответствующих видов документов, которые на выходе каждого из этапов управления образуют пакеты документации [6], приведенные на рис. 1.

Рис. 1. Документы на этапах жизненного цикла управленческого решения

Таким образом, принятие управленческого решения в организации целесообразнее рассматривать в рамках отдельного направления автоматизации потоков работ – docflow. Термин docflow как потоки документов, которые циркулируют в организации, был введен некоторыми отечественными IT-специалистами [например, см. 5; 7] в рамках концепции электронного документооборота. Мы будем рассматривать docflow в ка-

честве совокупности сложных информационных процессов, включающих наряду с элементами потоков работ потоки документов, представленные полностью или частично в электронной форме. Документы являются ключевым звеном docflow, несущим основную информационную нагрузку по сопровождению и обеспечению управленческой деятельности, в том числе при принятии управленческих решений. В процессах управления потоки работ на всем протяжении своего жизненного цикла тесно взаимодействуют с документами, которые являются основанием для осуществления очередного элемента работы, обуславливают последовательность выполнения работ и являются их результатом. Потоки документов невозможно детально описать с помощью стандартных средств моделирования workflow, так как при наличии некоторого сходства с потоками работ (рассматриваются как последовательность операций, связаны с данными, подчиняются определенным правилам и зависят от условий), они имеют существенные особенности.

Во-первых, документы обладают гораздо более сложной структурой по сравнению с информацией, обрабатываемой в потоках работ. Документ рассматривается как совокупность нескольких составляющих: содержания (фактической информации документа, фиксирующей управленческую, правовую, хозяйственную и иную деятельность организации), контекста (сведений, показывающих взаимосвязь документа с управленческой деятельностью организации), структуры (формата документа и взаимосвязей между составляющими его элементами) и представления (формы отображения документа для пользователя) [2. С. 12–13; 3. С. 10].

Во-вторых, вся совокупность документов организации образует единую систему, созданную и управляемую посредством классификации – «систематической идентификации и упорядочения деловой деятельности и (или) документов по категориям в соответствии с логически структурированными условиями, методами и процедурными правилами, представленными в классификаторе» [2. С. 6]. Классификация обеспечивает связь между отдельными документами, разграничение прав пользователей на действия с документами, распределение документов по отдельным процедурам в рамках деловой деятельности и т.д. [2. С. 24]. Классификация предполагает создание различных объединений документов, которые могут быть образованы как на основе четко структурированных взаимосвязей (например, папки или тома), так и слабо формализованных ссылок между документами посредством метаданных. Таким образом, в docflow необходимо учитывать место документа в иерархии схемы классификации и его участие в тех или иных объединениях.

В-третьих, порядок выполнения работ в рамках docflow регламентирован нормативно-методическими актами государственного, отраслевого и локального (внутриорганизационного) значения, в которых определены обязательные этапы жизненного цикла документов, способы и сроки их реализации.

В-четвертых, на docflow существенное влияние оказывает организационная составляющая. Данный аспект связан не только с типом организационной структуры (функциональная, матричная, проектная и т.д.) и обусловленными ею принципами взаимодействия и подчиненности сотрудников, но и, в большей степени, со сложными и многообразными механизмами назначения и распределения работ среди персонала организации.

Таким образом, docflow представляет интегрированный поток, который наряду с документами включает различные элементы потоков работ, тесно связанных с организационными аспектами и регламентацией. Использование технологии docflow в управлении организацией позволяет оптимизировать деятельность по подготовке, разработке, принятию и реализации управленческих решений в нескольких направлениях:

1) Управленческое решение, выраженное в документе, является основным элементом информационного взаимодействия между внутренними организационными единицами, между организацией и ее внешней средой. Docflow обеспечивает организацию коммуникаций между всеми участниками управленческой деятельности без искажения и запаздывания информации при подготовке решений.

2) Большинство решений являются типовыми и программируемыми, т.к. их реализация нацелена на стандартные задачи, выполняемые по заданному алгоритму, который вырабатывается исходя из прежнего опыта. Такие решения, как правило, носят рутинный характер, а потому большинство этапов их жизненного цикла могут быть регламентированы и формализованы с использованием технологии docflow.

3) Реализация решения напрямую зависит от компетенции сотрудников, ответственных за его выполнение, и контроля исполнительской дисциплины. Docflow обеспечивает реализацию решения с использованием механизма задач, автоматизацию контрольных функций и конкретизацию назначений в зависимости от сложности задачи.

Примечания

1. *Workflow* Management Coalition Terminology & Glossary, Document Number WFMC-1011, Document Status – Issue 3.0, February. Technical report, Workflow Management Coalition, Brussels, 1999.

2. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Управление документами. Общие требования. М., 2007.
3. *Европейские* типовые требования к автоматизированным системам электронного документооборота (Спецификация MoReq-2). Гильдия управляющих документацией. Режим доступа: <http://www.gdm.ru/moreq/index.htm>
4. *Баикатова Ю.И.* Управленческие решения. М., 2003.
5. *Галимов Д.* Такой нужный Workflow. Или все же docflow? Режим доступа: <http://www.ecm-journal.ru/blog/post/Takojj-nuzhnyjj-Workflow-ili-vse-zhe-DocFlow.aspx>
6. *Ехлаков Ю.П., Кириенко В.Е., Сенченко П.В.* Методы и технологии документационного обеспечения управленческих решений. Томск, 2005.
7. *Михеев А., Орлов М.* Перспективы Workflow-систем. Режим доступа: <http://www.ecm-journal.ru/docs/Perspektivy-Workflow-sistem.aspx>
8. *Морз Ф.М., Кимбелл Дж.Е.* Методы исследования операций. М., 1956.
9. *Литвак Б.Г.* Разработка управленческого решения. М., 2001.

В.А. Шабалина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОКУМЕНТООБОРОТА ОРГАНИЗАЦИИ

Одним из направлений анализа и совершенствования деятельности организации в современной управленческой практике выступает моделирование бизнес-процессов организации. Под бизнес-процессом понимается «устойчивая, целенаправленная совокупность взаимосвязанных видов деятельности, которая по определенной технологии преобразует входы в выходы, представляющие ценность для потребителя» [1. С. 14]. Документирование управленческой деятельности является важным вспомогательным процессом, ориентированным на поддержку основных, создающих ценности процессов организации [2. С. 26]. Результатом моделирования выступает система графических диаграмм бизнес-процесса, в которых «в визуальной форме показано, кто, что и когда должен делать, и иметь постоянный ориентир для непрерывного улучшения деятельности организации» [3. С. 22].

Моделирование бизнес-процессов применительно к службе ДООУ является новым, прогрессивным подходом, который позволяет наглядно отобразить процесс документирования управленческой деятельности, проанализировать и выявить существующие недостатки технологических операций в работе с документами, улучшая и видоизменяя их.

Процесс документирования деятельности организации, по нашему мнению, целесообразно рассматривать с нескольких точек зрения (перспектив): функциональной, организационной, поведенческой и информационной.

Функциональная перспектива содержит описание основных исполняемых элементов процесса (функций, подпроцессов и операций) и их взаимосвязей друг с другом, выполняемое с различным уровнем детализации. Функции определяются как операции, применяемые к объектам для достижения одной или нескольких целей, стоящих перед организацией [4. С. 37]. Для создания модели, отражающей структуру и функции системы, а также преобразуемые этими функциями информационные потоки и материальные объекты, предназначена графическая нотация IDEF0, которая базируется на принципах методологии структурного анализа и проектирования (SADT) [5].

Главным компонентом IDEF0-модели является графическая диаграмма, содержащая функциональные блоки, стрелки, соединения блоков и стрелок

и ассоциированные с ними отношения [6. С. 7]. Функциональная модель документирования управленческой деятельности, реализованная в нотации IDEF0, позволяет наглядно структурировать процесс и графически отобразить взаимодействие между его отдельными элементами (рис. 1).

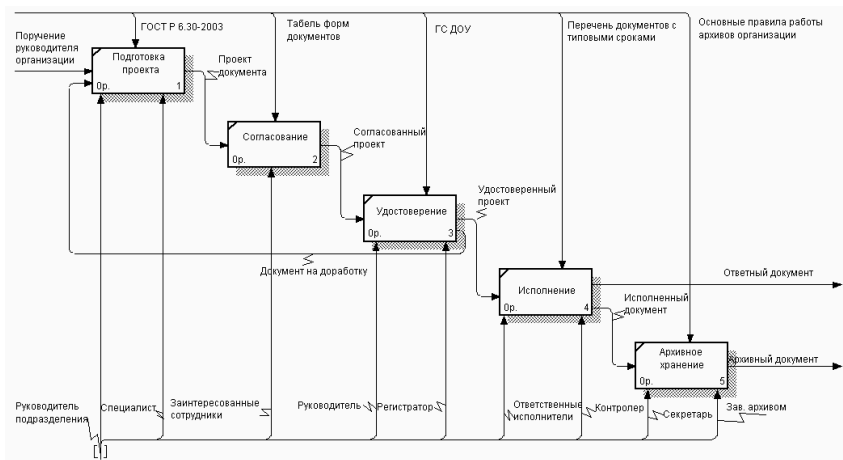

Рис. 1. Первый уровень декомпозиции функциональной модели документооборота организационно-распорядительных документов

Основными особенностями функциональной модели документооборота ОРД Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии являются следующие:

- расположение блоков на диаграмме осуществляется преимущественно в хронологическом порядке, однако некоторые функции (учет, контроль) являются сквозными и выполняются на различных этапах процесса;
- важная роль отводится обратным связям по входу и/или управлению, т.к. документ нередко отправляется на доработку, возникают коррективы со сроками исполнения и т.д.;
- большинство входов и выходов процесса представлены в форме документов, для которых основной формой преобразования служит изменение исходного статуса (например, согласованный документ, утвержденный документ и др.);
- механизмами выступают человеческие ресурсы (в первую очередь, сотрудники службы ДОУ) и технические ресурсы (оргтехника и автоматизированные системы);

– управление, представляющее собой ограничительные или предписывающие положения, зафиксированные в нормативно-правовых актах, служит руководством к правильной работе с документами;

– наиболее важными для достижения целей процесса являются этапы подготовки проекта и исполнения документа, успешное осуществление которых означает создание и формирование итогового продукта – исполненного документа; более формальным этапом документооборота в вузе является согласование документа – слабая законодательная регламентация и сложившиеся традиции при работе значительно упростили данный процесс.

Функциональный аспект является основной и необходимой предпосылкой для описания процесса работы с документами с других точек зрения.

Организационная перспектива рассматривает влияние структуры организации и механизмов распределения работ на выполнение процесса, т.е., иными словами, определяет, кем из участников и в каком рабочем пространстве должны осуществляться те или иные функции.

Поведенческая перспектива предполагает описание последовательности выполнения процесса посредством использования таких механизмов управления потоком работ (workflow), как ветвления (разветвления и слияния), циклы (итерации), сложные условия, входные и выходные критерии и так далее. Для описания технологической цепочки работы с документами наиболее применима графическая нотация IDEF3 [7]. Элементы поведения описывают операцию работы с документом, а взаимосвязи-стрелки отражают отношения между элементами поведения (рис. 2).

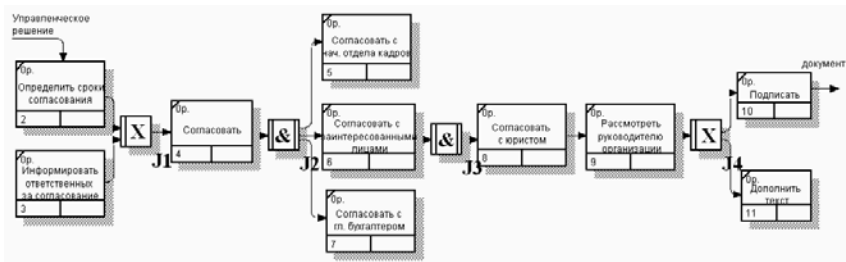

Рис. 2. Пример модели процесса согласования документа в графической нотации IDEF3

Применение нотации IDEF3 позволяет:

– графически представить ход выполнения процесса и трансформацию объекта в ходе процесса;

– показать синхронность или асинхронность начала/окончания нескольких параллельно выполняемых операций;

– с помощью перекрестков дать возможность выбора одной или нескольких возможных операций в зависимости от соблюдения определенного условия.

Информационная перспектива рассматривает, в первую очередь, информационные сущности, которые порождаются или управляют процессом принятия решения – данные и связывающие их потоки данных. Для моделирования указанного аспекта могут использоваться диаграммы потоков данных (DFD), описывающие процессы преобразования входных информационных потоков в выходные.

Применять вышеперечисленные нотации нужно в комплексе.

Таким образом, инструментарий моделирования бизнес-процессов позволяет обеспечить наглядное и формализованное представление процесса документирования управленческой деятельности организации.

Примечания

1. *Елиферов В.Г., Репин В.В.* Бизнес-процессы: Регламентация и управление: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2004.

2. *Андерсен Б.* Бизнес-процессы: инструменты совершенствования. М.: РИА «Стандарты и качество», 2003.

3. *Ильин В.В.* Моделирование бизнес-процессов. Практический опыт разработчика. Москва; СПб.; Киев, 2006.

4. *Шеер А.В.* ARIS-моделирование бизнес-процессов. М., СПб., Киев, 2009.

5. См. подробнее: *Марка Д.А., Макгоуэн К.* Методология структурного анализа и проектирования SADT. М.: Метатехнология, 1993.

6. РД 50.1.028-2001. Методология функционального моделирования. М.: ИПК Издательство стандартов, 2001.

7. IDEF3 Process Description Capture Method Report, 1995.

О.А. Харусь

**ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ СИСТЕМЫ
ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ**

Внедрение проектов, призванных обеспечить рационализацию и, как следствие, повышение эффективности функционирования организации, оказывает значительное влияние практически на все аспекты деятельности последней в силу из взаимозависимости и взаимосвязи. При этом реальный эффект организационных нововведений зачастую проявляется далеко не сразу и может существенно отличаться от того, на который рассчитывали разработчики проекта. Действия по принципу «проб и ошибок» могут повлечь за собой череду непредвиденных «перестроек», вынуждаемых обстоятельствами, и чреваты серьезными финансовыми, материальными издержками, а также психологической напряженностью в коллективе. В результате вместо ожидавшегося повышения эффективности происходит резкое и порой долговременное ухудшение деятельности организации.

Отмеченные обстоятельства остро ставят вопрос о необходимости предварять внедрение оргпроектов их тщательной экспертизой, позволяющей оценить качество системы проектной документации, достоверность выполненных расчетов, ресурсообеспеченность и реализуемость проекта, степень риска, эффективность проектных предложений по различным параметрам и на основе этих оценок прогнозировать последствия предполагаемых нововведений. Общие принципы проведения экспертных работ по организационным проектам широкого профиля, предусматривающим изменения как в производственной, так и в управленческой сферах деятельности предприятий и учреждений, представлены в научной и учебной литературе [1]. Однако их практическое применение при осуществлении экспертизы проектов в отдельных организационных подсистемах несомненно имеет свой специфику. Определенные нюансы присущи и проведению экспертизы проектов системы документационного обеспечения управления (СДОУ). Выявление и характеристика этих особенностей позволяют придать прикладную направленность рекомендуемой процедуре организации экспертных работ, а потому заслуживают специального внимания.

Одним из важнейших требований, предъявляемых к оценке эффективности проекта, является объективность. Для предупреждения или, по

крайней мере, нивелирования проявлений личных пристрастий, предвзятости и прочих факторов субъективного порядка представляется необходимой ориентация экспертов на соблюдение следующих ключевых принципов проведения экспертизы:

– *Системность*. При оценке эффективности проекта СДОУ принцип системности реализуется в двух направлениях: 1) рассмотрение проектируемой СДОУ как подсистемы в организации, а, следовательно, обязательность прогнозирования последствий предполагаемых в ней изменений для всех других подсистем (в частности, меры по рационализации СДОУ должны быть согласованы с финансовыми возможностями организации, технологией основных производственных и управленческих процессов, программами обучения и повышения квалификации сотрудников, общими параметрами информационно-коммуникационной структуры организации и проч.); 2) учет необходимости взаимосвязи и взаимозависимости между всеми составляющими самой СДОУ (в том числе, ее организационной структурой, составом выполняемых функций, технологическими параметрами, кадровым потенциалом и т.п.). По своей сути принцип системности является основополагающим методологическим подходом в решении всех управленческих задач и проблем. Все остальные принципы в той или иной степени могут рассматриваться как производные от него.

– *Комплексность*. Данный принцип со всей очевидностью является логическим продолжением и вместе с тем частным воплощением системного подхода, поскольку предусматривает всестороннее рассмотрение объекта реорганизации (СДОУ), с одной стороны, и столь же всесторонний учет потенциального воздействия результатов внедрения проекта на социальную, экономическую, материальную и пр. среду организации, с другой.

– *Стратегическая направленность*. Важным индикатором качества проектных идей в сфере ДООУ является их соответствие стратегическим целям организации. В этой связи все оперативные цели и планируемые текущие действия должны быть согласованы с перспективными направлениями развития организации (увеличением масштабов деятельности, диверсификацией, территориальной экспансией, расширением круга деловых партнеров, увеличением доли занимаемого рынка и проч.). Фактически все перечисленные направления предполагают расширение сети внутренних и внешних коммуникаций организации и необходимость соответствующих изменений в информационной инфраструктуре. Несоблюдение принципа стратегической направленности экспертной оценки может привести к утверждению и внедрению проектов, предусматри-

вающих нескоординированные меры, а потому чреватых чрезмерно частыми корректировками в процессе их осуществления.

– *Учет специфики конкретной организации.* Такие характеристики организации, как профиль ее деятельности, отраслевая и ведомственная принадлежность, масштабы и территориальная распределенность структуры (наличие филиалов, департаментов и пр.), организационно-правовая форма, степень самостоятельности отдельных структурных звеньев и их вертикальное подчинение, предъявляют свои специфические требования к информационной инфраструктуре. Соответствие этим требованиям является принципиально важным критерием оценки качества проекта СДОУ. Вместе с тем особенности организации и ее потенциала должны быть приняты во внимание при выборе процедуры и методов проведения самих экспертных работ, что связано, в частности, с необходимостью обеспечения их экономичности.

– *Экономичность.* Ввиду неизбежной ограниченности организационных ресурсов при выборе процедуры и методов экспертной оценки специалисты рекомендуют ориентироваться на отбор только необходимой, но достаточной информации, определение наиболее рациональных и нетрудоемких способов ее регистрации, передачи и обработки, что позволяет экономить время, минимизировать количество лиц, участвующих в организации и проведении экспертизы, и сократить финансовые затраты.

– *Своевременность проведения экспертизы.* Внутренняя экспертиза проекта СДОУ, осуществляемая сотрудниками организации, может проводиться в процессе разработки самого проекта. Однако промежуточные оценки не должны восприниматься как итоговые, поскольку в отсутствие необходимой полноты информации они могут оказаться далеко не адекватными содержанию проекта в целом. Поэтому излишнее опережение в проведении заключительной экспертизы столь же неуместно, как и отставание. В последнем случае существует опасность перехода к внедренческим работам без необходимого прогнозирования их последствий и издержек, что может повлечь за собой негативные и при этом зачастую необратимые явления в процессах функционирования организации.

– *Условность оценки.* При составлении заключительного акта экспертизы следует иметь в виду возможность существования определенных погрешностей в оценке отдельных параметров проекта. Такого рода погрешности в ряде случаев становятся следствием неполноты или недостаточной достоверности имеющейся в распоряжении экспертов информации. Конечно, проблемы подобного свойства, как правило, поддаются решению, хотя и требуют дополнительных временных и интеллектуальных

затрат. Тем не менее в любом организационном варианте экспертные оценки все же следует использовать очень корректно, поскольку они имеют исключительно расчетный характер. Эффективность предусматриваемых проектом СДОУ технологических и организационных процессов по сути своей является на данной стадии только потенциальной возможностью. Реализация этой возможности на практике связана с действием множества других организационных факторов как объективного, так и субъективного характера. Например, изменение технологии и организации процессов в сфере ДООУ может натолкнуться на консерватизм и противодействие персонала, вынужденного отказываться от привычных, ставших стереотипными форм и методов деятельности, предпринимать определенные усилия для повышения квалификации, обучения или переобучения. При внедрении автоматизированных систем ДООУ дополнительные основания для появления психологического барьера на пути реализации проекта создают опасения, связанные с повышением уровня прозрачности управления за счет доступности информации о мероприятиях и их исполнении. При чем эти опасения могут разделять как рядовые сотрудники, стремящиеся избежать усиления контроля исполнительской дисциплины, так и руководители, не желающие прозрачности собственной деятельности по различным причинам. Между тем, в соответствии с общеорганизационным законом синергии, положительный эффект функционирования той или иной системы возможен лишь при высоком уровне ее организованности и скоординированности предпринимаемых усилий. В силу этого расчетные оценки проектных предложений, предлагаемые на стадии проведения экспертизы, могут значительно отличаться от итоговых результатов внедрения проекта.

– *Принцип ответственности.* Поскольку СДОУ является важным элементом инфраструктуры организации, необоснованные изменения в ней могут оказать негативное влияние на все организационные процессы. В этой связи возрастает ответственность каждого эксперта в отдельности и всей экспертной группы в целом, предполагающая необходимость четкой аргументации оценок, прозрачность самой процедуры экспертизы, независимость экспертов, учет мнения каждого члена группы, коллегиальность в принятии итоговых решений.

Безусловно, следование представленным принципам экспертной оценки проектов СДОУ не является единственным и достаточным условием обеспечения ее объективности, взвешенности, обоснованности и корректности. Не менее важную роль в этом плане играет выбор конкретных методических инструментов проведения экспертизы, адекватных содержа-

нию самого проекта. Однако при этом методы экспертных работ, в свою очередь, непременно должны быть также согласованы с фундаментальными принципами экспертизы.

Примечания

1. См., напр.: *Соловьев В.С.* Организационное проектирование систем управления: Учеб. пособие. Москва; Новосибирск: ИНФРА-М; Сибирское соглашение, 2002. С. 90–93; *Фатхутдинов Р.А.* Организация производства. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 119–124.

Н.В. Фролова, Е.Ю. Сергеева

**АВТОМАТИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА
ОРГАНИЗАЦИОННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ОРГАНА
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Эффективность деятельности современных систем управления во многом предопределяется состоянием документационного обеспечения управления (ДООУ). Соответственно, анализ состояния и совершенствование систем ДООУ являются неотъемлемой частью совершенствования систем управления как на организационном, так и на государственном уровнях.

Значимость выше отмеченной взаимосвязи между состоянием управленческой деятельности и состоянием делопроизводства предопределила предмет проведенного нами исследования – установление подготовленности организационно-распорядительного органа муниципального образования к участию в реализации административной реформы, проводимой в Российской Федерации [1], по результатам оценки системы делопроизводства органа управления. В качестве базы для проведения исследования нами была избрана администрация городского округа Кинель Самарской области.

В результате проведенного исследования установлено, что система делопроизводства администрации г.о. Кинель Самарской области в своём составе имеет все необходимые компоненты (нормативно-методические документы по делопроизводству, оптимальный видовой состав управленческой документации, рационально организованный процесс работы с управленческой документацией; компетентных специалистов, участвующих в делопроизводстве; комплекс необходимых современных технических средств управления и программных продуктов), состояние системы делопроизводства оптимально соответствует целям деятельности и сфере полномочий исследованного органа управления.

Но в то же время развитие научно-технического прогресса, административная реформа, проводимая в Российской Федерации, обуславливают необходимость перехода от традиционного к смешанному документообороту, т.к.:

– во-первых, использование в управлении новейших достижений научно-технического прогресса, в частности, технологии смешанного до-

кументооборота, как свидетельствует практика отечественного и зарубежного управления, существенно повышает эффективность управления организацией;

– во-вторых, использование традиционной технологии документооборота не позволяет и не позволит, по нашему мнению, организационно-распорядительному органу эффективно участвовать в реализации административной реформы в Российской Федерации, т.к. в число задач реформы входят: систематический мониторинг результативности деятельности как органов государственной власти Российской Федерации, так и органов местного самоуправления на основе интегрированной автоматизированной системы (ГАС «Управление»), а также создание многофункциональных центров предоставления населению и организациям государственных и муниципальных услуг на основе общих компьютерных баз данных, с которыми будут работать представители нескольких ведомств одновременно [1]. Эффективное включение организационно-распорядительного органа в реализацию административной реформы не будет возможным, т.к. для включения в систему мониторинга и в работу многофункциональных центров необходимо наличие внутриорганизационной информационной системы, являющейся компьютерной базой данных информации и документации аппарата управления.

По результатам проведённого исследования был предложен один из вариантов перехода на смешанный документооборот.

Способом перехода на смешанный документооборот является внедрение в деятельность аппарата управления администрации автоматизированной системы документационного обеспечения управления (АС ДОУ).

Изучение российского рынка автоматизированных систем ДОУ, их сравнение, расчёт сметно-финансовых затрат на внедрение систем в деятельность аппарата управления позволили сделать вывод, что оптимальным вариантом для исследованной организации является внедрение в её деятельность АС ДОУ «Дело».

Осуществлённый выбор был сделан на том основании, что:

– во-первых, компания разработчик и «внедренец» АС ДОУ «Дело» «Электронные офисные системы» является надёжной, что выражается [4. С. 34–35]: в известном на рынке имени; долговременном (15-летнем) стаже работы в отрасли; высокой квалификации персонала; многолетнем опыте внедрения и апробации персоналом компании различных автоматизированных систем делопроизводства именно в российских органах государственной власти и местного самоуправления; возможности обучения сотрудников аппарата использованию системы на рабочих местах;

наличии качественной методической и технической документации к системе; осуществлении компанией долговременной поддержки работы системы в виде дистанционных консультаций [2];

– во-вторых, с одной стороны, функциональные характеристики АС ДОУ «Дело» являются наиболее соответствующими деятельности и состоянию системы делопроизводства исследованного аппарата управления, с другой стороны – АС ДОУ «Дело» является самой распространённой и апробированной системой в российских органах государственной власти и местного самоуправления [2];

– в-третьих, затраты на приобретение и внедрение системы являются для администрации г.о. Кинель Самарской области приемлемыми [2].

В качестве результатов внедрения системы «Дело» в деятельность аппарата управления администрации г.о. Кинель можно прогнозировать:

– на организационном уровне: повышение оперативности документационного обеспечения управления и создание внутриорганизационной базы данных документированной информации о деятельности администрации;

– на уровне системы государственного управления автоматизация работы с документацией и создание баз данных документированной информации обеспечит включение администрации в реализацию административной реформы в Российской Федерации.

Таким образом, результаты проведённого исследования позволяют констатировать, что автоматизация делопроизводства организационно-распорядительных органов муниципальных образований является неотъемлемой составляющей их включения в реализацию административной реформы в Российской Федерации.

Примечания

1. *Административная* реформа в Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.ar.gov.ru>
2. *Интернет-сайт* компании «Электронные офисные системы». Режим доступа: <http://www.eos.ru>
3. *Ларин М.В.* Управление документацией и новые информационные технологии. М.: Научная книга, 1998. 137 с.
4. *Рекомендации* по выбору автоматизированных систем документационного обеспечения управления (АС ДОУ) в организациях / ВНИИДАД. М., 2003.
5. *Средства* автоматизации документооборота: сравнительный анализ программных систем делопроизводства и документооборота для автоматизации российских органов государственной власти, предприятий и учреждений / InterTrust. М., 2004.
6. *Системы* автоматизации документооборота – от выбора до внедрения / InterTrust. М., 2004.
7. *Стандарт* взаимодействия систем автоматизации документационного обеспечения управления. М.: Гильдия Управляющих Документацией, 2003.

Е.Ю. Калверт

БЕЗБУМАЖНЫЙ ОФИС: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ)

Термин «безбумажный офис» появился на свет благодаря статье в журнале «Newsweek», опубликованной 30 июня 1975 г. и озаглавленной «Офис будущего». В основе новой теории лежало предположение, что благодаря развитию перспективных технологий необходимость в документах на бумажных носителях скоро отпадёт, и документооборот в подавляющем большинстве случаев будет осуществляться в электронном формате.

По прошествии трёх с лишним десятилетий мы можем сделать вывод, что безбумажный офис – это так до сих пор и не осуществившаяся мечта. Причём в подавляющем большинстве случаев неудача постигла идею с обеих сторон. Во-первых, документы на бумажных носителях продолжают прибывать из всевозможных инстанций в огромных количествах. Во-вторых, работники внутри организаций создают всё больше документов и копий благодаря лёгкости современного копирования и распечатки.

На протяжении тысячелетий бумага использовалась в качестве носителя информации. Переход на безбумажное делопроизводство означает отказ от неё, но даже самые ярые приверженцы идеи признают, что полный отказ от использования бумажных носителей невозможен. По этой причине исследователи в последнее время отмечают переход от идеи «полной безбумажности» к концепции «преимущественной безбумажности», т.е. ликвидации бумаги как носителя конечной информации (отчётов, докладов, контрактов и т.п.), а также отказ от практики копирования и распечатывания. Сторонники отказа от бумаги также признают невозможность контроля над входящей документацией и некоторыми видами документов, созданных сотрудниками в процессе работы (личные записи, творческие наброски и т.п.).

Целью данной статьи является краткий обзор развития идеи безбумажного офиса за последние 30 лет на примере делопроизводства в Новой Зеландии. Основой для него послужили публикации в новозеландских и международных изданиях, данные Интернет, а также личные наблюдения автора.

Многие процессы в делопроизводстве организаций на протяжении ряда лет уже являются электронными: e-mail заменяет традиционную почту и факс; базы данных пришли на смену картотекам; финансовые операции

осуществляются в специализированных программах; Интернет избавил от необходимости использования энциклопедий, телефонных книг и т.п. Казалось бы, необходимость в бумаге должна, по крайней мере, значительно уменьшиться. Однако вместо исчезновения бумаги мы наблюдаем постоянный рост её потребления.

Использование компьютеров привело к мало кем предсказанному увеличению документов на бумажном носителе. Потребление бумаги в офисах по всему миру выросло с 1980 до 2000 г. в 2 раза. Исследователи сообщают угрожающие факты: например, что 30% всех распечатанных материалов никогда не покидают офис или что 19% бумажных документов являются ненужным мусором.

Можно выделить несколько основных причин сложившейся ситуации. Прежде всего, электронный документооборот сократил затраты времени на создание документов, значительно увеличив эффективность процесса. В результате за тот же промежуток времени осуществляется большее количество операций, что зачастую ведёт к увеличению объёмов распечатанного материала.

Одним из наиболее ярких примеров является e-mail. Если прежде работник должен был написать письмо, откорректировать, отправить адресату и затем ждать ответа в течение как минимум нескольких дней, то сейчас электронные сообщения создаются крайне просто и достигают адресата за секунды. За те же четыре дня, которые раньше занял бы единственный обмен информацией посредством обычной почты, сейчас возможно обменяться десятками, если не сотнями электронных сообщений. Даже если малая часть этой электронной переписки окажется распечатанной, количество использованной бумаги возрастет многократно.

Вторая причина продолжающегося «господства» бумажных документов заключается в стоимости перехода на безбумажное делопроизводство. В полном соответствии с принципами экономики, заключительные 20% процесса перехода на «безбумажность» несут в себе 80% стоимости всего проекта. В результате многие организации, начавшие процесс перехода на электронные носители, оказываются не в состоянии его завершить.

Человеческая природа также оказывает влияние на затянувшийся переход к электронному документообороту. Многие сотрудники и работодатели предпочитают работать с документами на бумажном носителе или доверяют только документам на бумаге. В настоящее время лишь небольшой процент трудоспособного населения принадлежит к «электронному» веку, в котором компьютер и Интернет являются неотъемлемой частью современного мира.

Несмотря на доводы, приведённые выше, безбумажный офис не является недостижимой целью. В Новой Зеландии движение за сокращение потребления бумаги в последние несколько лет приобрело национальный характер. Можно выделить две основные его причины: во-первых, географическое положение страны и связанную с ним изоляцию и, во-вторых, популярность экологической идеи.

Новая Зеландия, расположенная на двух крупных островах по соседству с Австралией в юго-западной части Тихого океана, не имеет сухопутной границы с другими государствами. До начала электронного века новозеландские организации, как коммерческие, так и государственные, полагались на традиционные способы передачи информации – морские и воздушные перевозки. Стремительное развитие Интернета и возможность совершения деловых операций с использованием электронных носителей привели к созданию «виртуальных офисов», которые обходятся практически без бумаги. Это, в свою очередь, способствует процветанию многих местных фирм, позволяя им преодолевать географический барьер.

Экологическая идея, представленная в стране многочисленными группами сторонников охраны окружающей среды, также оказала влияние на процесс перехода к безбумажному офису. Увеличение использования бумаги расценивается как оказывающее негативный эффект на окружающую среду (истребление лесов и растущие свалки приводятся в качестве наиболее явных последствий). Организации, сокращающие потребление бумаги, пропагандируются как сознательные корпоративные члены общества, что положительно сказывается на их имидже. Новозеландцы придают большое значение сохранению окружающей среды и понятию корпоративной социальной ответственности, поэтому инвестиции в безбумажное делопроизводство имеют коммерческий смысл.

Помимо вышеназванных причин, электронное делопроизводство получило «второе дыхание» и благодаря целому ряду других обстоятельств, рассмотреть которые в рамках небольшой статьи не представляется возможным.

Законодательное признание электронной документации в Новой Зеландии явилось важнейшим шагом в развитии этого процесса. Electronic Transaction Act, вступивший в силу в 2003 г., содержит новые правила использования электронной почты и прочих электронных технологий как в бизнесе, так и в правительственной деятельности. Закон позволяет фирмам использовать электронные технологии для создания, предоставления или хранения информации в письменной форме (при наличии согласия со

стороны лица, которому предоставляется информация). Закон также позволяет юридическим и физическим лицам использовать электронные письма и факсы для коммуникаций с правительством. Одновременно Закон позволяет правительственным органам использовать электронные письма и факсы для пересылки письменных уведомлений физическим и юридическим лицам. Но в каждом случае человек или организация, получающие информацию, должны формально согласиться на получение её в электронной форме.

Закон 2003 г. устанавливает правила, касающиеся времени и места отправки и получения e-mail (что особенно важно для установления момента создания контрактных отношений), устраняя, таким образом, существовавшую прежде неясность в этой области. В Акте также официально узаконено использование электронной подписи.

Несмотря на общий тон поощрения использования электронных технологий, Electronic Transaction Act выделяет ряд исключений из общего правила. Только бумажный носитель по-прежнему является единственно законным для следующих документов:

- документы, предназначенные для публичного оглашения;
- информация, которая должна быть предоставлена в письменной форме (лично или заказным письмом);
- завещания, показания под присягой и доверенности;
- чеки и накладные;
- документы суда;
- документы, подтверждающие право на владение землей;
- различные соглашения и уведомления, которые должны быть в письменной форме согласно законам защиты прав потребителя;
- согласие психиатрического пациента на операцию на головном мозге;
- ордер на обыск.

Условия хранения электронных документов в данном законодательном акте не прописаны, однако закон предписывает, чтобы любая информация на электронном носителе была «легкодоступной». Юридические и физические лица, использующие электронные носители, должны обеспечить постоянный доступ к информации и возможность её интерпретации, включая предоставление необходимого программного обеспечения.

Другим, несомненно, важным фактором, оказавшим положительное воздействие на развитие электронного делопроизводства, стало появление на рынке многочисленных электронных систем управления документацией, которые сделали возможным систематизированный и контролируемый процесс перехода к безбумажному офису.

Идея безбумажного делопроизводства в настоящее время переживает второе рождение. Из развенчанного мифа 1970-х гг. она постепенно превращается в реальность благодаря ряду внешних и внутренних стимулов. Однако лишь время покажет, насколько состоятельной окажется «обновлённая», обогащённая опытом теория.

Е.П. Стрюкова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На протяжении многих веков единственным способом создания, хранения и передачи информации был бумажный носитель. С развитием общества и ростом темпов производства растут объёмы документооборота, в связи с чем возникла необходимость в поиске новых способов и методов создания, хранения и передачи информации. В эпоху информационных технологий на помощь всё возрастающему документообороту пришла развивающаяся электронная техника. Возможность перевода бумажного потока документов на качественно новый уровень, в другую среду существования, на электронные носители позволяет существенно облегчить создание, передачу, хранение и поиск документов, решить многие проблемы документооборота.

Вместе с этим, при переходе к электронным документам возникает проблема придания таким документам юридической силы. Решение проблемы юридической силы электронного документа позволило бы расширить сферу его использования.

Впервые юридическая сила документа на машинном носителе была закреплена в ГОСТе 6.10.4–84 «УСД. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники». Требования, предъявляемые этим ГОСТ, действовали на протяжении длительного периода времени. Лишь с середины 1990-х гг. в связи с активным развитием информационных технологий появилась необходимость конкретизировать условия придания юридической силы электронным документам.

Так, в п. 3 ст. 5 Федерального закона РФ от 20.02.1995 «Об информации, информатизации и защите информации», действовавшего до 2006 г., упоминалась электронная цифровая подпись как реквизит, придающий юридическую силу документу обрабатываемому, хранимому и передаваемому с помощью информационных систем. Юридическая сила электронной цифровой подписи признавалась при наличии в автоматизированной информационной системе программно-технических средств, обеспечивающих идентификацию подписи, и соблюдении установленного режима [1]. После вступления в силу этого ФЗ электронная цифровая подпись стала обязательным реквизитом документа в автоматизирован-

ной информационной системе, позволяя реализовывать механизм проверки достоверности сведений, содержащихся в таком документе.

Решающим шагом в развитии электронного документооборота стало подписание 10 января 2002 г. Федерального закона РФ «Об электронной цифровой подписи», который создаёт правовую основу для широкого использования электронной цифровой подписи в различных сферах деятельности. Целью этого ФЗ является обеспечение правовых условий использования электронной цифровой подписи в электронных документах, при соблюдении которых электронная цифровая подпись признаётся равнозначной собственноручной подписи в документе на бумажном носителе [2. С. 6].

К сожалению, в процессе реализации на практике различных форм цифрового удостоверения подлинности документов возник ряд вопросов, ответы на которые не даёт вышеназванный Федеральный закон. Так, электронная цифровая подпись определяется как «реквизит электронного документа, предназначенный для защиты данного электронного документа от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи и позволяющий идентифицировать владельца сертификата ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в электронном документе» [2. С. 6]. В соответствии с этим определением на законодательном уровне признаются только цифровые подписи, полученные в результате криптографической технологии определённого типа. Другие формы цифрового удостоверения, например, цифровые изображения собственноручной подписи на бумаге, персональные идентификационные номера не будут признаваться равнозначными собственноручной подписи.

По признанию большинства специалистов, принятый в 2002 г. ФЗ «Об электронной цифровой подписи» не решил целого ряда проблем. К числу основных недостатков данного документа относят: отсутствие правовых признаний различных видов подписей, несогласованность с другими Федеральными законами, несоответствие принципу «технологической нейтральности законодательства». В нём не предусмотрены случаи и порядок использования иных электронных аналогов собственноручной подписи, а также не приняты подзаконные нормативные акты, необходимые для его реализации. Все эти недостатки негативно влияют на широкое использование ЭЦП в нашей стране, тормозят развитие электронной коммерции и гражданского электронного документооборота.

Попытки решить возникшие проблемы были предприняты в законопроекте «Об электронной подписи», разработанном Министерством ин-

формационных технологий и связи в 2005 г. [3]. Проект закона существенно отличается от действующего Федерального закона. При разработке вышеназванного законопроекта использовались аналогичные законодательные акты европейских стран и стран СНГ. В законопроекте предпринята попытка уменьшить количество предъявляемых к электронной подписи требований и сделать её создание и применение более простым и доступным.

В проекте выделены три типа подписи, каждый из которых является более сложным вариантом предшествующего. За основу взята простая подпись, за ней следовала усиленная, а потом квалифицированная. В связи с этим предполагалось, что простая и усиленная подписи будут являться электронными подписями и только квалифицированная подпись способна придавать юридическую силу документу, по сути ЭЦП только без привязки к технологии создания.

Принятие данного законопроекта могло бы решить возникающие в связи с определением юридической силы электронного документа проблемы и гармонизировать российское законодательство с зарубежным. Но, к сожалению, указанный законопроект не был принят.

За последние несколько лет принят ряд законов, нормативно-методических актов, в которых рассматриваются вопросы, ранее не оговоренные чётко в ФЗ «Об электронной цифровой подписи». Например, в принятом в 2004 г. ГОСТе Р 52292–2004 «Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения» [4] рассматривается электронный документ в различных средах существования (электронной, цифровой, аналоговой).

В Федеральном законе от 27.06.2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» цифровые подписи были приравнены в электронных документах к собственноручным: «Электронное сообщение, подписанное электронной цифровой подписью или другим аналогом собственноручной подписи, признаётся электронным документом, равнозначным документу, подписанному собственноручной подписью, в случаях, если Федеральными законами или иными нормативными актами не подразумевается требование о составлении такого документа на бумажном носителе» [5 С. 5].

Кроме того, в настоящее время не решён вопрос признания в нашей стране электронных подписей, созданных на территориях других государств (американский и европейский варианты подхода к созданию электронной подписи технологически нейтральны). Попытки гармонизировать наше законодательство с иностранным не увенчались успехом.

Примечания

1. **Об информации**, информатизации и защите информации: Федеральный закон от 20.02.95 № 24-ФЗ // Сборник законов Российской Федерации. 2001. С. 336–341.
2. **Об электронной** цифровой подписи: Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ // Российская газета. 2002. 12 января.
3. **Об электронной** подписи: Проект Федерального закона от 16.11.2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minsvyaz.ru/ministry/documents/1117/2128.shtml>.
4. ГОСТ Р 52292–2004 Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения. М.: Издательство стандартов, 2004.
5. **Об информации**, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный Закон от 27 июля 2006 г. № 149 // Российская газета. 2006. 29 июля.

Н.В. Кузнецова

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РАСПРОСТРАНЕННЫХ ФОРМАТАХ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Безопасное управление документацией является важным элементом деятельности любой коммерческой и государственной организации. Использование современных компьютерных технологий позволяет обеспечить безопасное и качественное информационное взаимодействие, экономит время, повышает эффективность работы сотрудников в целом. На рынке программных продуктов в настоящее время представлено огромное множество систем электронного документооборота, большинство которых рассчитано на некую идеальную материально-техническую базу, то есть предполагается, что все структурные подразделения организации обладают высокопроизводительной вычислительной техникой и объединены в локальную сеть. К сожалению, приходится признать, что, если и существует необходимость в подобных системах, то руководство многих организаций по различным причинам пока еще не готово вложить значительные средства во внедрение и поддержание в рабочем состоянии автоматизированных систем. Поэтому чаще всего обмен информацией сводится к переписке по электронной почте, что не исключает опасности нарушения тайны переписки.

Word Document – наиболее распространенный формат электронных документов (файлы с расширением .doc). Его популярность обусловлена тем, что текстовый процессор Microsoft Word является лидером в области программного обеспечения, используемого для создания документов, и установлен практически на каждом офисном компьютере. Он прост в использовании, обладает широкими функциональными возможностями. Важным преимуществом этого текстового процессора является предусмотренная встроенная защита от несанкционированного доступа. Самый простой способ защитить документ – это задать пароль на открытие файла или на его изменение. Рекомендуется использовать пароли, состоящие не менее чем из 8 символов и представляющие собой сочетание прописных и строчных букв, цифр. Можно также усилить защиту документа шифрованием пароля. По умолчанию используется простой алгоритм шифрования, но возможно выбрать более сложный и совершенный [1]. Однако говорить о какой-то серьезной защите данных в этих случаях не

приходится. Пароль хранится в документе, и его можно найти любым хеш-редактором. Существуют специализированные программы, которые обеспечивают гарантированное «вскрытие» документа, независимо от сложности пароля и его длины. Надежда на безопасность при использовании пароля невелика. Нестойкие пароли находятся мгновенно, а «стойкие» могут быть расшифрованы за несколько часов.

Еще одним популярным форматом являются электронные таблицы Excel, предназначенные для автоматизации работы с документами, содержащими большие массивы чисел. Этот формат позволяет решать большое количество задач в программах 1С: загрузка начальных данных в 1С, перенос и обмен информацией с внешними системами, загрузка электронных справочников и т.д. Многие пользователи для удобства работы сохраняют таблицы 1С (печатные формы) в Excel, после чего в полученном файле делают необходимые группировки, сортировки, вычисления и т.д.

В системах автоматизации документооборота, таких как «Дело», «Кадры», также предусмотрен экспорт данных (штатное расписание, приказы, таблицы учета рабочего времени) в формат таблиц. Однако технологии защиты в Excel используются те же, что и в текстовом процессоре MS Word, отличие составляют только пароли на книги и листы. Хеш-функции паролей хранятся в документе и состоят из 16 бит. Следовательно, для каждой хеш-функции существует множество подходящих паролей [2]. Например, лист, на который установлен пароль «test», можно открыть при помощи пароля «zzyw». VBA-макросы также не обеспечивают эффективной защиты, так как при открытии файла в другой версии Excel они могут работать не корректно.

Другим распространенным форматом для хранения электронных документов является формат PDF. Он позволяет внедрять необходимые шрифты, векторные и растровые изображения, формы. Страницы в файле могут содержать встроенные звуковые и видеофайлы, а также гиперссылки для перехода к другим частям документа или внешним ресурсам. Главное отличие формата – машино- и платформенезависимость. Это значит, что PDF документ может быть открыт на компьютере, работающем под управлением любой операционной системы [3]. Документы такого типа гораздо более практичны, как для создания электронного архива для внутреннего использования организации, так и для обмена информацией с партнерами и удаленными филиалами. В отличие от предыдущих форматов, в PDF-файлах возможно устанавливать пароли до 256 би-

тов. Но с помощью существующих специальных программных продуктов можно снять ограничения на открытие, копирование, редактирование и печать документов в формате PDF. В случае использования слабой защиты с 40-битными ключами программа без проблем восстановит доступ к документу. При использовании защиты со 128-битными или 256-битными ключами требуется подбор оригинального текстового пароля, заданного автором документа. При наличии дополнительной информации (длина пароля, информация об использовании или отсутствии в пароле определенных символов и цифр) скорость восстановления может быть значительно увеличена методом перебора по заданным параметрам. Согласно статистике, существенная часть паролей, используемых для защиты офисных документов, содержит одно или несколько слов из словаря. Метод подбора паролей по словарю позволяет в десятки раз сократить время, требуемое для восстановления пароля. В случае полного отсутствия информации осуществляется перебор всех возможных вариантов пароля определенной длины для восстановления доступа к документу [4].

Таким образом, для передачи электронных документов, содержащих конфиденциальные сведения, использование технологий защиты рассмотренных форматов является недостаточным для обеспечения сохранности данных. Необходимы программы, в основе которых лежат современные надежные криптографические алгоритмы шифрования и электронной подписи.

Примечания

1. *Кокин А.Д.* Защита документов Word. Обзор возможностей // Компьютерра. 2007. № 24.
2. *Мальшиев А.С.* Парольная защита документов Microsoft Office // КомпьютерПресс. 2007. № 7.
3. *Прохоров А.В.* Семейство продуктов Adobe Acrobat 7.0 // КомпьютерПресс. 2006. № 2.
4. *Зайцев О.Б.* Вредоносное ПО // КомпьютерПресс. 2008. № 10.

Е.В. Тельманова

ВИДОВОЙ СОСТАВ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ г. ЧЕЛЯБИНСКА

В последнее время Россия все больше внимания уделяет различным аспектам информационной безопасности: развитию структуры органов защиты информации, правовому обеспечению защиты информации и др. На федеральном уровне разработан и введен в действие целый пакет документации: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Концепция национальной безопасности Российской Федерации, Федеральные законы, касающиеся защиты персональных данных и организации режима коммерческой тайны; руководящие документы Гостехкомиссии России в области защиты информации, национальные стандарты по информационным технологиям и др. На отраслевом уровне (например, в банковской системе) разрабатываются стандарты, рекомендации, методические указания [1] и др., регулирующие работу с информационными активами и обеспечение их безопасности (информационной безопасности). На локальном уровне также активно утверждаются соответствующие документы, позволяющие организовать систему защиты информации на предприятии (политики, регламенты, инструкции и т.п.).

Возрастает спрос на корпоративные системы безопасности. Бюджеты предприятий на защиту информации растут с каждым годом. По оценке Д. Кузнецова, начальника отдела автоматизации банковских расчетов уральского филиала ОАО «Тюменьэнергобанк»: «При грамотной политике безопасности внешнюю угрозу можно свести к нулю... Единственный фактор, который действительно может серьезно угрожать безопасности, – нечистоплотность сотрудников» [2]. На наш взгляд, данную проблему можно решить путем издания документации по защите информации. Руководители челябинских компаний проявляют все больший интерес к системе защиты информации партнера, т.к. высокая степень защиты – это сегодня конкурентное преимущество. «Защита информации приобретает очертание планомерного процесса. По оценке Д. Шмакова, директора «ИТ Энигма», «люди начинают понимать, что информация – это те же деньги, которые нужно хранить» [2].

В настоящее время в организациях внедряются системы информационной безопасности, в т.ч. в соответствии с международным стандартом ISO 27001. Такие процессы проходят в Челябинских филиалах ООО «Газпром», Сбербанк России, ОАО «Связьтранснефть», ОАО «Связьинвест»,

ИТ ЗАО «Группа-ЧТПЗ», ОАО «Челябинский трубопрокатный завод». Модернизации и созданию системы защиты информации уделяется немало внимание в ОАО ГМК «ЦветМетПром», ЗАО «Фиеста», ООО «Веста-Газ», ООО «Аспо-Трэй», ООО «Массив», АН «Компаньон», медицинских учреждениях и др.

Итак, челябинские предприятия различных форм собственности и отраслевой принадлежности разрабатывают собственные системы, обеспечивающие информационную безопасность (ИБ). Рассмотрим видовой состав этой документации.

В банковской сфере разработка документации по обеспечению ИБ основана на методологии международных стандартов качества ISO 9000, ISO/IEC 12207, ISO/IEC 27000 и др. Так, документы по информационной безопасности банков и кредитных организаций включают: 1-й уровень – корпоративная политика ИБ; 2-й уровень – частные политики (Политика ИБ, Политика антивирусной защиты, Политика безопасности систем информационных и коммуникационных технологий), концепции, стандарты технологий обеспечения ИБ, планы мероприятий по обеспечению ИБ (аудита, обучения, аттестации...) и др.; 3-й уровень – процедуры, положения, правила, инструкции, должностные инструкции, руководства, технические задания, регламенты, приказы, методические указания по обеспечению ИБ и др.; 4-й уровень – подтверждающие документы о достигнутых результатах (договоры, акты, протоколы, отчеты, реестры, обязательства, листы ознакомления, журналы регистрации, ведомости, схемы и др.)

Организации, предоставляющие образовательные (в основном вузы), рилтерские (агентства), медицинские (МСЧ, медицинские центры и др.), страховые (страховые компании), развлекательные (комплексы, кинотеатры и др.) услуги делают акцент на защите персональных данных. Эта документация, как правило, содержит: модели угроз безопасности персональных данных; инструкции (Об организации антивирусной защиты; организации физической охраны информационной системы (ИС); учета материальных носителей информации; по установке, модификации и обслуживанию технических и программных средств ИС; по организации парольной защиты; пользователя локальной сети; контроля доступа в помещение по обработке персональных данных и др.); приказы (о введении в действие ИС, классификации ИС и др.); перечни (персональных данных; лиц, допущенных до обработки персональных данных (ПД)); уведомления об обработке ПД; согласия субъектов по обработке ПД; заявки (на модификацию ИС, на допуск сотрудников в помещения по обработке ПД); технические паспорта на ИС; схемы видеонаблюдения; журналы

учета (паролей, материальных носителей, инвентаризации ИС и др.), ведомости объектов защиты и многие другие.

Наряду с банковской (казначейства, банки, кредитные организации и др.) и нефтегазовой сферой, систему защиты информации ограниченного доступа и конфиденциального характера активно разрабатывают Интернет-провайдеры, провайдеры IP-телефонии, торговые предприятия, строительные и консалтинговые организации малого и среднего бизнеса. Пакет документации по данным направлениям включает: политики защиты; модели нарушителей; стандарты (на документированные процедуры, технологические операции по защите информации и др.); положения (о деятельности, о методиках и технологиях и др.); руководства; инструкции (должностные, по эксплуатации, пользовательские и др.); регламенты (организации доступа, использования мобильных устройств; защиты; пользовательские и др.); перечни (информации/сведений, оборудования, программных средств, объектов защиты и др.); планы (развития, совершенствования и др.); технические задания (на создание системы защиты информации и др.); приказы (об организации деятельности, о создании служб по защите информации, о назначении ответственных, об определении границ контролируемых зон и др.), соглашения, договоры, акты (классификации, завершения работ, приема в эксплуатацию, проверки наличия; уничтожения документации и др.), обязательства; рекомендации; схемы (расположения объектов защиты, видеонаблюдения и др.); паспорта рабочих мест; ведомости (или матрицы доступа, объектов защиты, кодов и паролей и др.); заявки (на подключение, установку; права доступа и др.); журналы регистрации или карточки учета (документов/дел, должностных лиц, в т.ч. передачи информации/документов и др.) и др.

Таким образом, деятельность организации по защите информации отражается во всех организационно-распорядительных документах, которые создаются на основе законодательных актов и нормативных документов Российской Федерации (федеральный и отраслевой уровни), а также локальных нормативно-правовых документов. В структуре документации четко прослеживается иерархия управления. На стратегическом уровне управления создаются концептуальные документы, определяющие стратегию организации в области защиты информации; на тактическом уровне разрабатываются и прописываются процедурные документы, определяющие технологию защиты информации; на тактическом уровне возникают записи – свидетельства достигнутых результатов в области защиты информации.

Видовой состав документов по защите информации очень многообразен. Однако возникает вопрос: где найти унифицированный перечень до-

кументов по организации защиты информации, чтобы руководителям и специалистам не пришлось ломать голову над этой проблемой? Ответ прост – пока нигде. Если видовой состав документов по защите и обработке персональных данных относительно устоялся и более-менее определенные указания на виды документов можно найти в законодательных актах Российской Федерации, то перечень документов, регламентирующих работу с конфиденциальной информацией, еще не вполне сложился. Поэтому разрабатывая документы по защите информации специалисты предприятий могут проявлять определенное творчество. Как показывает практика, в большинстве случаев организациям самим приходится разрабатывать документы в данной области. На помощь специалистам в решении этой проблемы могут прийти нормативно-методические документы по общему делопроизводству: ГСДОУ, Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, ГОСТы на оформление документации, общероссийские классификаторы управленческой документации (в частности, ОКУД), перечни типовых документов и др. Однако инженеры по защите информации предприятий часто оказываются незнакомы с перечисленными документами общего делопроизводства. Поэтому необходимо уделять большее внимание данному вопросу в процессе повышения их квалификации или переподготовке кадров по специальности 090103 – «Организация и технология защиты информации». Ведь именно данная специальность позволяет освоить весь блок междисциплинарных знаний, в том числе в области документирования информации как открытого, так и ограниченного доступа.

При создании системы защиты информации на предприятии стоит помнить, что порядок обработки документации должен быть строго регламентирован, поэтому наряду с перечисленными выше видами документов следует разработать инструкцию по конфиденциальному делопроизводству (или стандарт предприятия), номенклатуру конфиденциальных дел, таблицу конфиденциальных УФД. Выбор наименований видов документов в данной области будет зависеть от общей политики организации. Если предприятие ориентировано на внедрение международных стандартов качества, то видовой состав документов будет разработан с учетом методологии ИСО (стратегии, политики, миссии, стандарты, процедуры, руководства, регламенты, методологические инструкции и др.), если нет, можно ограничиться традиционными названиями видов документов (положения, инструкции, правила и т.д.).

Примечания

1. *Стандарт* Банка России РС БР ИББС-2.0-2007. Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Методические рекомендации по документации в области обеспечения информационной безопасности в соответствии с требованиями СТО БР ИББС–1.0. Введен в действие Распоряжением Банка России от 28.04.2007 № Р-348.

2. *Пестрякова О.* Компании встают на защиту информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chelbis.ru/marketologam/overview/internet/internet_275.html

Н.Л. Еремина, К.В. Кнауб

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННО-ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Современная российская избирательная система стала формироваться в начале 1990-х гг. Практически сразу обнаружилась необходимость автоматизации информационных процессов, обусловленная как большим количеством выборов разных уровней, так и масштабностью территории Российского государства. Уже в августе 1994 г. Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным был подписан указ «О разработке и создании Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» [1]. В декабре 1999 г. были проведены государственные испытания системы, и с июля 2000 г. она была введена в постоянную эксплуатацию.

Сегодня Государственная автоматизированная система РФ «Выборы» (ГАС «Выборы») представляет собой многоуровневую территориально-распределённую систему, охватывающую всю страну, включая её самые отдаленные районы [2]. Структура системы соответствует иерархической структуре избирательных комиссий. Комплексы средств автоматизации действуют на четырёх уровнях иерархии из пяти, а именно на уровнях Центральной избирательной комиссии РФ, избирательных комиссий субъектов РФ, окружных и территориальных избирательных комиссий.

Использование ГАС «Выборы» регламентируется Федеральным законом от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» [3].

Одной из важнейших задач системы является документационное обеспечение деятельности избирательных комиссий. С использованием ГАС «Выборы» могут быть подготовлены как традиционные документы на бумажных носителях, так и электронные документы. Юридическая сила документов на бумажных носителях обеспечивается обычным способом – путём подписания уполномоченными на это должностными лицами. Электронный документ должен быть заверен электронной цифровой подписью в порядке, установленном Федеральным законом от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» [4]. Подлинность любого электронного документа может быть проверена с помощью открытых ключей электронных цифровых подписей.

Функция электронного документооборота поддерживается с помощью подсистемы связи и передачи данных по цифровым каналам с использо-

ванием сертифицированных средств криптографической защиты информации, гарантирующей надёжность и конфиденциальность информационно-документационных потоков. Использование этой подсистемы позволяет обмениваться электронными документами в режиме реального времени. Запуск интернет-портала и мобильного портала даёт возможность оперативного ознакомления широкой общественности с документами, имеющими важнейшее политическое значение – протоколами избирательных комиссий всех уровней.

Внедрение ГАС «Выборы» производилось по схеме «сверху вниз», т.е. в первую очередь были автоматизированы вышестоящие избирательные комиссии. Комплексы средств автоматизации участковых избирательных комиссий в настоящий момент находятся в стадии разработки [5]. Замедленный темп развития этой части системы обусловлен тем, что в Российской Федерации действуют более 95 тыс. участковых избирательных комиссий, и каждую из них необходимо обеспечить дорогостоящей компьютерной техникой для работы ГАС «Выборы». При этом участковые избирательные комиссии отличаются от вышестоящих тем, что не действуют на постоянной основе, а формируются на определенный срок для проведения конкретной избирательной кампании, не имея собственного имущества в промежутках между выборами. Такой порядок создает дополнительные трудности с обучением кадров, поскольку формирование комиссий осуществляется на основе предложений избирательных блоков и объединений, общественных организаций, собраний избирателей по месту работы и жительства. Члены комиссии имеют различный уровень подготовки и опыт организационной деятельности. Значительная их часть не обладает навыками работы с современной компьютерной техникой. Тем не менее, в 2006–2008 г. комплексы средств автоматизации применялись на некоторых избирательных участках в порядке эксперимента.

Указанные комплексы включают в себя устройства, предназначенные для организации процесса голосования и подсчета голосов избирателей. Такие устройства позволяют членам участковых комиссий автоматизировать рутинную часть работы, сосредоточившись на обеспечении основных гарантий избирательных прав граждан. Для применения на избирательных участках предназначены два типа устройств: оптико-электронные комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) [6] и комплексы для электронного сенсорного голосования (КЭГ) [7].

КОИБ представляет собой сканер избирательных бюллетеней с функцией распознавания и подсчёта голосов. Бюллетень с проставленной избирателем отметкой вводится в КОИБ. Устройство ведёт оперативный

подсчёт помещённых в него бюллетеней и количества голосов, поданных за каждого кандидата. При этом в ходе голосования членам комиссии доступны только данные об общем числе помещённых в КОИБ бюллетеней. Остальная информация может быть получена только после окончания процедуры голосования.

После завершения голосования в КОИБ вводятся необходимые для составления протокола данные: количество полученных комиссией бюллетеней, количество внесённых в список избирателей, количество выданных избирателям бюллетеней и др. Устройство проверяет контрольные соотношения и в случае их выполнения формирует и распечатывает протокол об итогах голосования. С помощью КОИБ можно также изготовить в необходимом количестве копии протокола для выдачи их наблюдателям, представителям кандидатов и другим лицам, имеющим право на их получение.

Для голосования с использованием КЭГ каждому избирателю выдаётся картонная карточка с нанесённым на неё штрих-кодом. Эту карточку избиратель прикладывает к сенсорному экрану. На экране появляется изображение избирательного бюллетеня. Голосующий пальцем касается нужного квадрата (применяется сенсорный экран), после подтверждения система фиксирует ответ. Полученную на избирательном участке карточку с нанесённым штрих-кодом можно использовать только однократно.

Следует отметить, что традиционный подсчёт числа голосов и заполнение протокола вручную на типографском бланке является наиболее трудоёмкой рутинной операцией и занимает от двух до восьми часов. Согласно законодательству, комиссия не имеет права прерывать свою работу, пока протокол не подписан, и рабочий день членов участковой избирательной комиссии в день голосования продолжается с 8 часов практически до следующего утра. Применение КОИБ и КЭГ существенно упрощает и убыстряет процедуру создания наиболее важного документа – протокола участковой комиссии об итогах голосования.

В экспериментальном порядке в РФ применяются технологии дистанционного голосования. В зарубежном опыте организации и проведения выборов используются различные технологии голосования: с помощью оптического диска, электронной социальной карты, SMS-сообщения, электронного паспорта избирателя. Применение таких технологий ведёт к сокращению объёма рутинной работы по формированию документации избирательных комиссий, экономии времени и, в конечном итоге, улучшению качества информационно-документационного обеспечения избирательного процесса. Эксперимент по проведению дистанционного голо-

сования с помощью специального оптического диска был проведён в Каргасокском районе Томской области в ходе выборов главы района 1 марта 2009 г. [8].

Примечания

1. *О разработке* и создании государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»: Указ Президента РФ от 23.08.1994 № 1723 // Собрание законодательства РФ (СЗ РФ). 1994. № 18.

2. *Государственная* автоматизированная система Российской Федерации «Выборы»: информационный буклет Центральной избирательной комиссии РФ. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/gas/>.

3. *О Государственной* автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»: Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ (в ред. от 25.12.2008) // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 172.

4. *Об электронной* цифровой подписи: Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ (в ред. от 08.11.2007) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 127.

5. *О Концепции* развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» до 2012 года: Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 29.09.2008 № 132/966–5. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/postancik/Zp080966.jsp>

6. *Об Инструкции* о порядке использования комплексов обработки избирательных бюллетеней на выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации: Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 25.09.2007 № 31/218–5. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/postancik/Zp070218.jsp>

7. *Об Инструкции* о порядке использования комплексов для электронного голосования на выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации: Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 25.09.2007 № 31/219–5. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/postancik/Zp07029.jsp>

8. *О проведении* эксперимента по электронному опросу избирателей при проведении выборов 1 марта 2009 года: Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 30.12.2008 № 143/1059–5. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/postancik/Zp081059.jsp>

И.В. Селявская, И.С. Лысенко

**СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ЗАОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ФАКУЛЬТЕТА УПРАВЛЕНИЯ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Деятельность любого учебного заведения связана с большим количеством информации и, конечно, имеет свою специфику. Информационные потоки разной направленности несут в себе данные о студентах и преподавателях, читаемых дисциплинах, о специальностях, в рамках которых они читаются и т.д. Поскольку информационная учебная структура довольно изменчива, а объёмы данных велики (студенты переходят с курса на курс, преподаватели читают разные предметы, учебные планы подвергаются корректировке), то возникает много проблем в плане своевременного учёта, грамотного управления информацией и работой учебного заведения в целом.

Для повышения эффективности функционирования учебных структур могут использоваться современные информационные технологии: это и средства сетевых коммуникаций, и технологии электронного документооборота, и технологии баз данных и пр. На заочном отделении международного факультета управления (МФУ) ТГУ ведётся работа по информационному обеспечению учебного процесса на основе технологий баз данных. Эта работа находится в начальной стадии, но некоторые результаты уже есть.

Прежде всего, следует выделить ключевые производственные процессы, которые составляют основу деятельности заочного отделения МФУ:

– набор слушателей-студентов по нескольким специальностям заочного отделения;

– организация учебного процесса, которая связана с созданием учебных планов по специальностям и вызовом студентов на сессию, приглашение преподавателей (возможно, из других учебных заведений), составление расписания занятий и подготовка аудиторной базы;

– отслеживание и контроль всех учебных взаимоотношений между студентами и преподавателями (учёт сданных дисциплин и подготовка ведомостей, составление списка курсовых, дипломных работ, а также тем проектов по предметам, зачисление, восстановление, перевод, отчисление абитуриентов и студентов);

– обновление изменившейся информации по студентам, преподавателям и предметам;

– подготовка дипломного выпуска студентов-пятикурсников.

Если классифицировать данную стадию информационного анализа [1], то речь идет о *концептуальном этапе работы с данными*. Здесь выделяются основные процессы, происходящие в предметной области, а также объекты и их свойства. Отметим, что перечисленные процессы реально сопровождаются конкретными документами, которые инициируют или подтверждают выполнение тех или иных операций (а также качественные характеристики студента или преподавателя): приказы, документы об образовании, личные данные (паспортные), учебные планы, ведомости, справки-вызовы на сессию, списки групп по специальностям, дипломы, приложения к диплому и многие другие. Очевидно, что объем информации, с которым приходится иметь дело, достаточно большой. Поэтому решение об использовании технологических средств обработки данных (систем управления базами данных – СУБД) стало шагом вперед в направлении повышения эффективности управления учебным процессом на заочном отделении.

В результате анализа данной предметной области на первом этапе были выделены следующие объекты: специальность, группа, студент, первичное образование студента, преподаватель, предмет, оценки, курсовая, диплом. Соответственно каждый объект описывался рядом атрибутами или свойств, которые присущи только этому объекту или позволяют установить зависимость объектов друг с другом [1]. Ниже в таблице приведены атрибуты главных выделенных объектов.

Наряду с этим, были проанализированы и связи между объектами. Таким образом, концептуальный этап стал началом для создания *информационной модели* предметной области и плавно перешел в следующую стадию – *логическую*, основной задачей которой является логическое описание взаимодействия сущностей (объектов) друг с другом и создание *логической информационной схемы данных*.

В начале второго этапа была проведена работа по определению парных отношений между основными объектами информационной модели: специальность ↔ группа, группа ↔ студент, первичное образование ↔ студент, преподаватель ↔ предмет, предмет ↔ оценки, студент ↔ диплом, а также выявлены типы связей (один – к – одному, один – ко – многим, многие – ко – многим), которыми, как правило, они описываются. Результатом анализа была логическая структура данных, пример которой представлен на рис. 1.

Атрибуты сущностей информационной модели учебного процесса ОЗО МФУ

Объект (сущность)	Атрибуты
Студент	Уникальный ключ, фамилия, имя, отчество, ключ группы, ключ первичного образования, адрес проживания, телефон, e-mail, пол, дата рождения, место последней работы, должность на последнем месте работы, страна, номер паспорта
Преподаватель	Уникальный ключ, фамилия, имя, отчество, адрес проживания, телефон, e-mail, номер паспорта, дата рождения, звание, квалификация, профессиональное направление
Специальность	Уникальный ключ, наименование, аббревиатура, плата (руб.)
Предмет	Уникальный ключ, наименование, количество часов, самостоятельные работы, итоговый контроль
Оценки	Уникальный ключ, ключ предмета, ключ преподавателя, ключ студента, дата, итоговая оценка
Курсовая / Проект	Уникальный ключ, ключ студента, курсовая, оценка курсовой, проект, оценка проекта, дипломная, оценка дипломной

Следующим этапом в информационной разработке учебного процесса на заочном отделении МФУ является *физическое моделирование* обозначенных процессов и создание физической структуры данных. Предполагается использовать систему управления базами данных Microsoft Access (с дальнейшим развитием информационной среды средствами MS SQL Server). Необходим не только ввод реальной информации в таблицы базы данных, но и проверка истинности и безошибочности логической модели. Кроме того, следует разработать многие интерфейсные средства для будущих пользователей базы данных: различные формы для ввода информации, контрольные отчеты по основным учебным операциям (ведомости, учебные планы, списки групп, приложения к документам, например к диплому и пр.), стандартные типы запросов на отбор, удаление, поиск данных, шаблонные формы документов. Пример одной из возможных форм для ввода данных о преподавателе представлен на рис. 2.

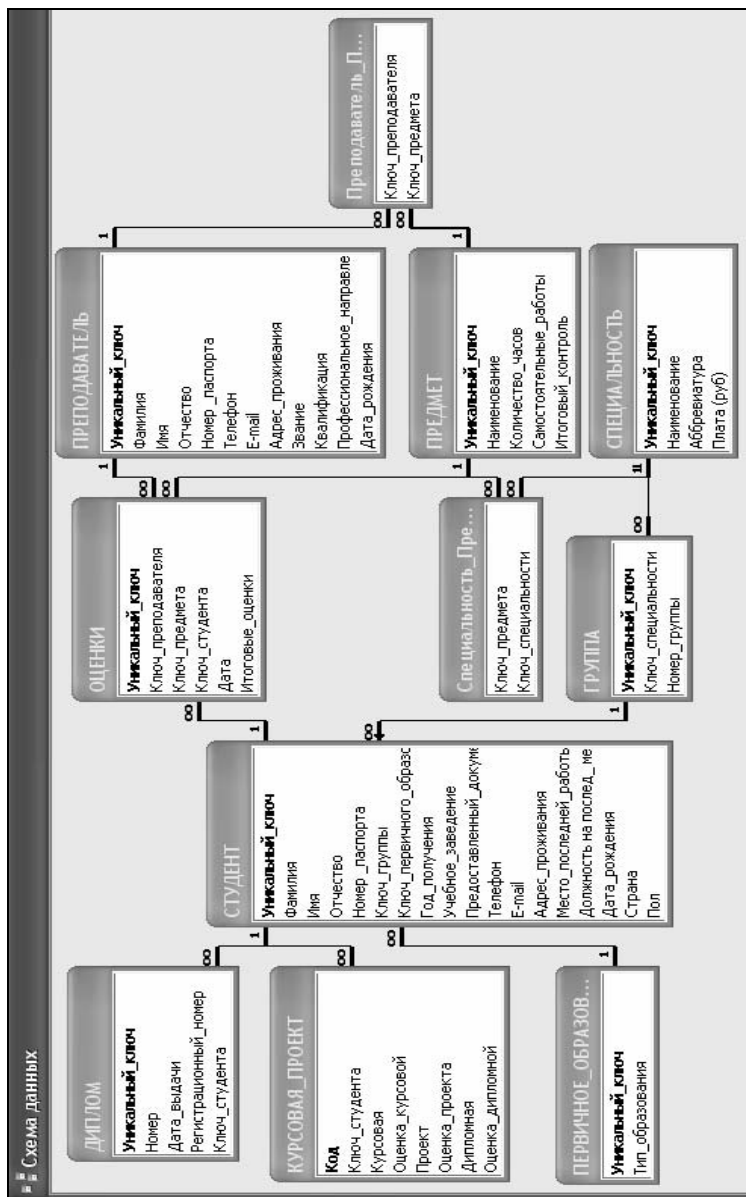

Рис. 1. Логическая схема данных учебного процесса ОЗО МФУ

Рис. 2. Форма для ввода данных о преподавателе

Этап физической разработки информационной модели учебного процесса на заочном отделении МФУ является одним из самых трудоёмких. К этой работе были привлечены студенты дневного отделения МФУ, сотрудничество с которыми будет продолжено в дальнейшем. Следует отметить, что данное направление не только интересно с точки зрения анализа и обработки больших объёмов данных, но и содержит элемент новизны и актуальности внедрения в учебный процесс на международном факультете управления.

Примечания

1. *Ахаян Р., Горев А., Макаширипов С.* Эффективная работа с СУБД. Практическое руководство по разработке баз данных. СПб., 1997. 704 с.

Т.В. Судник

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ХМАО – ЮГРЫ: КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Любое воздействие на управляемый объект в какой-либо сфере жизнедеятельности управляющего субъекта, в том числе и в образовательной, осуществляется, прежде всего, посредством создания определённого документа, доведения его до сведения управляемого объекта и организации контроля его исполнения. В этой связи особое значение приобретает повышение эффективности документационного обеспечения управления, преодоление коммуникационных барьеров в управленческой деятельности.

Эффективное документационное обеспечение управления образованием предоставляет заинтересованным лицам возможность в оперативном порядке получить необходимую информацию о системе образования (порядок и условия сдачи единого государственного экзамена, содержание программ подготовки, соответствующих определённому уровню образования, условия его достижения учащимся и т.п.).

Система управления образованием в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре имеет несколько иерархических уровней, вследствие чего на передачу информации затрачивается значительное количество времени и возникает возможность её искажения. Анализ документационного обеспечения управления в этой сфере позволил сделать вывод о наличии двух групп коммуникационных барьеров: *внутренних* (между структурными подразделениями и сотрудниками главной управляющей организации автономного округа – Департамента образования и науки ХМАО – Югры) и *внешних* (между организацией и вышестоящими органами, между организацией и подведомственными ей учреждениями).

Для повышения качества управления образованием необходимо, прежде всего, ликвидировать коммуникационные барьеры внутри самого Департамента. Как показали наблюдения и интервьюирование специалистов Департамента образования и науки ХМАО – Югры, одной из причин таковых является отсутствие внутренней корпоративной компьютерной сети в Департаменте. Введение в действие сети Интранет позволит разрушить коммуникационные барьеры в самом учреждении и выстроить хорошо отлаженную систему взаимобмена информацией между её сотрудниками, что окажет положительное влияние на качество принимаемых

управленческих решений в сфере образования на территории автономного округа и ускорит их реализацию.

Другая причина возникновения коммуникационных барьеров связана со структурой организации, с методами работы.

Органы управления образованием автономного округа на всех уровнях имеют линейно-функциональную организационную структуру [1]. Главное достоинство этой структуры в том, что она даёт возможность специализировать выполнение отдельных функций, повышая эффективность управления. Но в результате интервьюирования специалистов Департамента и анализа их должностных инструкций и положений о структурных подразделениях выяснилось, что в данном случае структура не имеет чётко выстроенной схемы служебных взаимоотношений между её составляющими.

Например, в Департаменте образования и науки ХМАО – Югры специалист (секретарь приёмной) находится одновременно в непосредственной подчинённости и начальника отдела, и директора Департамента. Следовательно, два специалиста, входящие в состав отдела и фактически непосредственно подчиняющиеся директору Департамента, не в полной мере включены в работу отдела. В данном случае использована матричная схема подчинения, которая затрудняет работу специалистов Департамента. Это способствует упрочению коммуникационных барьеров: информация между сотрудниками данного структурного подразделения распространяется очень плохо или медленно.

Наличие обратной связи между руководителем Департамента и его сотрудниками – важное условие эффективности коммуникаций. Повторение содержания задания подчиненным позволит дополнить его, если что-то упущено, и скорректировать, если что-то неправильно понято.

Таким образом, необходимо, прежде всего, корректировать организационную структуру системы управления образованием ХМАО – Югры.

Возникновению и упрочению внешних коммуникационных барьеров (между организацией и вышестоящими органами, между организацией и подведомственными ей учреждениями) также способствует несколько причин.

Одной из наиболее крупных проблем управления образованием на уровне окружного департамента является отсутствие у большинства руководителей структурных подразделений возможности выхода в Интернет, отсутствие электронных адресов и, соответственно, почтовых программ. Все структурные подразделения Департамента осуществляют связь с подведомственными учреждениями на местах, и невозможность связаться

с ними напрямую приводит к значительному сроку прохождения информации от места её возникновения до места потребления. Получением и отправкой электронных почтовых сообщений на весь Департамент занимается один специалист машбюро, входящего в состав отдела документационного, информационного и материально-технического обеспечения.

Из всех существующих видов телекоммуникационных систем (телеграфная связь, телефонная связь, радиосвязь, спутниковая связь, компьютерные сети) для связи с образовательными учреждениями на уровне районов ХМАО – Югры фактически используется только один – телефонная связь (факсимильная). Но необходимо отметить, что использование факсимильной связи связано с определёнными трудностями. Разбросанность сельских населённых пунктов по обширной территории автономного округа и, соответственно, удалённость их от районных центров требует хорошего качества связи. В настоящее время уровень телефонной, факсимильной связи не отвечает современным требованиям, в результате чего не всегда удаётся вовремя и в полном объёме довести информацию до конечных пользователей – образовательных учреждений.

Компьютерные сети задействованы недостаточно, т.к. образовательные учреждения, расположенные в сельской местности, по свидетельству специалистов Комитета по образованию Ханты-Мансийского района, не имеют выхода в Интернет.

Документы, содержащие информацию, не имеющую срочного характера, отправляются на места традиционной почтой. Этот способ связи тоже имеет свои проблемы, связанные с территориальной удалённостью населённых пунктов – с закрытием навигации доставка почты производится вертолетом, частота полётов которого напрямую зависит от погодных условий. Таким образом, в настоящее время именно факсимильная связь является наиболее доступным способом получения и доставки информации образовательным учреждениям, находящимся в населённых пунктах районов ХМАО – Югры. Но использование этого вида связи затруднено как объективными причинами (погодными условиями), так и субъективными (недостаточной обеспеченностью органов управления и учреждений образования техническими средствами управления: факсимильными и телефонными аппаратами, отвечающими современным требованиям, предъявляемым к средствам коммуникации).

Таким образом, в системе управления образованием Югры чётко прослеживаются два вида коммуникационных барьеров:

- 1) организационные коммуникационные барьеры;
- 2) технологические коммуникационные барьеры.

В качестве способов преодоления названных барьеров можно предложить корректировку организационной структуры, чёткое распределение обязанностей между сотрудниками; совершенствование технической базы и повышение уровня квалификации специалистов для работы с новыми средствами технического управления и более совершенным программным обеспечением.

В органы управления образованием автономного округа информация из внутренних и внешних источников поступает ежедневно. Поэтому разрушение коммуникационных барьеров является не просто положительным гуманитарным или психологическим фактором, но фактором, несомненно, реально влияющим на эффективность управления образованием на территории автономного округа.

Примечания

1. *Официальный веб-сайт* органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Режим доступа: <http://www.admhmao.ru/committe/frame.htm>.

С.Н. Ксенофонтова

ГАЗЕТА ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА «ALMA MATER» КАК ИНСТРУМЕНТ ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

В современных российских условиях эффективное функционирование организации невозможно без разработки внутрикорпоративной политики. При этом такие понятия, как имидж и внутрикорпоративные связи с общественностью (PR), выходят на первый план.

Внутренние PR представляют собой целенаправленное и структурированное информационное воздействие на персонал, призванное укрепить в его глазах имидж компании, а также управление мнением и поведением сотрудников по отношению к руководству, к собственно компании, к конкурентам [1. С. 181]. Одним из инструментов внутренних PR являются корпоративные издания.

Целью данного сообщения является определение основных характеристик внутрикорпоративного издания Томского государственного университета – газеты «Alma mater», и оценка его эффективности как средства публичных отношений.

Газета ТГУ имеет достаточно продолжительный исторический опыт: первый номер был издан в 1931 г. Современное название она получила в 1991 г. «Alma mater» в полной мере вписывается в фирменный стиль вуза (даже название связано с образом классического университета и вековых образовательных традиций).

Важным условием эффективности корпоративных изданий как инструмента PR является наличие четко сформулированной и обоснованной коммуникационной стратегии. В соответствии с моделями внутрикорпоративных PR можно выделить три коммуникативные стратегии: презентационная, манипуляционная и конвенциональная [2. С. 62].

На протяжении 2004–2005 гг. газета придерживалась презентационной коммуникационной стратегии: темы, которые поднимались на её страницах, были инициированы руководством вуза или управленцами среднего звена. Перед редакцией не вставали вопросы эффективности «обратной связи» с читателями, системы распространения, информационного наполнения и его соответствия интересам и потребностям читателей. Такое издание не выполняло истинного предназначения внутрикорпоративной газеты.

Однако в 2005–2006 гг. газета начала предпринимать попытки к изменению субъектно-объектной ориентации на более современную и соответствующую качественной прессе. Редакция привлекала к созданию материалов людей, которых общественность считает лидерами. Одной из основных задач вузовского издания стало установление постоянного контакта с ньюсмейкерами – частными лицами, готовыми оперативно откликаться на запросы журналистов газеты.

Важным этапом в процессе смены стратегии стало формирование обратной связи с читателями. Она устанавливается с читателями с помощью гостевой книги на сайте и электронной почты издания. Гостевая книга на сайте служит для того, чтобы читатели газеты имели возможность поделиться мнениями, оставить свои вопросы, замечания, предложения. Но при чтении сообщений встречаются темы, не связанные с деятельностью газеты. Такие сообщения наталкивают на постановку вопроса о создании студенческого форума либо на сайте газеты, либо на сайте университета. В настоящее время рубрики «Задай нам вопрос» в газете нет. Таким образом, средствами обратной связи являются только гостевая книга и электронная почта издания.

Практическая реализация коммуникативной стратегии обеспечивается на основании достижения предусмотренных ею целей и задач: информирование персонала о состоянии дел и планах; вдохновение успехом, мотивация; предупреждение кризисных ситуаций; обеспечение «обратной связи»; создание позитивного информационного фона.

На основе систематизации представленного в исследованиях различных авторов материала в качестве основных функций корпоративного издания можно обозначить следующие: информационная, мотивационная, посредническая и развлекательная [3. С. 34].

Позиционируя себя как корпоративное издание, «Alma mater» служит информированию вузовской аудитории, поддержанию в коллективе университета гордости и патриотических чувств по отношению к университету; выступает в роли трибуны, осуществляет связь между структурами и подразделениями ТГУ, освещает научную, образовательную, культурную и социальную сферы. Можно с уверенностью сказать, что газета выполняет информационную функцию – в каждом номере есть рубрика «События», где публикуются новости из жизни университета, факультетов, города и области, так или иначе связанные с учебной и научной деятельностью ТГУ [4].

Анализ публикаций свидетельствует о реализации «Alma mater» и других функций: мотивационной и, частично, посреднической. Мотивацион-

ная функция проявляется в отражении имиджа ТГУ и его ценностей на страницах газеты. Одной из составляющих имиджа является история университета, которая публикуется в специальной рубрике «Машина времени». Знания по 130-летней истории университета, которые студенты и преподаватели получают из газеты, способствуют формированию целостного представления о ТГУ, его роли в российском образовании, и, как следствие, гордости за «родной» вуз. Отражением посреднической функции являются материалы, в которых присутствуют отчеты и сообщения высшего руководства о проделанной работе или реализованных программах.

Не находит на страницах «Alma mater» должного воплощения развлекательная функция: есть материалы, посвященные спортивной и культурной жизни, но зачастую они сводятся к новостным и ориентированы в основной своей массе только на студентов. На наш взгляд, добавление статей, носящих развлекательный характер (курьезные случаи из жизни студентов и преподавателей, конкурсы, забавные иллюстрации и др.) может способствовать созданию позитивного информационного фона для всей университетской общности.

В целом, можно отметить, что газета выполняет свою информационную функцию. Однако возможности ее участия в формировании патриотических чувств по отношению к университету используются далеко не в полной мере. На данном этапе система рубрик, подача материала, дизайнерские решения не обеспечивают культивирование в коллективе чувства гордости за родной университет. Слишком много «избитых» заголовков, однотипных статей, повествующих не о реальных проблемах, а стремящихся показать ситуацию лишь с одной стороны (яркий пример – статьи о состоянии общежитий, где зачастую информация либо умалчивается, либо совершенно не соответствует реальному положению дел).

Сочетая в себе функции информирования, мотивации и посредничества, газета ТГУ «Alma mater» является средством представления университета для студентов, преподавателей и сотрудников. В материалах газеты прослеживается четкая ориентация на информирование и, за счет предоставления «нужной» информации, формирования у целевых групп позитивного образа университета. Вместе с тем анализ материалов газеты, а также результаты анкетирования студентов исторического факультета ТГУ, в котором приняли участие 70 респондентов, позволили выявить ряд существенных недоработок в решении задачи формирования имиджа ТГУ среди студентов: отсутствие эффективной системы обратной связи, слабая система ключевых сообщений, отсутствие четко выраженного корпоративного стиля в оформлении, преобладание журналистских жан-

ров над PR-текстами. Решение отмеченных проблем способно существенно повысить роль университетской газеты в системе внутрикорпоративных коммуникаций.

Примечания

1. *Тулчинский Г.* PR фирмы: технология и эффективность. М., 2001.
2. *Мендельбаум Я.М.* Коммуникативные стратегии корпоративной прессы // Журналистика в поисках моделей развития: Сборник статей научно-практической конференции. Томск: ФЖ ТГУ, 2006. С. 62.
3. *Лапина Е.В.* Особенности позиционирования внутрикорпоративной газеты // Коммуникация в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов «Журналистика, реклама и связи с общественностью: новые подходы» (ноябрь 2006 г.). Информационная система «Единое окно доступа к образовательным ресурсам». Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=24967
4. *Газета «Alma mater»* // Интернет-сайт ТГУ. Режим доступа: http://tsu.ru/Webdesign/TSU/core.nsf/structurl/publish_almamater

М.П. Шпагина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ОРГАНИЗАЦИЯХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Кадровое делопроизводство – это отрасль деятельности, документирующая трудовые отношения. Естественно, что для успешного функционирования организации состав кадровых документов должен быть полным и соответствовать требованиям действующего законодательства, а процесс работы с документами – скоординированным. Нарушения, допущенные при ведении кадровой документации, могут привести к проблемам внутри организации, например, к конфликту между работником и работодателем, трудовому спору. Если конфликт вовремя не будет урегулирован, он может выйти за пределы организации, и тогда в него будут вовлечены внешние участники, в частности, суд или государственная инспекция труда.

Особое внимание ведению кадровой документации необходимо уделять в связи с её высокой социальной значимостью. Кадровая документация служит основой для подтверждения работником своих прав на пенсионное обеспечение, на получение льгот.

Ведение кадрового делопроизводства является одной из функций службы управления персоналом организации, в небольших организациях – отдельного работника. Кадровую документацию необходимо сохранять и в архиве организации, чтобы в качестве документов по личному составу впоследствии использовать в интересах работников.

В реальной деятельности кадровые службы организаций не всегда справляются с теми функциями, которые они должны выполнять в системе управления персоналом организации, в частности это касается и функции ведения кадрового делопроизводства. При оформлении пенсий у многих граждан возникают проблемы именно из-за того, что кадровые документы в свое время велись неправильно или не полностью и в ненадлежащем виде поступили в архив организации.

Это подтверждает практика работы государственных архивов, и в частности, Государственного архива Томской области – учреждения, где хранятся и куда продолжают поступать на хранение документы по личному составу множества организаций, в разное время действовавших на территории Томской области. Сотрудники государственного архива ежедневно сталкиваются с проблемой подтверждения прав граждан на пенсионное обеспечение [1].

Почему возникают проблемы при ведении кадрового делопроизводства в организациях и как их решать? Где возникает сбой, на каком этапе работы с кадровой документацией? Одним из вариантов решения проблем может стать объединение опыта учреждения, работающего с кадровой документацией многих организаций, так сказать, «на выходе», с проблемами функционирования кадровых служб организаций, в том числе действующих в настоящее время. Аккумулируя опыт работы государственных архивов и материалы, представленные в публикациях специалистов по управлению персоналом, юристов, документоведов, можно сделать следующие выводы.

Наиболее частыми и явными симптомами неполадок в работе кадровых служб является наличие ошибок при ведении кадрового делопроизводства. Все ошибки такого рода условно можно разделить на несколько групп (называются большинством исследователей и указываются работниками государственных архивов) [2]:

1. Неполный состав кадровых документов.
2. Неправильное оформление кадровых документов, т.е. грубое нарушение требований делопроизводства (ГОСТ, утверждённых унифицированных форм и т.д.).
3. Неправильное документальное оформление основных процедур трудовых отношений (приём, увольнение, отпуск и т.д.).
4. Несоответствие содержания документов требованиям трудового законодательства (особенно при составлении локальных нормативных актов).

Чаще всего эти ошибки встречаются комплексно и выявляются в результате проверок организации, а также при возникновении трудовых споров и при исполнении социально-правовых запросов. Основными причинами, по которым возникают ошибки при ведении кадровой документации, можно назвать следующие:

1. Отсутствие у работников кадровых служб необходимых знаний по ведению кадрового делопроизводства, а также их правовая неграмотность.
2. Нестыковки в нормативно-методических документах, регламентирующих ведение кадрового делопроизводства [3].
3. Сознательное нарушение работодателем прав работника в целях получения выгоды от неправильного оформления трудовых отношений.

Большая часть этих причин связана с внутренними проблемами организаций. Таким образом, в деятельности кадровых служб организаций проявляет себя комплекс дисфункций, препятствующих эффективному ведению кадрового делопроизводства и как следствие – использованию кадровых документов для подтверждения прав граждан:

- неправильное ведение кадровой документации;
- проблема отбора персонала в кадровую службу и архив организации;
- отсутствие налаженного механизма подготовки, передачи кадровой документации в архив, что часто выражается в разрыве взаимодействия между кадровой и архивной службами организации.

Однако, всё это лишь следствие более глубокой проблемы, связанной с ответственностью руководителей организаций перед своими работниками, их непониманием или нежеланием понимать социальную значимость кадровой документации. Причиной этого может быть отсутствие видения будущего своей организации, перспектив её развития и понимания её миссии в обществе, забота лишь о сиюминутных оперативных интересах, связанных с выживанием и получением прибыли в нестабильной внешней среде. Отсюда и отношение руководителей организации к своим бывшим работникам как к отработанному ресурсу. Всё это находит отражение в кадровой политике организаций. Играет роль и правовая неграмотность самих работников, привычка всё пускать на самотёк, надежда на «авось».

Таким образом, решение проблем лишь частично находится в компетенции службы управления персоналом, во многом зависит от позиции руководства организации. Здесь влияние на руководство организаций должно оказывать государство через свои контролирующие органы, а также сами работники, которым необходимо занять более активную позицию по защите своих прав.

Служба управления персоналом, как связующее звено между работодателем и работниками, должна в своих действиях соблюдать баланс интересов сторон и не допускать в своих действиях нарушений, провоцирующих конфликт и ущемление прав какой-либо из сторон [4. С. 96].

Среди рекомендаций службе управления персоналом можно выделить основные:

- регулярно повышать уровень профессионального образования персонала кадровой службы организации,
- осуществлять контроль соответствия уровня образования работников требованиям занимаемой ими должности,
- при отборе персонала обращать внимание на знание кандидатами нормативных документов по ведению кадрового делопроизводства и архивному делу,
- обеспечить постоянный доступ кадровой службы к правовой и методической информации,

- проводить внешний и внутренний кадровый аудит, обращая внимание на полноту состава локальных нормативных актов, а также наличие в них положений, регулирующих ответственность за подготовку и передачу кадровых документов в архив,
- назначить сотрудников, ответственных за подготовку и передачу кадровых документов в архив организации,
- установить сроки передачи кадровых документов в архив организации и обеспечить контроль за их соблюдением, а также за качеством подготовки документов для архивного хранения.

Примечания

1. *Демидова В.А., Караваева А.Г.* В архив за справкой // Государственный архив Томской области. Томск, 2005. Режим доступа: <http://gato.tomica.ru/publications/archive/2005karavaeva2>

2. *Касьянов А.В.* Проверка компании: милиционеры, налоговики, трудовая инспекция. Тактика поведения / Под ред. А.В. Касьянова // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. (715 кб). М.: АО «Консультант Плюс», 2008. Режим доступа: Компьютер, сеть ОГУ ГАТО, свободный.

3. *Краснов В.В.* Личные дела сотрудников: ведение, оформление, учет // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2006. № 7 // Гарант: справочная правовая система. Сетевая версия. М.: Гарант-Сервис, 2006. Доступ из локальной сети ОГУ ГАТО.

4. *Кибанов А.Я.* Основы управления персоналом: Учебник. М.: ИНФРА–М, 2006. 306 с.

А.В. Савельева

**ОФОРМЛЕНИЕ РЕБЁНКА
В ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ:
ДОКУМЕНТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

В настоящее время одной из главных задач государственной и муниципальной властей стало вовлечение большего числа детей в систему дошкольного образования. В ХМАО – Югре в 2008/2009 учебном году насчитывалось около 120 тыс. детей в возрасте от 1 года до 6 лет, из них общественным дошкольным воспитанием было охвачено только 53%. Остальные дети дошкольного возраста находятся в очереди на получение места в детском саду [1].

В ХМАО – Югре система дошкольного образования представлена 418 дошкольными образовательными учреждениями, из которых 324 находятся в муниципальной собственности. В образовательном пространстве округа имеются и национальные дошкольные учреждения (всего 36), в которых увеличивается число групп воспитанников, изучающих родные языки [1]. Однако такое количество дошкольных учреждений недостаточно для решения проблемы обеспеченности местами в детских садах. Документационное обеспечение порядка приема детей в дошкольные учреждения не отработано ни на уровне руководства округа, ни на местах.

Документирование процесса приёма ребенка в дошкольное образовательное учреждение включает сбор и представление руководителю детского сада документов, перечень которых имеется в «Положении о порядке приёма детей и комплектования детьми дошкольного возраста муниципальных дошкольных образовательных учреждений всех видов и дошкольных групп муниципальных образовательных учреждений района» [2]. В их число входят: заявление о приёме ребёнка в образовательное учреждение; копия свидетельства о рождении ребёнка (с вкладышем, подтверждающим гражданство РФ); справка с места жительства или другой документ, в котором определен адрес фактического проживания ребёнка; для льготной категории граждан – документы, подтверждающие льготу [2].

Существует также перечень специальных документов, которые должны предоставить руководителю дошкольного образовательного учреждения беременные женщины и родители, способные оказать спонсорскую помощь детскому саду, для постановки ребенка на очередь [3].

Беременным женщинам рекомендуется собрать пакет документов, включающий не только заявление родителей установленного образца и справку с места жительства, но и справку, подтверждающую факт беременности.

Родителям, оказавшим спонсорскую помощь дошкольному учреждению в размере, составляющем не менее годовой суммы содержания ребёнка в детском саду, необходимо оформить договор или акт выполненных работ, а также представить финансовые документы, подтверждающие постановку на учёт детского сада предоставленных материальных ценностей [3].

На основании этих документов руководитель учреждения регистрирует ребёнка в журнале очерёдности предоставления детям мест в дошкольном образовательном учреждении, форма которого утверждается начальником Управления образованием отдельного района.

Руководитель обязан проинформировать родителей о наличии места и выписать путевку для приема ребёнка в детский сад, которая выдается один раз и хранится в личном деле воспитанника. Её бланк имеет единую форму и является документом строгой отчетности [4. С. 32].

Родители ребёнка в течение 15 дней с момента выдачи руководителем дошкольного учреждения путёвки должны письменно обратиться с заявлением о зачислении ребёнка в детский сад и предоставить в медицинский кабинет медицинское заключение о состоянии здоровья будущего воспитанника [5].

Процесс документационного оформления ребёнка в дошкольное образовательное учреждение имеет ряд проблем.

Первой проблемой является не отработанный процесс документирования очерёдности в детских учреждениях. В результате распространённым явлением стало получение места по знакомству или с помощью подкупа должностных лиц. В настоящее время процесс документирования очерёдности фиксируется в журнале дошкольного учреждения, который находится у руководителя детского сада. Доступ к журналу имеет только руководитель учреждения, что создаёт трудности для отслеживания распределения очереди родителями.

Основным методом решения данной проблемы может стать внедрение электронной программы «Автоматизация очерёдности в дошкольные образовательные учреждения для муниципальной и региональной системы управления образованием», на основании которой может быть разработан механизм отслеживания очерёдности в детском саду. Он заключается в том, что, получив необходимые документы от родителей, руководитель дошкольного учреждения вносит Ф.И.О родителей и ребёнка в информа-

ционную систему и пересылает данные в органы управления образованием, где эти данные обрабатываются и вносятся в свою базу данных. Каждый родитель по электронной почте или лично получает свой пароль для пользования системой и просмотра состояния очередности.

Введение такой системы очередности позволит устранить взяточничество и «очереди без очереди» в деятельности органов образования, поскольку работникам детских садов невозможно станет изменить очередь, так как списки будут формироваться в самой информационной системе при органах управления образованием.

Проект внедрения данной электронной программы был разработан студенткой 5 курса Нижневартковского государственного гуманитарного университета А.М. Омельченко, обучающейся по специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» (руководители проекта к.и.н., доцент кафедры документоведения и всеобщей истории М.В. Угрюмова и к.т.н., доцент кафедры информатики Б.М. Махутов). Его разработчики выиграли конкурс молодёжных проектов, стимулирующих гражданскую активность обучающихся, проводившийся комитетом по молодежной политике ХМАО – Югры, и были удостоены награды президента РФ.

Вторая проблема связана с информационной обеспеченностью родителей о документационном оформлении ребёнка в детский сад. В настоящее время отсутствует технология процесса документирования извещения родителей о процедуре постановки ребёнка на очередь в дошкольное учреждение, о продвигании очереди, о сроках подачи заявления о зачислении ребёнка в дошкольное учреждение и т.д.

Использование современных информационных технологий для решения насущной проблемы, связанной с обеспеченностью мест в дошкольных учреждениях, позволит эффективно решить проблему.

Примечания

1. *Официальный веб-сайт* органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Режим доступа: <http://www.admhmao.ru>, свободный.

2. *Положение* о порядке приёма детей и комплектования детьми дошкольного возраста муниципальных дошкольных образовательных учреждений всех видов и дошкольных групп муниципальных образовательных учреждений района: утв. постановлением главы Нижневартковского района от 5 апреля 2007 г. № 308.

3. *Устав* муниципального дошкольного образовательного учреждения № 45 г. Нижневартовска. Нижневартовск, 2005.

4. *Комарова Е.С.* Как оценить работу детского сада. 2-е изд. М., 2006.

5. *Типовое положение* о дошкольном образовательном учреждении, утверждённое постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июля 1995 г. № 677.

В.А. Скопа

**К ПРОБЛЕМЕ ИНСТРУКЦИОННОГО РУКОВОДСТВА
ПО ЗАПОЛНЕНИЮ ПЕРЕПИСНЫХ И АНКЕТНЫХ ФОРМ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТИСТИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.)**

Во второй половине XIX в. документационное обеспечение социально-экономической и государственной деятельности стало приобретать унифицированный статус. Характерно это было как для государственного делопроизводства, так и для всего текущего.

Со второй половины XIX в. запросы общества и государства требовали не только системно скомплектованного статистического материала от существующей статистической системы, но и как можно более точного, а это во многом зависело от подготовительных работ и установочной деятельности. Учитывая многочисленные сложности, с которыми сталкивалась статистическая система Томской губернии (нехватка денежных средств, в отдельных случаях – времени, отсутствие высокого профессионализма у статистических работников), приходилось вести длительную подготовительную работу, которая в большинстве своём сводилась к разработке и разъяснению инструкций по организации и проведению статистических обследований с целью правильного заполнения переписных форм.

Чаще всего инструкционное руководство статистической кампании включало в себя общие положения, в которых прописывался сам механизм статистических обследований и частные рекомендации, где особое внимание уделялось правильности заполнения статистических форм: внесению цифровой и словесной информации. В отдельных случаях прописывалась последовательность действий счётчика. При необходимости статистикам либо счётчикам выдавались заполненные формы как образец, дабы избежать неточности.

Так, инструкционные руководства однодневных переписей г. Томска 1880 г. и г. Барнаула 1895 г. подробнейшим образом прописывали механизм действия счётчиков. Им предлагались планы городских участков, бланки, инструкции и списки домов по округам. Согласно инструкции по однодневной переписи г. Томска, каждый счётчик приготавливал список всех домов своего участка, а затем сверял его со списком окружного распорядителя, чтобы избежать неточности и расхождения [1. С. 41]. В спи-

сках обозначались улица, номер дома, фамилия владельца, а если имелись сведения, то и номер владения по городским окладным книгам.

Более подробным и содержательным являлось инструкционное руководство по однодневной переписи г. Барнаула 1895 года. Инструкция счётчикам определяла их действия на весь период мероприятия. В силу того, что перепись проходила 12, 19, 26 марта 1895 г., действия счётчиков прописывались по периодам – до 12 марта, с 12 до 15 марта, 19 и 26 марта. До 12 марта счётчики изучали инструкции, которые поясняли, как должны заполняться домовая, квартирная и личная карточки. Стоит отметить, что помимо общей инструкции, к каждой карточке были разработаны свои правила заполнения, с учётом её специфики. В период с 12 по 15 марта действия счётчиков определялись настоящей инструкцией, где указывался механизм последующей сверки с целью выяснения пробелов и неточностей [2. Л. 22–37]. Во второй день переписи – 19 марта – счётчики в соответствии с инструкцией обходили квартиры своего участка и составляли поквартирные карточки. 26 марта счётчики осуществляли повторный обход, и, если возникала необходимость, вносили корректировки. Инструкционное руководство определяло не только правильность записи, но и то, как нужно зачеркнуть или дописать – это относилось к сведениям «о вновь прибывших или постоянно выбывших» и т.д.

Отдельно в инструкционных руководствах обращалось внимание на вежливое и терпеливое отношение к опрашиваемому населению. В случае необходимости в инструкции была памятка: «разъяснять всем и каждому, кто пожелает, а за неграмотных или затрудняющихся писать, листки с надлежащими ответами заполнить со слов жителей» [1. С. 41–42]. Данное пояснение счётчикам было далеко не исключением для одной переписи.

Инструкционные руководства были необходимы не только счётчикам, осуществлявшим сбор статистических данных во время переписных кампаний, но и для точного формирования данных в период сбора сведений по отправным листкам. Примером такого мероприятия являются книжки сельскохозяйственных статистических сведений по Алтайскому округу.

Учитывая масштабность территории, с одной стороны, и малочисленность Статистической партии в Алтайском округе – с другой, было решено формировать сельскохозяйственные статистические сведения по опросным и переписным листкам, высылаемым на местность. Это были посезонные сельскохозяйственные дневники, которые требовали внимания и времени, а главное – правильности заполнения, поскольку это являлось статистическим показателем посезонных и годовых работ.

Во избежание неточностей в начале каждого дневника прописывалась подробная инструкция, где определялись этапы заполнения переписных листов. На первой странице дневника прописывалось: «сведения корреспондентов полезны Статистическому отделению только в том случае, если они своевременно составляются и своевременно высылаются, а заполнение производится не сразу всех листов перед отправкой книжки, а каждый листок в своё время» [3. Л. 2]. Данная инструкция была необходима по причине отсутствия на местах постоянных статистиков или невозможности их периодического пребывания с целью контроля и проверки заполнения статистических форм. В инструкционном руководстве далее отмечалось: в случае «небрежного заполнения или позднего поступления представленные формы не приносят никакой пользы» [3. Л. 2–3].

Учитывая посезонный вид работы, Статистическая партия Алтайского округа старалась привлечь либо иметь практически в каждом селении корреспондента, а то и не одного. С этой целью на первых страницах сельскохозяйственного дневника прописывалось обращение, где указывалось, что «Статистическому отделению нужны корреспонденты в разных селениях волостей, при этом желательно, чтобы корреспонденты были во всех сторонах каждой волости» [3. Л. 3–4]. Стоит отметить, что данное содержание инструкционного руководства имело свои положительные результаты. А это, в свою очередь, обеспечивало бесперебойное комплектование статистического материала по округу, его обработку и представление.

Таким образом, сложности в организации и проведении статистических мероприятий, а также потребность в правильном, адекватном формировании статистического материала, от качественной стороны которого зависело многое, приводили к необходимости разработки многочисленных инструкционных руководств и предварительной подготовки.

Примечания

1. *Костров Н.А.* Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 г. – Томск, 1880.
2. *Центр хранения* архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 81. Оп. 1. Д. 10.
3. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5778.

А.Д. Протасов

**УНИФИКАЦИЯ ДОКУМЕНТАЦИИ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ РАБОЧИХ В РАМКАХ ЗАКОНА
ОТ 2 ИЮНЯ 1903 г. «О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ПОТЕРПЕВШИХ
ВСЛЕДСТВИЕ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ РАБОЧИХ...»**

Многие комплексы документов содержат социальную информацию, и ярким примером этого является отечественная документация по социальной защите трудящихся дореволюционного периода.

Тема социальной защиты рабочих, пострадавших от несчастных случаев, хорошо исследована с точки зрения исторической, юридической и других наук, но она представляет интерес и для документоведов. Это обусловлено тем, что анализ видового состава, функционального назначения и требований к оформлению документов способствует более точному определению цели их создания и внедрения. Учитывая то, что их разработка велась государственными органами, результаты проведения такого анализа, возможно, помогут дать более полное представление об отношении правительства Российской империи к данной проблеме.

Конец XIX – начало XX в. стали временем зарождения в ряде наиболее промышленно развитых стран Европы (Австрия, Германия и др.) практики государственного регулирования социальной защиты трудящихся. Этот процесс был связан с бурным развитием промышленного производства, что вело к росту количества занятых в нём людей, и применением всё более усложняющихся механизмов и техники, а соответственно, увеличением случаев травматизма на рабочем месте. В Российской империи первым шагом в данной сфере деятельности, а соответственно и в формировании новой системы документации, стало издание в 1903 г. закона, утвердившего Правила «О вознаграждении потерпевших...» (далее Правила о вознаграждении) [1]. Правила закрепили за владельцами частных фабрик и заводов обязанность компенсировать рабочим потерю трудоспособности, а в случае смерти пострадавшего – выплачивать материальное вознаграждение членам их семейств. Надзор за соблюдением установленных ими норм был возложен на Фабричную инспекцию. Правила о вознаграждении определили процедуру регистрации факта, обстоятельств и последствий происшествия, а также наименования оформляющих их документов. Так, узнав о происшествии, владелец или заведующий предприятием должен был немедленно послать извещения по форме № 1 Фабричному инспектору (далее ФИ) и полицейскому чину, к компетенции которого было отне-

сено составление протоколов. После этого все обстоятельства происшествия записывались в Шнуровую книгу регистрации несчастных случаев (далее Книга). Для пострадавшего рабочего своевременное извещение соответствующих органов о происшествии, а также фиксация всех существенных обстоятельств и последствий несчастного случая имели очень важное значение, т.к. от этого напрямую зависели как сама возможность получения вознаграждения за травму, так и суммы выплат.

В декабре 1903 г. Главным по фабричным и горнозаводским делам Присутствием были изданы Правила для извещений о несчастных случаях и книг для их записи (далее Правила), установившие: обязательные к применению унифицированные формы документов (далее УФД); требования к формату, плотности и цвету бумаги; оформлению; хранению и срокам отправки соответствующим должностным лицам [2]. В частности, были закреплены три формы извещений о несчастных случаях и Книга для их регистрации, состоящая из двух частей.

УФД извещений изготавливались типографским способом. Сведения, необходимые для их оформления, располагались на обеих сторонах документа. На каждом извещении обозначались: наименование вида документа; указание на номер формы (Форма № 1, 2 или 3), а также регистрационный номер, единый для всех документов, относящихся к одному происшествию, и соответствующий номеру, под которым оно записано в Книге. Предусматривалось внесение переменной информации в УФД от руки владельцем или заведующим предприятием. Примечательно то, что на каждой УФД под наименованием вида документа располагались требования к срокам отправки соответствующей формы должностным лицам и указание на санкции, в виде денежного штрафа, за их несоблюдение. Все УФД извещений должны были содержать следующие сведения: адресат; наименование, местонахождения заведения и информацию о владельце; данные о потерпевшем; время происшествия и существенные сведения о нём; последствия несчастного случая; перечень свидетелей.

УФД № 1 имела наименование «Извещение о несчастном случае» и изготавливалась на плотной бумаге белого цвета, формата четверти листа писчей. После получения указанной формы ФИ вносил дату получения документа ниже указания на номер формы, а также, по получении форм № 2 и 3, даты их получения, что позволяло осуществлять контроль за своевременностью предоставления сведений фабрикантами. В соответствии с циркуляром от 10 апреля 1914 г., извещения по форме № 1 предназначались для подсчёта происшествий, а также позволяли ФИ судить о том, насколько происшествие требует с их стороны личного рас-

следования, и соблюдаются ли владельцами меры предосторожности на предприятиях [3. С. 148–149].

Извещение по форме № 2 представляло собой УФД с текстом в виде анкеты с элементами таблицы и имело наименование – «Извещение о потерпевшем от несчастного случая». УФД изготавливалась на плотной белой бумаге размером полулиста писчей и составлялась по данным полицейского протокола и медицинского свидетельства. Предусматривалась отправка УФД ФИ не позднее трёх дней после составления указанных документов [2. П. 3].

Извещение по форме № 3 представляло собой УФД с текстом в виде анкеты и имело заголовок – «Об исходе повреждения от несчастного случая». УФД изготавливалась на плотной жёлтой бумаге, размером четверти листа писчей, оформлялась на основании медицинских свидетельств и отправлялась ФИ не позднее трёх дней после удостоверения соответствующими документами: смерти пострадавшего; окончания лечения и восстановления его трудоспособности; установления постоянного характера утраты работоспособности [2. П. 4]. Вдоль линии, ограничивающей левое поле УФД, с наружной её стороны, располагалась надпись «Сообщать по данным медицинских свидетельств», оформленная жирным шрифтом.

На Формах № 2 и № 3 извещений имелась надпись «Писать чётко и разборчиво». Вероятно, это было связано с тем, что помимо предоставления ФИ сведений о последствиях происшествий, данные УФД являлись также источником для разработки статистики несчастных случаев и к их оформлению и содержанию предъявлялись более строгие требования. С учётом опыта применения перечисленных УФД, для разъяснения наиболее часто повторяющихся ошибок при их оформлении Отделом Промышленности издавались Циркуляры, например: Циркуляр № 6519, уточнявший порядок заполнения пунктов 3 и 4 Извещения № 3 [4].

В соответствии с Правилами о вознаграждении в каждом предприятии обязательно должна была вестись запись в особой книге всем случаям смерти и телесных повреждений [1. П. 29]. Регистрация несчастного случая, с указанием точного времени, данных о пострадавшем, сущности повреждений, решений о вознаграждении и производстве выплат, фиксировалась в Шнуровой книге о несчастных случаях. Название Книги связано с тем, что она должна была быть прошнурована и представлена к скрепе и проставлению оттиска печати подлежащему ФИ. Книги имели обложку, содержащую наименование вида документа с указанием её части и заголовка, места для проставления регистрационного номера и ограничительных линий для внесения информации о названии, месте находке-

ния и владельце предприятия. Текст документа унифицирован и представлен в виде анкеты с элементами таблицы. Предусматривалось оформление переменной информации с лицевой и оборотной сторон листа от руки владельцем или заведующим предприятием. Нумерация страниц Книги велась последовательно в рамках одного дела, т.е. оформление каждого несчастного случая начиналось с листа № 1, с обязательным указанием регистрационного номера происшествия. В случаях недостатка места для оформления необходимых сведений в какой либо графе, продолжение записи переносилось в соответствующую графу следующего листа, при этом на обоих делались отметки о переносе.

В первой части Книги, имевшей заголовок «Запись несчастных случаев и относящихся к ним документов», фиксировались факт и обстоятельства несчастного случая, с приложением всех относящихся к делу документов. На оборотной стороне каждого листа 1-й части книги, в нижнем поле документа, имелась надпись следующего содержания: «Счёт уплаты вознаграждения находится во второй части сей книги на листах (страницах) №№...».

Вторая часть Книги имела заголовок «Счета по уплате вознаграждения потерпевшим и членам их семей» и предназначалась для фиксации выполнения обязательств по вознаграждению пострадавших [1. П. 29]. В ней указывались сведения – кому, как (почтовым переводом или лично в руки) и когда были произведены компенсационные выплаты, за подписью получателя, а также итоговая запись всех выданных денежных сумм.

Таким образом, уже к 1904 г. в ведомствах, контролировавших деятельность по социальной защите пострадавших рабочих, в кратчайшие сроки был разработан обязательный к применению комплекс УФД. Уже само приведение к единообразию, продуманность функционального назначения (а данные формы документов применялись без изменений вплоть до 1917 г.) и требований к оформлению, говорит о том большом значении, которое придавалось развитию данного вида деятельности в Российской империи. Необходимо отметить установление в рассматриваемых документах единого состава обязательных реквизитов. Содержание в УФД требований к оформлению и времени их отправки, с указанием санкций за их несоблюдение, позволяет говорить о направленности данных документов на защиту интересов пострадавших рабочих.

Таким образом, издание в 1903 г. Правил о вознаграждении явилось первым шагом к введению на территории Российской империи системы обязательного страхования рабочих от несчастных случаев (что и было закреплено в страховых законах 1912 г.), а также и к унификации приме-

няемых в данной сфере деятельности документов, изучение которых позволит глубже понять происходившие в исследуемый период социальные процессы.

Примечания

1. **Закон** «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности». Утв. 2 июня 1903 г. // СУиРП. СПб. Отд. I. 2-е полугодие. № 81. Ст. 912.

2. **Правила** для извещений о несчастных случаях и книги для записи этих случаев. Утв. 13 декабря 1903 г. // СУиРП. СПб. Отд. I. 2-е полугодие. № 134. Ст. 205.

3. **Циркуляр** Отдела Промышленности от 10 апреля 1904 г. № 5205 «О порядке доставления и хранения листов извещений о несчастных случаях» // Сборник правил и распоряжений по Фабричной инспекции. Министерство Торговли и Промышленности. Отдел Промышленности. Пг., 1914. С. 148–150.

4. **Циркуляр** Отдела Промышленности от 13 апреля 1907 г. № 6519 «О порядке заполнения листка форма № 3 извещений о несчастных случаях» // Сборник правил и распоряжений по Фабричной инспекции. Министерство Торговли и Промышленности. Отдел Промышленности. Пг., 1914. С. 150–151.

Е.А. Залипаева

**О ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ТЕРМИНА «ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО»
В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1920-е гг.**

Живя в современном мире, мы часто не задумываемся, как происходило становление многих понятий, привычных для нас слов в делопроизводстве. Слово «делопроизводство» появилось несколько веков назад и означало «дело производить» (делать дело), т.е. решать вопрос. Исследуя литературу 1920-х гг., а именно, журналы «Техника управления» и «Хозяйство и управление», можно убедиться, что на самом деле не так всё было просто.

В этих изданиях должное место отводилось публикациям не только о создании органов ведомственной и вневедомственной рационализации, проводимым мероприятиям (внедрению различных систем делопроизводства, механизации труда конторских служащих), но и широко рассматривались вопросы терминологии делопроизводства. Так, один из авторов журнала «Техника управления» Н. Левинсон, исследуя привычный для нас термин «делопроизводство», рассмотрел различные его определения в работах многих авторов своего времени (П. Отле, В.И. Мейльмана, проф. А. Добровольского, Р.С. Майзельса и др.) и не увидел, чтобы кто-нибудь из них дал точное определение этого термина. Например, главный редактор журнала «Система и организация», автор многочисленных публикаций по делопроизводству Р. Майзельс «делопроизводство» понимал как действия, включающие все операции по конкретному оформлению работы в учреждениях, не исключая всех устных и символических действий» [1. С. 24]. Главным элементом делопроизводства он считал движение, от которого зависит весь темп работы учреждения. Профессор А. Добровольский под делопроизводством понимал «закрепление на бумаге отдельных элементов в движении дел и письма между учреждениями. А также порядок и способы производства находящихся в учреждении дел, непосредственно связанные с самим существом последних (вступление дела, движение, момент распоряжений по делу, движение дела к органу, имеющему право распоряжения по этому делу и т.д.)» [2. С. 15].

Н. Левинсон полагал, что «никакого определения не нужно. Его просто надо отбросить как анархизм вредный, не нужный, опасный, так как он прикрывает бедность, неясность и незаконченность мысли» [1. С. 24]. Как видим, он предлагал удалить это понятие из оборота управле-

ния, так как оно слишком широко истолковывалось и применялось к тем понятиям, к которым не имело никакого отношения.

С ним не соглашались другие авторы. В частности, М. Фурман писал: «...Упразднить термин делопроизводство потому, что он может быть широко истолкован – это несерьёзно. Его надо сохранить, так как он не мешает теоретической работе над вопросами делопроизводства, необходимо лишь установить его границы, чтобы многие рационализаторы не понимали его слишком широко» [3. С. 12]. Для того, чтобы лучше понять и определиться с данным термином, предлагалось рассмотреть делопроизводство как производственный процесс: «Делопроизводство тоже можно разбить на части, как и производство, разделить на операции, каждую из которых выполняет конкретный работник. Продуктом такого производства будет деловая бумага или дело, а основным материалом – мысли, составляющие содержание» [3. С. 12]. После этого многим делопроизводителям, по мнению другого автора, Ю. Тиличеева, «раскроется сущность делопроизводства, которую они не понимали, или понимали слишком широко. Сущность же делопроизводства заключается в материальном оформлении в деловых бумагах деятельности учреждений и должностных лиц» [4. С. 9].

К концу 1920-х гг. под делопроизводством понимали следующее: «Делопроизводство есть совокупность технических действий, производимых над деловыми бумагами безотносительно к сущности и тексту деловых бумаг. Именно действие над деловыми бумагами, а не действие по деловым бумагам, так как последнее выражение может навести мысль об исполнении требований, запросов и т.д., изложенных в бумаге, что уже выходит за пределы чисто технической работы над деловыми бумагами» [3. С. 12].

Спустя много десятилетий определение М. Фурмана и Ю. Тиличеева продолжает существовать. «Делопроизводство» определяется как специфическое направление деятельности, которое заключается в составлении, оформлении документов, их обработке и хранении. От того, насколько правильно документ составлен и оформлен и как хорошо организована работа с ним, во многом зависит своевременность и правильность принятия управленческого решения. В документах отражается и учитывается деятельность учреждений, поэтому организация и ведение делопроизводства требует в современных условиях профессиональных навыков и знаний.

Таким образом, исследование основных подходов к определению понятия «делопроизводство» остаётся актуальным и для изучения современных процессов документирования управленческой деятельности.

Примечания

1. *Левинсон Н.* Что же такое делопроизводство // Техника управления. 1926. № 11.
2. *Добровольский А.* Система децентрализации в центральном аппарате НКПС // Техника управления. 1927. № 6.
3. *Фурман М.* К дискуссии по поводу делопроизводства // Техника управления. 1927. № 1.
4. *Тиличев Ю.* Производительная трактовка учреждений и делопроизводства // Техника управления. 1926. № 12.

В.В. Миркин

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ФАКТОР ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1920–1930-е гг.)

Восстановительный период и годы первых пятилеток в Западной Сибири ознаменовались стремительным развитием электрической связи. Связь не случайно называют «кровеносной системой» любой страны, ибо вполне очевидно, что без почты, телеграфа, телефона и т.д. ни страна в целом, ни регион в отдельности существовать не могут. Между тем история электросвязи и радио в Сибири не часто привлекала внимание исследователей. Из немногочисленных авторов, занимающихся изучением этой темы, можно назвать лишь О.Я. Потапову, О.Я. Цветкову, Н. Рукина, В.З. Нилова и некоторых других.

К началу 1920-х гг. из имевшихся в России учреждений связи 80% находились в европейской части страны. Обширные пространства Сибири были почти лишены почтовых учреждений. Отсутствие развитой сети связи в крае объясняется, в первую очередь, его невероятной экономической отсталостью.

Создание, развитие и функционирование экономики зарождавшегося в начале 1920-х гг. Советского государства было невозможно без постоянного взаимного обмена между промышленным и аграрным секторами хозяйства, между горожанами и крестьянами. Поэтому жизненно необходимо было использование наиболее совершенных средств связи между частями промышленного и сельского производства, группами людей, занятых в производстве, между руководящими органами и всеми участниками хозяйственного процесса.

Коренное преобразование народного хозяйства Западной Сибири намечалось уже по плану ГОЭЛРО и развернулось в годы первых пятилеток. Темпы индустриального строительства непрерывно нарастали. Быстрый рост промышленного производства потребовал роста средств связи. Интенсивное переустройство деревни потребовало быстрого распространения средств связи на селе. Развёртывание индустриализации обусловило необходимость регулярной связи между городами, между городом и волостным (районным) центром, между последним и сельсоветом.

В волостных (районных) центрах уже с 1923 г. постепенно открываются почтовые учреждения, организуется внутрирайонная передвижная почта. Благодаря учреждению передвижной почты к концу 1927 г. вне почтовой сети в Западной Сибири остались только пункты с небольшой

численностью населения. Более широкое распространение получают телефон и телеграф. К 1927 г. в Сибири насчитывалось 540 телеграфных станций, обрабатывавших за год до 3 млн телеграмм [1. С. 640].

С 1924 г. появились междугородные и сельские телефонные линии. Активно развивалась внутригородская связь. Для Сибирского края проблема развития городского хозяйства в целом и обеспечения его необходимыми средствами связи – в частности являлась особенно острой и трудной как в силу чрезвычайной отсталости этого хозяйства, так и по причине весьма быстрого роста сибирских городов и городского населения. Крупных городских центров, имевших более-менее сложившееся коммунальное хозяйство и развитую сеть связи, в крае было пять – это бывшие губернские центры. В них еще в дореволюционный период были заложены основные элементы городского хозяйства. В остальных же городах, прежде всего в создававшихся за короткие сроки в местах крупных промышленных строек, инфраструктуру приходилось создавать практически с нуля, в том числе достаточно эффективную сеть связи.

Особое внимание в рассматриваемый период уделялось вопросам радиостроительства и радиовещания в крае. В 1920-е гг. в Западной Сибири началось внедрение радиосвязи. Были построены 3 передающие станции мощностью 6,4 кВт. Новосибирская станция была предназначена для ретрансляции передач из Москвы по всей Сибири. Бурными темпами развивалось радиодело в Томске, Омске, Новосибирске.

Большое влияние на популяризацию радио среди населения Сибири оказало общественное движение радиолюбителей, развернувшееся в 20-е гг. в Омске, Барнауле, Томске, Новониколаевске и других городах. На 1 января 1926 г. по Сибири насчитывалось 1794 радиоустановки, из них 338 громкоговорителей имелись в клубах, избах-читальнях, красных уголках [2. С. 38].

Радио очень быстро стало проникать в деревню, получая поддержку крестьянства. В своих письмах крестьяне, в частности, настойчиво просили научить их как жить сейчас, «а не при социалистическом рае». Очагами радиорботы в деревне являлись изба-читальня, школа, дом крестьянина (заезжий дом), чайная, комитеты взаимопомощи и др. Организаторами радио в деревне выступали избач, учитель и комсомольская организация. Суть наиболее распространённой формы радиопропаганды на селе заключалась в следующем. В том случае, когда радиоустановка имелась в избе-читальне или школе, избач или учитель записывал краткое содержание радиопередачи в часы, когда не было коллективного радиослушания, а затем записанное вывешивал на видном месте для ознакомления односельчан. Таким образом, жители деревни до получения газет (а они

приходили с опозданием от 2 до 10 дней), получали самую свежую информацию о событиях внутренней жизни страны и международной обстановки.

В раннюю пору радиовещания широкое распространение получили рабочие, крестьянские и другие радиогазеты. При наличии ограниченных тиражей печатных газет (недостаток бумаги и почти всеобщая неграмотность населения) радиогазеты приобретали особо важное значение.

В ноябре 1931 г. вступила в строй одна из четырех самых крупных радиостанций страны в Новосибирске – РВ-76 мощностью 100 кВт [3. С. 213]. Были построены местные станции и узлы на Алтае (Улала) в 2 кВт, в Хакасии в 1,2 кВт и установлены 20 районных приёмопередающих коротковолновых радиостанций. Ставился вопрос о строительстве более мощных станций в Омске, Барнауле, Томске. Увеличение общей мощности радиостанций в крае позволило значительно расширить сеть радиосвязи и радиовещания. На 1 января 1932 г. насчитывалось 109 трансузлов и 34 922 радиоточки [1. С. 642]. В их числе станция в Новокузнецке, Ленинске, радиоузлы в Ойрот-Туре, в аймаках Горного Алтая Онгудай и Турочак. В последующие годы вступила в строй станция РВ-83 в столице Горного Алтая, радиоузлы в Эликманаре, Шебалино, Кош-Агаче, Улагане на Алтае [4. С. 153]. Положение радиосвязи резко изменилось с открытием возможностей практического использования коротких волн. Особые свойства этого диапазона, обнаруженные радиолюбителями в самом начале 1920-х гг., привлекли к себе внимание многих радиоспециалистов. Оказалось, что при незначительных мощностях передатчиков связь на коротких волнах можно устанавливать на громадных расстояниях. Первой передающей коротковолновой станцией в Сибири стала станция ТУК (Томск. Университет – короткими) в Томске [5].

В отличие от промышленности и сельского хозяйства, связь не производит новые материальные ценности. Однако обязательным условием производства является потребление средств связи. К примеру, осуществление проекта Урало-Кузнецкого комбината было бы невозможно без применения развитых средств связи и транспорта.

Интенсивное развитие средств связи имело огромное значение для ускорения темпов индустриального строительства в Западно-Сибирском регионе, урбанизации края, для расширения экономического и культурного обмена между городом и деревней, между отдельными областями и районами, а также с Москвой.

В годы первой пятилетки фактически были созданы основы радиосвязи Западной Сибири. Радио позволило связать с краевым центром и Мо-

сквой самые отдалённые национальные и северные районы. Была заложена материально-техническая основа радиосвязи. К 1932 г. эксплуатировались 22 станции мощностью в 111,9 кВт (3 в Новосибирске, станции в Омске, Кош-Агаче, Донецке, Славгороде, Колпашеве, Темир-Тау, Усть-Кобырзе и т.д.). С 1930 г. создается широкая сеть трансляционных узлов и радиоточек. На 1 января 1933 г. в крае насчитывалось 102 узла и более 40 тыс. радиоточек. Количество трансляционных точек за пятилетие возросло более чем в 15 раз.

В то же время остро стояла проблема использования средств связи в сельскохозяйственном производстве: необходимо было обеспечить доставку почты в колхозы, совхозы, МТС не менее 4 раз в неделю, наладить регулярную телеграфную связь со всеми зерносовхозами и крупными колхозами. Управление связи ставило вопрос о строительстве дополнительных линий, мотивируя это потребностями производства, необходимостью усиления связи в период хлебозаготовок, посевной кампании, лесозаготовительных работ и т.п.

В 1931 г. специальная комиссия, созданная для проверки состояния и работы связи края, отметила 45% брака в операциях телеграфа и телефонной сети, 28% брака при обработке почтовых отправлений, а также другие недостатки. Налаживанию эффективной работы связистов мешало не в последнюю очередь и постоянное реформирование административно-управленческих органов народной связи, являвшееся прямым следствием коренной реорганизации административно-хозяйственной системы советского управления и пересмотра административно-территориального деления края. Эти недостатки в той или иной степени были устранены в годы индустриализации и коллективизации.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 07–03–00476а).

Примечания

1. *Сибирская* Советская Энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 1932.
2. *Агитатор*. Орган Сибкрайкома ВКП(б). 1928. № 2(5).
3. *Развитие связи* в СССР. 1917–1967. Под общ. ред. Н.Д. Псурцева. М.: Связь, 1967.
4. *Потапова О.Я.* Радиофикация Западной Сибири в период строительства социализма // Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири. Новосибирск, 1978. Ч. 2.
5. См.: *Балакиин А.С.* Первая в Сибири. Радиостанция на коротких волнах Томского университета «ТУК» // Красное знамя. 1926. 25 апр.
6. *Итоги развития* народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928–1932 гг.). Новосибирск, 1934.

Л.Н. Мазур

**СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ
НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Важнейшим условием эффективного управления является качество кадрового потенциала организации. Необходимый уровень квалификации работников достигается за счет реализации принципов непрерывного профессионального образования, включающих получение базовой подготовки и систематическое совершенствование профессиональных знаний и навыков. Актуальность внедрения системы непрерывного профессионального образования определяется следующими моментами:

- высокие темпы развития технологической и информационной среды;
- объективное усложнение профессиональных задач, т.к. их решение увязывается с освоением компьютерных технологий, смежных областей знания, изменением нормативной базы и т.д.

Самообразование не обеспечивает комплексного освоения всей необходимой информации, которая позволит поддерживать необходимый уровень компетентности. Это в еще большей степени касается тех работников, которые трудятся в информационной сфере. К их числу относятся сотрудники документационных и информационно-аналитических служб, архивов учреждений и предприятий.

Организация и совершенствование документационного обеспечения управления связаны с деятельностью секретарей, инспекторов по делопроизводству, документоведов. Среди перечисленных должностей последняя предполагает наиболее высокий уровень подготовки, включающий в себя не только комплекс знаний и навыков по работе с документацией, но и владение современными технологиями электронного документооборота, оргпроектирования, оптимизации управления, т.е. это эксперт по управлению информационными ресурсами. Подготовка таких специалистов является задачей системы высшего профессионального образования.

Помимо вузов специалистов в области ДОУ готовят техникумы, а также курсы подготовки секретарей и делопроизводителей, где весь образовательный процесс ограничивается «джентльменским набором» профессиональных дисциплин, обеспечивающих формирование базовых технических навыков.

Однако и вузы, и техникумы не в силах пока смягчить тот дефицит квалифицированных кадров, который существует в управленческой сфере. В настоящее время до 90% работников, выполняющих функции по организации делопроизводства, архивному хранению, не имеют необходимой квалификации.

Одним из вариантов их профессиональной подготовки является прохождение курсов повышения квалификации, позволяющих дополнить и подкорректировать опыт практической работы и познакомить с новыми тенденциями в данной сфере деятельности. Помимо краткосрочных курсов проводятся долгосрочные курсы (более 500 ч), по результатам которых слушатели получают документ на право ведения профессиональной деятельности в сфере делопроизводства и архивного дела.

В Уральском государственном университете на историческом факультете в настоящее время сформирована полноценная система непрерывного профессионального образования, которая включает в себя Центр базового профессионального образования (техникум); подготовку по специальностям «Историко-архивоведение» и «Документоведение и документационное обеспечение управления»; подготовку по направлению «Документоведение и архивоведение» (бакалавриат и магистратура), а также Центр переподготовки и повышения квалификации. В результате имеется реальная возможность предоставления образовательных услуг различным категориям слушателей с учетом их индивидуальных запросов и потребностей.

Среднее профессиональное образование по специальности «Документоведение и архивоведение» можно получить в Центре базового профессионального образования, созданном на историческом факультете в 1995 г. Обучение проводится в заочной форме на платной основе и ориентировано, прежде всего, на практиков, работающих в архивах и службах ДООУ, которые нуждаются в более системном освоении азов профессии. По итогам обучения они получают диплом о среднем профессиональном образовании государственного образца.

Следующая ступень профессиональной подготовки – высшее образование. Обучение по специальности «Историко-архивоведение» ведется в университете с 1970 г., по специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» – с 1993 г. Особо следует выделить перспективы, связанные с реализацией направления подготовки «Документоведение и архивоведение», которое существует с 2007 г. В 2009 г. состоялся первый набор в магистратуру по программе «Государственная служба РФ». Она ориентирована на подготовку научных и педагогических кадров по данному направлению, а также специалистов

высшей квалификации, обладающих глубокими знаниями организационных, кадровых, документационных и информационных аспектов государственного управления.

В дополнение к системе базовой профессиональной подготовки на историческом факультете УрГУ в 2007 г. был создан Центр переподготовки и повышения квалификации. Научный и педагогический потенциал исторического факультета стал предпосылкой успешной деятельности Центра и позволил ему обучить более 180 слушателей в течение 2008 г. и около 50 чел. за первое полугодие 2009 г.

Центр ориентирован, в первую очередь, на профессиональную переподготовку работников документационных служб и архивов, но не только. Одной из важнейших категорий слушателей стали работники информационно-аналитических служб.

Информационно-аналитическая работа в настоящее время становится уделом специалистов, имеющих различную профессиональную подготовку – от экономической до математической. Как результат – информационно-аналитическая деятельность фактически не обеспечена кадрами, владеющими в полной мере необходимыми навыками и знаниями. Ближе всего по набору профессиональных компетенций к специалистам такого рода стоят библиотечные работники, а также лица, занятые в научно-информационной сфере.

Отсутствие базового профессионального образования у аналитиков выступает как серьезная проблема, мешающая эффективной работе информационно-аналитических служб. Их сотрудникам приходится накапливать необходимый опыт методом проб и ошибок. Нехватка профессиональных знаний нередко отражается на «узости», «однобокости» их компетенций. Они плохо адаптируются к переменам, в частности, смена функционала или места работы становится серьезной проблемой, и прошлый опыт на новом месте может потерять актуальность.

Профессиональная подготовка аналитиков осложняется отсутствием соответствующих программ профессионального образования, а также особенностями информационно-аналитической деятельности. В коммерческой компании или на крупном промышленном предприятии, в банке или в государственных органах, муниципалитетах они выполняют разные задачи и связаны с различными информационными потребностями.

На сегодняшний день единственным способом решения вопросов профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников информационно-аналитических служб является организация и проведение соответствующих курсов. С этой целью в Центре переподготовки

и повышения квалификации в 2008 г. была разработана программа «Проблемы информационно-аналитического обеспечения принятия решений в муниципальных органах управления» (72 ч), по которой планируется обучить в 2009 г. около 50 чел.

Развитие Центра повышения квалификации рассматривается как важное направление работы, связанное не только с реализацией научного и образовательного потенциала исторического факультета УрГУ, но и с реальным обеспечением политики государства по решению кадровой проблемы. Взаимодействие с работниками муниципальных, судебных, государственных органов – это важнейший канал обратной связи, позволяющий сблизить высшую школу и практику, учесть современные требования предприятий и организаций в подготовке специалистов. Обучение в Центре – это не процесс односторонней трансляции знаний, а обмен мнениями, опытом, коллективное обсуждение проблем. На курсах широко используются разнообразные формы учебной работы, в том числе творческие задания, дискуссии, деловые игры и т.д.

Всю информацию о программах профессиональной подготовки, реализуемых на историческом факультете УрГУ, можно увидеть на сайте факультета (www.hist.usu.ru).

М.В. Большедворская

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ ДОКУМЕНТОВЕДОВ
В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Подготовка дипломированных специалистов по основной образовательной программе по специальности 032001.65 – «Документоведение и документационное обеспечение управления» ведётся в Иркутском государственном лингвистическом университете с 2003 г. на факультете социальных наук. Выпускающей кафедрой является кафедра информатики.

Процесс обучения основан на Государственном стандарте специальности (студенты знакомятся с ГОС при изучении дисциплины «Введение в специальность»), учебном плане и включает учебно-методический комплекс дисциплин (УМКД), который состоит из следующих элементов: требования ГОС по дисциплине и квалификационные требования; основные дидактические единицы ГОС по каждой теме; тематический план дисциплины; планы семинарских занятий; перечень обязательной и дополнительной литературы по каждой теме; примерная тематика рефератов и курсовых работ; примерные вопросы для зачётов и экзаменов.

К каждой рабочей программе дисциплины разрабатывается программа самостоятельной работы студентов, в которую входят такие разделы, как: основные дидактические единицы ГОС по каждой теме; тематический план дисциплины; планы семинарских занятий; перечень обязательной и дополнительной литературы по каждой теме; примерная тематика рефератов и курсовых работ; примерные вопросы для зачетов и экзаменов.

Самостоятельная работа студентов по дисциплинам цикла организуется и проводится по направлениям:

- анализ сравнительных характеристик однородных терминов в нормативных документах, других источниках;
- составление словаря базовых понятий по разделу, теме, дисциплине;
- словесно-схематическое изображение теоретического материала;
- подготовка докладов, выступлений на конференции, круглом столе (ежегодно в университете проводится научно-практическая студенческая конференция, студенты (25% от общего числа) специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» принимают в ней активное участие);
- участие в междисциплинарных олимпиадах;

– участие в конкурсах рефератов, курсовых работ, выпускных квалификационных работ;

– написание и публичная защита рефератов, курсовых работ, выпускных квалификационных работ.

На кафедре информатики разработаны общие методические рекомендации по написанию и оформлению курсовых работ и выпускных квалификационных работ. Курсовые проекты закладывают фундамент для дальнейшей работы над темой, результатом которой является дипломный проект.

Особое внимание при подготовке специалистов уделяется использованию активных форм и методов обучения. На практикоориентируемых дисциплинах («Документоведение», «Архивоведение», «Организация и технология документационного обеспечения управления», «Организационное проектирование», «Информационное обеспечение управления», «Компьютерные технологии в ДОУ») используются практически задания, основанные на реальных производственных ситуациях (кейс-метод), метод моделирования производственной ситуации (документооборот предприятия, создание предприятия), метод позиционного обучения.

Кейс-метод позволяет использовать теоретические знания на практике, способствует умению высказывать свою точку зрения, проявлять творчество. Особенно важно то, что использование этого метода позволяет увидеть противоречия в законодательных и нормативных актах государства, неоднозначность решения проблемы в реальной жизни. Метод учит находить наиболее оптимальные решения проблемной ситуации. Конкретная ситуация, предлагаемая преподавателем, отражает частную задачу. Например, на дисциплине «Кадровое делопроизводство» – приём, перевод, увольнение, поощрение сотрудника, аттестация и т.п.; на дисциплине «Организация и технология документационного обеспечения управления» – оформление дел на архивное хранение, выделение документов к уничтожению и т.п.; на дисциплине «Документоведение» – оформление организационных, распорядительных, справочно-информационных документов вымышленной фирмы ЗАО «Заря».

Кроме того, ситуация может отражать комплексную задачу. Например, на дисциплине «Организационное проектирование» – разработка проекта по совершенствованию информационного обеспечения управления конкретной организации, структурного подразделения. При разработке организационного проекта параллельно используется метод моделирования.

Стоит отметить, что студенты, принимавшие наиболее активное участие в обсуждении реальных проблемных ситуаций и в их разрешении,

успешно использовали выработанный навык при написании курсовой и выпускной квалификационной работы. Эти же студенты получили благодарственные письма от руководителей организаций, где проходили практику. Следовательно, кейс-метод позволяет и в стенах университета готовить специалистов-практиков (ни для кого не секрет, что наша система высшего профессионального образования обеспечивает довольно высокий уровень теоретических знаний, но недостаточно формирует практические умения и навыки).

Другой метод, используемый преподавателями кафедры информатики, – метод позиционного обучения. Основные идеи системы позиционного обучения впервые были опубликованы Н.Е. Вераксой в журнале «Вопросы психологии» (1994. № 3). Идея метода – обдумать, защитить определенную позицию на основе изученного материала. Группа «тезис» выделяет и обосновывает основные идеи темы; «понятие» – основные термины, понятия изученного материала; «схема» представляет материал в виде схемы; «оппозиция» находит противоречия в нормативных документах; «апологет» демонстрирует позитивные значения материала; «символ» разрабатывает визуальный образ материала; «театр» представляет изученный материал в поэтической или театрализованной форме. Чаще всего метод позиционного обучения используется при подведении итога по теме или дисциплине в целом, так как помогает взглянуть на изученный материал с различных точек зрения, что способствует формированию умения вырабатывать свою точку зрения, делать выбор.

Современный специалист должен обладать навыками самостоятельного поиска и анализа требуемых данных, достоверных, адекватных и достаточных для выполнения поставленной перед ним задачи. Занятия с использованием информационно-поисковых систем, в том числе и в глобальной сети, ведутся в ходе преподавания дисциплин «Социология управления», «Менеджмент» и др. Здесь же закрепляются базовые знания по созданию информационно-поисковых запросов, полученных при изучении дисциплины «Информатика». В ходе преподавания дисциплин «Конституционное право», «Административное право», «Трудовое право», «Гражданское право», «Документоведение», «Организация и технология документационного обеспечения управления», «Архивоведение» внедрены информационно-справочные системы «Консультант Плюс», «Гарант».

Подготовка студентов в вузах должна учитывать возрастание объема генерируемой и используемой в разных областях жизнедеятельности человека информации, в том числе и информации, необходимой для правильного и своевременного принятия управленческих и иных решений. Обра-

ботать и быстро проанализировать большие потоки статистических и эмпирических данных просто невозможно без соответствующих программных продуктов, специализированных по областям применения. Так, в рамках дисциплин «Организационное проектирование», «Социология управления», «Кадровый менеджмент» применяются программные прикладные пакеты математической обработки MS Excel, Statistica. Особенно ярко влияние информационных технологий отражается на методах управления.

Профессионально разработанные и постоянно актуализируемые базы данных позволяют перевести процесс подготовки управленческих решений на принципиально новый уровень. В учебном процессе в рамках дисциплин: «Организационное проектирование», «Информационные технологии управления» предусмотрена работа студентов с системой управления базами данных MS Access, экспертной системой «Приёмы менеджмента», автоматизированной информационной системой «1С: Предприятие». Возрастающий поток управленческой документации требует новых методов их обработки. В рамках дисциплины «Компьютерные информационные технологии в документационном обеспечении управления» изучаются специализированные программные продукты для работы с электронными документами: Adobe Acrobat, DjVu-Solo, СЭДО «Дело», система кадрового делопроизводства «Кадры».

Первый выпуск документоведов был осуществлен в 2008 г. Все выпускники трудоустроены по специальности, 71,4% работают в Иркутской области. Все выпускники 2009 г. также трудоустроены по специальности, в области работает 66%. Занимают должности офис-менеджера, секретаря-референта, менеджера по персоналу, документоведа, преподавателя спецдисциплин, архивариуса, переводчика и др.

Итак, выбранные методы обучения способствуют не только становлению специалиста, но и личности.

В.А. Сергиенко

**ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ АРХИВОВЕДЕНИЯ
НА ФАКУЛЬТЕТЕ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В профессиональной подготовке историка важное место занимает архивоведение, как комплексная учебная дисциплина, способствующая формированию общей архивоведческой культуры. К сожалению, объём лекционного курса (18 ч) не позволяет преподавателю раскрыть основные, фундаментальные проблемы архивоведческих знаний, поэтому приходится выделять только элементарные положения и понятия учебной дисциплины. К тому же этот курс по учебному плану отнесён на четвёртый семестр, что по нашему мнению, не совсем удачно, так как уровень подготовки студента ещё не достаточен для восприятия его содержания.

Опыт преподавания архивоведения на факультете истории и международных отношений Кемеровского государственного университета накапливался более 15 лет и опирался в значительной степени на личный опыт практической работы преподавателя в сфере архивного дела. Сразу оговоримся, что наш личный опыт не претендует на универсальность, но может оказаться полезным коллегам.

В основу методики преподавания положена идея возможного практического использования архивоведческих знаний в предстоящей работе в архивных учреждениях будущих исследователей – пользователей. Документная информация является по определению основной для историка в его научной работе, поэтому главное внимание в лекционном курсе уделяется вопросам архивной технологии.

В последние годы заметно увеличилось число учебных изданий по архивоведению, появились известные теоретические исследования, работы по истории и современной организации архивного дела в России и зарубежных странах.

В первых лекциях студенты получают краткие сведения о становлении и основных этапах развития архивного дела в России, складывании национальных традиций, формировании Архивного фонда как части культурно-исторического наследия нашего народа. При этом важно показать процесс выработки основных правил и приёмов работы с документами, их создания, хранения и практического использования.

Основное время в курсе архивоведения нами уделяется проблемам архивной технологии, её этапов, алгоритма.

Как и в любой дисциплине, студенты должны освоить и свободно владеть арсеналом архивоведческих терминов и определений. Этому уделяется постоянное и повышенное внимание, так как ключевые понятия используются на протяжении всех учебных занятий, закрепляются на индивидуальных консультациях и являются основными при сдаче итогового зачёта.

В настоящее время на факультете сложилась целостная система преподавания архивоведения, включающая лекционный курс, семинарские занятия и проведение архивной практики на базе местных государственных и муниципальных архивов.

Опыт последних лет показывает, что интерес студентов к архивоведческим знаниям растёт. Это во многом объясняется необходимостью постоянного обращения к архивным документам при подготовке и написании курсовых и дипломных работ, научных докладов и сообщений на студенческих конференциях.

Преподавательский состав факультета имеет необходимую практическую подготовку, многие сотрудники кафедр в прошлом работали в архивах, часть из них продолжают совмещать работу в университете с работой в архивном учреждении.

Для методического обеспечения преподавания курса разработан учебно-методический комплекс по архивоведению. Библиотеки университета располагают необходимым количеством учебных пособий, нормативно-методической литературой.

В последние годы в силу известных обстоятельств при чтении лекционного курса по архивоведению заметно усиливается внимание к проблемам архивного права, совершенствованию архивного законодательства и нормативно-методической базы архивной службы. Ещё один фактор, который необходимо учитывать – проблемы формирования информационного общества. Как справедливо отмечается в литературе, одну из фундаментальных основ новой цивилизации будет составлять свободный поток информации, обеспечивающий эффективное социально-политическое и экономическое управление в целом и оптимизацию взаимодействия органов управления и самоуправления в интересах личности, общества и государства [1].

Архивная культура, как часть информационной культуры, требует постоянного обращения к повседневной практике архивных учреждений.

Полученные практические навыки и умения необходимо постоянно закреплять и совершенствовать.

Одной из задач учебной дисциплины является изучение методики поиска документной информации, проблем архивной эвристики, научно-справочных и информационных возможностей Архивного фонда. Это позволяет минимизировать временные и трудовые затраты при сборе материалов, систематизации и группировке источников.

Преподавание архивоведения ведётся с учётом профиля факультета, большое внимание в лекционном материале уделяется региональному компоненту. Опыт также подсказывает, что качество знаний повышается при усилении практического, прикладного использования учебного материала. На лекционных занятиях активно используются такие формы как экспресс-опросы, проверка степени усвоения материала предыдущих лекций, владение понятийным аппаратом, архивоведческой терминологией. Допускается подготовка мини-рефератов (в пределах 5–6 мин) по конкретному заданию преподавателя. Обязательным является посещение консультаций преподавателя по пропущенным лекциям.

Студенты заранее должны знать основные требования к итоговому зачёту, перечень выносимых на него вопросов. Зачёт проводится по итогам лекционного курса в традиционной форме (устно). Зачёт и подготовка к нему заметно дисциплинируют студентов и повышают требовательность к уровню знаний.

В перспективе необходимо включить в лекционный курс в качестве важнейших составляющих вопросы истории и современной организации делопроизводственного процесса, документоведческого знания, их взаимосвязь и взаимозависимость с архивоведением. Их реализация поможет заметно повысить уровень подготовки профессионального историка.

Примечания

1. *Коновченко С.В. Киселев А.Г.* Информационная политика в России. М.: РАГС, 2004. С. 3.

Т.А. Быкова

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ПРОЕКТА ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СТУДЕНТАМИ-ДОКУМЕНТОВЕДАМИ

Политические и экономические изменения в нашей стране привели к появлению предприятий и учреждений разных форм собственности, действующих во всех сферах хозяйственной деятельности. Это акционерные общества (открытого и закрытого типа), общества с ограниченной ответственностью, частные предприятия и др.

Документационное обеспечение управления таких предприятий имеет свою специфику и напрямую связано с организацией управленческой деятельности. Следует отметить, что если предприятие действовало в советский период времени, то накопленный опыт и сложившиеся правила работы с документацией сохранились и в преобразованных из них учреждениях. Однако вновь созданные негосударственные предприятия, в силу разных причин, не уделяют достаточного внимания документационному обеспечению управления. С одной стороны, это связано с нежеланием или незнанием руководством современных требований к оформлению, учёту, хранению документов, с другой стороны – с отсутствием специалистов-профессионалов, которые знакомы с законодательными и нормативными актами, специфическими особенностями документов данных обществ.

Эти обстоятельства потребовали обратить внимание в процессе подготовки специалистов-документоведов на специфику организационной структуры новых предприятий, на особенности подготовки и оформления организационно-распорядительной документации. В курсе «Документационное обеспечение управления в негосударственных организациях» уделяется внимание теоретическим проблемам, связанным с характеристикой организационно-правовых форм юридических лиц, законодательной и нормативно-методической базы коммерческих предприятий, органов управления и др. Подробно рассматриваются вопросы государственной регистрации и подготовки необходимых для этого документов, а также документирование деятельности такого рода предприятий. Студенты, опираясь на теоретические знания (данного курса и ранее изученных дисциплин), готовят проект документов для конкретного предприятия, придуманного ими.

Предварительным условием подготовки проекта является знакомство с общегосударственными правовыми и нормативными актами, знание принципов создания и деятельности различных предприятий и обществ.

Информация о специфике и деятельности негосударственных организаций представлена в Федеральных Законах: «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью», «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и др. Данные акты наиболее конкретно определяют специфику организации, структуру и обязанности органов управления, процесс реорганизации, ликвидации обществ и т.д.

Значимую роль в конкретизации норм, механизмов реализации соответствующих законов играют подзаконные нормативные акты: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, правовые акты федеральных органов исполнительной власти [1–3]. Названные документы раскрывают порядок предоставления необходимого пакета документов в регистрирующий орган, уточняют требования к подготовке, созыву, проведению годовых общих собраний акционеров и т.п.

Знание студентами государственных стандартов (подробно рассматриваемых в других учебных курсах), устанавливающих правила оформления реквизитов документов, требования к текстам организационно-распорядительных документов, помогает разработать необходимый пакет документов для избранного предприятия [4].

Работу над проектом можно условно разделить на несколько этапов:

- 1) определение организационно-правовой формы предприятия и профиля его деятельности;
- 2) составление документов для учреждения предприятия;
- 3) подготовка необходимых документов для регистрации;
- 4) разработка организационной документации, необходимой для открытия и начальной деятельности предприятия;
- 5) разработка бланков и шаблонов документов;
- 6) составление нормативно-методических документов, необходимых для ДОО.

Следует отметить, что для учреждения конкретного предприятия некоторые из названных выше этапов могут отсутствовать, это связано с организационно-правовой формой. Определяясь с профилем деятельности своего предприятия, студенты придумывают название, разрабатывают эмблему, определяют место расположения (если арендуют помещение, то готовят договор аренды), продумывают структуру.

Документирование учреждения предприятия начинают с подготовки учредительного договора и устава. Как правило, при разработке этих документов студенты используют типовые проекты, предложенные в различных учебных пособиях.

Если речь идет об акционерных обществах, то необходимо подготовить протокол учредительного собрания. В ФЗ «Об акционерных обществах» предусмотрены вопросы повестки дня данного мероприятия: учреждение общества, утверждение устава, утверждение уставного капитала, избрание органов управления обществом. Этот вид документа оформляют по требованиям ГОСТа Р 6.30-2003, но текст имеет и свои особенности.

Важным этапом в подготовке проекта коммерческого предприятия является знакомство студентов с правилами и требованиями государственной регистрации. Проведение регистрации требует подготовить и предоставить в регистрирующий орган пакет необходимых документов: заявление, устав, учредительный договор, решение о создании предприятия, протокол учредительного собрания, документ об уплате государственной пошлины и другие документы, в зависимости от организационно-правовой формы. Бланк заявления о регистрации утвержден Правительством РФ, его можно посмотреть в приложениях ФЗ, взять в регистрируемом органе или на соответствующем сайте в Интернете.

Далее студенты разрабатывают структуру организации, выделяя необходимые подразделения, определяя их взаимосвязь и подчинение. Если готовится проект акционерного общества или другого предприятия со сложной структурой, то выделяется как самостоятельное подразделение отдел или служба документационного обеспечения управления. В этом случае студенты просчитывают численный состав сотрудников службы, используя знания в сфере организационного проектирования и нормативные документы [5]. Далее определяется должностной состав с учётом требований классификатора должностей руководителей, специалистов и других служащих.

Рациональная организация постановки делопроизводства на любом предприятии начинается с разработки организационно-правовых и методических документов, в число которых входят:

- положение о службе делопроизводства;
- штатное расписание службы ДОУ;
- должностные инструкции на каждого работника службы ДОУ;
- инструкция по делопроизводству;
- номенклатура дел и др.

Перечисленные выше документы разрабатываются студентами с учетом специфики организации. Для документационного обеспечения управления вновь созданного предприятия обязательно создаётся Альбом форм документов. При подготовке Альбома унифицированных форм документов студенты готовят бланки документов и образцы наиболее часто

востребованной документации. Значимую роль в документе играет содержание изложенной в тексте информации, но немаловажное значение имеет и внешний вид: использование цвета, качество бумаги, дизайн логотипа, начертание шрифтов, композиция надписей бланка. Студенты учитывают эти требования, подготовленные бланки имеют интересные решения и привлекательный вид. Варианты образцов документов включают чаще всего письма, приказы, справки, докладные записки и др.

Таким образом, подготовка проекта документов для коммерческих организаций требует от студентов использования знаний, полученных в других учебных курсах, серьёзного изучения законодательных и нормативных документов. Они выступают в роли учредителей и организаторов будущего предприятия, готовя пакет всей необходимой документации для начальной деятельности. Защита проектов проходит в виде выступления перед группой и, как правило, сопровождается видеопрезентацией подготовленных документов. Заранее назначаются рецензенты, которые внимательно анализируют представленный проект, отмечая ошибки, положительные и отрицательные моменты.

Практика показывает, что такая форма проведения занятий по данному курсу позволяет студентом разобраться в особенностях организации и деятельности негосударственных предприятий, иметь достаточно полное представление о документационном обеспечении этих учреждений, получить опыт для разработки дипломного проекта.

Примечания

1. *О едином* государственном реестре юридических лиц. Постановление Правительства РФ от 19.06.2002 № 438 // Собрание законодательства РФ (СЗ РФ). 2002. № 26.

2. *Об утверждении* форм и требований к оформлению документов, используемых при государственной регистрации юридических лиц, а также физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей. Постановление Правительства РФ от 19.06.2002 № 26 // СЗ РФ. 2002. № 26.

3. *Положение* о дополнительных требованиях к порядку подготовки созыва и проведения общего собрания акционеров. Постановление ФКЦБ России от 31.5.2002 № 17/пс // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2002. № 31.

4. ГОСТ Р 6.30-2003. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к составлению документов. М.: Изд-во стандартов, 2003.

5. *Нормы* времени на работы по документационному обеспечению управленческих структур в федеральных органах исполнительной власти. Постановление Министерства труда и социального развития РФ от 26 марта 2002 № 23 // ЦБНТ Минтруда РФ. М., 2002.

Н.А. Томилова

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И ИНТЕРАКТИВНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА
«ОРГАНИЗАЦИЯ СЕКРЕТАРСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ»**

Целью курса «Организация секретарского обслуживания» является изучение роли и обязанностей секретаря в организации информационно-документационного и бездокументного обслуживания руководства, структурных подразделений и т.д. В результате освоения дисциплины решаются задачи ознакомления с ролью секретаря в управленческом процессе, особенностями организации труда, основными должностными обязанностями, а также формирования профессиональных практических навыков.

Особенность курса заключается в том, что к началу его изучения (дисциплина преподается студентам 4 курса) студенты имеют достаточно прочный фундамент теоретических знаний по основным предметам специальности, поэтому главное внимание уделяется изучению слабо разработанных в литературе аспектов организации секретарского обслуживания и закреплению практических навыков в процессе использования интерактивных форм обучения. В результате возникает необходимость сокращения лекционной части курса за счет увеличения часов на проведение семинарских и практических занятий.

Преподавание лекционной части курса ведется согласно основным разделам программы [1]. В вводной лекции указывается назначение курса и его место в процессе подготовки специалистов-документоведов, приводятся основные источники и литература, раскрывается структура курса и особенности его изучения. На лекциях рассматриваются такие темы, как «История секретарской службы в России», «Секретарь в современной структуре управления и его типовые обязанности», «Категории современных секретарей и профессиональные требования к ним», «Нормативно-методическая база работы секретаря», «Информационно-аналитические функции секретаря» и т.д.

Функции современного секретаря по организации документационного обеспечения управленческой деятельности рассматриваются обзорно, поскольку вопросы документирования и организации работы с документами подробно изучаются студентами в ходе изучения дисциплин «Документоведение» и «Организация и технология документационного обеспечения управления». Занятия по этой теме проходят в форме семинара, на котором студенты должны подтвердить полученные ранее знания, продемонстри-

ровать навыки в работе с организационно-распорядительной документацией и умения в организации документооборота. Для закрепления изученного и контроля знаний студентов используются тестовые проверочные задания, раздаточный материал, инструкционные карты и т.п.

Очевидно, что применение только объяснительно-иллюстративных, монологических методов в образовательной практике, учитывая специфику курса «Организация секретарского обслуживания», малоэффективно. Студентам в данном случае важно не столько усвоить теоретические знания, сколько приобрести умение использовать их на практике.

Применение интерактивных методов позволяет интенсифицировать процесс обучения, углубить и расширить осваиваемое содержание предмета. Причем, в современной педагогике к интерактивным относят не все методы активного обучения, а лишь те, которые строятся на психологических механизмах усиления влияния группы на процесс освоения каждым участником опыта взаимодействия и взаимообучения [2. С. 67]. Таким образом, интерактивное обучение – это погружение в общение, в ходе которого у обучающегося формируются навыки совместной деятельности. К интерактивным методам относят всевозможные тренинги, деловые и ролевые игры, «мозговой штурм», кейс-метод, дискуссии, индивидуальные и групповые проекты и т.п. Учебные занятия с применением таких методов позволяют студентам осознать цель, понять задачи, поставленные преподавателем. Интерактивные методы обучения создают условия для превращения теоретических знаний из обезличенной информации в личностный опыт студентов. В ситуации «мозгового штурма», деловой игры, проектной работы изучаемый объект, первоначально нейтральный для студентов, начинает восприниматься как субъективно значимый. Студенты получают возможность проявить индивидуальность, отстаивая свою точку зрения в процессе дискуссии, творчески применяя знания в деловой игре и т.д.

Курс «Организация секретарского обслуживания» дает широкий простор для использования названных интерактивных технологий в изучении большинства его тем. Практически все вопросы раздела «Организационные функции секретаря» изучаются с применением того или иного интерактивного метода. Так, тема «Правила ведения телефонных переговоров» проводится в форме деловой игры. Деловая игра помогает достижению учебных, воспитательных и развивающих целей коллективного характера на основе знакомства с реальной организацией работы.

Подготовка и проведение деловой игры предполагают соблюдение определенных правил. Игре предшествует вступительное слово преподава-

теля, обозначающего основные правила ведения служебных телефонных переговоров, этикет телефонного общения в целом, объясняется важность процесса подготовки к деловым телефонным переговорам. Далее каждому студенту предлагаются роли, с детальным описанием задачи делового звонка и того персонажа, которого каждый будет «играть», оговаривается сценарий игры. В ходе дальнейшего обсуждения игровых ситуаций и оценивания действий их участников, студенты самостоятельно приходят к выводу, что ведение деловых телефонных переговоров не такое простое дело, как они считали, и в реальной практике искусству ведения телефонных переговоров необходимо учиться.

Почти ко всем темам курса применимо использование метода анализа ситуаций или кейс-метода (case study). Суть его заключается в том, что учащимся предлагают осмыслить реальную ситуацию, описание которой не только отражает какую-либо практическую проблему, но и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при решении данной проблемы. При этом сама проблема не имеет однозначных решений. Применение данного метода практикуется при изучении темы «Правила ведения телефонных переговоров» – студентам предлагаются готовые варианты телефонных диалогов, которые необходимо разобрать с точки зрения имеющихся в них ошибок; «Организация приема посетителей» – предлагаются конкретные проблемы взаимодействия секретаря и посетителей в приемной, способы выхода из конфликтных ситуаций и т.д.

Метод тренинга используется при изучении темы «Организация деловых переговоров. Подготовка и обслуживание совещаний». В тренинге основное внимание уделяется практической отработке изучаемого материала, когда в процессе моделирования специально заданной ситуации обучающиеся имеют возможность развить и закрепить необходимые знания и навыки.

Метод учебной дискуссии применяется при изучении темы «Трудоустройство секретаря-референта», когда студентам предлагается изучить состояние современного рынка труда в г. Томске и разобраться с общими принципами профессионального отбора, документальным оформлением трудоустройства, а также в теме «Деловой этикет», где студенты заранее собирают информацию, а затем активно обсуждают вопросы норм современного делового этикета, имиджа секретаря, делового дресс-кода и т.п. Тема «Сервисные функции секретаря» рассматривается на практике, на специально организованном по этому поводу чаепитии, где, согласно существующим правилам, в непринужденной атмосфере студенты учатся сервировать стол, заваривать и подавать чай, кофе, закуски.

Изучение темы «Организация рабочего места секретаря-референта» проводится в форме группового проектирования. Студенты разбиваются на группы по 3–4 чел. и, следуя определенному порядку выполнения работ и заданным условиям, опираясь на полученные знания, готовят проект организации приемной секретаря руководителя с последующей презентацией, ответами на вопросы и заключительным коллективным оцениванием результатов работы.

Проектирование является важной частью самостоятельной работы студентов. Целью проектной деятельности является понимание и применение учащимися знаний, умений и навыков, приобретенных при изучении различных предметов на интеграционной основе. Организационная составляющая проектирования предполагает определение студентами действий, необходимых для достижения какой-либо цели, а документационная составляющая заключается в создании студентами всего комплекса необходимых документов по конкретным поводам, предложенным в проектных заданиях [3. С. 5].

К концу учебного семестра студенты должны подготовить индивидуальные проекты по разработке программы приема иностранной делегации и по подготовке зарубежной командировки руководителя. По итогам работы, проделанной студентами, проводятся защиты проектов.

Итак, в процессе изучения курса «Организация секретарского обслуживания» студенты должны приобрести навыки, умения и знания, соответствующие их будущим профессиональным функциям. Именно сочетание традиционных и интерактивных технологий в преподавании данного предмета является наиболее эффективным в достижении указанной цели.

Примечания

1. **Организация** секретарского обслуживания. Рабочая программа. Томск, 2005.
2. **Акопов Г.В.** Социальная психология образования. М., 2000. 267 с.
3. **Проектирование** по дисциплинам специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления»: Учеб.-метод. пособие / В.В. Степанова, Л.А. Бунькова, О.А. Кайда. Нижневартовск: Изд-во НГТУ, 2007.

Е.А. Масяйкина

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТА В БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Современному обществу XXI в., перенасыщенному информацией, необходим новый тип специалиста – личности, не только обладающей творческим потенциалом, способной к профессиональному саморазвитию, но, главным образом, умеющей уверенно ориентироваться во всё увеличивающемся массиве документов, а также находить, ранжировать и критически воспринимать стремительно меняющийся поток информации. Современные библиотеки, отвечая на требования общества, заявляют в качестве своих профессиональных приоритетов свободный и неограниченный доступ к мировым знаниям, хранение и предоставление пользователям разнообразной документированной информации. Для решения указанных задач необходимо формирование специалистов библиотечно-информационной сферы, в полной мере владеющих современными технологиями по работе с системой документных коммуникаций.

В современных условиях одной из главных задач как высшей школы в целом, так и библиотечно-информационного образования в частности, становится научить будущего специалиста учиться, ориентироваться в развивающемся документопотоке, содержащем постоянно меняющуюся информацию, научить его мыслить самостоятельно, критически и творчески.

В педагогике библиотечно-информационного образования отмечаются следующие характеристики информационно грамотного студента: умение определять возможные источники документированной информации и стратегию их поиска; умение производить анализ содержания документов; умение оценивать информацию с точки зрения её достоверности, точности, достаточности для решения проблемы; формирование постоянной потребности в дополнительной профессиональной и общекультурной информации; умение использовать результаты процессов поиска, получения, анализа и оценки информации для принятия решений; умение создавать информационные модели документа; умение наращивать собственный банк знаний за счет лично значимой информации; умение использовать современные технологии и рациональные приёмы при работе с массивами документов. Перечисленные характеристики являются основополагающими при обучении студентов по специальности «Библиотечно-информационная деятельность».

Изучение существующего педагогического опыта показывает наличие разнообразных моделей процессов формирования навыков анализа и синтеза в библиотечной обработке документа. Одной из ведущих концепций современной педагогики высшей школы, способствующих развитию данных качеств, является компетентный подход (И.А. Зимняя, Д.А. Иванов, К.Г. Митрофанов, В.А. Слостенин, А.Л. Слободской, А.П. Тряпицына, А.В. Хуторской).

Словарь русского языка С.И. Ожегова предлагает следующее определение термина «компетенция»: 1) круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен; 2) круг полномочий и прав [1].

Компетентным, по С.И.Ожегову, можно назвать специалиста, обладающего «компетентностью» – наличием ряда компетенций (ключевых и вариативных) в той или иной области человеческой деятельности.

В соответствии с разделением содержания образования на общее, предметное, межпредметное, А.В. Хуторской предлагает трёхуровневую иерархию компетенций:

1) ключевые компетенции (относятся к общему, межпредметному содержанию образования);

2) общепредметные компетенции (относящиеся к определённому кругу учебных предметов и образовательных областей);

3) предметные компетенции (имеющие конкретное описание и возможность формирования в рамках определённых учебных предметов).

Перечень *ключевых* компетенций определяется на основе главных целей образования, структурного представления социального опыта и опыта личности, а также основных видов деятельности студента, позволяющих ему получать навыки жизни и практической деятельности в современном обществе. С учётом данных позиций, к ключевым образовательным компетенциям можно отнести прежде всего *информационную и коммуникационную компетенции*, наряду с ценностно-смысловой, общекультурной, учебно-познавательной, социально-трудовой и компетенцией личностного самосовершенствования [2. С. 55].

Информационная компетентность многопланова, требует значительного интеллектуального развития, проявления абстрактного и алгоритмического мышления, рефлексии, критичности. Формирование информационной компетентности является одной из целей образования и в то же время это – ведущее средство процесса обучения. Содержание информационной компетентности включает в себя: умение извлекать информацию из различных документных источников; владение основами аналитико-синтетической переработки информации; знание особенностей информационных документопотоков в своей области [3. С. 223].

Одним из учебных курсов специальности «Библиотечно-информационная деятельность», направленных на формирование информационной компетентности, является «Аналитико-синтетическая переработка информации (АСПИ)», в 2003 г. включённый в Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в области культуры и искусства. ГОСТ 7.0–99 «Информационно-библиотечная деятельность. Библиография. Термины и определения» определяет аналитико-синтетическую переработку (АСП) как «преобразование содержания документов в процессе их анализа и извлечения необходимой информации, а также оценку, сопоставление, обобщение и представление информации в виде, соответствующем запросу» [4. С. 13].

В рамках данного курса студенты осваивают теорию и практику в области традиционного и автоматизированного составления аннотаций, рефератов, информационных обзоров, формирования информационной модели документа – библиографической записи, включающей библиографическое описание, заголовков, классификационные индексы, предметные рубрики, авторитетные/нормативные данные. Указанный перечень расширяется за счёт элементов, без которых невозможно создание машиночитаемой библиографической записи – точек доступа, ключевых слов, дескрипторов.

Объектами аналитико-синтетической переработки информации являются все виды документов. Такой подход делает данный курс актуальным не только для информационно-библиотечной, но и для библиографической, архивной, книгоиздательской, музейной деятельности, а также для организаций, производящих документы на любых материальных носителях.

Таким образом, учебный курс «АСПИ», входящий в блок общепрофессиональных дисциплин, обеспечивает развитие ключевых информационных компетенций будущего специалиста и изучает процессы, свойственные большей части организаций системы документальных коммуникаций современного общества.

Примечания

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.
2. *Концептуальные основы* модернизации послевузовского образования / под ред. В.А. Дмитриенко. Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. 325 с.
3. *Козлова О.Н.* Университет в сетях информации // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2. С. 223–236.
4. *Зупарова Л.Б., Зайцева Т.А.* Аналитико-синтетическая переработка информации. М.: ФАИР, 2007. 400 с.

ИМИТАЦИЯ СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В современном школьном образовании используются различные методы, приёмы активизации деятельности учащихся на уроках истории. К одному из таких инструментов вовлечения учеников в творческую работу относится имитация создания разного рода исторических документов. В современной образовательной практике такая деятельность, чаще всего, связывается с организацией игровых ситуаций на уроках истории. В этом случае появляющиеся из-под пера детей «документы», претендующие на роль исторических источников, являются текстовым приложением или продолжением исполнения принятой учеником роли. Подобный текст обычно рассматривается как дополнительная иллюстрация к игровой сценке, в которой ученик должен проявить свои знания по изучаемой теме, а также способность психологически «вжиться» в эпоху и воспроизвести бытовые реалии прошлого. Создаются данные тексты либо на уроках, либо в виде домашнего задания производятся во внеурочном пространстве.

Разнообразный спектр продуктов игровой деятельности учащихся по многим историческим сюжетам представлен в учебном пособии М.В. Коротковой «Методика проведения игр и дискуссий на уроках истории» (2001 г.). В нём, на наш взгляд, как раз представлен иллюстративный аспект работы учащихся над «документами», призванный текстуально, «продуктно» подтвердить успешность погружения ребёнка в прошлое.

Данная работа, безусловно, полезна и должна быть как можно шире развёрнута в нашем школьном образовании. Но, как нам представляется, образовательные возможности вовлечения детей в процесс имитации создания исторических документов могут быть расширены, если подобная деятельность будет выстроена как самостоятельная линия обучения истории, с собственными целевыми установками, приёмами работы и результатами.

В реализации данной задачи, в первую очередь, следует выделить цель и этапы работы. Главной целевой установкой имитации создания исторических документов, по нашему мнению, является развитие у учащихся исторического сознания. Под развитием исторического сознания мы подразумеваем формирование у учащихся способностей к порождению и обоснованию собственных смыслов предметного материала, основанных на их личном опыте, впечатлениях, переживаниях прошлого.

Процесс развития таких навыков будет достаточно продуктивным, если его организовать как процесс погружения учащихся в творческую лабораторию историка, в ходе которого он сможет познакомиться с реальной деятельностью учёного, не выходя из игрового поля урока. Игровое начало в этом случае выражается в том, что ученик не просто имитирует уже знакомый исторический документ, а вводится педагогом в ситуацию необходимости создания нового документа. В результате такой работы, помимо известных источников информации о прошлом, могут появиться новые, созданные учениками, источники, способные по иному осветить изучаемый сюжет. Естественно, документы созданные детьми, также как и документы прошлого, нуждаются в анализе и размещении изъятых из них информации в общем багаже представлений по изучаемому сюжету.

Таким образом, можно выделить три этапа работы над созданием учащимися собственных исторических документов. На первом этапе педагогом создаются условия для выбора учащимися сюжета и формы будущего документа, на втором – идёт подготовка самого документа, а на третьем организуется его анализ и сравнение с другими документами.

Методику организации описанной деятельности можно показать на примере имитации создания исторических источников в ходе изучения периода «смутного времени» на Руси в конце XVI – начале XVII в. На первом этапе, помимо общих сведений о состоянии нашего государства в изучаемый период, педагог даёт характеристику дошедших до нас источников о «смутном времени» и предоставляет ученикам возможность познакомиться с фрагментами некоторых произведений. В ходе данной работы перед учениками ставятся следующие задачи: выделить социальное происхождение автора документа, описываемые сюжеты, их трактовку, особенности изложения (язык, термины). Такая установка, с одной стороны, способствует концентрации внимания учащихся на важнейших характеристиках документа, а с другой стороны, задаёт алгоритм, по которому ученик будет работать над созданием собственного документа.

Очень продуктивным бывает в процессе данной работы такой игровой приём, как выявление дефицита авторов и источников. Так, например, во время знакомства с такими документами о «смутном времени», как «Временник» (1619 г.), «Хронограф» (1617 г.), «Новый летописец» (1630 г.), ученики приходят к выводу, что сведения об изучаемой эпохе представлены исключительно официальными кругами, тематика в них рассматривается в основном политико-государственного характера и трактовка событий связана, прежде всего, с апологией сильной централизованной власти. После чего им нетрудно указать, что для более объективного

взгляда явно недостаёт впечатлений о «смуте» со стороны простых людей, описаний повседневной жизни людей в данный период, их понимания событий.

Далее, педагог предлагает детям самим придумать: а) возможные персонажи, от лица которых могли бы создаваться будущие документы; б) сюжеты или тематику документов; в) примерную трактовку выбранных тем, соответствующую социальному статусу автора документа. Предложенные учащимися варианты исторических документов заносятся на доску, распределяются между детьми и затем готовятся детьми либо прямо на уроке, либо в виде домашнего задания. В качестве дополнительных материалов, из которых ученики могут почерпнуть информацию и образный ряд, предлагаются трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов», восьмой том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, фильм В. Хотиненко «1612».

Во время данной работы на занятиях истории по указанной теме в 10-х классах школы № 49 г. Томска появились такие документы, как «Воспоминания русского странника Ивана Кузьмина. Уроженца села Григорьева Тульского уезда», «Переписка крестьянки Матрены Тимофеевны и ратника Михаила Федоровича», «Заметки шведского посланника. 1612 г.», «Рассказ ополченца Федора Рыжикова о походе на Москву» и др.

Окончание работы авторов над текстом в практике уроков истории школы № 49 не означает автоматического признания его «документом». Такой текст приобретает статус документа только после помещения его в круг уже имеющихся документов, а также выявления педагогом и учащимися его репрезентативных возможностей. С последним мы связываем нахождение в данном тексте каких-либо сведений о прошлом, о предполагаемом авторе, о его взглядах на происходящие вокруг него события. Этим наша методика работы над имитацией создания исторических документов принципиально отличается от других практик.

Выявление репрезентативных возможностей детских текстов происходит на третьем этапе создания документов. Начинается она в форме «мозгового штурма», когда учащимся в свободной форме предлагается выявить из обсуждаемого текста информацию о прошлом. Затем педагог систематизирует высказанные суждения в виде таблицы или кластера. Приведём пример обсуждения одного из уже упомянутых документов «Переписки крестьянки Матрены Тимофеевны и ратника Михаила Федоровича». Текст состоит из четырёх писем, но для компактности изложения приведем только два:

Здравствуйте, разлюбезный мой Михаил Федорович! Как вы поживаете? Как ваше здоровьище? У нас городе неспокойно. Ходят слухи, что гет-

ман Ходкевич идет на Москву. Даже не знаем что делать. Думается мне, нужно делать запасы, прятаться подальше в самый дальний уголок и сидеть пока смута не кончиться! Авось и выживем с Божьей помощью! Больше в голову ничто не приходит. А что делать? Нет царя – нет спокойствия. А где ж его взять то царя? При славном Годунове спокойнее жилось. А после его смерти все пошло скверным образом. Поговаривают, что его смерть не случайна, но ничего не известно. В последнее время много чего говорят, а правда ли нет, не понятно. Как же вы там? Побольше расскажите о себе? Как служба? Все ли у вас спокойно? Даст бог, свидимся! А более писать не могу, надо идти, хозяйство не терпит. Ваша Матрена Тимофеевна. 16 июля. Москва 1612 год.

Дорогая Матрена Тимофеевна! Я жив, здоров. Очень обрадовался весточке от вас. Соскучился по вам и нашим деткам. Как они – здоровы ли? Мишенька, наверное, уже вырос? А как Машенька? Как же оне без родителя растут? Сейчас и у нас беспокойно. Да что у нас! Вся России как на пороховой бочке! Каждую ночь ложишься спать и не знаешь, проснешься ли завтра. Гетман и мимо нас проходил, сколько народу погубил. Сейчас восстанавливаем силы. А вот насчет отсидеться в уголочке – это вы не правы, разлюбезная Матрена Тимофеевна, сейчас самое время настало, когда народ должен сам для себя дорогу выбрать! Доколе нас будут дурачить самозванцы и бояре нечестивые! Каждый на трон хочет, а удержаться на нем не могут, потому что не от Бога они цари, а так, захватчики! Между собой власть делят, а она никому из них и не принадлежит! Нужен нам природный царь. Такой, чтоб и умен и не злобен был. Чтоб государство наше разоренное и измученное поднимал с колен, а не сокрушал! Будем надеяться, Бог даст нам такого царя! И мы еще в мирное время проживем, деток на ноги поставим. Скоро все образуется, только нужно не в углы забиваться, а показать, кто хозяин на земле руской. Вот и все. Спешу, скоро двинемся в поход. Ваш верный слуга Михаил Федорович. Август. Ярославль 1612 год.

После прочтения писем педагог предложил ученикам ответить на вопрос: что они узнали из данного документа о «смутном времени»? Из высказываний учащихся выделим наиболее характерные: «простые люди со страхом переживали это время», «они проявляли недоверие к самозванцам», «они продолжали верить в божественное происхождение царской власти», «некоторые из них надеялись, что народ станет «хозяином земли руской» (цитата из письма). Далее учитель попросил класс высказаться о том, насколько присутствуют исторические реалии в данной переписке

ке. Ученики указали на удачную стилизацию языка и особые, «уважительные» отношения между мужем и женой, как они удачно выразились – «домостроевские». На просьбу педагога выявить различия в трактовках изучаемых событий между «перепиской» и официальными источниками, нашлись дети, которые обратили внимание на осуждение Годунова, как главного виновника «смуты», царскими летописцами (Новый летописец) и сочувственное отношение к нему со стороны «низов».

В конце урока педагог согласился с учениками, что «переписка» подготовлена удачно, что её автор сделал интересную попытку компенсировать дефицит исторических документов об отношении «низов» к «смуте», разнообразить представления о восприятии «смуты» русским обществом.

В заключение заметим, что имитация создания документов на уроках истории в школе является, с одной стороны, эффективным средством стимулирования процесса порождения детьми собственных смыслов предметного материала, а с другой – позволяет ограничить фантазию юных авторов смысловыми рамками реальных исторических источников и научных исследований.

ЧАСТЬ III

ДОКУМЕНТ В ИСТОРИИ, ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТЕ

ИСТОЧНИКИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Н.В. Кладова

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОКУМЕНТА В ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Значительную часть корпуса исторических источников составляют архивные документы, т.е. документы, сохраняемые или подлежащие хранению в архивах. Вместе с тем хорошо известно, что далеко не все документы, создаваемые людьми, откладываются в архивах, равно как и то, что лишь небольшая часть находящихся в настоящее время на архивном хранении документов введена в научный оборот исследователями. Таким образом, понятия «архивный документ» и «исторический источник» – близкие, но не тождественные.

Одна из фундаментальных теоретических проблем исторической науки – проблема трансформации документа в исторический источник. Предметом дискуссии является определение того момента, когда документ становится историческим источником.

Большинство исследователей склонно рассматривать архивный документ как исторический источник, независимо от того, востребован он историком или нет, т.к. ретроспективная информация существует объективно [1].

В.П. Козлов придерживается иной точки зрения, суть которой сводится к тому, что «архивный документ становится историческим источником только тогда, когда он становится публичным, т.е. известным и равнодоступным» [2. С. 5–7].

О.М. Медушевская сформулировала предположение, что любой документ может стать источником информации о прошлом, учитывая неопределенность в разделении времени на «прошлое» и «настоящее» [3. С. 20].

В.Н. Автократов делил документы на «динамические» и «статические» по состоянию выполнения целевого назначения. Это создает две концепции документа: быть источником *оперативной* и быть источником *ретроспективной* информации [1. С. 97].

Нам представляется, что наиболее удачно сформулировал синергию «документ-источник» С.Г. Кулешов, акцентировав внимание исследовате-

лей на том, что в документ заложены оба свойства – быть источником и оперативной, и ретроспективной информации. В начальной стадии функционирования документа превалирует реализация первого свойства, а по мере старения документальной информации все более возрастает потенциал второго. Завершение активного жизненного цикла документа характеризуется переводом его в состояние «предысточника» [3. С. 100].

С.Г. Кулешов понятие «источник» этимологически определяет через процесс «взятия», потребления информации, которое не мыслимо без читателя документа. Говоря об объективном существовании информации в документе, он имеет в виду процесс ее хранения, т.е. реализацию первой составляющей основной социальной функции документа. Использование архивного документа как исторического источника – это реализация второй составляющей, т.е. процесса передачи информации.

Официально статус исторического источника архивный документ получает, когда информация о нем включается в каналы научной коммуникации. Однако при изложении результатов исторического исследования ученый не просто раскрывает содержание документальной информации, давая ссылку с указанием поисковых данных, но интерпретирует документ в соответствии со своей научной концепцией.

Проблема получения социальной информации из исторического источника не может рассматриваться только как проблема исторической науки. Развитие идей и методов междисциплинарного изучения исторических источников составляет основу системного, целостного развития истории как гуманитарной науки. Изучение исторических источников не является заповедным полем деятельности исключительно историков. Однако речь должна идти не просто о так называемых междисциплинарных связях, но о том, что специалисты самого разного профиля имеют законное право на свою интерпретацию исторических источников, ибо содержащаяся в них информация многослойна. Специфика профессионального подхода историка к историческому источнику заключается в том, что историк обязан знать и учитывать культурно-исторический контекст, в котором был создан и функционировал текст исторического источника.

Итак, чтобы воссоздать исторические события, «информацию о прошлом нужно выявить, расшифровать, проанализировать и истолковать. Познание прошлого связано с процедурой его реконструкции. Историк не просто изучает какой-то объект, но, по существу, воссоздает его. В этом отличие предмета исторического знания от предмета точных наук, где любое явление воспринимается как безусловная реальность, даже если оно не изучено и не объяснено» [4. С. 9].

Примечания

1. *Архивоведение* и источниковедение. Проблемы взаимодействия. Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции 25–26 февраля 1999 г. М., 1999.
2. *Архивоведение* и источниковедение отечественной истории. М., 1998.
3. *Медушевская О.М.* Источниковедение: теория, история, метод. М., 1996.
4. *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. М., 2004.

П.М. Немирович-Данченко

ХРОНОТОПОС: ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Человек не помнит прошлого – он постоянно воссоздает его [1. С. 23]. Эта мысль Люсьена Февра могла бы стать превосходным эпитафием к данной публикации: речь пойдет как раз о принципиальной субъективности исторического источника и о той ценнейшей научно-методологической перспективе, которая открывается благодаря этому свойству.

Представляется вполне очевидным, что любой исторический источник, любой документ (в широком смысле слова) в той или иной степени несет в себе отпечаток личности того человека, который его создал, зафиксировал на материальном носителе. Но сам по себе источник нем: он «оживает», если появляется исследователь, задающий ему определенные вопросы. Те вопросы, которые историк задает источнику, формируют активный ответ последнего, и два этих встречных движения – исходящее от историка и исходящее от людей прошлого – встречаются и объединяются в некоем синтезе.

Собственно, любое историческое исследование представляет собой *диалог культур*. Какие бы конечные цели не ставил перед собой историк, каким бы инструментарием он не пользовался – та культура, та ментальность, носителем которых он является, соприкоснется с культурой и ментальностью прошедших эпох. Историк не может отказаться от своего времени, он не может выйти за пределы своей культуры, чтобы беспристрастно рассмотреть чужую.

Что же произойдет, если мы в качестве объекта анализа, в качестве исторического документа выберем *труд историка*? Т.е., мы рассмотрим совокупность субъективных взглядов исследователя, изучающего прошлое, и субъективной информации, полученной им из исторических источников. Это своеобразное пространство исторического исследования А.Я. Гуревич назвал «хронотопом»: «Когда мы говорим о хронотопе историка, то подразумеваем два пласта времени. Во-первых, это время, современное историку. Время его современности, с проблем которого начинается исследование и которое неизменно присутствует на протяжении всех стадий работы исследователя. Но вместе с тем углубление анализа источников вводит историка в другое время, во время истории, во время, когда происходили те исторические явления, которые суть предмет его размышлений. Переключка времени прошлого, которое исследу-

ется, со временем историка, в котором он исследует, эта переключка лежит в основе всего исследования» [2. С. 12].

Изучение хронотопоса историка – это возможность прикоснуться к квинтэссенции исторического познания; к истории не просто описанной, но *переживаемой* и *проживаемой* исследователем; увидеть взаимодействие прошлого и настоящего. Применяв данный подход, мы увидим, как наполняется живым и конкретным содержанием такое «размытое» понятие как менталитет: как мировосприятие историка преломляет и отражает мировосприятие его безмолвных собеседников из глубины времен.

В качестве подобного «исторического концентрата» нами был выбран интереснейший документ – труд русского историка XIX в. Николая Алексеевича Полевого «История русского народа». Это исследование, увидевшее свет в 1830–1833 гг., и затем переизданное лишь в 1997 г., известно лишь узким специалистам. Историографию, посвященную Полевому, можно пересчитать по пальцам одной руки: несколько дореволюционных изданий и одна монография советского периода. А между тем, «История русского народа» представляет значительный интерес, особенно в рамках заявленной нами темы.

Основную цель написания «Истории...» Полевой обозначил так: «Название книги... показывает существенную разницу моего взгляда на историю отечества, от всех донныне известных. Я полагал, что в словах Русское государство заключалась главная ошибка моих предшественников. Киевское государство... представляло собой особую систему феодальных Русских государств. При таком взгляде... может быть только история русского народа, а не История Русского государства» [3. С. 23]. Таким образом, Полевой поставил перед собой невероятно сложную задачу: показать развитие России как многогранный и неоднозначный процесс, ввести в ткань исторического повествования народ, население страны, как активно действующую силу.

Первая глава первой книги рассказывает о состоянии русских земель в IX в. н. э., последняя глава шестой книги – о царствовании Иоанна Грозного во второй половине XVI в. Таким образом, труд Полевого охватывает примерно семь столетий русской истории.

Анализируя хронотопос «Истории русского народа», мы находим любопытные примеры взаимодействия мировосприятия автора и информационных потоков, идущих из прошлого. Например, вот что он пишет о возникновении варяжских княжеств на Руси: «С тем вместе и образ правления патриархальный, ведущий к единодержавию, должен был существовать у славян... они (предки славян – П. Н.-Д.) всегда старались

удаляться от места битв и кровопролитий... никогда не были народом воинственным. В противоположность скандинавам... славяне представляли нечто спокойное, кроткое и мирное» [3. С. 77].

«Все заставляет нас думать, что славяне были по степени образования несколько не выше скандинавских пришельцев-победителей... При дикости и грубости нравов народа покоренного... законы... должныствовали быть просты, малосложны и грубы». И вот – ключевой тезис: «Чувство любви к отечеству, уважение к славе предков, ложно смешиваемое с желанием славы и счастья отечеству в настоящее время, не должно вводить в заблуждение историка. Векам прошедшим предоставим странное честолюбие видеть граждан в варварах славянского происхождения и героев в хищниках варяжских...» [3. С. 91–97].

Как видно из вышеприведенных тезисов, Полевой в вопросе о характере славян постоянно противоречит сам себе, на одних и тех же страницах высказывая противоположные суждения. Возникает два предположения, объясняющих подобную двойственность.

Во-первых, Полевой мог высказать некоторые предположения о «добродушном» характере славян из политических соображений, демонстрируя определенную лояльность к государственной славянофильской позиции. Впрочем, эта версия вряд ли имеет под собой серьезные основания: в тот период Николай Алексеевич придерживался весьма либерально-демократических, даже республиканских взглядов и совершенно не стеснялся выражать их как устно, так и в печати. Да и странно выглядит «политический» тезис о кротких предках, через пару страниц дезавуированный противоположным высказыванием.

Более правдоподобно выглядит другая версия: столкновение двух ментальных потоков породило гносеологическую напряженность, невозможность примирения различных мировосприятий, даже с учетом признания Полевым несомненной эволюционности «народного характера». Можно выразить эту мысль иначе: *да, я знаю, что менталитет моих предков был таким, но я страстно желал бы, чтобы он был другим*. Налицо конфликт «Я-ментального» и «Я-интеллектуального», тем более примечательный, если учесть, что Полевой пропагандировал «беспристрастную» историю, основанную на поиске Истины, а не на собственных предпочтениях.

Примеров подобных противоречий на страницах «Истории...» можно отыскать немало. Но это отнюдь не умаляет ценности труда Полевого, как могло бы показаться с точки зрения традиционной историографии. Напротив, рассматривая «Историю...» как хронотопос, мы в сжатом, концентрированном виде можем проследить эволюцию колоссальных

ментальных пластов целого народа, не выходя при этом за рамки одного источника.

Таким образом, анализ хронотопоса, т.е. анализ исторического пространства-времени любого документа, так или иначе описывающего прошлое, имеет большие методологические перспективы и нуждается в дальнейшем применении и развитии.

Примечания

1. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. 627 с.
2. *Гуревич А.Я.* Территория историка // «Одиссей». Человек в истории. М., 1996. С. 5–21.
3. *Полевой Н.А.* История русского народа. В 3 т. М.: Вече, 1997.

М.В. Коурдаков

ФЕНОМЕН ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ (КАЗУС «DONATIO CONSTANTINI»)

Фактическая независимость Западной церкви от Константинополя (Византии), начиная с VII–VIII вв., воспринималась римскими папами как убежденность в том, что апостол Петр есть родоначальник Римской кафедры, а через нее – всех остальных епископских кафедр. В VIII в. наместник Св. Петра на земле – папа, представлялся как глава разрываемой на части христианской эйкумены, Imperium Christianum – как символ ее сплоченности. Это убеждение римских пап в своей первоначальности приобрело юридическое и институциональное оформление, вылившееся в образование в 756 г. папского государства, которое еще не могло считаться самостоятельным образованием, поскольку юридически оно все еще находилось в рамках Римской империи.

Новообразовавшееся государство не располагало основополагающими атрибутами государственности: не имело вооруженных сил, не имело юридического обоснования своей власти. Епископ римский был духовным главой западной ветви христианства, а с образованием Папской области он превращался еще и в светского правителя. На долю римского понтифика выпало, с одной стороны, обоснование суверенности Папского государства, признание своих светских прерогатив, и с другой стороны, – обоснование верховенства власти папы над всем христианским миром. Но это устремление наместников Св. Петра встретило сильнейшее сопротивление представителей местной аристократии, вылившееся в формулу: «тот, кто является государем всех, должен и избираться всеми» (*qui omnibus piae est ab omnibus eligatur*) [6. С. 58]. Решение было найдено на Соборе 769 г. (в Латеранской базилике в Риме, с участием франкских епископов), который постановил, что «...отныне в папы можно избирать исключительно кардиналов-священников или кардиналов-дьяконов... лица недуховного звания, проживавшие в Риме, могли своими подписями как бы поддержать уже состоявшееся избрание» [6. С. 60].

С целью разрешения противоречий необходим был документ, подтверждающий и узаконивающий право престола Св. Петра на власть, административную доминанту и земли, и такой документ родился в монастырских скрипториях Римской церкви. Историкам данный документ известен как «Константинов дар» (лат. *Donatio Constantini*), который около 850 г. был включен в сборник Исидоровых (Лжеисидоровых) декреталий. Это впослед-

ствии сыграло важную роль в утверждении политического положения папства и формировании его отношений с императорами Запада, оправдывая как само существование Папского государства, так и территориальные претензии пап на Италию и светскую власть. Скепсис в подлинности грамоты Константина высказывали многие мыслители средневековья: Сильвестр II, Марсилио Падуанский. А после эмоционального трактата Лоренцо Вальи за грамотой Константина устойчиво закрепился статус фальсификации.

До сих пор подавляющее большинство историков рассмотрению данного документа не уделяло должного внимания, учитывая его «клеймо» подложности. Даже в работе Енё Гергея «История папства» этому вопросу отводится всего один абзац в главе «Папство в раннем средневековье VIII–IX вв.», смысл которого в следующем: «Дарственная грамота, которая появилась во второй половине VIII в., когда она была нужна в качестве юридического обоснования задним числом создания Папского государства... Пипин обеспечил папству в Италии свободу рук... Как только угроза со стороны соседей исчезла, папство тут же начало мечтать о власти над миром». Однако Гергей не приводит в своей работе какого-либо анализа содержания источника. Е. Гергей считал, что документ появился при Пипине III [7. С. 67]. При специальном анализе документа можно заметить, что в нем отражены тенденции, характерные для Римской церкви более позднего периода – периода Карла Великого.

Мы рассматриваем «Константинов дар» именно как документ VIII–IX вв., созданный по заказу Рима и отразивший его взгляды на политику того времени, обосновывающий сам факт возникновения Папской области.

При анализе «*Donatio Constantini*» необходимо учесть социально-политический фактор, связанный с менталитетом народов средневековья, а именно: средневековый традиционализм и разрешение имущественных вопросов через обращение к правовым нормам, в которых зафиксирован обычай или воля предков.

Можно выделить следующие основные моменты анализируемого источника.

Во-первых, притязания на верховенство власти Папы Римского над всем христианским миром: «Император Константин на четвертый день после своего крещения даровал привилегию первосвященнику Римской церкви, состоящую в том, чтобы во всем римском мире священники признавали его своим главою так же, как судьи признают своим главою царя» [1]. Смысл данного абзаца документа пересекается по смыслу с текстом *CAPITULARE MANTUANUM* Карла Великого: «О правосудии божьих церквей, вдов и сирот. Мы определяем и приказываем, чтобы все

более или менее могущественные епископы, аббаты, графы впредь всеми средствами (вершили) и гарантировали (им) правосудие...» [2].

Рассматривая данный абзац, следует учесть, что, согласно убеждениям того времени, притязание на верховенство выглядело в глазах западных христиан, как истинная борьба за чистоту веры, принятой из рук самого императора Константина: «Ему принадлежало верховенство как над четырьмя главнейшими престолами... Папа, который когда-либо будет стоять во главе святой Римской церкви, пусть стоит выше всех священников и пусть будет главою всем священникам всего мира» [1].

Во-вторых, это безграничная власть, переданная Епископу Римскому из рук самого императора с правом «наследования» его преемниками на Римском престоле: «...высочайшим нашим решением мы постановили, чтобы он (папа Сильвестр – *К.М.*) и его преемники распоряжались этими владениями и чтобы владения эти оставались подвластны закону святой Римской церкви» [1]. Возможно, это опять «переписка» с документами Карла Великого (грамот Триарской церкви [4] и Мецской церкви Карла Великого [3]), которые, по сути, являются иммунитетными пожалованиями, проведенная путем узаконивания востребованной тенденции методом ее умышленного «устаревания».

В-третьих, папская власть признается непререкаемой, сводится на нет какая-либо мысль о несогласии с папой в проявлении оппозиционных взглядов: «...Сильвестру и его преемникам право собственным решением назначать священником и причислять к благочестивому числу клириков того человека, кого он пожелает. И пусть никто другой не дерзает поступать своевольно». Данная идея была узаконена в 1870 г. догматом о папской непогрешимости: «*Roma locuta, res finita est*» – «Рим сказал свое слово, дело окончено» [7. С. 711].

В-четвертых, объясняется сложившаяся к VIII–IX вв. церковная иерархическая система, построенная, по утверждениям авторов источника, по принципу римского сената. Это преподносится не как нарушение евангельских заповедей (т.к. в раннехристианских общинах были все равны) и уход от идей апостолов, а как «*Дар* Константина»: «Мы также постановляем, чтобы почтеннейшие мужи и монахи, принадлежащие к различнейшим орденам святой Римской церкви, были наделены тем величием особой власти и превосходства, славою которых кажется украшенным сиятельный наш сенат, то есть, чтобы они становились патрициями и консулами...» [1].

В-пятых, в документе рассматривается и довольно щекотливый аспект, идущий вразрез с евангельской доктриной о нестяжательстве, но необходимый для независимого существования церковной иерархиче-

ской системы и отправления культа: «§ 1. Церквам блаженных апостолов Петра и Павла, дабы светильники их всегда были наполнены, мы передали земли владений и одарили их различными вещами...» [1]. Но это есть не что иное, как переписывание смысла «Пипинового дара», прямое узаконивание полученных от Пипина III территорий.

Подводя итог проведенному анализу, необходимо отметить, что для всестороннего изучения интересующей исследователя эпохи нужно пользоваться не только источниками, в подлинности которых никто не сомневается, но и скрупулезно и тщательно исследовать фальсификации, т.к. в них иной раз более явно и наглядно прослеживаются те тенденции, доказательством наличия которых и занимается исследователь. На примере анализа «Константинова дара» мы постарались показать, как сфальсифицированный источник открывает исследователю устремления исследуемого объекта, и для нас этим объектом является Римская церковь раннего средневековья.

Примечания

1. «*Дарственная* грамота Константина» (Donatio Constantini). Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/IV/Dar_Kostantina/text.htm
2. *Мантуанский* капитулярный Карла Великого, 781 г. н. э. (CAPITULARE MANTUANUM). Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/VIII/780-800/Karl_Gr/Mantua_Kap781/text.htm
3. *Грамота* Мецской церкви Карла Великого, 775 г. н. э. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/VIII/760-780/Karl_Gr/Gram_Metz_Kirch775/text.htm
4. *Грамота* Триарской церкви Карла Великого, 772 г. н. э. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/VIII/760-780/Karl_Gr/Gram_Trier_Kirch772/text.htm
5. *Гергей Е.* История папства. М.: Республика, 1996.
6. *Лозинский С.Г.* История папства. М.: Политиздат, 1986.
7. *Христианство*: Энциклопедический словарь в 2 т. Т. 1: А–К / Гл. ред. С.С. Аверинцев. М., 1993.

ПАМЯТЬ КАК ИСТОЧНИК НАПИСАНИЯ МЕМУАРОВ

Исследование источников личного происхождения, в том числе мемуаров, выдвигает на первый план проблему их достоверности, зависящую, в свою очередь, от ряда факторов, прежде всего от памяти мемуариста. Большинство исследователей, обращавшихся к проблеме памяти, как одного из основных источников написания мемуаров, констатировали её несовершенство. Память понималась как один из результатов сложного взаимодействия человека с внешним миром, представляющий собой непосредственное, индивидуальное сохранение и воспроизведение человеком событий реальной действительности. Наряду с этим, память признавалась источником «весьма ограниченным». Ограниченность, в свою очередь, представлялась большинству исследователей производной от величины разрыва между событиями, отражёнными в воспоминаниях, и временем их написания. Это обстоятельство изначально предопределяло и критическое отношение к достоверности мемуарных источников.

Вместе с тем представляется, что исследовательское поле памяти как одного из ключевых источников мемуарного творчества гораздо шире. Следует обратить внимание на структуру памяти, как психофизической категории, её основные типы, функции, свойства, без понимания которых, на наш взгляд, невозможен полноценный критический анализ мемуаров.

В настоящее время память является одним из центральных объектов исследований в когнитивной психологии и в самом общем виде понимается как процесс передачи информации по временному каналу. Большинство когнитивных теорий, описывающих работу памяти, исходят из положения, что информация может удерживаться в памяти различное время, в зависимости от способа её кодировки и обработки. В соответствии с этим выделяют кратковременную и долговременную память. Последняя, в свою очередь, представляет собой сложную систему, состоящую из разных уровней (типов) памяти: семантической, содержащей обобщённые сведения о мире; декларативной (эксплицитной), использующей факты и события; процедурной (имплицитной), включающей навыки и мастерство; автобиографической памяти, содержащей личностные воспоминания [1. С. 134].

Каждая из указанных подсистем памяти характеризуется специфическими закономерностями организации и извлечения материала. Источником воспоминаний, на наш взгляд, следует считать так называемую авто-

биографическую память человека – один из фиксируемых памятью потоков информации, оперирующий воспоминаниями о лично значимых событиях и состояниях человека. В то же время следует иметь в виду, что личностные воспоминания, во-первых, не являются точным слепком с действительности, во-вторых, они изменчивы, обладают способностью развиваться, искажаться и, наконец, отмирать [2. С. 15]. Несомненно, указанные специфические особенности автобиографической памяти, а также сложность процесса запоминания и воспроизведения информации, накладывают прямой отпечаток на степень достоверности источников мемуарного характера. Выделим некоторые, наиболее частые искажения, вызываемые «сбоями» памяти, её изменчивостью и влияющие на текст источника.

Расхождение между реальными характеристиками запечатлённого в памяти исторического события и воспоминанием о нём зачастую влечёт искажения как временного аспекта в тексте воспоминаний, так и содержательной стороны исторических событий. Другими словами, человек по-разному, в зависимости от личной значимости, оценивает продолжительность протекания того или иного события и его локализацию на оси времени, что приводит к столь часто встречающимся в мемуарах ошибкам в датировке событий. Так, временную дистанцию эмоционально насыщенных, ярких, образных воспоминаний автор мемуаров, как правило, будет переоценивать. Некие переломные события в жизни человека, напротив, будут характеризоваться «субъективным сжатием» времени. Наряду с этим, наименьшей достоверностью, по мнению психологов, обладают зафиксированные по памяти датировки каких-либо экстремальных событий, так как ошибки времени в данном случае совершаются в момент кодирования и обладают высокой устойчивостью [3. С. 90].

Искажение первоначального значения и смысла события с течением времени в связи с последующими или вновь сложившимися обстоятельствами. Образ события никогда не остаётся в памяти в первоначальном виде, он перерабатывается в соответствии с поздними наслоениями, психологическими переживаниями, осмыслением и, будучи извлечённым из памяти через несколько лет, может существенно отличаться от первичного образа.

Достройка воспоминания путём включения новых элементов. При этом вновь включённые элементы могут не иметь ничего общего с исторической реальностью, но автор мемуаров будет воспринимать их как имевшие место в действительности. Как правило, подобная ситуация возникает при обращении к авторитетным для автора альтернативным ис-

точникам: документам, свидетельствам третьих лиц и пр. При этом большое значение имеет доверие или недоверие к содержанию своей памяти. Как правило, критичные в этом отношении к себе люди не только чаще обращаются к альтернативным источникам, но и легче включают в свою автобиографическую память новые воспоминания.

Вместе с тем, как отмечалось выше, специфические свойства автобиографической памяти являются далеко не единственными факторами, накладывающими прямой отпечаток на память и текст мемуаров. Принципиальное значение имеет и сам процесс вспоминания, и, прежде всего, ситуация, в которой человек приступает к написанию мемуаров. Во-первых, следует иметь в виду, что существуют формы ситуативной зависимости текста воспоминаний от актуального состояния автора: приведение автобиографического воспоминания в соответствие с наличной жизненной ситуацией, «улучшение» прошлого как компенсаторная реакция на негативную наличную ситуацию; «ухудшение прошлого» с целью субъективного повышения значимости своих личных заслуг [2. С. 25]. Во-вторых, принципиальное значение имеет то обстоятельство, что процесс воспоминаний событий личного прошлого сопровождается особым состоянием сознания (состояние «автоноэзиса»), когда человек осуществляет путешествие в прошлое. При этом очень важно, чтобы в момент вспоминания память мемуариста была свободна от разного рода аффектов, так как воспоминания до неузнаваемости могут быть деформированы в так называемых неординарных состояниях сознания, обусловленных различными соматическими ощущениями, мощными эмоциями и пр.

Следует также отметить, что при анализе текста мемуаров необходимо дифференцировать «я-центрированные» и «социум-центрированные» мемуары, так как воспоминания о себе качественно отличаются от деперсонализированных воспоминаний. Опорными точками в первом случае зачастую выступают так называемые «переломные воспоминания» – это особый тип воспоминаний о событиях, которые оцениваются человеком как критически важные и повлекшие за собой кардинальные личностные изменения. Структура воспоминаний о переломных событиях строится на основании содержательного сопоставления того, что было «до» и «после» него. При этом воспоминание о последнем по времени переломном событии в жизни будет являться границей между субъективным прошлым и субъективным настоящим. Установление подобных границ имеет значение при анализе мемуарного источника, так как воспоминания о различных периодах жизни отличаются по своей пластичности. Воспомина-

ния, находящиеся в субъективном прошлом, легче поддаются искажениям [3. С. 89, 91, 97].

При написании «социум-центрированных» мемуаров вспоминающий субъект фокусирует внимание на исторической значимости ситуации, а не на собственных переживаниях. Данный вид мемуаров, как правило, пишется с позиции наблюдателя, что позволяет автору, с одной стороны, некритично ассимилировать предлагаемую извне картину события, в частности сведения из других источников, а с другой – сохранить и более детально воспроизвести запомнившуюся информацию.

Таким образом, неотъемлемой чертой мемуаристики является ретроспективность, имеющая зачастую неоднозначный характер. Обеспечить положительную ретроспективность позволяет, в частности, слаженная организация и функционирование основного источника мемуарного творчества – памяти человека.

Примечания

1. **Нуркова В.В.** Память // Общая психология в 7 т. М.: Издательский центр «Академия», 2006. Т. 3.
2. См.: **Нуркова В.В.** Проблема истинности автобиографических воспоминаний в процессе судопроизводства // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 8.
3. **Нуркова В.В.** Доверчивая память: как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: сборник научных трудов / Под ред. В.Д. Соловьёва, Т.В. Черниговской. М., 2008. Вып. 2.

А.М. Яринская

**«ДОМОСТРОЙ»:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ**

«Домострой» – письменный свод разного рода полезных сведений и наставлений христианину – имеет давнюю традицию изучения. Длительное время за ним сохранялась устойчивая репутация документа, свидетельствующего исключительно о косности и жестокости русского общества XVI–XVII вв. (и даже в более позднее время) [1; 2. С. 497–498; 3]. Часть современных исследователей опровергла этот подход к оценке «Домостроя» и поставила его в ряд источников по истории культуры времени его написания [4; 5; 6; 7].

Как законченное произведение, «Домострой» складывался на протяжении достаточно длительного периода времени. В основу его текста легло несколько традиционных для средневековой литературы жанров, таких, к примеру, как «поучения от отца к сыну», «слова святых отец, како жить христианом», «домострой» средневековой Европы, что позволяет понять и сложность состава, и частую противоречивость нравственных рекомендаций книги [4. С. 8–10].

Начало «Домострою» было положено в Новгороде в последние десятилетия XV в. – сборником наставлений и советов по ведению домашнего хозяйства. Постепенно документ пополнялся новыми рекомендациями и в середине XVI столетия, в период становления централизованного государства, скорее всего в Москве, был подвергнут очередной переработке, получив окончательное оформление [4. С. 10; 8. С. 184; 9. С. 7]. Авторство этой редакции в современной историографии признается за государственным и церковным деятелем священником Сильвестром (начало XVI в. – 1566 г.) [5. С. 19; 7. С. 31; 9. С. 6].

В полном соответствии со средневековыми представлениями и идеологией Московского государства Сильвестр в законченном виде выстроил в «Домострое» иерархию основных организующих форм: семья – церковь – государство. Как во главе государства стоит царь-государь, так и в семье государь-хозяин является головой всему дому. Церковь в этой цепи выступает в роли связующего звена, ответственного за контроль взаимодействия семьи и государства путем поддержания в людях веры в Бога и покорности власти [9. С. 8–9].

Первый раздел «Домостроя» «сильвестровской» редакции – «Духовное строение» – включает 14 глав, которые В.О. Ключевский разделил на три

части: богословие (как веровать), политику (как царя чтить) и нравоучение (как чтить духовный чин) [10. С. 85]. Названия глав «духовного строения» действительно подтверждают такое разделение. Например: «Как христианам веровать во святую Троицу и пречистую Богородицу...» (гл. 2); «Как царя и князя чтить и повиноваться им во всем...» (гл. 7); «Как почитать отцов своих духовных...» (гл. 14).

Второй раздел – «Мирское строение» – также содержит 14 глав, в которых регламентируются внутрисемейные отношения: «Как детей своих воспитать в поучении...» (гл. 15), «Как детям отца и мать любить...» (гл. 18); «Наказ мужу, и жене, и работникам, и детям, как подобает им жить» (гл. 21).

Третий раздел документа под названием «Домовное строение» состоит из 33 глав, посвященных ведению хозяйства: «Как всякое платье кроить...» (гл. 31), «Как порядок в избе навести...» (гл. 38), «Как огород и сад разводить» (гл. 45), «Как мужу с женою советоваться, что ключнику наказать...» (гл. 49); «Как двор устраивать, или лавку...» (гл. 61).

В «Домовном строении» также содержится информация о том, «как на люди выходить, и к себе приглашать...» (гл. 34), и «женам наказ о пьянстве...» (гл. 36). Все это еще раз подтверждает тот факт, что текст «Домостроя» имел свое развитие, в ходе которого не раз подвергался переписыванию.

Завершает «Домострой» «Послание и наставление от отца сыну» (гл. 64), являющееся собственным сочинением Сильвестра. На личном примере священник раскрывает и поясняет своему сыну Анфиму, насколько эффективны и справедливы рекомендации, следуя которым можно добиться успеха в современном им обществе. Названная глава может рассматриваться и как самостоятельное литературное произведение древнерусского жанра поучений отца сыну, достаточно распространенному уже с XI в.

Таким образом, текст «Домостроя» дает богатые сведения для изучения духовной, политической, социальной, семейной, хозяйственной жизни средневековой Руси. Это, в свою очередь, открывает возможность для раскрытия его содержания историками, источниковедами, богословами, социологами, филологами, экономистами, педагогами.

Открытым и интересным остается вопрос об адресате «Домостроя», ответ на который позволяет определить сословную направленность текста и через нее – сословную принадлежность домохозяина и членов его семьи. В современной историографии социальный статус адресата очерчен довольно широко: это боярин, купец, даже князь, но и тот, «у кого сел нет» – каждый должен верить в Бога и жить по своему достатку [7. С. 27; 9. С. 6].

В.В. Колесов такую неопределенность целевой аудитории «Домостроя» объясняет универсальным характером формируемого им идеала, проецируемого на все социальные страты средневекового Русского государства [6. С. 333].

Для большинства исследователей остается невыясненным обстоятельство: является ли «Домострой» строгим документом, точно отражающим русский быт эпохи Средневековья, или является своеобразным «семейным кодексом» рекомендательного характера. По А. Заусцинскому, в нем представлены «типы хозяина, хозяйки, мужа, жены, детей и слуг, как образы идеальные для тогдашнего общества, но идеалы эти тесно связаны с действительным бытом: в них современники высказали свои лучшие воззрения, и по форме и по духу принадлежащие к тому веку» [1. С. 1].

По мысли Д.С. Лихачева, проповедуемый в «Домострое» идеал выступает регулятором реальной жизни, и если он «доведен до дома, входит во все мелочи быта, личного поведения в семье и в доме и во всем требует «знать меру», то идеал становится почти реальностью» [11. С. 13].

В.В. Колесов полагает, что, как бы ни были хороши отдельные советы «Домостроя», включенные в число вечных проблем человечества, «в целом он – все же литературный памятник, а не действующая в жизни норма» [5. С. 12].

С учетом вышесказанного можно заключить, что «Домострой», так и не став официальным государственным документом, долгое время был авторитетным руководством по устройению жизни русских людей, поскольку содержал в себе «все то, что они давно уже придумали, разрешили, установили и передавали из поколения в поколение...» [2. С. 498].

Итак, «Домострой», как законченное произведение, складывался на протяжении длительного периода времени, начиная примерно с конца XV в. В середине XVI столетия, в период реформ, направленных на укрепление центральной власти, документ был подвергнут редактированию священником Сильвестром, получив свое окончательное оформление. Указанными обстоятельствами объясняется эклектичность структуры «Домостроя» и наличие в нем ряда несоответствий и противоречий.

В объединительных тенденциях Русского государства «Домострой» сыграл важную роль как документ, выразивший и закрепивший идеал духовной, семейной и хозяйственной жизни, прежде всего, в нравственном их аспекте. Будучи доведенным до дома, идеал входил во все мелочи быта, личного поведения в семье и в доме, во всем требуя «знать меру». Вследствие этого идеал «Домостроя» мог обретать способность становиться реальностью.

Существование нескольких редакций текста «Домостроя» в XVI–XVII вв., наличие его переделок в списках XVIII в. также свидетельствует о том, что на протяжении длительного времени его содержание воспринималось как актуальное [8. С. 176–177]. Допустимо предположить, что многие советы «Домостроя» не потеряли своей значимости до сих пор. Кроме того, отразивший в себе многие реалии русской средневековой жизни (политические, религиозные, идеологические, социальные, бытовые, семейные), в настоящее время «Домострой» может рассматриваться и в качестве объекта междисциплинарных научных исследований.

Примечания

1. *Заусцинский А.* Быт русского общества XVI столетия по Домострою // Варшавские университетские известия. 1879. № 4. С. 1–29.
2. *Шелгунов Н.В.* Сочинения. Т. 3: Очерки русской жизни. СПб., б. г. 1093 с.
3. *Григорьев Д.Е.* Классовые основы «Домостроя» // Ученые записки Северо-Осетинского гос. пед. ин-та. 1940. Т. 2 (XV), вып. 1. С. 53–62.
4. *Колесов В.В.* Домострой без домостроевщины // Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова. М., 1990. С. 5–24.
5. *Колесов В.В.* Экономика нравственности и нравственность экономики // Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова. М., 1991. С. 6–22.
6. *Колесов В.В.* Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой / Подготовка текстов В.В. Колесова и В.В. Рождественской. СПб., 2000. С. 300–356.
7. *Найденова Л.П.* «Свои» и «чужие» в Домострое // Родина. 1997. № 6. С. 25–31.
8. *Некрасов И.С.* Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873. 186 с.
9. *Вдовина Л.Н.* Домострой – «зерцало» быта, традиций и обычаев русского народа // Домострой. Ярославль, 1991. С. 5–11.
10. *Ключевский В.О.* Два воспитания // Ключевский В.О. О нравственности и русской культуре / Сост., вступ. ст. и примеч. Р.А. Киреевой. М., 2006. С. 82–103.
11. *Лихачев Д.С.* Литература «государственного устройства» (середина XVI века) // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века / Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1985. С. 5–16.

О.А. Слугина

СТАТЕЙНЫЕ СПИСКИ РУССКИХ ПОСОЛЬСТВ В КИТАЙ XVII в. В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Как известно, результативность исследования определяется материалами, на основе которых оно выполнено, и степенью их освоенности. Поэтому к источникам предъявляются определенные требования, в зависимости от того, в какой области лингвистики проводится исследование. Наиболее серьезны эти требования по отношению к работам, выполненным на историческом материале, так как старинные русские тексты в рукописях могут изучать лишь немногие лингвисты, и потому большинство исследований основано на изданиях памятников, а не на оригиналах. В исторических исследованиях, кроме количественного аспекта, необходимо учитывать принадлежность источника к собственно оригиналу либо к отредактированному списку с оригинала, отнесенность источника к определенному языковому коллективу и времени и многое другое [1. С. 17–62].

С.И. Котков отмечал, что хранилища древних рукописей располагают значительным фондом разновременных памятников и актовых материалов, представленных преимущественно в списках. «Неисчислимые материалы русской скорописи XVI–XVIII вв. в своем огромном большинстве являются текстами делового и в некоторой части бытового содержания. В сравнении со всеми другими источниками названной эпохи они с наибольшим приближением к действительности отражают былое состояние народно-разговорной речи» [1. С. 20]. Интерес историков языка к подобным памятникам в 50-е гг. XX в. привел к осознанию необходимости специализированного изучения лингвистических источников, в результате чего зародилось целое научное направление, получившее название лингвистического источниковедения. Понятийный аппарат источниковедческого направления в лингвистике был разработан С.И. Котковым [2. С. 6–16]. Он выделил объект, предмет и метод в данной научной области.

Объект исследования в лингвистическом источниковедении, т.е. непосредственно лингвистический источник, С.И. Котков определил как «единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредованного (графического) запечатления языка или его элементов, объем, содержание и характер которой определяется, с одной стороны, возможностями и потребностями, с другой – строем запечатленного» [2. С. 9–10]. С точки зрения происхождения источников, С.И. Котков выделил объективно-сложившиеся и заданные, наполнение которых сформировано ис-

следователем в соответствии с характером и задачами исследования (например, материалы, собранные по анкетам и программам). Кроме того, источники могут делиться на первичные и вторичные. К первичным относятся такие источники, лингвистическое наполнение которых сохраняется в изначальном виде, к вторичным – такие, лингвистическое наполнение которых было адаптировано в процессе исследования, либо в целях справочной службы (например, лингвистические картотеки, словари).

В основе понятия предмета лингвистического источниковедения лежит термин лингвистической содержательности и лингвистической информативности источника. Лингвистическая содержательность представляет собой совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, которая определяется содержанием данного источника и его отношением к какому-либо лингвистическому образованию, т.е. языку, наречию либо говору. Лингвистическая информативность – это степень прямого и косвенного отражения в источнике лингвистической содержательности, определенная условиями образования источника и характеру графики. По способу образования источники делятся на графические и инструментально-физические; по характеру графики – на печатные и письменные, причем в последних можно выделить уставные, полууставные и скорописные.

Что касается метода лингвистического источниковедения, то он состоит «в изучении лингвистической содержательности в соответствии с иерархией ее обусловленности содержанием источника, в направлении от непосредственной ко все более опосредованной, а также в исследовании лингвистической информативности в ее многообразной обусловленности культурой запечатления языка» [2. С. 11].

Одним из интересных источников для изучения являются дошедшие до наших дней издания русских посольских документов. Эти представляемые в посольский приказ донесения в старину назывались статейными списками. В жанровом отношении подобные списки представляли собой документы по делопроизводству центральных правительственных учреждений Российского государства XV–XVII вв., составившие по «статьям», т.е. по отдельным вопросам. Сохранившиеся в столбцах Сибирского приказа, посольские книги стали богатым материалом для изучения не только в плане историческом, географическом, бытописательном, но и собственно лингвистическом. К данному исследованию был привлечен ряд статейных списков XVII в.:

1) Статейный список И. Петлина [3. С. 65–78], дошедший до наших дней в четырех вариантах. Первый вариант «Росписи» был оформлен в Тоболь-

ске между 16 мая и 6 июля 1619 г., второй – в Москве между 23 сентября и 10 ноября того же года, третий представляет собой «Сказку томского казака И. Петлина на стане в слободе Солдоге о его поездке в Китай», составленную 23 сентября того же года, а четвертый – расспросные речи в приказе Казанского дворца между 29 сентября и 10 ноября 1619 г. [3. С. 27, 38, 55]. По объему эти списки составляют 16 страниц печатного текста.

2) Статейный список Ф.И. Байкова [3. С. 113–145], сохранился в двух вариантах. Первый датируется по времени пребывания Ф.И. Байкова в Тобольске после возвращения из Китая, между 31 июля 1657 г. и 16 марта 1658 г. Он воспроизводится по первой публикации, единственной, которая была сделана с подлинника. Второй вариант представляет собой совмещение двух списков, относящихся примерно к одному времени – по времени возвращения Ф.И. Байкова в Москву – «1658 г. позднее августа» [3. С. 113]. Достоверных сведений об авторстве Ф.И. Байкова и о нем самом нет, но, скорее всего, текст составлялся в ходе посольства. По объему этот список составляет 32 печатные страницы.

3) Статейный список Н.Г. Спафария [4. С. 346–458], представленный в единственном варианте, созданном между 28 февраля 1675 г. и 20 июля 1676 г. Этот список стал наиболее информативным, так как является самым большим по объему – 112 печатных страниц.

Статейные списки можно отнести к объективно-сложившимся первичным источникам. С точки зрения лингвистической информативности, статейные списки в первоизданном виде представляют собой графические по способу образования и письменные скорописные по характеру графики источники. Опубликованный вариант данных списков по способу образования также можно отнести к графическим источникам, а по характеру графики – к печатным, что обуславливает особенности лингвистической содержательности статейных списков.

Что же касается лингвистической содержательности, в настоящее время не существует лингвистических изданий статейных списков. Используемые в качестве материала для исследования историками, эти списки были опубликованы со значительными упрощениями, что делает невозможным привлечение их для изучения фонетических, морфологических и синтаксических особенностей языка XV–XVII вв. Однако, для изучения лексики не имеют значения ни графика, ни отображение орфографических и пунктуационных особенностей. С.И. Котков отметил: «Не исключая возможности появления в списке, в сравнении с оригиналом, отдельных фонеморфологических и правописных отклонений, не видим условий для появления в нем таких лексических изменений, которые могут

заметным образом отдалить его от оригинала: замена тех или иных слов в подобном документальном повествовании, да еще при «писарском» копировании, мало вероятна» [1. С. 42–43]. Таким образом, не пригодные для изучения фонетики, морфологии и пунктуации, изданные статейные списки являются прекрасным источником для изучения лексического состава языка XV–XVII вв.

Примечания

1. *Котков С.И.* Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980.
2. *Он же.* О лингвистическом источниковедении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980.
3. *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М., 1966.
4. *Спафарий Н.Г.* // Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1: 1608–1683. М., 1969.

Н.М. Дмитриенко

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ОСНОВАНИЯ ТОМСКОГО ГОРОДА (ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПЕРВОИСТОЧНИКАМ)

Среди работ последних лет по истории Томска особый дискуссионный интерес представляют труды археолога М.П. Чёрной. Опираясь на материалы археологических раскопок на южном мысе Воскресенской горы, где по устоявшемуся в литературе мнению в 1604 г. был основан город Томск, она опровергла это мнение [1. С. 6]. Главным и единственным аргументом стало то, что в ходе раскопок ею не были найдены «культурные напластования с руинами города первой половины XVII в.» [1. С. 84]. Исходя из этого, М.П. Чёрная утверждает, что Г.Ф. Миллер, как и все последующие авторы, писавшие о Томске, ошибались, совмещая местоположение города 1604 г. и 1648 г. [1. С. 16, 26]. И в этом она частично права. Тем не менее, говорить о том, что сведения об основании Томска на южном мысе Воскресенской горы – опровергнутый миф [1. С. 85; 2. С. 14], всё же рано. Наряду с материалами археологических раскопок, необходимо привлечь и рассмотреть другие виды источников, часть которых М.П. Чёрная называет в своих работах, но не использует.

В поисках ответа на поставленный вопрос важная роль принадлежит письменным источникам, созданным в XVII в. Это «Наказ» русского царя Бориса Годунова о строительстве Томского города, «Роспись Томскому городу и острогу», челобитная томских служилых людей 1616/17 г., Грамота царя Михаила Федоровича 1621 г., а также список летописного протографа «Книга записная». Частью эти документы вышли из Казанского дворца в Москве, позже – Сибирского приказа, частью созданы в Сибири и непосредственно в Томске. Все они, кроме «Книги записной», были подготовлены с целью решить тот или иной конкретный вопрос, касавшийся по большей части строительства и состояния томских укреплений, и содержат достаточно точную и достоверную информацию. И только в «Книге записной», которая писалась немало времени спустя после отражённых в ней событий, встречаются неточности, в частности неверно указана дата основания Томска.

Рассматриваемые документы, первоначально находившиеся в приказных архивах или в местных хранилищах, издавна привлекали к себе внимание исследователей и публикаторов. Первым из них был Г.Ф. Миллер, который опубликовал в 1750 г. фрагмент «Наказа» Бориса Годунова

в «Описании Сибирского царства» [3. С. 392–393]. (В переизданиях труда Г.Ф. Миллера в XX в. этот фрагмент помещался в приложении [4. С. 411–412; 5. С. 403]). В конце XIX – начале XX в. новый более полный текст «Наказа» был опубликован коллекционером П.А. Пушкарёвым в «Сибирской газете», затем – А.В. Адриановым [6. С. 226–233] и наконец П.М. Головачёвым в сборнике «Томск в XVII веке» (СПб., б.г.). Одновременно П.М. Головачёв поместил в своём сборнике документ, озаглавленный как «Роспись Томскому городу и острогу», а вскоре «Роспись» была перепечатана А.В. Адриановым в сборнике «Город Томск» (Томск, 1912).

В начале 1950-х гг. З.Я. Бояршинова подвергла публикации П.М. Головачёва критике за ряд неточностей в расшифровке скорописи XVII в., указала на встречавшиеся искажения текста и опубликовала два документа по подлинникам, хранившимся в ЦГАДА, поместив их в приложении к одной из статей. При публикации она использовала современную орфографию и пунктуацию, сохранив старинное написание некоторых слов. Заголовок первого документа «Наказ Бориса Годунова Г.И. Писемскому и В.Ф. Тыркову о строительстве Томского города», судя по всему, был дан публикатором [7. С. 41–44]. Заглавие второго документа «Роспись Томскому городу и острогу и что на городе и остроге наряду и в государеве казне пушечных запасов зелья и свинцу и в государевых житницах всяких хлебных запасов нынешнего 135 году сентября по день» было, скорее всего, воспроизведено по подлиннику или приближено к делопроизводственной лексике XVII в. [7. С.44–45]. В 1978 г. оба документа были перепечатаны в сокращённом варианте и с изменением заголовков в сборнике «Из истории земли Томской» (Томск, 1978).

«Книга записная», хранившаяся в Тобольске, а с 1919 г. – в Томске, была издана З.Я. Бояршиновой и В.В. Палагиной в 1973 г. [8]. В 1994 г. увидела свет публикация «Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану о посылке к Богоявленской церкви города Томска священника Трофима» [9. С. 176].

Письменные источники, наряду с прочей информацией, содержат важные сведения о внешнем облике и местоположении первого Томского города. Так, в «Книге записной» сообщается, что «поставлен Томской город острогом на Томе реке, вверх по Оби реки, на горе, над Ушайкой речкою» [8. С. 8]. «Роспись Томскому городу и острогу» 1626/27 г., представляющая собой годовой отчёт томских воевод о военном и хозяйственном состоянии городского укрепления, включает подробные сведения о длине и высоте городских и острожных стен, о расположении их относительно природных

объектов, сохранившихся до наших дней. Так, в документе говорится, что одна городовая стена расположена «от болота», другая – «от Ушайки реки», острожная стена – «от Томи реки» [7. С. 44–45].

Упрёк М.П. Чёрной в адрес томских историков в том, что после исправления текста З.Я. Бояршиновой «не делалось попыток прочесть «Роспись» заново, с другим истолкованием её содержания» в чём-то справедлив [1. С. 21]. Однако её попытка использовать «Роспись», чтобы доказать, что первое томское укрепление располагалось на северо-западном мысе Воскресенской горы, не выдерживает никакой критики, поскольку описание, данное в документе, не соответствует топографии мыса.

Важнейшие сведения для освещения поставленного вопроса содержат картографические источники, обеспечивающие наглядную визуальную информацию. В распоряжении современных исследователей имеется несколько планов Томска, составленных в XVIII – начале XIX в. Первые из них были подготовлены геодезистами 2-й Камчатской экспедиции, а также И. Шишовым, С. Плаутиным в 1730–40-х гг. и опубликованы в ряде исследований, однако информационная ценность их не велика. Другое дело планы, составленные профессиональным топографом П. Григорьевым (1767 г.) и архитектором А. Деевым (1818 г.). При их составлении использовалась инструментальная съёмка, полнота и точность изображаемых географических объектов приближает эти планы к картам. Работа П. Григорьева, по справедливому мнению географа Л.С. Косовой, «представляет исключительный интерес как образец русского картографического искусства XVIII в.» [10. С. 235–236]. Ныне подлинники двух планов хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве, фрагменты плана П. Григорьева опубликованы в монографии М.П. Чёрной [1. С. 127]. Полноцветное изображение планов, осуществлённое по архивным подлинникам в книге «Томск: история города в иллюстрациях», позволяет реконструировать картину томского ландшафта старых времён, которая ныне сильно изменена, увидеть исчезнувшие за прошедшие столетия географические объекты (речки, ручьи, озёра, болота, возвышенности) [11. С. 30–31, 44–45]. А привлечение к исследованию всего комплекса источников XVII в. позволит найти вполне точный ответ на вопрос о том, где же был основан Томский город.

Примечания

1. *Чёрная М.П.* Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблема реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 187 с.

2. **Чёрная М.П.** Средневековый Томск в исторической ретроспективе и перспективе // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска): Труды Томского государственного университета. Серия историческая. Томск, 2005. С. 13–19.

3. **Описании** Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена; сочинено Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором университета Академии Наук и Социетета англинского членом. Часть первая. СПб., 1750. 16, 457, 37 с.

4. **Миллер Г.Ф.** История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. 607 с.

5. **Миллер Г.Ф.** История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. 1. 630 с.

6. **Адрианов А.В.** Г. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. XII. 433 с.

7. **Бояршинова З.Я.** Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. С. 21–48.

8. **Книга записная** / Под ред. З.Я. Бояршиновой и В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 118 с.

9. **Тобольский** архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. Вып. 4. 292 с.

10. **Косова Л.С.** Первые карты города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1997. Вып. 22. С. 231–238.

11. **Томск:** история города в иллюстрациях. 1604–2004 / Научный ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 600 с.

О.В. Крупцева

**«ОНА ПО-РУССКИ ПЛОХО ЗНАЛА...»?
ФРАНЦУЗСКИЙ ДНЕВНИК
БАРОНЕССЫ Н.М. СТРОГАНОВОЙ В ТОМСКЕ**

В фонде Научной библиотеки Томского государственного университета хранится книжное собрание Г.А. Строганова (1770–1857), полученное в дар от наследников в пользу Первого Сибирского университета. Этот общеизвестный факт хотелось бы дополнить новыми сведениями. Вместе с книгами в Томск в составе Строгановского книжного собрания прибыли также и некоторые рукописные материалы. Большинство рукописей составляют документы на иностранных языках: французском и немецком.

Условно их можно поделить на две группы.

Первая группа документов – владельческие рукописные каталоги. Каталоги – их было семь, за исключением одного, принадлежали самому Григорию Александровичу Строганову (1770–1857). Составленные в 1800, 1830–1831 и 1847 гг. соответственно, они представляют ценный материал по истории формирования Строгановского книжного собрания и не являются предметом рассмотрения в данном случае.

Вторая группа – рукописные документы, принадлежавшие другим Строгановым: баронессе Наталье Михайловне (1745–1819) и её сыну барону Александру Сергеевичу (1771–1815), который доводился двоюродным братом графу Григорию Александровичу Строганову [1. С. 210–211]. Здесь выделяются т.н. салонные альбомы, относящиеся к началу XIX в. Одним из вкладчиков в альбомы была юная племянница Н.М. Строгановой Зинаида Александровна Белосельская (в замужестве Волконская, 1792–1862). Выборочно материалы из этих альбомов опубликовал М.К. Азадовский [2].

Предметом статьи является неопубликованный дневник баронессы Н.М. Строгановой, который она вела по-французски во время своего путешествия в Париж и Лондон в 1780–1782 гг. [См. приложение]. «Для моих сестёр. Предмет критики тем, кто её любит. Это заглавие дневника моего путешествия; я его предприняла на два года с компанией, состоящей из девяти человек: граф Салтыков, его жена, две их дочери с гувернанткой, лекарь и мой девятилетний сын с гувернёром, и необходимая прислуга» [3. Л. 1]. Прежде чем перейти к детальной характеристике этого уникального документа, примера которому нет или, по крайней мере,

не обнаружено до сегодняшнего дня, необходимо несколько слов посвятить автору дневника.

Баронесса Наталья Михайловна Строганова (1745–1819) – урождённая княжна Белосельская, из древнего рода князей Белосельских, берущего начало от Рюриковичей (колена XXVI). Наталья Михайловна Строганова родилась несколько десятилетий спустя после того, как Петровские реформы вывели представительниц слабого пола из теремов на ассамблеи и дали возможность получать европейское воспитание [4]. Крестница императрицы Елизаветы Петровны воспитывалась в годы, когда в русском образованном обществе значительно возростала роль французского языка. В пользу того, что это была образованная женщина, свидетельствует несколько фактов. Она не только свободно владела разговорным французским языком, но и составляла на этом языке развёрнутое описание своего долгого путешествия во Францию. Более того, она предваряет описание этого путешествия цитатой из Апулея: “*Quanto errai, quanto vidi, iu quivi esposi*”, а в описании путешествия в Лондон, отзываясь на смерть принца Альфреда, цитирует французского поэта Малерба. Этот факт говорит, как минимум, о начитанности автора дневника. В десять лет Наталья Михайловна потеряла отца, в пятнадцать осталась полной сиротой. Возможно, поэтому так велика была её привязанность к сёстрам, которым она посвятила свой дневник.

В 1766 г. Наталья Михайловна стала женой барона Сергея Николаевича Строганова (он родной дядя Г.А. Строганова, чья библиотека сейчас находится в Томске). В 1771 г., два месяца спустя после рождения сына Александра, Наталья Михайловна овдовела и больше не выходила замуж. Современники отмечают её необыкновенную верность покойному мужу, добрый и кроткий нрав. [5. С. 192–193; 6. С. 74]. О себе самой она пишет: «Я от природы очень застенчива» [3. Л. 18].

Дневник состоит из двух тематических частей. Первая часть целиком посвящена описанию пути до Парижа и пребыванию в этом городе. Эта часть написана чётким «ученическим» почерком с небольшими правками по тексту. Кто-то из окружения баронессы переписывал набело записи из тетрадей, в которых она вела дневник во время путешествия. Вторая часть дневника написана рукой баронессы Строгановой и описывает путешествие в Лондон и пребывание в Вене. Эта часть имеет тезисный характер, пестрит именами лиц, с которыми познакомилась в пути наша героиня.

Баронесса Н.М. Строганова проехала от Петербурга до Парижа по территории Лифляндии, Восточной Пруссии, Польши (занятой в то время Пруссией), Германии, Голландии и Франции. Свои впечатления от увиден-

ного она отразила в дневнике, который с самого начала не предназначался для печати. О чём же пишет эта русская женщина, впервые оказавшаяся «в чужих краях»? «Все города Пруссии похожи один на другой, с той лишь разницей, что одни из них маленькие, а другие большие». «В Вестфалии все помещения для ночлега скверные». «В Берлине театр грязный и некрасивый». «В Версале в приёмной зале много народу и очень грязно». «Обед короля и королевы плохо сервирован, без всякого порядка». Не нужно при этом думать, что баронесса была приглашена на обед к Людовику XVI. Как известно, в дореволюционной Франции существовал обычай, когда особо приближённым лицам в качестве милости оказывали честь быть приглашенными *увидеть* (курсив мой – *О.К.*) обед короля и королевы. Баронесса Строганова посещала многие знатные дома французской столицы (маршала Бирона, герцогини Лавальер, министра финансов короля Людовика XVI Неккера и др.), французскую оперу и картинные галереи. Но в то же время она не упустила случая в числе прочих достопримечательностей увидеть частные и государственные учебные заведения Парижа и сиротские приюты. В Париже баронесса Строганова наняла своему девятилетнему сыну Александру учителей-французов: географии и истории, чистописания, рисования, фехтования, игры на клавесине и танцев [3. Л. 19об.].

Долгое время было принято считать, что полный перевод ее дневника на русский язык был подготовлен главным библиотекарем А.И. Милютиным (1865 – после 1930) и опубликован в «Русском библиофиле» за 1914 г. [7]. Язык перевода лёгкий и по-своему изящный, однако это русский язык девятнадцатого столетия, но совсем не тот, на котором говорила и писала баронесса Строганова. Для иллюстрации приведём несколько строчек из другого – русского дневника Натальи Михайловны, который она вела на протяжении всей жизни, начиная с пятнадцатилетнего возраста, подхватив эстафету своих родителей. «В 1780 г. 11 июля (sic) выехали из Петербурга в чужие края на два года. Граф Иван Петрович Салтыков с женой, с двумя дочерьми, а я с сыном...» [6. С. 75]. Читая эти строки, невольно представляешь автора довольно ограниченной и малообразованной особой, чего, в общем, нельзя сказать при чтении её французского дневника. К тому же, при внимательном прочтении перевода Милютина обнаруживаются разного рода неточности в расшифровке фамилий, географических названий и пр. Но, самое главное, этот перевод, со всеми его плюсами и минусами, доводит описание событий, связанных с пребыванием во Франции нашей героини, до 25 марта 1781 г., т.е. обрывается на середине повествования.

В заключение добавим, что дневник баронессы Строгановой – это яркая иллюстрация функционирования французского языка в русском обществе

второй половины восемнадцатого столетия. Обычай воспитывать детей с самых ранних лет на французском языке, читать и писать по-французски, а не на родном языке, общаться ежедневно на чужом языке, породило явление бытовой галломании, типичным образчиком которого является «Дневник» баронессы Н.М. Строгановой. Наивысшей точки влияние французского языка в русском обществе достигает в середине XVIII в., именно тогда, когда Наталья Михайловна получала образование. Баронесса Н.М. Строганова, благодаря своему знатному происхождению и прекрасному знанию французского языка была принята за границей во многих знатных домах и даже при дворах Людовика XVI и Георга III. Французский язык стал тем золотым ключиком, который открывал двери в салоны высокопоставленного общества.

В настоящее время поставлена задача опубликовать оригинальный текст дневника, сделав его доступным всем интересующимся историей бытования французского языка в нашей стране и в этом контексте историей русско-французских культурных связей в целом. Публикация оригинального текста документа в сопровождении перевода на русский язык расширит круг заинтересованных читателей дневника.

Приложение

В-327. [Stroganoff N.]. Pour mes soeurs. (Для моих сестёр). Описание путешествия баронессы Строгановой от С.-Петербурга до Парижа (11 июня 1780 – по конец окт. 1781), а из Парижа в Лондон и Вены (с 11 июня 1782 г.). Рукопись. XVIII в. 57 л. 4°. Размер блока 21,2x18 см; переплёта 22,8x18 см. Листов: 1 (6), 2 (6+1), 3 (4), 4 (4+2), 5 (12), 6 (8), 7 (8+1), 8 (6) = 57 л. Пагинация XVIII в., постраничная, арабская, в верхнем правом-левом углу, чернилами. Бумага: Почтовый рожок GR 1776. Бумага серая. Черчилль, № 323. Почерк: скоропись XVIII. Л. 1–47. Почерк № 1. Л. 48–54. Почерк № 2. Переплёт: картон, оклеенный бумагой, тонированной под мрамор. Ярлыки: на верхней крышке переплёта ярлык зелёного сафьяна с золотым узорным тиснением по краю и латинскими инициалами владелицы: BS [baronne de Stroganoff].

Примечания

1. *Долгоруков П.* Российская родословная книга, изд. П. Долгоруковым. СПб., 1855. Ч. 2.
2. *Азадовский М.К.* Из материалов «Строгановской Академии». Неопубликованные произведения Ксавье де Местра и Зинаиды Волконской // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. № 33–34.

3. *[Stroganoff N.]*. Pour mes soeurs. (Для моих сестёр). Описание путешествия баронессы Строгановой от Петербурга до Парижа (11 июня 1780 – по конец окт. 1781), а из Парижа в Лондон и Вену (с 11 июня 1782 г.). Ркп. 57 л.

4. *Жанэ Д.К.* Французский язык в России в восемнадцатом веке как общественное явление // Вестник Московского университета. Серия филология, 1978. № 1. С. 62–70.

5. *Русские* портреты XVIII–XIX вв. / Изд. Великого князя Николая Михайловича Романова. М., 1999. Т. 5.

6. *Дневник* князей Белосельских – Строгановых // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах. Новая серия. М., 2005.

7. *Записки* баронессы Строгановой. Сообщил А.И. Милютин // Русский библиофил. 1914. № 4.

В.Д. Гахов

**ДОКУМЕНТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОМСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ (1804–1917 гг.)**

Деятельность Томских губернаторов как главных лиц во властной иерархии губернии в XIX – начале XX в. нашла отражение в делах различных фондов Государственного архива Томской области (ГАТО). В архиве хранится большое количество документов, характеризующих жизнь и деятельность томских губернаторов, поэтому в статье идёт речь только о самых типичных и наиболее интересных документах. При этом особое внимание обращается на документы, содержащие персональные данные о губернаторах – их личные дела и формулярные списки.

За период с 1804 по 1917 гг. в Томской губернии работало 30 губернаторов и один исполняющий обязанности губернатора, в соответствии с именным Указом Императора (Е.И. Извеков). В 1906–1908 гг. К.С. фон Нолькен занимал должность Временного Томского генерал-губернатора.

В архиве имеется фонд «Канцелярия Томского губернатора» (Ф. 2). Фонд этот относительно небольшой, в нем хранится 342 дела. Хотя он не охватывает всю многогранность губернаторской деятельности, тем не менее содержит ряд дел, показывающих специфику губернаторской работы (например, книги приказов губернаторов).

С 1804 по 1822 гг. исполнительную власть в губернии осуществляло Томское губернское правительство, состоявшее из исполнительной и казенной экспедиций. Во главе исполнительной экспедиции стоял губернатор, казенную экспедицию возглавлял вице-губернатор. Архивный фонд «Томское губернское правительство» (Ф. 1) включает более 1 500 дел, в которых немало документов посвящено деятельности губернаторов (распоряжения и переписка о проведении рекрутских наборов, направлении дворян в кадетские корпуса, награждении чиновников, об отправке поселенцев в малолюдные деревни губернии, снабжении хлебом провиантских магазинов и т.п.) [1].

Наибольшее число документов, раскрывающих разностороннюю деятельность томских губернаторов, содержится в фонде «Томское губернское управление» (Ф. 3). Этот исполнительный орган был создан вместо Томского губернского правительства в 1822 г. и до 1895 г. функционировал под таким названием. С 1822 по 1864 гг. должность Томского губер-

натора была совмещена с должностью Начальника Алтайских горных заводов.

Наибольший удельный вес в перечисленных фондах составляют директивные документы и переписка губернаторов о розыске беглых крестьян, поселенцев и арестантов, надзоре за проживавшими в губернии ссыльными, прежде всего за политическими преступниками [2. Л. 1, 2]. Связано это, вероятно, с тем, что главными задачами, ставившимися перед губернаторами, было сохранение устоев государственной власти, обеспечение общественного порядка, учет населения на вверенной им территории.

В фонде «Томское губернское управление» отложились документы о проживании в Томской губернии ссыльных декабристов Г.С. Батенькова и П.Ф. Выгодовского-Дунцова, среди которых рапорт Томского губернатора В.А. Бекмана Императору Николаю I за 1852 г. [3. Л. 5, 6].

Особенно много дел связано с размещением в губернии ссыльных участников польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. В фонде «Канцелярия Томского губернатора» имеется дело «О заговоре поляков-поселенцев за 1833 г. [4]. Количество дел о рассмотрении губернаторами различных прошений польских ссыльных в 1860–1880 гг. в фонде «Томское губернское управление» и других фондах исчисляется сотнями.

В фонде «Томская духовная консистория» (Ф. 170) хранятся десятки дел об участии губернаторов в борьбе с инакомыслием не только в общественно-политической, но и в духовной сфере. Это выражалось в содействии служителям православной церкви в борьбе со старообрядцами и представителями религиозных сект (переписка с томским губернатором и губернским судом о высылке членов секты молокан в Якутскую область за 1866–1869 гг. [5], переписка с томским губернатором, Барнаульским и Бийским окружными судами о наказании крестьян разных деревень за несоблюдением церковных обрядов за 1872 г. [6] и др.).

В обязанность губернаторов входило составление и отправка в столицу ежемесячных отчетов о происшествиях в губернии и общественно-политических настроениях населения, которые хранятся в фондах «Канцелярия Томского губернатора» и «Томское губернское управление» [7].

Губернатор играл решающую роль в назначении и перемещении по службе чиновников губернских учреждений. Он издавал приказы и постановления об увеличении жалованья и премировании чиновников, о назначении им пенсий. Большинство подобных документов содержится в книгах приказов из фонда канцелярии губернатора [8].

Через свою канцелярию губернаторы осуществляли контроль за деятельностью местных властей на уровне уездов и волостей. Они активно участвовали в решении хозяйственных вопросов. Особенно ярко это отразилось в документах фондов «Томская городская дума» (Ф. 127) и «Томская городская управа» (Ф. 233). Губернаторы издавали постановления о соблюдении правил торговли и санитарных норм, утверждали таксы на услуги городских извозчиков и паромных перевозчиков, расценки на торговые места на базарах, обязывали городские власти предоставлять отчеты о благоустройстве улиц, выступали с инициативами реконструкции зданий и городских коммуникаций и содействовали выделению средств для этого [9. Л. 1]. Некоторые губернаторы активно способствовали открытию новых благотворительных учреждений. В частности, Н.Л. Гондатти был единственным из томских губернаторов, который по постановлению Томской городской думы в 1910 г. получил звание «Почетный гражданин г. Томска» за содействие открытию в городе новых просветительных и благотворительных учреждений, за принятие энергичных мер в предотвращении эпидемии в 1908 г. и за участие в решении вопроса прокладки через Томск железной дороги [10]. Он был избран также почетным гражданином г. Каинска и г. Новониколаевска.

В фонде «Томское губернское управление» хранится еще одно дело за 1869 г., связанное с ходатайством купцов и мещан г. Мариинска о присвоении звания почетного гражданина этого города губернатору Н.Л. Родзянко [11]. Однако эта инициатива в течение нескольких лет оставалась без движения, а после смерти Н. Л. Родзянко в 1872 г. дело о его почетном гражданстве было закрыто и сдано в архив.

Жизненный путь и основные этапы биографии губернаторов представлены в личных делах и формулярных списках, которые поступили на хранение в архив в далеко не полном составе. В фондах ГАТО выявлены отдельные формулярные списки на С.П. Татарина [12. Л. 49–58], П.П. Аносова [13] К.С. фон Нолькена [14]. В архиве хранятся также личные дела И.И. Красовского [15], А.А. Ломачевского [16], С.А. Вяземского [17], К.С. Старынкевича [18], В.Н. Азанчевского-Азанчеева [19], Н.Л. Гондатти [20], П.К. Грана [21], В.Н. Дудинского [22], в которых кроме формулярных списков содержится ряд документов об их служебной деятельности.

Кроме того, имеются личные дела губернаторов Г. Г. Лерхе [23] и Г. А. Тобизена [24], а также исполняющего обязанности губернатора Е. Е. Извекова [25], в которых отсутствуют их формулярные списки. Все

дела, кроме К.С. фон Нолькена, хранятся в фонде «Томское губернское управление» (Ф. 3) Формулярный список К.С. фон Нолькена имеется в личном деле его сына – студента Томского университета.

В формулярных списках губернаторов указаны даты их рождения, содержится подробная биографическая информация с момента рождения и получения образования, все этапы служебной карьеры с указанием точных дат перемещения по службе и времени нахождения в отпусках. Имеются также сведения о правительственных наградах, семейном положении губернатора (жена, дети с датами рождения детей), информация о владении именьями.

В период совмещения с 1822 по 1864 гг. должностей Томского губернатора и начальника Алтайских горных заводов губернаторы имели геологическое образование и были в звании генерал-майора корпуса горных инженеров.

Согласно имеющимся формулярным спискам на момент вступления в должность томского губернатора большинство имело чин действительного статского советника, за исключением статских советников В.Н. Азанчевского-Азанчеева и П.К. Грана. Самым большим чином тайного советника обладал исполняющий обязанности губернатора член Совета министра внутренних дел Е.И. Извеков. Во время нахождения в должности Томского губернатора чин тайного советника также получил Г.А. Тобизен. Часть гражданских губернаторов были кадровыми военными. А.А. Ломачевский и К.С. Старынкевич имели звание генерал-майора. К.С. фон Нолькен был полковником, имел дворянский титул барона. Кроме него дворянским титулом обладал еще один губернатор – князь С.В. Вяземский.

Некоторые губернаторы – С.А. Вяземский, Н.Л. Гондатти, П.К. Гран, В.Н. Дудинский также занимали должность Почетного мирового судьи Томского окружного суда.

До переезда в г. Томск большая часть будущих томских губернаторов занимала должности вице-губернаторов других губерний. Двое руководили губерниями – Н.Л. Гондатти (Тобольской) и П.К. Гран (Иркутской).

Проработав в среднем от 3 до 5 лет в Томской губернии, бывшие ее первые лица отбывали, чаще всего, на равноценную должность губернатора одной из губерний европейской России. Некоторые шли на повышение, как например, П.К. Гран, получивший после отъезда из г. Томска должность начальника Главного тюремного управления. Исключением из этого правила, пожалуй, был лишь В.Н. Азанчевский-Азанчеев, отстраненный от должности после трагических событий 20 октября 1905 г. Ни-

какой ответственности за эти события он не понес, но после отставки был причислен к Министерству внутренних дел без назначения на конкретную должность, что однозначно можно трактовать как понижение в должности. Ни один из томских вице-губернаторов или председателей Томского губернского управления после отъезда губернаторов к новым местам службы не был утвержден в должности томского губернатора. Неизменно назначались люди из губерний, географически располагавшиеся западней Томской губернии.

Наибольшая часть документов в личных делах губернаторов – это служебные письма вице-губернаторам или председателям Томского губернского управления, временно замещавшим губернаторов на период их отсутствия в г. Томске, о дате отправления губернаторов в поездки по губернии и за ее пределы и о возвращении губернаторов к исполнению своих обязанностей после окончания поездок. Перед выездом в командировку губернатор издавал приказ о назначении «временно исправляющего должность губернатора», после окончания поездки – приказ о возвращении к должности [26. Л. 13, 14].

При вступлении в должность нового губернатора предыдущий осуществлял передачу оставшихся в производстве дел согласно ведомостям по различным отделениям Томского губернского управления. Подобные документы имеются в личных делах губернаторов [27. Л. 121–129].

Информация о частной жизни Томских губернаторов во время их пребывания в Томске в фондах ГАТО практически отсутствует. Исключением является их участие в деятельности местных благотворительных и профессиональных обществ. Особенно активное участие в деятельности томских обществ принимал Н.Л. Гондатти, председательствовавший в 1910 г. не менее чем в 6 обществах.

Примечания

1. *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 294, 480, 483, 708, 710.
2. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2215. Л. 1, 2.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 542. Л. 5, 6.
4. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37.
5. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 32.
6. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 504.
7. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 59.
8. ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 525.
9. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 252. Л. 1.

10. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3516.
11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1374.
12. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 354. Л. 49–58.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 569а.
14. ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 1758.
15. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2069.
16. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 117.
17. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 278.
18. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 395.
19. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 423.
20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 724.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1101.
22. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1394.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1076.
24. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2987.
25. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 993.
26. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1394. Л. 13, 14.
27. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1101. Л. 121–129.

А.А. Ляпкина

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ РУДНИЧНЫХ РАБОЧИХ XIX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Формулярные списки работников рудников, как и аналогичные списки заводских работников, поступавших по рекрутской повинности, являются одним из источников по истории XVIII–XIX вв. Благодаря достаточно подробной информации, списки несут в себе сведения, интересные для исторической и других наук. Для экономической истории не безынтересными являются сведения о характере отработки рекрутской повинности – одного из видов налогообложения, вызывавшего активное противодействие со стороны крестьян, что выражалось в побегах, нередких во время службы на заводах и рудниках. Формулярные списки также содержат сведения о самих рабочих, поступавших на заводы и рудники в порядке исполнения этого вида повинности: место рождения; количество определенных в рекруты на рудник из той или иной волости, деревни; возраст; семейное положение рабочих и некоторые другие их характеристики, например, отражавшие их неблагонадежность (данные о случаях краж, пьянства и пр.).

Сведения, содержащиеся в формулярных списках, представляют интерес и для правовой истории, поскольку включают сведения о применении административных наказаний к работникам, которые нарушали распорядок работы завода или рудника (прежде всего, это относилось к побегам, как основной проблеме, связанной с отбыванием рекрутской повинности).

Кроме того, материал, содержащийся в формулярных списках, способствует изучению кадрового состава отдельно взятых предприятий. Такое исследование, например, проводила Л.С. Тихобаева при изучении состава работников Кольванской шлифовальной фабрики XIX в. [1]. Формулярные списки помогают изучить и такую тему, как побеги рабочих, а также, частично, их быт (например, вопросы пьянства и воровства, с которыми пыталась бороться рудничная администрация).

Объектом исследования также стали формулярные списки работников Змеиногорского рудника, поступивших по рекрутскому набору с 1806 по 1809 гг. [2] Для ограничения информации отбирались сведения о рекрутах, поступивших из Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей. Вообще, поступавшие на заводы и рудники крестьяне становились мастерами, однако данный документ не оперирует таким понятием

ем и поступившие работники еще какое-то время могли значиться в списках как рекруты.

В формулярных списках отмечались такие данные о работнике, как возраст, семейное положение, а также из каких волостей и деревень (см. табл.) и в каком количестве они поступили в указанные годы на рудник. Причем документ различает поступивших непосредственно по набору в рекруты и «в счет будущего рекрутского набора». Кроме того, поскольку в списках присутствует перечень рекрутов, которые на 1806 г. уже работали на руднике, из данного документа можно получить информацию о мастеровых, попавших в рудничные работы начиная с 1799 г. (например, с этого года на руднике трудился Никита Ульянов-Вдовин из д. Выдрихи Убинской волости) [2. Л. 26об.–27].

**Населенные пункты, отмеченные в формулярных списках,
из которых поступали рекруты**

Убинская волость	Усть-Каменогорская волость	Крутоберезовская волость
Выдриха	Глубокая	Верхне-Убинская
Красный Яр (Красноярская)	Бобровская (Бобровка)	Большеречкая
Шеманаиха	Убинская (Ульбинская)	Зевакина
Екатерининская	Прапорщикова	Крутоберезовская
Староалейская	Согринская (Согра)	Лосиха (Лосихинская)
Убинская	Крестовня	Малая Убинская
Плоская	Красноярская	Быструха
Черновская	Верхнеубинская (Верх- Ульбинская)	Секисовка
пос. Жерновский	Гуланова	
Новоалейская		
Кабанова		
Нижне-Ульбинская		

Следует отметить, что списки не отличаются точностью формулировок и полнотой сведений. Так, некоторые мастеровые внесены в списки без указания населенного пункта. Иногда, если в формуляре не указывалось ни волости, ни деревни, делалась запись, что рекрут поступил «из крестьян». По формулярным спискам можно проследить «карьеру» каждого рекрута. Виды должностей, на которые назначались мастеровые на руднике, отмечены следующие: бергайеры (наиболее часто встречающаяся должность); запасные служители; денщики; рудокопы. Работник мог в разное время занимать разные должности. Переназначение происходило в разные сроки. Мастерового могли назначить бергайером через месяц (при этом до смены должности он, как правило, значился в формулярных списках рекрутом). Так, например, случилось с Сергеем Михайловым Ро-

мановым [2. Л. 39об.–40]. Назначение на новую должность могло осуществиться и спустя более продолжительный срок. Так, Никита Ульянов-Вдовин поступил рекрутом в рудник 15 декабря 1799 г., 22 мая 1800 г. был назначен запасным служителем, а 9 июля 1801 г. – бергайером [2. Л. 26об.–27]. Возраст рекрутов, поступающих в набор из трех указанных волостей в период 1806–1809 гг., колеблется от 18 до 38 лет.

Довольно подробно в формулярах описывалась внешность рекрутов: рост, цвет кожи, волос, глаз, а также особые приметы (к ним могли относиться шрамы, чирьи, бородавки, родимые пятна и пр.). Например, внешность Сергея Михайлова Романова, 28 лет, описана в формуляре следующим образом: «2-хъ аршинъ, 5³/₄ вершковъ, лицемъ белъ, прищадровить, глаза серы, волосы темнорусы, правой руки на указательномъ пальце бородавка, левой ноги наколене отъ чепосеку рубецъ» [2. Л. 39об.–40].

Описание было важно вследствие того, что нередко были случаи побегов из службы, и данные сведения были подспорьем в поисках. Сами свидетельства о побегех из службы содержатся в формулярах, где имелась специальная графа: «Въ какихъ штрафахъ и наказаняхъ быть». Эти сведения, видимо, служили не только для того, чтобы знать о неблагонадежных работниках, но и для определения степени тяжести наказания за последующие провинности.

Так, Иван Алексеев Дягилев из д. Выдрихи Убинской волости, который поступил мастеровым в 1802 г. и был назначен денщиком, в 1803 г. за «побегъ изъ службы и чинимыя вономъ воровства наказанъ батожьемъ и определенъ въ бергайеры» [2. Л. 53об.–54].

Отмечалось, если крестьяне попали в рекруты за провинности, поскольку это также могло свидетельствовать о заведомой неблагонадежности работника. Так, в формуляре девятнадцатилетнего Лазаря Иванова Сергеева указывается, что он был отдан в рекруты за то, что своровал у крестьянина Степана Коробова 266 руб. Предварительно Сергеев был наказан еще и плетью [2. Л. 151об.–152].

Наказания могли применяться и в воспитательных мерах, чтобы отучить молодых рекрутов от пьянства («чтобъ такового чинить не отваживался наказать батожьемъ»), а также за «недоносъ» на подзуживание к побегу [2. Л. 105об.–106].

В графе о семейном положении указывали имена жен и детей и их возраст. Например, у Алексея Егорова Володимирова: жена Афимья Васильева, 25 лет, солдатская дочь и дети – Степан (4 года), Кирило (3 года), Иван (1 год), дочь Орина (2 года) [2. Л. 482об.–483]. Также в данной

графе могла стоять отметка «холостъ» или «вдовъ». Однако сами рекруты могли давать недостаточные сведения о себе, поэтому встречаются и такие записи: «Женать, детей мужеска пола не имеетъ» или «Женать и имеетъ детей, а кого имянно не сказано» [2. Л. 403–404].

Таким образом, формулярные списки содержат информацию, интересную с точки зрения различных исторических направлений, прежде всего, региональной и экономической истории. Поскольку содержащиеся в них сведения имеют статистический характер, они могут быть интересны и при разработке историко-социологических вопросов.

Однако необходимо учитывать, что личные данные, приведенные в списках, могли быть не совсем точны. В формулярных списках встречаются разночтения в написаниях названий деревень, отсутствуют указания деревни или даже волости, из которой прибыл рекрут, а также есть неточные сведения о семейном положении.

Примечания

1. *Тихобаева Л.С.* Особенности формирования кадрового состава «каменодельных подмастерьев» на Колыванской шлифовальной фабрике. 1802–1846 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Сборник научных трудов / Под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 73–76.

2. *Формулярные* списки Змеиногорского рудника 9-й статьи о бергмейерахъ, рудокопахъ и о прочихъ служителяхъ 1806 г. // ГААК. Ф. 60. Оп. 2. Д. 1.

В.А. Есипова

**АФТОГРАФ П.А. СЛОВЦОВА
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ
И КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Творчество известного историка Сибири Петра Андреевича Словцова неоднократно становилось предметом специального исследования отечественных историографов: С.В. Бахрушина [1. С. 64–68], В.Г. Мирзоева [2; 3. С. 88–138; 4. С. 168–181], Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко [5]. Его жизнь и творчество привлекали внимание также историков литературы, филологов Л.Г. Беспаловой [6], Н.Н. Горбачевой [7].

В отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ хранится рукопись, которую долгое время принято было считать авторским списком второго тома «Исторического обозрения Сибири» П.А. Словцова [8]. Рукопись представляет собой кодекс форматом в лист, насчитывающий 383 листа. Текст написан 7 различными почерками, среди которых есть почерки П.А. Словцова и Н.А. Абрамова. Историю рукописи позволяют восстановить записи на первом листе. Из них следует, что в 1849 г. рукопись была передана Н.А. Абрамовым в библиотеку Березовского уездного училища, а в 1877 г. по распоряжению В.М. Флоринского перевезена в Томск и с тех пор хранилась в НБ ТГУ.

Исследование содержания рукописи показало, что на лл. 1–78об действительно представлен список второго тома «Исторического обозрения Сибири», но не полный: при сравнении с изданием [9] оказалось, что сравнимый с рукописью текст расположен в нем до страницы 110 и обрывается в рукописи на середине фразы; кроме того, в рукописи имеется серьезная правка, заключающаяся как в дополнениях, так и исключениях ряда фрагментов текста. Выяснилось также, что ряд правок, внесенных Словцовым, отсутствует в издании «Исторического обозрения Сибири», а ряд имеет существенные разночтения по сравнению с изданием [8. Л. 27, 38об., 54, 63, 68об., 70]. Это позволяет предполагать либо существенную редакционную работу с текстом, либо наличие еще одного списка второго тома, с которого и производилось издание. Второй вариант представляется более вероятным хотя бы в силу того, что в В-665 имеется в наличии лишь небольшой фрагмент текста второго тома.

Далее в рукописи [8. Л. 79–339об.] следуют разрозненные выписки конспективного характера из самых разнообразных источников, пред-

ставляющие собой, очевидно, подготовительные материалы для «Исторического обозрения Сибири». Они представляют интерес в том плане, что позволяют выявить как круг источников, использованных Словцовым, так и характер работы с ними. Не все выписки сопровождаются точной ссылкой, в первую очередь потому, что автор делал заметки для себя лично, не предназначая этот материал к публикации. Однако определить круг использованных источников вполне возможно.

В первом томе «Исторического обозрения Сибири» Словцовым была дана характеристика «Руководств при составлении Обозрения», т.е. использованных им источников. При сопоставлении этого списка с рукописью В-665 обнаруживается следующее. Первым среди «руководств» Словцов называет «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), характеризуя его как «Бесценное сокровище для истории». В-665 позволяет не только подтвердить эту его характеристику, но и наглядно представить, как именно Словцов работал с ПСЗ.

Выписки из ПСЗ имеются в рукописи на лл. 84–96об., 98–109об., 187–232об., 269–277, 293–336об. По большей части эти листы представляют самим Словцовым сформированные тетради, специально предназначенные для конспектирования ПСЗ. В целом В-665 включает конспекты 729 законодательных актов. Порядок выполнения записей свидетельствует о форме работы: Словцов прочитывал подряд указанные тома ПСЗ и выписывал из них заинтересовавшие его законодательные акты. Обязательными элементами записи являлись дата принятия акта и тип документа (именной, сенатский, доклад Сената и др.). При этом ученый далеко не всегда следил за точностью воспроизведения текста: в подавляющем числе случаев даже заголовки актов воспроизведены не полностью, а текст его обычно не переписывался, а пересказывался, причем весьма кратко.

Из других руководств, отмеченных Словцовым, в составе В-665 представлены: «Сибирская история» Г.Ф. Миллера [8. Л. 240], «Рукописный сборник библиотеки Тобольской семинарии, несправедливо названный Сибирской летописью» [8. Л. 114–116об.], «Краткое описание остяцкого народа, приведенного в христианскую веру» Г. Новицкого [8. Л. 120–121], «Древняя российская вивлиофика» Н.И. Новикова [8. Л. 121об.–122об., 247, 249], «Хозяйственное описание Пермской губернии» [8. Л. 79–79об.], «Сибирский Вестник» Спасского [8. Л. 123об.–124, 240об.], «Иркутская летопись» [8. Л. 241об.–242].

Имеются в составе В-665 и выписки из источников, не обозначенных Словцовым в качестве «руководств» к его труду. Так, дважды цитируется работа П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского

государства» [8. Л. 80–81, 135–144об.], также дважды ученый обращается к труду В.Н. Берха «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей» [8. Л. 121об.]. Обращается Словцов также к «Отчету о путешествии в Оренбургский и Астраханский край» П.И. Небольсина [8. Л. 235–236]. Из периодических изданий, помимо «Сибирского вестника», Словцов использовал «Горный журнал» [8. Л. 146–148об., 149–150об.], «Ежемесячные сочинения» [8. Л. 175–180, 235], «Санкт-Петербургские ведомости» [8. Л. 238об., 239], «Сын Отечества» [8. Л. 172–172об.] и «Северный архив» [8. Л. 245]. Кроме того, весьма многочисленны ссылки на «Энциклопедический лексикон» А. Плюшара [8. Л. 173–173об., 237, 237об.–238об., 239–239об., 240об.–241, 242об.–243]. Выписок из архивных материалов немного, часть их выполнена Н.А. Абрамовым по просьбе Словцова.

Следует отметить характер работы Словцова с перечисленными источниками. Дословные цитаты крайне редки; точно воспроизводятся цифры, географические и ботанические названия; мысль же автора конспектируемого труда передается приблизительно. Представляется, что при более детальном сопоставлении В-665 с перечисленными источниками есть возможность реконструировать представления Словцова о текстах, с которыми он работал и, следовательно, получить более полное представление о его историографической концепции.

Однако среди «руководств», отмеченных Словцовым в начале его труда, имеются и источники, не фигурирующие в В-665. Это «Сибирская история» И.Э. Фишера, «Краткое показание о воеводах и губернаторах в Сибири», напечатанное в Тобольске в 1792 г., «Путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь» Дж. Белла и работа И. Биллингса «Статистическое обозрение Сибири» (1810), труды Н.В. Семивского и А.М. Корнилова, «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» и «Енисейская губерния» А.П. Степанова, а также «Акты Археографической экспедиции». Как видно, более половины упомянутых Словцовым «руководств» никак не отражены в В-665, откуда следует, что рассматриваемая рукопись не являлась единственной подборкой подготовительных материалов для написания «Исторического обозрения Сибири».

Последние листы В-665 [8. Л. 340–383] представляют собой пять тетрадей чуть меньшего формата, чем остальные листы рукописи; почерк их существенно отличается от почерка, которым написана остальная часть рукописи. Авторский заголовок гласит: «Извлечение из Винкельмановой истории о художестве, каковое было у древних народов. Начато в Змиеве

2 июля 1810 г.». Здесь представлен перевод части работы И.И. Винкельмана «История искусства древности». В конце текста отмечено: «Не закончено за отъездом. 4 сентября 1810 г.». О том, что перевод выполнен Словцовым, свидетельствует запись Н.А. Абрамова [8. Л. 383об.].

Таким образом, рукопись В-665 включает ряд документов из творческого наследия П.А. Словцова: это фрагмент черновика второго тома «Исторического обозрения Сибири», подготовительные материалы к нему, а также перевод части труда И.И. Винкельмана. Очевидно, что все эти материалы дают возможность пополнить существующие представления о Словцове как историке Сибири и методах его работы с источниками.

Примечания

1. **Бахрушин С.В.** Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Научные труды. В 4 т. М., 1955. Т. III, ч. 1. С. 15–160.

2. **Мирзоев В.Г.** П.А. Словцов. Очерк из истории культуры Сибири первой половины XIX в. Кемерово: кн. изд-во, 1964. 58 с.

3. **Мирзоев В.Г.** Историография Сибири. 1-я половина XIX века. Кемерово: кн.изд-во, 1965. 289 с.

4. **Мирзоев В.Г.** Историография Сибири (Домарксистский период). М.: Мысль, 1970. 391 с.

5. **Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.** Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 317 с.

6. **Беспалова Л.Г.** Сибирский просветитель. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1973. 144 с.

7. **Горбачева Н.Н.** Русская книга «Из римской истории» П.А. Словцова // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2007. Т. 1, вып. 3. С. 182–188.

8. ОРКП НБ ТГУ, В-665.

9. **Словцов П.А.** Историческое обозрение Сибири. Книга вторая. С 1742 по 1823 год. СПб.: в тип. Карла Края, 1844.

Т.А. Кискидосова

**ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ГОРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

Одним из важнейших направлений современной исторической науки является изучение истории города. Проблема урбанизации продолжает играть важную роль в жизни общества. Истории городского населения Сибири в эпоху капитализма посвящено значительное количество работ. В трудах В.И. Пронина, В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова, Н.М. Дмитриенко, О.А. Тяпкиной и других ученых рассмотрены численность, источники формирования, демографические процессы, сословный и национальный состав населения отдельных городов и регионов Сибири [1–6]. В сибирской историографии городское население Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. как отдельная тема не рассматривалась. При изучении населения приенисейских городов необходим комплекс разнообразных источников (законодательные акты, архивные материалы, справочная и статистическая литература, периодическая печать и др.). Интересные сведения по истории городского населения Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. содержатся в Государственном архиве Красноярского края.

Ценная информация по населению приенисейских городов имеется в материалах делопроизводства органов городского самоуправления – городских дум и управ. Делопроизводственная документация отличается многочисленностью и разнообразием документов. Фонды 161 (Красноярская городская управа) и 173 (Красноярская городская дума) включают материалы о выдаче торговых свидетельств на занятие торговлей и промыслами, списки домовладельцев, документы об учете сословий и т.д. В ряде документов приводятся сведения о представителях различных городских сословий: купцах, мещанах, военных. Периодически в Красноярске проводилась перепись населения по улицам губернского центра. В фонде 161 хранятся посемейные списки за 1871, 1883, 1888 и 1895 гг. В списках домовладельцев зафиксированы данные о количестве домовладельцев, наличии у них домов, типах жилищ [7. Л. 1–778]. Важная информация представлена в материалах делопроизводства государственных учреждений (казенной палаты, губернского управления, полицейского

управления и др.). Фонды 160 (Енисейская казенная палата) и 595 (Енисейское губернское управление) содержат разнообразные отчеты подведомственных учреждений, материалы о купцах, владельцах торговых и промышленных предприятий, сведения о медицинском состоянии, грамотности населения и т.д. Например, по сведениям о купцах в приенисейских городах можно составить представление о семейном положении, количестве детей, поле, возрасте, капитале гильдейских купцов [8. Л. 52–62; Л. 1–79].

Для изучения демографической структуры населения городов Сибири большое значение имеют материалы учета населения. Данные источники составляют отдельную группу, условно названную «Акты учета населения». Эта группа включает церковные и государственные материалы.

В рамках данной статьи рассматривается последняя подгруппа источников. В фонде 31 (Енисейский губернский статистический отдел) есть материалы о количестве и движении населения в городах, уездах и губернии в целом. Собранные материалы после обработки в дальнейшем использовались для составления справочно-статистических сборников и были опубликованы в ежегодных «Статистических обзорах Енисейской губернии» и в «Памятных книжках Енисейской губернии». В статистических ведомостях об учете населения представлены данные о численности населения, сословном и половом составе, вероисповедании и занятиях горожан Енисейской губернии [9. Л. 11–13]. Интерес представляют статистические сведения о смертности в городах и уездах Енисейской и Вятской губерний с 1881 по 1885 гг. В этом документе был проведен анализ смертности за 5 лет, выявлен процент смертности и процент смертности на 100 душ населения по каждому из городов, произведено сравнение между приенисейскими и вятскими городами. Особой ценностью статистических сведений является попытка выявить основные причины ранней смертности местного населения: условия жизни; основные заболевания; случаи эпидемий; состояние медицинского обслуживания [10. Л. 3–9об]. Так, например, в 1880-е гг. основными заболеваниями, часто приводившими к смертельному исходу в приенисейских городах, были дифтерит, оспа и тиф. Как и во многих российских городах, в городах Енисейской губернии медицинское обслуживание находилось на низком уровне, сказывалась и острая нехватка медицинского персонала [11. Л. 21]. Интересные сведения содержатся в документах о демографической переписи в Енисейской губернии, проведенной в 1917 г. Переписью были учтены жители приенисейских городов (без Туруханска), выявлен половой состав городского населения и ряд других вопросов [12.

Л. 108]. Некоторые дела 31-го фонда содержат материалы по отдельным сословиям: купечеству, ремесленникам, мещанам.

Исследователи неоднократно указывали на значительные недостатки при работе со статистическими материалами. Сбором статистических сведений занимались не подготовленные специально к данной работе лица. Это были служащие местных органов власти, чиновники и полицейские чины. Для статистических материалов были характерны неточность, неполнота, а порой и недостоверность сведений. В конце 1879–1882 гг. составители отчетов признавали, что статья о движении населения является одной из слабых сторон отчетов по сибирским губерниям. При обработке собранных материалов о населении Енисейской губернии составители статистических обзоров отмечали: «Почти нигде не говорится, сколько населения было к началу отчетного года: от перевеса рождений над смертными случаями и от переселений. Все цифры при малейшем критическом к ним отношении являлись неверными» [11. Л. 21]. При обработке и применении в работе статистических сведений о движении населения в приенисейских городах следует проводить тщательную проверку собранного материала, привлекать дополнительные источники, сравнивать и сопоставлять данные с другими сведениями.

Интересную информацию по истории городского населения Енисейской губернии можно извлечь из материалов фондов управ мещан и ремесленников. Например, в фонде 162 (Красноярская мещанская управа) содержатся дела о родившихся, умерших, принявших православие, сочетавшихся в браке и разведенных мещанах. В списках лиц, причисленных в мещанское общество Красноярска, представлены сведения об их сословном происхождении до вступления в общество, семейном положении [13. Л. 1–10]. Интерес представляют прошения мещан в красноярскую мещанскую управу о вступлении в брак. В этих документах есть сведения о возрасте, вероисповедании, роде занятий мещан, которые пожелали вступить в законный брак [14. Л. 28]. Дела мещанских управ других приенисейских городов содержатся в некоторых муниципальных учреждениях городов Красноярского края (например, в Ачинске и Минусинске).

В фонде 798 (Красноярская ремесленная управа) хранятся разрешения на право заниматься каким-либо видом ремесла, списки ремесленников Красноярска. В списках в определенные годы подавались сведения о количестве иногородних и местных ремесленников, видах ремесел, количестве хозяев ремесленных заведений, подмастерьях и рабочих. Наиболее полная информация о зарегистрированных ремесленниках и ремесленных заведениях составлена в 1864–1867 гг. [15. Л. 21–35].

Таким образом, материалы Государственного архива Красноярского края являются важным источником изучения городского населения Енисейской губернии. В совокупности с другими видами источников они позволяют изучить динамику численности, половозрастную структуру, сословный состав, демографические процессы и другие вопросы истории населения приенисейских городов. Следует учитывать, что многие архивные документы не сохранились или находятся в неудовлетворительном состоянии, что затрудняет работу для исследователей.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-63512 а/м.

Примечания

1. **Пронин В.И.** Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История Сибири. 1981. № 4. С. 50–69.
2. **Дмитриенко Н.М.** Демографическая структура сибирского города Томска эпохи капитализма (по материалам Томска) // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 113–124.
3. **Скубневский В.А.** Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 98–119.
4. **Гончаров Ю.М.** Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.
5. **Тяпкина О.А.** Динамика численности населения малых городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Центральная Азия и Сибирь. Барнаул, 2003. С. 274–282.
6. **Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.** Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. Ч. 2.
7. **Государственный архив Красноярского края (ГАКК).** Ф. 161. Оп. 1. Д. 236.
8. **Там же.** Ф. 160 Оп. 1. Д. 926; Д. 1212.
9. **Там же.** Ф. 31. Оп. 1. Д. 117.
10. **Там же.** Ф. 31. Оп. 1. Д. 95.
11. **Там же.** Ф. 31. Оп. 1. Д. 6.
12. **Там же.** Ф. 31. Оп. 1. Д. 290.
13. **Там же.** Ф. 162. Оп. 1. Д. 31.
14. **Там же.** Ф. 162. Оп. 1. Д. 7.
15. **Там же.** Ф. 798. Д. 18.

А.В. Ананина

**ИЗУЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННОГО, СОСЛОВНОГО
И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА
СЕЛЬСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ КЛИРОВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ
КАРАКАНСКОГО ПРИХОДА ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ)**

Крестьянская община на протяжении многих столетий составляла основу сельского церковного прихода. На плечи прихожан ложилась ответственность за строительство и содержание храма, священно- и церковнослужителей, просфорниц, учителей церковно-приходских школ, библиотек, домов причта [1. С. 10]. Поэтому количество населения, сословная и конфессиональная принадлежность определяли статус и значимость прихода. Однако урбанизация современного российского общества, для которого в большей степени характерны приходы городского типа, так повлияли на приходскую жизнь, что храм стал местом, куда люди стали приходить, чтобы удовлетворить лишь молитвенные и обрядовые потребности. Всё это приводит к дифференциации приходской жизни, и, в конечном счете, к утрате системы солидарности, взаимодействия и общения, которые существовали на приходе до революционных событий.

В связи с этим изучение истории сельских церковных приходов середины XIX – начала XX в. на базе источников церковного учёта (метрических книг, клировых и исповедных ведомостей) осуществляется многими современными историками [2]. Исследование, проведённое нами на основе клировых ведомостей прихода церкви во имя Смоленской иконы Божией Матери с. Караканского Караканской волости Кузнецкого уезда Томской губернии (современный Беловский район Кемеровской области) [3], позволяет проанализировать, дополнить, детализировать уже выявленные сведения по другим населённым пунктам и регионам Западной Сибири. Выбор данного прихода был обусловлен тем, что он являлся типичным сельским приходом по дате постройки церкви, открытию церковно-приходской школы и библиотеки, размеру усадебной, погостной и сенокосной земли, количеству штата священно- и церковнослужителей, поэтому ему могли быть свойственны многие процессы, происходившие в середине XIX – начале XX в. на территории Западной Сибири.

Караканский приход в 1851–1914 гг. включал в себя: с. Караканское, деревни Евтина, Коновалова, Сидоренкова, Уроп, Чигирь, Рямовая, Пер-

мяки, улусы Инские-Вершины и Каралдинский [4. С. 228]. Согласно данным клировых ведомостей за 1858–1914 гг. ежегодно происходило увеличение прихожан по каждому населенному пункту. За 1858–1878 гг. население на приходе увеличилось в среднем на 897 человек, за 1878–1898 гг. – на 631, за 1898–1914 гг. – на 1 598. Таким образом, в течение 60 лет количество населения прихода выросло на 3 126 человек (в 2,5 раза). Основными причинами роста, по мнению автора, являлись высокий процент рождаемости и волна интенсивного переселения крестьян из европейской части России на свободные земли Сибири.

Самыми распространенными сельскими приходами в Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. являлись приходы с населением от 1 000 до 5 000 душ обоего пола (72%). В среднем на один приход приходилось по 3 365 душ обоего пола [2. С. 23, 27]. Караканский приход от этих показателей отставал лишь не намного – 3 078 душ обоего пола.

До 1894 г. в пределах Караканского прихода старообрядцы, сектанты и иноверцы не значатся [5. С. 11]. Скорее всего, у настоятеля не было достоверной информации об их наличии в границах прихода. Однако в 1899 г. в 20 верстах от с. Караканского находилась д. Чекмари, входившая в состав прихода, но в клировых ведомостях не значившаяся. Жители этой деревни издавна состояли в старообрядчестве, но православных к себе не пускали, и поэтому составить верный список жителей было трудно [6. С. 9–10]. Но с 1901 г. в отчётах о прихожанах клировых ведомостей стали отмечать наличие на приходе «раскольников». Из выявленных данных следует, что максимальное число старообрядцев в 1901 и 1902 гг. составляло 2,3% (86 чел.) от общего числа населения прихода. Однако в среднем доля старообрядцев в 1901–1914 гг. по отношению к населению прихода составляла 1,2%. При этом население православного исповедания равнялось 98,8%, что несколько выше общесибирского показателя – 91,14% на 1911 г. [7. С. 100]. Наличие такого числа лиц православного исповедания говорит о материальном благополучии Караканского прихода.

До революции приход не отличался большой сословной пестротой. На приходе значились крестьяне, инородцы, военные, духовные, а также встречались горные и статские. Горные на приходе были только в 1858 г. – 41 человек (2%), в 1859 г. – 81 (4%), в 1860 г. – 21 (1,1%) и в 1861 г. – 29 (1,4%). Наличие статских на приходе отмечается лишь в 1880, 1881 и 1885 гг. – по два человека (0,07%). Численность причта составляла от 6 до 22 человек, то есть 0,4% от общего числа прихожан.

Лидировали крестьяне, в 1858–1914 гг. составлявшие 82% прихожан. Наибольшая доля крестьян отмечается в 1912 г. – 99,8% (4577 душ обо-

го пола), а наименьшая – в 1908 г. – 70,6% (3006). Сокращение крестьян на приходе происходило в 1886–1890 гг. – с 78,9% до 76% (–2,9%), а также в 1903–1908 гг. – с 79,9% до 70,6% (–9,3%). В 1909–1914 гг. удельный вес крестьян увеличился на 26,1% (с 73% до 99,7%). Для многих сельских приходов Западной Сибири был характерен подобный сословный состав прихожан, в которых большинство населения составляли крестьяне и поселяне. В 1855 г. в Сибири удельный вес крестьян и поселян составлял в среднем 89,4%, а в 1875 г. – 86,9% [2. С. 24–25].

Вторую по численности категорию прихожан составляли крещёные инородцы. Их наличие фиксируется в 1858–1910 гг., далее данные об их количестве в клировых ведомостях отсутствуют. На наш взгляд, это объясняется тем, что была попросту юридически ликвидирована разница среди православных прихожан. В процентном отношении инородцы составляли около 13%. В 1858–1890 гг. численность инородцев Караканского прихода составляла 8,1–19%, в 1891–1903 гг. – 3,9–8,7% (время сокращения числа инородцев), в 1905–1910 гг. – 15,9–17,4% (увеличение числа инородцев).

Третьей по численности прихожан была группа военных. В среднем за 1864–1909 гг. доля прихожан военного происхождения составила 6,3%. В 1864–1879 гг. количество военных на приходе не составляло и 1% (2–23 душ обоего пола), за исключением 1878 г. – 1% (28). Однако в 1880–1893 гг. происходило постепенное увеличение доли военных с 2,3 до 9,6% (с 62 до 291 чел.), и их удельный вес в 1895–1909 гг. превысил 10% от общего количества населения. Анализ данных за 1864–1909 гг. позволяет говорить об увеличении военных среди прихожан Караканского прихода. Однако с 1910 г. военных на приходе не значатся.

Причиной уменьшения в 1870-е гг. процента военных среди населения прихода, по мнению автора, являлся принятый в 1874 г. новый Устав воинской повинности, по которому мужчины зачислялись в действующую армию с 18 лет (в сухопутных войсках служили 6 лет, а на флоте 7 лет). Увеличение числа военных на приходе после 1880 г., а также в 1900-е гг., вероятнее всего, было связано с тем, что мужчины возвращались с обязательной службы в армии и с Русско-японской войны. Следовательно, крестьянская часть населения в данный промежуток времени сокращалась, что хорошо видно из вышеприведённых показателей.

Таким образом, клировые ведомости, содержащие историко-статистические сведения, дают богатейший материал по изучению количественного, сословного и конфессионального состава сельских церковных приходов. По количеству населения Караканский приход входил в число са-

мых распространённых сельских приходов Западной Сибири. За весь рассматриваемый период в рамках Караканского прихода прослеживается рост населения, как за счёт естественного прироста населения, так и миграции населения из других регионов. Что касается сословного состава населения, то здесь преобладали лица крестьянского происхождения. Это было характерно и для других сельских приходов Западной Сибири. Наличие лиц старообрядческого вероисповедания (раскольников) на приходе стало отмечаться в конце XIX в. после легализации их деятельности. В абсолютных цифрах их количество выросло в начале XX в. после разрешения переходить из православия в старообрядчество. Однако численность населения православного вероисповедания составляла основную массу крестьянской общины и существенно не отличалась от среднестатистических показателей по Западной Сибири.

Примечания

1. **Копировский А.** Приход в России в XII–XX вв. (по работам А.А. Папкова) // Приход в Православной Церкви: Материалы междунар. богослов. конф., октябрь 1994 г. М.: Изд-во Свято-филаретовской московской высшей христианской школы, 2000.

2. **Адаменко А.М.** Приходы Русской Православной Церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX в. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.

3. **Государственный архив** Томской области (ГАТО). Ф. Ф-170. Оп. 1. Д. 183. Л. 16об.; Д. 208. Л. 46; Д. 262. Л. 13; Д. 290. Л. 14; Д. 393. Л. 13; Д. 448. Л. 11об.; Д. 519. Л. 13об.; Д. 568. Л. 11об.; Д. 646. Л. 13об.; Д. 698. Л. 13об.; Д. 754. Л. 13об.; Д. 1020. Л. 45об.; Д. 1076. Л. 47об.; Д. 1083. Л. 43об.; Д. 1150. Л. 42об.; Д. 1207. Л. 41; Д. 1266. Л. 38об.; Д. 1747. Л. 41об.; Д. 1327. Л. 41об.; Д. 1446. Л. 42об.; Д. 1515. Л. 42об.; Д. 1629. Л. 42об.; Д. 1636. Л. 43об.; Д. 1778. Л. 42об.; Д. 1862. Л. 42об.; Д. 1941. Л. 41об.; Д. 2019. Л. 40об.; Д. 783. Л. 40об.; Д. 2332. Л. 51об.; Д. 2429. Л. 52об.; Д. 2519. Л. 48об.; Д. 2590. Л. 54; Д. 2933. Л. 32об.; Д. 3054. Л. 33об.; Д. 3088. Л. 31об.; Д. 2849. Л. 30об.; Д. 879. Л. 35об.; Д. 3258. Л. 36об.; Д. 2834. Л. 40об.; Д. 2883. Л. 41; Д. 3518. Л. 38; Д. 3713. Л. 34; Д. 3848. Л. 33; Д. 4087. Л. 33; Д. 4208. Л. 47; Д. 4342. Л. 45.

4. **Справочная книга** по Томской епархии, составленная служителями консистории под руководством секретаря оной В.А. Карташева в январе–марте месяцах 1914 г. – Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1914.

5. **Томские** епархиальные ведомости (ТЕВ). Ч. неофиц. 1895. 15 июня. № 14.

6. ТЕВ. Ч. неофиц. 1899. 15 нояб. № 22.

7. **Батурич С.П.** Внутренняя миссия Православной Церкви в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Православие – культура – образование: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Кемерово: Кемеров. гос. академия культуры и искусств, 2002.

К.А. Кузоро

**ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИССИОНЕРСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ
ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ И СЕМИНАРИЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.**

В XIX столетии была подготовлена почва для серьезного научного исследования старообрядчества. Оно стало рассматриваться как историко-культурное явление, которое необходимо понять и изучить. С начала 1850-х гг. предпринимаются шаги по организации в духовных академиях и семинариях миссионерских отделений для изучения староверия.

Чтобы составить представление о работе миссионерских отделений, обратимся к материалам Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ) и Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Дела из фондов Московской духовной академии (ЦИАМ Ф. 229 – фонд охватывает период 1802–1921 гг.) и Петроградской духовной академии (ЦГИА СПб. Ф. 277 – период с 1808 по 1920 гг.) представлены, в первую очередь, делопроизводственными материалами: отчетами о деятельности миссионерских отделений, учебными программами, донесениями, служебными записками.

Духовно-учебное правление при Синоде 28 августа 1853 г. отправило правлению Московской духовной семинарии секретную записку, в которой предложило «в видах усиления действующих по разным местам духовных миссий образовать при духовных академиях из наличных студентов и из священнослужителей, кои изъявят на то желание, по небольшому отделению для особого приготовления их на дело с раскольниками, как в видах прямых миссионеров, так и в виде священников при церквях единоверческих и православных, где есть раскольники» [1. Л. 1].

В 1853 г. при Санкт-Петербургской и Московской духовных академиях были учреждены отделения по изучению старообрядчества для подготовки миссионеров. В 1854 г. миссионерские отделения были открыты при Казанской духовной академии и семинарии.

Донесения Санкт-Петербургской духовной академии в духовно-учебное управление при Синоде сообщали, в чем заключалось преподавание в академии истории старообрядчества: «...излагалась история русского раскола главным образом по руководству, изданному преосвященным Макарием, епископом Тамбовским под названием «История русского

раскола, известного под именем старообрядства» с дополнениями из других пособий и источников. В 1856–1857 г. излагалась старообрядческая библиография, причем рассмотрены все замечательные сочинения раскольников, какие имеются в Академической библиотеке... На этот предмет обращено было особенное внимание и рассмотрено больше сорока раскольнических сочинений» [2. Л. 3].

За обеспечение миссионерских отделений учебной литературой был ответственен Синод. Реестр книг, предназначенных к отправке в академии и семинарии, был таков: «Розыск о раскольнической брынской вере» митрополита Димитрия Ростовского; «Увещание к раскольникам» митрополита Платона (Левшина); «Беседы к глаголемому старообрядцу» митрополита Филарета (Дроздова); различные наставления для священников в беседах со старообрядцами. Также предписывалось снабдить семинарии и академии «книгами и рукописями, обращающимися между раскольниками, частью для ближайшего усмотрения оснований и подробностей раскольнических мнений, частью для употребления против них собственного оружия» [3. Л. 2]. Следует обратить внимание на новый подход к хранению и использованию старообрядческих книг. Если ранее отобранные у староверов книги из духовных консисторий отправлялись в Синодальную библиотеку, где накапливались «бесполезным бременем, не имея такой важности, чтобы заслуживали войти в ее состав», то теперь книги распределялись по академическим библиотекам [3. Л. 16].

Правления семинарий Московского духовного учебного округа (Вифанской, Тульской, Рязанской, Ярославской, Вологодской, Костромской) ежегодно писали донесения в академическое правление о ходе занятий на миссионерских отделениях. Рассмотрев их, можно составить целостную картину преподавания на миссионерских отделениях семинарий.

В первой половине 1860-х гг. на миссионерских отделениях обучалось от 10 (в Вологодской и Владимирской семинариях) до 105 чел. (в Московской семинарии) [4]. Для сравнения, на миссионерском отделении Московской духовной академии обучалось от 14 до 20 чел. [5].

Основными учебными пособиями для семинарий были «История русского раскола, известного под именем старообрядчества» митрополита Макария (Булгакова) и «Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь» митрополита Григория (Постникова). Как «весьма полезные пособия к знанию раскола» изучались следующие сочинения: «Увет духовный» архиепископа Афанасия Холмогорского; «Розыск» митрополита Димитрия Ростовского; «Беседы к глаголемому старообрядцу» митрополита Филарета (Дроздова); «Истина святой Соловецкой обители»

архиепископа Игнатия (Семенова); «Русский раскол старообрядства» А.П. Шапова; сочинения И. Ф. Нильского. На занятиях рассматривались и старообрядческие сочинения «Соловецкая челобитная», «История об отцах и страдальцах Соловецких», «Керженские ответы», «История о бегствующем священстве».

Занятия со студентами проводились по двум основным направлениям – историческому и полемическому. На исторических занятиях рассматривалась история церковного раскола с момента его возникновения, история старообрядческих согласий, история русского сектанства. Предмет полемических занятий состоял в учении «об общих раскольнических мнениях, о частных мнениях сект поповщинской и беспоповщинской» [5. Л. 6].

Ученики миссионерского отделения занимались написанием сочинений, «которыми имелось в виду познакомить их с практическими правилами и наставлениями в обхождении и беседе с раскольниками при деле обращения староверов к православию» [4. Л. 25]. На занятиях студенты получали и практические знания «о способах собеседования и обращения миссионеров с раскольниками... с указанием на предметы, о коих священнику-миссионеру надлежит преимущественно, и прежде всего, говорить раскольникам при увещании их» [4. Л. 18].

В 1867 г. история старообрядчества стала факультативным предметом, т.к. учение о церковном расколе содержалось в курсах догматического богословия и русской церковной истории. Но поскольку число старообрядцев росло, и, исходя из этого, требовалось искать новые методы воздействия на него, в 1881 г. Синод разрешил вновь открыть в академиях самостоятельные кафедры по изучению старообрядчества с введением предмета в круг общеобязательных наук. Высокий уровень постановки преподавания истории и полемики со старообрядчеством дал свои результаты. В последней трети XIX – начале XX в. число исследований о старообрядчестве значительно возросло, расширилась их проблематика и источниковая база для исследований. В конце XIX в. были изданы талантливые учебные пособия для духовных семинарий, содержащие полную и хорошо структурированную информацию о старообрядчестве.

Представленные в архивных фондах делопроизводственные документы существенно дополняют знания о научной жизни миссионерских отделений духовных академий и семинарий, создают представление о целях и задачах, поставленных перед ними Синодом. Кроме того, делопроизводственные документы демонстрируют, каким образом изучалось старообрядчество на миссионерских отделениях: по каким программам и учебным пособиям; какова была динамика численности студентов этих

отделений. Выпускники духовных академий и семинарий – церковные историки второй половины XIX – начала XX в. внесли значительный вклад в изучение истории, культуры, повседневной жизни староверия. Ими была проделана огромная работа по созданию источниковой и теоретической базы научного исследования старообрядчества. Особенно значим интерес церковных историков непосредственно к религиозной стороне староверия, оставленной практически без внимания светской историографией XIX – начала XX в., игнорируемой в советское время и оказавшейся востребованной сейчас. Беспрецедентный опыт изучения старообрядчества, накопленный церковными историками, имеет большое научное значение для современных исследователей.

Примечания

1. *Дело* об учреждении миссионерских отделений при Академии и семинариях Московского духовного учебного округа для приготовления деятелей против раскола // ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 2258.

2. *О состоянии* миссионерского отделения академии // ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2489.

3. *Дело* о снабжении учебной литературой миссионерских отделений академий и семинарий Московского духовного учебного округа // ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 2279.

4. *Донесения* правлений семинарий Московского духовного учебного округа о занятиях миссионерских отделений в 1864–1865 учебных годах // ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 2435.

5. *Донесения* семинарских правлений в правление Московской духовной академии о занятиях миссионерских отделений в 1861–1862 учебных годах // ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 2388.

А.М. Адаменко

ПРИХОДО-РАСХОДНЫЕ КНИГИ ПРИХОДСКИХ ОБЩИН РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В СИБИРИ

В последние десятилетия внимание историков активно обращается на источники, которые долгие годы довольно слабо были вовлечены в научный оборот – документы первичных структур Русской православной церкви (приходов). С каждым годом их круг становится все шире. Довольно обширен перечень диссертаций, разделов монографий, статей, посвященных анализу метрических книг, клировых ведомостей, делопроизводственной документации, затрагивающей деятельность различных структур Русской православной церкви, в том числе церковно-приходских попечительств; активно публикуются в различных изданиях церковные летописи.

Но до сих пор слабо изучены приходо-расходные книги приходских общин. Данный вид документов стал обязательным для церковных причтов и старост уже во второй половине XIX в. Обычно книга делилась на две части: 1) доходная – фиксировавшая приход сумм и вещей по приходской общине; 2) расходная – отмечавшая вид расхода, точную сумму покупки или выплат, а также иногда указывалось и место приобретение товара. Велись записи церковным старостой под контролем членов причта во главе со священником, записи осуществлялись помесечно, и каждый месяц заверялись старостой и членами причта, а также проверялись во время ревизий приходов благочинным, о чем делалась соответствующая запись.

Слабое использование исследователями этого вида источников связано с тем, что в большинстве случаев нам приходится судить о нем по косвенным данным, упоминаниям в ревизиях данного вида приходских документов, описаниях обязанностей старост и причтов и т.д.

Так, в 1890 г. в «Томских епархиальных ведомостях» были указаны основные недостатки ведения подобных книг в приходах: «1) не одинакова цена свеч при продаже; 2) при покупке свечи для церковных нужд не отделяются от свеч для продажи и соответственно не совсем четко ясна прибыль; 3) не указывается вес свеч; 4) неточно записываются процентные билеты (год, номер и пр.); 5) не везде отмечены суммы, находящиеся в Государственном Банке; 6) пожертвования записываются в переходящие суммы; 7) записи не всегда заверяются благочинными; 8) допускаются доли копеек; 9) при крупных расходах не всегда есть ссылки на

соответствующие указы; 10) расходы свыше 50 руб. иногда производятся без разрешения Епархиального начальства; 11) отсутствуют расписки получателей денег; 12) нет оплаты гербовых пошлин от получателей денег; 13) при храмах хранятся суммы иногда более чем на 100 руб.; 14) церковные суммы для прироста сдаются не в государственный, а в частные банки; 15) допускаются исправления без всяких оговорок» [2].

Как видим, основная масса недостатков связана с отсутствием четкого соблюдения регламентации ведения записей, нарушением нормативных документов по обращению и фиксации сумм свыше 50 руб., отсутствием заверительных записей и пр.

Чрезвычайно редко можно столкнуться с подлинными приходо-расходными книгами. Как отдельный вид документов они не отложились в государственных архивах Сибири. И лишь при сквозном просмотре фонда Д-60 (Коллекция метрических книг) Государственного архива Кемеровской области нами обнаружены отдельные листы приходо-расходной книги по Введенской церкви с Камышанское Мариинского уезда [1. Л. 25–32об.]. В деле сохранились расходные записи за февраль 1874 – октябрь 1876 гг., которые вел староста крестьянин Петр Попов под контролем священников Афиногена Крылова, Григория Рождественского, Петра Яковлева, сменявших друг друга на посту настоятеля храма.

На основании анализа этих записей видно, что за указанный период по приходу было израсходовано 398 руб. 82¼ коп., причем с каждым годом расходы по храму увеличивались, что можно напрямую увязать с увеличением средств, направленных на украшение храма и приобретение утвари.

Довольно четко расходы по приходу можно разделить на несколько видов.

1) Покупка вещей, необходимых для совершения церковных таинств и обрядов (виноградное вино, которое покупалось в основном в Мариинске до 2 ведер в год; свечи белого и желтого воска до 50 фунтов в год; мука для печения просфор до 2 кулей; деревянное масло до 3 фунтов; ладан до 17 фунтов). Всего за указанный период на это было потрачено 182 руб. 64 коп.

2) Расходы на общепархиальные нужды (на параллельный класс при семинарии; прогоны и пересылка денег; покупка печатных указов и губернских ведомостей) и вклады под проценты, всего на 117 руб. 56¼ коп.

3) Расходы на украшение храма и нужды библиотеки (приобретение священнических одеяний (поручи, епитрахиль, пояс); серебрение евангелия, приобретение на престольного креста, написание иконы, золочение

рамы, остекление окон, переплет книг, пересылка купленных предметов), всего на сумму 72 руб. 99 коп.

4) Приобретение материалов для ведения документации (бумаги, сургуча, реестров, метрик, духовных росписей), выписку периодики (газета «Современность», издание «Наша славянская печать») и их пересылку, всего на 25 руб. 63 коп.

Из анализа документа видно, что в указанный период основная масса затрат была связана с приобретением предметов, связанных непосредственно с осуществлением ежедневного церковного служения, украшением храма и утвари, сберегательными вкладами церковного капитала. Структура расходов, в зависимости от года, включала как стабильные пункты расходов, так и необычные статьи, связанные с насущными потребностями этого года. Так в 1876 г. было отправлено в Москву фабриканту Хухлину 14 руб. за напестольный серебряный крест и 30 руб. за написание иконы Воскресения Христова.

Как видим, даже из столь короткого отрывка приходо-расходной книги приходской общины с. Камышанское можно извлечь довольно полезную информацию для восстановления истории деятельности приходской общины. Использование данного вида документов несколько восполняет пробел в спектре исторических источников по истории приходов Русской православной церкви в Томской епархии во второй половине XIX в.

Примечания

1. *Государственный* архив Кемеровской области. Ф. Д-60. Оп. 1. Д. 31.
2. *Томские* епархиальные ведомости. 1890. № 22.

М.В. Угрюмова

**ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗЕМСКОГО ВОПРОСА
И ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Стараниями нескольких поколений историков к настоящему времени вышел ряд сборников, содержащих очень важные документы эпохи развития вопроса о введении земства, становления и деятельности земского самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX в. – 1919 г.). Они явились солидной основой для изучения многих проблем того периода. Тем не менее, значительная часть документов хранится в фондах двух центральных и четырех местных архивов: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский Государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив Тюменской области (ГАТюМО), Тобольский филиал ГАТюМО, Государственный архив Омской области (ГАОО), Государственный архив Курганской области (ГАКО).

Политическая линия по земскому вопросу всех российских правительств изучаемого периода нашла отражение в законодательных актах, которые составили первую группу документов, условно разделенную на четыре подгруппы. Первая подгруппа представлена законодательными актами, указами и постановлениями царского правительства, касающимися организации выборов в земские учреждения и установления органов земского самоуправления в Европейской России. Что касается сибирских губерний в целом, то материалы здесь ограничены царским рескриптом 1905 г. по вопросу о будущем введении земств в Сибири. Основная часть этих источников представлена в «Полном собрании законов Российской империи», «Сборнике о земстве в Сибири» [4]. Документы этой подгруппы позволяют выявить позицию верховной власти по вопросу организации земского самоуправления на территории сибирских губерний.

Следующую, не менее важную подгруппу документов составляют нормативные документы по вопросу о земстве вообще и о сибирском земстве в частности, разработанные комиссией по местному самоуправлению и рядом министерств Временного правительства. Законы Временного правительства о введении земства в Сибири, Положение о волостных, уездных и губернских выборах позволяют сделать вывод о демократическом характере земской реформы для сибирских губерний, определить особенности правительственной политики по отношению к Сибири

в целом. Отчасти указанная группа документов представлена в опубликованных сборниках постановлений Временного правительства. Основная же их масса хранится в фондах ГАРФ.

Третью подгруппу образуют документы, выработанные сибирскими правительствами и определяющие место земств в структуре государственного устройства. Законы, распоряжения МВД и Верховного правителя Колчака позволяют судить о той роли, которая отводилась местному самоуправлению в политике сибирских правительств, особенно колчаковского. Источники этой подгруппы в основном содержатся в фондах ГАРФ и в «земском» фонде ГАОО. Определенная часть документальных материалов опубликована в официальном периодическом печатном органе правительства Колчака – «Правительственном вестнике».

Последняя подгруппа включает в себя постановления по вопросу функционирования земских управ и собраний и их ликвидации, изданные советской властью и опубликованные в «Вестнике местного самоуправления НКВД». Изучение этих документов позволяет определить основные черты политики большевиков по отношению к демократическим земским органам власти на местах и в государственной структуре в целом.

Вторую группу документов составляют делопроизводственные материалы, которые включают государственное делопроизводство правительственного и местного уровней, а также документы политических партий и общественных организаций. Документы высших государственных учреждений (стенографические отчеты заседаний Государственной думы и ее сибирской группы депутатов, журналы заседаний Государственного Совета [1, 2], материалы работ Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, циркулярно-распорядительная документация в рамках внутриминистерской переписки царского правительства, а также переписка между министерствами и отделами МВД колчаковского правительства, отчетная документация представленная ежегодными отчетами тобольских губернаторов) помогают проследить суть земской политики различных российских правительств по отношению к сибирским губерниям и раскрыть подоплеку многих государственных решений. Источники этой подгруппы частично содержатся в опубликованных сборниках материалов. Основная же часть представлена материалами РГИА (Ф. 1275 – Совет министров (1857–1905 гг.); Ф. 1276 – Совет министров (1905–1917 гг.); Ф. 1282 – Канцелярия министра внутренних дел; Ф. 1284 – Департамент общих дел; Ф. 1288 – Главное управление по делам местного хозяйства; Ф. 419 – Московское общество сельского хозяйства); ГАРФ (Ф. 528 – Партия народной свободы; Ф. 543 – Канцелярия

рукописей Царскосельского дворца; Ф. 5102 – Корнилов А.А.; Ф. 1779 – Канцелярия Временного правительства) и Тобольского филиала ГАТюМО (Ф. 151 – Пигнатти В.Н.; Ф. 152 – Тобольское губернское управление; Ф. 479 – Тобольский губернатор; Ф. 722 – Тобольский губернский комиссар Временного правительства; Ф. 730 – Тобольский уездный комиссар Временного правительства; Ф. 147 – Скалозубов Н.Л.; Ф. 149 – Колокольников В.В.; Ф. 150 – Ушаков А.Н.)

Источники местного делопроизводства включили в себя административную (губернскую и уездную) и земскую документацию, а также материалы различных съездов, сходов и собраний. Наиболее полно они представлены в фондах ГАТюМО, Тобольского филиала ГАТюМО, Тюменского областного центра документации новейшей истории, ГАОО, ГАКО. Основная часть документов второй подгруппы впервые введена в научный оборот в 1998–2000 гг. Преимущественно это указы местного населения депутатам Государственной думы, содержащие просьбу о распространении земской реформы на губернию; распоряжения уездных и губернской администраций по вопросу о введении земского самоуправления; протоколы сельских, волостных, уездных и губернских собраний, в повестке которых значился вопрос о введении земских учреждений. Из губернских документов здесь наиболее полно представлены материалы двух съездов (1905 г. и 1917 г.), позволяющие судить о настроениях губернской администрации, общественности и крестьянства по отношению к земской проблеме в крае. Материалы губернского комитета по введению земства, распоряжения губернской администрации по вопросу организации земского самоуправления раскрывают ход и особенности проведения земской реформы в Тобольской губернии осенью 1917 – зимой 1918 гг. Бюллетени голосований, протоколы волостных и уездных избирательных комиссий по введению земства также дают представление об отношении местного населения к новым учреждениям – земствам. Журналы заседаний, исходящие материалы волостных, уездных и губернской земских управ, протоколы земских собраний, земские сметы характеризуют основные направления земской деятельности. Протоколы [3] и материалы съездов, совещаний и курсов, которые проводились при губернской и уездных управах, документы различных отделов губернской и уездных управ позволяют говорить о заинтересованности земств в делах той или иной области местного хозяйства. Наиболее ценными, на наш взгляд, являются отчеты инструкторов-информаторов, как один из основных источников по истории восстановления и создания органов волостного и уездного земского самоуправления летом – осенью 1918 г.

Документальные материалы данной группы характеризуют отношение местного населения к образованию земств, их устранению большевиками, восстановлению сибирскими правительствами и окончательной ликвидации. Все это, в какой-то мере, позволяет дополнить уже имеющиеся исследования о политических позициях тобольского крестьянства в различные периоды Гражданской войны.

Существенная часть документов второй группы опубликована в различных сборниках: «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», «Сборник о земстве в Сибири», «Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)» и др. [5–7].

Полное использование документальных материалов архивных фондов, печати, публикаций документов позволит осветить наиболее важные, на наш взгляд, проблемы земского самоуправления на территории Тобольской губернии во второй половине XIX в. – 1919 г. Поиск наилучшей системы местного управления, который будоражит российское общество с начала 1990-х гг., стимулирует обратиться к отечественным традициям самоуправления.

Примечания

1. *Государственная дума*. Стенографические отчеты. Созывы второй – четвертый. СПб., 1907–1916.
2. *Государственная дума*. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия 5 (1911–1912 гг.). СПб., 1912.
3. *Протоколы* журналов Первой чрезвычайной сессии Тобольского губернского земского собрания (2–10 февраля 1918 г.). Тобольск, 1918.
4. *Сборник* о земстве в Сибири. Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб., 1912. Вып. V.
5. *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Тобольская губерния. СПб., 1903. Т. 53.
6. *Борьба* за власть советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.). Сборник документальных материалов. Свердловск, 1967.
7. *Организация* самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник документов и материалов / Под ред. Е.В. Фоминых. Тюмень, 1995.

П.П. Румянцев

**ВОСПОМИНАНИЯ СЛУЖАЩИХ СИБИРСКИХ
ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СЛУЖЕБНОГО
ПРИИСКОВОГО ПЕРСОНАЛА**

До наших дней дошло не так много воспоминаний служащих, работавших на сибирских золотых промыслах в XIX – начале XX в. В дореволюционное время мемуары служащих появлялись в небольшом количестве. Советский период изучения золотого промысла был обусловлен вниманием исследователей в первую очередь к формированию и положению рабочего класса, что в частности выражалось в издании воспоминаний сибирских приисковых рабочих. Воспоминания служащих золотых промыслов не представляли большого интереса для советских историков, что стало причиной малого количества публикаций таких мемуаров. Тем большую ценность представляют мемуары этой категории приисковых наемных работников при изучении различных аспектов сибирской золотопромышленности и, прежде всего, положения служащих на золотых промыслах.

Необходимо отметить, что большинство воспоминаний, вышедших из-под пера приисковых служащих, принадлежали людям, до занятия золотой промышленностью не участвовавшим ни в промышленной, ни в коммерческой деятельности. Одни из них, например, Л.Ф. Пантелеев, П.Д. Баллод и С.С. Синегуб, были по разным причинам сосланы в Сибирь и стали служащими с одной лишь целью – поправить незавидное материальное положение ссыльного. Другие пополнили ряды приискового служебного персонала «случайно», как некий П. Собакарев, бывший студент, изгнанный из университета и поступивший служащим в 1880-е гг. на золотые промыслы в Ленской тайге.

Среди оставивших воспоминания о приисковой службе было немало известных политических деятелей, среди которых следует назвать народника В.В. Берви-Флеровского, сосланного в Сибирь и поступившего на золотопромышленную службу. Торговый служащий П.И. Иванов познакомил сосланного в Томск в середине 1860-х гг. В.В. Берви-Флеровского с местным предпринимателем Б.Л. Хотимским, владевшим винокуренным заводом, а также занимавшимся золотопромышленностью. Этот коммерсант решил использовать юридические знания ссыльного и взял В.В. Берви-Флеровского к себе на работу в качестве приказчика. Послед-

ний часто бывал по делам фирмы на золотых промыслах Хотимского в Западной Сибири, где смог близко познакомиться с состоянием золото-добывающей промышленности и положением основных категорий наемных работников, что нашло отражение на страницах его воспоминаний [1. С. 104–105]. В переписке с К. Марксом В.В. Берви-Флеровский писал, что ему неоднократно приходилось ездить в сибирскую тайгу, где у него была возможность подробно изучить положение приискового населения [2. С. 191]. В дальнейшем В.В. Берви-Флеровский использовал знания сибирской золотопромышленности в фундаментальном исследовании «Положение рабочего класса в России», красочно изобразив царившие в то время на местных золотых промыслах порядки и антагонистический характер взаимоотношений между рабочими и приисковой администрацией [3. С. 295–297].

Антагонистический характер отношений между служащими и рабочими являлся одним из самых популярных сюжетов в воспоминаниях приисковых служащих. Так, С.С. Синегуб, служивший в Ниманской золотопромышленной компании в начале 1880-х гг., писал о презрительном отношении представителей служебного персонала к рабочим, считавшего, что «управленческие кайла и лом дают золото, а не руки рабочих» [4. С. 157].

Сложными отношения были не только между рабочими и служащими, но и между служащими и управляющими золотых промыслов. П. Собакарев писал, что вступал в конфликты с управляющим одного прииска С.С., своим начальником, и пытался оспаривать решения последнего при найме рабочих: С.С. брал на работу уволенного ранее за кражу на других золотых промыслах рабочего и не желал принять на работу рабочего, уволенного за дерзость. Чаша терпения автора была переполнена, когда рабочему, назвавшемуся Иваном, управляющий без промедления исправил в паспорте имя, хотя там было написано другое [5. С. 96]. Собакарев отказался работать под началом такого управляющего.

Более миролюбивый и даже доверительный характер имели отношения служащих с владельцами золотопромышленных предприятий. Так, Л.Ф. Пантелеев, работая у известного сибирского золотопромышленного деятеля В.И. Базилевского в 1870-х гг., упоминал, что его патрон передал ему в личную разработку два прииска в северной части Енисейского горного округа, где находилось до 180 рабочих [6. С. 606].

Воспоминания приисковых служащих, как ни один другой источник, раскрывают положение служащих, особенно служащих среднего и низшего звена, мало чем отличавшееся от положения рабочих. Некий Т., служивший в 1860-х гг. на золотопромышленных предприятиях И.Д. Ас-

ташева в Енисейской тайге, писал, что жилища служащих мало отличались от казарм, в небольших по размеру комнатах нередко проживало до десяти человек. Каждому служащему, как и рабочему, на руки выдавалась расчетная книжка, куда записывались в счет будущего жалованья взятые товары и припасы, в которых они нуждались [7. С. 107]. Подобных примеров можно привести достаточное количество.

Описания приисковой деятельности в целом и положения служащих, в частности, в воспоминаниях служащих, пришедших в золотопромышленную отрасль «со стороны» и имевших хорошее образование, во многом являются объективными. Они не стеснялись показывать пороки приисковой жизни, которыми были охвачены не только рабочие, но и служащие – игра в карты, пьянство, распутная жизнь, воровство золота. П.Д. Баллод, возглавив в 1887 г. Ниманскую золотопромышленную компанию, крупнейшую на Дальнем Востоке фирму по добыче золота, писал о плачевном состоянии дел на приисках компании до него, являвшимся прямым результатом деятельности прежнего руководства предприятия, о воровстве этого руководства и об интригах старой приисковой администрации против самого Баллода [8. С. 186–190].

Пьянство приисковых служащих являлось одним из самых популярных сюжетов дореволюционной периодической печати и публицистики. Не обошли эту печальную сторону приисковой жизни в своих воспоминаниях и сами служащие. Их отношение к пьянству выражают слова одного служащего, приведенные в воспоминаниях П. Собокарева: «Что касается водки, за порок это у нас не считается» [9. С. 926]. И.В. Кулаев в мемуарах писал о том, что празднование Ильина дня на одном из его приисков по Амуру с обильным употреблением спиртного довело до несчастного случая, в результате которого погиб управляющий прииска [10. С. 46].

Однако подобный негативный облик служебного персонала на золотых промыслах в Сибири во многом был характерен больше для XIX в., особенно для небольших по размеру золотопромышленных предприятий, и не все служащие стремились к подобному проведению своего досуга. Из их воспоминаний можно узнать, что среди служебного персонала золотых промыслов в Сибири нередко встречались образованные люди, стремившиеся, несмотря на нелегкие условия приисковой жизни, постоянно развивать свой кругозор. Жена Л.Ф. Пантелеева вспоминала, что молодой конторщик С. на Рязанском прииске в Северно-енисейской тайге тратил большую часть своего скудного жалованья на покупку книг [11. С. 10].

Таким образом, воспоминания служащих золотых промыслов являются одним из важных источников изучения положения служебного персо-

нала в Сибири в указанное время. Мемуарная литература, с одной стороны, несет на себе отпечаток субъективности. Но, с другой стороны, данная категория источников содержит важную информацию, прежде всего, о материальном положении и том образе жизни, который вели служащие на золотых промыслах. Подобную информацию не встретишь в других видах источников, например, в сухих отчетах о состоянии золотодобывающей отрасли производства. В мемуарах служащих прослеживается также характер их взаимоотношений с другими категориями наемных работников и владельцами золотых промыслов, участвовавших в управлении своих предприятий.

Примечания

1. **Берви-Флеровский В.В.** Записки революционера-мечтателя. М.–Л., 1929.
2. **К. Маркс**, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
3. **Берви-Флеровский В.В.** Положение рабочего класса в России. М., 1938.
4. Цит. по: **Якушин Н. С.С.** Синегуб в Сибири // Сибирские огни. 1969. № 10.
5. **Собакарев П.** Отрывок из воспоминаний о жизни на приисках компании Сибирякова, Немчина и Базанова // Сибирский архив. 1911. № 2.
6. **Пантелеев Л.Ф.** Воспоминания. М., 1958.
7. **Т.** Из воспоминаний о службе на золотых приисках // Ирбитский ярмарочный листок. 1881. № 24.
8. **Баллод П.Д.** Заметки о работе в Ниманской золотопромышленной компании // Вале-скалн П.И. Революционный демократ П.Д. Баллод: материалы к биографии. 2-е изд. доп. Рига, 1987.
9. **Собакарев П.** Приисковые воспоминания // Сибирский архив. 1912. № 12.
10. **Кулаев И.В.** Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875–1930. М., 2006.
11. **Пантелеева С.** Из сибирских воспоминаний шестидесятницы // Сибирские вопросы. 1910. № 47.

М.Ф. Маркова

**МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ТАТАР-МУСУЛЬМАН ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Социально-экономические и культурные изменения, происходившие на территории Томской губернии в XIX – начале XX в., в настоящее время вызывают повышенный интерес у томских исследователей. В этой связи немалую ценность представляют собой документальные источники, составляющие основу дореволюционных фондов Государственного архива Томской области (ГАТО). Особую актуальность архивные источники приобретают для изучения общественно-политической и культурной жизни татар-мусульман Томской губернии.

В дореволюционной России проблема сибирских инородцев рассматривалась как часть колонизационной политики Российской империи. Сбор материалов носил регламентированный характер. Сведения о составе, численности, быте и обычаях собирались православными миссионерами, чиновниками и учеными. Часто изыскания носили характер официальных запросов местных или центральных властей для изучения того или иного аспекта межэтнических или межконфессиональных отношений. Примером этого могут быть работы князя Н.А. Кострова, который помимо публицистических статей, посвященных описаниям быта и обычаев коренного населения Томской губернии, составлял официальные доклады и отчеты на имя губернатора.

Следует также отметить, что на протяжении XVIII–XIX в. сложность взаимоотношений пришлого и местного населения в поземельных, профессиональных и социальных отношениях фиксировалась документально, обеспечивая законность сделок, осуществлявшихся между пришлым и местным населением. Поэтому документальные источники представляют ценное свидетельство изменений в социокультурной и экономической жизни на протяжении XVIII–XIX столетий у татар-мусульман Томской губернии.

Со второй половины XIX в. сбор данных о традициях и обычаях местного татарского населения активизировался в связи с тем, что в этот период увеличилась численность мусульман, что было вызвано ростом миграции татар из Поволжья. К примеру, численность татар-мусульман

Томска составляла в 1908 г. более 2 тыс. чел. [1], в то время как в 1897 г. в Томске их проживало 1 527 чел. [2. С. 68–69]. Активизировалась и общественная жизнь татарского населения. Это отразилось в увеличении дел, рассматриваемых чиновниками Томского губернского управления.

Особый интерес для исследования истории татар-мусульман представляет фонд № 3 (Томское губернское управление), в котором хранятся документы о хозяйственной, общественной и религиозной жизни. В Томской губернии дела, связанные с жизнедеятельностью местного мусульманского населения, относились к ведению I Распорядительного отделения губернского управления, а прошения и представления от мусульман в обязательном порядке адресовались на имя губернатора. Кроме того, мусульмане находились под тщательным надзором полицейского управления, через которое проходили все запросы и прошения жителей татарских и окрестных русских деревень. Полицейское управление следило за работой местных имамов и мулл, выискивая неблагонадежных. В свою очередь, губернское управление при рассмотрении дел, касавшихся татар-мусульман, тщательно проверяло законность и обоснованность прошений, поступавших от магометанского населения. Так, при рассмотрении прошений о строительстве мечетей всегда делался запрос о численности мусульман общины, о близости русских деревень или поселений с новокрещенным населением, чтобы исключить любую возможность влияния иноверцев на православное население. С принятием решения по запросам или жалобам, материалы формировались в дело и передавались на хранение в губернский архив.

В фонд № 3 входят также дела, связанные с утверждением в должности мулл, имамов магометанских приходов. Документы свидетельствуют, насколько сложной была процедура получения должностей мусульманскими муллами. Можно привести материалы дела «Об утверждении Абдул-Карыма Туманова на должность имам-хатыпа мечети юрт Эуштинских», из которого следует, что в августе 1914 г. томскому уездному исправнику поступило прошение жителей юрт Эуштинских с просьбой утвердить в должности имама местной мечети Абдул-Карыма Туманова, уроженца юрт Меримовских Бухарской инородной управы Тобольского уезда и губернии. В прошении был указан возраст, адрес проживания и сведения о предыдущих местах проживания кандидата. Обязательным было наличие двух свидетельств на знание «правил магометанской религии» и русского языка [3. Л. 18]. Назначение муллы для жителей деревни было мерой вынужденной, вызванной тем обстоятельством, что каждую весну и осень в результате наводнений юрты оказывались в изоляции, поэтому томский

ахун Х. Хамитов, исполнявший обязанности муллы Эуштинской мечети, не мог прибывать к месту службы. Однако просьба эуштинцев была оставлена без удовлетворения, т.к. Строительный устав (ст. 155) требовал, чтобы «при всякой мечети» было не менее 200 душ м.п., а в Эуштинских юртах на тот момент проживало 174 чел. [3. Л. 18]. Принимая любое решение, губернские чиновники ссылались на Свод законов Российской империи и не допускали послаблений в отношении любых религиозных меньшинств Томской губернии. Мусульмане не были исключением.

Материалы фондов ГАТО интересны тем, что в них собраны уникальные документы, касающиеся государственной политики в отношении мусульман Томской губернии и их взаимоотношений с Русской православной церковью. Значительный пласт документов, затрагивающих вопросы смены вероисповедания, в частности переписка с Оренбургским магометанским духовным собранием (ОМДС) хранится в фонде 170 (Томская духовная консистория). В конце XIX – начале XX в. участились случаи отклонения новокрещенных от православия, поэтому православные священники тщательно отслеживали и по возможности пресекали подобные эпизоды, что нашло свое отражение в материалах фонда Томской духовной консистории.

В частности, в 1880 г. Томской духовной консисторией рассматривалось дело Ивана Федорова «Об уклонении его в мусульманство». Согласно материалам дела Иван Федоров, проживавший в деревне Теплореченской Мариинского уезда, был выкрещен из мусульман в период его проживания в Симбирской губернии. Однако, переселившись в Сибирь, он продолжал носить татарское платье и называться Сабитом Аюкановым. На заседании Томской духовной консистории было принято решение о разработке увещательного акта, который представят в консисторию, в то время как Федоров будет на монастырском назидании и увещании [4. Л. 6].

С началом XX в. число официальных запросов татар с просьбой перейти из православия в магометанство увеличилось. Это отразилось на росте числа прошений, которые подавались на имя губернатора. Их рост был вызван изменением общественного положения мусульман и миграцией поволжских татар на территорию Томской губернии.

Архивные данные позволяют констатировать наличие устойчивой миграции поволжских татар-мусульман на территорию Сибири. На примере списка учредителей «Общества распространения образования среди мусульман в г. Томске и его окрестностях» видно, что из четырнадцати учредителей только Нурулла Мухаметжанович Карпов родился в Томске [5. Л. 16]. Остальные были приезжими. Представитель известного купече-

ского рода Мифтахутдин Незаметдинович Бухараев был выходцем из деревни Тугульбаево Кузнечинской волости Спасского уезда, Казанской губернии, переехавшим в Томск в 1878 г. Выходцами из деревни Базловой Андреевской волости Васильсурского уезда Нижегородской губернии были двоюродные братья Измайловы – Садык Исхакович и Хусаин Измайлович. Первый переехал в Томск в 1899 г., второй – через пять лет, в 1904 г. [5. Л. 16–17]. Приезжими были и известные в Томске татарские общественные деятели: Бадретдинов Джемалетдин Бадретдинович, Габайдуллин Фатых Ихсанович, Юнусов Самерхан Юнусович, Сайфуллин Сайфельмулок Сайфуллович [6. Л. 17–17об]. Именно с миграцией поволжских татар связан тот факт, что томские татары-мусульмане стали активно интегрироваться в мир российских мусульман. Как следствие, в начале XX в. увеличился поток информации об общественно-политической и культурной жизни татарского мусульманского населения.

Таким образом, документы, собранные в ГАТО, служат ценным источником пополнения знаний о прошлом города Томска, истории, традициях и культуре народов, населявших Томскую губернию, и представляют безусловный интерес для исследования истории местного татаро-мусульманского населения.

Примечания

1. *Сибирская жизнь*. 1908. 24 апр.
2. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Томская губерния. СПб. 1904. Т. LXXIX. 245 с.
3. *Государственный* архив Томской губернии (ГАТО) Ф. 3. Оп. 77. Д. 177.
4. *Там же*. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2564.
5. *Там же*. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2723.
6. *Там же*. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2508.

В.А. Морев

**ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ТЕЛЕФОНИЗАЦИИ г. ТОБОЛЬСКА
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

С развитием капиталистических отношений в Российской империи в конце XIX в. западносибирские города всё чаще стали испытывать потребность в новом средстве связи – телефоне. Городские телефонные сети были необходимы, прежде всего, предпринимателям и местным властям, то есть тем, от кого в большой степени зависело социально-экономическое развитие городов.

Начало применения телефона в Сибири относится к 1880–1890-м гг. Одним из сибирских городов, где телефон появился в конце XIX в., был Тобольск. Несмотря на то, что к тому времени Тобольск уже потерял значение крупного административного центра Западной Сибири, его жители и властные структуры ощущали потребность в новом средстве коммуникации.

Документы Государственного архива Омской области (ГАОО), хранящиеся в фонде Ф. 120 «Управление Омского почтово-телеграфного округа» (1864–1920 гг.), содержат ценные материалы по истории телефонизации Тобольска. Проблема проектирования, устройства и состояния телефонной сети в Тобольске в конце XIX – начале XX в. посвящено дело № 48. Из него следует, что вопрос об устройстве телефонного сообщения в городе обсуждался в марте 1895 г. По этому поводу шла переписка между губернатором Тобольской губернии и начальником Омского почтово-телеграфного округа [1. Л. 7]. Таким образом, телефонное сообщение в Тобольске появилось при непосредственном участии городских властей, заинтересованных в наличии этого средства связи в городе.

В рапортах начальника Тобольской губернской почтово-телеграфной конторы начальнику Омского почтово-телеграфного округа за 1896 г. в деталях описано устройство тобольской телефонной сети. Её протяжённость составляла 36 вёрст. Провода были изготовлены из бронзовой проволоки в 1,5 мм и частично из железной от 1,5 до 2,5 мм. Они крепились к сосновым столбам высотой 4 и 5 сажень. Толщина столбов в вершине составляла 4 и 5 вершков (17,8 и 22,25 см соответственно). Для навески проволоки использовались фарфоровые изоляторы, насаженные на железные крюки, при пролётах между столбами 25–40 сажень. В деле так-

же поясняется разница между телефонными аппаратами фирмы «Эванс», которые преобладали в Тобольске, и аппаратами «Эриксон». По своей конструкции эти аппараты были похожи. Отличия касались лишь конструкции корпуса, который у аппаратов «Эванс» был железным, а у «Эриксон» – деревянным [1. Л. 10–11; 16–16об.]

Интерес представляет список первых абонентов Тобольской телефонной сети [1. Л. 12об.–13], численность которых составляла 47, поэтому телефонные номера состояли всего лишь из одной или двух цифр (от 1 до 47). Среди абонентов были губернатор, вице-губернатор, епископ, управляющий казённой палатой, председатель губернского суда, губернский прокурор, начальник губернского жандармского управления, губернский казначей, канцелярия губернатора, губернское управление, государственный банк, городская управа, больницы, лечебницы, полицейские управления, тюрьмы, пристань, а также другие учреждения и официальные лица. Анализ этого списка позволяет сделать вывод, что тобольская телефонная сеть находилась исключительно в административном пользовании. Кстати, в списке первых абонентов сети в 1895–1896 г. не значилась Тобольская губернская почтово-телеграфная контора, хотя это учреждение имело первостепенное отношение к средствам коммуникации.

Телефонная связь на первых порах была недоступна обывателям, хотя горожане ощущали потребность в телефонной сети общего пользования. Это подтверждается поданными в 1896 г. документами – рапортом начальника Тобольской губернской почтово-телеграфной конторы и заявлением местного купца А.А. Сыромятникова с просьбой об устройстве телефонного сообщения в Тобольске с открытием центральной станции при почтово-телеграфной конторе [1. Л. 20–20об., 21–21об.] К своему заявлению купец приложил список жителей города из 11 чел., пожелавших стать абонентами. Причём все расходы по устройству сети они были готовы принять на себя. Однако в 1898 г. Главное управление почт и телеграфов ответило отказом на просьбы горожан по поводу устройства правительственной телефонной сети для общего пользования [1. Л. 78]. Причины отказа не указывались. Такая сеть была открыта лишь в 1908 г.

Ряд документов, которые посвящены вопросам развития Тобольской телефонной сети, затрагивают период Гражданской войны. Они свидетельствуют о неуклонном развитии телефонизации в Тобольске, несмотря на военные действия и связанную с ними разруху. В это время с увеличением числа абонентов и расширением Тобольской сети обсуждался вопрос её переустройства с переносом центральной станции в другое здание. В марте 1918 г. на имя начальника Омского почтово-телеграфно-

го округа поступили соответствующий рапорт механика Шляхтина, проект и смета переустройства [1. Л. 158–158об., 159]. В качестве причины переустройства указывалось истечение срока эксплуатации сети в 1915 г. (обычный срок составлял 20 лет). Кроме того, сеть из ведения Тобольского губернского управления должна была перейти в ведение Министерства почт и телеграфов.

В целом, в архивных документах содержатся ценные статистические данные и технические характеристики Тобольской телефонной сети, отражены вопросы и трудности её строительства и переустройства. Из этих документов можно получить также представление о влиянии общественно-политической обстановки на развитие городской телефонной связи, являвшейся одним из важнейших факторов урбанизации.

Примечания

1. *Государственный* архив Омской области (ГАОО). Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.

И.В. Ваганова

**ГАЗЕТА «СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ»
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРАЯ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)**

Одной из проблем изучения провинциальной дореволюционной печати России является определение региона исследования. Отчасти это связано с тем, что система административно-территориального деления страны неоднократно изменялась, поэтому зачастую границы регионов, например, в начале прошлого века, не совпадают с современными [1]. Ряд территорий, ранее принадлежавших Российской империи, в настоящее время входит в состав других государств (Казахстан, Украина, Беларусь и др.).

Понятие «регион» применительно к провинциальной печати имеет исторические корни. В Российской империи существовало достаточно чёткое представление об основных районах функционирования местной прессы. Главное управление по делам печати всю провинциальную периодику объединяло в следующие края: Западный, Юго-Западный, Прибалтийский, Московский, Уральский, Поволжье, Юго-Восток, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток [2. С. 148]. В настоящее время в работах о местной печати в качестве границ исследования избирают не только данные крупные районы. Так, например, под регионом исследования понимают и Сибирь в целом, и выделяют в качестве самостоятельных территорий Западную и Восточную Сибирь, и отдельно изучают печать каждой из административных единиц Сибири по дореволюционному делению – Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей, а также Омского уезда Акмолинской области.

Наряду с этим необходимо учитывать, что иногда местные дореволюционные газеты в силу экономической и культурной общности, а подчас и отсутствия газет в соседних административных единицах «перешагивали» административные границы» [3. С. 31–32]. Более того, некоторые органы печати, издававшиеся в отдельных городах, были ведущими не только для своего района, но и для ряда соседних, потому что освещали события, происходившие во многих, даже самых отдалённых населённых пунктах [2. С. 148]. Таким образом, определение региона исследования при изучении провинциальной печати только на основе административно-территориального деления представляется недостаточным.

В современных отечественных гуманитарных исследованиях существует тенденция рассматривать регион «не только в качестве единицы гео-

графического пространства, но и как особое социально-пространственное образование с той или иной артикуляцией (политической, производственно-экономической, культурной)» [4. С. 133]. Говоря о периодической печати, вероятно, правомерно говорить о функционировании её в социокультурном пространстве. Объединение социальной и культурной сфер в современной научной литературе является широко распространённым. Рассматривая проблему соотношения понятий «культура» и «общество», философ М.С. Каган, например, пришел к выводу, что «применительно ко всем организациям, институционализирующим совместную деятельность людей, неправомерна альтернативная постановка вопроса – являются ли они формами общества или культуры, ибо тут общество и культура объединяют свои усилия, образуя культурные способы опредмечивания общественных отношений» [5. С. 96].

Итак, с одной стороны, социокультурное пространство – это «географическое понятие, которое очерчивает рамки определённой культуры»; с другой стороны, «географическое представление дополняется коммуникационным, которому отводится ведущая роль в организации культурного пространства» [6. С. 131]. Под социокультурным пространством понимают «совокупность наследий материальной и духовной культуры, культурных процессов, воплощённых в носителях культуры, скреплённых достаточно устойчивыми связями, сложившимися в результате исторического сотрудничества, взаимодействия и взаимопроникновения в их наиболее значимые и существенные проявления: нравы, обычаи, языки, типы культурного поведения, и имеющими единую социально-экономическую основу существования и развития» [6. С. 132]. Сущностную основу социокультурного пространства составляет определённая система ценностей.

На рубеже XIX–XX вв. система коммуникативных отношений, всепроникающей культурной информации стала основным механизмом культурного движения, что привело к быстрому развитию и широкому распространению прессы на всей территории России [7. С. 13]. Однако многие появившиеся в этот период органы печати в силу различных причин выходили в свет непродолжительное время.

На этом фоне особо выделяется «долгожитель» – газета «Сибирская жизнь», которая издавалась в Томске в 1894–1919 гг. В разное время её редактировали сибирский просветитель П.И. Макушин, профессора Томского университета И.А. Малиновский и М.Н. Соболев, видный областник А.В. Адрианов и др. «Сибирская жизнь» являлась крупнейшей частной ежедневной газетой Сибири конца XIX – начала XX в. Тираж газеты был

значительным, максимальный достигал 25 тыс. экземпляров, средний составлял около 10 тыс. экземпляров. Читали же «Сибирскую жизнь» не только по всей Западной и Восточной Сибири, но также в российских столицах и даже за границей. Кроме того, многие газеты, включая столичные издания, охотно перепечатывали публикации «Сибирской жизни».

Историю газеты «Сибирская жизнь» невозможно рассматривать вне социокультурного пространства края и в целом России конца XIX – начала XX в. «Сибирская жизнь» за 25 лет своего существования пережила вместе со своими авторами и читателями Русско-японскую войну, революцию 1905 г., годы реакции, когда административные кары сыпались, как из рога изобилия, общественный подъем 1910–1912 гг., Первую мировую войну, Февральскую революцию 1917 г., и, наконец, большевистский переворот и наиболее острую фазу Гражданской войны.

С другой стороны, «Сибирская жизнь» сама являлась активным творцом истории, участвовала в формировании социокультурной среды. На страницах газеты регулярно публиковались материалы по самым актуальным проблемам политики, права, экономики, культуры, которые не могли не оказывать воздействия на общественное сознание населения. Таким образом, «Сибирская жизнь» выполняла не только коммуникативные функции, но также являлась средством социализации, воздействуя на читателей и формируя у них жизненные установки и ценностные ориентиры [8. С. 66].

Безусловно, степень влиятельности и популярности «Сибирской жизни» среди читателей во многом определялась авторским коллективом издания. В газете сотрудничали общественные и политические деятели А.В. Адрианов, П.В. Вологодский, Г.Н. Потанин; профессора университета И.А. Малиновский, М.А. Рейснер, В.В. Сапожников, М.Н. Соболев чиновники М.Р. Бейлин, А.М. Головачев, С.П. Швецов; публицисты и писатели Г.А. Вяткин, Г.Д. Гребенщиков, Ю.О. Горбатовский и др. Наряду с этим в «Сибирскую жизнь» направляли корреспонденции члены Государственной думы Н.В. Некрасов и В.А. Виноградов, член Государственного совета Е.Л. Зубашев. Если говорить о политических воззрениях авторов «Сибирской жизни», то стоит отметить, что состав сотрудников был коалиционным: совместно с представителями партии народной свободы в газете работали областники и эсеры. Тем не менее, как отмечает ряд исследователей, «преобладали если и не явные кадеты, то во всяком случае симпатизирующие им лица» [9. С. 133; 10].

Преследуя задачу быть общесибирским органом, редакция «Сибирской жизни» следила за наличием информации с мест и имела широкий круг

корреспондентов. Практически каждый номер знакомил читателя с материалами, присланными из различных уголков Сибири, о состоянии школ, проблемах медицинского обслуживания, народных традициях, культурных пристрастиях сибиряков. Печатались также и сообщения о примерах безнравственного поведения, бюрократических проволочках и взяточничестве чиновников.

«Сибирская жизнь» распространялась традиционными способами – через подписку по почте, редакционными службами и посредством розничных продаж. Однако часть тиража редакция, в целях расширения круга своих читателей, регулярно выделяла для бесплатной рассылки в библиотеки и культурно-просветительские общества [9. С. 165].

В целом характерной чертой «Сибирской жизни» являлось стремление способствовать развитию своего края. В этом отношении она представляла собой неотъемлемую часть социокультурного пространства Сибири.

Примечания

1. См., напр.: *Дмитриенко Н.М.* Томск – региональный центр // Труды Том. ун-та. Сер. историческая. Т. 267. С. 7–12.

2. *Махонина С.Я.* Русская дореволюционная печать (1905–1914 гг.). М., 1991. 208 с.

3. *Есин Б.И.* Проблемы методологии и методики изучения местной дореволюционной печати // Местная и национальная печать. Вопросы истории, методологии. Ростов-на-Дону, 1983. С. 29–37.

4. *Федоров Р.Ю.* Регион как социокультурное пространство: освоение, коммуникации, ценности // Северный регион: наука, образование, культура. № 2 (16). Сургут, 2007. С. 133–139.

5. *Каган М.С.* Философия культуры. СПб, 1996. 415 с.

6. *Мауль В.Я.* Методологические проблемы междисциплинарного изучения русского бунта: достоинства и недостатки // Вестник Том. гос. ун-та. 2005. № 289. С. 125–143.

7. *Фадеев К.В.* Культурная жизнь Томской губернии (1890-е – февраль 1917 гг.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. 24 с.

8. *Паршукова Н.П.* Местная печать в социокультурном пространстве Барнаула в начале XX в. // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы региональной научной конференции. Томск, 2007. С. 64–67.

9. *Толочко А.П.* Политические партии и борьба за массы в Сибири в год нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Томск, 1989. 219 с.

10. *Харусь О.А.* Периодическая печать в деятельности кадетских организаций Сибири в период первой российской революции // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы региональной научной конференции. Томск, 2007. С. 72–76.

Г.И. Колосова

**Г.Н. ПОТАНИН И МОЛОДЕЖЬ:
НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
Г.Н. ПОТАНИНА С В.Ф. БУЛГАКОВЫМ**

В настоящее время многие направления деятельности Г.Н. Потанина (1835–1920) как ученого и путешественника, фольклориста и этнографа, областника и публициста, политика и писателя получают широкое освещение. Однако ряд тем остается вне внимания исследователей, одна из которых «Г.Н. Потанин и молодое поколение сибиряков». Цель данной работы – привлечь внимание к названной теме и в какой-то степени заполнить «белое пятно».

Эпистолярное наследие Г.Н. Потанина – один из важных и значимых источников изучения его жизни и деятельности. При изучении эпистолярной части архива Потанина накопилось достаточное количество фактов, которые можно рассматривать в контексте заявленной темы.

На первом этапе ограничимся раскрытием роли и значения Г.Н. Потанина в судьбе В.Ф. Булгакова (1886–1966). Основным источником являются письма Булгакова к Потанину, хранящиеся в фонде Научной библиотеки ТГУ [1] и письма Григория Николаевича, находящиеся в ЦГАЛИ и опубликованные в пятом томе «Письма Г.Н. Потанина» [2]. Изучены также письма В.Ф. Булгакова к А.П. Абрамову за период с 1957 по 1960 гг., хранящиеся в частном архиве Е.А. Макаровой [3]. В настоящее время они переданы в Музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

Основа гуманного, доверительного отношения Потанина к молодому поколению сибиряков кроется, прежде всего, в свойствах его личности и мировоззрения. Григорий Николаевич, испытал многое в собственной судьбе, прекрасно понимал, как важно внимательно выслушать, понять проблему молодого сибиряка, проникнуть в его интересы. Устанавливая сразу доверительные и дружеские отношения, он умел общаться уважительно и без назойливого наставительного тона, а оказать помощь считал своим долгом.

Валентин Булгаков родился в 13 (25) ноября 1886 г. в г. Кузнецке в семье Федора Алексеевича Булгакова – штатного смотрителя уездных училищ. Начальное образование Валентин получил в Кузнецком уездном народном училище. В 1898 г. он вместе с младшим братом Вениамином и еще с тремя кузнецанами приехал в Томск, чтобы продолжить учебу в Томской мужской гимназии. Жили все вместе в специальном интернате

для детей чиновников и учителей. Он восторгался деятельностью Н.В. Ядринцева, интересовался его научными и публицистическими трудами. Значительно позднее, в письме к Абрамову от 5 июля 1957 г., он писал: «Да, кстати, поклонитесь от меня в Барнауле могиле Н.В. Ядринцева. Я посетил ее в 1905 г. Тогда уже стоял на могиле бюст Ядринцева», а в Р.С. Валентин Федорович добавил: «Пришлите мне еще какую-нибудь травинку с могилы Ядринцева» [3. Л. 2].

Г.Н. Потанин в начале апреля 1902 г. приехал из Красноярска в Томск, это подтверждает его первое письмо к М.Г. Васильевой, датированное 9 апреля. Весть о приезде Г.Н. Потанина быстро распространилась по городу, т.к. Григорий Николаевич очень энергично включился в культурно-общественную жизнь.

Что касается молодого Валентина Булгакова, то он рано начал свою литературно-исследовательскую деятельность. Можно сказать, что черты исследователя проявились у Валентина еще в Кузнецке. Им был собран материал о пребывании Ф.М. Достоевского в 1856 г. в его родном городе. Вероятно, сведения об этом он узнал от о. Евгения Тюменцева, с которым был знаком. Позднее, уже в Томске, он опубликовал собранный материал в газете «Сибирская жизнь». Небольшие его заметки и статьи стали появляться на страницах газеты. Возможно, приезд Потанина в Томск повлиял на решение гимназиста Булгакова собирать фольклорный материал на Алтае, т.к. он обращался к Г.Н. Потанину с просьбой дать необходимые наставления. Ответное письмо Потанина молодому Валентину датировано 21 апреля 1902 г.: «Милостивый государь, тороплюсь ответить на Ваше любезное письмо. Наблюдения над домашним [бытом] и религиозными верованиями черневых татар, конечно, имеют большой интерес для науки, хотя об этом предмете в литературе уже имеются некоторые сведения, преимущественно обнародованные о. Вербицким, но это, разумеется, не исчерпывает задачи. Если в Ваших руках уже находятся собранные материалы, то для того, чтобы сказать, что они представляют, новый ли материал или слабое повторение уже сообщенных литературе сведений, нужно их видеть. Если Вы только имеете впереди задачу собирания материалов, то я могу этому сочувствовать» [2. С. 53–54].

Григорий Николаевич всячески старался помогать молодому исследователю; писал, что для него большой интерес представляют сказки, предания и легенды черневых татар.

Уже летом 1904 г. Булгаков, руководствуясь наставлениями Потанина, записывал сказки в разных уездах Томской губернии: в Бийском уезде в селах Чемал и Каурак; в Кузнецком уезде в селах Сосновском, Ильин-

ском и Конево. В следующем, 1905 г., Булгаков продолжил фольклористические исследования в селе Бердском Барнаульского уезда, а также среди татар в Камляжской волости Бийского уезда.

В начале 1903 г. Потанин стал устраивать журфиксы, стараясь приглашать на свои вторники и молодежь. Возможно, частым гостем стал и Булгаков. Свою деятельность по сбору народных сказок гимназист Булгаков проводил в летнее время, а по возвращении в Томск показывал Григорию Николаевичу записи сказок. Так, в письме к М.Г. Васильевой от 30 января 1903 г. Потанин писал: «Кроме того, копится у меня маленький материал для книжки «Известия» Красноярского Геогр[афического] отдела, состоящий тоже из сказок» [2. С. 70.].

Как явствует из воспоминаний Булгакова, темами бесед с Потаниным были не только сказки; он знакомил Валентина с творчеством алтайского художника Г. Гуркина, делился воспоминаниями о Ядринцеве и о многом другом. С первых встреч с Валентином Булгаковым Григорию Николаевичу по душе пришлись такие личные его качества как целеустремленность, трудолюбие, старательность и тщательность выполнения работы. Кроме личных встреч между ними установилась и переписка.

Известно несколько писем Г.Н. Потанина к Булгакову, относящихся к 1904–1906 гг. Фрагмент из письма от 17 июня 1904 г.: «Благодарю Вас за Ваше письмо. Из алтайских преданий обратите внимание на предания об Ойрот-хане, о котором Вы уже писали в «Сибирской жизни»; нет ли рассказа, по какому поводу он исчез из края, что завещал народу, не оставил ли каких наставлений, не связывается ли с его фигурой представление о блаженном золотом веке и прочее?» [2. С. 68].

Собранные Булгаковым сказки были опубликованы в конце 1906 г. в очередном выпуске: «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии», которые вышли в Томске под редакцией Г.Н. Потанина [4].

Томскую гимназию Валентин Булгаков закончил в 1906 г. с золотой медалью. Потанин, продолжая опекать Булгакова, постарался помочь ему определиться в поисках своего исследовательского направления. В августе 1906 г. он написал рекомендательное письмо к В.Ф. Миллеру: «Многоуважаемый Всеволод Федорович! Смею ли беспокоить Вас усиленной просьбой оказать покровительство молодому человеку, с которым пишу это письмо. Валентин Федорович Булгаков, кончив Томскую гимназию, намерен продолжать образование, поступив на историко-филологический факультет Московского университета. Рекомендую его Вам как будущего собирателя русского фольклора. В течение двух лет он записывал сказки

в селах Каураке и Бердском Томской губернии». Далее Потанин обеспокоился тем, что если занятий в университете не будет, нельзя ли найти для Булгакова какую-нибудь работу, чтобы время не пропало даром. Потанин отмечал очень интересную черту характера Булгакова: «Насколько я могу судить, из него может выработаться искусный записыватель сказок; по крайней мере бердские сказки записаны им с такой пунктуальностью, какая мне, например, недоступна; он скорее грешит преувеличением точной передачи, чем пропусками» [2. С. 81].

Можно считать, что встреча и общение с великим сибиряком стали отправной точкой в дальнейшей судьбе Валентина Булгакова.

В.Ф. Булгаков, став студентом историко-филологического факультета Московского университета, все же постепенно отошел от изучения народного фольклора, т.к. оказался под впечатлением прочитанных публицистических и философских работ Л. Н. Толстого. Позднее в своих «Воспоминаниях о Толстом» он напишет, что «...когда заинтересовался ими, то решил поехать в Ясную Поляну, чтобы в беседе со Львом Николаевичем выяснить некоторые волнующие его вопросы».

Первая встреча В.Ф. Булгакова, которому был всего 21 год, с великим писателем состоялась 23 августа 1907 г. Просто и искренне ответил Толстой на ряд вопросов молодого студента. «Затем он подарил нам несколько книжек, дружески попрощался с нами. И лицо его было уже совсем другим, чем при встрече под «деревом бедных». Ни следа строгости не осталось в нем. Он уже знал нас. Он видел, что не пустое любопытство привело нас в Ясную Поляну. Он считал нас друзьями. Мы покинули Толстого совершенно счастливыми» [5. С. 66–67].

Позднее, 10 апреля 1908 г., состоялась еще одна встреча Булгакова с Толстым. Булгаков описал эти две встречи в статье под названием «День в среде Л.Н. Толстого и его друзей», которую впервые опубликовал в 1908 г. в летних номерах томской газеты «Сибирская жизнь» [6. Июнь–июль].

Талантливый студент задумал написать книгу «Христианская этика: Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого», что и стало причиной еще одной его поездки к Л.Н. Толстому в Ясную Поляну.

Можно считать, что в жизни Валентина Булгакова были две знаковые встречи: с великим сибиряком Г.Н. Потаниным и великим писателем Л.Н. Толстым, которые сыграли огромную роль в его жизни. От Г.Н. Потанина он получил путевку в жизнь, приведшую его к встрече с Л.Н. Толстым, определившей всю его дальнейшую судьбу. В последний год жизни Льва Николаевича он стал личным секретарем великого писателя.

В этом новом качестве, оставив учебу в университете, 17 января 1910 г. Валентин Федорович приехал в Ясную Поляну и приступил к своим обязанностям. Он постоянно находился рядом с писателем, пользовался его доверием и дружбой, оказывая во всем свою посильную помощь. Это нашло отражение в его дневнике, который Булгаков вел день за днем, с большой «пунктуальностью» и «точностью» записывал факты, события и мысли, которыми делился с ним великий писатель земли русской.

Примечания

1. *Научная* библиотека ТГУ. Архив Г.Н. Потанина.
2. *Письма* Г.Н. Потанина. Иркутск, 1992. Т. 5.
3. *Письма* В.Ф. Булгакова к А.П. Абрамову. Архив Е.А. Макаровой.
4. *Записки* Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии. Томск, 1906. Т. 1, вып. 3. С. 59–183, 195–200.
5. *Булгаков В.Ф.* О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула, 1978.
6. *Сибирская* жизнь. Томск, 1908. Июнь–июль.

С.В. Макарчук

**ДОКУМЕНТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПЕРМСКОГО КРАЯ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В НАЧАЛЕ XX в.**

Архивы Уральского региона богаты историческим материалом, характеризующим деятельность организаций партии социалистов-революционеров (ПСР) в Сибири. Особую значимость представляют исторические документы, касающиеся Тобольской губернии, которая по вопросам политического сыска относилась к Пермскому районному охранному отделению. В фондах Пермского районного охранного отделения (Ф. 160) и начальника Пермского районного охранного отделения (Ф. 161) Государственного архива Пермского края (ГАПК) отложились документы, характеризующие зарождение социал-революционных организаций и их деятельность в Тюмени, Тобольске, Кургане, Туринске.

В период революции 1905–1907 гг. активно действовала Тюменская организация ПСР, возглавляемая комитетом. Она вела пропаганду среди рабочих и содействовала образованию Союза рабочих г. Тюмени. В дальнейшем эсеры поддерживали тесные, в т.ч. денежные, отношения с организацией. В сохранившемся в архиве рукописном «Кассовом отчёте Союза рабочих г. Тюмени» в статье «расход» читаем: «расписка комитета социалистов-революционеров на 85 руб. на технические и канцелярские принадлежности» и подпись: «казначей союза рабочих г. Тюмени А. Блинов. 12 дек. 1908 г.» [1. Л. 143].

О преимущественном влиянии эсеров в организации говорит и факт создания их вечными соперниками – социал-демократами собственной рабочей организации – Общества рабочих по металлу в г. Тюмени, рукописный устав которого, написанный известным ссыльным социал-демократом Аароном Сольцем, также обнаружен нами в архиве [1. Л. 144].

Взаимоотношения эсеров и эсдеков характеризует отпечатанный и распространённый по городу документ – «Извещение группы социалистов-революционеров Тюменскому комитету РСДРП», в котором в ответ на обвинения эсеров в терроризме сообщалось: «Тюменский комитет ПСР извещает в ответ на листовку Тюменского комитета (РСДРП – С.М.) № 22, что прошедшая 18 сентября 1908 г. экспроприация на вокзальном мосту совершена исключительно членами Уральского летучего боевого отряда ПСР без участия Тюменской группы с.-р.». И далее: «Что касается требо-

вания Тюменского комитета РСДРП о предоставлении доказательств необходимости экспроприации, то Тюменский комитет с.-р. не считает себя обязанным давать разъяснения» [1. Л. 140].

В 1908 г. сведения о деятельности эсеров, эсдеков и анархистов Тюмени в Пермское районное охранное отделение поставлял секретный сотрудник по кличке «Гром». В своём донесении в отношении эсеров он сообщал о действиях группы в 8-10 чел., которая на своём собрании решила «производить террор», причём решено убить исправника Белоносова и «жребий пал» на Наумова – запасного «нижнего чина» и члена военной организации. В донесении имеется приписка: «...у с.-д. (социал-демократов – С.М.) хотя и составляются подобные приговоры, пишутся затем угрожающие письма, но приговор часто остаётся только угрозой, у с.-р. же слово с делом не расходится» [2. Л. 174].

Сведения внедряемых в организацию «сексотов» должны были дополняться данными филёров-агентов наружного наблюдения, осуществлявших слежку за видными членами организации. Однако дело наружного наблюдения было поставлено слабо. В одном из служебных писем начальник Пермского губернского жандармского управления (ГЖУ) отчитывал помощника начальника Тобольского ГЖУ в Тюменском уезде: «Из представленных Вами в Район сводок наружного наблюдения за Тюменской организацией Партии Социалистов-Революционеров усматривается, что работа наружного наблюдения в г. Тюмени поставлена весьма слабо и сводится почти к нулю. Город Тюмень не настолько велик, чтобы не было возможным установить лиц, за которыми Вами ведётся наблюдение в течение 2–3 мес.; так например: «Друг» взятый от «Белого»; «Быстрый» – от «Берегового», «Высокий», «Вьюн», «Пава» и многие другие, за которыми ведётся наблюдение в течение 1–2 мес., Вами до сих пор не установлены и это обстоятельство тем более странно, что, как это видно из представленных Вами сводок, за лицами этими ведётся наблюдение почти неотступно... Вами ведётся наблюдение в настоящее время почти за 25 лицами при таком малом числе филёров – работа не продуктивна – установлено всего 3 чел.» [3. Л. 19].

Лучше обстояли дела с «освещением» социал-демократической организации Тюмени. Сведения о положении дел в ней, помимо многочисленных филёров, давали сексоты «Лесной», «Василий», «Пётр Петухов», «Чёрный» «Николай Павлович». Некоторые из них «по совместительству» представляли сведения и об эсерах. Так, в 1909 г. охранное отделение поинтересовалось у агента «Лесного», в каком состоянии находится организация эсеров в Тюмени и связана ли она с эсдеками. Его ответ при-

водится в одном из отчётов охранки: «Между прочим, на вопрос, в каком положении находится с.-р. организация, «Лесной» ответил, что таковой с.-д. не интересуются и не знают, что делается в ней, что обе организации в Тюмени враждуют, что с.-р. организация, во всяком случае, далеко слабее с.-д. и что в ней (т.е. в с.-р. организации) больше работают женщины...» [4. Л. 353].

«Лесной» сообщил также, что у эсеров никакой типографии или оборудованных частей к ней не имеется. На вопрос, где печатались прокламации «Память декабристов», «Чего они хотят» и «Память 9 января», «Лесной» ответил, что в Областном Уральском комитете с.-р., а «подпись, что они печатались в Тюмени ничего не стоит... У тюменских с.-р. никогда никаких собраний, кружков и проч. не бывало и не бывает и все вопросы решаются у них, так сказать, «келейно» [5. Л. 110–111].

Слабость эсеровской организации могла объясняться тем фактором, что более сильная организация РСДРП в Тюмени попыталась взять на себя более присущие эсерам террористические функции. В этом сказало влияние «лбовщины». Известно, что в экспроприаторско-террористических отрядах Лбова, действовавших в 1905–1906 гг. на Мотовилихинском и других уральских заводах, участвовали радикально-большевистски настроенные социал-демократы. После разгрома отрядов ряд скрывшихся от преследования «лбовцев» разъехался по городам Урала и Сибири, а некоторые из них вступили в единые социал-демократические группы, где внедряли идеи терроризма.

Некоторые «лбовцы» оказались в организациях ПСР, в т.ч. Тюменской. Документы свидетельствуют, что главарь шайки «лесных братьев», действовавшей близ Екатеринбурга, В.П. Гусев, проживавший в 1909 г. в Тюмени, вошёл в сферу наблюдения за местной организацией ПСР. Он совместно с высланным в Тюмень бывшим студентом Киевского политехнического института А.А. Скрыпкиным организовал «шайку экспроприаторов», а также приобрёл приспособления для снятия печатей и подделки паспортов. Вместе с ним проживала тёща Мария Карловна Брюгер – «лицо, посвящённое в дело с.-р. организации». Проживая раньше в Нижнем Тагиле, она укрывала эсеров и служила «передатчицей» конспиративных поручений. 12 мая 1909 г. «по делу с.-р. организации в Тюмени» были арестованы Словцов, Шмелёв, Семилов, Мезенцев, Тверитин, Меренков, Укрочков [6. Л. 10, 20]. По делу Тюменской организации ПСР проходил также врач Г.И. Купенский, входивший ранее в число членов Уральского Боевого Союза [7. Л. 84, 88].

Документы свидетельствуют, что и после «ликвидации» в 1909 г. эсеровская организация в Тюмени продолжала действовать. В имеющемся в охранном отделении списке лиц, проходивших в 1910 г. по делам организации, числилось 43 фамилии, а в 1911 г. – уже только 22 фамилии (в то же время в списке социал-демократической организации значилось соответственно 33 и 11 фамилий) [7. Л. 111–114].

Конспирация отдельных членов организации была так высока, что тюменские жандармы узнавали о них от других охранных органов. Так, в декабре 1909 г. начальник Варшавского районного охранного отделения сообщил о проживающем в Тюмени эсере А.Е. Корякове, который при проверке оказался «видным работником Тюменской группы эсеров» [6. Л. 108–114]. В 1910 г. тюменская охранка выявила принадлежность к организации эсеров «нижних чинов» Горохова и Косырева, а также служащего В.Д. Ширинкина [8. Л. 36].

В том же году по городу разбрасывалась листовка «Первое мая», изданная Тюменской группой социалистов-революционеров [9. Л. 61]. Одновременно эта группа стала издавать газету «Трудовой листок». Из хранящейся в фонде начальника Пермского районного охранного отделения полицейской копии первого номера газеты следует, что она имела колонку «От редакции», где находили оценку злободневные вопросы политики. В статье «Близко к тупику» оценивалась деятельность Государственной думы. В обширной статье «О налогах» разъяснялась суть прямых и косвенных налогов, различного рода пошлин [9. Л. 62].

В сентябре 1910 г. секретный сотрудник «Малыш» доставил в охранное отделение третий номер «Трудового листка». В своём донесении, сохранившемся в фонде 161 ГАПК, он сообщил, что этот номер печатался эсером Бухгалтеровым. К «лицам, близко стоящим к типографии», сексот отнёс также К. Беседных, Казанцева, Зарайского, Шванова. Разбрасывала газету по линии «Тюмень» Омской железной дороги Августа Сабурова. «Главными работниками по Тюменской организации ПСР» в донесении значились приказчики Ф.И. Сидоров и М. Кузнецов [8. Л. 73].

О работе организации в 1911 г. сообщал в своих донесениях секретный сотрудник «Помощник». Из них следует, что «Трудовой листок» издаваться перестал, а «техника в разобранном виде лежит в сарае у Сергея Текутьева». С.Н. Шишкин получает эсеровскую литературу, в т.ч. центральную газету «Знамя труда». Для постановки типографии собрано 60 руб., но «постановка её отложена ввиду отказа проживающего в Уфе Ф. Петрова быть техником». На имя М. Колетова будут получаться из Туринска от Нестеровского и Скворцова материалы для печатания [10. Л. 17, 32, 58–59].

Предоставленные секретным сотрудником сведения стали основанием для очередной «ликвидации» группы, которая была произведена 12–13 марта 1911 г. Арестовано 10 чел. После этого группа ПСР в Тюмени фактически перестала существовать и по документам Пермского районного охранного отделения прослеживается лишь наличие в городе отдельных, не связанных организацией социалистов-революционеров.

Примечания

1. *Государственный* архив Пермского края (ГАПК). Ф. 161. Оп. 2. Д. 26.
2. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 12.
3. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 100.
4. См.: *Макарчук С.В.* Документы о социал-демократическом движении в Сибири начала XX в. в архивах Урала // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск, 2006.
5. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 52.
6. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 62.
7. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 123.
8. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 96.
9. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 83.
10. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 140.

В.И. Постол

КРУШЕНИЕ ЦАРИЗМА – ВОСПОМИНАНИЯ – ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Чаще всего случается, что народ, переносивший без жалоб
и как будто нечувствительно самые тягостные законы,
буйно сбрасывает с себя их бремя, как только оно облегчается.

Алексис де Токвиль

Согласно «закону Токвиля», наиболее опасным для правительства «обыкновенно является тот момент, когда оно начинает преобразовываться» [1. С. 123]. Проецируя этот роковой закон на Россию, А.Ф. Тютчев подчеркивал: «Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом... поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики шестнадцатые и расплачиваются за Людовиков пятнадцатых и Людовиков четырнадцатых» [2. С. 123]. Подобные априорные суждения встречаются в литературе и сегодня: «Всякий российский лидер, который добровольно уменьшал объем своих полномочий, а также насаждал гражданское общество... приходил к гибели, физической и политической» [3. С. 14]. Однако у Токвиля речь идет, все же, о «*дурном* правительстве» (курсив мой – *В.П.*), которое отдает на откуп Революции завершение тех дел, которые мало-помалу могли бы завершиться сами собой [1. С. 24]. Вот тогда-то, действительно, Николаи вторые держат ответ и за Николаев первых, и за Александров третьих. В связи с этим мы рассмотрим *идеологический дискурс* царской власти, поскольку именно власть, конструируя дискурс, знания, сущности и реальности, ответственна и за создание социального мира, и за способы его формирования и обсуждения, и за определение правил для альтернативных вариантов существования и общения [4. С. 37–38].

Методологическую основу исследования составит *дискурс-анализ*. Нам уже приходилось применять аналитическую конструкцию теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [5], но при анализе событий большой масштабности мы не сможем ограничиться понятийным аппаратом лишь этой теории, поскольку в ее рамках все социальные практики трактуются как дискурс. Между тем, существуют и такие аспекты социального мира, которые не укладываются в логику дискурса. Поэтому мы прибегнем к комбинированию междисциплинарных дискурсаналитических подходов, включив в перечень ана-

литических инструментов такие понятия, как *дискурс*, *дискурс-строй*, *область дискурсивности*, *узловые точки*, *изменчивые знаки*, *закрытость*, *гегемония*, *антагонизм*. Что касается выбора релевантных текстов, то ими станут для нас *естественные* материалы – мемуары (воспоминания) свидетелей и участников революционного движения в Петрограде: А.Ф. Керенского, П.Н. Милокова, Н.Н. Суханова и др. Ценность данных источников состоит в том, что помимо описания масштабных событий, они содержат малоизвестные сведения о закулисных сторонах деятельности участников революционных событий.

Вначале мы ознакомим читателя с отправной точкой дискурс-анализа. Отправная точка – это то, что «и мы сами и наш мир *являемся* теми значениями, которые мы сами приписываем» [4. С. 290]. Реальность всегда представляется с какой-то определенной позиции, поэтому невозможно избежать репрезентации; невозможно говорить и о позиции вне дискурса, поскольку истины создаются внутри определенного дискурса; отсюда следует, что невозможна универсальная истина, возможны лишь *эффекты истины* [4. С. 38–39]. Поэтому «бесполезно задаваться вопросом, является ли нечто истинным или ложным. Вместо этого следует сосредоточиться на том, *как* создаются «эффекты истинности» в дискурсах. Необходимо анализировать дискурсивные процессы, формирующие дискурсы таким образом, что создается впечатление о том, что представленная картина реальности истинная или ложная» [4. С. 39].

Дискурс – это «совокупность фиксированных значений в пределах специфической области» [6. С. 56]. Идеологический дискурс – это *значение на службе власти* (Н. Фэркло). Дискурсы вовлечены в постоянную борьбу за преобладание определенной точки зрения. Правящие классы всегда стремятся придать своему политическому господству вид *вечной истины* [6. С. 290]. Не стала исключением и российская монархия, создавшая свою репрезентацию государственной власти. *Узловой точкой*, организующей ее идеологический дискурс, стал знак «самодержавие». Изначально это был *изменчивый знак*, открытый для приписывания ему различных значений. Оставим за скобками все перипетии общественно-политической мысли, связанные с борьбой за утверждение самодержавного идеала, и обратимся сразу к «Своду законов Российской империи» (1829 г.), который установил за этим знаком следующее значение: «Император всея Руси является монархом суверенным и абсолютным» [7. С. 63]. В любой своей форме (полной, сокращенной, или краткой) царский и императорский титул российских монархов неизменно определял божественную природу царской власти и ее самодержавный характер:

«Божьей милостью, Мы NN, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая» [8. С. 498]. В первой части титула указывался *источник власти* монарха; во второй – обозначалось собственное имя монарха; в третьей – *самое существо* власти; в четвертой – перечислялись отдельные области, составлявшие территорию России.

Таким образом, самодержавие стало той *ценностью-точкой*, в которую сместилась *вечная истина* российской монархии. Формула «православие, самодержавие, народность» (Ф.П. Уваров) закрепляла в общественном сознании соответствующий базовый стереотип. Представления о мире были натурализованы (полностью адаптированы), т.е. рассматривались не как понимание мира, а как объективный мир [6. С. 290]. Здесь следует сказать, что и *осадочные* дискурсы (рассматриваемые как объективный мир), могут быть пересмотрены в новом контексте, однако самодержавный идеал настолько укоренился в сознании русских царей, что даже после дарования конституции Николай II продолжал носить титул Самодержца. Формально абсолютная монархия в России ушла в прошлое (в «Своде законов Российской империи» от 1906 г. слово «абсолютный» уже отсутствовало), однако суверенитет оставался прерогативой монарха: «Император всея Руси обладает высшей суверенной властью». Николай II по-прежнему считал высшую суверенную власть своим *божественным правом*; он также твердо верил, что должен свято хранить клятву, которую дал своему отцу: «достойно нести бремя абсолютной монархии» [7. С. 63, 149].

В результате установилась *закрытость* дискурса (остановка флуктуаций в значении данного знака), которая поддерживалась посредством *гегемонии* – подавления альтернативного понимания мира и принятия единственной точки зрения. Конечно, для сохранения и защиты своего положения правящие классы обычно используют принудительную силу, но что более важно для стабильности власти, так это производство значения: «Гегемонию лучше понимать как *организацию согласия* – процесс, посредством которого подчиненные формы сознания конституируются без насилия и принуждения» (А. Грамши) [4. С. 65]. Однако и в условиях сдвига от феодализма к капитализму царский режим оставался преимущественно репрессивной силой.

Между тем, *закрытость* дискурса никогда не бывает окончательной. В артикуляционной практике всегда существует разнообразие значений, которые (ради сохранения единства значения) исключаются определенным дискурсом в *область дискурсивности* – своего рода резервуар для

добавочных значений. В свое время из составных элементов, образующих власть Московской Руси, раньше других утратил значение демократический элемент: «Потрясенный хозяйственный быт массы свободного населения ставил грозный вопрос о насущном хлебе, а не об участии в управлении страной [8. С. 490; 495]. Но с развитием капиталистических отношений демократия вновь оказалась востребованной обществом.

Так, на Западе концепт «демократия» стал той узловой точкой, которая устанавливала новый политический дискурс, консолидирующий знаки «свобода» и «права человека». В дискурсивной практике западноевропейских государств начался перенос границ между отдельными дискурсами, стали появляться *гибридные* дискурсы (более адаптированные к новым условиям), включающие такие элементы, как «конституция» и «парламентаризм» [9. С. 7]. Многим европейским монархиям удалось уцелеть, укryвшись под сенью конституционализма. Однако в России самодержавная власть отказалась от пересмотра идеологического дискурса в новых артикуляциях. В результате российским реформаторам не удалось заключить альянс со сторонниками твердой линии: «Протянутую руку оттолкнули» [10. С. 5]. После разрыва с «цензовой буржуазией» трон был совершенно изолирован от народа, получая поддержку лишь ультраправых реакционеров [7. С. 149]. Вместо диалога оставалось одно: «...расщепление той России, что была способна мыслить, на два лагеря, каждым из которых двигала страсть» [11. С. 7].

В итоге сформировался *антагонистический дискурс-строй*. Позиции *твердокаменных реакционеров* (термин де Кюстина) были неизменными: «Я вполне понимаю республику... Я понимаю и абсолютную монархию... Но конституционная монархия для меня непостижима. ...Я скорее отступлю до Китая, чем соглашусь на [нее]» [12. С. 77]. Под этими словами Николая I мог подписаться каждый из российских монархов. Однако, что касается образа мысли реформаторов, то здесь произошли глубокие перемены. Достаточно сказать, что «основное требование «министерства доверия» уступило место более решительному требованию «ответственного министерства», т.е. требованию парламентаризма» [9. С. 7]. Не приходится удивляться, что *революция* стала рассматриваться как единственная альтернатива *реакции*. После того, как свержение правящего монарха стало боевым лозунгом и либералов и демократических социалистов, самодержавие было обречено. Кроме того, в ходе Февральской революции 1917 г. вопрос о власти решался уже без участия романовского дома: «Романовых можно было восстановить как династию или использовать как монархический принцип, но их никак нельзя уже было

принять за фактор создания новых политических отношений в стране» [13. С. 127].

Итак, идеологический дискурс самодержавной власти завершился тем, чем нередко заканчивают отдельные дискурсы, – они просто исчезают. Аналогия: «Организм гибнет не от того, что в него попал вирус, но вирус попадает в организм оттого, что организм уже потерял жизнеспособность и готов к смерти» [14. С. 297].

Примечания

1. *Токвиль А. де*. Старый порядок и революция / Пер. с фр. М., 1997. 252 с.
2. Цит. по: *Лапицкий М.И.* К свободной демократии или к демократической тирании? М., 2003. 224 с.
3. *Разговор* с экспертом // Новая газета. 2009. № 98. С. 14.
4. *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. 2008. Т. X. 352 с.
5. *Постол В.И.* О роли дискурса в становлении представительной демократии. Режим доступа: <http://pr.tsu.ru/forum/viewforum.php?f=6>
6. *Александр Б., Зодерквист Я.* НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. 252 с.
7. *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории / Пер. с англ. М., 2006. 534 с.
8. *Энциклопедия* российской монархии. М., 2003. 512 с.
9. *Селунская Н., Тоштендаль Р.* Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005. 336 с.
10. *Милуков П.Н.* Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 3–27.
11. *Революция* против свободы. М., 2007. 236 с.
12. Цит. по: *Кеннан Дж.Ф.* Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году» / Пер. и ком. Д. Соловьева. М., 2006. 240 с.
13. *Суханов Н.Н.* Записки о революции: В 3 т. М., 1991. Т. 1. 383 с.
14. *Лекция* Карена Свастьяна О будущем Европы в свете ее настоящего. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и его предварительные итоги // Русские чтения. Институт общественного проектирования, 2007. Вып. 4. С. 294–325.

ИСТОЧНИКИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В.М. Рынков

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

В отечественной научной традиции источниковедение считалось вспомогательной исторической дисциплиной, но оформилось как самостоятельное направление исследований. История Гражданской войны не была исключением. Следует всё же оговориться, что источниковедение новейшей истории России/СССР в советское время оставалось далеким от академизма, так как испытало сильное влияние историко-партийных подходов. В результате доминировал классовый подход к оценке источников. Наиболее распространённые темы исследований связывались с типами источников: периодическая печать, мемуарная литература, дипломатическая документация. Правда, делопроизводственные документы в те годы оставались почти без внимания. Главная исследовательская задача сводилась к анализу информационного потенциала, который понимался как определение степени достоверности сообщаемой источниками информации. Поэтому авторы обычно нацеливались на систематизированный и критичный пересказ их содержания, выполняя задачу, стоявшую перед историками. Только источниковеды сообщали информацию из какого-нибудь одного источника или типа источников, а историки должны были выявлять всю совокупность.

Накануне распада СССР начался новый период историографии. Первая реакция на открытие архивов и спецхранилищ была вполне предсказуема. Началось освоение новых источников, и источниковеды ещё в большей степени, чем раньше, взяли на себя решение тех задач, которые выполняли историки. Это привело к методологической консервации, в силу которой большинство публикаций, как и прежде, сводилось к краткому изложению источников, распределённых по типам. Даже структура исследования предполагала, главным образом, группировку выявленной в источниках информации по нескольким ключевым темам [30, 31, 32, 36, 50].

Но почти двадцатилетний путь развития постсоветского источниковедения вёл к накоплению методологических новаций. Остановимся на наиболее принципиальных из них.

Во-первых, исследователи обратили внимание на организацию сбора и хранения архивной информации в годы Гражданской войны и сразу после неё. Это позволило выявить особенности фондообразования, определить степень достоверности отложившейся в архивах информации [1, 5, 6, 8, 26].

Во-вторых, как и в советское время, архивисты и историки продолжили описывать отдельные фонды и группы документов. Основная часть публикаций имела информационный характер и сопровождалась минимальным анализом источников [12, 14, 28, 45, 46]. Но появились серьезные аналитические работы, характеризующие важнейшие документальные комплексы [13, 27]. Был поднят вопрос о характере делопроизводства, способах накопления и циркуляции ведомственной информации в недрах антибольшевистских государственных учреждений, особенностях составления и оформления разных типов документов [37, 38, 49].

В-третьих, исследователи по-прежнему часто обращаются к мемуарной литературе. В последние годы преобладает изучение отдельных ключевых произведений [7, 8, 40]. Продолжают, хотя реже, чем в начале 1990-х гг., появляться публикации, текст которых сводится к пересказу содержания источника [12, 17, 20, 21]. Положительные сдвиги наметились в связи с тем, что стали выходить академические издания дневников и мемуаров с комментариями, а это, в свою очередь, породило их рецензирование. В критических откликах оценивается как сам источник, так и работа археографов по его расшифровке и описанию.

В-четвертых, чрезвычайно активно изучается периодическая печать. Оставаясь в рамках старой методологической парадигмы, большинство авторов не выходит за пределы описательного подхода [19, 29]. Подчас обобщения делаются на основании фрагментарных знаний источников [2, 3, 11]. На наш взгляд, до сих пор не сложилось четкого представления об отличиях в подходах историка прессы и источниковеда. Большая часть исследований выполнена именно как исторические. Отдельные публикации посвящаются группе изданий, близких друг другу по происхождению или идеологической принадлежности (земская, кооперативная, партийная, пропагандистская, официальная периодика) [19, 39, 42, 47]. В них изучаются условия функционирования прессы, взаимоотношения с властями, её политическая и идеологическая функция, систематизируется содержание. Правда, очевиден выход на новый уровень: в ряде публикаций дается удачная характеристика прессы как способа публикации ис-

точников [18, 25], предметом пристального изучения становятся отдельные издания [48].

В-пятых, только в постсоветский период обращено внимание на законодательство антибольшевистских правительств. Дана типология, предпринята попытка идеологической и юридической характеристики этого типа исторических источников [22, 23, 24, 33]. Хотя исследователи находятся только на начальной стадии не только анализа, но и выявления законодательных актов [34].

В-шестых, исследователи подняли проблему корректности использования источников в исследованиях предшественников. В источниковедческих и многих исторических публикациях аргументированно показана тенденциозность использования источников историко-партийными археографами и советскими историками [9, 30, 31, 32, 35]. Современным исследователям явно не хватает стремления критически анализировать работу историков и археографов постсоветского времени. Такие попытки предпринимаются крайне редко [41]. Зарубежную историографию большинство авторов воспринимает как «кладёз идеологической премудрости». Даже вопрос о методах подбора и глубины анализа источников, лежащих в основе зарубежных исследований, не ставится.

В-седьмых, зарождаются совершенно новые подходы, точнее, они приходят из историографии смежных тем и направлений. В результате предметом анализа становятся новые типы и разновидности источников, что раскрывает дополнительные грани истории Гражданской войны [10, 15, 16]. Уникальная работа по систематизации информации о съездах, конференциях и совещаниях социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций служит подспорьем для исследователей. Но серьёзного источниковедческого осмысления собранных материалов так и не проведено. Вместо него составители представили статистический и содержательный анализ проделанной ими работы [43, 44]. В некоторых случаях неразработанность приёмов изучения подталкивает авторов к простому изложению содержания уникальных документов [4, 14].

В целом, несмотря на значительное количество публикаций и серьёзные новации, смену акцентов и приоритетов источниковедческого анализа, можно отметить некоторый застой. После шквала публикаций и диссертаций начала 1990-х гг., выполненных в «методике» изложения источников, в последние пятнадцать лет доминируют малые формы исследований, ни одной крупной работы, создающей основу для дальнейшего методологического роста исторических исследований, не появилось.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-00551а).

Примечания

1. *«Ни в коем случае не уничтожать никаких дел и бумаг...»* (волостные архивы и Сибирское правительство) / Публ. подг. П.Ф. Назыров // Отечественные архивы. М., 1995. № 6. С. 72–73.
2. *Алексеев А.Г.* Документы министерства финансов правительства А.В. Колчака как источник по истории экономической политики белых // Новый исторический вестник. М., 2002. № 1(6). С. 75–86.
3. *Алексеев А.Г.* Периодическая печать Сибири как источник по истории экономической политики антибольшевистских правительств // Новый исторический вестник. М., 2002. № 2(7). С. 62–71.
4. *Балковая В.Г.* Материалы военной контрразведки как источник сведений по политической истории Дальнего Востока периода гражданской войны (1918–1920 г.) // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Хабаровск, 1997. С. 180–182.
5. *Безродный К.Э.* Омские архивы в годы гражданской войны // Архивный вестник. Омск, 1994. № 5. С. 11–18.
6. *Безродный К.Э.* Архивная деятельность ЗСОРГО (1914–1922 гг.) // Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.). Омск, 1993. С. 76–79.
7. *Безродный К.Э.* Уфимские заметки Катанаева Г.Е. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1995. С. 99–102.
8. *Безродный К.Э.* О сибирских архивах периода гражданской войны // Сибирские архивы и историческая наука. Кемерово, 1997. С. 8–11.
9. *Верещагин А.В.* Отечественная историография Гражданской войны на Урале (1917–1921 гг.). Уфа, 2001.
10. *Верещагин А.С., Егоров А.В.* Отражение в народной поэзии реалий революции и гражданской войны // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996.
11. *Гаврилов А.А.* Кооперативная печать в Сибири (1916–1920 гг.) // Сибирь в изменяющемся мире: история и современность. Иркутск, 2008. С. 77–80.
12. *Доброновская А.П.* Документы личного происхождения как источник изучения истории гражданской войны в Енисейской губернии // Гражданская война в Сибири. Красноярск, 1999. С. 222–228.
13. *Дроков С.В.* Подлинные протоколы допросов адмирала А.В. Колчака и А.В. Тимиревой как новый источник по истории «белой» Сибири // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 129–132.
14. *Дроков С.В.* Следственное дело А.В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1998.
15. *Егоров А.В.* Специфика неформальной устной коммуникации эпохи революции и гражданской войны: слухи в российской провинции в 1917–1921 гг. (На примере Уфимской губернии) // Коммуникация в культуре. Петрозаводск, 1996.
16. *Ипполитов Г.М.* О подходах к установлению степени достоверности художественной литературы о Гражданской войне России как историко-психологического источника // Художественная литература как историко-психологический источник. СПб., 2004. С. 223–228.
17. *Коновалова О.В.* Дневник П.В. Вологодского как источник по истории Гражданской войны в Сибири // Красноярский край – 70 лет исторического пути. Красноярск, 2005. С. 202–208.
18. *Косых Е.Н.* Свообразие периодической печати как исторического источника при изучении Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири // Документ в меняющемся мире. Томск, 2004. С. 171–172.

19. **Косых О.Е.** Либерально-буржуазная пресса как источник по истории профсоюзно-профессионального движения трудящихся в Западной Сибири в марте 1917 – мае 1918 гг. // Сибирь в XXI в.: альтернативы и прогнозы развития. Красноярск, 2003. Ч. 2. С. 162–171.

20. **Курас Л.В., Наумов И.В., Немчинова Т.А., Новиков П.А.** Октябрьская революция и гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения. Улан-Удэ, 2008.

21. **Лесков С.А.** Мемуары атамана Семенова Г.М. как источник по истории гражданской войны в Забайкалье // VII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (14–18 апреля 2003 г.). Томск, 2003. Т. 4, ч. 1. С. 93–96.

22. **Луков Е.В.** Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по изучению внутренней политики сибирской контрреволюции (июнь–ноябрь 1918 г.) // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 156–163.

23. **Луков Е.В.** Индивидуальные законодательные акты сибирских правительств как источник для изучения их политических и социально-экономических программ // Проблемы истории Кузбасса. Прокопьевск, 2002. С. 30–35.

24. **Луков Е.В.** Источниковый потенциал нормативных актов (на примере законотворчества антибольшевистских правительств Сибири // Документ в парадигме междисциплинарного подхода. Томск, 2006. С. 289–292.

25. **Молчанов Л.А.** Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны. М., 2002.

26. **Молчанов Л.А.** Организация архивного дела на Белом Востоке России (1918–1919 гг.) // Архивный фонд Российской Федерации: феномен, мифы и реальность. М., 2001. С. 85–87.

27. **Мухачева Г.И.** «Земский сборник» Приморской областной земской управы как исторический источник // Гражданская война на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1992. С. 16–18.

28. **Мышанский А.А.** Источники по истории гражданской войны в Государственном архиве Новосибирской области // Новосибирский архивный вестник. 1999. № 3. С. 51–56.

29. **Нестеренко П.Л.** Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект: Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 2000.

30. **Никитин А.Н.** Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994.

31. **Никитин А.Н.** Источники по истории гражданской войны в Сибири и их использование в советской литературе: Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992.

32. **Никитин А.Н.** Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991.

33. **Никитин А.В.** Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004.

34. **Рышков В.М.** Законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – начало 1922 г.): проблемы выявления и изучения // Документ в системе социальных коммуникаций. Томск, 2008. С. 313–317.

35. **Суслов А.Ю.** Социалисты-революционеры в советской России: источники и историография. Казань, 2007.

36. **Тымчик В.И.** Гражданская война и иностранная интервенция на востоке России. 1918–1922 (проблема информативности источников): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.

37. **Уварова О.А.** Документационное обеспечение органов власти и управления на территории белой Сибири в 1918–1919 гг. // Документ в меняющемся мире. Томск, 2004. С. 95–97.

38. Уварова О.А. Особенности документационного обеспечения органов власти и управления белой Сибири в годы гражданской войны // Документ в парадигме междисциплинарного подхода. Томск, 2006. С. 88–91.

39. *Хрулева О.С.* «Сибирский вестник Бунда» как источник по истории евреев города Томска 1917–1918 гг. // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 201–205.

40. *Ципкин Ю.Н.* Воспоминания Вс.Н. Иванова о гражданской войне как исторический источник // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2001. Вып. 2. С. 180–191.

41. *Ципкин Ю.Н.* Об источниках по истории белого движения // История белой Сибири. Материалы 5-й науч. конф. Кемерово, 2003. С. 24–28.

42. *Чернолуцкая Е.Н.* Газеты Владивостока 1917–1922 гг. как источник по истории российских этнических групп в Приморье // Дальневосточные архивы: прошлое – будущее: материалы симпозиума историков и архивистов Дальневосточного региона. Владивосток, 2003. С. 98–106.

43. *Черняк Э.И.* Новый источник информации об общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.). Социально-экономические и гуманитарные науки. Томск, 1993. Ч. 1. С. 113–117.

44. *Черняк Э.И., Якимова Т.В.* Материалы крестьянских съездов 1917–1918 гг. в Сибири (историографические аспекты) // Из истории революций в России (первая треть XX в.). Томск, 1996. Вып. 1. С. 196–205.

45. Шевелева Л.В. Документы фонда Сибирского землячества как источник по истории Гражданской войны в Омске // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1995. С. 105–107.

46. *Шевелева Л.В.* Краткий обзор документов ЦДНИ ОО по истории гражданской войны в Омске // Гражданская война в Сибири. Красноярск, 1999. С. 80–82.

47. *Шереметьева Д.Л.* Газеты органов земского самоуправления Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 85–88.

48. *Шишкин В.И.* «Правительственный вестник» как источник по истории колчаковского режима // История белой Сибири: материалы VI Междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 10–12.

49. *Шишкин В.И.* Журналы заседаний Совета министров Временного сибирского правительства как исторический источник // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения. Нижневартовск, 2005. С. 47–52.

50. *Штыка А.П.* Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991.

Д.В. Хаминов

**ИСТОЧНИКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ РОССИИ
ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Бумажные денежные знаки (БДЗ) России, как, впрочем, и других стран, представляют по своей природе документы, характерными чертами которых являются: зафиксированная на материальном носителе (бумаге) информация в виде текста (легенда – надписи на БДЗ) с реквизитами, позволяющими её идентифицировать (эмитент, год выпуска, особые условия обращения, приёма, обмена и т.п.), и предназначенная для передачи во времени и пространстве. Исторически денежные знаки существуют сначала как средство платежа, а затем, после выхода их из обращения – как исторический источник, обладающий большим информационным потенциалом для исследователя того или иного периода истории и в разных его аспектах.

К сожалению, этот уникальный вид исторических источников в современной отечественной исторической науке пока ещё недооценён и, как следствие – слабо изучен его источниковый потенциал. В работах отечественных историков не в полной мере осознана необходимость комплексного анализа исторических источников с включением в их состав и БДЗ. Следует, правда, заметить, что в последнее время данный вид источников начинает занимать ведущую роль в некоторых исследовательских работах [1], хотя вовлекаются они в общую научную структуру пока эпизодически, односторонне и фрагментарно.

Между тем, изучение БДЗ является важным условием для более глубокого и всестороннего освещения политической и социально-экономической истории России, в частности событий Революции и Гражданской войны.

Изучением БДЗ занимается специальная историческая дисциплина – бонистика. Правда, название это, закрепившееся в науке, является не вполне корректным, поскольку бонистика изучает не только боны (временные неофициальные и негосударственные денежные знаки). Объект её гораздо шире – БДЗ, боны и их суррогаты как исторические источники, политико-экономические документы и культурные памятники прошлого, отражаю-

щие политическую, социально-экономическую жизнь, идеологию и искусство соответствующей эпохи.

БДЗ относятся к государственным (а также к тем субъектам и образованиям, которые причисляют или олицетворяют себя с государством) документам, которые играли важную роль в системе социально-экономических и политических отношений как внутри страны, так и на межгосударственном уровне периода Революции и Гражданской войны. Они являются строго документальными, объективными свидетельствами многих исторических событий в жизни российского общества того периода.

В денежных знаках эмитент выражает свои политические взгляды, идеологию и видение окружающей его политической и социально-экономической ситуации с помощью конкретных денежных реквизитов и определенных символов, эмблем, гербов, девизов, текстов, печатей, а также иных элементов и свойственных денежным знакам других признаков. БДЗ дают исследователю большие возможности для изучения политических взглядов и социально-экономических интересов эмитента при обращении к общей композиции оформления данных знаков, структуре и номенклатуре денежной системы и т.п.

Широкомасштабные эмиссии периода Революции и Гражданской войны в России, производившиеся на фоне распада единой денежной системы Российской империи, являлись не только беспрецедентными в истории денежного обращения России и всего мира (данный период дал рекордное количество эмиссий БДЗ, которого не было ни до, ни после во всех странах мира), но и выявляют сферы взаимодействия определяющих политических и социально-экономических процессов. Более того, значимость государственных, региональных, местных и частных эмиссий заключалась не только в количестве различных денежных знаков, выпущенных разными эмитентами, но и в фактическом возникновении обособленных денежных систем и финансовых схем, которые обслуживали интересы определённых политических и военных сил на конкретных территориях страны.

Изучая историю данного периода, исследователь должен учитывать большое значение БДЗ, отражавших политические и общественно-экономические условия жизни общества и государства. При этом, разумеется, БДЗ требуют рассмотрения в совокупности с другими источниками. Необходимо также иметь в виду, что любая денежная эмиссия периода Революции и Гражданской войны была связана с интересами определенного класса и с политической конъюнктурой, что и обуславливало, в конечном счете, структуру этой эмиссии и её влияние на политические и социально-

экономические процессы, происходившие в стране. Отсюда различия между денежными знаками, выпущенными правительствами Российской империи, Временным правительством, СНК РСФСР, советскими правительствами республик, расположенных на территории бывшей Российской империи, местными органами власти, организациями и частными лицами, различного рода кооперациями, контрреволюционными органами власти, белыми правительствами, предприятиями государственного и негосударственного секторов экономики, а также силами интервентов как со стороны Антанты, так и со стороны стран Тройственного союза.

Изучение БДЗ как исторического памятника требует особых методов и приёмов. Поскольку БДЗ представляют собой специфическую разновидность письменных документов, то их исследование требует привлечения целого комплекса знаний по многим специальным историческим дисциплинам. Главным методом при таком изучении становится комплексный анализ БДЗ.

Внешняя критика БДЗ и бон как исторических источников включает их комплексный анализ по всем имеющимся признакам, таким как: эмблематический (геральдический) – гербы, эмблемы, символические знаки; палеографический – тексты, письменные знаки, правила орфографии, подписи должностных лиц; сфрагистический – печати, перфорации, конгревы; хронологический – даты; метрологический – соотношение между крупной купюрой и её дробными частями; филигранный – водяные знаки на бумаге; материал (основа), из которого изготовлен денежный знак, бона, суррогат денег; иконографический – исторические лица, изображённые на денежных знаках; орнаментальный – графические, живописные украшения; филателистический – наклеенные марки на денежных знаках; эпиграфический – надпечатки позднейшего происхождения на денежных знаках и т.д.

Внешняя критика БДЗ отличается от анализа любого иного письменного источника тем, что здесь в качестве объекта изучения предстаёт государственный документ, являющийся средством платежа, обращения и накопления. Он содержит в себе много различных элементов, признаков (палеографических, орнаментальных, геральдических и др.), отражающих социально-экономическую политику и идеологию эмитента, «прочитать» и расшифровать которые возможно лишь имея специальную подготовку.

По сравнению с актовым документом анализ БДЗ более сложен. Поэтому без внутренней критики денежного знака и бонны, а также без изучения сопутствующих им иных документов и источников (то есть без

комплексного анализа), невозможно определить многие факты, касающиеся денежных знаков и денежного обращения.

Исследуя БДЗ по их основным признакам, историки получают такие сведения о деятельности эмитента, которых может не быть или они вообще отсутствуют в других источниках. В некоторых случаях БДЗ выступают как единственный документ, характеризующий некоторые стороны политической и социально-экономической деятельности эмитента. Например, денежные знаки как исторический источник позволяют получить сведения об исторических лицах, которые имели отношение к экономической и финансовой политике, к выпуску БДЗ.

Чем богаче история страны на катастрофические, революционные процессы и события, чем интенсивнее происходит их чередование и глубже потрясения, тем круче виражи в функционировании денежных систем, тем многочисленнее были выпуски денежных знаков и бон, а значит и связи между этими отдельными элементами.

Природа денежного знака неразрывно связана с функционированием государства, любое изменение текста, рисунка, даты, подписи и других признаков на нём не случайны и свидетельствует об изменениях политического и экономического характера. Изучая эти изменения, устанавливая их закономерности, можно вносить дополнения в общую картину исторического развития. Этому как раз и способствует более широкое использование в качестве перспективного исторического источника бумажных денежных знаков.

Примечания

1. Подр. см.: *Баранов А.Г., Абросимов М.В., Артемьев Ю.А.* Отечественная бонистика. Библиографический указатель книг, статей и законодательных актов (1699–2005 гг.). М., 2006. С. 317–318.

Н.И. Наумова

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ
В МЕМУАРАХ К.Н. СОКОЛОВА
«ПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА»**

В современных условиях актуальными стали исследования идейно-политических, государственно-правовых аспектов белого движения, более детальное рассмотрение курса на восстановление «единой и неделимой России», который затрагивал различные стороны национальных отношений. Воспоминания видных его участников служат существенным дополнением в изучении как основных принципов, практики, механизмов власти белогвардейцев, так и их политики, включая национальную.

К.Н. Соколов, юрист-правовед, был видным общественно-политическим деятелем в годы Гражданской войны. Являясь членом кадетской партии, ее председателем с мая 1918 г., входил в состав Национального центра, оказывавшего значительное влияние на белогвардейские власти Юга России. В августе 1918 г. он приехал к Деникину в Екатеринодар, где принял участие в создании управленческих структур Добровольческой армии, и, в первую очередь, Особого совещания. С января по декабрь 1919 г. возглавлял в нем Отдел законов, с марта по декабрь 1919 г. – и Отдел пропаганды. Свои воспоминания «Правление генерала Деникина» опубликовал в Софии в 1921 г. Написанные по следам недавних событий, они достаточно точно воспроизводят политические процессы на территории, подчиненной Добровольческой армии. К.Н. Соколов описывает в них модель институционального оформления белого движения на Юге России – диктатуру во имя великой России.

Подавляющую часть из почти трехсот страниц воспоминаний составляет описание деятельности гражданских властей. Заключительная часть – «Послесловие» – занимает всего несколько страниц. Но в нем подводятся итоги, оценивается политика Деникина, в том числе и в национальном вопросе. Особое внимание К.Н. Соколов уделил проблеме организации гражданской власти на Юге России, сложившейся под влиянием «реальных нужд жизни» и особенностей Добровольческой армии» [1. С. 27]. Конструирование ее представляло, по мнению автора, особую сложность в условиях переходного времени, борьбы с большевизмом, противостоять которому могла бы «столь же сконцентрированная и энергичная власть», т.е. военная диктатура.

Он выделял особую роль Добровольческой армии, поскольку ее цели были общегосударственными, в отличие от возникших на территории России других государственных образований, имевших «областное, местное значение» [1. С. 29]. С его точки зрения, природа верховной власти Добровольческой армии среди других антибольшевистских сил определялась тем, что ее военное верховенство исходило из самого существа командной власти, а политическое – из «идеи единой русской государственности» [1. С. 57].

В воспоминаниях раскрывается один из основных принципов деникинского режима – стремление брать на себя ответственность и всю полноту административного управления, восстанавливая ее прежнюю вертикаль. Он писал, что Добровольческая армия формировалась как «целостный военно-политический организм», создавая при необходимости при себе «правильно организованное правительство», способное наладить гражданскую жизнь в «освобождаемых от большевиков местностях» [1. С. 28]. Юристы, в первую очередь, автор воспоминаний, подводили под все это «прочный юридический фундамент» [1. С. 34]. С этой целью было создано Положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией. Исходя из него, вся полнота власти принадлежала Верховному руководителю (впоследствии Главнокомандующему вооруженными силами Юга России) в полном объеме.

В документе подтверждались незыблемость гражданских свобод, преемственность с законодательством Временного правительства. Это связывалось, таким образом, и с идеей национального равноправия, продекларированного Временным правительством [1. С. 34]. Сначала действие документа распространялось на Ставропольскую и Черноморскую области, а летом 1919 г. – на территорию с населением в 40 млн чел.

В то же время К.Н. Соколов отметил, что диктаторская власть не сочеталась с предлагаемым казачеством принципом федерализма. Сам же Деникин, как свидетельствует автор, руководствовался национально-государственной идеологией, призывая к единению казачество, другие государственные образования в борьбе с большевиками, отказу от местничества. В то же время он подчеркивал, что Добровольческая армия не преследует никаких реакционных целей, признает «необходимость самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта» [1. С. 55].

Одной из самых сложных для этой власти проблем стали отношения с донским и кубанским казачеством, государственными образованиями Юга России, где существовала, как он пишет, целая «мозаика» – «са-

мостийная» Украина, Закавказские республики (Армения, Азербайджан, Грузия), Дон и Кубань. К.Н. Соколов оценивал их как враждебную белому движению сепаратистскую силу. Он считал, что подобные образования выросли «на немецких дрожжах», были отравлены ядом «самостийничества».

Автор мемуаров указывал на конфликтные отношения с Грузией из-за территориальных проблем в Сочинском округе. Основные противоречия с казачеством имели, как он считал, другой уровень и определялись различными государственно-правовыми доктринами. Кубанцы выступали за федерацию и республиканский строй, а белогвардейцы – за диктатуру и широкую автономию казачьих областей [1. С. 54, 57] в рамках единого государства.

К.Н. Соколов писал и о том, как принимались политические решения, связанные с судьбой национальностей. Это происходило не в ходе заседаний Особого совещания, а на «политических средах» у генерала Деникина под его председательством. Здесь обменивались мнениями о текущей политике, «по разным государственным образованиям – казачьим и инородческим». И затем вырабатывались «цели по военным и гражданским вопросам» [1. С. 78– 79], элементы «политической программы главного командования» при решающем мнении Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России.

Автор мемуаров указал на отрицательную роль международного фактора в решении этих вопросов, поскольку союзники «потворствовали новообразованиям, их политика все дальше «отклонялась от национально-государственной программы» Деникина. Они настаивали на признании «фактически существующих окраинных государств» с тем, чтобы в будущем соглашения между ними и Россией стали осуществляться при посредничестве союзников. Последнее входило в противоречие, по утверждению Соколова, «с незабываемым до тех пор у нас догматом целокупной русской государственности» и нарушало принцип полновластия будущего Всероссийского Учредительного собрания.

В «Послесловии» Соколов отметил недостатки военной диктатуры, «поскольку в управлении гражданские начала подавлялись военными». В то же время он считал, что невозможно было в тех условиях продолжавшегося распада «восстановить русскую государственность». Автор отверг обвинения противников в «неправильной» окраинной политике, так как, будучи «фанатиками» идеи государственного единства, белые Юга России не смогли привлечь на свою сторону окраинные государственные образования и не склонили их к соглашению, а воевали с ними. Послед-

нее Соколов полностью отвергает, ибо Финляндия, Эстония, Латвия и Литва были далеко и с Добровольческой армией не соприкасались. С Азербайджаном установились отношения весной 1919 г. Деникин согласился «уважать фактическую самостоятельность Бакинского правительства». С Грузией подобное соглашение не было достигнуто из-за ее территориальных претензий. В то же время, указывал автор, эти республики не стремились к договорам и борьбе с большевиками [1. С. 275–277]. Открытая борьба, по его признанию, была только с «петлюровскими самостийниками». Но тут компромисс исключался, поскольку он нарушал бы «коренные начала нашей политической идеологии» – принцип русского единства. По мнению Соколова, признание де-юре самостоятельности национальных окраин ради общей борьбы с большевизмом означало бы «юридическое расчленение России». С этим Деникин не мог согласиться, служа «свято хранимому принципу» – идее единой России.

Национально-территориальная автономия как один из способов решения национального вопроса была отвергнута. В противовес самостийническим устремлениям, полагал Соколов, возможен был другой вариант. Между федерализмом и централизмом существовало множество оттенков «автономизма» или «областничества». Мысль о переустройстве России на началах децентрализации, областничества, местного самоуправления, по его словам, высказывалась и Деникиным. На практике, как он считал, это проявилось в создании трех областей Южной России – Новороссийской, Харьковской, Киевской [1. С. 278].

Самой главной чертой этапа «Русской Смуты», связанной с именем генерала Деникина, благородного рыцаря Прекрасной Дамы – Великой Единой России, полагал К.Н. Соколов – стала «страстная» борьба за единство России. Ее значение – нравственно-политическое – утверждение в сознании немногих национально-государственной идеи, без которой немислимо, как он считал, возрождение России. В итоге эта цель не стала главной, объединяющей большинство населения России, а власть лишилась поддержки в силу других существовавших у него ориентаций и предпочтений.

Примечания

1. *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело: избранные произведения в 16 кн. Кубань и Добровольческая армия. М.: Голос, 1992. С. 5–284.

Д.Н. Шевелев

**ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ И ДЕКЛАРАЦИЯХ
СИБИРСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
(АВГУСТ 1917 – ЯНВАРЬ 1918 г.)**

Гражданская война в России стала не только широкомасштабным вооруженным противостоянием, в основе которого лежали острые политические, экономические и социальные противоречия, но и первым в истории страны крупным внутренним конфликтом, в котором на первый план выходит антагонизм мировоззрений, отчетливо проявляется идеологический фактор. Впервые в истории России противостоящие стороны стремились не только уничтожить противника физически, но и подавить морально, низвести его в глазах населения до уровня темной злой силы, лишённой каких-либо человеческих качеств.

Начавшаяся гражданская война требовала от образовавшихся в большом количестве на территории бывшей Российской империи правительств обеспечить армию притоком новобранцев и мобилизовать тыл для успешной вооруженной борьбы. Эта стало своеобразной проверкой политических режимов на жизнеспособность. «Надо, – писал в своем дневнике в мае 1919 г. главный начальник снабжения и инспекции при Верховном главнокомандующем генерал-лейтенант А.П. Будберг, – приносить с собой порядок и хлеб, сапоги, чай, сахар, ситец и т. п.; надо, чтобы «при нас» было лучше, чем было «при них», и эта разница должна быть резкая, реальная и чувствительная... Все это важно не менее, чем снабжение самой армии, ибо в этом залог спокойного и доброжелательного к нам отношения населения, без чего успех наступления и окончательный выигрыш нашего дела едва ли достигим». Однако в условиях гражданской войны одних только этих мер было явно недостаточно. В перспективе следовало убедить население в преимуществах своей модели общественного развития, своего социального проекта, но для начала необходимо было сделать образ самой власти привлекательным, близким народу. В сибирской печати образ власти, в основе которой лежала идея областной автономии, начинает формироваться еще до Октябрьского переворота, до начала Гражданской войны, в период зарождения сибирской государственности.

2 августа 1917 г. в Томске «обширный, светлый зал новой университетской библиотеки... стал наполняться делегатами областей, губерний и городов Сибири». «Назначенный час для открытия съезда давно миновал, – писала «Сибирская жизнь», – но все чего-то ждали, не решаясь

объявить съезд открытым. Не верилось, что эта сотня собравшихся, среди которых так много знакомых томских лиц, есть всесибирский съезд, слово которого будет словом края, насчитывающего свыше ста миллионов квадратных верст и свыше десятка миллионов населения. Ожидавшие чего-то внушительного, торжественного были глубоко разочарованы» [1. 4 авг.]. Один из делегатов, профессор Левченко, указав на малочисленность собравшихся, предложил считать съезд «предварительным». На следующий день выяснилось общее количество полномочных делегатов – 63, в том числе 46 чел. представляли Томск и Томскую губернию. В итоге первоначально позиционировавшееся как «сибирский областной съезд» совещание обрело статус «сибирской конференции общественных организаций». 8 августа 1917 г. участники конференции приняли постановление «Об автономном устройстве Сибири». «Было бы совершенно неправильно, – отмечалось в нём, – рассматривать народное представительство Сибири, как особый тип областного самоуправления. Последнее, как деятельность подзаконная, ничего общего с требуемым автономным устройством Сибири не имеет» [1. 13 авг.]. Таким образом, на первый план выдвигалась идея широкой территориальной автономии. В то же время, считая необходимым создание «для Сибири народного представительства с самостоятельной властью», в постановлении подчеркивалось, что «мы отнюдь не посягаем на целостность российской республики». Предполагалось, что в новой Российской республике Сибирь в качестве «автономной единицы» должна «обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, каковой обладают отдельные штаты в современных федеративных государственных соединениях». В дальнейшем «при постепенном расширении областной автономии» Сибирь «сможет передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий ее отдельным областям и национальностям, заселяющим определенную территорию». Автономная Сибирь, таким образом, сама должна была трансформироваться в федерацию «областей и национальностей, пользующихся, более или менее широкой автономией». Широкими правами планировалось наделить будущий сибирский парламент, в том числе в вопросах формирования местного бюджета, тарифной и переселенческой политики, народного образования, природопользования, общественной безопасности и т.д. В целом, в постановлении был намечен лишь общий контур будущего общественно-политического устройства Сибири.

Свое дальнейшее развитие идея автономного устройства Сибири получила на Первом областном съезде, проходившем в Томске с 6 по 17 ок-

тября 1917 г. В последний день работы было принято положение об областном устройстве Сибири. «При единстве Российской республики, – отмечалось в положении, – отдельные ее части должны быть организованы на началах автономии национальной или территориальной, причем первый сибирский областной съезд считает желательным развитие принципа самоопределения областей и национальностей вплоть до осуществления организации всей Российской республики на федеративных началах» [1. 21 окт.]. Предполагалось, что высшим региональным законодательным органом станет Сибирская областная дума, избранная на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования с «соблюдением начала пропорционального представительства». Высшей исполнительной властью планировалось наделить кабинет министров, ответственный перед Сибоблдумой. Таким образом, ключевыми понятиями в общественно-политическом устройстве Сибири, своего рода «узловыми точками» нарождавшегося сибирского политического дискурса становились: *областная автономия, демократические выборы, принцип разделения властей, парламентская форма правления на региональном уровне*. Эти основные знаки нового дискурса начинают играть ключевую роль и в формировании новой политической идентичности.

В начале декабря 1917 г. в Томске собрался Чрезвычайный сибирский областной съезд. В декларации съезда по текущему моменту говорилось: «В дни государственного распада, в дни гражданской борьбы и небывалой катастрофы Великого Российского государства съезд полагает, что единственным источником зарождающейся общегосударственной власти, среди царящего безвластия, может быть только Всероссийское Учредительное собрание, пришедшее закрепить свободный и демократический строй великой Республики нашей и самоопределение всех народов и областей ее». В другой декларации съезда, обращенной к народам Сибири, указывалось: «Чрезвычайный Сибирский Съезд в сознании необходимости безотлагательного решения глубочайшей ответственности и важности выдвинутых жизнью вопросов твердо решил приступить к организации временной всесибирской социалистической власти. Социалистическая власть Сибири, служащая интересам всех народностей и полагающая все свои силы на уврачевание хозяйственных, продовольственных и многих других недугов, должна сплотить всех трудящихся в мощном стремлении к лучшему будущему Сибири и всей России. Власть только тогда будет жить и питаться доверием народа, когда она будет истинно-народной, когда она будет работать и творить все для народа и через народ» [2]. Сибирский политический дискурс, таким образом, получил

дальнейшее развитие. Его новыми «узловыми точками» становятся *Учредительное собрание* (как источник легитимности) и *социалистическое правительство* (от народных социалистов до большевиков). Происходит размежевание с «цензовыми элементами»: лишенные права решающего голоса представители торгово-промышленных кругов покидают съезд. Обозначились разногласия и в стане областников. Как писал в своих воспоминаниях И.И. Серебренников «...у беспартийных областников стали возникать подозрения в том, что партия социалистов-революционеров пытается использовать областническое движение в своих интересах; отсюда возникла оппозиция притязаниям эсеров на гегемонию в областном движении и стремление областников стать на собственные ноги». Съезд, декларировавший необходимость «немедленно найти путь мира внутри страны и прекратить гражданскую братоубийственную войну» сыграл ключевую роль в размежевании политических сил Сибири. В то же время съезд, несмотря на настроения значительной части делегатов, официально не занял антибольшевистскую позицию. Четко выраженный *антибольшевистский* (но не антисоветский) *характер* краевой власти проявился в заявлениях Сибирской областной думы. «Надежда всех областей и народностей, составляющих великую революционную Россию, – отмечалось в декларации Сибоблдумы, – всенародное Учредительное собрание – преступно растоптано большевиками и так называемыми «левыми эсерами». То, что составляло мечту и цель многих революционных поколений в тяжелой борьбе с царизмом; то, что являлось единственным якорем спасения великой революции; то истинное полное народоправство, которое только и могло закрепить и углубить завоевания революции – разбито и предано большевиками» [3].

Таким образом, образ областной власти, ее политический дискурс со временем эволюционировал. С одной стороны, получает развитие сама идея особой сибирской государственности. Как писал Г.К. Гинс: «Идея организации Сибирского Правительства выросла постепенно. Сначала, в августе 1917 г., представители революционных демократических организаций Сибири созвали в г. Томске конференцию для обсуждения вопроса о создании в Сибири истинных основ народоправства, и здесь уже впервые стал на реальную почву вопрос о необходимости конструировать сибирскую власть на особых основаниях. Далее, в октябре месяца созывается всесибирский съезд представителей тех же организаций, который уже решает созвать в декабре того же года чрезвычайный Сибирский областной съезд... на этом съезде уже прямо был поставлен вопрос

о настоятельной необходимости организовать особую сибирскую власть для управления автономной Сибирью» [4. С. 53].

Эволюционировал и сибирский политический дискурс, со временем наполнявшийся не только областнической, но и эсеровской риторикой. Формировавшаяся на его основе политическая идентичность привела к дальнейшей поляризации сил. Как отмечал тот же Гинс: «Искусственность подбора представителей в Сибирской Областной Думе вооружила против нее значительную часть интеллигенции, особенно из партии «народной свободы». Вызывала сомнения и сама идея сибирской автономии, которая казалась проявлением сепаратизма. Вооружились против думы и большевики» [4. С. 54].

Примечания

1. *Сибирская жизнь* (Томск). 1917.
2. *Бюллетень* Временного Сибирского областного совета. Б. д. № 1.
3. *Вестник* временного правительства автономной Сибири. Владивосток, 1918. 11 июля.
4. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008.

Н.П. Курусканова

**АНКЕТЫ СИБИРСКИХ ЭСЕРОВ, ВЫШЕДШИХ ИЗ ПСР,
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

В ряде сибирских центров документации новейшей истории (бывших партийных архивов) отложились так называемые «материалы по изучению процесса выходов из партий меньшевиков и эсеров». В советское время эти документы нередко находились в спецхранах. Заметное место среди них занимают анкеты, составленные сибирскими эсерами, порвавшими с ПСР. Появление данных анкет связано с политическими процессами над членами ЦК ПСР, проходившими летом 1922 г., а также с осуществлявшейся большевиками широкомасштабной кампанией по приему в РКП(б), направленной на раскол и ликвидацию ПСР. Такие анкеты обнаружены нами и в фондах Центра документации новейшей истории Томской области [1].

Анкеты эсеров содержат краткую информацию биографического характера (год и место рождения, национальность, социальное происхождение, образование, род занятий), а также сведения о революционной деятельности (год и место вступления в ПСР, партийный статус, поручения, даты арестов, места отбывания каторги или ссылки, побег). Кроме этих данных, анкетуемые указывали причины, побудившие их прекратить своё членство в ПСР, даты своего вступления в РКП(б). Большинство анкет датировано ноябрём-декабрём 1923 г.

Изученные нами анкеты составлены эсерами, игравшими видную роль в революционном движении в Сибири в начале XX в. Рассмотрим некоторые из них.

В своей анкете Владимир Давыдович Алексеев отметил, что сочувствовал ПСР с 1904 г., а в 1905 г. вошел в Мариинскую организацию ПСР, впоследствии работал и в Томске. Известно, что В.А. Алексеев являлся одним из лидеров мариинских эсеров вплоть до своего ареста в начале 1906 г., однако в анкете он скрыл этот факт, указав, что занимался только литературной деятельностью. В 1917 г. Алексеев перешел в ряды РКП(б) [1. Л. 6; 2. С. 30, 35].

Рядовым членом ПСР назвал себя в анкете и бывший руководитель Мариинской группы ПСР Андрей Аполлонович Замятин. До своего ареста в конце 1907 г. он участвовал также в революционном движении в Томске и Тайге [1. Л. 33; 2. С. 32–34, 35].

В анкете видного красноярского эсера Степана Васильевича Соколова отмечено, что он с 1904 по 1906 гг. являлся рядовым партийцем, а в 1906 г. стал членом комитета Красноярской организации ПСР. Через Соколова осуществлялась связь со ссыльнопоселенцами Туруханского края, у него хранилась подпольная эсеровская типография и нелегальная литература [1. Л. 84об.].

Томский эсер Сергей Гаврилович Царегородцев в анкете написал, что, став членом ПСР, в 1903–1904 гг. он распространял нелегальную литературу, а также являлся членом технической группы, изготовлявшей нелегальные издания вначале на гектографе, а затем с помощью печатного станка. В его анкете не указано, что он работал в подпольной типографии Сибирского союза ПСР, находившейся до разгрома в марте 1905 г. в Томске. Царегородцев в анкете написал, что он «создал печатные станки собственной конструкции». При аресте типографии он оказал вооружённое сопротивление полиции. Особо подчёркнуто, что Царегородцев в 1917 г. занимался издательской деятельностью [1. Л. 96; 3. С. 69–70].

Судя по анкетам сибирских эсеров Ф.Ф. Вержбовича, П.Н. Кушковского, А.А. Литвиненко, М.Н. Машурина, И.А. Новоселова, Я.В. Трембач, В.И. Чукасова, Ф.П. Юдина и др., их авторы начали свою революционную деятельность накануне или в годы Первой российской революции. Большинство эсеров получило до Октябрьской революции неплохое образование. Так, Ф.Ф. Вержбович окончил юридический факультет Московского университета, В.Д. Алексеев учился в Томском технологическом институте, С.Г. Царегородцев – в Томском университете и технологическом институте, С.В. Соколов окончил среднее строительно-техническое училище в Москве и т.д. Согласно данным изученных нами анкет, эсеры занимали в партийной иерархии низшие позиции. В период борьбы с самодержавием они участвовали в распространении литературы, занимались агитационно-пропагандистской работой в кружках рабочих и учащихся, принимали участие в забастовочной борьбе и т.д. [1. Л. 17, 49, 52об., 63–63об., 64, 90, 97, 100].

В большинстве анкет эсеров отсутствуют сведения об их деятельности после 1917 г. Сибирские эсеры в анкетах называли такие причины своего выхода из рядов ПСР, как несогласие с контрреволюционной деятельностью партийного руководства в годы гражданской войны, разочарование в партийной идеологии и т.д.

В целом анкеты сибирских эсеров, вышедших в 1923 г. из ПСР, являются ценным историческим источником. Вместе с тем, в них отсутствуют

некоторые важные факты из биографий анкетированных, что объясняется конъюнктурными соображениями, которыми руководствовались авторы этих документов, учитывавшие сложившуюся в то время неблагоприятную для членов ПСР общественно-политическую обстановку в стране.

Примечания

1. *Центр* документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97.
2. *Каминский А.А.* Из истории Мариинской группы партии социалистов-революционеров в период первой русской революции (1905–1907 гг.) // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980.
3. *Курусканова Н.П.* Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов в период первой российской революции (1905–1907 гг.). Томск, 2007.

Г.И. Кан

ВАДИМ КОЖЕВНИКОВ: ИСТОРИЯ СЕМЬИ ПИСАТЕЛЯ В ДОКУМЕНТАХ ТОМСКИХ АРХИВОВ

Имя советского писателя Вадима Михайловича Кожевникова ныне очень популярно и вспоминается либо в связи с его ставшим знаменитым после экранизации романом «Щит и меч», либо в связи с романом Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», который в своё время Вадим Кожевников, будучи редактором журнала «Знамя», передал в ЦК КПСС для получения разрешения на публикацию, испугавшись антисоветской направленности рукописи.

Наше внимание к биографии Вадима Кожевникова (1909–1984) вызвано краеведческим интересом (тем более в год столетнего юбилея писателя), ведь судьба некогда известного и маститого литератора связана с томским краем, его автобиографическая повесть «Заре навстречу» написана о Томске 1917–1918 гг. В ней исторически достоверно представлена социально-политическая палитра города в период установления в нём советской власти, с любовью, топографически точно, описан Томск начала XX в., хотя город под своим именем не назван, действие происходит в некоем захолустном уездном сибирском городке где-то рядом с университетским Томском. Не называть Томск – город своего детства, отрочества, почти ни разу не проговориться о нем было для Вадима Кожевникова сквозной линией поведения, когда речь заходила о биографических данных. Фигурировала Сибирь, как место ссылки родителей-революционеров, Нарым, как место его рождения в апреле 1909 г., и с легкой руки автора «Заре навстречу» легенда о том, что родители его были большевиками, борцами за советскую власть в Сибири. Легенд, как оказалось, в биографии Вадима Кожевникова сибирского периода было немало. Так, например, по данным дочери писателя – Надежды Кожевниковой, живущей ныне в США, тоже писательницы, её дед помог в побеге из ссылки самому Сталину, а её бабка, чью фамилию внука не знала, была дружна с Инессой Арманд и другими близкими к Ленину большевиками. В опубликованных (всегда кратких) биографиях советского писателя Вадима Кожевникова тон всему задавала именно информация о родителях, пострадавших при царизме, факт рождения в Нарымском крае. Ну а дальше всё адекватно реалиям: юношей приехал с родителями в Москву, окончил литературно-этнологический факультет МГУ, работал в «Комсомольской правде» и «Огоньке», в годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом «Правды», с 1949 г.

бессменный главный редактор журнала «Знамя», секретарь правления СП СССР, депутат Верховного Совета СССР, Герой социалистического труда, огромные тиражи изданий добротных написанных книг, тематика которых формировалась партийным заказом: главные герои произведений 1960–1970-х – представители рабочего класса с их преданностью идеалам социализма, героическим началом, чувством общественного долга.

Предпринятое нами выявление архивных документов о пребывании семьи Кожевниковых на томской земле привело к открытию ряда неизвестных фактов биографии писателя, включая уточнение места его рождения, партийность родителей, дало ключ к пониманию поведенческой по жизни линии нашего земляка.

Отталкиваясь от посылки, что старшие Кожевниковы были большевиками, активистами строительства советской власти в Сибири, была проделана кропотливая работа по поиску информации о них в фондах бывшего партийного архива. В фонде Томского губкома РКП(б) несколько раз встречалось упоминание отца писателя – врача Михаила Петровича Кожевникова, который в начале 1920-х гг. работал в томских медицинских учреждениях. Затем в докладной записке начальника Томского губернского отдела ОГПУ М.Ф. Филатова, содержащей сведения за 1923 г. [1. Л. 263] и за февраль 1924 г. [2. Л. 27], были обнаружены списки, в которых М.П. Кожевников и его жена значатся меньшевиками. Эти списки составлялись в связи с подготовительной работой по ликвидации партии меньшевиков. Местные власти выполняли решения ЦК РКП(б) 1921–1922 гг. по ликвидации оппозиционных партий и переходу к однопартийной системе. Начались репрессии против членов небольшевистских партий.

В партийности родителей и заключалась главная интрига биографии писателя, глубоко скрываемая им всю последующую жизнь. К счастью, репрессивные меры первой половины 1920-х годов в отношении партии меньшевиков не затронули Кожевниковых: им удалось избежать этого, срочно покинув Томск (1926 г.). Понятно, чем могла грозить им принадлежность к партии меньшевиков и в дальнейшем, в период сталинских репрессий, как этот факт мог помешать писательской карьере Вадима Михайловича. В результате с осторожностью подредактирована семейная история о старших Кожевниковых. В ней выделены боевое революционное прошлое, опосредованная связь с вождями, дружба с известными большевиками (А.Д. Рыковым, О.А. Пятницким, Ф. Мюннихом, В.В. Куйбышевым и др.). Всё без подробностей. При этом надо отдать должное Вадиму Михайловичу: прямо он не говорил, что его родители были когда-то большевиками, он только подчеркивал их близость к большеви-

кам, но воспринималось это вкуче с фактом пребывания родителей в годы царизма в Нарымской ссылке, как заслуженная биография борцов за советскую власть.

В свете открывшегося факта о партийной принадлежности родителей теперь понятнее его фраза в одной из автобиографий о том, что с раннего детства он слышал ожесточённые политические споры: о жизни и путях страны, народа, о войне и мире, о земле и воле (это нашло отражение в романе «Заре навстречу»). В Томске меньшевики и большевики до сентября 1917 г. организационно находились в одной партии – РСДРП. В 1917 г. между ними шли острейшие дискуссии. Разногласия обострялись и привели в июне – сентябре 1917 г. к окончательному организационному размежеванию. Томские большевики после губернского съезда РСДРП, признавшего своим партийным центром ЦК РСДРП(б) (сентябрь 1917 г.), провели перерегистрацию своих членов. Что же касается Михаила Петровича Кожевникова, то позже в одной из своих служебных анкет он написал, что в Февральской и Октябрьской революциях участия не принимал, что он «исключен из РСДРП (объединенной) за неуплату взносов» [3]. Выбытие из партии состоялось, скорее, автоматически в 1917 г. после неучастия в регистрации в Томской организации РСДРП(б).

История семьи Кожевниковых на томской земле подробнее предстаёт в документах Государственного архива Томской области. Информацию о пребывании Кожевниковых в Нарымской ссылке мы находим в фонде Томского губернского управления. Это, прежде всего, одно из дел о гласнонадзорных Нарымского края (1906–1910) [4] и дело Томского уездного исправника о состоящей под гласным надзором полиции мещанке Надежде Георгиевне Целиковой (1907–1910) [5], другие документы того же фонда. Это метрические книги Томской духовной консистории. Документы периода 1910–1926 гг. рассказывают о томском периоде жизни Кожевниковых и содержат также биографическую информацию о каждом из родителей писателя до их невольного появления в Сибири. По документам личных дел студентов Томского государственного университета М.П. Кожевникова (1910–1916) и Н.Г. Целиковой-Кожевниковой (1923–1925) [6], послужному списку врача Томской губернской милиции Кожевникова Михаила Петровича (1923) [7] и др. выстраивается относительно подробная хроника семьи. Приведем здесь лишь отдельные факты.

Родители писателя родом с Кубани. Михаил Петрович Кожевников, «мещанин г. Екатеринодара», выслан в Нарымский край в 1906 г. из Ростова-на-Дону под надзор полиции этапным порядком в группе лиц, означенных в документах как политически неблагонадежные. В его анкетах

отмечаются неоднократные аресты периода 1902–1906 гг. за хранение нелегальной литературы. Первый арест в 1902 г. привёл к исключению с I курса Харьковского технологического института. В Нарымском крае М.П. Кожевников был поселен в д. Комарово Кетской волости. Летом 1907 г. он оказывается в Томском исправительно-арестантском отделении № 1, куда водворен после попытки бегства с места поселения. Там же летом 1907 г. В Томск прибыла этапом из Москвы мещанка г. Ростова-на-Дону Н.Г. Целикова («изобличена в революционной деятельности»). В ноябре 1907 г. группа арестантов конным обозом этапируется из Томска в Парабель. В списке отправляемых значатся М.П. Кожевников и Н.Г. Целикова [8. Л. 2].

Следующий по хронологии документ, в котором встречаются эти имена, – запись в метрической книге Воскресенской церкви с. Тогурского Кетской волости от 16 января 1908 г. о их бракосочетании («Обыск брачный») [9. Л. 152–152об]. В графе «место проживания» вступающих в брак записано: «Временно проживают в с. Тогур». В метрической книге той же церкви на 1909 г. содержится запись о рождении в этой молодой семье сына Вадима. Дата рождения – 9 апреля (по нов. стилю 22 апреля), дата крещения – 12 апреля [10].

Из записей метрических книг следует, что Кожевниковы тогда жили в Тогуре, и Вадим Михайлович родился, следовательно, не в г. Нарыме, как указано во всех его биографиях, а именно в названном селе. Думается, Вадим Михайлович когда-то сам обозначил местом своего рождения Нарым: ведь Тогур «не звучит» в нужном контексте, а вот Нарым был широко известен как место ссылки революционеров, где побывал сам Сталин. И опять же надо отдать должное умению писателя дизайнировать свою биографию так, чтобы невозможно было упрекнуть его в искажении фактов. Местом рождения он указывает не «город Нарым», а просто «Нарым», Нарым как край, а не как конкретный населенный пункт и в сокрытии места рождения его не обвинишь. Тогур действительно административно относился к Нарымскому краю. Это позже уже библиографы трансформировали его «Нарым» в «г. Нарым». А это уже неправда. Дочь же писателя, вероятно, слышала от отца или деда о Тогуре, но у неё это в её воспоминаниях трансформировалось в «заимку возле Нарыма».

После окончания срока ссылки в 1910 г. Кожевниковы поселились в Томске. Михаил Петрович в 1916 г. окончил медицинский факультет Томского университета и получил квалификацию лекаря, стал специалистом по кожным и венерическим заболеваниям. В газете «Сибирская жизнь» за 1917–1919 гг. регулярно печатались объявления о том, что врач

М.П. Кожевников ведёт прием пациентов по ул. Спасской, 13 (по этому адресу семья проживала вплоть до отъезда из Томска). В 1916–1920 гг. он – ординатор Вознесенской кожно-венерологической больницы, врач амбулаторий 1 и 2-ой. С июня 1918 г., будучи мобилизованным колчаковской властью, одновременно работал ординатором Военного лазарета, преобразованного с восстановлением в Томске советской власти (декабрь 1919 г.) в Военный госпиталь, где трудился до демобилизации уже советской властью (сентябрь 1922 г.). В 1922 г. он участвовал в борьбе с эпидемией холеры в качестве разъездного врача Томского губздрава. Затем некоторое время оставался без работы, а в конце 1923 г. вновь в губздраве и по совместительству – в амбулатории управления милиции. Далее документальные сведения о нём в архивных документах обрываются. В ЦДНИ ТО хранится фото, датированное концом 1924 г., на котором в Москве снята группа бывших нарымских ссыльных, среди них М.П. Кожевников.

Мать писателя Надежда Георгиевна в документах советского периода именуется чаще под двойной фамилией – Целикова-Кожевникова. В Томске она училась в зубоврачебной школе, с закрытием которой в 1923 г. была переведена на медицинский факультет ТГУ, где попала под кампанию чистки. Но срочно организовала поручительства известных большевиков – члена ИККИ И.А. Пятницкого и работника Сибревкома В.Д. Вегмана. Её зачетная книжка и затем расписка в получении некоторых документов из личного студенческого дела – пока единственные обнаруженные в томских архивах документы, позволяющие установить примерную дату отъезда (бегства?) семьи из Томска.

Установленная теперь письменная связь с Надеждой Вадимовной Кожевниковой и получение от неё ряда электронных копий документов из архива отца дали толчок к новому витку поиска документной информации по истории семьи Кожевниковых на томской земле, а также добавили некоторые новые сведения к биографии самого писателя.

Вадим Кожевников начинал учиться в Томской мужской гимназии № 1, где мать его была членом попечительского совета. После восстановления советской власти в Томске он продолжил образование в единой трудовой школе первой ступени № 9. В свидетельстве об образовании, выданном Вадиму Кожевникову Московским губоно в 1927 г., присланном дочерью писателя, значится, что он поступил в московскую школу № 3 в 1926 г. в седьмую группу (класс). Стало быть, в Томске он окончил шесть классов. И еще деталь из присланных дочерью писателя документов. Близким другом семьи Кожевниковых в Томске был известный учёный химик, профес-

сор Томского технологического института Дмитрий Турбаба, о чём свидетельствует дарственная надпись на подаренной им Вадиму в 1917 г. книге «Басни Крылова» с напутствием по жизни.

Обнаруженные в томских архивах документы о семье Кожевниковых существенно дополняют и корректируют официальную биографию Вадима Михайловича Кожевникова, в которой должна быть названа и его малая родина. И ныне отраднее, что в новых редакциях новелл, написанных дочерью писателя, звучат уже не мифы, но реалии из истории семьи [11].

Примечания

1. *Центр документации* новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 99. Л. 263.
2. ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 1234. Л. 27.
3. *Государственный архив* Томской области (ГАТО). Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 250.
4. *Там же*. Ф. 3. Оп. 70. Д. 584.
5. *Там же*. Ф. 419. Оп. 5. Д. 145.
6. *Там же*. Ф. 102. Оп. 7. Д. 583. Ф. Р-815. Оп. 2. Д. 5359.
7. *Там же*. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 1553.
8. *Там же*. Ф. 3. Оп. 56. Д. 108. Л. 2.
9. *Там же*. Ф. 527. Оп. 1. Д. 426. Л. 152–152об.
10. *Там же*. Д. 643.
11. *Надежда Кожевникова*. Пастернак, Мравинский, Ефремов и другие. М., 2007.

Т.П. Карташова

П.И. МАКУШИН И ЕГО МЕМУАРЫ

За последние годы сотрудниками отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ) накоплен большой опыт в области подготовки к публикации текстов исторически и культурно значимых документов, подлинники которых хранятся в отделе. Среди них рукописное наследие Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Н.И. Наумова, А.В. Адрианова, П.И. Макушина и других известных сибиряков.

Среди последних проектов отдела – изучение и подготовка к публикации автобиографических очерков известного в Сибири предпринимателя и общественного деятеля, почётного гражданина г. Томска, основателя книжной торговли в Сибири П.И. Макушина (1844–1926). Просветительная, культурная и общественная деятельность этого высокообразованного деятеля российского масштаба во многом предопределила становление Томска как первого за Уралом центра просвещения. С именем П.И. Макушина связано открытие в Сибири первой частной публичной библиотеки и книжного магазина, первой частной ежедневной газеты, первого за Уралом народного университета и многих других просветительных учреждений.

Изучению жизни и деятельности П.И. Макушина посвящено довольно много книг и статей (преимущественно газетных). Однако подавляющее большинство работ носит официальный, юбилейный характер и связано с празднованием тех или иных знаменательных дат в жизни П.И. Макушина. Из дореволюционных работ публикаций можно выделить книгу Г. Крекнина [1], в которой детально прослежен его жизненный путь, выявлены мотивы его деятельности, приведено много материалов документально-фактического характера. Биографией П.И. Макушина занимались Ю.В. Григорьев, Т.В. Сталева и др. [2–3]. Его жизни и деятельности были посвящены два библиографических указателя [4–5]. Однако биография этого незаурядного человека, особенно последние годы его жизни, всё же остаются пока недостаточно изученными. В частности, не исследовалась деятельность П.И. Макушина как инициатора и создателя большинства благотворительных и просветительных обществ г. Томска.

При написании работ о П.И. Макушине в качестве источника так или иначе использовались архивные материалы, содержащие его воспоминания. Однако сами мемуары, написанные в период с 1920 по 1926 гг., так

и остались неизданными, за исключением нескольких глав об издательской и книготорговой деятельности [6–7], которые носят фрагментарный характер и не дают целостного представления о его жизни и деятельности.

Характерной особенностью жизненного пути П.И. Макушина явилось его резкое разделение на два диаметрально противоположных этапа, которые и нашли отражение в структуре мемуаров. Первый этап длился около 30 лет (1844–1873) и определялся не сознательным выбором жизненного пути, а происхождением, средой, в которой протекали годы его детства. Сыну дьячка естественно было идти по стопам своего отца и стать священнослужителем. Решительный отказ от духовной карьеры, которая развивалась вполне успешно и обещала достижение со временем высоких духовных чинов и должностей, знаменовал крутой поворот, начало новой жизни. Столь радикальное решение убедительно выявило основные черты его характера – сильную волю, настойчивость, умение доводить начатое дело до конца. Второй этап был долгим и продолжался свыше полусотни лет (1873–1926).

Воспоминания написаны, по всей вероятности, в 1920-е гг. и охватывают период с конца 1840-х по 1926 г. Первая часть мемуаров выстроена в хронологическом порядке и посвящена годам детства и ученичества, а также его миссионерской деятельности на Алтае и работе смотрителем духовного училища. В процессе работы над воспоминаниями коррективы вносились не только в текст, но и в само название. Первая часть, названная «Мое житие» и впоследствии заменённая на «Моя жизнь и деятельность», охватывает первые тридцать лет его жизни (1844–1873). На первоначальный вариант названия, скорее всего, повлияло его происхождение и семинарское образование. Невольно возникает параллель со святоотеческой литературой и житиями святых. Последний вариант названия имеет простое, вполне светское нейтральное звучание – «Автобиография».

Второй, наиболее длительный период его жизни (1873–1926), представлен серией самостоятельных тематических разделов-очерков, которые в совокупности дают почти исчерпывающее представление о всех видах и формах его многообразной деятельности: торгово-промышленной, газетно-издательской, его 40-летней работе в качестве гласного думы, а также деятельности в сфере народного и профессионального образования. Заключительный очерк «Годы революции» повествует о последних годах жизни уже после установления советской власти.

Интересные во многих отношениях картины местной жизни за 60 лет нашли отражение в небольших очерках, которые П.И. Макушин также включил в свою «Автобиографию». В них он также рассказывает о встрече

с Л.Н. Толстым. Отдельные страницы томской истории были запечатлены в очерках: «Покушение на жизнь цесаревича Николая в г. Томске в 1891 г.», «Выступления черносотенцев в Томске в октябре 1905 года» и др.

Мемуарист чётко делит свою деятельность на крупные блоки: общественная работа и предпринимательская деятельность, хотя на самом деле их достаточно трудно разделить и в жизни они очень тесно переплетались. Свою обширную общественную деятельность он в свою очередь разделяет на деятельность в области народного образования, профессионального образования и деятельность в области альтруистической.

Трудно даже перечислить все общественно-просветительные и благотворительные мероприятия, активным участником, а чаще всего инициатором которых был П.И. Макушин. В изданной в Томске в 1924 г. ко дню его 80-летия печатной листовке была сделана попытка дать перечень этих его дел. Он занял 3 страницы текста, набранного уборым шрифтом.

П.И. Макушин описывает происходившие в городе события, в которых он принимал непосредственное участие. Особенно значимы те части воспоминаний, где даётся его видение событий, иногда отличное от официальных, опубликованных документов. Сохранилась интересная запись «Для памяти» следующего содержания: «Мемуары готовятся к печати. Они обнимают последние 60 лет – годы моего пребывания в Сибири. За это время перебывало в Томске 17 губернаторов, 8 архиереев, 10 городских голов. Первые имели большое значение в жизни Томской губернии, последние – в жизни города. Обработка материала задерживается уничтожением в 1920 г. моего личного архива и беспорядочным пока состоянием архивов губернского, консисторского и городского-думского».

Несмотря на свои 80 лет, Макушину удалось сохранить не только бодрость духа и ясность ума, но и хорошую память. Все события и факты, изложенные в мемуарах, обладают высокой степенью достоверности и подтверждаются другими источниками.

При написании мемуаров Макушин часто дословно цитирует свои речи, опубликованные в прессе того времени, включает в текст мемуаров публикации из периодической печати, использует информацию, почерпнутую из отчётов созданных им обществ, юбилейных изданий и других справочников.

Воспоминаниям П.И. Макушина присущи некоторые отличительные черты. Прежде всего, это купеческие мемуары. И дело не только в словесной принадлежности их автора и подробном описании торгово-промышленной деятельности. По-купчески практично он относится ко всем своим начинаниям, в том числе и просветительным. В мемуарах мы на-

ходим много ценных наблюдений о жизни сибирского купечества. Автор неоднократно подчёркивал заслуги купечества в развитии благотворительности и распространении просвещения. Им написано много добрых слов в адрес сподвижников, помогавших в его деятельности или пожертвовавших значительные суммы на благо просвещения Сибири. Тёплыми словами он характеризует С.С. Валгусова, на свои деньги построившего здание народной библиотеки и И.М. Сибирякова, пожертвовавшего немалые средства для постройки Музея прикладных знаний и пополнения библиотеки книгами, и многих других.

П.И. Макушин не даёт пространных характеристик представителям власти, оценивает не столько личные качества, сколько судит по их делам. Как бы вскользь бросает очень ёмкие и краткие характеристики: «хранитель устоев Гиляров», или: «городской голова, малограмотный купец». Отрицательное отношение, иногда проскальзывающее в тексте, к тому или иному герою мемуаров определяется не личной неприязнью и не соображениями конкуренции, которая была достаточно жёсткой среди купцов и промышленников, а их отношением к просветительным идеям и учреждениям.

Среди персонажей его воспоминаний довольно много купцов, гласных городской думы, учителей, врачей и других представителей интеллигенции, а также деятелей высшей администрации г. Томска. В них описываются события, происходившие как в Сибири, так и в Европейской России.

При этом П.И. Макушин почти ничего не пишет о своей личной жизни, своей семье, детях, кроме старшей дочери Елизаветы, помогавшей отцу во многих его начинаниях, а также Алексея Ивановича, родного брата, хорошо известного в Томске врача и городского головы, чью деятельность он описал очень благожелательно.

Большой промежуток времени, описанный в мемуарах, позволяет увидеть те изменения, которые произошли в крае. Сибирь из края ссылки и каторги превращалась сначала медленно, неповоротливо, а затем всё ускоряясь, в промышленно развитую и культурную территорию. Перед нами предстают красочно описанные малограмотные купцы-«Кондраты» и «благородная буржуазия» конца XIX – начала XX в. Макушину удалось передать в мемуарах не только события, но и их воздействие на сознание сибиряков, на общественное мнение; как происходила эволюция, трансформация общественного мнения в результате его плодотворной деятельности в области просвещения.

Таким образом, охватывая более чем 60-летний период просветительской и культурной деятельности П.И. Макушина, его автобиографиче-

ские очерки являются ценнейшим источником по изучению социокультурной среды г. Томска, свидетельством интеллектуальной, культурной и духовной жизни сибиряков конца XIX – начала XX в., позволяют не только полнее воссоздать атмосферу эпохи, но и более выпукло и разносторонне охарактеризовать их героя.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-64102 а/Т.

Примечания

1. **Крекнин Г.** Ревнитель света – П.И. Макушин: 50 лет просветительной деятельности (1866–1916 гг.) в Сибири. Томск, 1916. VIII, 103 с.
2. **Григорьев Ю.В.** Выдающийся русский меценат Петр Иванович Макушин (1844–1926). К 150-летию со дня рождения // Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 68. С. 269–281.
3. **Сталева Т.П.** Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск, 1986. 192 с.; 2-е изд., перераб. и доп. Томск, 1990. 248 с.; 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 288 с.
4. **Шарц А.К.** Петр Иванович Макушин. Пермь, 1966. 13 с.
5. **Петр Иванович Макушин:** Библиографический указатель, хроника жизни и деятельности, биография: К 150-летию со дня рождения // Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1994. 84 с.
6. **Макушин П.И.** Газетно-издательская деятельность во времена царизма: Глава из воспоминаний // Северная Азия. 1928. Кн. 2. С. 91–100.
7. **Он же.** К 50-летию книготорговли в Сибири: Из воспоминаний. Новониколаевск, 1923. 22 с.
8. **Он же.** Публичная библиотека: Воспоминания // Вузовские библиотеки Западной Сибири: опыт работы. 1995. Вып. 22. С. 74–77.
9. **Он же.** Из «Автобиографии» // Сибирская старина. Томск, 2002. № 19.

Н.А. Грик

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
О ПЕРЕХОДЕ К НЭПУ В СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОЙ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»)**

В отечественной исторической науке по-прежнему остаётся спорным вопрос о продолжительности перехода к нэпу. Одни полагают, что уже к концу 1922 г. нэп в целом оформился, связывая это, прежде всего, с серьёзными изменениями в валютно-денежной политике. Другие считают особым и принципиально отличным от остальных этапов развития советской экономической политики период с 1921 г. по осень 1923 г., который характеризовался преобладанием тенденции к децентрализации, демонополизации и либерализации экономической системы. По их мнению, лишь с 1924 г. произошла смена вектора экономической политики. Часть учёных, в большинстве своем занимающихся аграрной политикой, склоняется к тому, что переход к нэпу в стране произошел в 1921–1924 гг., поскольку сельское хозяйство восстанавливалось после военной разрухи и голода медленно, с сильно ощутимыми «продармейским подходом» и репрессиями против деревни. И только с лета 1925 г. по лето 1927 г. установился «настоящий нэп» – без принудительных заготовок и непосильных налогов, происходило складывание системы рыночных отношений. С осени 1927 г. и по осень 1929 г. происходил слом нэпа: нагнетание оборонного психоза, репрессии и чрезвычайные хлебозаготовки – грубое свёртывание рыночных отношений [1. С. 7].

Вместе с тем, сегодня растёт понимание того, что процесс перехода во многом предопределил трудноразрешимые противоречия нэпа и его весьма короткую жизнь. Поэтому история начала нэпа нуждается в дальнейшем уточнении и осмыслении, прежде всего с точки зрения ожиданий и реакции населения и власти. Учитывая известную трудность реализации подобной задачи, следует обратить внимание на более основательное исследование особенностей перехода к нэпу в различных регионах страны. Подобная локализация позволит более основательно изучить уже имеющиеся источники, среди которых существенную роль может сыграть периодическая печать. В отличие от других источников, газета помогает отслеживать события едва ли не ежедневно, причём здесь интересны не столько объективные процессы, сколько субъективно-эмоциональная реакция журналистов, рабкоров и селькоров, статьи и заметки местных руководителей, позволяющие исследователю проникнуться духом той эпохи.

Газета «Красное знамя» (до 1 октября 1921 г. – «Знамя революции»), орган Томского губисполкома и губкома РКП(б), является важным источником в изучении местных особенностей перехода к нэпу. С одной стороны, она являлась важным источником официальной информации для населения, а с другой – отражала мнения и понимание ситуации авторами материалов, журналистами, редакцией. Тем более, что переход к нэпу был для многих из них неожиданным и не совсем понятным, ввиду весьма резкого поворота от военно-коммунистической политики советской власти. Как известно, переход к нэпу был связан с заменой продразвёрстки продналогом, допущением местного товарооборота и частного капитала, борьбой за твердую денежную единицу. Всё это происходило в чрезвычайных условиях разрухи, голода и эпидемий (тиф, холера).

Материалы газеты за 1921 г. не сильно отличались по тональности содержания от предыдущего года. Продовольственное положение Томской губернии, как, впрочем, и всей России, было критическим. Именно так оценивала положение разведсводка губчека в конце мая 1921 г. Были закрыты все столовые, детское питание сокращено на 50%, производительность труда упала в мае на заводах на 45%, вследствие нехватки продовольствия [2. С. 448]. В газете преобладали небольшие заметки агитационно-пропагандистского характера о распределительных усилиях власти в области топлива и продовольствия, о культурно-массовых мероприятиях в селах, воинских частях. Более половины газетной площади отводилось материалам о международном положении и общероссийских делах. Часто перепечатывались передовые из «Правды».

Характерной чертой января–апреля 1921 г. было продолжавшееся сокращение штатов финансовых органов, типичное для 1919–1920 гг. [3. 25 янв.], а также рубрики: «Продфронт», «Ход развёрстки», «Как выполняется хлебозавёрстка» и т.д. [3. 1, 5 янв.; 5, 14 мая]. Не изменилась сущность публикаций и после решений X съезда РКП(б) о замене продразвёрстки налогом. Преобладали официальные материалы партийного съезда, ВЦИКа, пропагандистские материалы из Москвы [3. 18, 20, 22 марта]. При этом утверждение «Вместо продразвёрстки – продовольственный налог» сочеталось с установкой выполнить продразвёрстку не меньше 85% [3. 5, 23 марта; 2 апр.]. Томской губернии в 1920–1921 гг. было запланировано сдать хлебофуража 19 000 тыс. пудов, а выполнено только 12 950. Продналог не стал и в 1921–1922 гг. спасительной заменой продразвёрстки, чтобы избавить сибирское крестьянство от надвигавшегося голода. Москва же, несмотря на доказательные сообщения из региона, что запасов хлеба нет, настаивала на необходимости «выкачивать» из

Сибири возможно большее количество продовольствия [4. С. 117–118]. Далёкой от нэповской сути был майский материал газеты о «государственном товарообмене», под который потребительская кооперация должна была приспособить свой заготовительный аппарат, а государство – образовать для этой цели комитеты при профсоюзах [3. 11 мая].

В январе 1922 г. при подведении итогов работы губэкономсовещания за март–декабрь 1921 г. особо подчёркивалась вынужденность привлечения частного торгового аппарата к обслуживанию губернии. Совещание разрешило губнарообразу заключение сделок имущественного характера и признало допустимой заготовку мясных продуктов через частный аппарат. Ещё более нэповской стала статья о деятельности Томского губфинотдела за 1921 г., где подчёркивалось, что новая экономическая политика в корне меняет положение финансового аппарата, обращая его деятельность на возрождение хозяйственной жизни страны путём проведения ряда финансовых мероприятий и восстановлением налогового аппарата [5. 1 янв.]. В то же время редакция поместила заметку «Обыватель и гражданин», автор которой призывал держать курс на социалистическую фабрику, а нэп рассматривал лишь как средство, явление временное [5. 4 янв.]. Судя по материалам второй половины 1921 г. и начала 1922 г., именно финансовые органы оказались впереди всех в переходе к нэпу. В 1922 г. одной из систематических рубрик становится «В губфинотделе» [5. 4, 6, 11 февр.], где часто сравнивалась военно-коммунистическая и новая экономическая политика. Так, прозвучало признание, что раньше приходилось много выдавать, но почти ничего не собирать, а теперь положение изменилось, установленный твёрдый бюджет требовал поступления налогов. В финорганах быстрее и острее многих почувствовали необходимость кардинальной перестройки аппарата и укрепления его квалифицированными кадрами (финансистами, налоговиками, акцизниками и др.). Открыто выражалась надежда на привлечение старых налоговиков, акцизников и других чиновников, бежавших с Колчаком из Европейской России и оказавшихся в Томске [5. 6 февр.].

Знаковым событием стало открытие томской товарной биржи. Однако и здесь переплелись установки эпохи гражданской войны с новыми веяниями в хозяйственной жизни. На первом организационном собрании биржи при обсуждении устава был поднят вопрос о роли частного капитала. Большинство отказалось вводить частных в члены биржи, поскольку те ничем себя не проявили. Вообще же частному капиталу посредством института постоянных и однократных посетителей давалась полная возможность работать на бирже. Кроме того, материал газеты

свидетельствовал, что товарная биржа в основном предназначалась для государственных и кооперативных хозяйственных субъектов и в этом виделось её отличие от товарных бирж в буржуазном государстве [5. 14, 15 февр.; 24 марта; 5, 25 апр.; 4 мая; 20 июня]. Кстати, именно подобное стремление представителей советской власти войдёт в серьёзное противоречие с требованием развития товарно-денежных отношений в 1925–1926 гг., что в конечном счете в 1927 г. поставит точку в истории биржи в СССР. В начале мая 1922 г. газета, ссылаясь на постановление ВЦИК и СНК от 30 марта, сообщила читателям о восстановлении вексельного обращения [5. 3 мая]. Это уже был нэп, но продолжало оставаться противодействием ему, о чём свидетельствует публикация, содержащая негативное отношение к томским предпринимателям, которые открывают «комиссионные, галантерейные и разного рода другие магазины, много кофейных, бильярдные, есть и рестораны...» и тем самым увеличивают эксплуатацию трудящихся [5. 27 мая].

Одновременно в середине 1922 г. стал ощущаться кризис сбыта, порождённый становлением рынка, который газета объясняла сокращением денежной массы, т.е. денежным голодом, понизившим и без того невысокую покупательную способность населения [5. 6 июня]. Конечно, причины крылись, прежде всего, в неразвитости торгового аппарата и кредита. Государственный банк выделял кредиты госпромышленности, госторговле и кооперации, которые были слабы и неэффективны, а частный капитал кредитовался незначительно и под большую процентную ставку. Таким образом, с момента проведения кредитно-денежной реформы появились две учётные ставки, которые на пике нэпа будут его подрывать и расшатывать.

С середины июля 1922 г. и на протяжении последующих двух лет в газете систематически печатались бюллетени товарной биржи. С этого же времени «Красное знамя» заметное место отводит рекламе и объявлениям, причём не только государственных, кооперативных организаций, но и частных. Впервые развёрнутая реклама появилась 20 июля 1922 г. Обращает на себя внимание реклама, по всей видимости, крупного частного оптовика А.Д. Бляхера, готового принимать контрагентства по всем товарным и всем банковским операциям от местных и иногородних правительственных, кооперативных и частных учреждений и предприятий. Впечатлял и перечень товаров, которые готов был поставлять под заказ частник.

1923 г. отмечен явным преобладанием материалов о финансах, налогах, мощной и постоянной рекламой и агитацией в пользу приобретения выигрышного золотого займа, началом перехода крестьянства от нату-

ральной формы сельхозналога к денежной [6. 19, 24, 26 янв.; 8 февр.; 7, 10 марта; 3, 5 апр.]. В середине апреля предприниматели учреждают томское общество взаимного кредита [6. 20 апр.]. Крестьяне задавали вопросы власти: «Почему мы платим много налогов и почему городские товары дороги, так что крестьянину их не купить?» [6. 20 нояб.]. Однако нэп так и не смог их решить.

Примечания

1. *Советская деревня* глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2: 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
2. *Советская деревня* глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1: 1918–1922. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
3. *Знамя революции*. 1921.
4. *Познанский В.С.* Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 307 с.
5. *Красное знамя*. 1922.
6. *Там же*. 1923.

В.П. Андреев

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ВЫБОРЫ ГОРСОВЕТОВ РСФСР В 1920-е гг.

Традиция изучения организации и проведения выборов представительных органов России начала складываться во второй половине XIX в. и получила значительное развитие в период становления российского парламентаризма, выборов в Государственную Думу. Однако после Октября 1917 г. оказалась утраченной, если не считать политико-социологического анализа итогов выборов в Учредительное собрание, в силу известных обстоятельств. На время отпала потребность такого анализа, кадры специалистов – социологов, статистиков – оказались не востребованными. Гражданская война и иностранная военная интервенция серьезно деформировали советский политический строй. Советы городов Центра России, направив лучших своих представителей на фронт, были объединены с губернскими и уездными. Выборы в Советы проходили нерегулярно. Единых сроков их проведения не существовало, обычно они предшествовали съездам Советов. Большое разнообразие было в нормах представительства. Избирательная активность резко упала. После разгрома белогвардейцев на окраинах страны были созданы чрезвычайные органы – ревкомы. В воссоздании системы Советов на Юге России, на Урале, в Сибири, исключительную роль сыграла Красная Армия.

Конкретно-историческая обстановка послеоктябрьского времени предопределила особенности советской избирательной системы: лишение прав эксплуататорских классов, неравное представительство рабочих и крестьян, открытость голосования, многоступенчатость выборов высших органов государственной власти. Законодательство о выборах строилось в соответствии с Конституцией 1918 г., чутко реагируя на колебания политического курса. Нормы представительства, установленные Конституцией, продолжительное время не соблюдались. В законодательных актах начала 1920-х гг. была предпринята попытка унификации норм представительства при выборах горсоветов. Достаточно последовательно этот принцип был осуществлён в РСФСР: Положение о горсоветах 1922 г. предусматривало единую норму для всех городских избирателей – один депутат от 200 избирателей. На Украине законодательно было закреплено две нормы представительства: от фабрично-заводских рабочих, красноармейцев – один депутат от 100 избирателей, от неорганизованного населения – один депутат от 300 избирателей.

Первые годы работы горсоветов были исключительно трудными (мобилизации депутатов на село, на борьбу с бандитизмом, участие в подавлении антисоветских выступлений в составе ЧОН, периодические военные сборы). Все депутаты-коммунисты были перегружены общественной работой, поэтому горсоветы первых лет нэпа во многом оказались неработоспособными, пленарные заседания были редкими и посвящались организационным, общеполитическим вопросам. Единая отчетность о работе горсоветов лишь складывалась, по этой причине отсутствуют обобщающие данные о составе депутатов, в архивных фондах партийных и советских органов отложились лишь частичные, фрагментарные данные о депутатском корпусе. Тем не менее, они позволяют судить о некоторых тенденциях электоральной политики последующих лет. Так, возрастало представительство рядовых рабочих и беспартийных, составляя кое-где до трети состава. Сплошь партийных, коммунистических горсоветов по составу депутатов не стало. Были приняты меры по привлечению рядовых депутатов к практической деятельности, чему во многом способствовало создание секций. Впервые они стали возникать ещё в 1918 г. в ряде горсоветов Центральной России. Их опыт всемерно пропагандировался в печати и в условиях нэпа получил распространение и на окраинах страны, в частности, в городах Сибири. Количество секций было различным: в небольших городах и посёлках – 3-4, в крупных – до 10. Какие-то сведения на этот счёт отложились в архивах, содержатся в периодической печати, но обобщающие данные отсутствуют. Со временем Орграспредотдел ВЦИК наладил сбор и обработку материалов с мест, публикуя обзоры на страницах журнала «Власть Советов».

Положение в стране оставалось сложным, хотя переход к нэпу оздоровил ситуацию. Произошли заметные изменения в социальной структуре городского населения: сложился немногочисленный слой частных предпринимателей, что соответственно увеличило и число лиц, лишённых избирательных прав. Статистика численности нэпманов велась налоговыми органами. Сложившийся режим умело эксплуатировал негативное отношение незрелых масс города к старой интеллигенции, специалистам, массе мелких производителей, которые рассматривались как препятствие на пути к «светлому будущему». Странники узкоклассового подхода явно преобладали в партийно-советских органах, избирательных комиссиях. В определении круга избирателей они предпочитали руководствоваться не законодательными нормами, а директивами сверху, «классовым чутьём». Это предопределило заметное увеличение численности так называемых лишенцев, дискриминацию не малой части образованного

населения города. Однако сколько-нибудь полной статистики на этот счёт нет.

С принятием курса на «оживление Советов» интенсифицировался процесс разработки правовой основы советской избирательной системы, приняты законодательные акты, существенно расширившие контингент избирателей за счёт ремесленников, кустарей, что сократило число лишенцев, о чем дают представление официальные статистические сборники. Первый такой сборник был подготовлен по итогам выборов 1925/26 г. по линии Наркомата внутренних дел. Последующие статистические сборники по итогам выборов готовились Центральными избирательными комиссиями РСФСР и СССР, при участии аппарата высших партийных и советских органов [1–4]. В крупных регионах – Уральская область, Северо-Кавказский, Сибирский края – во второй половине 1920-х гг. выпускались региональные статистические сборники по итогам выборов. Позднее эта практика сошла на нет. Малоинформативны статистические сборники по итогам выборов 1931 г. Самые общие данные о составе горсоветов содержит сборник по итогам выборов 1934 г. Некоторые сведения на этот счёт можно найти на страницах журналов «Власть Советов», «Советское строительство», «Советское государство».

Набираясь опыта, организаторы выборов стали уделять внимание технической стороне – наглядной агитации, рассылке извещений о сроках, времени проведения выборных собраний. Как свидетельствуют данные официальной статистики, заметно увеличилась численность избирателей, общее число выборных собраний в городах РСФСР в 1927 г. по сравнению с 1926 г. удвоилось, что связано с ростом городского населения, образованием новых городов и рабочих посёлков. Было осуществлено разукрупнение избирательных участков, численность избирателей на один участок сократилась в среднем с 694 до 433 чел., что имело немаловажное значение для обеспечения волеизъявления избирателей, снижало трудности, связанные с поиском вместительных помещений [5. С. 55].

Данные статистики дают представление об электоральной активности, что во многом определялось политической обстановкой в стране, методами партийного руководства. Жёсткое планирование состава Советов начала 1920-х гг. в известной мере было направлено против попыток оппозиционных и враждебных элементов провести своих сторонников в органы власти. В условиях осуществления политики «оживления Советов» стремление к механическому обновлению их состава на время ослабло и вновь резко усилилось в 1928/29 г., когда директивно стали определяться социальные параметры горсоветов. Губкомы, крайкомы, обкомы давали разна-

рядку на обеспечение представительства рабочих, коммунистов, комсомольцев, женщин в составе горсоветов. Сверху определялось и процентное представительство национальных меньшинств. Некоторые показатели корректировались, но в целом низовое партийно-профсоюзное звено неукоснительно руководствовалось разрядкой сверху. Практика достижения статичных формальных показателей исходя из анкетных данных, конечно же, являлась косвенным ограничением избирательных прав.

Итак, в силу известных обстоятельств демократический импульс революции 1917 г. был быстро исчерпан. Электоральная политика 1920-х гг. означала, что модель «рабочего государства» в виде режима Советов, рабочего контроля была заменена идеей «введения социализма сверху», где стратегические решения принимались верхушкой партии, партийной бюрократией, а сохранение лояльности режиму увязывалось с предоставлением избирательных прав, рабочим в том числе.

Примечания

1. **Выборы** в Советы РСФСР в 1926/26 г. М.: Изд. НКВД, 1926.
2. **Выборы** в Советы и состав органов власти СССР в 1927 г. М., 1928.
3. **Выборы** в Советы и состав органов власти СССР в 1929 г. М., 1929.
4. **Выборы** в Советы и состав органов власти СССР в 1931 г. М., 1931.
5. **Выборы** в Советы РСФСР в 1927 г. М., 1928.

И.В. Орлова

**ДОКУМЕНТЫ 1920-х гг.:
ОТРАЖЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НЭПА**

Сегодня в отечественной исторической науке идет активный пересмотр многих проблем. Не стал исключением и, пожалуй, самый противоречивый период в советской истории – период новой экономической политики. Богатый фактический материал, разнообразная проблематика публикаций периода нэпа были «забыты» историками и на долгие годы исчезли в глубинах спецхранов.

Профессором МГУ Н.Л. Роголиной была предложена условная классификация документальной базы периода 1920-х гг., деление ее на «четыре жанровых пласта»: сводки ОГПУ о политическом и хозяйственном положении в стране; тематические сборники о кооперативном, индустриальном и культурном строительстве; письма населения во власть; документы партийной элиты [1. С. 56]. В комплексе все эти документы позволяют не только проследить динамику политических и экономических процессов 1920-х гг., но и проанализировать социальные изменения, «реакцию населения на предложенные обстоятельства».

В архивах регионального масштаба, в том числе иркутских, отложился комплекс документов, позволяющий с максимальной полнотой рассмотреть ход и результаты реализации общих решений по различным вопросам. Это в большей степени касается информационных сводок местных отделений ОГПУ, демонстрирующих настроение и реакцию населения на мероприятия партийного руководства. В статье рассмотрена лишь часть таких документов, раскрывающая крестьянские чаяния, переживания, претензии.

Партийное руководство периода нэпа отчасти не могло, а отчасти и не стремилось охватить заботой все сельское население, поэтому из поля деятельности социальной защиты в целом выпали кулаки и зажиточные крестьяне. Сотрудниками ОГПУ были зафиксированы следующие настроения зажиточной части крестьян: «Что вы нас делите на бедняков и середняков. То равняли, а теперь какое-то расслоение проводите. Да вам бедняка никогда не поднять, у него голова плохо работает, а вы его заставляете, он, как был бедняк, так и пропадет» [2. Л. 42об.].

С 1926 г. по отношению к зажиточной и кулацкой части населения стала проводиться более жесткая политика. 4 ноября 1926 г. вышло постановление ВЦИК, а следом и «Инструкция о выборах», в которых определялся круг избирателей, а также лиц, лишенных избирательных прав [3]. Так,

в число «лишенцев» попадали те, кто использовал наемный труд, имел мельницу, крупорушку, маслобойню и сдавал в аренду скот или сельскохозяйственные машины. Вот как отреагировал на происходящее крестьянин с. Усть-Кут И.З. Яковлев, лишенный избирательных прав: «Война уже начинается и в центре идет мобилизация до 45 лет, [в 1926/1927 гг. впервые за послевоенное время проходил воинский переучет, шло слияние Советов ОСО и Авиахима, проводились курсы стрелковых инструкторов, в этой атмосфере среди населения ходили упорные слухи о неизбежности войны – *И.О.*] вы, товарищи, не робейте, мы скоро с коммунистами разберемся. Я сам первый отомщу за то, что меня лишили права голоса и перестреляют всех товарищей» [2. Л. 80].

Сотрудники ОГПУ, составляя общую картину отношений крестьянства к налоговой политике, зафиксировали, что в Казачинском районе Иркутской губернии крестьянин-середняк Е.Е. Потапов в беседе с односельчанином говорил: «Советская власть напрасно стоит за бедняков. Они ничего не делают, а живет им лучше, чем нам. Власть была бы хороша тогда, когда на всех крестьян смотрела бы одинаково». У бедняков же формировалось другое мнение: «как не ругают мужики Советскую власть, а все же для крестьянства она старается, и налог теперь берут правильный и вообще льгот много есть» [2. Л. 79]. Сегодня можно смело говорить не только об идеологических обоснованиях налоговой политики государства, но и о формировании у части бедноты иждивенческих настроений.

Современная широкая источниковая база предоставляет исследователю возможность полнее реализовать принцип научной объективности. Однако и во взглядах исследователей-обществоведов, и в содержании источников всегда присутствует доля субъективных искажений. Составителю документа, отчета или сводки было свойственно «пропускать» факты через «себя», а их интерпретация зависела от внутреннего мира, ценностных установок, личностных качеств и даже гражданской позиции исследователя. Еще английский философ Ф. Бэкон рассуждал по этому поводу так: «Человеческий разум – не сухой свет, его окропляет воля и страсти... Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум» [4. С. 170].

Большевики пропагандировали нэп как «смычку пролетариата с широким крестьянским полем». Фактически союза рабочего и крестьянина не произошло. Все чаще на сельских сходах звучали вопросы о том, что «крестьянский труд ценится дешево, а товары дороги»; «труд крестьянина ценится 15–20 копеек в день, а рабочие работают 8 и даже 6 часов и добились себе твердой ставки» [5]. Крестьяне постоянно говорили о лучшем матери-

альном положении горожан, их высокой заработной плате по сравнению с их собственными доходами, 8-часовом рабочем дне, социальном страховании, доступе к медицинской помощи, школьному обучению, культурным благам города.

Источники того периода подтверждают организацию на селе шефских пролетарских обществ, в документах приводились цифры оказанной материальной помощи, рисовались радужные картины «рабоче-крестьянской смычки». Так, в 1929 г. Качугском районе Иркутского округа почти 2 месяца пробыла бригада рабочих-транспортников. Участники бригады отремонтировали: 240 плугов, 24 сеялки, 5 культиваторов, 7 веялок, 3 молотилки [б. С. 86–87]. А крестьянство встречало рабочих с недоверием, с горечью воспринимая их рассказы о городском быте и условиях труда. Поэтому сегодня, несмотря на заверения современников той эпохи, можно определенно сказать, что ожидаемой «смычки» не произошло, напротив, ее сменило социальное раздражение, сам факт и причины которого активно ретушировались. Часть крестьян, в основном молодежь, приняла решение о переселении в город: «надо уходить в пролетариат, потому что пролетариат свои права лучше отстаивает и больше обеспечивает разными профсоюзами» или «Советская власть давит нас налогами и скоро совсем обберет. Нужно бросать свое хозяйство и перебираться в город, ведь рабочим быть лучше» [2. Л. 82]. Остальные выражали социальный протест в других формах: неучастие в выборах, отказ продавать хлеб по низкой цене, резкие выступления на сходах, письма «во власть», призывы к объединению в крестьянский союз.

Таким образом, сводки ОГПУ, жалобы помогают полнее понять и «объемнее» взглянуть на социальные аспекты крестьянской среды. Это дает возможность пересмотреть сложившиеся концепции, обновить и расширить проблематику, предложить иной контекст новой экономической политики.

Примечания

1. *Розалина Н.Л.* НЭП в свете современных документальных публикаций // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006.
2. *Государственный архив* новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО). Ф. 154. Оп. 1. Д. 1.
3. *Собрание* Законов Рабочего и Крестьянского Правительства СССР. 1926. № 66. Ст. 501.
4. *Бэкон Ф.* Сочинения. М.: Наука, 1997. Т. 1.
5. ГАНИ ИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 58. Л. 76; Д. 63. Л. 8.
6. *Степичев И.С.* Борьба Иркутской организации КПСС за коллективизацию сельского хозяйства (1928–1930 гг.). Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1958.

Н.А. Баранцева

**ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 г.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ**

В рамках историко-демографической проблематики особую актуальность приобретает исследование 1920-х гг. – начало перехода общества в «городское» состояние, когда в условиях начавшейся промышленной модернизации и роста миграционной подвижности городское население приобретало все более полиэтничный характер. Всесоюзная перепись 1926 г. является важнейшим источником по изучению численности городского населения, его этнического состава, типов воспроизводства и социокультурных характеристик. Несмотря на одномоментность и статичность материалов переписи, в комплексе с другими делопроизводственными документами они служат ценным исходным материалом для анализа этнодемографических процессов в городских поселениях Приенисейского края в границах пяти южных и центральных округов (Ачинский, Канский, Красноярский, Минусинский, Хакасский) бывшей Енисейской губернии.

Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. показали, что население этих округов увеличилось до 1,55 млн чел., из них 1,39 млн составили сельские жители, 0,16 млн горожане. Удельный вес городских жителей составил 10,3%, что было на 7,6% ниже, чем в целом в РСФСР [1. С. 3–5, 26].

Перепись населения зафиксировала существенное изменение его национального состава по сравнению с 1920 г. Доля русского населения уменьшилась с 84,0 до 76,3% при увеличении абсолютных показателей с 1,0 до 1,18 млн чел. Возрос удельный вес белорусов с 2,4 до 7,4% при росте до 113,2 тыс. чел., украинцев – с 3,7 до 5,7% (88,5 тыс.), мордвы с 0,4 до 1,3% (19,8 тыс.), чувашей с 0,3 до 0,6% (8,9 тыс. чел.) Сократилась доля хакасов с 4,2 до 2,9% (45,5 тыс.), татар – с 3,0 до 1,5% (23,0 тыс.), латышей и латгальцев с 1,2 до 1,0% (16,3 тыс.), эстонцев – с 0,7 до 0,6% (9,9 тыс.), евреев с 0,5 до 0,4% (6,4 тыс. чел.). Доля поляков составила 1,0% (14,7 тыс.) [подсчит.: 2. С. 17–18, 38–39, 43–44, 52–53, 83–84; 3. Л. 4].

Наиболее урбанизированными народами оказались евреи, 77,5% которых проживали в городах, татары – 18,7%, поляки – 16,8%, русские – 10,8%, латыши и латгальцы – 7,2%. Основная их часть сконцентрировалась в Красноярске. Представители остальных этнических сообществ яв-

лялись по преимуществу сельскими жителями [подсчит.: 2. С. 18, 19, 39–40, 46, 53–54, 84].

Перепись 1926 г. подтвердила тенденцию, наметившуюся в ходе Всероссийской переписи 1920 г., увеличения в половом составе жителей Приенисейского края женщин. Если в 1897 г. первая всеобщая перепись населения зафиксировала численное преобладание мужчин над женщинами в соотношении 100:90,7 (в городских поселениях – 100:86,0) [4. С. 3, 5; Прил. С. 4, 6], то в 1920 г. на 100 мужчин приходилось 104,2 женщины. Преобладание в населении женщин явилось результатом невосполнимых демографических потерь Первой мировой и Гражданской войн, а также их социально-экономических последствий. В поселениях городского типа численность мужчин по-прежнему превышала численность женщин в соотношении 100:97,9 [подсчит.: 5. С. 4–5]. Впоследствии соотношение полов начало уравниваться, что стало особенно заметно в 1926 г. На 100 мужчин приходилось 102 женщины (в городах 100:100,5). В Хакасском, Канском и Минусинском округах численный перевес оставался на стороне мужчин, на 100 чел. которых приходилось соответственно 99,8, 94,5 и 99,3 женщины [подсчит.: 2. С. 18–19, 39–40, 45–46, 53–54, 84].

Перепись 1926 г. показала, что доля грамотных в городских поселениях, составившая 71,2%, превышала на 36,8% аналогичные показатели сельского населения. Грамотность мужчин, как в городской (81,6%), так и в сельской местности (49,3%) была выше, чем женщин – соответственно на 20,9 и 29,4%. Наиболее высокие показатели грамотности горожан показали Красноярский (75,8%) и Ачинский (72,8%) округа, превышавшие средние данные по Сибирскому краю на 3,5 и 0,5%. Самые низкие показатели образованности показал Хакасский округ (66,3%), чье отставание от Сибиря составил 6,0% [6. С. 49].

Среди различных этнических групп наибольшая доля грамотного населения (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{2}$) наблюдалась у евреев (74,0%), финнов (60,2%), немцев (52,3%), венгров (52,1%), латышей и литовцев (по 49,0%). Средние показатели образованности (от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$) отмечались у эстонцев (41,7%), поляков (40,3%), русских (32,0%), чувашей (30,3%), украинцев (29,6%). Большая доля неграмотного населения ($\frac{2}{3}$ и выше) была характерна для остальных народов, населявших Приенисейский край. Среди зырян доля образованного населения составляла 28,3%, латгальцев – 27,2%, пермяков – 26,1%, белорусов – 23,0%, мордвы – 22,1%, марийцев – 21,2%, вотяков – 19,8%, башкир – 16,3%, хакасов – 12,6%, цыган – 10,4%. Разница в образовании полов была наименьшей среди евреев, финнов, эстонцев и латышей, не превышавшая 10%. Основная часть украинцев, белорусов, поляков, каре-

лов, марийцев, пермяков, зырян, до 1/3 вотяков, 1/5 мордвы, не имевших собственных национальных учебных заведений и обучавшихся в русских школах, указали грамотность на русском языке [подсчет.: 2. С. 17–18, 38–39, 43–44, 52–53, 83–84].

Значительная часть достаточно многочисленных и (или) компактно проживавших в сельской местности этнических сообществ Приенисейского края владела родным языком: среди эстонцев их доля составляла 95,1%, латгальцев – 89,4%, латышей – 88,7%, немцев – 84,2%, финнов – 78,8%, чувашей – 86,6%, татар – 95,6%, башкир – 88,6%, хакасов – 89,9%, марийцев – 89,4%. Доля знающих родной язык снижалась среди немногочисленных, проживавших в городах или дисперсно разместившихся среди других народов в сельских населённых пунктах зырян (73,6%), вотяков (70,1%), мордвы (68,2%), евреев (49,4%), цыган (46,8%), литовцев (35,0%). Доля владеющих родным языком была особенно незначительной среди славянских народов (украинцы – 30,7%, поляки – 27,6%, белорусы – 13,2%), а также пермяков (21,7%). Все они в качестве родного языка не своей народности назвали русский [подсчет.: 2. С. 17–18, 38–39, 43–44, 52–53, 83–84].

Естественное движение населения в Сибирском крае в 1926 г.

Округ	Кол-во населения	На 1000 человек населения				
		родившихся	умерших	прирост	браков	разводов
Ачинский	25 526	40,82	24,68	16,14	15,59	2,94
Красноярский	82 522	35,14	24,76	10,38	14,36	3,3
Хакасский	5 690	74,17	37,26	36,91	10,02	1,05
Минусинский	20 538	41,58	25,17	16,41	10,57	2,19
Канский	25 096	41,88	30,88	11,0	7,53	1,95
Итого	159372	46,72	28,55	18,17	11,61	2,29

Источник: Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. Новосибирск, 1930. С. 36–37.

Показатели естественного движения населения, представленные в переписи 1926 г., свидетельствовали о преодолении негативных тенденций, связанных с потерями Первой мировой и Гражданской войн, а также их последствиями в демографической сфере. По сравнению с довоенным периодом 1911–1912 гг., рождаемость в городах Приенисейского края, измеряемая в промилле, то есть на 1 000 жителей, повысилась с 43,3 до 46,7‰, хотя в Сибирском крае в целом понизилась до 40,2‰. Максимальные величины рождаемости отмечались в Хакасском округе среди корен-

ного населения – 74,2‰, минимальные в Красноярском промышленном округе – 35,1‰. Смертность по городам в указанный период снизилась с 30,6 до 28,6‰ (в Сибкрае до 24,5‰), однако в Хакасском округе оставалась довольно высокой – 37,3‰. [7. С. 4–5, 36–37].

Соответственно снижению смертности и увеличению рождаемости возрос и показатель естественного прироста населения с 12,7 до 18,2‰ (выше, чем в Сибкрае на 2,5‰). Существенный рост городского населения, особенно трудоспособных возрастов, привёл к значительному увеличению брачности с 7,1 до 11,6‰ при одновременном возрастании разводов до 2,3‰, особенно в крупных городах, таких как Красноярск [6. С. 4–5, 36–37].

Таким образом, материалы Всесоюзной переписи 1926 г., а также различных статистических справочников, составленных по её разработкам, показали общие этнодемографические тенденции в развитии городского населения Приенисейского края: рост численности; усиление этнического разнообразия; наметившийся перевес женского населения над мужским; высокий естественный прирост, обусловленный высокой рождаемостью и брачностью; большой удельный вес в различных этнических сообществах доли населения, сохранившего родной язык в качестве средства семейного и внутриэтнического общения, свидетельствующий о сохранении их национальной идентичности.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ и правительства Республики Хакасия (проект № 08-01-63512 а/Т).

Примечания

1. *Предварительные итоги* демографической переписи 1926 г. в Сибирском крае. Новосибирск: ЦСУ, Сиб. краевой стат. отдел, 1927.
2. *Всесоюзная перепись* населения 1926 г. Сибирский край. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. VI. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928.
3. *Архивное агентство* администрации Красноярского края. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 98.
4. *Общий свод* по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905.
5. *Население Сибири* (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 г.). По губернские, поуездные и поволостные итоги / Под ред. М.П. Красильникова. Б.м.: Сиб. стат. упр., Б.г. Т. 1. Вып. 5.
6. *Сибирский край*. Статистический справочник. Новосибирск: Изд. статсектора крайплана, 1930.
7. *Естественное движение* населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. Новосибирск: Сиб. краев. исп. Ком, стат. отд., 1930.

Н.В. Воробьев

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СИБИРИ
О РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ И РАБОЧЕЙ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В 1926–1929 гг.**

Материалы периодической печати составляют важную часть источниковой базы для изучения основных тенденций развития городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в 1926–1929 гг. Обращение к ней позволяет реконструировать роль субъективных факторов в истории: общественные настроения, отношение различных социальных слоев к тем или иным событиям, мировоззрение людей.

Сибирские газеты и журналы второй половины 1920-х гг. можно разделить на кооперативные (специальные) и некооперативные (общие) издания. Первые отличаются большей информативностью и специализацией материалов, наличием теоретических, обзорных и аналитических статей. Среди сибирских журналов в первую очередь следует выделить «Кооперативную Сибирь» – печатный орган Сибирского краевого союза кооперативов (Сибкрайсоюза). В нем публиковались руководящие материалы вышестоящих кооперативных центров, резолюции и решения собраний уполномоченных, Совета и правления Сибкрайсоюза, которые были обязательны для выполнения городскими и рабочими кооперативами. Наиболее полные сведения о городской и рабочей потребительской кооперации Сибири содержались в отделе «По рабочим и городским кооперативам» (с 1926 г. – «По центральным рабочим кооперативам»; с 1927 г. – «Рабочая кооперация»). Здесь публиковались отчеты, обзоры, информации, сообщения рабочих корреспондентов [1].

Особое значение придавалось освещению отчетно-перевыборных кампаний в городской и рабочей потребительской кооперации Сибири. В отчетах о проведении собраний уполномоченных представлены разнообразные сведения о торговом и финансовом состоянии кооперативов, кооперативно-массовой и культурно-просветительной деятельности [2]. Кроме статей и отчетов общего характера, на страницах журнала помещались материалы, повествующие об одном из направлений деятельности городских и рабочих потребительских обществ.

Основными авторами журнала «Кооперативная Сибирь» в 1926 г. являлись работники Сибкрайсоюза (в октябре–декабре их доля среди авторов издания составила 65,6%, а по количеству страниц – 76,1%) [3]. Это сказывалось на характере публикаций. Статьи работников кооперативно-

го аппарата основывались на данных текущей статистики, что позволяет составить достаточно полное представление о действительном состоянии потребительских обществ. Вместе с тем, узковедомственный характер журнала, предназначенного в первую очередь аппарату потребительской кооперации, не устраивал кооперативный актив и рядовых пайщиков (большие по объему статьи и отчеты, обилие цифр, трудный для понимания стиль изложения и т.д.). Поэтому в 1927 г. были уменьшены формат и объем журнала, он стал выходить не еженедельно, а один раз в две недели, а главное – изменилось его содержание. Язык журнала стал более понятным для читателей, больше внимания стало уделяться состоянию кооперативно-массовой работы, вопросам рационализации торгово-хозяйственной деятельности, кадровой политике правлений ЦРК и горПО, выявлению недостатков кооперативной торговли, борьбе с растратами и хищениями и т.д. Героями публикаций все чаще становились кооперативные активисты: члены лавочных комиссий, кооперативные организаторы, уполномоченные.

Новый облик журнала потребовал укрепления связи с местами, увеличения числа корреспондентов. Если в мае 1927 г. их насчитывалось 55, то в апреле 1928 г. – 187, в т.ч. из актива ЦРК и горПО – 30, аппарата городских и рабочих кооперативов – 37; сельпо – 10; потребсоюзов – 39; Сибкрайсоюза – 40; прочих (работники партийных, советских, профсоюзных, хозяйственных органов) – 31. Увеличилось и число корреспонденций (в августе 1927 г. редакция получила 44 сообщения с мест, а за 25 дней апреля 1928 г. – 125). Все это привело к изменению состава авторов журнала: в январе–марте 1928 г. работники Сибкрайсоюза стали занимать среди них лишь 22,97%, а по количеству страниц – 24,83% [4. С. 3]. В целом только в течение 1927 г. в журнале «Кооперативная Сибирь» было напечатано 188 специальных статей о деятельности городской и рабочей потребительской кооперации. Значительное место в них было отведено освещению различных кампаний: по снижению розничных цен, сокращению административно-управленческих расходов, проведению режима экономии, месячников (двухнедельников и пр.) по кооперированию населения.

В целях усиления борьбы с недостатками в потребительских обществах и их союзах в апреле 1928 г. в журнале появился новый отдел «Под контроль пайщика». Здесь помещались статьи и хроникерские заметки, разоблачавшие бюрократизм, вскрывавшие халатность, бесхозяйственность, неумение аппарата потребительских обществ работать в изменившихся условиях («сжатие кредитов» кооперации, акцент на использование внутренних резервов и т.д.).

Однако в 1929 г. после выхода первых трех номеров журнал «Кооперативная Сибирь» был закрыт, несмотря на весомые количественные и качественные показатели, наличие своего круга читателей.

Информационный бюллетень «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» содержит важные решения краевого партийного органа по регулированию торговли, кооперативному строительству и состоянию рабочего снабжения. Так, в его 5-м номере за 1928 г. было опубликовано постановление Сибкрайкома ВКП(б) «Об оздоровлении работы рабочей кооперации» от 28 февраля, которое констатировало наличие серьезных недостатков в деятельности ЦРК и горПО края и наметило основные направления их развития. Кроме того, вопросам кооперативного строительства уделялось определенное внимание в постановлениях бюро Сибкрайкома ВКП(б) о положении дел в окружных партийных организациях [5] и т.д.

Ценные сведения по истории городских и рабочих кооперативов Сибири содержатся также в журнале «Жизнь Сибири», где публиковались обзорно-аналитические статьи как о состоянии потребительской кооперации края в целом, так и деятельности ЦРК и горПО, их финансовом положении, перспективах развития [6]. К числу особенностей публикаций журнала «Профессиональное движение» – печатного органа Сибкрайсовпрофа – следует отнести отражение на его страницах сотрудничества профсоюзов и рабочих кооперативов в увеличении численности пайщиков, паевых средств, повышении удельного веса ЦРК и горПО в реализации рабочего бюджета. В журнале публиковались решения Сибкрайсовпрофа и отраслевых профсоюзных органов о торговле, кооперации и рабочем снабжении, позволяющие судить о взаимоотношениях между профсоюзами и кооперацией [7].

Всестороннее изучение городской и рабочей потребительской кооперации Сибири во второй половине 1920-х гг. невозможно без анализа местных газет, таких, как «Советская Сибирь» (Новосибирск), «Власть труда» (Иркутск), «Красное знамя» (Томск), «Красноярский рабочий», «Красный Алтай» (Барнаул), «Кузбасс» (Кемерово), «Рабочий путь» (Омск), «Ленский шахтер» (Бодайбо), «Звезда Алтая» (Бийск) и др. Они информировали о съездах, собраниях, совещаниях кооперативных организаций, а также всех тех, где рассматривались вопросы кооперативного строительства и рабочего снабжения. Газеты помещали разнообразные сведения о кооперации в специальной рубрике «Кооперативная жизнь». В 1928–1929 гг. резко возросло количество публикаций о развитии общественного питания и хлебопечения в городской и рабочей потребительской кооперации, что было связано с их быстрым ростом в связи с пере-

ходом к форсированной индустриализации, увеличением численности городского населения и вовлечением женщин в производство. Авторы и читатели газет волновал также вопрос о причинах продовольственных трудностей и острого дефицита важнейших промышленных товаров в конце 1920-х гг. В условиях кризиса снабжения печатные средства массовой информации выполняли важную социальную функцию, сообщая о введении заборных книжек, нормах и порядке отпуска продовольственных и промышленных товаров. Большое количество публикаций было посвящено раскрытию недостатков кооперативной торговли, ее неповоротливости, медлительности, отсутствию гибкости и маневренности. Не всегда справедливо вина за перебои в снабжении, длинные очереди, увеличение перечня дефицитных товаров целиком и полностью возлагалась на кооперативный аппарат. Корреспонденты региональных изданий присутствовали на судебных заседаниях и публиковали подробные отчеты о рассмотрении дел растратчиков, воров и мошенников [8].

Используя данные, содержащиеся в сибирской периодической печати второй половины 1920-х гг., можно реконструировать историю как отдельных ЦРК и горПО, так и всей системы городской и рабочей потребительской кооперации Сибири, выявить действительное отношение населения к потребительским обществам, их роль в снабжении населения товарами первой необходимости.

Примечания

1. **Н.К.** Работа Черемховского ЦРК за I квартал 1925/26 г. // Кооперативная Сибирь. 1926. № 13.
2. **Редькин Н.** Собрание уполномоченных Новониколаевского ЦРК // Кооперативная Сибирь. 1926. № 2.
3. **Кооперативная Сибирь.** 1926. № 32–41.
4. **Там же.** 1928. № 8.
5. См.: **Резолюция** бюро Сибкрайкома ВКП(б) «О положении дел в Иркутской окружной партийной организации ВКП(б)», 23 мая 1928 г. // Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1928. № 11.
6. **Васильев И.** Сибирская потребительская кооперация // Жизнь Сибири. 1927. № 11; **Москалев П.** Хозяйственная деятельность Сибирской потребительской кооперации в 1927/28 г. // Там же. 1929. № 1 и др.
7. См., например: **Постановление** президиума Сибкрайсовпрофа от 5 марта 1927 г. «О массовом контроле профсоюзов за выполнением всеми торговыми организациями директив по снижению цен» // Профессиональное движение. 1927. № 11; **Парун А.** Рабочая кооперация Сибири к 10-летию Октября // Профессиональное движение. 1927. № 40–41 и др.
8. **Красное знамя.** 1926. 4, 31 марта. В газете помещена информация о суде над заведующим магазином Томского ЦРК Татарниковым, который был приговорен к высшей мере наказания за растрату 18 495 руб., и правлением кооператива.

А.С. Шевляков

**ДОКУМЕНТЫ ЦК ВКП(б):
НОРМАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОЛИТОТДЕЛОВ МТС И СОВХОЗОВ
(1930-е гг.)**

В январе 1933 г. объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял решение о создании в машинно-тракторных станциях и совхозах страны чрезвычайных органов – политотделов. Политотделы следует рассматривать, по нашему мнению, как чрезвычайные многоцелевые партийно-государственные органы управления мобилизационного типа, соединявшие в себе политические, хозяйственные, административные, карательные и идеологические функции.

Образование в аграрном секторе народного хозяйства чрезвычайных органов, наделённых существенными полномочиями, потребовало нормативного обеспечения деятельности этих структур, их функционирования в общей партийно-государственной системе. Представляется, что наиболее важными документами нормативного характера по обеспечению деятельности политотделов были следующие:

1. Резолюция январского (1933 г.) объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов». На основании этого документа политотделы организовывались в МТС и совхозах в составе начальника, заместителя по партийно-массовой работе, заместителя по ОГПУ, помощника по комсомолу [1. С. 21–31]. Отметим, что в резолюции пленума, опубликованной в открытой печати, должность заместителя начальника политотдела по ОГПУ не упоминалась. В действительности, выполняя секретные указания высшего политического руководства, ОГПУ специальным приказом № 0017 от 25 января 1933 г. утвердило названную должность в штатах своих местных органов. Должности заместителей начальников политотделов по ОГПУ замещали кадровые чекисты, в чьи обязанности входила оперативная работа в совхозах, МТС и колхозах, обслуживавшихся машинно-тракторными станциями. Заместители начальников политотделов по ОГПУ имели равные права с начальниками районного звена этого ведомства [2].

Начальник политотдела одновременно являлся заместителем директора МТС по политработе. Он назначался и смещался ЦК ВКП(б) по представлению первого секретаря крайкома партии.

Для руководства политотделами МТС в краевых земельных управлениях образовывались политические секторы. В наркомате земледелия СССР создавалось Политуправление. Начальник Политуправления являлся одновременно заместителем наркома и подчинялся как наркому, так и ЦК ВКП(б). Назначение и снятие его находилось в компетенции Центрального комитета партии. Система политических органов в совхозах в целом повторяла организацию их в МТС. Таким образом, резолюция пленума придала созданию чрезвычайных органов характер партийной легитимности.

2. В условиях советской власти грань между партийными и государственными органами была весьма условной. Постановление третьей сессии ЦИК СССР шестого созыва в конце января 1933 г. «Об укреплении колхозов» подтвердило решение ЦК партии о создании чрезвычайных органов управления. В документе указывалось: «Одобрить целиком решение партии и правительства об организации политотделов МТС, при помощи которых МТС превратятся в центры как хозяйственно-технического, так и политико-организационного руководства и влияния на широкие массы колхозников» [3]. Центральный Исполнительный Комитет в соответствии с действовавшей тогда Конституцией СССР являлся высшим органом государственной власти в перерывах между съездами Советов. По существу, ЦИК СССР придал политотделам характер государственных учреждений.

3. Постановление ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1933 г. «О парткомах в совхозах, имеющих политотдель». Там, где были созданы политотделы, парткомы упразднились. В отделениях и на фермах организовывались уставные ячейки ВКП(б), а на производственных участках и в бригадах – партгруппы во главе с парторгом. В совхозах с количеством членов ВКП(б) не более 20 чел. при невозможности организации уставных ячеек в отделениях и на фермах совхозная парторганизация во главе с бюро сохранялась, подчиняясь полностью политотделу [4. С. 607].

4. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1933 г. «О работе политотделов МТС, о колхозной ячейке и взаимоотношениях политотделов и райкомов» [1. С. 55–58]. Речь шла о том, что в колхозах создавались ячейки ВКП(б) по производственному принципу. Политотделы должны были возглавить перестройку сельских партийных организаций и непосредственно руководить колхозными ячейками. Одновременно в штат политотдела были введены должности редактора газеты и сотрудника по работе с женщинами. Постановление ЦК ВКП(б) регулировало и отношения политотделов с сельскими райкомами партии. Для большей увязки

работы начальники политотделов МТС и наиболее крупных совхозов вводились в состав бюро райкомов и должны были информировать райкомы о своей деятельности. ЦК ВКП(б) предлагал также практиковать совместные выступления и решения секретарей райкомов и начальников политотделов. В случае разногласий между политотделом и райкомом роль арбитра отводилась крайкому ВКП(б) с участием начальника политического сектора краевого земельного управления.

5. Устав ВКП(б), принятый на XVII съезде партии в 1934 г. Отдельный (34-й) параграф Устава гласил: «В целях усиления большевистского руководства и политической работы Центральный комитет имеет право создавать политические отделы... на отстающих участках социалистического строительства... Политотделы работают на правах соответствующих партийных комитетов и руководятся непосредственно ЦК ВКП(б) через производственно-отраслевые отделы ЦК или через специально организуемые политуправления и политсекторы» [1. С. 139–140].

6. Постановления ЦК ВКП(б) «Об административных методах в работе политотдела и директора зерносовхоза «Гигант» от 20 августа 1934 г., «О политсекторе Винницкого облзу» от 9 сентября 1934 г. [5. С. 199–200] и др. ЦК ВКП(б), помимо общего руководства, принимал конкретные постановления по вопросам деятельности политотделов. Подобные решения, публиковавшиеся в партийной печати, служили и руководством к действию, и ориентиром, и предостережением для политотделов всей страны.

7. Постановление Президиума ЦК ВКП(б) от 4 июля 1933 г. «О порядке разбора дел, связанных с привлечением к партийной ответственности начальников политотделов МТС и совхозов». В документе указывалось, что районные и городские контрольные комиссии ВКП(б) поступающие к ним материалы на начальников политотделов не расследуют и не рассматривают, а направляют в вышестоящие контрольные комиссии. Областные и краевые контрольные комиссии обо всех делах, рассмотренных ими на начальников политотделов, должны были немедленно сообщать в ЦК ВКП(б), а также направлять по каждому рассмотренному делу свои постановления. Все остальные сотрудники политотделов от партийной чистки не освобождались [4. С. 862].

8. Резолюция ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК ВКП(б) «О политотделах в сельском хозяйстве». Положительно оценив деятельность политотделов МТС в 1933 – 1934 гг., Центральный комитет преобразовал политотделы в обычные партийные органы [1. С. 186–191].

9. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 марта 1940 г. «О мерах по улучшению работы совхозов Наркомсовхозов». Второй раздел постановления касался политотделов. Чрезвычайные органы в совхозах были ликвидированы [6. С. 169].

Таким образом, ЦК ВКП(б) принимал решения о создании и ликвидации чрезвычайных органов, определял структуру и штаты политотделов, подбирал и утверждал сотрудников, ведал их снятием и перемещением, ставил перед ними задачи и контролировал выполнение. Нормативные документы ЦК ВКП(б) позволяют исследователям реконструировать в основных чертах систему чрезвычайных органов в сельском хозяйстве страны в 1930-е гг.

Примечания

1. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1985. Т. 6.
2. *Кокурин А., Петров Н.* ОГПУ (1929–1934) // Свободная мысль. 1998. № 8. С. 106–107.
3. *Правда*. 1933. 31 янв.
4. *Справочник* партийного работника. М., 1934. Вып. VIII.
5. *Справочник* партийного работника. М., 1935. Вып. IX.
6. *Собрание* постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. № 6.

Ю.М. Миргородова

**ОБЛАСТНАЯ ГАЗЕТА «КУРСКАЯ ПРАВДА»
О СТАХАНОВСКОМ ДВИЖЕНИИ, ВРАГАХ НАРОДА
И ВРЕДИТЕЛЯХ В САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

Изучение темы «Сахарная промышленность Курской области в 1930-е гг.» потребовало использования широкого круга исторических источников. Значительный интерес для соотнесения известных процессов индустриализации, коллективизации и т.д. с повседневной жизнью провинции представляет анализ местных СМИ, в частности статей, в своё время опубликованных в издании Курского областного комитета ВКП(б) и Курского облисполкома газете «Курская правда».

Курская область относится к числу основных и наиболее рано сложившихся районов свеклосахарного производства в нашей стране. Накануне Октябрьской революции 1917 г. Курская губерния числилась на 4 месте по производству сахара [1. С. 17]. С 1921 по 1940 гг. Курский край среди других областей Российской Федерации занимал первое место [2. С. 112], давая свыше 13% общесоюзного производства сахара.

В 1930-е гг. сахарные заводы области занимали ведущее место в промышленном производстве. Не случайно именно в этой отрасли гораздо раньше, чем в других, уже осенью 1935 г. зародилось стахановское движение. В декабре 1935 г. на пленуме ЦК ВКП(б), посвящённом стахановскому движению, нарком пищевой промышленности А.И. Микоян отметил: «Начало движения стахановцев было положено на Калининском сахарном заводе. Это хороший, крупный завод в Курской области...» (п. Теткино, Глушковского района) [3. С. 22].

Первыми на стахановские методы работы перешли И.А. Литвиненко (сахзавод им. Калинина), К.И. Лымарь (сахзавод «Большевик»), И.Т. Верховляд (Льговский сахзавод), А.А. Следков (сахзавод им. Куйбышева). Так, И.А. Литвиненко перешёл на обслуживание 6 вакуум-аппаратов и сократил сроки варки; К.И. Лымарь стал один обслуживать дефекоцентрационную станцию (вместо прежних 3 рабочих), добился повышения производительности труда до 242 277% и увеличения технической мощности оборудования на 60%. Другие стахановцы также значительно, в 1,5–2 раза, повысили производительность труда [4. С. 42–44]. 31 августа 1936 г. ЦК профсоюза сахарников провёл свой пленум на сахзаводе им. Калинина. Инициатива курских сахарников получила всесоюзную известность. Опыт И.А. Литвиненко, награждённого орденом Ленина, ос-

вещался в периодической печати [5]. Тринадцать передовиков производства получили правительственные награды [6. С. 191].

5 апреля 1936 г. «Курская правда» сообщала, что на отраслевой конференции сахарников Курской области секретарь обкома ВКП(б) Иванов потребовал, чтобы «каждый завод стал стахановским. И максимальные показатели стахановских суток 1935 г. в 1936 г. должны стать плохим показателем» [7].

«Курская правда» уделяла внимание культурно-просветительной работе на сахарных заводах – как среди заводских рабочих, так и среди местного населения. Так, в номере от 22 января 1936 г. сообщалось: «В клубе сахарного завода «Коллективист» руководитель музыкально-вокального кружка Махлаевский поставил оперу «Русалка». Партию Мельника пел нормировщик Бокий, Наташи – картотетчица Махлаевская, Князя – директор школы Руденко, Ольги – домашняя хозяйка Сергейчикова. Оркестр состоял из двух скрипок, рояля и двух мандолин. Всего в оркестре и хоре было занято 37 кружковцев. «Русалка» прошла 5 раз с большим подъёмом на нашей сцене. Мы выезжали с этим спектаклем на Львовский сахарный завод и сахзавод им. К. Либкнехта. Всего оперу прослушало 20 000 человек, в том числе колхозники из подшефных с/х артелей. Сегодня мы работаем с кружковцами над оперой «Майская ночь» и готовим отдельные сцены из «Евгения Онегина». С учащимися старших классов репетируем оперу Римского-Корсакова «Золотой петушок». Серьёзные постановки даёт и наш драматический кружок – «Василису Мелентьеву» (Островского, реж. И.С. Волков), «Гартюф» (Мольера), комедию «Провинциалка». Для пьесы Островского была специально написана декорация терема и сделаны костюмы Ивана Грозного и царицы» [8].

Вместе с тем «Курская правда» в период всеобщей подозрительности не могла оставаться в стороне от поиска «врагов народа», в том числе и тех, кто тормозил стахановское движение. Так, 15 января 1936 г. газета сообщала, что «аппаратчик сахарного завода им. Куйбышева, комсомолец тов. Артюшков, работавший всё время на двух вакуум-аппаратах, решил повысить свою производительность – перейти на обслуживание пяти вакуум-аппаратов. Об этом он сообщил сменному цеховому мастеру Лоцману. Однако вместо помощи Лоцман начал всячески препятствовать ему, угрожать, тем самым пытался сорвать стахановское движение на заводе. А когда это не помогло, он перевел Артюшкова работать в другой цех. Тормозил переход на путь аппаратов Лоцман и аппаратчику тов. Коробову. «...Выездная сессия областного суда установила, что Лоцман – участник белых банд. Работая в советских организациях, он всячески

старался вредить мероприятиям партии и правительства. Суд приговорил Лоцмана к 6 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Решение суда рабочие встретили с большим воодушевлением» [9].

Ещё жёстче стала риторика статей в 1937 г. Так, отмечая «неудовлетворительную подготовку заводов Курского свеклосахаротреста к встрече богатого урожая сахарной свёклы», «Курская правда» 1 сентября 1937 г. объясняла положение дел тем, что «руководители свеклосахаротрестов и отдельные директора заводов проглядели вредительские действия японо-германских разведок и не развернули решительной борьбы по выкорчевыванию и разоблачению вредителей, очистке своего аппарата от классово-чуждых и враждебных элементов. «...Свеклосахаротрест не стал боевым штабом стахановского движения» [10]. А в статье «Бдительность» за 21 марта 1938 г. депутат Верховного Совета СССР, стахановка-свекловичница Н.Ф. Давыдкина описывала случай из своей практики: «Прихожу я с рассветом на свой участок. Хожу по нему вдоль и поперёк, присматриваюсь, где завял корешок, где подсадку нужно будет сделать, и случайно наткнулась на большую кучку долгоносиков (жучок-вредитель сахарной свёклы – *Ю.М.*) Враги хотели заразить плантацию, уничтожить прекрасные всходы свёклы, но просчитались. Происки врага мы своевременно обнаружили. Не приди я рано утром на плантацию, долгоносик распозлся бы по рядкам и уничтожил бы большую массу молодых, здоровых растений» [11].

19 сентября 1937 г. уже в районной газете «Беловская правда» было опубликовано обращение колхозников Ракитянского района ко всем колхозникам области. «Успех разрешения наших хозяйственных работ, – говорилось в нём, – будет зависеть главным образом от того, насколько мы сумеем разоблачать и выкорчевывать врагов народа» [12].

В этой обстановке кадры сахарной промышленности области, конечно, понесли урон. Была «раскрыта» «разветвлённая эсеровская террористическая организация», действовавшая якобы в течение ряда лет в Курском сахаросвеклотресте, советском аппарате, хозяйственных органах. По этому делу был арестован и расстрелян главный агроном Сахаросвеклотреста М.Г. Землянский [13]. «Разоблачены» были также директор завода «Коммунар» Черемисин, директор Беловского свеклосовхоза Курцев [14].

Таким образом, публикации в местных СМИ позволяют расширить наши представления о событиях предвоенного периода советской истории.

Примечания

1. *Этапы* большого пути. Курск, 1977.
2. *Народное хозяйство* РСФСР за 60 лет. Стат. сб. М., 1977.

3. Цит. по: *Панов Ф.* Стахановские сутки // Политическая агитация. 1987. № 1. С. 22–24.
4. См.: *Социалистическое строительство* Курской области. 1936. № 7. С. 42–44.
5. *Большевик*. 1936. 1 сент.; 1937. 28 янв.
6. *Очерки истории* Курской организации КПСС. Воронеж, 1980.
7. *Курская правда*. 1936. 5 апр.
8. *Там же*. 1936. 22 янв. С. 4.
9. *Там же*. 1936. 15 янв. С. 3.
10. *Областное партийное совещание* работников сахарной промышленности // Курская правда. 1937. 1 сент.
11. *Обдительности* // Курская правда. 1938. 21 марта. С. 3.
12. *Беловская правда*. 1937. 19 сент.
13. *Курская правда*. 1990. 2 авг.
14. *Беловская правда*. 1937. 15, 22 сент.

С.П. Звягин

**ЛИЧНЫЕ КАРТОЧКИ БРЭМ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В МАНЬЧЖУРИИ
(НА ПРИМЕРЕ С.А. ТАСКИНА И ЕГО СЕМЬИ)**

Одним из самых видных деятелей губернского (областного) уровня во время пребывания у власти на территории Сибири и Дальнего Востока антибольшевистских правительств был Сергей Афанасьевич Таскин (7 сентября 1876, село Пури, Маньчжурская станица, Забайкальская обл. – 1952, Китай). Выходец из забайкальских казаков, С.А. Таскин прослушал курс на естественном факультете Петербургского университета, но выпускного испытания не держал из-за участия в студенческой сходке.

Как член партии народной свободы С.А. Таскин был депутатом 2-й и 4-й Государственной Думы, членом Учредительного собрания. В 1917–1919 гг. он – комиссар Временного правительства в Забайкалье, член «Делового кабинета» генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата, Забайкальский областной комиссар, управляющий Забайкальской областью [10. С 67]. По справедливому замечанию профессора Н.В. Устрялова, С.А. Таскин был «старинным приятелем» видного деятеля периода колчаковщины В.Н. Пепеляева [8. С. 250].

После поражения белого движения С.А. Таскин выехал в Маньчжурию. Важную информацию о его жизни в эмиграции можно получить в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК), где хранится фонд № 830 «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (БРЭМ). Эта организация была создана 28 декабря 1934 г. в условиях японской оккупации Северо-Восточного Китая. Первым председателем БРЭМа стал бывший Генерального штаба генерал-лейтенант В.В. Рычков. Организация имела следующие функции: способствовать укреплению материального и правового положения российских эмигрантов, вести сношения с властями по всем вопросам, касающимся эмигрантов, оказывать содействие надлежущим органам власти по вопросам российских эмигрантов [5. С. 293].

Документы позволяют уточнить дату выезда С.А. Таскина в эмиграцию – 1926 г. Сначала он заведовал артельным заводом, в 1927 г. стал учителем [2. Л. 1]. Одновременно был товарищем председателя приходского совета. О своих способностях к иностранным языкам писал: «в слабой сте-

пени владею английским и французским». На тот момент у него не было никакого имущества. Жалованье составляло 75 гоби в месяц [2. Л. 1]

Впоследствии С.А. Таскин работал учителем и директором Якешинского двухклассного училища. В личной карточке находится запись некоего информатора от 27 июня 1935 г. В ней говорится, что по своим политическим взглядам С.А. Таскин примыкал к П.Н. Милюкову, идеи которого «исповедует» и на день записи. Сергей Афанасьевич был «близок» к американскому консулу и Христианскому союзу молодых людей (ХСМЛ). Консул и союз выдали ему крупную сумму денег. Средства он, по словам информатора, тратил «самолично». Родительского комитета в училище не было. Вместо него были угодные ему люди Ф.С. Роменский и А.И. Дмитриак. Информатор писал, что С.А. Таскин ругает и выталкивает детей, бьёт их по голове и в лоб (даже девочек), оставляет без обеда. Словом, подвел итог информатор, требуется ревизия [2. Л. 3].

Эти сведения о С.А. Таскине не совпадают с воспоминаниями о нём его учеников. И.Г. Войлошников (Иркутск, 1999 г.) назвал С.А. Таскина «незабвенным». Л.Н. Шосс (урожденная Гюстина) (Новосибирск, 1999 г.) писала, что С.А. Таскин был «мудрый и большой души человек». Он собрал в школе замечательных учителей и родительский комитет. По воскресеньям проводились чудесные утренники с докладами, чтением стихов, пением и танцами [6. С. 67].

Личные карточки БРЭМа содержат важную информацию о семье Таскина. Из записи от 16 августа 1941 г. можно узнать, что его женой была Анна Ивановна Таскина (урождённая Кузнецова) [2. Л. 4]. Она родилась 17 декабря 1883 г. на Нерчинском заводе в Забайкальской области, в 1904 г. окончила Читинскую гимназию. До 1914 г. работала учительницей высшего начального училища в Нерчинске. В объёме программы среднего учебного заведения владела, по её признанию, английским языком.

Анна Ивановна считала себя монархисткой. В Харбине была домашней хозяйкой и находилась на содержании мужа. По состоянию на 18 марта 1935 г. семья жила в харбинском районе Модягоу по адресу: Раздельная улица, дом № 8, квартира № 1 [1. Л. 3–4].

Старшим ребёнком в семье был сын – Всеволод Сергеевич (20 января 1917, село Пури Маньчжурской станицы, Забайкальская обл. – 1 июля 1995, Москва). В 1933 г. он окончил гимназию педагогического института в Харбине. По его словам, знал китайский и немного японский языки [3. Л. 1]. В личной карточке сохранилась его фотография. В 1937 г. В.С. Таскин окончил восточно-экономическое отделение Юридического факультета

в Харбине. Служил в Харбинском пошленном бюро. С 1945 г. – переводчик в торговом представительстве СССР в Харбине и Мукдене. В 1954 г. вместе с женой Наталией Аристарховной (урождённой Зуевой) (род. 1923, Харбин, Китай), с дочерью Еленой (род. 2 марта 1950, Мукден, Китай) и сыном Владимиром (род. 23 июня 1953, Харбин, Китай) выехал в СССР.

Тестем В.С. Таскина был генерал-майор Аристарх Васильевич Зуев (28 апреля 1890, станица Кундравинская, Оренбургская обл. – 2 февраля 1944, Харбин, Китай), участник Первой мировой и Гражданской войн. Последняя его должность – исполняющий обязанности командира Оренбургской казачьей бригады. В 1930 г. окончил юридический факультет в Харбине. С января 1941 г. А.В. Зуев – советник БРЭМа [11. С. 132].

Семья Таскиных сначала жила в Казахской ССР. В.С. Таскин стал известным китаеведом [4. С. 388], работал научным сотрудником Института китаеведения (1957–1961 гг.), Института востоковедения АН СССР (с 1961 г.). В 1968 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Материалы по истории сюнну» [9. Л. 49]. Он является автором около 50 научных работ и переводов с китайского [11. С. 300–301]. В 1964 г. развёлся с женой. Дети Таскина стали инженерами [6. С. 67].

В политике В.С. Таскин считал себя националистом, в детстве был скаутом. Среди своих хороших знакомых 13 августа 1934 г. он назвал Поносова Владимира Васильевича (25 апреля 1899, Уфа – 23 января 1975, Брисбен, Австралия) натуралиста, археолога и этнографа [11. С. 245], работавшего в то время в исследовательском институте «Да-лу». Были упомянуты также Николай Семёнович Осипов, служивший в Харбинском пошленном бюро и конторщик Константин Иванович Бухало [3. Л. 6 об.].

В семье Таскиных была также дочь – Таскина Ольга Сергеевна (в 1941 г. ей было 26 лет), служившая в Японской военной миссии [2. Л. 4]. Двоюродный брат Николай Иннокентьевич Таскин (в 1941 г. ему было 34 года) жил в Тямусы и работал на лесопильном заводе. В СССР в то время жили дядя детей Таскиных Таскин и двоюродная сестра Валентина Иннокентьевна Таскина. Связи с родственниками в СССР семья не имела со времени революции [2. Л. 4].

В августе 1945 г. капитулировала японская Квантунская армия. Советская контрразведка предприняла все меры, чтобы захватить архив БРЭМа. Это ей удалось. Анкеты русских эмигрантов, включавшие в себя около 100 вопросов, послужили основой для их проверки на лояльность советскому режиму. Документы исчерпывающе сообщали мельчайшие

факты биографий [12. С. 42]. К личным карточкам семьи Таскиных тоже прикоснулась рука сотрудника государственной безопасности. На последней странице анкеты А.И. Таскиной есть интригующая запись «Совершенно секретно. УАО КГБ при СМ СССР № 16/15 – Б-5607. Результат сообщён 23 февраля 1955 г.» [1. Л. 5].

Содержание личных карточек БРЭМ, которых в ГАХК насчитывается несколько десятков тысяч, существенно обогащает наше знание о российской эмиграции в Маньчжурии.

Примечания

1. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 324.
2. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 643.
3. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 24675.
4. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.
5. *Великая маньчжурская империя.* К десятилетнему юбилею. Харбин: Изд-во государственной организации Кио-Ва-Кай и Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942.
6. *Жилевич (Мирошниченко) Т.* В память об усопших в земле Маньчжурской и харбинцах. Мельбурн, 2000. 340 с.
7. *Звягин С.П.* Управляющий Забайкальской областью (1918–1920 гг.) С.А. Таскин // Проблемы истории Сибири (XVIII–XX вв.). Улан-Удэ, 2000. С. 55–67.
8. *Устрялов Н.В.* 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 194–287.
9. *Харбинцы* в Москве: биогр. очерки в двух выпусках / Ред. колл. В.И. Иванов, Г.В. Мелихов, Р.П. Селиванова. М., 1997. Вып. 2. 68 с.
10. *Харусь О.А.* Либерализм в Сибири начала XX века: Дисс. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998. 987 с.
11. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: биобиблиогр. словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 384 с.
12. *Хисамутдинов А.А.* Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) // Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. С. 38–39.

Н.В. Рогалева

**ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА
ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТОТДЕЛОВ
НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1930–1940-е гг.**

Изучение опыта советской индустриализации, а также государственного управления в условиях индустриализации всегда являлось актуальным как для отечественных, так и для зарубежных исследователей. Форсированная мобилизация и централизованное распределение ресурсов, а также широкое использование чрезвычайных методов и форм управления, принудительного труда позволили советскому правительству в кратчайшие сроки превратить СССР в мощную индустриальную державу. Постперестроечное время обусловило разнообразие взглядов на данный исторический период. Стали доступными документы, позволяющие по иному подойти к оценке событий 1930-х гг.

Западная Сибирь являлась одним из центров индустриализации СССР, так как обладала огромными природными ресурсами. Здесь планировалось строительство шахт, электростанций, заводов по переработке сырья, реконструкция старых предприятий. В течение короткого времени этот край должен был превратиться из аграрного в индустриальный. Однако нормальное функционирование развивавшейся промышленности Западной Сибири напрямую зависело от состояния местных железных дорог, ставших наиболее важным производственным звеном после угледобывающей и металлургической промышленности. Наибольший объём железнодорожных перевозок осуществляли Томская и Омская дороги. Они обслуживали созданный Урало-Кузнецкий промышленный комплекс – доминировавший индустриальный объект Западной Сибири. Существенное значение для развития перевозок имело соглашение между Омской и Томской дорогами от 21 июля 1926 г. об общем использовании станции Новосибирск, находившейся ранее в распоряжении Омской железной дороги. В конце первой пятилетки управление Томской железной дороги было переведено в Новосибирск. Общая площадь территории, относившейся только к Томской железной дороге, составляла 672,5 тыс. кв. км с населением 5 630 тыс. чел. В сферу её обслуживания была включена большая часть территории Запдносибирского края [1. С. 117].

Техническая отсталость, большой экономический ущерб в годы гражданской войны, нехватка квалифицированных кадров сделали железные

дороги узким местом в экономике западносибирского региона. Ключевыми причинами отставания однако, как отмечалось в постановлении ЦК ВКП(б) по железнодорожному транспорту 10 июля 1933 г., были всё же «разгильдяйство и расхлябанность, слабая трудовая дисциплина и перебои в работе транспорта» [2. Т. 6. С. 80]. Постановление утверждало на железнодорожном транспорте СССР чрезвычайные партийные органы управления – политотделы, призванные заниматься не только и не столько идеологизацией производства и управления, сколько хозяйственными и кадровыми вопросами. Широкие полномочия чрезвычайных органов были заложены изначально в указанном постановлении ЦК ВКП(б), где ясно прописано, что, помимо «партийно-политической работы, ... политотделы должны возглавить борьбу за четкую организацию труда, за овладение железнодорожниками новой техникой... политотделы распределяют партийные кадры на транспорте, утверждают секретарей ячеек, производят перемещение коммунистов» [2. Т. 6. С. 81].

Хронологические рамки существования политотделов в первый период создания – с 1933 г. по 1943 г. Оценка их деятельности не однозначна, но они являлись, несомненно, важным политическим звеном в системе управления железнодорожного транспорта.

В то время как исторических исследований о железнодорожном транспорте периода индустриализации достаточно много, непосредственно деятельность политотделов на железнодорожном транспорте Западной Сибири в исторической литературе практически не освещена, хотя источниковая база для этого имеется. Можно выделить следующие группы исторических источников: 1) опубликованные документы по индустриализации СССР и Западной Сибири, в частности материалы партийных съездов; постановления партийных и государственных органов; сборники документов; 2) неопубликованные документы государственных архивов Кемеровской [10], Новосибирской областей [8], Центра документации новейшей истории Томской области [9], Новокузнецкого филиала государственного архива Кемеровской области; 3) периодические издания.

Важное значение имеют документальные публикации: «Справочник партийного работника» [3], а также сборники документов, посвящённые индустриализации Советского Союза в целом и Западной Сибири в частности [4, 5]. Вопросы железнодорожного транспорта и партийных организаций с 1931 г. по 1941 г. нашли отражение в «Решениях партии и правительства по хозяйственным вопросам» [6], в многотомном издании «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» [2]. В этих сборниках содержатся следующие документы 1930–40-х гг. по те-

ме исследования: Обращение Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 15 января 1931 г. «О железнодорожном транспорте [6. Т. 2. С. 258]; Резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 15 июля 1931 г. «Железнодорожный транспорт и его очередные задачи» [6. Т. 2. С. 308]; Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 3 июля 1933 г. «О работе железнодорожного транспорта» [6. Т. 2. С. 427]; Резолюция XVIII конференции ВКП(б) от 18 февраля 1941 г. «О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта» [6. Т. 3. С. 14]; Постановление ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г. «О работе парторганизаций Кузбасса» [2. Т. 5. С. 222]; Постановление ЦК ВКП(б) от 2 сентября 1934 г. «О структуре низовых парторганизаций железнодорожного транспорта» [2. Т. 6. С. 176]; Постановление ЦК ВКП(б) от 10 июля 1933 г. «О политотделах на железнодорожном транспорте» [2. Т. 6. С. 80]; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 июня 1941 г. «Об ответственности наркомов, директоров предприятий, начальников железных дорог, начальников главков за подготовку и выполнение мобилизационного плана по боеприпасам» [2. Т. 7. С. 200]; Постановление ЦК ВКП(б) от 16 ноября 1941 г. «О работе агитпунктов» [2. Т. 7. С. 258]; Постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1942 г. «О работе политотделов железных дорог им. Куйбышева и Южно-Уральской» [2. Т. 7. С. 341]; Письмо СНК СССР и ЦК ВКП(б) секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик, председателям облисполкомов, крайисполкомов и совнаркомов республик от 20 января 1943 г. «Об оказании помощи железным дорогам» [2. Т. 7. С. 355]; Постановление ЦК ВКП(б) от 31 мая 1943 г. «О ликвидации политотделов на железнодорожном, морском и речном транспорте» [2. Т. 7. С. 415].

Большой интерес в оценке деятельности политотделов на железнодорожном транспорте представляют материалы XVII съезда ВКП(б) (1934 г.). Нарком путей сообщения СССР А.А. Андреев и начальник Политуправления НКПС В.И. Полонский подробно характеризовали деятельность политотделов, в частности, по работе с кадрами: «За последние полгода смещено шесть начальников дорог из 22 дорог, снято с работы административно-технического персонала на дорогах только за последние полгода 1 700 чел., смещено на низшие должности около 900 чел. Это, не считая всякого рода других наказаний» [7]. В материалах подробно отражены основные вопросы хозяйственного и партийного руководства железнодорожным транспортом СССР и, в том числе, проблемы железнодорожного транспорта Западной Сибири в связи с развитием Урало-Кузнецкого комплекса. На съезде партийным руководством были обозначены основные направления деятельности политотделов на железной дороге: идеологическое, кадровое, хозяйственное, контролирующее.

Состояние железных дорог Западной Сибири и деятельность их политотделов в 1930–1940-е гг. освещались на страницах журналов и газет «Железнодорожный транспорт», «Железнодорожник Кузбасса», «Рельсы Кузбасса», «Гудок», «Большевик Кузнецкстроя». Они позволяют отследить перемещение партийных и административных кадров регионального и союзного руководства железной дороги, ход и содержание репрессий 1930-х гг., основные направления идеологической работы политотделов, оценку их деятельности со стороны местной администрации железнодорожного транспорта и союзного руководства. В периодических изданиях давалась официальная оценка деятельности партийных организаций Западносибирской железной дороги в целом, а также отмечались производственные вопросы, с которыми политотделы не справлялись по различным причинам. К сожалению, не все периодические издания, особенно местные газеты, сохранились в полном объёме.

В числе доминирующих источников по изучению деятельности политотделов на железнодорожном транспорте Западной Сибири в 1930–40-е гг. – не публиковавшиеся ранее материалы государственных архивов Кемеровской и Новосибирской областей и Центра документации новейшей истории Томской области. Это протоколы заседаний партийных троек и политотделов; переписка политотделов дорог с военной прокуратурой, Политуправлением наркомата путей сообщения, руководством НКПС, органами печати; информационный материал по обмену партийных документов; отчеты о работе политотделов; докладные записки штатных и нештатных сотрудников политотделов; аналитические справки о кадровом составе политотделов Томской и Омской железных дорог; личные дела сотрудников политотделов и т.д. Архивные документы содержат огромный фактический материал по изучению реальной деятельности политотделов на железнодорожном транспорте Западной Сибири, помогают сформировать представление о роли и месте чрезвычайных партийных органов управления в системе советского управления железнодорожным транспортом в целом. Архивные материалы позволяют выделить несколько направлений деятельности политотделов на железной дороге: карательно-административное, организационно-хозяйственное, агитационно-массовое. Например, политотдел Томской железной дороги только в 1933–1934 гг. рассмотрел вопросы контроля над социалистическим соревнованием, партийной чистки, культурно-массовой работы, взаимодействия с общественными организациями, работы «троек», работы библиотек и издательств дороги. Не остались без внимания специальные образовательные учреждения железной дороги, борьба с безграмотно-

стью, деятельность «легкой кавалерии», работа с домохозяйками-общественницами, контроль над реализацией государственных займов у населения, оказание материальной помощи работникам железной дороги. Политотдел изучал работу агитаторов и внештатных пропагандистов, приём в партию и комсомол, работу местных клубов, выполнение хозяйственных заданий, работу с пионерами, состояние пионерских организаций и вожатых по школам и отделениям железной дороги, деятельность профсоюзов, проведение политинформаций. Политотдел проверял уплату партийных и комсомольских взносов, организовывал тщательное изучение материалов высших государственных и партийных органов, проводил награждения особыми значками и осуществлял контроль над подпиской на периодические издания. Подготовка к зиме, контроль над условиями труда и быта железнодорожников, рассмотрение причин самоубийств, вопросы морального облика партийных и беспартийных сотрудников, финансовый контроль и отчёт по проведенным мероприятиям также находились в центре внимания политотдела [8]. Это не полный перечень мероприятий политотдела Томской железной дороги. Примерно такие же вопросы ставил и решал политотдел Омской железной дороги.

Следует отметить, что документы не всегда систематизированы и упорядочены, некоторые оформлены с грубыми орфографическими и стилистическими ошибками. Имеют место рукописные исправления в печатных текстах, некоторые рукописные документы с плохо различимым почерком, не всегда указаны инициалы авторов, некоторые сокращения не поддаются расшифровке, в документах разных дорог по одному и тому же факту встречаются неточности или противоречия.

Тем не менее, использование взаимодополняющих друг друга источников позволяет реконструировать события, связанные с формированием и деятельностью политотделов как чрезвычайных органов управления, оценить их роль и степень участия в налаживании работы железнодорожного транспорта Западной Сибири в условиях форсированной индустриализации.

Примечания

1. *Старостенко В.И.* Вековой путь на службе Отечеству. Новосибирск, 2001.
2. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5, 6, 7.
3. *Справочник* партийного работника. М., 1934. Вып. VIII.
4. *Индустриализация СССР. 1929–1932: Документы и материалы.* М., 1970.
6. *История* индустриализации Западной Сибири (1926–1941 гг.). Новосибирск, 1967.

7. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2, 3.
8. *Стенографический отчет*, воспроизведённый с издания: «XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет». М., 1934. Режим доступа: http://17.by.ru/24_4.htm; http://17.by.ru/23_6.htm
9. *Государственный архив* Новосибирской области. Ф.П.-155. Оп. 1. Д. 2, Д. 9, Д. 10, Д. 11, Д. 17, Д. 19, Д. 22, Д. 23, Д. 97, Д. 102, Д. 107, Д. 118, Д. 121, Д. 132. Оп. 9. Д. 2, Д. 16. Оп. 10. Д. 5, Д. 19, Д. 23, Д. 24, Д. 28, Д. 29, Д. 33, Д. 36, Д. 37.
10. *Центр документации* новейшей истории Томской области. Ф.-1140. Оп. 1. Д. 11, Д. 15, Д. 19, Д. 20, Д. 25, Д. 34, Д. 37, Д. 45, Д. 76, Д. 109.
11. *Государственный архив* Кемеровской области. Ф. П.-131. Оп. 1. Д. 1, Д. 2, Д. 3, Д. 4, Д. 5, Д. 6, Д. 9, Д. 10, Д. 11, Д. 16, Д. 17, Д. 18, Д. 25, Д. 91, Д. 141.

А.Ю. Викторов

**ДОКУМЕНТЫ АРХИВОВ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ
КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА КУЗБАССА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для нашей страны. На тыловые регионы, в том числе Кузбасс, легла задача обеспечения армии и промышленности продовольствием и сельскохозяйственным сырьем. Колхозы, сдавая государству большую часть произведенной продукции и оплачивая работу государственных машинно-тракторных станций, могли распределять между своими тружениками только небольшую часть оставшихся продуктов. Материальное положение колхозников все годы войны оставалось тяжелым.

Важнейшим источником изучения материального положения крестьянства в годы войны являются архивные документы. Фонды Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Кемеровской области (ГАКО) и др. содержат различные документы, так или иначе сохранившие сведения об уровне жизни колхозников Кузбасса в это трудное время. Особое значение имеют справки, отчеты, докладные записки, информационные письма, подготовленные советскими и партийными органами (или их сотрудниками) районного и областного масштаба. Документы содержат не только обобщенную информацию, но и сведения по отдельным районам, колхозам, семьям. Анализ архивных документов позволяет сделать необходимые подсчеты и выводы.

Основу благосостояния колхозников накануне войны составляли доходы от труда в общественном хозяйстве – деньги и натуральные продукты, распределявшиеся по числу заработанных трудодней. Члены колхозов должны были получать на заработанные трудодни по Уставу сельскохозяйственной артели зерно, мясо, овощи, картофель, молоко, мёд, сено, солому, мякину.

В годы войны средний размер оплаты трудодня снизился по всем показателям. Выдача зерна сократилась с 1,59 кг в 1940 г., до 0,48 кг в 1945 г., то есть в 3,3 раза; картофеля – с 0,33 кг до 0,128 кг (в 2,6 раза). Несколько выросла выдача денег на трудодень – с 0,92 руб. в 1940 г. до 1,04 руб. в 1945 г. В реальном измерении войны это увеличение не было существенным из-за инфляции и, самое главное, дефицита товаров народного потребления. Мясо, молоко, мёд распределялись крайне редко и в незначи-

тельном количестве. Некоторые колхозы, например, в Кузнецком и Яшкинском районах, выдавали на трудодни шерсть, вообще не значившуюся среди обязательного ассортимента предметов, выдаваемых на трудодень, разумеется, в мизерных объемах. Немногом лучше была ситуация с овощами и кормами для скота. Во многих колхозах, особенно в 1944–1945 гг., выдавали только деньги и зерно [1. Л. 6, 11, 16, 21].

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением исследователя Ю.В. Арутюняна в том, что статистические данные относятся к продукции «определённой к выдаче, а не выданной фактически. В действительности колхозники Кузбасса, как и всей страны, получали на руки только 80% «определённого к выдаче» зерна, картофеля и т.д. [2. С. 340]. Некоторые колхозы региона вообще не оплачивали трудодни. Так, согласно данным Кемеровского обкома ВКП(б), в 1943–1945 гг. 6 сельхозартелей не производили никакой оплаты трудодней [3. Л. 14].

В январе 1945 г. было принято постановление СНК СССР «О дополнительной оплате труда колхозников за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота в колхозах Кемеровской области» [4. Л. 19–22]. Эта мера, понятно, должна была способствовать сохранению поголовья скота и повысить заинтересованность колхозников в обобществлённом труде. Вводилась система премирования тружеников животноводства, как правило, молодняком скота. В то же время документы РГАЭ позволяют говорить о том, что ещё в 1943 г. 728 колхозов Кузбасса уже применяли премирование лучших работников молодняком скота, 297 – молоком, 14 – мясом, 84 – мёдом, 68 – шерстью, 24 – яйцами [5. Л. 9]. Так или иначе, подобные поощрения носили лишь разовый характер и не могли существенно изменить положение.

Следствием низких доходов от общественного хозяйства стало увеличение личных подсобных хозяйств, ставших основой благосостояния тружеников деревни в годы войны. Личные подсобные хозяйства не только кормили колхозников и членов их семей, но и давали возможность, реализуя продукты на рынке, приобретать промышленные товары. Накануне войны в Кузбассе в пользовании колхозников насчитывалось 82 382 земельных участка общей площадью 32 194 га. Пика своего развития личное подсобное хозяйство достигло в 1943 г. В личном пользовании колхозников было 87 268 участков площадью 33 303 га. С 1944 г. число участков и их площадь стали сокращаться. В 1945 г. в области насчитывалось 82 517 участков площадью в 30 880 га. Это являлось следствием политики борьбы с так называемым «разбазариванием колхозной собственности» [6].

Важной составляющей личного подсобного хозяйства был скот. Документы свидетельствуют, что в личных хозяйствах колхозников число голов крупного рогатого скота первоначально сократилось с 116 583 в 1940 г. до 102 100 в 1943 г. К 1945 г. число голов крупного рогатого скота достигло довоенного уровня – 116 698. Число коз и овец снизилось с 231 580 в 1940 г. до 166 559 в 1945 г. поголовье свиней уменьшилось за годы войны с 56 421 до 36 254 [3. Л. 19, 21, 22]. Причин снижения поголовья было много, в том числе острая нехватка кормов.

Документы, хранящиеся в архивах, по-прежнему остаются важнейшим источником изучения материально-бытового положения колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны. Следует отметить, что сведения, содержащиеся в документах, нередко не совпадают, а то и противоречат друг другу. Конечно, современному исследователю нельзя не учитывать политическую ситуацию в стране, однопартийную систему, цензуру и боязнь называть вещи своими именами. Работа с документами требует особой тщательности, проверки и сопоставления информации.

Примечания

1. *Государственный архив* Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 20.
2. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970.
3. ГАКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 300.
4. *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 123. Д. 460.
5. *Российский* государственный архив экономики. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 272.
6. ГАКО. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.; Д. 67. Л. 2.; Д. 149. Л. 2.

Л.Н. Приль

ИЗ ИСТОРИИ ТОМСКОЙ МЕТРОЛОГИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из неразработанных тем остаётся история пребывания в Томске эвакуированных учреждений и предприятий, в том числе – метрологических. Накануне войны в стране была создана стройная система службы мер и весов, состоявшая из трех уровней. Руководящим органом был Комитет по делам мер и измерительных приборов при Совнаркоме СССР [1]. Научную работу вели три научных института – два государственных института по делам мер и приборов (ГИМИП) в гг. Харькове и Москве, а также ВНИИ метрологии в Ленинграде. Институты также хранили государственные эталоны, т.е. единицы длины (платино-иридиевый метр), массы (платино-иридиевый килограмм), времени (группа из четырёх астрономических часов), эталон частоты электрического тока, индуктивности, напряжённости магнитного поля и магнитного потока, светового потока, силы света и т.д. Практической работой на местах занимались региональные управления, они осуществляли поверку измерительной аппаратуры.

В условиях военного времени метрология и стандартизация приобрели особое значение, т.к. в стране необходимо было срочно поднять уровень метрологического обеспечения для нужд оборонного производства. А для этого – срочно решить несколько проблем: подготовить кадры поверителей; организовать надзор предприятий за собственным метрологическим хозяйством; проводить государственную поверку средств измерений, изымать неверные меры и приборы и приводить их в порядок; ускоренно утвердить новые и пересмотреть существующие ГОСТы для экономики стратегического сырья и уменьшения его расходов; заменить дефицитные материалы на аналогичные доступные, близкие по свойствам; найти менее продолжительные и более простые методы контроля качества продукции.

Документальных свидетельств о том, кто и каким образом в Сибири решал эти задачи, немного. Известно, что 31 августа 1944 г. был создан Новосибирский государственный институт мер и измерительных приборов (НГИМИП, ныне Сибирский НИИ метрологии). По данным сайта института, он был образован из эвакуированных сюда лабораторий московского и харьковского ГИМИПов, ленинградского ВНИИ метрологии, и его задачей являлось обеспечение единства измерений для нужд сформированного в годы войны в Сибири промышленного комплекса и, прежде

всего, оборонного [2]. А что было в промежутке между июнем 1941 г., когда появилась насущная необходимость в становлении оборонного комплекса Сибири, и августом 1944 г., когда он уже был сформирован? Где находились специалисты, кто и где хранил государственные эталоны, поверял приборы, готовил кадры, и вообще – обеспечивал решение тех задач, которые стояли перед отечественной метрологией в годы войны?

Источниками сведений о томском периоде жизни метрологов стали документы Центра документации новейшей истории Томской области и Государственного архива Томской области. Наиболее информативными являются обращения директора Томского ГИМИПа П.Н. Агалецкого в местный горком ВКП(б), протоколы заседаний бюро горкома ВКП(б), на которых рассматривались вопросы, связанные с пребыванием в городе подразделений метрологической службы СССР, приказ о реорганизации Томского ГИМИПа и перемещении оборудования и специалистов в Новосибирск.

Сотрудники Московского института измерительных мер и приборов прибыли в Томск с первой волной эвакуированных, и уже 11 августа 1941 г. горисполком выделил для его размещения бывшее помещение зооветеринарного техникума по адресу Соляная площадь, дом 11 [3]. В ноябре 1941 г. термометрическая лаборатория Московского ГИМИПа уже работала по заданию ГКО над проблемой замены остродефицитных благородных металлов, использовавшихся для изготовления термпар, на более доступные аналоги с необходимыми свойствами [4. Л. 60]. К лету 1942 г. в городе находились специалисты и оборудование всех трёх метрологических институтов, а также часть государственных эталонов, эвакуированных вместе с ленинградским ВНИИ метрологии [5. Л. 30–31]. Все прибывшие институты вместе с оборудованием были размещены в одном двухэтажном здании на площади Соляной [6. Л. 1, 2].

В июле 1942 г. Томский горком ВКП (б) дважды принимал решения, направленные на организацию практической и научной деятельности подразделений Госкомитета по делам мер и измерительных приборов. Сначала в повестке дня стояла практическая работа – организация ремонтно-юстировочной мастерской при Томском ГИМИПе, которую планировали создать к 1 сентября 1942 г. Потребность в ней остро ощущали промышленные предприятия Томска, а эвакуированные специалисты могли оказать высококвалифицированную практическую помощь в ремонте точных измерительных приборов [5. Л. 10].

Спустя несколько дней П.Н. Агалецкий докладывал горкому о том, что в Томске находятся государственные эталоны, эвакуированные из Ленинграда, Москвы, Харькова. Часть из них в тот момент ещё не была

установлена для активного хранения и применения, что создавало угрозу сохранения единства измерений. Поэтому в Томске на базе Института мер и приборов, по мнению докладчика, необходимо было организовать три лаборатории – механическую, фотометрическую и лабораторию времени. Две из них предполагалось разместить в Томском индустриальном институте, а для организации лаборатории времени ГИМИПа требовалась помощь – для звёздных наблюдений – астрономической обсерватории Томского государственного университета. В это же время П.Н. Агалецкий предпринял попытку организовать передачу сигналов точного времени из Томского ГИМИПа на радиостанцию г. Новосибирска. Горком ВКП (б) полностью поддержал предложения П.Н. Агалецкого и принял соответствующие решения [5. Л. 30–31].

В письмах в горком ВКП(б) П.Н. Агалецкий информировал о направлениях деятельности Томского ГИМИПа, количестве научных лабораторий и специалистов, практической работе и сумме заработанных денег. Известно, что метрологи вели исследования, оказывали техническую помощь в упорядочении измерительного хозяйства промышленных предприятий азиатской части СССР, открывали в промышленных центрах временные лаборатории по обслуживанию промышленных предприятий [6. Л. 2, 7; 7. Л. 222–224]. В тот момент в штате томского ГИМИПа было 40 чел., в том числе 3 профессора, доктора технических наук, 7 кандидатов наук, 14 квалифицированных научных сотрудников и инженеров. Ещё 20 государственных поверителей были в ведении института, обслуживая Управление уполномоченного комитета по делам мер и измерительных приборов при Новосибирском облисполкоме. При институте находилось десять лабораторий – электроизмерительная, теплоизмерительная, мер длины, мер массы, манометрическая, расходомерная, времени, механическая, радиотехническая, фотометрическая. Они располагали уникальным оборудованием, эвакуированным из Москвы, Харькова, Ленинграда [6. Л. 2]. Годовой план 1942 г. по поверочной работе на промышленных предприятиях азиатской части СССР был значительно перевыполнен ещё в начале ноября [6. Л. 7].

2 января 1944 г. Томский институт мер и измерительных приборов был реорганизован в Новосибирский государственный институт мер и приборов «с нахождением его в Новосибирске». Директором был назначен В.М. Аударин, его заместителем по научной работе – П.Н. Агалецкий. До окончательного перевода работников и оборудования Томского ГИМИПа в г. Новосибирск руководство работами в Томске было возложено на П.Н. Агалецкого, которому предписывалось регулярно вы-

езжать в Томск [8. Л. 1–2]. В июле 1944 г. П.Н. Агалецкий снялся с учёта томской городской парторганизации и отбыл в Новосибирск «в связи с назначением на постоянную работу» [9. Л. 165]. Вероятно, перемещение сотрудников и оборудования из Томска в Новосибирск длилось несколько месяцев, и 31 августа 1944 г. был создан Новосибирский государственный институт мер и приборов (НГИМИП) [2].

Позднее П.Н. Агалецкий трудился в НИИ физико-технических измерений (ныне – ВНИИФТРИ) и входившем в его состав Центральном научно-исследовательском бюро времени, которое продолжало работы по передаче сигналов точного времени [1; 5. Л. 31]. П.Н. Агалецкий стоял у истоков создания единой Государственной службы времени [1]. В 1948 г. участвовал в разработке группы эталонных кварцевых генераторов, входящих в систему Государственной службы времени и частоты СССР. В 1950 г. за участие в создании эталона частоты был удостоен Госпремии СССР [1].

На основании выявленных материалов можно говорить о том, что часть жизненно важных для страны единиц мер (платино-иридиевые эталоны веса и мер, эталон времени и другие) хранились во время войны в Томске, а новосибирскому этапу развития метрологии предшествовал томский этап (1941–1944 гг.). Золотой век томской метрологии пришёлся на годы войны, когда силами томских (на тот момент) метрологов на территории азиатской части СССР была налажена работа по метрологии и стандартизации в один из самых тяжелых периодов истории страны.

Примечания

1. *Режим доступа*: <http://www.vniiftri.ru/history>
2. *Режим доступа*: <http://sniim.siberia.net/history.htm>
3. *Государственный архив* Томской области (ГАТО). Ф. Р-430. Оп. 7. Д. 6. Л. 147; Ф. Р-1393. Оп. 2. Д. 2. Л. 62.
4. *Центр* документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 73.
5. *Там же*. Ф. 80. Оп. 3. Д. 93.
6. *Там же*. Ф. 80. Оп. 3. Д. 244.
7. *Там же*. Ф. 80. Оп. 3. Д. 95.
8. ГАТО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 1.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 322.

М.С. Грачёв, А.П. Ковалёв

К ВОПРОСУ О ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В последние годы стали доступными ранее малоизвестные сведения о войне, изложенные в европейской литературе (У. Ширер. Взлет и падение Третьего Рейха. Лондон, 1961; А. Кларк. «Барбаросса»: Русско-германский конфликт 1941–1945 гг. Лондон, 1965; У. Крейг. Враг у ворот. Битва за Сталинград. Нью-Йорк, 1973; Д. Орджилл. Т-34. Русские танки. Нью-Йорк, 1971 и др.).

Английский военный историк Лиддел Гарг в «Истории второй мировой войны» отмечал, что с момента захвата Гитлером власти в 1933 г. английское и французское правительства пошли ему на большие уступки, чем были готовы сделать прежним демократическим правительствам. Они с сочувствием относились к доктрине, изложенной Гитлером 5 ноября 1937 г. в выступлении перед высшим генералитетом. В основе доктрины – предпосылка о неизбежности будущей зависимости Германии от внешнего мира. Поэтому стратегической целью гитлеровской Германии становится геополитика борьбы за обеспечение и расширение жизненного пространства.

Один из авторов этой концепции К. Хаусхофер. Ключ к реализации идеи «жизненного пространства» он видел в русско-германском союзе. В то же время немецкие геополитики рассчитывали подвести Россию к добровольному соглашению о контроле Германии над Евразией. К. Хаусхофер всегда был противником военного решения этого вопроса в отличие от Г. Маккиндера, выступавшего против русско-германского союза. Вместе с тем К. Хаусхофер и два его сына стали советниками А. Гитлера и Г. Геринга. О геополитике не только упоминали официальные документы германской внешней политики, но и, как известно, геополитические учения К. Хаусхофера, Ф. Ратцеля, Р. Челена и других, которые наряду с расовыми (Гюнтер) и неомальтузианскими теориями (Гримм) были положены Гитлером в основу его книги «Mein Kampf».

Вопросы непосредственной подготовки к войне против СССР, характера и итогов военных действий рассматриваются в воспоминаниях непосредственных участников событий – высших военных чиновников гитлеровской Германии. Ещё в 1950-е гг. Лондоне вышли работы бывших командующих армиями и группами армий – «Утраченные победы» Манштейна, «Мысли о второй мировой войне» Кессельринга, «Воспоминания солдата» Гудериана, «История второй мировой войны» Типпельскирха,

в которых говорится больше о победах немцев в войне и меньше – о неудачах.

В 1956 г. в Нью-Йорке была опубликована книга «Роковые решения», написанная высшими чиновниками германского генштаба К. Цейтцлером, З. Вестфалем, В. Циммерманом, Г. Блюментритом, Ф. Байерлейном и др. В том же году в Лондоне изданы «Мемуары» руководителя внешней разведки (СД) В. Шелленберга, а в 1960-е гг. – «Военный дневник» Ф. Гальдера, начальника генштаба сухопутных войск. В этих работах речь идёт о тяжёлых поражениях Германии во Второй мировой войне.

В 1958 г. «Роковые решения» были переведены на русский язык и изданы министерством обороны СССР для специального использования в военной академии [1]. По словам автора предисловия к американскому изданию С.Л.А. Маршалла, «книга... выросла из специальных исследований, предпринятых немцами в 1946–1948 гг. по инициативе руководимого мной отдела. Мы, американцы, должны извлечь пользу из неудачного опыта других» [1. С. 26]. Поэтому в воспоминаниях есть не только правда о подготовке к войне против Советского Союза, но и о разногласиях в верховном командовании Германии на различных этапах войны.

Генерал Блюментрит в своей публикации «Московская битва» стремился к политическим и стратегическим обобщениям. Его основной вывод заключался в том, что «первые роковые решения были приняты немецким командованием в России» и что «главным... было решение напасть на эту страну» [1. С. 64–113]. Вина за это решение возлагалась только на Гитлера.

Гальдер после войны напишет «О русской авантюре Гитлера» и заявит, что командующие сухопутными войсками Германии были с самого начала против этой войны. Однако в дневнике Гальдера за 1940 г. нет подтверждающих записей, но есть запись от 22 июля 1940 г., сделанная сразу после оккупации Франции: «Русская проблема должна быть разрешена наступлением». В том же году он подчеркивал: «Начать полным ходом подготовку в соответствии с основами предложенного нами плана. Ориентировочный срок начала операции – конец мая (1941 г.)» [2. С. 153–209].

Генштаб Германии тщательно подготовился к войне, однако первые же трудности привели к новым столкновениям между верховным командованием (Гитлер, Кейтель, Йодль) и командованием сухопутных войск (Браухич, Гальдер, Цейтцлер). Блюментрит оценивал это как важнейшую причину остановки, а затем и провала немецкого наступления на Москву. Другая причина – грязь, морозы, сугробы – в основе климатической «теории» Блюментрита, объясняющей поражение под Москвой.

Английский историк Д. Орджилл объяснял популярность этой теории в европейской литературе тем, что немецкие генералы написали гораздо больше мемуаров, чем русские полководцы: воспоминания Манштейна, Гудериана, Меллентина, Зенгера, Гальдера и др. были полностью переведены на английский язык ещё в 50-е гг. У русских же только воспоминания маршалов Г. Жукова и В. Чуйкова были изданы на английском языке.

По замечанию американского историка У. Ширера, «какой бы суровой ни была русская зима..., главным фактором в том, что произошло под Москвой, была... несокрушимая воля к победе» [3. С. 34–35].

Поворотным пунктом второй мировой войны оценивают Сталинградскую битву Манштейн, Типпельскирх, Цейтцлер. В то же время явно преувеличивается значение победы английских войск в Северной Африке под Эль-Аламейном [1. С. 153–209].

Оценки 1943 г. даются историком П. Карелом (псевдоним П. Шмидта – начальника отдела печати МИД Германии) в книге «Война Гитлера против России»: «Русская победа под Курском ... привела через два года к краху Гитлера... В этом смысле она была решающим сражением войны. ...Красная Армия, пережив катастрофы 1941–1942 гг., преодолела кризис...» [4. С. 285].

В «Роковых решениях» генералы Вестфаль и Циммерман дают оценку англо-американским поставкам Советскому Союзу по ленд-лизу и открытию второго фронта: «...Без такой огромной поддержки русские войска вряд ли могли бы в состоянии перейти в наступление». Напротив, по замечанию английского историка А. Кларка, «русские могли самостоятельно... выиграть эту войну или... заставить немцев повернуть вспять. Эта помощь сказала на продолжительности, но не на исходе борьбы. Второй фронт стал фактором в войне лишь после того, как критический период схватки на Востоке уже миновал» [4. С. 755].

Л. Гарт в книге «Советская Армия» подчёркивал, что Советский Союз выстоял мужеством и стойкостью русского солдата, его способностью выносить тяготы и непрерывные бои в условиях, которые прикончили бы любую западную армию. Исход величайшей битвы, которую вело человечество, изменил соотношение сил в мире [5. С. 23].

Примечания

1. *Роковые* решения. М., 1958. 292 с.
2. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника штаба сухопутных войск. М., 1958.

3. *Ширер У.* План «Барбаросса» // От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. М., 1988.

4. *Кларк А.* Величайшая танковая битва в истории // От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. М., 1988.

5. *Гарт Л.* Важнейшие стратегические решения // От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. М., 1988.

Т.К. Козлова

ЛИЧНЫЕ ДЕЛА МУНИЦИПАЛЬНОГО АРХИВА КАК ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Деятельность муниципальных архивов традиционно связана с генеалогическими исследованиями. Для генеалогических и историко-биографических изысканий наибольший интерес представляют сведения о судьбах конкретных людей, их жизни, деятельности, родственных связях, истории поколений. Наиболее ценным источником такого рода являются личные дела рабочих и служащих.

Личные дела, как и другие источники, несут на себе отпечаток своего времени и отражают его особенности. Например, в 1940-х гг. большое внимание уделялось сведениям о происхождении: информации о родителях, их занятиях, супругах, детях, социальном происхождении, национальности и т.д. В послевоенные годы наблюдается тенденция к большей стандартизации и формализации личных дел, состав их документов более стабилен и однообразен. Вместе с тем в них стали включаться сведения об участии в Великой Отечественной войне.

Из числа документов, содержащихся в личных делах, наиболее насыщенными генеалогической информацией являются автобиографии, анкеты, личные листки по учёту кадров и др. Помимо социально-демографической информации о том или ином человеке (год рождения, социальное происхождение, национальность, образование, трудовой стаж, размер заработной платы и др.), они содержат также сведения о его родителях, детях, супругах. Такого рода сведения существенно облегчают поиск. К примеру, в муниципальный архив однажды поступил запрос от жительницы другой области, выросшей в детском доме, которая искала родственника, в 1940-х гг. жившего и работавшего учителем в Зырянском районе Томской области. И именно личное дело учителя помогло почерпнуть информацию о составе семьи, о близких родственниках, датах их рождения, о переезде на новое место жительства. По автобиографии удалось проследить весь трудовой путь учителя, узнать о смене им местожительства, об участии в общественной жизни. Другой пример: для рассмотрения заявления о реабилитации понадобились сведения о составе семьи. Обычно они предоставляются на основе похозяйственных книг. Но оказалось, что такая книга за нужный период времени была потеряна. И опять личное дело помогло в поиске и предоставлении необходимой информации.

Кроме социально-демографических сведений в личных делах содержится также информация о кадровой политике и механизме её проведения; о состоянии и развитии производства; документы, необходимые для восстановления истории тех или иных предприятий и учреждений и в целом характеризующие особенности той или иной исторической эпохи.

Всё вышесказанное позволяет говорить о том, что отбор документов по личному составу на государственное хранение должен проводиться с учётом содержания в них, пусть даже и в небольшом объёме, информации генеалогического характера. 75-летний срок хранения документов с отметкой «ЭПК» позволит сохранить интересный и информационно насыщенный комплекс документов. Изучение личных дел как многоаспектного и ценного исторического источника даёт основание для отбора основной их массы на вечное хранение.

В.Ю. Титов

**ДОКУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. – ГЛАСНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ
ДЕЛЕГИТИМНОГО ОБЛИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Делегитимность власти – закономерный процесс развития общественных отношений, состоящий в непризнании законности во внутренней политике правительства и содержащий сомнения в целесообразности нахождения во власти конкретных лиц. Наличие такого процесса является неотъемлемым фактом жизнедеятельности любого общества, при любых правовых режимах и в любых исторических периодах. Ярким проявлением фактов делегитимного отношения общества к политике своего правительства можно считать политические карикатуры, фельетоны в прессе и анекдоты в общественных настроениях; письма-прошения и жалобы, адресованные лидерам страны; материалы контрольных органов, фиксирующие отдельные несовершенства в социально-экономических аспектах. Интерес к материалам второй половины XX в. вызван тем, что в связи с интенсификацией производства процесс делегитимизации советской власти оказался переориентирован на созидательную критику несовершенств законодательной политики в СССР. Одновременно с этим унификация делопроизводства в СССР после 1945 г. сделала невозможным изучение интересующего нас вопроса на материалах какого-то одного фонда или учреждения.

Содержательными документами для изучения делегитимных настроений являются: 1) материалы проверок Министерства госконтроля и личные фонды его руководителей; 2) фонды уполномоченных и рабочих групп Комитета народного контроля и Комитета по делам религий при Совмине СССР; 3) переписка центральных органов печати с членами ЦК и Политбюро, отвечавшими за идеологию, по острейшим социальным проблемам советского общежития. Интерес представляют также личные фонды крупных государственных деятелей СССР; документы, относящиеся к контролю за деятельностью прессы; всевозможные коллекции документов о нарушении законности в СССР. Перечисленные документы отложились в целом ряде фондов центральных и местных государственных архивов.

Документы из личных фондов достаточно часто перекликаются с содержанием коллекции документов о нарушениях законности в СССР в 1930 – начале 1950-х гг. (Российский государственный архив социаль-

но-политической истории, Ф. 560). В первую очередь это связано с десакрализацией облика советского вождя в общественном мнении страны. В периоды кризиса власти в общественном мнении происходили эмоциональные всплески, заканчивавшиеся либо обожествлением того или иного вождя, либо его словесным осквернением. В любом случае в Кремль поступали письма и телеграммы, раскрывавшие особенности таких протестов, часто спровоцированных неудовлетворительной социально-экономической и бытовой ситуацией на местах.

Прежде всего, интерес представляют документы фонда Министерства государственного контроля с 1940 по 1957 гг. (Государственный архив Российской Федерации, Ф. Р-8300). Они содержат информацию первой категории – высших, центральных органов власти и управления, но в них отражена и региональная история. Это связано с особенностью психологического склада руководителей Госконтроля, прежде всего, В.М. Молотова – фигуры, оказывавшей на общественные настроения феноменальное воздействие.

С момента разоблачения «антипартийной группировки» и исключения Молотова из состава Политбюро и ЦК, а также с развитием реформ, связанных с деятельностью совнархозов и с попытками Косыгина ввести на предприятиях хозрасчет, тенденции раскрывать перед любимым руководителем свои недовольства социальной политикой исчезают. С учреждением Комитета народного контроля за его краевыми и областными штаб-квартирами закрепляется авторитет, внушавший обществу доверие. Начиная с 1960-х гг. материалы всевозможных проверок (отчеты, переписка и т.п.), которые проводили уполномоченные КНК и КПК при Совмине в краях и областях, являются основными источниками по изучению протестных настроений в регионах. Это были циркулярные проверки и проверки по отдельным заявлениям граждан, касавшиеся жалоб на нарушения правил индивидуального и кооперативного строительства, порядка распределения квартир; связанные с недовольством жилищно-коммунальными условиями и материальным уровнем жизни, плохим продуктовым снабжением, с протестами против канцелярско-бюрократических извращений. Очень часто протестные настроения, ложившиеся в основу проверок уполномоченных при КНК в регионах, были навеяны чувствами обиды и досады за поругание советской законности, синонимом которой в общественном мнении было имя Ленина.

Работа с содержательной стороной источников, отражающих протестные настроения, заставила анализировать тексты документов и выделять в них те словосочетания, на которые протестующий человек делал опору

при аргументации своих доводов. Как правило, это обращения граждан в учреждения и организации, обладавшие возможностью повлиять на желаемый результат. У таких документов всегда есть четыре особенности: 1) апелляция к авторитету власти; 2) просьба о заступничестве, поскольку все методы перепробованы и не дают положительного результата; 3) тон, которым пишутся такие документы в народе, принято называть «сиротским»; 4) часто такие обращения носили ультимативный характер.

Наибольшую сложность в выявлении источниковой базы по истории протестных мнений представляет период Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет, когда происходило восстановление разрушенного хозяйства. В годы войны действовала военная цензура, в задачи которой входило обязательное изъятие информации, где критиковались действия партии и правительства, выражались антиправительственные оценки происходящим событиям и т.п. Метод «компейджа», направленный на вычленение интересующей нас информации из послевоенных источников, оказался очень плодотворным в отношении материалов в фондах ГАРФ, хранящих информацию об органах Госконтроля, о работе профсоюзов и арбитражных судов. Два последних направления прекрасно изложены в юридической прессе 1950-х – начала 1960-х гг. Тот факт, что выбранный подход при анализе источников оказался адекватным, доказывают многочисленные ссылки на предвоенные и военные постановления правительства и ЦК ВКП(б), которыми изобилуют комментарии к разборам судебных дел в первые 15–20 послевоенных лет.

Наиболее отчетливо это просматривается в публикациях журнала «Социалистическая законность». Вычленение искомого материала из публикаций, посвященных расследованиям преступлений, связанных с незаконным распоряжением колхозным имуществом, сделками в обход закона, игнорированием профсоюзов на предприятиях, позволяет рассмотреть специфику взаимоотношений гражданина с представителями администрации и власти. Такие взаимоотношения, если дело доходило до суда, характеризовались не только конфликтностью ситуации, но еще и нравственно-этическим развитием неписаных норм социалистического общежития. Позднее, в середине 1960-х гг., такие неписаные нормы назовут «гражданским долгом». Человек, обладавший таким качеством, соблюдал сам социалистические законы, но в обязательном порядке способствовал тому, чтобы такого же поведения придерживались люди, его окружавшие. Достаточно часто для такого соблюдения «гражданского долга» людям приходилось вступать в диалог или спор с вышестоящим начальником, партийным функционером или против косности общественного мнения.

Нравственно-этическая «варка» людских мнений вокруг исполнения «гражданского долга» часто формировала региональные особенности протестных настроений, которые при неправильной позиции местных партийных руководителей могли легко превратиться в антисоветские настроения. Например, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в деревне возник негативизм к административным и партийным руководителям в связи с преследованием за посещение православных церквей. В результате неправильных действий руководителей черноземных областей церковь и религия стали завоевывать симпатию у населения, а те люди, которые ассоциировались с преследователями православия, «обрастали» негативными оценками. К середине 1950-х гг. такая ситуация вышла из-под контроля, потому что начала действовать аналогия: всё, что связывалось с противоположным общественной симпатии предметом, воспринималось как негатив.

Дополнительным источником по проблеме исследования протестных настроений является комплекс документов, характеризующий особенности внутрипартийной жизни в различные периоды истории советского государства. Например, Центр документации общественных объединений Свердловской области, является кладовой по изучению социальных протестов, оппозиционных настроений в XX в. В таких фондах, как «Коллекция дел реабилитированных лиц» (Ф. 4), «Коллекция дел диссидентов 1950–1980 гг.» (Ф. 376), «Коллекция дел, сданных в спецхран УП КГБ по Свердловской области» (Ф. 790), хранятся документы, отразившие личные переживания лиц, заподозренных в высказывании протестных настроений. Там же достаточно много примеров ругани в адрес советских руководителей, критики властей за несоблюдение законов, оппозиционных контраргументов против внутриполитического курса страны. Аналогичная информация содержится в «Коллекции дел репрессированных граждан» в Центральном государственном архиве Административных организаций Свердловской области (Ф. Р-1). Уральский регион вообще очень богат конкретными фактами антисоветских настроений, поскольку уральский социум во многом сформировался в результате массовых ссылок раскулаченных и «лишенцев» в 1930-е гг. За счет притока населения, психологически готового оспаривать инициативы властей, и слабого коммунально-бытового обслуживания, на Урале чаще, чем где-либо в Союзе, происходил всплеск негативных эмоций.

Фонды государственных архивов Новосибирской и Иркутской областей содержат документы, в которых зафиксированы факты, прямо противоположные уральским эмоциональным всплескам. В основном это пись-

ма-жалобы и стенограммы партийных и комсомольских собраний. В них нашли отражение примеры плюрализма мнений на партийных собраниях, конструктивные предложения по преодолению застойных явлений в экономике и идеологии. Подобные примеры протестных настроений сложились благодаря тому, что население сибирских городов претерпевало своеобразную переоценку ценностей: в начале 1920-х гг. в связи с окончанием гражданской войны, в 1930-х гг. – в связи с неприятием со стороны «красных партизан» политики репрессий, в 1940-х гг. – в связи с эвакуацией населения из Центральной России, в 1950-х гг. – в связи с началом индустриальных строек. Каждый из перечисленных этапов отличался спецификой социальных перемен и «приучал» сибиряков к способности отстаивать интересы перед представителями власти. В результате протестные настроения сибиряков отличались высоким процентом взвешенной критики и конструктивных предложений.

Аналогичный вывод можно сделать и на основании документов Приморского крайкома. Но, кроме трезвой критики и контрпредложений, направленных на более детальную реализацию правительственной политики, жители Дальнего Востока часто эмоционально протестовали против религиозных притеснений, очень эмоционально реагировали на отсутствие товаров первой необходимости и плохое коммунально-бытовое обслуживание.

В документах региональных партийных комитетов (протоколы и стенограммы собраний, отчетная документация, сведения по направлениям деятельности представителей ВКП(б) – КПСС), всегда находило отражение обсуждение таких вопросов как:

1) Протест против перегибов и издержек со стороны руководителей различного уровня власти (зажим принципа гласности и полярности мнений на общих собраниях трудовых коллективов, профанация деятельности советов всех уровней; несоблюдение законов представителями партийной номенклатуры).

2) Нравственный фактор, связанный с действиями партии во внутренней политике (однопартийная система; плата народной кровью за революцию, коллективизацию; издержки сталинизма; замалчивание просчетов при строительстве социализма).

3) Деликатные темы, которые всем были известны, но всегда замалчивались, комментарии по волнующим общественность вопросам (принципы оплаты труда по количеству и качеству произведенной продукции; тайное распределение материальных благ между партийными и государственными функционерами; отсутствие конкуренции в экономике страны).

Острейший обмен мнениями по этим вопросам на партийных собраниях дополнительно формировал протестные настроения против государства, партии, правительства. Невольное подозрение, накапливавшееся в среде советской общественности, недовольство переходило в состояние постоянного брюзжания против абстрактного образа власти. Этот протест-брюзжание был вызван к жизни нравственными и морально-этическими принципами социалистической системы, а протестующие выступали против стереотипов, которые связывали с косностью командно-административной системы. Если в первой половине XX в. эта подозрительность и недоверие были по отношению к членам старой большевистской партии, ко всем дореволюционным деятелям (так называемым «бывшим», «спецам»), то для второй половины XX в. – к тем категориям людей, которые имели льготы в распределении материальных благ.

М.В. Берсенева

**ИСТОРИЯ УГОЛЬНЫХ РАЗРЕЗОВ КУЗБАССА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

История угольных разрезов Кузбасса – один из важных сюжетов отечественной истории, поскольку они создавались и развивались в непростой и недостаточно еще исследованный позднесоветский период (с середины XX столетия). В развитии предприятий открытой угледобычи отразились все сложности и противоречия, равно как и успехи экономической политики Советского государства.

Поскольку угольная, металлургическая и химическая промышленность были базовыми, в огромной степени вся деятельность партийных структур была сосредоточена на решении проблем этих отраслей. В Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО) отложилось большое количество материалов, посвященных теме развития открытой угледобычи в Кузбассе. В фондах городских и областного комитета партии, где существовали специальные отделы угольной промышленности, содержатся самые разнообразные материалы, в основном директивного характера: решения бюро, постановления пленумов, на которых рассматривались важнейшие вопросы развития угольной промышленности. Отложилось значительное количество документов исполнительного характера, представляющих наибольшую ценность. Это справки отделов угольной промышленности по итогам проверок, обзоры, подготовительные материалы к решениям пленумов о добыче угля, о социальной сфере городов Кузбасса, степени обеспеченности работников продуктами питания. Изучение этих документов позволяет получить представление о внутриобластной политике партии в угольной промышленности и в частности в открытой угледобыче [1]. Особую ценность представляют отчеты о развитии угольной промышленности, направлявшиеся в ЦК КПСС, так как они обладают высокой степенью обработки, точностью излагаемых фактов. Следует понимать, что если в конце 1940-х гг. искажение фактов пресекалось, то к концу 1980-х гг. в документах партийных комитетов дает себя знать стремление к приукрашиванию действительности, умалчанию о негативных явлениях, что стало следствием нарастающего кризиса партийного руководства. Фонды городских комитетов КПСС [2] содержат материалы заседаний бюро, на которых часто рассматривались вопросы развития угледобычи открытым способом и руководства первичных партийных организаций этой отрасли. На засе-

даниях бюро горкомов рассматривались вопросы социального развития городов и рабочих поселков, жилищная проблема, рабочее снабжение. Следует отметить, что значимость карьеров как экономических субъектов была в различных городах разной, что отразилось на внимании к ним органов власти. Так, если в Белово, Междуреченске, Березовском и ряде других городов проблемам карьеров уделялось большое внимание, то в Новокузнецке, Кемерове, Ленинске-Кузнецком открытая угледобыча рассматривалась наравне с другими отраслями промышленности.

Большую ценность для данного исследования представляют фонды первичных партийных организаций разрезов [3]. В центре внимания этих организаций стояли проблемы роста угледобычи, расстановки кадров. Зачастую, как можно видеть, секретари парткомов играли подчиненную роль по отношению к хозяйственным руководителям, однако наиболее активные секретари иногда выступали на первых ролях, что сказывалось на социальной политике предприятий. Эти фонды, кроме того, содержат анкетные данные ряда работников, сведения о социальном развитии коллективов. В них также содержится закрытая статистика, которая обладает гораздо большей информативностью, чем опубликованная. Ценными документами являются воспоминания коммунистов и передовиков, работавших на предприятиях. Недостатком этих фондов можно признать малую степень сохранности документов.

Исключительно важным является изучение фондов хозяйствующих субъектов. Отчеты, справки, решения дают представление о работе отрасли и способах управления ею. Прежде всего интересны фонды комбината «Кузбасскарьеруголь» (Р-524) и разрезов [4]. Содержащиеся в них данные позволяют проследить изменение организационной структуры отрасли, получить представление о непосредственной оперативной деятельности руководства карьерами и комбинатами, материально-технической базе предприятий. Кроме того, в них содержатся личные данные работников, сведения о несчастных случаях, быте, жилищном строительстве, подготовке кадров, творческой активности трудящихся. Содержащиеся в указанных фондах данные о добыче угля на разных карьерах позволяют корректировать и перепроверять информацию официальной статистики. Сведения о заработной плате работников различной квалификации свидетельствуют об уровне жизни шахтеров. В этих фондах содержатся также личные карточки рабочих, что позволяет пролить свет на их социальное происхождение, уровень образования. Вместе с тем фрагментарность сохранности личных карточек не позволяет делать далеко идущих выводов. Поэтому можно согласиться с выводом К.А. Заболот-

ской о возможности использования этого типа документов в основном в иллюстративных целях [5. С. 25].

Фонды областного и территориальных комитетов профсоюза рабочих угольной промышленности содержат разнообразные сведения об условиях труда, травматизме, решении социальных вопросов, особенностях жилищной политики, организации социалистического соревнования [6]. Исходя из вопросов, которыми занимались эти комитеты, можно сделать вывод об их подчиненном положении по отношению к хозяйственным руководителям. Эти данные могут быть дополнены информацией, содержащейся в фондах предприятий, посвященных собраниям шахткомов. В таких делах также содержатся отчеты о подсобных хозяйствах карьеров, состоянии жилого фонда, о работе по защите окружающей среды, о социалистическом соревновании и соцобязательствах коллективов карьеров и других проблемах.

Информацию о работе угольных карьеров содержит фонд Статистического управления Кемеровской области [7]. В материалах этого фонда отражены количественные показатели работы карьеров и социального обеспечения трудящихся: объем добычи, вскрыши, наличие машин и механизмов, уровень образования трудящихся, уровень заработной платы, обеспеченность жильем и его благоустроенность. Данные собраны в таблицы, что облегчает работу с ними и анализ.

Таким образом, накопленные в ГАКО архивные ресурсы по истории угольных разрезов Кузбасса открывают перед исследователями богатые возможности.

Примечания

1. *Государственный* архив Кемеровской области (ГАКО) Ф. П-75. Оп. 10. Д. 12, 25, 166, 412, 413, 426, 458, 546, 618, 629, 631; Оп. 11. Д. 2, 76, 286, 287; Оп. 12. Д. 49, 50, 88, 138; Оп. 28. Д. 65, 66, 84, 90; Оп. 29. Д. 62, 76, 86, 100; Оп. 32. Д. 122; Оп. 35. Д. 22, 33, 41, 42, 62, 165; Оп. 38. Д. 68–69, 74, 78, 94, 99, 106, 173; Оп. 39. Д. 31, 42, 72, 113, 133, 142, 214; Оп. 42. Д. 5, 70, 110, 226.

2. ГАКО Ф. П-26. Оп. 6. Д. 143, 150. Оп. 8. Д. 100, 112, 210, 220. Оп. 11. Д. 36, 50, 119, 132. Оп. 18. Д. 3. Оп. 26. Д. 4, Оп. 36. Д. 6, 33. Ф. П-88. Оп. 10. Д. 2. Оп. 14. Д. 21. Оп. 16. Д. 4. Оп. 17. Д. 3. Оп. 18. Д. 5. Оп. 19. Д. 2. Оп. 21. Д. 3. Оп. 26. Д. 2. Ф. П-496. Оп. 1. Д. 4. Оп. 3. Д. 19. Оп. 5. Д. 30. Оп. 7. Д. 2, 8. Оп. 8. Д. 4, 18. Оп. 9. Д. 579. Оп. 11. Д. 3, 20. Оп. 14. Д. 31.

3. ГАКО Ф. П-1597; Ф. П-1598; Ф. П-1603; Ф. П-1613; Ф. П-1146; Ф. П-1678; Ф. П-1679. Ф. П-1953; Ф. П-732; Ф. П-1449; Ф. П-1450.

4. ГАКО Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 5, 11, 17, 70в, 182; Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 74,80, 93, 143, 239, 260, 363. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 3, 32, 102, 171, 497. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 28, 59, 108, 113, 186. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 1, 14, 100, 101, 208, 229, 598. Ф. Р-404. Оп. 1. Д. 17, 25, 30, 34, 35, 67, 69, 78, 81, 112, 115.

5. *Угольная* промышленность Кузбасса. 1721–1996. М., 1997.

6. ГАКО Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 7, 87, 171, 253, 255, 326, 330, 334.

7. ГАКО Ф. Р-304. Оп. 4. Д. 34, 36, 67, 89, 105, 234, 267, 290, 293, 295.

Д.М. Карачаков, Н.Д. Карачакова

**ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ
60–80-х гг. XX в. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Изучение истории капитального строительства требует привлечения и анализа различных видов источников. Одним из основных среди них являются статистические документы. Исследователю приходится работать как с опубликованными, так и с неопубликованными материалами, хранящимися в государственных и текущих архивах центральных и территориальных органов статистики.

В изданных в 1960–80-х гг. статистических сборниках ЦСУ СССР, РСФСР, наряду с данными общесоюзного и республиканского масштабов, имеются некоторые общие сведения об экономике и культуре автономных республик Сибири. К сожалению, почти нет в этих сборниках сведений о развитии капитального строительства по автономным областям [1].

Более подробные данные по истории развития капитального строительства имеются в статистических сборниках, изданных региональными органами государственной статистики. Особенно активно в 1960–80-х гг. они издавались в Туве [2], преобразованной в 1961 г. в автономную республику и соответственно повысившей свой государственно-правовой статус. Намного реже (обычно к юбилейным датам образования автономий) публиковались статистические сборники по Горно-Алтайской, Хакасской автономным областям [3]. Эти сборники дают представление о развитии экономики и культуры регионов Южной Сибири в советский период, являются доступным источником информации для исследователей, широкого круга читателей.

Серьезная база данных имеется в отмеченных выше региональных сборниках по истории капитального строительства. В них содержатся важные для развития отрасли показатели: капитальные вложения в развитие экономики регионов в сопоставимых ценах по пятилеткам в 1961–1980 гг.; ввод в действие основных фондов государственными, кооперативными предприятиями и организациями; темпы роста производительности труда на одного работающего в строительстве и т.д.

Вместе с тем имеющиеся сборники дают только незначительную часть статистической информации, необходимой для проведения исследования по истории капитального строительства в Туве, Горном Алтае и Хакасии. И это понятно. Каждая научная работа реализует конкретные исследова-

тельские задачи, и соответственно им автор формирует и блок источниковедческой базы. Основную часть цифровой информации исследователю приходится изыскивать в архивах статистических органов.

В текущем делопроизводстве местных комитетов статистики имеются данные, значительная часть которых не публикуется в адресуемых массовому читателю сборниках. Серьезный интерес представляют сведения, имеющиеся в отделах сводных работ, капитального строительства, труда. Именно по динамическим таблицам, имеющимся в этих отделах, возможно получить представление об абсолютной численности, количественном росте рабочих и служащих по наиболее крупным организациям. Здесь же имеются неопубликованные показатели, характеризующие развитие капитального строительства, распределение строительных организаций по численности промышленно-производственного персонала, по объему выполняемых работ и т.д.

Ценным источником при изучении кадрового состава строительного производства в 60–80-е гг. XX в. являются материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1989 гг. На их основе можно выявить динамику абсолютной численности занятых в строительстве, их половозрастной, национальной состав, уровень образования, распределение по отдельным профессиям и т.д. Незначительная часть материалов переписей населения издавалась в открытой печати, а большая часть хранится в государственных архивах и текущих архивах территориальных органов статистики.

Таким образом, статистические материалы являются важным источником при изучении истории капитального строительства Тувы, Горного Алтая и Хакасии. Только на их основе можно составить таблицы, характеризующие динамику и объемы капитальных вложений, ввод в действие производственных мощностей, изменения численности и состава кадров строительных организаций, темпы роста производительности труда.

Примечания

1. См.: *Народное* хозяйство СССР (1922–1972). Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972.
2. *Народное* хозяйство Тувинской АССР: Стат. сб. Кызыл, 1967.
3. *Народное* хозяйство Тувинской АССР: Стат. сб. Кызыл, 1971.
4. *Народное* хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке: Стат. сб. Кызыл, 1981.
5. *Советская* Тува в цифрах: Стат. сб. Кызыл, 1984.
6. *Хакасской* автономной области 50 лет. Юбилейный статистический сборник. Абакан, 1980.
7. *Хакасская* автономная область в цифрах. Юбилейный сборник к 70-летию Великого Октября. Абакан, 1987.
8. *Горно-Алтайской* автономной области 60 лет: Стат. сб. Горно-Алтайск, 1982.

Д.М. Карачаков

**НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ
ТУВЫ, ГОРНОГО АЛТАЯ И ХАКАСИИ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ**

Известно, что, начиная с 1990-х гг., в соответствии с изменениями экономической ситуации, в стране резко меняются содержание работы, функции органов управления и учета. Новые задачи ставятся и перед органами государственной статистики, которые стали полнее отражать результаты проводимых в стране экономических реформ. Вводятся новые разделы и показатели в публикуемых центральными и местными статистическими органами сборниках, которыми активно пользуются исследователи, изучающие переход страны на рыночные условия хозяйствования.

В этот период в статистических сборниках Тувы, Горного Алтая и Хакасии впервые появляются разделы «Изменение отношений собственности», «Рынок труда», «Рыночная инфраструктура», которых не было в предыдущих сборниках [1–3]. Характерным в этом отношении является сборник, изданный в 1996 г. в Горно-Алтайске. В разделе «Рыночная инфраструктура» здесь дается распределение предприятий и организаций республики по формам собственности с выделением их в отдельные группы государственных, частных, смешанных, иностранных. В разделе «Изменение отношений собственности» отражен сложный процесс приватизации в регионе государственной собственности. В динамике, начиная с 1992 г. по 1996 г. приводятся такие важные показатели, как: «Получено денежных средств и приватизационных чеков (млн руб., тыс. чеков) – всего; в том числе от приватизации предприятий муниципальной, федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации»; «Перечислено средств из поступившей выручки от продажи имущества приватизационных предприятий – всего, млн руб., в том числе в местные бюджеты, в федеральный бюджет» и т.д. [4].

Понятно, что приведенные выше показатели важны для выяснения не только самого хода приватизации, но и понимания в целом сущности переходного к новой системе экономических отношений периода отечественной истории. К сожалению, имеющаяся в новых статистических сборниках ценная информация пока еще медленно вводится в научный оборот. В последние годы только некоторые публикации содержат ссылки на этот важный вид исторических источников [5].

Разделы, характеризующие реформирование экономики регионов Южной Сибири на основе рыночных механизмов, серьезно расширились в статистических сборниках, изданных в начале XXI в. По сравнению с предшествующими периодами заметно увеличилось общее количество издаваемых сборников. Так, только в Республике Тыва за период с 2001 по 2008 гг. издано более десяти общих и тематических сборников, в которых находят отражение процессы становления рыночной экономики [6–11].

Наиболее ценным для историков, на наш взгляд, является юбилейный сборник, посвященный 60-летию вхождения Тувы в состав Российской Федерации. Ценность его не только в охвате продолжительного исторического периода, но и в более глубокой продуманности содержания разделов, посвященных современному социально-экономическому развитию республики. Обращает на себя внимание богатство фактического материала в разделе «Занятость населения», который характеризует очень важный процесс формирования в регионе рынка труда. Здесь в динамике в виде отдельных таблиц дается абсолютная численность трудовых ресурсов, граждан обратившихся в течение года в государственную службу занятости, распределение численности занятого в отраслях народного хозяйства населения и безработных по полу, возрасту, месту проживания и образованию и т.д. [12].

Показателем расширения источниковой базы изучения перехода к рыночной экономике стало издание сводных тематических статсборников в целом по регионам Сибирского федерального округа. Понятно, что исследователям для сравнительного анализа удобно в одной книге иметь сопоставимые данные по разным республикам, краям и областям Сибири. Первый такой сборник в 2004 г. издан в Томске и посвящен инвестиционной деятельности регионов Сибирского федерального округа [13]. Спустя три года этот сборник, дополненный новыми материалами, был переиздан [14]. В 2007 г. в Кемерово совместными усилиями всех территориальных органов Федеральной службы государственной статистики Сибири был издан новый сборник «Жилищное строительство в регионах Сибирского федерального округа» [15].

Таким образом, документальная база изучения формирования рыночной экономики в Туве, Горном Алтае и Хакасии, как и в других субъектах Российской Федерации, в последнее десятилетие серьезно расширяется. Этому способствует увеличение общего количества и содержания издаваемых в регионах статистических сборников. Важным показателем повышения качества является начавшееся издание сводных сборников, объединяющих в одной книге все регионы Сибирского федерального округа.

Примечания

1. *Социально-экономическое* развитие Республики Тыва. Кызыл, 2002. С. 20–24, 65–68.
2. *Республика* Алтай в 1996 г. (Стат. сб.). Горно-Алтайск, 1996. С. 20–25, 53–55.
3. *Республика* Хакасия в цифрах в 1965 г. (Краткий стат. сб.). Абакан, 1996. С. 13–20, 23–30.
4. *Республика* Алтай в 1996 г. (Стат. ежегодник). Горно-Алтайск, 1997. С. 19, 22–24.
5. См.: *Документ* в системе социальных коммуникаций: Сб. материалов III Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием. Томск, 2008. С. 421–425.
6. *Социально-экономическое* развитие Республики Тыва. Кызыл, 2002.
7. *Социально-экономическое* положение Республики Тыва. Кызыл, 2004.
8. *60 лет* вхождения Тывы в состав Российской Федерации. Юбилейный статистический сборник. Кызыл, 2004.
9. *Республика* Тыва в цифрах. Стат. сб. Кызыл, 2006.
10. *Демографический* ежегодник Республики Тыва. Кызыл, 2006.
11. *Женщина*, семья, дети. Стат. сб. Кызыл, 2006.
12. *60 лет* вхождения Тувы в состав Российской Федерации. Юбилейный статистический сборник. С. 27–31.
13. *Инвестиционная* деятельность регионов Сибирского федерального округа. Стат. сб. Томск, 2004.
14. *Инвестиционная* деятельность регионов Сибирского федерального округа. Стат. сб. Томск, 2007.
15. *Жилищное* строительство в регионах Сибирского федерального округа. Кемерово, 2007.

О.С. Домогашев

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ В РЕГИОНАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Важнейшим источником по истории спортивной борьбы являются региональные газеты. Роль газеты в обобщении крупных достижений отдельных спортсменов можно проиллюстрировать на примере статьи М.И. Боргоякова в хакасской областной газете «Ленин чолы» (Ленинский путь) в номере от 28 июля 1970 г., где рассказывается о молодом талантливом борце классического стиля Семёне Мамышеве [1].

С. Мамышев был первым чемпионом СССР по классической борьбе из Хакасии, пройдя нелёгкий путь к высоким результатам. В 1969 г. в семнадцатилетнем возрасте он выиграл соревнования на первенство Центрального совета добровольного спортивного общества «Урожай» в г. Прохладный (Кабардино-Балкарская АССР). Позже стал чемпионом страны среди молодёжи, а в 1970 г. в г. Гомеле (Белоруссия) – чемпионом страны в лёгком весе.

Газеты южно-сибирских регионов рассказывали не только об успехах известных спортсменов. Много внимания уделялось освещению нерешённых проблем, связанных, в частности, с отсутствием подготовленных тренеров, имеющих опыт работы с молодыми спортсменами. Так, передовая статья в газете «Тувинская правда» от 1 декабря 1978 г., озаглавленная «Не останавливаться на достигнутом», содержала анализ численности и состава тренерских кадров и отмечала, что даже в крупных сёлах республики отсутствовали специалисты по спортивной борьбе, хотя в сельской местности было много способной к этому виду спорта молодёжи.

Не обходили своим вниманием газеты Южной Сибири и проблему материально-технической базы развития спортивной борьбы в регионах. Понятно, что в 1960-х гг., когда первые тренеры-энтузиасты начинали работу с молодыми спортсменами, они постоянно обращались через газеты в вышестоящие органы с просьбами о создании необходимых условий для занятия спортом. Именно под влиянием выступлений в газетах, требований спортивной общественности партийные, хозяйственные органы в Москве и регионах вынуждены были выделять финансовые средства на строительство и ремонт спортивных залов и стадионов. В частности, на страницах областных газет Хакасии «Советская Хакасия» и «Ленин чолы» публиковались материалы о необходимости улучшения условий для

занятия спортивной борьбой. В 1969 г. борцам вольного стиля было передано здание игровых видов спорта на территории бывшего стадиона «Строитель». В результате в Абакане юные борцы впервые получили помещение, полностью приспособленное для занятия борьбой (два специализированных ковра, раздевалки, душ с горячей водой и др.). Характерной в этом отношении была статья В.Н. Фисенко в газете «Звезда Алтая» от 17 января 1968 г. под названием «Борцы требуют внимания». Журналист рассказал о плохих санитарно-бытовых условиях в спортивном зале «Спартак» г. Горно-Алтайска.

На страницах газет публиковались также интервью, очерки о спортсменах, тренерах, другие материалы, различные по жанру. Все они помогают исследователю воссоздать более-менее цельную картину развития спортивной борьбы в советский период в регионах Южной Сибири.

Е.В. Луков

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ
«СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ» КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЕЁ ИДЕЙНО-ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК
В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ (ОКТЯБРЬ 1990 – ДЕКАБРЬ 1991 г.)**

Создание Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия «Сибирское соглашение» (далее – МАСС) происходило в условиях политической и социально-экономической нестабильности, связанной с двумя глобальными последовательными и взаимосвязанными процессами в нашей стране. Во-первых, с рубежа 1989–1990 гг. начался процесс дезинтеграции единого союзного пространства, который мог закончиться не только развалом СССР, но и РСФСР. Эти процессы сопровождались борьбой за власть между союзным и российским руководством, что отчётливо проявилось в содержании выдвинутых тогда программ экономических реформ. Во-вторых, становление Российской государственности проходило в условиях начала радикальной рыночной реформы, причём в самой РСФСР далеко не все руководители поддерживали курс на достижение суверенитета и переход к рынку.

Огромную роль в политических и социально-экономических трансформациях рубежа 1980–1990-х гг. стали играть различные общественные организации, профессиональные объединения, ассоциации и т.д. Их появление было вполне закономерным, поскольку старые структуры советского унитарного государства разрушались, формировались новые отношения, основанные на договорных началах, частной инициативе и экономической выгоде. Шёл процесс институционального оформления нового общественного устройства как сверху (из федерального центра), так и снизу (в регионах).

Одной из таких новых структур стало «Сибирское соглашение», заявившее о себе в октябре 1990 г. Инициатором его создания стали руководители областных, краевых и республиканских Советов Сибири. Одним из ключевых вопросов стало определение места, роли и значения созданной ассоциации в рамках общественно-политической системы страны. Причем эта задача осложнялась неясностью государственной идеологии, поскольку начавшейся в СССР «перестройке» не предшествовал период серьёзного идейного осмысления советского прошлого и выдвижения теоретически обоснованных целей реформ.

Важнейшими источниками по реконструкции идейно-целевых установок МАСС в период её создания являются: «Сибирское соглашение», подписанное в г. Кемерово 2 октября 1990 г., первые решения Советов ассоциации и нормативные документы, принятые высшими республиканскими органами власти, регулирующие деятельность Ассоциации.

В соглашении от 2 октября МАСС выступила как своеобразный все-сибирский Совет с функциями регулирования экономических процессов в регионе, в частности, это касалось выполнения обязательств по взаимным поставкам продукции. Данное положение соответствовало указу Президента СССР М.С. Горбачёва об основных направлениях по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике.

В «Сибирском соглашении» прослеживается идея Ассоциации как структуры, объединяющей потенциал Сибири для удовлетворения нужд региона за счёт собственных ресурсов. Это объединение должно было сконцентрировать усилия, благодаря чему предполагалось стабилизировать экономику и перейти к рыночным отношениям. Учредителям «Сибирского соглашения» представлялось, что объединение региональных советов позволит развивать и находить новые, более эффективные формы сотрудничества; создавать рыночные структуры и тем самым концентрировать усилия на развитии приоритетных сфер. Данные положения перекликались с заявлениями М.С. Горбачёва о необходимости перехода республик на хозрасчёт. Проблема перехода к рынку упоминалась в соглашении, но особо не акцентировалась, основной упор делался на стабилизацию экономики. Это было связано, во-первых, с отсутствием единства в центре, где шла борьба вокруг программ Г. Явлинского и Н. Рыжкова. Во-вторых, что более важно, региональные руководители первыми столкнулись с последствиями непродуманного перехода к рынку, что проявилось в фактическом развале экономической системы.

В рамках соглашения планировалось принимать согласованные решения по отстаиванию общих интересов сибирских регионов перед республиканским центром. То есть речь шла о выстраивании федеративных отношений, которые соответствовали положениям Конституции и должны были преодолеть фактически существовавший советский унитаризм. Среди участников подписания «Сибирского соглашения» существовала мысль о том, что политика центра привела регионы на грань кризиса, и центр уже не может помочь, поэтому спасение регионов находится в их собственных руках [1]. Народный депутат РСФСР, директор Института экономики СО АН СССР А. Гранберг полагал, что «Сибирское соглашение» само способно «выработать свой вариант экономической реформы» [2].

Таким образом, «Сибирское соглашение» должно было стать своего рода межрегиональным (всесибирским) Советом, встроенным между советами регионов (краёв, областей и автономных республик) и Верховным Советом РСФСР, но при этом данный Совет наделялся лишь экономическими функциями.

Наряду с этим, создание «Сибирского соглашения» являлось попыткой выстроить новую советскую федерацию «снизу». Так, первый Совет МАСС, состоявшийся 16 ноября 1990 г., принял решение установить договорные отношения «между Республикой [РСФСР – *Е.Л.*] и соответствующими автономными республиками, краями, областями, автономными и национальными округами» [3].

«Сибирское соглашение» можно рассматривать также как стремление регионов создать некую координирующую структуру в рамках большого экономического района. Идея подобных районов активно использовалась ещё в советском экономическом планировании, но никаких местных органов управления такие районы не имели. Если функции планирования уходили теперь на второй план, то регулирование происходящих в экономике процессов, с точки зрения учредителей МАСС, было жизненно необходимо. Об этом свидетельствуют решения, направленные на поддержание дисциплины взаимных поставок продукции, на расширение производства продовольственных и непродовольственных товаров и т.д. [4].

Провозглашение «Сибирского соглашения» не могло остаться незамеченным в центре, где борьба между М.С. Горбачёвым и Б.Н. Ельциным вступала в решающую стадию. Тем более, что на своём втором Совете, состоявшемся 8 февраля 1991 г. в Новосибирске, МАСС образовала политический совет, «учитывая необходимость решения в рамках Ассоциации вопросов политического характера» [5].

Представление об Ассоциации как координирующей структуре большого экономического района нашло отражение в постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 марта 1991 г. В нём «Сибирское соглашение» утверждалось в качестве самостоятельного межрегионального экономического органа. Наряду с этим, определялся ряд задач для Ассоциации: повышение экономической самостоятельности территорий, эффективного использования производственного, научно-технического и природного потенциала Сибири, а также решение социальных проблем [6].

Первого июля 1991 г. Б.Н. Ельцин посетил г. Новосибирск, где подписал экономические условия хозяйствования ассоциации «Сибирское соглашение» на территории РСФСР. В преамбуле распоряжения указывалась ещё одна целевая установка деятельности МАСС – отработка «мо-

дели хозяйствования и принципов формирования горизонтальных экономических связей... в условиях перехода к рыночным отношениям» [7].

В Указе Президента РСФСР № 194 от 11 ноября 1991 г. к ведению ассоциаций экономического взаимодействия дополнительно относилась необходимость выработки «процедуры принятия совместных решений по вопросам развития национально-государственных, национально-территориальных и административно-территориальных образований и методам социальной защиты населения при переходе к рынку» [8].

Таким образом, «Сибирскому соглашению» со стороны российского руководства навязывалась идея стать экспериментальной площадкой по формированию новых федеративных отношений и отработке новых механизмов хозяйствования в условиях быстрого перехода к рынку. Такая идея не была близка учредителям ассоциации, поскольку они на практике видели, к чему ведёт стихийное насаждение рынка. Однако в условиях быстрого ослабления союзного центра, а также значительных уступок со стороны Б.Н. Ельцина сибирским регионам в области хозяйственной самостоятельности, «Сибирское соглашение» поддержало российских лидеров в их борьбе за власть.

Примечания

1. *Сибирская газета*. 1990. 15–23 окт. № 36.
2. *Там же*. 1990. 29 окт. – 4 нояб. № 38.
3. **Решение** Совета МАСС № 12 от 16 ноября 1990 г. О принципах экономических отношений в РСФСР на период перехода к рыночной экономике // Текущий архив МАСС.
4. **О заключении** договоров на 1991 г. Решение Совета МАСС № 9 от 16 ноября 1990 г.; О плане первоочередных совместных действий. Решение Совета МАСС № 10 от 16 ноября 1990 года // Текущий архив МАСС.
5. **О взаимодействии**. Решение Совета МАСС № 1 от 8 февраля 1991 г. // Текущий архив МАСС.
6. **Постановление** Президиума Верховного Совета РСФСР. 4 марта 1991 г. № 765-1. О межрегиональной Ассоциации краев, областей и автономных образований Сибири «Сибирское соглашение» [Копия] // Текущий архив МАСС.
7. **Распоряжение** Председателя Верховного Совета РСФСР. 1 июля 1991 г. № 1503/1-1. Вопросы деятельности межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» [Копия] // Текущий архив МАСС.
8. **Указ** Президента РСФСР № 194 от 11 ноября 1991 г. «Об обеспечении условий по повышению роли и взаимодействия республик в составе РСФСР, автономных образований, краев и областей в осуществлении радикальной экономической реформы» // Текущий архив МАСС.

П.С. Шараев

ДОКУМЕНТЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РЕГИОНА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Процесс становления новой государственности в 1990-е гг. в Западной Сибири протекал сложно и неоднозначно, как и по всей стране. В этот период были разработаны и приняты сотни новых законодательных актов и постановлений, направленных на реформирование системы управления в регионе, создание местной законодательной базы. В статье речь пойдёт о документах и нормативно-правовых актах, раскрывающих взаимодействие исполнительных и законодательных ветвей власти на региональном уровне.

Источники, касающиеся взаимодействия двух ветвей государственной власти на территории Кемеровской и Томской областей, можно разделить на несколько групп. К первой относятся официальные документы органов государственной власти региона (постановления, решения Администраций, нормативно-правовые документы, законы субъектов). Без их анализа практически невозможно определить основные приоритеты местной политики и особенности формирования новой системы управления регионом.

Вторую группу составляют неопубликованные документы, хранящиеся в областных и текущих архивах органов государственной власти, прежде всего в Государственном архиве Томской области (ГАТО) и в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО).

Третью и четвёртую группы источников составляют публикации в периодической печати и Интернет-ресурсы.

Архивные документальные материалы дают возможность проследить процесс подготовки, принятия и реализации важнейших управленческих решений, а также политические, социальные и экономические последствия их осуществления в регионе. Эти документы могут быть использованы специалистами, занимающимися вопросами исторического источниковедения, документоведения, права, а также для междисциплинарных научных исследований. Ряд документов позволяет выявить характер отношений между ветвями власти.

По новому Основному закону каждый субъект федерации получил право законоотворчества в пределах своей компетенции. Исполнительная власть реформировала власть представительную, а затем после выборов

в региональные законодательства вступила с ней в постоянное взаимодействие. Процесс становления новой системы управления регионом наглядно отражён в официальных документах, подписанных Главами администраций, и нормативных актах. Правовой механизм регуляции взаимоотношений между выше перечисленными субъектами власти задавался в Конституции РФ, федеральных нормативных документах и Уставах областей.

В сфере государственного строительства определяющим документом и ценным источником и объектом изучения являются Уставы регионов. Устав субъекта Федерации как нормативно-правовой документ выполняет важные функции, прежде всего информационную, социальную, коммуникативную и, конечно, правовую. Устав регламентирует все стороны общественной, политической и экономической деятельности субъекта. Он призван регулировать общественные отношения в соответствии с целями и задачами государства, являясь основой всей нормативной базы региона. Изучением Уставов занимаются специалисты в области государственного строительства, истории и политологии. Этому документу как объекту изучения исследователи посвящают отдельные статьи. Остановимся только на аспектах взаимодействия двух ветвей государственной власти, которые прописаны в любом Уставе субъекта Федерации.

Так, в 1-м разделе Устава Томской области говорится о государственном устройстве области, в 1-й главе Устава Кемеровской области – о статусе области. Далее следуют разделы (главы), касающиеся взаимоотношений гражданина и государства, прав и свобод человека. Затем – функции и полномочия законодательной и отдельно исполнительной ветвей власти. Раздел 6 Устава Томской области целиком посвящён взаимодействию Государственной Думы Томской области и Администрации [1. С. 29]. В ст. 9 Устава Кемеровской области также прописаны механизмы взаимодействия двух ветвей власти [2. Л. 11]. В трактовке этих вопросов есть отличия, но они не существенны.

Процесс взаимодействия ветвей власти в регионе не прекращался даже в самые сложные периоды новейшей истории. Так, в Кузбассе деятельность Законодательного Собрания первого созыва началась с подписания председателем областного парламента А.Г. Тулеевым и Главой администрации области М.Б. Кислюком договора «Согласие к действию». В качестве совместных целей в нём были обозначены борьба с преступностью и коррупцией, социально-экономическое развитие региона и, что самое важное, развитие традиций взаимного сотрудничества и повышение авторитета каждой из вет-

вей власти [3]. Причём между областным парламентом и исполнительной властью в Кемерово, в отличие от Томской области, отношения сразу складывались очень сложно и неоднозначно. Тем не менее, процесс взаимодействия не прекращался, что нашло отражение в соответствующих документах.

В интересах области Администрация и Законодательное Собрание совместными усилиями разработали и приняли отраслевые программы «Связь», «Автодороги», «Развитие жилищно-коммунального хозяйства», «О поддержке средств массовой информации», «Правопорядок» [4. С. 28]. Программа «Правопорядок», в частности, затрагивала очень актуальную для Кузбасса сферу, обстановка в которой в 1990-е гг. была тяжелейшей.

Второе направление, по которому активно шёл процесс взаимодействия, – это экономическая сфера. Законодательный орган утверждает и принимает бюджет – главный финансовый документ области. А власть исполнительная разрабатывает проект бюджета, а затем исполняет его. Слушания по проекту бюджета могут проходить неоднократно. Все прения, как правило, отражены в протоколах заседаний парламента. Проект бюджета может неоднократно согласовываться, дорабатываться и т.д. Всё это отражено в архивных документах. Так, в Томской области закон о бюджете на 1995 г. принимался только после работы согласительной комиссии, куда входили представители администрации. Областные парламентарии приняли программу реформирования и развития области, подготовленную опять же областной администрацией по проблемам стратегического развития [5. С. 24]. Аналогичные процессы проходили в Кузбассе. Там обсуждение и принятие областного бюджета становилось порой причиной жёсткого противостояния между областной администрацией и Законодательным Собранием первого созыва.

Кроме того, органы государственной власти совместно разрабатывали и принимали программы социального и экономического развития своих областей, законы, регулирующие отношения в сфере финансов.

Документы, хранящиеся в архивах, представляются наиболее ценным объектом для изучения. Однако некоторые важные нормативно-правовые акты пока ещё не поступили на архивное хранение. Например, в ГАКО отсутствуют материалы, касающиеся создания в Кузбассе контрольно-счётной палаты области и ряд других. Поэтому исследователям нужно обращаться к документам, находящим-

ся пока в текущих архивах органов законодательной и исполнительной ветвей государственной власти региона.

Таким образом, выбор в качестве объекта изучения документов исполнительных и законодательных органов государственной власти в регионе позволяет исследовать разнообразные процессы, происходящие в различных сферах жизнедеятельности.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 09-01-64104 а/Т).

Примечания

1. *Устав* (основной закон) Томской области. Томск, 1995.
2. *Устав* Кемеровской области // Государственный архив Кемеровской области (ГА-КО). Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 267.
3. *Договор* «Согласие к действию» // Заря (Кемеровский район). 1994. 27 апр.
4. *Демченко Е.Г.* Законодательная власть Кузбасса. 1994–2004 гг. Кемерово, 2004.
5. *Официальные ведомости.* Томская областная Дума. Администрация Томской области. Сборник нормативно-правовых актов. Томск, 1995. № 3.

Р.А. Быков

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПАРАНАУЧНЫХ И КВАЗИРЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В современной России за последние два десятилетия появилось огромное количество различных движений, групп, изучающих восточные оздоровительные практики, ассоциации астрологов и целителей, экстрасенсов и парапсихологов, а также множество различных организаций, которые сложно описать в терминах религии и науки. Некоторые из этих организаций занимаются изучением скрытых возможностей человека, исследуют неопознанные летающие объекты (НЛО), психические и физические феномены, которые пока не объясняет наука. В научном сообществе подобные явления и феномены относят к области паранауки и, как правило, критикуют таких исследователей за новые или ненаучные способы доказательства и объяснения. Современные отечественные социологи называют веру в подобные явления квазирелигией, но, по сути, говорят об одних и тех же вещах.

В средствах массовой информации существует большое количество программ о явлениях, которые можно без сомнений отнести к категории «паранаука». Среди научных изданий можно увидеть литературу, изобилующую содержанием подобного рода, а парапсихология признается многими психологами как самостоятельное направление в рамках традиционной науки. Чем можно объяснить такой интерес к паранаучным явлениям, которые сейчас изучаются еще и в частных организациях? Каковы причины появления и роста подобных организаций?

В настоящее время в сети Интернет можно встретить около 50 сайтов, которые в названиях имеют такие слова как «академия» или «институт» и связаны в основном с познанием скрытых возможностей человека («Академия психоэнергосуггестивных наук и нетрадиционных технологий», «Трансперсональный институт» и т.д.), а также различных центров и школ («Московская школа парапсихологии», «Центр кармопсихологии» и др.). Данные сообщества являются новыми социальными явлениями, изучение которых необходимо. Опыт исследования новых религиозных движений (НРД) показывает, что их изучение трудоёмко и не всегда имеет чёткие результаты. Необходимо большое количество интервью, как с руководителями движений, так и с их приверженцами.

Анализ официальных и неофициальных сайтов данных организаций позволяет делать выводы, имея представление о ситуации в разных горо-

дах и регионах, следить за их работой и прогнозировать дальнейшее развитие. Несмотря на то, что информация, представленная на Интернет-сайтах, имеет презентативный характер, содержит цель заинтересовать и привлечь читающих, сайты наполнены также информацией о программах, участниках и основных направлениях изучения, статьях по смежным вопросам, регалиях лидеров, совместных проектах. На сайтах содержатся чаты, где идёт обсуждение событий и обмен опытом. По сравнению с социологическим методом контент-анализа, который используется при изучении СМИ и является по своей сути количественным, качественный дискурсивный анализ представляется более подходящим для изучения сайтов. Цель его, по мнению ряда исследователей, заключается в том, чтобы понять смысл послания, содержащегося в документе, выяснить, кто говорит и с какой целью. По ходу анализа определяются сопутствующие элементы, которые создаются авторами при изложении материала; речевые приёмы, используемые для усиления идеи; представленные фотографии; использование цитат известных академиков и других представителей научного общества. Важна социальная организация, построение текста.

Такой анализ позволяет понять, насколько данные организации тяготеют к научному статусу, содержат в себе эзотерические элементы, к чему стремятся и какие социальные последствия они несут для общества. Приведем для иллюстрации исследование такого рода документов.

В небольшом разведывательном исследовании, посвященном данной тематике, с помощью дискурсивного анализа было проанализировано 25 Интернет-источников – сайтов организаций, которые, претендуя на статус научности, латентно или явно содержали в себе элементы восточных оздоровительных и духовных практик. Это организации преимущественно Москвы и российских городов – Новгорода, Ярославля, Новосибирска, Омска, Челябинска и др. Критерием отбора было содержание в названии таких слов как «институт», «академия», «школа», т.е. всех тех, которыми обычно обозначают научные институты, объединения.

Основными категориями анализа являются: цель организации, история возникновения, структура (элементы функции), нормы (правила, запреты), принципы познания (научные, «новые»), тематика изучения, тип организации.

В ходе анализа было выявлено, что данные организации занимаются изучением следующих направлений: нетрадиционная медицина, использующая медитативные и дыхательные практики (18 организаций); психическое программирование на выздоровление, на успешную деятельность (8); «работа

с энергетикой», направления по развитию экстрасенсорных способностей человека, «раскрытие внутреннего потенциала человека» (об этом говорится в программах обучения практически всех организаций) (23); сочетание традиционных и новых методов (системы, разработанные каким-либо специалистом, «авторские технологии») (15); диагностика по разным частям тела (4); направления астрологии (11 организаций) [1–3].

Возникновение большинства из них приходится на последние годы XX в. и первые годы нового века. Таким образом, средний возраст их существования около 9 лет. Из рассмотренных в исследовании организаций есть те, которым не более 3 лет.

Важно отметить, что в абсолютном большинстве проанализированных организаций есть ссылки на различных представителей научных академий, институтов, которые обычно имеют ученую степень. Они, как правило, дают свою экспертную оценку по поводу методов и результатов исследований данных организаций. Большинство лидеров или членов организации обладают учеными степенями (19 из 25 организаций). На сайтах представлен список тех, кто входит в состав организации (люди, центры других городов, стран).

Можно выделить несколько типов позиционирования организации по степени причисления (отнесения) себя к науке:

- «мы наука – это не требует доказательств» (4 организации);
- «мы – новое знание» (направление) в науке, «когда-нибудь это будет доказано или это уже доказано» (6 организаций);
- «мы – новое направление» (опора на научные методы, научные работы, без претензий на статус научности) (10 организаций);
- «мы – новое направление» (без ссылок на научную сферу, вопрос о научном статусе не интересует) (5 организаций).

Основные цели и задачи, которые в большинстве сайтов прописаны достаточно четко и, как правило, на главной странице: поддержка научных исследований и исследователей в данной области, продвижение нового знания, обеспечение возможности делиться опытом, распространение здорового образа жизни, расширение сознания и понимания тонких (духовных) вещей, раскрытие возможностей человека, распространение нового (полезного) знания в обществе.

Структура организации описана не на всех сайтах, возможно это связано с тем, что какие-то из них имеют простую структуру (директор и его помощники) или малочисленны. 11 организаций имеет четкую структуру, элементы и их функции представлены конкретно. Например, Ассоциация телесно-ориентированных психотерапевтов (АТОП), во главе которой

стоит президент, есть координационный совет АТОП, экспертный совет АТОП, комитет по этике, комитет по членству в европейской АТОП [4]. В некоторых организациях указан только лидер и преподавательский состав, иногда почётные члены организации, филиалы в других городах.

Количество постоянных членов в организациях варьируется от 10 до 100, при условии, что не берутся постоянные участники форумов, прошедшие обучение и получившие диплом, а также представители филиалов других городов.

Что касается принципов познания данных организаций, половина из них (сайтов организаций) освещает вопрос о том, что такое наука, какими правилами изучения они пользуются при рассмотрении новых феноменов. Но также есть организации, которые занимаются только обучением, не придающие значения данному вопросу. Часто на сайтах можно встретить такое объяснение методологии познания (5 организаций): «необходимо объединить все методы и все области знания – науку, тантру, астрологию» [5].

Большинство рассмотренных организаций является частными (19), шесть организаций работают в рамках вуза или связаны с вузом (например, Ярославский государственный университет). Некоторые представители являются вузовскими преподавателями и проводят семинары и курсы повышения квалификации по новым нетрадиционным методикам.

Большинство организаций (18) по окончании образования предоставляют диплом или лицензию, которые дают право работы в данной области. Минимальное обучение в некоторых организациях длится от разовых индивидуальных, двухдневных семинарских занятий до 6 семестров очного образования, например, Институт тибетской медицины.

Если взять за основу типологию организаций, предложенную известным социологом А.И. Пригожиным, то можно говорить о том, что паранаучные организации бывают двух типов: союзные и ассоциативные [6. С. 81].

Таким образом, тематика изучения данных организаций очень разнообразна, на многих сайтах идет сравнение с научной перспективой, рассматриваются научные достижения, новые направления, представлены статьи ученых, преподавателей. Несмотря на то, что абсолютное большинство рассмотренных сообществ (20 из 25) позиционирует себя как научные или ведут обсуждение научных вопросов и направлений, выдают дипломы с правом работы, их нельзя считать научными.

Во-первых, это связано с совершенно нетрадиционными для науки вопросами, рассматриваемыми в данных организациях, которые скорее ближе к религиям и духовным практикам Востока. Не исключено, что

когда-нибудь такие вопросы будет рассматривать наука, проводить соответствующие исследования, но пока эти направления на широкое рассмотрение российского академического сообщества вынесены быть не могут. Данные организации также совмещают восточные практики с современной психологией, не разграничивая традиционную область с иными направлениями. К чему приведет подобный синтез, пока не ясно, но можно предположить, что такие направления будут находить сторонников, так как привлекательны своей универсальностью и всеохватностью.

Во-вторых, немногие паранаучные организации имеют чёткую формальную структуру. Из 25 представленных организаций только в 9 есть координационный совет, президент и т.д. Все остальные (16) возникают вокруг какого-либо лидера, степень формализации в них незначительна, нормы, правила поведения и цели не прописаны.

В-третьих, не все организации в своих исследованиях придерживаются критериев научного познания. Обычно это объясняется тем, что повторное наблюдение не всегда возможно или для изучения данного направления пока нет приборов, фиксирующих «тонкие вещи». Чаще всего нарушается принцип открытости – свободного обмена информацией. Так как паранаучные организации занимаются преподаванием, они претендуют на исключительность и универсальность их системы образования, поэтому их паранаучные достижения не находятся в открытом доступе.

В конечном счёте анализ Интернет-источников даёт необходимую информацию о явлениях такого рода, исследовать которые другими методами достаточно сложно. В современном обществе «мировая сеть» будет играть огромную роль, поэтому необходимо её изучение и разработка методов анализа содержащихся в ней документов.

Примечания

1. **Бронников В.М.** Информационное развитие человека // Школа Бронникова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.galactic.org.ua/W-Bronnicov/Bm-1.htm>
2. **Учебная** программа по тибетской медицине // Институт тибетской медицины и астрологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tibetastromed.ru/2005/07/02/>
3. **Мюнхенский** институт парапсихологии и пограничных наук // Парапсихология. Трансформация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iprn.narod.ru/Munhen.htm>
4. **Микулин А.Л.** Парапсихология становится доступнее // Институт Парапсихологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prapsi-institute.narod.ru/>
5. **Киселева Л.** Телесно-ориентированная психотерапия: история, теория и практика // Ассоциация телесно-ориентированных психотерапевтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rabop.ru/content/view/64/131/>
6. **Пригожин А.И.** Современная социология организаций: Учебник. М., 1995. 296 с.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

О.А. Жеравина

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ УСТАВЫ САЛАМАНКИ XVI в. КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ИСПАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

На протяжении XVI в. Саламанкский университет в Испании претерпел несколько реформ, наиболее важные из которых – 1561 и 1594 гг. получили свое отражение в университетском уставе. Устав университета, наряду с королевскими указами и папскими буллами, принадлежит к категории документов первостепенного значения для определения системы функционирования, обеспечения жизнедеятельности, развития и самого существования университета как средневекового института. В силу этого университетский устав, как документ определенной эпохи, представляет собой ценный источник, изучение которого позволяет осветить ряд вопросов, связанных не только с жизнью самого института, но и общества в целом.

В плане изучения университета и университетского образования в Испании XVI в. обращение к анализу устава ведущего испанского университета представляет несомненный интерес. Сам факт неоднократного реформирования позволяет проследить развитие этого учреждения в эпоху, которую можно характеризовать как период наивысшего расцвета Саламанки.

Основанный в 1218 г. королем Леона Альфонсом IX, получивший существенную королевскую поддержку Альфонса X, Саламанкский университет свой первый известный устав в начале XIV в. обретает усилиями папы Бенедикта XIII. В основу устава была положена модель устройства Болонского университета, что во многом определило и отразило особенности становления и развития Саламанки как университета с большим, в отличие от модели, представленной Сорбонной, развитием студенческого начала [1. С. 26].

Определяющее значение на многие десятилетия вперед сыграл устав папы Мартина V 1422 г. С конца XV в. и, особенно, в XVI в. в универси-

тетской жизни Испании ослабевает влияние папской власти. Одновременно с этим со времени правления католических королей происходит заметное усиление королевского влияния на развитие испанских университетов, и, в первую очередь, Саламанкского. Королевская власть осуществляет политику своего возрастающего вмешательства в дела университетской корпорации посредством рассмотрения ряда ее проблем в рамках Королевского совета.

Важным фактором этой политики становится также деятельность инспекторов, регулярно направляемых королевской властью в университеты. Первым в череде проверяющих стал посланный в 1480 г. в Саламанку от имени Изабеллы и Фердинанда Тельо де Буэндиа. В 1512 г. с инспекцией направляется Диего Рамирес Вильяэкуса. Карл I проявляет большую настойчивость в этом процессе. Посылаемые им инспекторы представляют материалы для реформирования университета. По большей части эти материалы суждено было учесть в своей работе инспекторам уже другого времени и другого короля.

Именно в эпоху Филиппа II влияние королевской власти на реформирование университета становится наиболее ощутимым и непреодолимым для университетского сообщества. Если в эпоху католических королей и последующие за ней десятилетия королевских проверяющих встречали в Саламанке холодно и даже с враждебностью, то в правление Филиппа II картина существенно меняется. В начале XVI в. в Саламанке могли ставить и рассматривать на университетском совете вопрос о том, должны ли вообще в университете принимать королевских инспекторов, во второй же половине столетия королевские посланники трудились над выработкой новых уставов уже совместно с представителями университета. Заметим, что не всякая инспекция, посылаемая преемником Карла I, имела цели реформаторского или близкого к нему масштаба. Нередко проверки устраивались с целью лишний раз дать почувствовать университетскому сообществу значимость и силу королевской власти.

Наиболее значимыми для развития Саламанкского университета в XVI в. стали проведенные Диего де Коваррубиасом и Хуаном де Суньегой инспекции, результаты которых нашли свое отражение в реформированных уставах 1561 и 1594 гг. соответственно. Обе реформы коснулись всех сторон функционирования университета – от его административного устройства до учебных программ. Ряд положений закреплял правила, восходящие к уставу Мартина V, сохраняя преемственность университетских традиций и утверждая твердое намерение вдохновителя реформ содействовать порядку и достойной организации университетской жизни.

Изначально главой университета в Саламанке являлся ректор, избираемый из студентов сроком на один год. Деятельность ректора строилась на демократических началах, с непременным условием сотрудничества с такими совещательными органами как ученый совет университета, обладавший высшей юридической властью в вопросах реформирования уставов; собрание советников, решавшее главным образом вопросы обучения и замещения кафедр; и совет депутатов, рассматривавший экономические вопросы.

В уставе Коваррубиаса указано, кто не имел право занимать должность ректора, а именно: представители монастырей, каноники, капелланы, профессора кафедр. Во избежание коррупции ректор не мог быть также представителем ни одной из университетских коллегий. Суньига подтвердил существовавшее со времен Мартина V правило, согласно которому ректора следовало выбирать поочередно из Кастилии и Леона, категоричным утверждением о том, что ректорами могут быть только представители этих королевств. Для претендента на должность ректора уставом 1594 г. впервые в качестве обязательного ставилось условие чтения положений самого устава и постановлений, касающихся главного университетского документа [2. С. 109].

Оба устава детально прописывают должностные обязанности и порядок выборов или назначения всех представителей университетской администрации, преподавателей, работников таких подразделений как церковь, госпиталь, библиотека и пансионы. Отдельные положения уставов рассматривают университетское имущество и финансы, а также жалование преподавателей.

Большое внимание в уставах Саламанки уделялось студентам. Строго оговаривались не только условия их учебы в университете, но и особенности повседневной жизни, быта, правила поведения. По убеждению Суньига, неверным было бы считать, что студенты университета постигают лишь науки. Им надлежит также научиться понимать, что есть достоинство, честь и хорошие манеры.

Особое внимание еще со времени устава Мартина V уделялось достойному внешнему виду как отражению внутренних достоинств учеников Саламанки. Устав Коваррубиаса предписывал всем студентам носить мантию и четырехугольную шапочку. Не допускалась роскошь: в гардеробе студента запретными были вещи, сшитые из шелка, бархата. В уставе Суньига использование шелкового постельного белья, камзолов и прочих одежд, расшитых золотом и серебром каралось не только изъятием

подобных вещей, но и исключением их владельцев из университета без права восстановления.

Любопытно, что по уставу 1594 г. дабы пресечь саму возможность предоставления студентам шелковых или богато украшенных нарядов взимался штраф в размере 6 тыс. мараведи с портного, посмевшего сшить студенту подобное одеяние. (Заметим, бакалавры в ряде случаев получали жалованье в 15 тыс. мараведи в год) [2. С. 176].

Студентам запрещалось иметь и носить оружие, сопровождать альгвашилов при ночных обходах, участвовать в представлении комедий в учебное время, играть в мяч на улицах города, выступать в роли крестного на свадьбах или при крещении, просить милостыню, совершать покупки в кредит... Наказанием служило заточение в университетскую тюрьму на соответствующее проступку число дней.

Ужесточение требований и регламентации студенческой жизни, очевидное как тенденция при сопоставлении уставов 1561 и 1594 гг., просматривается и в вопросе об условиях проживания студентов в Саламанке. Эта тема в уставе Суньиги представлена с заботой, которую отеческой не позволяет назвать лишь необходимость учитывать тот факт, что университет изымал своих воспитанников из поля чрезмерной заботы и опеки со стороны родителей и близких родственников, что было закреплено в Саламанкском университетском уставе в виде запрещения принимать на учебу жителей Саламанки. Отсюда столь актуальный вопрос размещения и устройства быта студентов, все из которых были приезжими. Суньига устанавливает положение, согласно которому процедура установления платы за снимаемое студентами жилье в городе поручается компетенции лиц священнического сана в силу моральной устойчивости этих лиц, отсутствия корысти по причине не Владения недвижимостью и несвязанностью своим происхождением с Саламанкой. Устав требует честности и умеренности в установлении платы за жилье в противовес злоупотреблениям, нередко чинившимся со стороны собственников жилых домов.

Суровость ограничений, предписываемых университетским уставом, была обусловлена в первую очередь теми целями, ради которых, собственно, и создавался университет – воспитания образованной элиты, подвижников науки и истины, чей труд и поиск требует чрезвычайного упорства и концентрации. Испанская монархия XVI в. в дополнение к этому превращала университет в кузницу первоклассных юристов, медиков, церковников – высокопоставленных слуг империи, трудившихся в пределах ее обширных территорий Старого и Нового света.

Примечания

1. *Historia* de la Universidad de Salamanca. Vol. 1: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas / Luis E. Rodríguez-San Pedro Bezares. Salamanca: Ediciones Univ. de Salamanca, 2002.
2. *La reforma* de la Universidad de Salamanca a finales del siglo XVI: los estatutos de 1594. Salamanca: Ediciones Univ. de Salamanca, 1990.

И.В. Черказьянова

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ НАУКИ

Автореферат диссертации является одной из важных частей в подготовке и представлении диссертации к защите и одновременно источником при изучении вопроса о формировании научных школ. Автореферат – это один из видов документа, в котором излагаются основные научные результаты соискателя ученой степени.

Современные требования к оформлению автореферата предполагают, что в нем указаны: место подготовки диссертации, научный руководитель (консультант), официальные оппоненты, ведущая по данной теме организация, место и время защиты, а также место хранения диссертации (название библиотеки и учреждения). При обработке значительного корпуса авторефератов по конкретной теме выявленная совокупность данных позволяет определить ведущие научные центры (вузы, академические учреждения), занимающиеся разработкой того или иного научного направления, или имеющие в своем составе специалистов необходимого профиля, а также крупнейших ученых в этой области (руководители, оппоненты).

Требования о предоставлении автореферата, как необходимого документа при подготовке пакета документов по диссертации, стали предъявляться с 1957 г. До этого его заменяли тезисы диссертации и аннотация диссертации. Появление предшественника современного автореферата было вызвано системой подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней, которая стала формироваться в стране лишь в 1930-е гг.

Дореволюционная система научной и педагогической аттестации была отменена декретом Совнаркома от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики». Однако острая необходимость в кадрах высокой квалификации, вызванная растущими потребностями развития экономики страны, заставила советское правительство вернуться к системе научной гратификации. В 1925 г. появился институт научных практикантов (позже аспирантура). С 1929 г. была восстановлена публичная защита результатов научных работ. В 1932 г. был учрежден ВАК. Постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» вновь устанавливались степени доктора и кандидата наук и звания профессора и доцента. Документ имел существенный недостаток – он позволял занимать должности профессора, доцента и заведу-

ющего кафедрой без получения ученой степени и даже наличия высшего образования. Это недоразумение было устранено лишь в 1937 г. с принятием 20 марта нового постановления СНК СССР «Об ученых степенях и званиях».

Расплывчатые требования, предъявляемые к соискателям степеней, отсутствие четкой структуры аспирантуры (имелась кандидатская и докторская аспирантура), а также возможность продвигаться по служебной лестнице без защиты диссертации – все это отразилось и на характере документации. Появились «тезисы диссертации» – небольшого объема (5-8 страниц) брошюрка с изложением основных положений исследования. Документ не давал представления ни о месте подготовки и защиты, ни о руководителе. Так, например, тезисы диссертации А.И. Клибанова «Меннонитская колонизация на юге России в XVIII–XIX вв.», если судить по экземпляру, хранящемуся в Российской национальной библиотеке, обложки не имеют, сообщают лишь имя и название работы, ее изложение, а также название типографии (Академическая типография в Ленинграде). Остальные данные необходимо реконструировать по косвенным источникам. А.И. Клибанов защищался в 1935 г., незадолго до того, как его руководитель этнограф, профессор Н.М. Маторин (1898–1936) был расстрелян. Отсутствие данных о руководителе оставляло неясным вопрос о причинах репрессий, обрушившихся на самого диссертанта.

Авторефераты конца 1950-х – 1960-х гг. также не дают полной картины. Обложка мало отличалась от современной, на ней стоит имя автора (иногда без расшифровки инициалов), название работы, имя руководителя, указание на искомую степень. В надзаглавии указано учреждение, где проходила защита диссертации. А вот другие сведения приведены частично: в авторефератах того периода оппоненты указаны далеко не всегда. Время защиты ограничивается годом, в лучшем случае месяцем, без указания на конкретную дату. Время защиты можно примерно определить по дате подписания автореферата в печать. Как правило, это должно было происходить в течение ближайшего месяца, вслед за рассылкой автореферата. В тот период редко встречается и указание на научную специальность, по которой работа была представлена.

Отсутствие в автореферате даты защиты компенсировалось объявлением о предстоящей защите. Оно публиковалось не позднее, чем за 10 дней (с 1941 г., а в 1930-е гг. – за 20 дней), в одной из местных газет. Объявление о докторской диссертации, согласно требованиям 1934 г., помещалось в «Известиях СНК СССР И ВЦИК». Такие объявления сохранялись до 1970-х гг.

Анализ авторефератов последующих лет свидетельствует о том, что иногда различия между заявленной и реальной датой защиты были весьма существенные. Так, например, в автореферате И.К. Фелдманиса «Роль германского фашизма в процессе нацификации немецкого населения буржуазной Латвии (1933–1939 гг.)» указана дата 21 июня 1984 г., а защита состоялась 23 января 1985 г. И это не единичный пример.

Современный вид автореферат приобрел в 1970-е гг. Однако вопрос о времени защиты диссертации, даже примерном, и сейчас иногда остается открытым. При рассылке авторефератов по спискам, утвержденным диссертационным советом, соискатель должен указать день предполагаемой защиты. Однако это правило выполняется далеко не всегда. В библиотеках хранятся сотни авторефератов без указания дат.

Распад СССР привел к разрушению единого информационного пространства. Авторефераты из бывших союзных республик перестали поступать в обязательном порядке в Российскую государственную библиотеку. Поэтому судить о диссертациях коллег на постсоветском пространстве стало намного труднее.

В бывших республиках (кроме Таджикистана и трех прибалтийских республик) сохранились высшие аттестационные комиссии, как центральные государственные органы в области присуждения ученых степеней и званий. 17 мая 1993 г. была учреждена Международная ассоциация государственных органов аттестации научных кадров стран СНГ (МАГАТ). Штаб-квартира ассоциации находится в Астане. МАГАТ координирует действия, связанные с защитой диссертаций и переаттестацией владельцев ученых степеней. Одно из требований МАГАТ – это сопоставимость требований к диссертациям, публикация основных научных результатов диссертации. Вопрос обмена информацией (рассылки авторефератов) пока сохраняется.

С 2006 г. в России на сайтах диссертационных советов размещаются электронные версии авторефератов кандидатских диссертаций, а на сайте ВАКа – докторских. Подобная практика распространена и в Казахстане. К сожалению, на Украине размещение электронных текстов авторефератов пока не практикуется.

Хотя в целом оформление авторефератов в странах СНГ единообразно, некоторые отличия сохраняются. В 1994 г. в России произошла унификация названия советов, в которых проходят защиты диссертаций. Вместо «специализированных», «объединенных», «ученых» и т.п. советов появились «диссертационные» советы. На Украине сохранилось прежнее название – специализированные ученые советы.

Изменения в номенклатуре специальностей, которые происходили в СССР, а затем в странах СНГ, также находят отражения в авторефератах. Так, например, специальность «07.00.02» до 1991 г. называлась «История СССР», а сейчас – «Отечественная история». В России, Казахстане и Азербайджане сохранились прежние шифры для исторических дисциплин: «Отечественная история» (в Казахстане в скобках добавляется «История Республики Казахстан») – 07.00.02; «Всеобщая история» – 07.00.03 и т.д. На Украине шифры изменились. «Отечественная история» («История Украины») – это 07.00.01; «Всемирная история» (сюда же относится и история России) – 07.00.02. «Археология» обозначается шифром 07.00.04, этнология – 07.00.05; «Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины» – 07.00.06; «История науки и техники» – 07.00.07.

Распад Советского Союза оказал влияние на языковую политику в новых государствах, что непосредственно влияет и на язык диссертации (автореферата). В СССР, при защите диссертаций на языках народов СССР, авторефераты публиковались на русском языке. Сейчас ситуация развивается различным путем. В Казахстане автор вправе выбрать язык – казахский или русский, поэтому авторефераты публикуются на двух языках. На Украине наблюдается тенденция к сокращению сферы применения русского языка. Если в первые годы после распада СССР еще появлялись авторефераты на русском языке, то сейчас они издаются только на украинском. Однако во всех странах СНГ при написании авторефератов на государственном языке даются резюме на русском и английском языках.

Техническое оформление авторефератов в странах СНГ не различается, т.к. базируется на межгосударственных стандартах.

Автореферат как один из главных документов при проведении диссертационного исследования выдержал испытание временем не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Он выполняет важнейшую роль передачи информации о научных достижениях в консолидированном виде, а формальные данные помогают историкам науки при научных реконструкциях.

О.Б. Гач

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
КАК ОСНОВА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА**

Существование образовательных учреждений различных форм собственности в настоящее время явилось следствием государственно-политических и социально-экономических преобразований в стране на рубеже XX – XXI вв. Закон «Об образовании» (1992 г.) закрепил государственно-общественный характер управления образованием. При разработке современной модели российского образования, в первую очередь, негосударственного, необходимым условием эффективности является опора на исторический опыт.

В конце XIX – начале XX в. по всей России, в том числе и в Западно-Сибирском учебном округе (ЗСУО), активно создавались и плодотворно работали негосударственные школы. Были апробированы различные формы образовательных учреждений (частные, общественные, коллегияльные, конфессиональные и т.д.); образцы взаимодействия государства и частных образовательных структур; использование в негосударственных учебных заведениях нетрадиционных методик и технологий обучения; опыт отношений между семьей и школой, учителем и учеником, педагогом и родителем, внутри педагогического коллектива и т.д.

В силу идеологических установок и ограниченного доступа исследователей к архивным документам в советской историографии в рамках названной темы изучалось лишь общественно-педагогическое движение, а существование частных учебных заведений либо замалчивалось, либо осуждалась в силу их сословного характера. Расширение возможностей изучения недоступных ранее документов в 1990-е гг. способствовало усилению исследовательского интереса. Исторические исследования по негосударственному образованию ориентированы преимущественно на изучение истории высшей школы или отдельных учебных заведений [1–4].

Отсутствие работ обобщающего характера по истории развития негосударственного образования в ЗСУО и наличие источниковой базы дают основание для более полного изучения этой темы. В ходе исследования проанализированы архивные материалы 7 фондов Государственного архива Томской области (ГАТО), документы 6 фондов Государственного архива Омской области (ГАОО) и материалы бюджетного учреждения

культуры Омской области «Омский музей просвещения». Наиболее информативным является Ф. 126 ГАТО (Управление ЗСУО), содержащий документы разнообразного характера: циркуляры, постановления, переписку, отчеты и др. Материалы по некоторым негосударственным учебным заведениям собраны в отдельные фонды.

В числе опубликованных исторических источников наиболее важными являются законодательные и нормативные документы в форме сборников законов или публикаций в специальных правительственных журналах по народному образованию, характеризующие политику Министерства народного просвещения в области негосударственного образования и регламентирующие основные сферы деятельности частных учебных заведений [5–7]. Собрания правовых документов печатались в качестве практических руководств или справочников для родителей и работников образования [8–9]. Анализ официально-правовых документов разных лет позволяет выявить генезис законодательных инициатив, связанных с регулированием деятельности негосударственных учебных заведений.

В опубликованных документах, таких как отчеты попечителя ЗСУО, краткие обзоры деятельности ЗСУО, «Памятные книжки» губерний, областей и учебного округа, содержатся важные сведения о количестве негосударственных учебных заведений в округе, их территориальном расположении, видовом разнообразии, численности учащихся, их социальном положении, педагогическом составе.

Однако, как следует из материалов фонда ГАТО Р-28 (Отдел народного образования Томского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губоно), не все учредители регистрировали собственные школы [10]. В результате невозможно определить точное число негосударственных учебных заведений. Так, в монографии И.В. Черказьяновой назван ряд частных немецких школ в селах Тобольской губернии, не вошедших в своё время в «Памятные книжки Западно-Сибирского учебного округа» [11. С. 92–93].

Самыми многочисленными и информативными архивными источниками являются делопроизводственные документы, которые можно объединить в две группы: нормативно-распорядительные и инициативно-исполнительные. Нормативно-распорядительные материалы – приказы, инструкции, указы, циркуляры, распоряжения и др. – дополняют официальные документы, показывают правовое положение негосударственных школ, отношение к ним представителей власти. Особое значение для оценки образовательной и воспитательной деятельности имеют документы, регламентирующие педагогический процесс и внутренний строй не-

государственных учебных заведений. К этим документам относятся уставы учебных заведений, учебные программы, расписания уроков, журналы успеваемости учащихся, экзаменационные ведомости, программы экскурсий, литературно-музыкальных вечеров и др.

Инициативно-исполнительные документы: доклады, отчеты, донесения, прошения, оформленные учредителями частных учебных заведений, сотрудниками органов местного самоуправления. Благодаря переписке попечителя учебного округа с учредителями негосударственных школ, министром народного просвещения, губернаторами, директорами и инспекторами народных училищ, можно воссоздать механизм открытия частных школ, определить приоритетные для Сибири типы школ, контингент учредителей и др.

Особую ценность представляет периодическая отчетная документация (отчеты, доклады, докладные записки), а также протоколы заседаний педагогических советов и др. Они отражают состав учителей и учащихся, образовательный ценз педагогов, социальное положение воспитанников, особенности учебно-воспитательного процесса, финансово-хозяйственной деятельности и др. Сообщения попечителю ЗСУО о ревизии негосударственных школ директорами и инспекторами народных училищ содержат часто субъективное мнение учебного начальства о работе школ. Тем не менее, все это позволяет судить о содержании образования, распределении учебного материала, методах обучения и воспитания, результатах нетрадиционных подходов к образованию и т.д.

Много ценной информации содержится в документах личного происхождения: переписке и воспоминаниях учредителей негосударственных образовательных заведений [12]. Эти источники эмоционально окрашены и отражают позицию автора, позволяют оценить события с точки зрения их современников: мотивы открытия негосударственных учебных заведений, особенности организации педагогического процесса в них, отношение к частному образованию.

Одну из наиболее обширных групп источников представляют материалы периодической печати. Газетные публикации позволяют восстановить хронологию событий, отдельные факты из жизни негосударственных учебных заведений, позволяют ярче вписать историю отдельных учебных заведений в контекст событий города и региона. Так, на страницах газет регулярно появлялись заметки о Сибирских высших женских курсах в Томске, Народном университете им. П.И. Макушина, частных гимназиях Н.А. Тихонравовой, О.В. Миркович, детских приютах общества «Ясли» и др. [13–15].

Таким образом, исторические источники являются ценным информационным ресурсом для изучения негосударственного образования в Западно-Сибирском учебном округе, отражают основные стороны деятельности негосударственных учебных заведений, позволяют проанализировать политику правительства и позиции общественности в области негосударственных образовательных структур.

Примечания

1. **Иванов А.Е.** Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
2. **Высшее образование** в России : очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кинелева. М.: НИИ ВО, 1995. 352 с.
3. **Жеравина А.Н.** П.И. Макушин и «Детский сад по методу Фребеля» в Томске // Вестник Томского государственного университета. Томск, 1999. № 268 (ноябрь). С. 14–19.
4. **Толочко А.П., Ищенко О.В., Сквородина И.С.** Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (опыт истории в контексте современности). Омск: Издательство ОмГУ, 2005. 223 с.
5. **Сборник** распоряжений по Министерству народного просвещения. 1904 г. СПб., 1907. Т. XVI. Ч. I. 687 с.
6. **Закон** о частных учебных заведениях, не пользующихся правами правительственных от 1 июля 1914 г. // Журнал МНП. 1914. № 9. С. 12–33.
7. **К вопросу** о предоставлении прав частным учебным заведениям // Русская школа. 1913. № 11. С. 16–24.
8. **Настольная книга** по народному образованию: Законы, распоряжения, правила, инструкции, программы, уставы, справочные сведения и пр. / Сост. В. Чарнолуский. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1911. Т. 4.
9. **Розенштейн М.Л.** Практическое руководство для родителей и учащихся. Правила приема в средние и высшие учебные заведения. Петроград: издание журнала «Жизнь и суд», 1915. 272 с.
10. **Государственный архив** Томской области (ГАТО). Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 711. Л. 22.
11. **Черказьянова И.В.** Школьное образование российских немцев: проблемы развития и сохранения немецких школ в Сибири в XVIII – XX вв. СПб., 2004. 368 с.
12. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 986а; Ф. Р-1582. Оп. 1. Д. 18.
13. **Открытие** частной женской гимназии // Сибирский вестник. 1902. № 191. С. 3;
14. **«Детский сад»** Н.А. Тихонравовой // Сибирская жизнь. 1911. № 192. С. 4.
15. **Кащенко Н.Ф.** Сибирские высшие женские курсы. Их положение, нужды и надежды // Сибирская жизнь. 1912. 16 фев. № 37. С. 2–3.

С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых

**ДНЕВНИКИ В.М. ФЛОРИНСКОГО
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В качестве источника по истории Императорского Томского университета, особенно периода его учреждения и открытия, заслуживают внимания дневники члена ученого комитета при Министерстве народного просвещения, с 1880 г. – члена Строительного комитета, а с 1885 г. – попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского. Непубликованные до настоящего времени дневниковые записи за 1887, 1891 и 1892 гг. хранятся в Казани, в фонде Государственного объединенного музея Республики Татарстан (ГОМРТ).

Остановимся на дневниковых записках (В.М. Флоринский назвал их «Дневными записками»), относящихся к 1887 г., когда вопрос об открытии первого в Сибири университета обсуждался в правительственных кругах. К этому времени университетские здания были уже готовы, но не было ясности в составе каких факультетов открывать университет в Томске. Судьба первого университета в Сибири опять оказалась в подвешенном состоянии. В сложившейся ситуации инициативу проявил министр народного просвещения И.Д. Делянов. «Внесенный в Государственный совет в конце 1885 г., он (проект – С.Н.), – записал в своем дневнике за 1887 г. В.М. Флоринский, – встретил там сильную оппозицию и был бы совсем отклонен, если бы государь по личной просьбе министра народного просвещения не приостановил его решения, назначив для обсуждения этого дела особое при Государственном совете совещание под председательством Вел[икого] кн[язя] Михаила Николаевича» [1. Л. 7].

Членами этого совещания были назначены министр народного просвещения И.Д. Делянов, министр внутренних дел граф Д.А. Толстой, который, будучи министром народного просвещения, поднял в 1876 г. вопрос о Сибирском университете, обер-прокурор синода К.П. Победоносцев (главный противник открытия в Сибири университета), управляющий Министерством финансов И.А. Вышнеградский, министр государственных имуществ М.Н. Островский и государственный секретарь А.А. Половцов. Председательствовал в совещании великий князь Михаил Николаевич [1. Л. 8]. Однако почти целый год совещание так ни разу и не собралось. Причинами послужили вначале отъезд из Петербурга Д.А. Толстого, затем отсутствие великого князя Михаила Николаевича. По словам

В.М. Флоринского, комиссия, не собиралась вероятно и потому, что у каждого из ее членов было «много своих текущих дел или, быть может, потому, что вопрос о Сибир[ском] университете мало кого интересовал» [1. Л. 8–9].

Наконец, осенью 1886 г. Д.А. Толстой напомнил И.Д. Делянову, что «было бы не бесполезно пригласить для участия в работе совещания «сведущего человека», попечителя Западно-Сибирского учебного округа» В.М. Флоринского. В середине октября В.М. Флоринский был вызван телеграммой в Петербург по делам Сибирского университета. Однако он смог выехать лишь 1 ноября, когда появилась возможность переправиться через Томь, Обь и Иртыш. Но по дороге В.М. Флоринский простудился и вынужден был задержаться в Казани. В Петербурге он оказался 18 января 1887 г. Министр народного просвещения вернулся из Москвы вместе с директором департамента народного просвещения Н.М. Аничковым лишь 21 января. Повидавшись с ними на второй день после возвращения, В.М. Флоринский ознакомился с положением дела, а на следующей неделе начал свои деловые визиты.

У Н.М. Аничкова В.М. Флоринский выяснил, что «идея о Сибирском университете не нравится большинству лиц власть имущих; на это смотрят как на либеральную затею прошлого царствования, затею не только не нужную, но даже опасную в политическом смысле». Так, при рассмотрении в Государственном совете ходатайство В.М. Флоринского о постройке отдельного здания для Томской мужской гимназии было отклонено, а управлению Западно-Сибирского учебного округа было предложено разместить ее в здании университета, открытие которого в близком будущем, как было заявлено, «вполне сомнительно» [1. Л. 11]. У В.М. Флоринского сложилось впечатление, что и в министерстве на Сибирский университет смотрят весьма недоверчиво и лишь потому формально не отказываются от этого дела, что сама идея открыть в Сибири университет зародилась именно в министерских кругах.

В разговоре В.М. Флоринского с И.Д. Деляновым было затронуто предстоявшее обсуждение университетского вопроса в комиссии. «Первую скрипку в этом концерте, – заявил министр, – будет играть гр[аф] Д.А. Толстой, Вы... приготовьтесь (соберите доводы и ответы на возражения) поддержать его, а я (Ив. Д. Делянов) буду играть второстепенную роль (т.е. буду по возможности индифферентным)» [1. Л. 12]. Отсоветовал он В.М. Флоринскому встречаться с К.П. Победоносцевым и И.А. Вышнеградским, чтобы предварительно переговорить с ними по вопросу о Сибирском университете, заметив при этом, что первый из них «совершенно порицает идею Сибир[ского] университета

в принципе», а второй находит, что «при настоящих финансовых затруднениях нет возможности ассигновать ... сумму на содержание этого дорогостоящего учреждения» [1. Л. 12–13].

Тем не менее, В.М. Флоринский все же рискнул побывать вначале у К.П. Победоносцева, а затем и у И.А. Вышнеградского. В дневнике он подробно изложил содержание своих бесед с этими высокопоставленными чиновниками, которых попытался убедить в необходимости начать работу уже построенного университета, приводя в качестве аргументов доводы о значении университета не только в деле подготовки будущих чиновников и специалистов в различных сферах народного хозяйства Сибири, но и для поднятия в целом культурного уровня местного населения. К.П. Победоносцев сразу же высказался против открытия университета: «Вы пришли говорить о Сибир[ском] университете. Кому он нужен, для чего он нужен? Вред он принесет, а не пользу. Нужно оставить эту несчастную мысль пока еще есть время» [1. Л. 15].

И хотя сам В.М. Флоринский не считал будущий университет «единственной и исключительной панацеей для излечения всех сибирских недугов», но, по его убеждению, он мог бы «служить одним из главнейших средств для оживления окраины» [1. Л. 25–26].

В конце беседы, как отметил в своем дневнике В.М. Флоринский, К.П. Победоносцев «согласился, что можно еще помириться с открытием в Томске одного медицинского факультета, в видах крайне слабого положения в Сибири медицинской части. Что же касается до прочих факультетов, то юридический и филологический [факультеты] он считает совершенно бесполезными, а первый из них даже опасным в политическом отношении. Физико-математический факультет в настоящее время не нужен потому будто бы, что ... математики не найдут в Сибири никакого практического применения» [1. Л. 28].

Из разговора с К.П. Победоносцевым В.М. Флоринский вынес убеждение, что тот, будучи «главным и влиятельнейшим противником университета», не отвергая его в принципе, пообещал «не противодействовать открытию хотя бы одного медицинского факультета» [1. Л. 29].

Уже на следующий день, как это следует из дневника, В.М. Флоринский отправился к министру финансов И.А. Вышнеградскому. Осведомленный о том, что тот в своих действиях руководствуется «системой сокращения и урезывания» [1. Л. 43], В.М. Флоринский естественно ожидал возражений и в вопросе о Сибирском университете. «С первых же слов, – пишет В.М. Флоринский, – он [И.А. Вышнеградский] высказал, что у нас в текущем году около восьмидесяти миллионов дефицита». «Из дефицита

могу Вам дать сколько угодно», сострил он не совсем удачно, а настоящих денег теперь нет, следов[ательно], об открытии университета не может быть и речи». Его собеседник, по словам В.М. Флоринского, стал «торговаться» [1. Л. 44].

Общий результат своей беседы с И.А. Вышнеградским В.М. Флоринский подвел следующим образом: «1) по существу Сибирский университет совсем не нужен; но так как дело это зашло уже слишком далеко, то, не компрометируя правительство, можно было бы 2) согласиться на открытие одного медицинского факультета; 3) во всяком случае, срок открытия отложить до будущего года и 4) семинаристов в университет не допускать» [1. Л. 60–61].

Через три дня В.М. Флоринский отправился на беседу с министром внутренних дел графом Д.А. Толстым, которого знал еще с 1868 г. Именно он в 1875 г., будучи тогда министром народного просвещения, поддержал Н.Г. Казнакова, когда был поднят вопрос о Сибирском университете [1. Л. 108]. «Взгляды его, – пишет В.М. Флоринский, – нисколько не изменились; в них не было и тени пессимистического настроения, а напротив, вопрос о Сибирском университете в его глазах, по-видимому, получил еще больше значения, чем прежде» [1. Л. 110–111].

В.М. Флоринский сообщил Д.А. Толстому о результатах своих переговоров с Победоносцевым и Вышнеградским, добавив, что был бы совершенно доволен, если бы удалось добиться открытия университета в составе хотя бы двух факультетов: медицинского и физико-математического, а с остальными факультетами «при настоящем университетском строе и при недостатке кандидатов на юридические и филологические кафедры» повременить. Граф Д.А. Толстой согласился с предложением попечителя [1. Л. 129]. В итоге они условились придерживаться этой договоренности в своих дальнейших действиях.

«Визит к гр[афу] Дм[итрию] Андреевичу, – пишет В.М. Флоринский, – в значительной мере успокоил меня. Не все, думалось мне, погибло. Остались люди прежних взглядов и прежних широких планов, думающие не об одной личной своей безопасности и о низведении России к состоянию дореформенного периода. Видеть в числе таких людей гр[афа] Дм[итрия] Андр[еевича] было тем более приятно, что он, как один из старейших министров и как аристократ по происхождению, имел в данную минуту большое государственное влияние, отличался прямою, смелостью и настойчивостью. Эти качества придавали его мнениям независимость и силу. Поэтому можно было надеяться, что с таким защитником дело пойдет на лад» [1. Л. 129–130].

До начала работы совещания В.М. Флоринскому удалось встретиться и с великим князем Константином Николаевичем, сыгравшим за 10 лет до этого важную роль в решении выбора Томска в качестве университетского города. В ходе встречи, состоявшейся 8 февраля 1887 г., В.М. Флоринскому не составило большого труда уговорить великого князя, чтобы тот «надлежащим образом ознакомил с этим вопросом председателя совещания, вел[икого] кн[язя] Михаила Николаевича, от взгляда и доклада коего государю должен зависеть окончательный исход возбуждаемого дела». Кроме того, Константин Николаевич выразил готовность похлопотать, чтобы председатель Госсовета великий князь Михаил Николаевич принял В.М. Флоринского «как лицо, знающее положение вопроса о Сибир[ском] университете во всех его подробностях и с самого его основания» еще до начала работы совещания [1. Л. 154–155].

«Все это, – пишет В.М. Флоринский, – было выполнено, что в свою очередь дало мне возможность явиться в заседание в качестве не только попечителя Зап[адно] Сиб[ирского] учебного округа, но более или менее авторитетного эксперта по данному вопросу» [1. Л. 156–157].

Заседание Особого совещания по делу об открытии Сибирского университета было назначено на 11 февраля в 12 часов дня в здании дворца великого князя Михаила Николаевича на Дворцовой набережной. Помимо членов совещания (Д.А. Толстой, И.Д. Делянов, К.П. Победоносцев, М.Н. Островский, А.А. Половцев и И.А. Вышнеградский) в качестве приглашенных экспертов присутствовали попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский и директор Департамента народного просвещения Н.М. Аничков [1. Л. 154–155].

В самом начале работы совещания его участники ознакомились с историей учреждения и строительства Сибирского университета в Томске, а затем перешли к обсуждению. И.Д. Делянов и Д.А. Толстой отказались выступать первыми, сославшись на то, что они уже высказали свои взгляды в предложенных Государственному совету печатных докладах и ожидали на них возражений. Пришлось начать К.П. Победоносцеву, который, по словам В.М. Флоринского, «вяло, кратко и не всегда последовательно» повторил все то, что он высказывал ему уже раньше [1. Л. 158].

В.М. Флоринский ожидал жарких споров по двум противоположным мнениям о Сибирском университете, но «на самом же деле все оказалось очень скромным и заурядным» [1. Л. 157]. В дневнике он подробно изложил ход обсуждения университетского вопроса и почти дословно воспроизвел аргументы за и против открытия университета в Томске. В итоге большинство членов совещания пришло к заключению, что Сибирский

университет необходимо открыть, но лишь в ограниченном, на первое время, составе факультетов. А.Д. Толстой, И.Д. Деянов и М.Н. Островский высказались за два факультета (медицинский и физико-математический), К.П. Победоносцев, И.А. Вышнеградский и А.А. Половцев за один медицинский факультет. К последнему мнению присоединился и великий князь Михаил Николаевич.

Исходя из «финансовых затруднений, обязывающих избегать всяких новых ассигнований, не обусловленных удовлетворением особо неотложных государственных потребностей», совещание рекомендовало ограничиться открытием Сибирского университета пока в составе одного медицинского факультета, в котором «Сибирь наиболее нуждается и который... всего легче может быть обеспечен надлежащим составом профессоров». Затем, «когда в новом рассаднике науки однажды установится правильная университетская жизнь, хотя бы и в малом виде, всего удобнее будет сделать постепенный выбор преподавателей для прочих факультетов и приступить к открытию последних по мере представляющихся к тому средств и возможности» [2. Л. 200–201].

В заключение особое Совещание записало в своем журнале следующее: «1. Открыть, в 1888 г., в г. Томске университет, образовав его в составе одного медицинского факультета. 2. Уполномочив министра народного просвещения взять обратно внесенное им в Государственный Совет представление об утверждении штатов Сибирского университета, предоставив ему, министру, разработать и внести на рассмотрение, в установленном порядке, предположения, необходимые для осуществления меры, указанной в п. 1». По докладу журнала особого Высочайше учрежденного совещания по делу об открытии Томского университета Александр III начертал «Исполнить. 25 февраля 1887 г. С.-Петербург». На этом вопрос о Сибирском университете был исчерпан. Открыть медицинский факультет предполагалось через год (в 1888 г.). «И за то спасибо! – прокомментировал это В.М. Флоринский. – Все-таки шаг вперед в осуществлении дела. Дальнейшее его развитие зависит от обстоятельств и времени» [1. Л. 165].

Спустя две недели после закрытия совещания, В.М. Флоринский узнал от И.Д. Деянова, что журнал заседания был подписан великим князем Михаилом Николаевичем и содержал «в точности те постановления, кои были сделаны в заседании» [1. Л. 167]. Однако не было ясности, когда председатель Государственного совета предоставит журнал Александру III. Попечитель опасался, что окончательное решение об открытии в Томске университета могло быть отложено из-за готовившегося на царя

покушения. И не ясно было, предоставит ли великий князь журнал царю. В связи с этим вполне можно было ожидать, что вопрос об открытии Сибирского университета снова будет отложен на неопределенное время.

Однако этого не случилось. Великий князь Константин Николаевич в тот же день прислал В.М. Флоринскому записку следующего содержания: «От брата Михаила я узнал сегодня, что доклад комиссии о Сибирском университете был Государем утвержден в самый день представления ему оного 25 февр[аля]. Спешу Вас об этом уведомить, любезнейший Василий Маркович, потому что знаю, что доставлю Вам этим удовольствие. Константин» [1. Л. 168–169].

Таким образом, дневник В.М. Флоринского за 1887 г. позволяет детально осветить важный момент, связанный с открытием первого в Сибири университета.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-03-64301 а/Т.

Примечания

1. **Государственный** объединенный музей Республики Татарстан (ГОМРТ). Фонд: В.М. Флоринский. № 117959-102. Флоринский В.М. Дневные записки. 1887 г.
2. **Российский** государственный исторический архив. Ф. 1152. Оп. 10. Д. 47.

О.В. Перова

**ЕЖЕГОДНЫЕ ОТЧЕТЫ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЬСКИХ СЕМИНАРИЙ
ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

В изучении истории педагогического образования важной является прогностическая функция, ориентирующая исследователя на анализ лучших традиций и достижений предшествующих поколений для решения актуальных и перспективных проблем педагогической науки, модернизации и формирования современной образовательной стратегии.

В конце XIX – начале XX в. задача подготовки учителей для сельских народных училищ была возложена, в первую очередь, на учительские семинарии. Их деятельность представляется интересной с точки зрения современных подходов к формированию содержания и организации учебного процесса в средних педагогических учебных заведениях. Наиболее полно картина функционирования этих заведений может быть составлена на основе анализа ежегодных отчетов учительских семинарий.

Первая учительская семинария в Западной Сибири была открыта в Омске в 1872 г. Дальнейшее расширение сети начальных школ обусловило открытие с 1903 г. по 1917 г. новых семинарий: Семипалатинской, Павловской (позже Ново-Николаевской), Ялуторовской, Тобольской, Барнаульской, Акмолинской и Бийской. До учреждения учебного округа ежегодные сведения о состоянии дел в Омской учительской семинарии направлялись Главному инспектору училищ Западной Сибири, а с 1885 г. отчеты по всем семинариям поступали на рассмотрение попечителя учебного округа. Отчет составлялся по итогам календарного года и структурно состоял из двух частей: описания обязательных пунктов – «записки» и приложений в виде таблиц. Структура отчетов со временем совершенствовалась. Циркуляром министра народного просвещения от 1 августа 1908 г. за № 18498, были определены обязательные сведения для внесения их в сводный отчет. Директорам учебных заведений было рекомендовано использовать бланки отчетов, изданные М. Шпенцером в Одессе. Однако на местах распоряжение не всегда исполнялось, на что, например, указывал попечитель Западно-Сибирского учебного округа в циркуляре от 12 декабря 1908 г. за № 8868-8907 [1. Л. 1, 1об.].

Статистические данные таблиц и ведомостей, включенных в отчеты, можно по содержанию объединить в 4 группы.

1. *Данные о составе служащих и вакансиях.* Преподавательский состав включал должности директора, законоучителя, учителей отдельных предметов, почетного попечителя. С 1908 г. в отчетах приводится поименный список личного состава с указанием времени занятия должностей, количества уроков по предметам и классам и получаемого сотрудниками жалования, иногда содержатся сведения об образовании преподавателей, их чинах и наградах.

2. *Данные о воспитанниках семинарии.* Указывалось общее количество учащихся, в том числе по классам, их распределение по вероисповеданию, сословиям и по форме содержания (казенные, частные стипендиаты и своекоштные). Большинство учащихся исповедовало православную веру, но встречались учащиеся «магометанского» вероисповедания. Например, в Омской учительской семинарии в 1897 г. было 2 таких воспитанника [2. Л. 4], а в Семипалатинской семинарии в 1916 г. – 8, при этом дополнительно указывалось, что из «101 православных» было «5 старообрядцев» [3. Л. 26].

Распределение воспитанников учительских семинарий Западной Сибири по сословиям в конце XIX – начале XX в.

Сословие (звание)	Количество воспитанников на 1 января			
	1873	1904	1912	1916
Дворяне и чиновники	–	9	4	5
Духовенство	9	3	4	2
Почетные граждане	–	1	(и купцы) 1	–
Купцы, мещане и ремесленники	15 (городское сословие)	23	8 (мещане и цеховые)	9 (мещане и цеховые)
Сельское сословие (казаки и крестьяне)	9	39	61	58
Иностранцы и прочие	–	2	5 (прочие)	4 (прочие)
Всего учеников	33	77	83	81
% воспитанников сельского сословия от общего количества	27,3	50,6	74,6	71,6

Таким образом, в семинариях учились представители дворян и чиновников (ежегодно от 6 до 18%), духовного звания (1–3%); от 20 до 50% горожан – почетных граждан, купцов, мещан и ремесленников. Однако основную часть воспитанников составляли представители сельского населения, поскольку деятельность правительственных семинарий была направлена на подготовку сельского учителя, максимально приближенного к деревне. Из таблицы видно, что в разные годы дети крестьян и казаков составляли от 27,3% до 74,6% от общего контингента учащихся [4. Л. 111, 111об.; 5. Л. 29; 6. Л. 70; 7. Л. 19].

По данным отчетов, в семинарию преимущественно поступали выпускники городских (по положению 1872 г.) и сельских двухклассных училищ, второклассных церковных школ, двухклассных церковно-приходских училищ, но были случаи зачисления учащихся из сельскохозяйственных школ, начальных классов гимназий, прогимназий, реальных училищ и т.д. Возраст юношей, поступающих в семинарию, колебался от 16 до 20 лет, что соответствовало п. 2400 «Положения об учительских семинариях» 1870 г. Однако нередко встречается информация о воспитанниках 14–15 лет в подготовительных и первых классах семинарий [6. Л. 101; 8. Л. 47; 9. Л. 131].

Основной контингент воспитанников семинарий формировался за счет жителей губерний и областей, входивших в состав учебного округа. Но были выходцы и из других регионов Российской империи. Так, на 1 января 1905 г. 4 воспитанника Омской учительской семинарии имели постоянное место жительства в Самарской и Оренбургской губерниях, Приморской области и области войска Донского. В этот же период в Семипалатинской учительской семинарии из европейской части страны обучалось 3 чел. (Воронежская, Тамбовская, Оренбургская губернии) [8. Л. 4об., 47об.].

Обязательными в отчетах были сведения об успехах учеников. В целом, «средний балл» по всем предметам за год колебался в пределах от 3,4 до 3,9 баллов. Так, в 1904 г. наибольшее количество «пятерок» из 76 воспитанников Омской учительской семинарии было получено по Закону Божьему – 14 и ручному труду – 18, а неудовлетворительных оценок больше всего было по географии – 8 [8. Л. 12]. Иногда в отчетах содержалась информация о распределении выпускников и их краткие характеристики; поименный перечень воспитанников, выбывших по разным причинам; сведения «о состоянии здоровья, заболеваемости и смертности учащихся».

3. *Данные о материально-техническом и учебно-методическом обеспечении учебного процесса* – характеризуют помещения учительских семинарий, их количество, наличие отопления, освещения, состояние библиотек, специальных кабинетов, наличие учебной литературы и пособий.

4. *Данные об источниках финансирования учительских семинарий.* В отчетах указаны размеры финансовых поступления из средств Государственного Казначейства на содержание стипендиатов, ремонт и поддержание зданий, приобретение учебной литературы и пособий, жалование и др. Кроме того, семинарии могли получать средства от земских обществ. Так, в 1903 г. Омская учительская семинария получила дополнительно на содержание частных стипендиатов 5 950 руб. от Сибирского казачьего войска, частных волостных повинностей по Томской, Тобольской губерниям, Алтайского горного округа, а также Янчихинского сельского общества Приморской области. «Из земских сборов Тобольской и Томской губерний поступило... на содержание преподавателей естествоведения, чистописания, рисования, черчения и на огородничество и садоводство 1 000 руб.» [5. Л. 55].

Наряду со статистическими данными в каждом отчете представлены справки об основных направлениях учебно-воспитательной и хозяйственной деятельности. Указывалось соответствие учебной работы инструкциям и утвержденным программам. Иногда приводился текст самих программ по отдельным предметам. Интересным является и перечень вопросов, выносимых на обсуждение педагогических советов семинарий в течение года. В воспитательной части отчета содержатся разнообразные сведения о надзоре за воспитанниками, их материальном положении, об учебных квартирах, о проступках учащихся, о посещении ими церковной службы, о праздниках, проводимых в семинариях.

Следует иметь в виду, что описательные материалы отчетов не лишены субъективных оценок и требуют дополнительной проверки. Анализ представленных документов позволяет судить о динамике развития учебных заведений и уровне подготовки выпускников. В сочетании с другими источниками ежегодные отчеты учительских семинарий Западной Сибири дают возможность многопланово рассмотреть деятельность данных учреждений по подготовке педагогических кадров для народного образования.

Примечания

1. *Государственный архив* Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2313.
2. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1010.
3. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3117.
4. *Государственный архив* Омской области (ГАОО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 9.
5. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1754.
6. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2760.
7. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3069в.
8. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1989.
9. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2158.

С.А. Меркулов

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
НАУЧНОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОФЕССОРА В.В. САПОЖНИКОВА**

Василий Васильевич Сапожников (1861–1924), выпускник Московского университета, ученик К.А. Тимирязева, в первое время занимался исследованиями в области фотосинтеза растений. С приездом в Сибирь (1893 г.), куда его назначили профессором кафедры ботаники Императорского Томского университета, он расширил ареал своих научных исследований до общей географии. Неутомимый путешественник, В.В. Сапожников совершил более 20 экспедиций по Сибири и сопредельным территориям (Русский Алтай, Монгольский Алтай, Семиречье, Тянь-Шань, Джунгарский Алатау). Талантливый педагог и просветитель (его за лекторское мастерство прозвали «сибирским соловьем» и «златоустом») он одним из первых томских профессоров начал практику публичных лекций, в которых доступным языком распространял знания, полученные в экспедициях. Общее количество лекций, прочитанных им за более чем 20 лет, с трудом поддается подсчету. Со своими публичными лекциями он выступал не только в Томске, но и других сибирских городах – Иркутске, Красноярске, Барнауле, Бийске, Омске, Ново-Николаевске. Нередко по дороге к месту проведения экспедиций он задерживался на день-два, чтобы прочитать лекцию.

Периодическая печать, особенно томские газеты, является важным источником для изучения научной и просветительской деятельности В.В. Сапожникова. Прежде всего, это такие газеты как «Сибирский вестник» (1893–1905 гг.), «Томский справочный листок» (1894–1895 гг.), «Томский листок» (1896–1897 гг.), «Сибирская жизнь» (преобразовалась из газеты «Томский листок», издавалась с 1 ноября 1898 г. по декабрь 1919 г.), «Сибирские отголоски» (1907–1910 гг.).

Материал по обозначенной теме в этих газетах можно классифицировать следующим образом:

1. Публикации о научных экспедициях.

1.1. Предварительные сообщения об экспедициях.

- 1.2. Сообщения из экспедиций.
- 1.3. Публикация результатов экспедиций.
- 1.4. Публикации докладов В.В. Сапожникова на заседаниях Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете.
2. Публикации о публичных лекциях.
 - 2.1. Предварительные сообщения о предстоящих лекциях.
 - 2.2. Краткое изложение содержания лекций.
3. Научно-просветительские статьи В.В. Сапожникова.

Если обратиться к структуре информации, то в составе публикаций наиболее часто встречаются маркеры:

1) в сообщениях о предстоящей экспедиции содержатся сведения об участниках, целях, сроках и финансировании экспедиции (*Сибирская жизнь. 1902. 23 марта*. Проф. В.В. Сапожников выезжает 28 марта в сопровождении трех студентов в экспедицию для исследования Тянь-Шаня. Экспедиция, снаряженная по поручению университета на его средства, продлится 5 месяцев);

2) сообщения о предстоящей публичной лекции содержат сведения о дате, времени и месте проведения лекции, её названии, сопровождении, цене входного билета, месте продажи билетов, указание объекта финансирования с лекционных денег (*Сибирский вестник. 1896. 20 апреля*. В понедельник, 22-го апреля, в актовом зале университета профессор В.В. Сапожников прочтет публичную лекцию «На горных высотах». Лекция будет сопровождаться теневыми картинами. Билеты в 3 руб., 2 руб. 50 коп., 2 руб., 1 руб. 50 коп., 1 руб. 30 коп. (для учащихся) будут продаваться в книжном магазине П.И. Макушина, а в день лекции с 7 часов вечера при входе на лекцию. Сбор с лекции поступит в университет на усиление средств для исследования Алтая в естественно-историческом отношении. Начало в 8-м часов вечера);

3) сообщения о заседаниях общества естествоиспытателей и врачей содержат сведения о дате, времени и месте проведения заседания, решённых вопросах, публике, докладчике, название доклада и его кратком содержании, сопровождении и выражение признательности докладчику (*Сибирский вестник. 1899. 14 февраля*. На состоявшемся в пятницу, 12 февраля, в физической аудитории университета при многочисленной посторонней публике очередном заседании общества естествоиспытателей и врачей, по прочтении и утверждении протоколов двух предыдущих заседаний, проф. В.В. Сапожников сделал доклад на тему: «Новые ледники юго-восточного

Алтая; из экспедиции 1897 и 1898 гг.». В начале доклада проф. Сапожников познакомил слушателей в самых кратких чертах с маршрутами путешествия летом прошлого года, а затем уже перешел к описанию частей. Исходным пунктом было селение Котанда... Закончил свой доклад проф. Сапожников указанием на то, что предстоит и что необходимо сделать будущим исследователям Алтая. Доклад сопровождался демонстрацией фотографий и по окончании был покрыт громкими аплодисментами многочисленных слушателей);

4) сообщения из экспедиций содержат сведения об участнике и его экспедиции, дате, месте положения и дальнейших действиях (*Томский справочный листок. 1895. 24 августа*. По сведениям от 1 августа, профессор томского университета В.В. Сапожников, находящийся на экскурсии по исследованию Алтая, перевалив по Курагану на южный склон, по Катуню добрался до ледников, где предполагалось пробыть до 6-7 августа и отсюда затем опуститься в долину р. Бухтармы);

5) публикации о результатах экспедиции содержат сведения о руководителе экспедиции, названии, итогах (*Сибирский вестник. 1898. 14 августа*. На днях возвратился из научного путешествия по Алтаю профессор В.В. Сапожников. Это, третье по счету, путешествие является более успешным, чем оба предыдущие: уважаемому исследователю, изучавшему верховья алтайских горных рек, удалось достигнуть седловины Белухи, что до сих пор считали совершенно невозможным);

6) публикации о результатах публичной лекции содержат информацию о лекторе, дате проведения, финансовой стороне вопроса, направлении вырученных с лекции средств, видных лицах, если таковые присутствовали на лекции (*Томский справочный листок. 1895. 3 января*. Отчет о сборе с публичной лекции профессора В.В. Сапожникова, прочитанной 21 декабря. Выручено за выходные билеты на лекцию 291 руб. 50 коп. Пожертвовано разными лицами 22 руб. 50 коп. Израсходовано по устройству лекций 27 руб. Чистой выручки поступило в кассу Томского Общества вспомоществования учащимся 287 руб. Председатель общества М. Гиляров, Казначей Макушин. *Томский справочный листок. 1894. 23 декабря*. В числе присутствующих были Преосвященный Макарий, Попечитель Западно-Сибирского учебного округа и другие представители местной администрации);

7) научно-просветительские публикации В.В. Сапожникова занимают «подвал» газеты или информационную полосу (*Сибирский вестник. 1985*.

26 ноября. Закон Г. Гельмгольца и успехи физиологии растений. 13 106 н.з.; 22.10.1910 (СЖ), 08.07.1912 (СЖ). Наши ближние соседи. 6 014 н.з.; 08.07.1912 (СЖ). Путевые заметки. Семиреченский тракт. 11 037 н.з.).

Раскрыть масштабы и информативность периодической печати в освещении биографии В.В. Сапожникова позволяет табл. 1.

Подводя итог, отметим, что в исторической науке вопрос о верификации источников занимает первостепенное значение. Проверка и перепроверка исторических данных необходима для обозначения исторического факта, который является квантом в исторической науке, на основании которого выстраиваются дальнейшие рассуждения и теоретические построения. От точности исторического факта зависит достоверность исследовательского текста. Периодическая печать является информативным источником, требующим строгой проверки на соответствие по другим историческим источникам. Томские издания позволяют существенно расширить представление о научной и просветительской деятельности В.В. Сапожникова.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-03-64301 а/Г.

**Овещение научной и просветительской деятельности В.В. Сапожникова
в томской периодической печати**

Вид деятельности	2	3	Выходные данные газеты	Содержание сообщения
1	2	3	4	5
Научная	Сообщение о предстоящей экспедиции	Исследование Тянь-Шаня	26.01.1902 (СВ) 23.03.1902 (СЖ) 28.03.1902 (СВ)	СЖ. Проф. В.В. Сапожников выезжает 28 марта в сопровождении 3-х студентов в экспедицию для исследования Тянь-Шаня. Экспедиция снаряжена на средства университета и продлится 5 мес.
	Сообщения об экспедиционных передвижениях	Встреча с С.Ф. Ольденбургом и лекция в Семипалатинске	18.06.1914 (СЖ)	Секретарь АН ординарный академик, член Государственного Совета от академической куррии С.Ф. Ольденбург в ходе экспедиции встретился с В.В. Сапожниковым, проезжавшим через Семипалатинск в Зайсанский уезд. Проф. М.Э. Яннишевский и В.В. Сапожников прочитали лекции 1-го и 8-го июня в Семипалатинске
	Публикация результатов командировки	Доклад в Императорском русском географическом обществе	23.01.1898 (СВ)	Отдел географии физической и математической Императорского русского географического общества имели 8 января соединенное заседание, в котором сделал сообщение проф. Томского университета В.В. Сапожников о своем исследовании Алтая во время 2-го посещения этого хребта летом 1897 г. (Источник: Петербургские Ведомости)

1	2	3	4	5
Проветителская	Работа В.В. Сапожникова в Томском обществе естествоиспытателей и врачей	«Поездка в Семиречье: 1) Балхаш и Иссык-Куль»	28.03.1903 (СВ)	В среду, 26 марта, в актовом зале университета состоялась публичное заседание Общества естествоиспытателей и врачей. Поездка была задумана широко и ставила своей целью ознакомление с местностью со стороны ее геологии, а также с ее флорой и фауной. Поэтому заведование различными отделами исследования было возложено на участников таким образом: ботаническим отделом заведовал Сапожников и студент Князев, сбор зоологических коллекций лёг на студента Вележанина, а геологический отдел возглавил доктор М. Фридрихсен, присоединившийся к путешественникам на месте исследований. Хозяйственной частью правил студент Попов. Средства на оборудование экскурсии были получены из двух источников: частью от местного университета и частью от «Петербургского географического общества»
	Сообщение, объявление о предстоящей публичной лекции	Объявление о публичных лекциях в г. Томске	09.12.1894 (СВ)	«Мы слышали, что некоторые профессора Томского университета в недалеком будущем прочтут публичные лекции в пользу неточных студентов нашего университета. Первую публичную лекцию предполагает прочесть проф. В.В. Сапожников 21 декабря. И прежде неоднократно указывалось на страницах нашей газеты на великое значение таких чтений в нашей однообразной жизни, погруженной в узкий круг житейских интересов. От души приветствуя в настоящее время желание гг. профессоров проводить научные истинны в сознание массы, мы глубоко убеждены, что томская интеллигенция отнесется с должным сочувствием к этому доброду делу, в котором гармонически объединяются две цели, – просветительская и благотворительная»

1	2	3	4	5
				СВ. В понедельник, 22-го апреля, в актовом зале университета В.В. Сапожников прочтет публичную лекцию «На горных высотах». Лекция будет сопровождаться теневыми картинками. Билеты в 3 руб., 2 руб. 50 коп., 2 руб., 1 руб. 50 коп., 1 руб. 30 коп. (для учащихса) будут продаваться в книжном магазине П.И. Макушина, а в день лекции с 7 часов вечера при входе на лекцию. Сбор с лекции поступит в университет на усиление средств для исследования Алтая в естественно-историческом отношении Начало в 8-м ч. вечера
		Серия публичных лекций в г. Красноярске	28.03.1910 (СО)	Отъезд. 25 марта профессор Сапожников выехал в Красноярск, где прочтет несколько публичных лекций по естественнанию
		«Дыхание растений и брожение»	23.12.1894 (ТСЛ)	21 декабря в актовом зале университета в присутствии многочисленных слушателей прочтена была проф. В.В. Сапожниковым публичная лекция о дыхании растений и брожении. В числе присутствующих были Преосвященный Макарий, попечитель зап-сиб у.о. и др. представители местной администрации
	Сообщение о прошедшей лекции, её публикация или краткое содержание	«Живой мир, как целое»	21.03.1908 (ТСЛ) 30.03.1908 (СЖ)	СЖ. 19 и 21 марта Сапожников прочитал лекцию: «Живой мир, как целое». Посетителей было больше, чем билетов. Сбор лекции выразился: доход от продажи билетов 1 246 руб., продажи программ 43 руб. 10 коп., получено пожертвований 16 руб. 15 коп. Всего 1 305 руб. Из этой суммы израсходовано на наем помещения 274 руб. 15 коп., на афиши, объявления, программы прилуге, извозчикам, установку фонаря, изготовлено для него картин всего 405 руб. 25 коп. Прибыль оказалась в размере 900 руб., из них 500 руб. – «недостаточным» студентам, 100 руб. – Пермскому земледельству и 300 руб. – на летние студенческие экскурсии

Примечание: использованы следующие сокращения названий газет: Сибирская жизнь – СЖ, Сибирский вестник – СВ, Томский листок – ТЛ, Томский справочный листок – ТСЛ, Сибирские отголоски – СО.

М.В. Иванова

**ПИСЬМА Н.И. КОНРАДА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

Николай Иосифович Конрад (1891–1970) – академик, один из крупнейших отечественных гуманитариев XX в. Он внес значительный вклад в изучение Японии, Китая. Сфера особого внимания ученого – культура Японии, литература, искусство этой страны, проблемы, связанные с развитием японского языка. Предмет данной статьи – эпистолярное наследие Н.И. Конрада, вошедшее в издание «Н.И. Конрад. Неопубликованные работы. Письма» [1].

Образование Н.И. Конрад получил в Петербурге, где закончил восточный факультет университета и одновременно Практическую восточную академию. По окончании учебы дважды побывал в научных командировках в Японии, из последней вернулся в 1917 г. Как и многие другие представители российской интеллигенции, в революционные годы пережил растерянность, метания. Его состояние в это время отражают письма к коллеге – Н.А. Невскому [2], оставшемуся в Японии.

В мае 1917 г. Н.И. Конрад писал: «Слышу о всем, но только ни о чем хорошем в России» [1. С. 248]. Описывая июльские события в Петрограде, резюмировал: «Знаете, живя в Японии, все кажется гораздо лучшим, чем есть, только живя здесь, можно постигнуть тот трагизм, в котором корчится теперь Россия, и я скажу: бывают минуты отчаяния, и эти дни – эти ужасные, нелепые дни, окончившиеся полным отступлением – не боевым, а дезорганизованным – наших войск, полным нежеланием сражаться, массовыми сдачами в плен и т.д., были такими, которые лучше пережить где-нибудь вдали» [1. С. 249].

В сентябре 1917 г., находясь на отцовском хуторе под Орлом, Н.И. Конрад, отметив, что жизнь здесь – «идиллия и желудочная и нервная», в отличие от Петрограда, «где существование ужасное», тем не менее, писал Н.А. Невскому: «И все же верьте мне, хочется жить в Петрограде, несмотря на все это, несмотря на ежесекундные циклоны, налетающие на нервную систему» [1. С. 254]. Последняя фраза представляется весьма примечательной. Находясь в плену чувств и эмоций, Н.И. Конрад в то же время пытался разглядеть за всем ужасом происходившего какой-то смысл и самоопределиться в нем. В июле он – «человек, который схвачен водоворотом и мчится к пучине» [1. С. 251], а в сентябре, несмотря на

«свое миллиоковствующее и кадетствующее сердце», уже склонялся в сторону социалистов-революционеров – партии «Воля народа». «Без преувеличения могу сказать, – отмечал Н.И. Конрад, – что мы перерождаемся и я в том числе» [1. С. 257].

В июле Н.И. Конрад жил верой в чудо, в сентябре его настрой был иным. «...Не могу верить, чтобы мы не справились со всем, чтобы мы не перенесли этой ужасной болезни. Даст Бог, еще с гордостью будем говорить, что наша республика – передовая в мире. Россия – страна парадоксов, и в ней все возможно» – это из письма от 17 сентября 1917 г. [1. С. 255]. Обращает на себя внимание местоимение «мы»: Н.И. Конрад – уже не сторонний наблюдатель, он явно шел к осознанию себя как частицы новой России. В контексте всего сказанного нет ничего удивительного, что Н.И. Конрад оказался в числе тех ученых-востоковедов, которые, если не с энтузиазмом, то, по крайней мере, с интересом включились в новую жизнь после октября 1917 г.

Н.И. Конрад был проректором одного из первых советских востоковедных учебных заведений – Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ). Работа на этом поприще, судя по письму 1926 г. к В.М. Алексееву [3], его особенно не тяготила. Его радовали наплыв студентов, «великолепные условия и колоссальные возможности развития в самых заманчивых направлениях», то, что «студенческая организация, обсуждая расписание и делая различные передвижки в часах, не посмела и коснуться часов, заявленных некоторыми» [1. С. 260–261]. «Некоторыми» были «старые» кадры – В.М. Алексеев, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд.

В то же время ЛИЖВЯ для Н.И. Конрада – «необычайно странная смесь хорошего и дурацкого». Что это такое – «дурацкое», он не расшифровывает, но кое о чем, знакомясь с его письмами, догадаться можно. Вряд ли к «хорошему» он относил общественные науки (9 предметов), которые поглощали массу часов и, следовательно, денег. И все же Н.И. Конрад в 1926 г. был уверен, что «всякие побочные мотивы», «нехорошее» со временем исчезнут. «Единственное утешение, – писал он, – что *само дело*, как таковое, невольно выпрямляет линию и вместе с тем все то часто нехорошее, что тут есть» [1. С. 260].

Видимо, Н.И. Конрад, как и многие другие ученые, принявшие власть большевиков, не терял надежды на то, что когда революционные страсти стихнут, научная жизнь войдет в привычное русло. Но, к сожалению, этого не происходило. В 1927 г. в письме к В.А. Гурко-Кряжину [4] возмущался интригами, которые велись против его адресата, и протестовал

«всеми силами против безобразного вовлечения его самого в эти интриги» [1. С. 263–264]. В письмах не раскрывается конкретика интриг. Но совершенно очевидно, что они выходили за рамки чисто личностных отношений. В востоковедении в это время усиливались позиции тех, кто хотел ускорить процесс его поворота к проблемам социально-экономического развития, национально-освободительного движения, политики империалистических стран на Востоке и рассмотрению их сквозь призму классового анализа, марксистской методологии. Для защиты этих позиций использовалась не только открытая полемика на страницах различных изданий, особенно журнала «Революционный Восток», но и всякого рода закулисные интриги. Именно об этом и шла речь в письме Н.И. Конрада к В.А. Гурко-Кряжину, которое со всей очевидностью говорит о неприятии Н.И. Конрадом складывавшейся в востоковедении (и во всем обществоведении) ситуации.

В 1936 г. для Н.И. Конрада уже не было никаких сомнений, что ценность трудов ученых в СССР определяется не только с научной, но прежде всего с идейно-политической точки зрения. Это понимание отчетливо просматривается в его письме к секретарю редакции альманаха «Год XIX-ый» Е.М. Коростелевой. В письме Н.И. Конрад требовал дать ему разъяснения по факту отклонения альманахом его работы «как научно-несостоятельной или политически ошибочной – не в частностях, а *в целом*» [1. С. 274].

В письмах Н.И. Конрада по вполне понятным причинам нет прямых рассуждений о последствиях подчинения науки идеологии, политике, его отношении к диктату последних. И, тем не менее, определенное представление они дают. В 1942 г. в письме к В.М. Алексееву Н.И. Конрад восторгался его учеником Л.З. Эйдлиным [5] и удивлялся тому, как такой классный специалист сформировался в стенах Московского института востоковедения. «Ведь здесь, конечно, верх науки – газета!» – иронично восклицал он [1. С. 278]. Можно, видимо, упрекнуть Николая Иосифовича в слишком широком обобщении. Важно другое – комментарии к передовым статьям газеты «Правда» он наукой не считал. Он явно не с теми историками, которые «подгоняют свои мнения всякого рода посторонним влияниям» (из письма к Н.В. Пигулевой [6], 1951 г.) [1. С. 304].

Н.И. Конрад болезненно переживал то положение, в котором оказалось советское обществоведение – и не только оно – в первые послевоенные годы. Б.Н. Заходеру [7] в 1948 г. он писал, что «востоковедение наше нельзя оставить в прежнем положении, оно требует самого серьезного отношения к себе» [1. С. 301]. Об этом он говорил и в своем выступлении на совещании в ЦК ВКП(б) в 1945 г. Но в 1948 г. он понимал и то, что

идеологические кампании, развертывавшиеся тогда в стране под флагом критики космополитизма, отступничества от марксизма и имевшие своей целью усиление диктата по отношению к науке, ничего, кроме вреда, ей принести не могли.

Разумеется, в письмах Н.И. Конрада это его мнение явно не прослеживается – по собственному своему опыту он знал, чем это может обернуться (в 1938–1941 гг. ученый находился в заключении). Но даже в них обнаруживается его весьма откровенное признание. В том же письме к Б.Н. Заходеру можно прочесть: «Не нравится мне, как пошло дело с дальнейшим обсуждением судебных нашей науки. Так мечтается иногда – в те часы, когда дыхание не позволяет спать – поговорить с хозяином... На чистоту» [1. С. 301]. И именно эта атмосфера, новые аресты ученых, в том числе и жены Н.И. Конрада – Н.И. Фельдман, а не только состояние здоровья, заставили его в 1948 г. уйти с поста руководителя Московской группы Института востоковедения, а в 1950 г. – на пенсию (в Институт Н.И. Конрад вернулся в 1951 г. и работал в нем до конца своих дней).

Период после XX съезда КПСС был, как известно, зарождением тенденции к поиску путей обновления концептуальных основ советского обществоведения. Н.И. Конрад с несомненным удовлетворением и надеждами воспринял открывшиеся возможности. Он обратился к проблеме «марксизм и Восток», причем, как писал Б.Б. Вахтину [8] в 1962 г., его интересовал такой аспект: «что дает история стран Востока для улучшения нашей *общей теории* исторического процесса» [1. С. 344]. Совершенно очевидно, что речь шла о марксизме. Он надеялся, что «как ни крепко все это держится», т.е. соединение штампов и догм, «освобождение наступит» [1. С. 330].

Ученого радовало обсуждение в Институте философии – «цитатели классцизма», по его мнению, – проблем методологии истории, новый путь, избранный журналом «Вопросы языкознания», членом редколлегии которого он состоял. К числу принципиально важных сторон деятельности журнала он относил публикацию материалов по истории языкознания в СССР. «Этим путем, – подчеркивал он, – окончательно снимаются с наших глаз шоры, которые многие из нас неосмотрительно на себя надели, оперируя взглядами то Н.Я. Марра, то И.В. Сталина» [1. С. 351]. Эта мысль заслуживает особого внимания, так как затрагивает такой аспект развития советской науки, как выбор ученого. Употребив слово «неосмотрительно», Н.И. Конрад, на мой взгляд, явно выводил причины догматизма и начетничества в ней за рамки исключительно политического и идеологического давления сверху.

Восприняв марксизм в 1920-х гг., Н.И. Конрад в 1950–1960-х гг. выдвинул ряд идей, не вписывавшихся в марксистскую парадигму. Тем не менее, и в последний период своей жизни, находясь в поисках путей обновления «общетеоретического багажа», от марксизма он окончательно не отказался. В целом ряде писем есть его суждения о позитивной роли марксизма в развитии обществоведения. Так, 4 апреля 1964 г. он писал В.В. Виноградову [9]: «Мне кажется, что существо марксизма дает возможность найти нужный путь: он – не в огульном отрицании и догматическом превознесении другого, а в *понимании* каждого явления науки, *понимании* причин его возникновения, его смысла и в определении на основе этого его места в науке» [1. С. 350]. Однако совершенно очевидно, что при таком видении марксизма Н.И. Конрад не мог принимать обожевления этого учения, доктринерство и догматизм, утвердившиеся в советских общественных науках в 1930-е гг., не сдававшие свои позиции и последующие периоды, несмотря на попытки освобождения от них. Можно только предположить, что именно об этом он с горечью писал на исходе своей жизни в 1970 г.: «Я устал сражаться не с аргументами «против», не с противоположными концепциями, а... с «пустыми безжизненными глазами», в которые и погрузиться нельзя» [1. С. 383].

Письма Н.И. Конрада еще раз подтверждают важность и значимость этого вида исторических источников. Они предметно воспроизводят влияние общественно-политической атмосферы в стране, обстановки в научной среде на судьбу конкретного ученого, раскрывают ту повседневность, которую эти условия формировали. Последние, как было показано, негативно сказывались на душевном самочувствии Н.И. Конрада, порождали известную осторожность в действиях и суждениях, заставляли, так или иначе, учитывать политическую и научную конъюнктуру и, таким образом, ограничивали научные возможности ученого. В то же время письма свидетельствуют и о том, что даже при всех этих ограничениях Н.И. Конрад сумел сохранить преданность избранной еще в пору научной молодости проблематике. Красноречива его реакция, высказанная им в одном из писем 1951 г., на нарекания по поводу его (и не только его) занятий древностью: «... я и решил... – пока есть силы, делать то, что могу, к чему подготовила вся предыдущая работа, и что другие сделать не смогут» [1. С. 303]. Письма, как, разумеется, и труды ученого, свидетельствуют, что при всех ограничениях Н.И. Конрад проявлял независимость и самостоятельность во взглядах на те или иные научные проблемы, стремился выйти за рамки догматического марксизма, не отрицая при этом его позитивного методологического заряда.

Научное творчество Н.И. Конрада (а он не был единственным подобного рода ученым в советском востоковедении) – аргумент против скептиков, склонных рассматривать советское обществоведение исключительно как отражение господствовавших в нем марксистских догм, а потому не представляющее никакой научной ценности.

Примечания

1. *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 1996.

2. *Невский Н.А.* (1892–1937) – японовед, китаист. В 1915–1929 гг. жил в Японии. По возвращении в СССР работал в ленинградских вузах. Арестован и расстрелян. В 1960 г. при активном участии Н.И. Конрада был издан труд Н.А. Невского «Тангутская филология», за который в 1962 г. Н.А. Невский был удостоен Ленинской премии.

3. *Алексеев В.М.* (1881–1951) – синолог. Академик.

4. *Гурко-Кряжсин В.А.* – редактор журнала «Новый Восток», который был изданием Всероссийской научной ассоциации востоковедов.

5. *Эйдлин Л.З.* (1910–1985) – китаист-филолог, доктор филологических наук.

6. *Пигулевская Н.В.* (1894–1970) – востоковед-историк, член-корреспондент Академии наук СССР.

7. *Заходер Б.Н.* (1898–1960) – историк-иранист, организатор и первый руководитель Восточного отделения исторического факультета МГУ.

8. *Вахтин Б.Б.* (1930–1981) – синолог, писатель. Ученик Н.И. Конрада.

9. *Виноградов В.В.* (1894–1969) – языковед, литературовед. Академик. Директор Института языкознания в 1951–1954 гг., Института русского языка – в 1958–1968 гг. Главный редактор журнала «Вопросы языкознания».

К.В. Зленко, С.А. Некрылов

**ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ
ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
БОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (1919–1920 гг.)**

Деятельность томских ботаников в период Гражданской войны (1918–1920 гг.) практически не изучена. В качестве одного из источников для решения этой задачи можно использовать протоколы заседаний Естественно-исторического отдела Института исследования Сибири, хранящиеся в фонде Р-26 (Институт исследования Сибири) Государственного архива Томской области. Институт был создан на специальном съезде, состоявшемся в Томске в январе 1919 г. и был призван заниматься «объединением исследования Сибири в научном и научно-практическом отношении» [1. С. 18]. Официально он был утвержден указом Верховного правителя А.В. Колчака 28 июля 1919 г., а до этого времени существовал как общественная организация [2. С. 13].

Одним из отделов института как раз и был Естественно-исторический отдел в составе ботанического и зоологического отделений. В его работе, помимо томских ботаников и зоологов, принимали участие ассистент Петроградского лесного института Б.Н. Городков, секретарь Докучаевского почвенного комитета С.С. Неуструев, член того же комитета М.И. Рожанец, чешский исследователь И.И. Подпера, оказавшийся в рядах Чехословацкого корпуса, и др. [2. С. 17–19]. Отдел возглавил директор института, профессор Томского университета В.В. Сапожников. После его отъезда в экспедицию в Тазовую губу работой отдела с 25 июня 1919 г. руководил профессор Томского университета П.Н. Крылов, а 22 января 1920 г. – С.С. Неуструев [3. Л. 152].

Протоколы заседаний Естественно-исторического отдела охватывают период с 20 июня 1919 г. по 9 июля 1920 г. Всего за этот период было проведено около 20 заседаний, часть из них – совместно с Томским отделением Русского ботанического общества, которое возглавлял профессор Томского университета В.В. Сапожников. В архивном деле сохранились главным образом машинописные копии протоколов.

На заседаниях отдела обсуждались различные вопросы, касавшиеся организации ботанических и зоологических исследований, проводимых на территории Сибири. Вот, как, например, проходило объединенное заседа-

ние совета Ботанического отдела Института исследования Сибири и Томского отделения Русского ботанического общества (РБО) 20 июня 1919 г. Оно началось в 8 часов вечера в кабинете ботаники Томского университета. На нем присутствовали В.В. Сапожников, М.И. Рожанец, С.Е. Рожанец, П.Н. Крылов, С.С. Неуструев, В.В. Ревердатто, Л.Ф. Ревердатто, О.А. Симонова, О.Э. Кноррин. Первая часть заседания была посвящена истории возникновения и деятельности кружка «Ботанический чай» и его эволюции в Томское отделение Русского ботанического общества. Участники заседания, поделившись воспоминаниями, пришли к выводу о необходимости написать исторический очерк этого общества, используя материалы, собранные В.В. Ревердатто [3. Л. 136]. Было заслушано также сообщение С.С. Неуструева о порученной ему Переселенческим управлением Министерства земледелия правительства А.В. Колчака работе по составлению карты естественных районов Сибири. Неуструев посчитал возможным составление подобной карты только коллективным путем [3. Л. 136].

На состоявшемся 26 июля 1919 г. заседании совета общества «Институт исследования Сибири» было заслушано заявление зав. ботаническим отделом П.Н. Крылова по вопросу об организации экспедиции для исследования лугов в низовьях Оби. Для руководства экспедицией было решено пригласить ассистента при кафедре ботаники Пермского университета П.В. Сюзева. На эти цели выделялось 10 тыс. руб. Правда, в связи с перемещением линии фронта на Восток было решено предложенные отделом ботаники исследования моховых болот в Ялуторовском и Курганском уездах «оставить до более благоприятного времени», а выделенные деньги использовать на исследование торфяников близ Томска [3. Л. 10].

П.Н. Крылов в 1918 г. вновь занялся проблемой степей, опубликовав работу «По поводу вопроса о классификации русских степей». В ней он выступил против предложенной Б.А. Келлером схемы классификации и расчленения степей на подзоны и против предложенной им терминологии, отстаивая свою, данную им в работе «Степи западной части Томской губернии» схему [4].

В 1919 г. П.Н. Крылов опубликовал свою работу «Очерки растительности Сибири», в которой обосновал ботанико-географическое районирование Сибири. Являясь прекрасным знатоком флоры и растительности многих районов Сибири, П.Н. Крылов учел все накопленные к тому времени сведения не только о растительном покрове Сибири, но и вообще об ее природе. В результате им было обосновано распределение растительного покрова Сибири на фитогеографические районы [5. С. 350–351]. Не прекращал П.Н. Крылов заниматься и обработкой материалов по флоре

Западной Сибири [3. Л. 21]. В этом деле ему стала помогать Л.П. Сергиевская, выпускница Сибирских высших женских курсов.

Представляет интерес и обсуждение на объединенных заседаниях естественно-исторического отдела Института исследования Сибири и Томского отделения Русского Ботанического общества 10 и 17 октября 1919 г. вопроса об издании определителя растений Западной Сибири. В своем выступлении В.В. Сапожников высказал мнение, что определитель должен явиться результатом «коллективного труда». В его основу должна быть положена «Флора Алтая» П.Н. Крылова, пополненная недостающими видами флоры Томской, Тобольской губерний и северной части Акмолинской и Семипалатинской областей, относящихся территориально к Западной Сибири. Это должен быть краткий определитель, в котором были бы весьма полезны рисунки. Цель издания – «удовлетворить в самом непродолжительном времени необходимым пособием главным образом учащуюся молодежь» в виду полного отсутствия подобного рода определителей в продаже [3. Л. 142].

П.Н. Крылов, в свою очередь, считал, что такую работу может выполнить один человек с учетом того, что на это потребуется 10 лет при условии привлечения помощников. Создание же коллектива для написания такого определителя в Томске было, по его мнению, «затруднительно вследствие недостатка в Томске научных сил», «нет равносильных и достаточно компетентных систематиков, достаточно знакомых с местной флорой. При этом, в видах однородности определителя, желательно, чтобы члены коллектива имели по возможности сходное представление о виде» [3. Л. 142].

Указав далее на дороговизну самого издания, П.Н. Крылов согласился с В.В. Сапожниковым, что составление определителя затягивать нельзя и предложил ограничиться пока работами подготовительного характера, «сводящимися главным образом к приведению в порядок всех коллекций ботанического музея Томского университета». После ряда выступлений (С.С. Неуструев, П.В. Сюзев, М.И. Рожанец) было решено перенести обсуждение на следующее заседание [3. Л. 142], состоявшееся 17 октября. Здесь В.В. Сапожников убеждал, что «намеченную работу легче и быстрее, самое большее в 5 лет, можно исполнить коллективно именно теми силами, которые имеются в настоящее время в Томске, так как рассчитывать на компетентных систематиков из Петрограда нельзя». П.В. Сюзев и присутствовавший на этом заседании В.И. Баранов в свою очередь полагали, что во главе этого дела должно стоять одно лицо, «иначе в работе не будет нужной однородности». В.В. Сапожников же доказывал, что ру-

ководителем может быть редакционный комитет, избранный из членов коллектива, но в результате голосования оказался в меньшинстве. Однако В.В. Сапожников заявил собранию, что «твердо оставаясь при своем мнении, неуклонно пойдет к осуществлению своего проекта, избрав для этого уже другой путь» [3. Л. 143].

На заседании, состоявшемся 27 декабря 1919 г., был рассмотрен план исследований на 1920 г. В.В. Сапожников высказался за проведение экспедиций с участием специалистов, представлявших разные области знаний, как «более продуктивных и экономических». Одна из экспедиций планировалась на р. Тая и Тазовскую губу, другая – в Акмолинскую область по линии проектируемой Южно-Сибирской железной дороги [3. Л. 149].

На заседании отдела, состоявшемся 8 января 1920 г., была рассмотрена смета расходов на запланированные на лето 1920 г. почвенно-ботанические и фито-экологические исследования [3. Л. 151].

Протоколы заседаний Естественно-исторического отдела свидетельствуют о большой организационной работе, проделанной П.Н. Крыловым и направленной на проведение ботанических исследований даже в условиях Гражданской войны. Однако постановлением Сибревкома от 5 июня 1920 г. Институт исследования Сибири был закрыт. Вместо него предполагалось учреждение научных секций при Томском университете и Томском технологическом институте [2. С. 35].

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-03-64301 а/Т.

Примечания

1. *Труды* съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 1.
2. *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г.* Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
3. *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 32.
4. *Крылов П.* По поводу вопроса о классификации русских степей // Статистико-экономические бюллетени. Информационное бюро статистиков Сибири и Туркестана. 1918.
5. *Шумилова Л.В.* Ботаническая география Сибири. Томск, 1962.

А.В. Литвинов

**СУДЬБА ВЫСШЕГО ГУМАНИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ТОМСКЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ»)**

В начале 1920-х гг. общественность Сибири была настроена «весьма пессимистически» в отношении вузов Томска. Газеты писали о «наступившем закате «Сибирских Афин», где якобы остались только «медицинские светила», высказывались мнения, что в недалеком будущем от некогда цветущих вузов «останется лишь знаменитая «аллея профессоров» на загородном кладбище».

Эти мрачные прогнозы в какой-то степени начинали сбываться. Под угрозой закрытия находился физико-математический факультет Томского университета, а факультет общественных наук здесь был закрыт летом 1922 г. по распоряжению заведующего Сибнаробразом Д.К. Чудинова (на всю Сибирь оставался лишь ФОН Иркутского университета – *А.Л.*) [1. С. 147]. Ситуация стала меняться в связи с посещением Томска в мае 1923 г. наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского. Он обследовал местные вузы и в своих выступлениях и статьях «восстановил «Сибирские Афины» в том значении, какое они имеют для Сибири и даже для «всей Азии». «Томск не только не спел своей песенки, но именно он явится гигантским очагом для северной Азии», – подчеркнул нарком.

Под влиянием этих высказываний видного советского деятеля, отвечавшего за образование в России, у ряда томских ученых-гуманитариев затеплилась надежда, что удастся возродить в университетском городе и высшее гуманитарное образование.

В связи с этим представляют интерес статьи, появившиеся в «Советской Сибири» – печатном органе Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома. 31 октября 1923 г. газета опубликовала статью «О высшем гуманитарном образовании», авторами которой были профессора и преподаватели закрытого ФОНа В.Я. Нагнибеда, В.Н. Охоцимский, Н.Н. Бакай, В.Н. Наумова-Широких, В.К. Гоштовт, Н.С. Юрцовский и др. Они апеллировали к оценкам, данным А.В. Луначарским томским вузам, и обращали внимание на наличие в Томске великолепной университетской библиотеки. К сожалению, ко времени приезда в Томск наркома просвещения многие из профессоров ФОНа уже покинули город и «разошлись в разные стороны в поисках за насущным хлебом, шумливый поток студенчества иссяк, а вся библиотека мирно покоится на полках без научного использования

и пополнения за последние годы». По мнению авторов статьи, причиной всего этого явилось отсутствие факультета, который «мог бы овладеть ее научными средствами и работать при помощи этих средств». «Если бы в Томске никогда не было факультета гуманитарных наук, – подчеркивалось в статье, – его нужно было бы создать немедленно, потому что для него есть самое важное: университетская библиотека и все остальные кабинетские библиотеки..., аудитории, не оставляющие желать лучшего..., отсутствие жилищного кризиса в самом городе, приспособившем свое домохозяйство к потребностям университетского центра еще в довоенное время, когда студенчество стекалось сюда в большем числе, чем теперь; относительная дешевизна содержания студентов...».

Авторы статьи высказались за восстановление факультета общественных наук, сославшись на то, что он за короткое время своего существования уже сумел подготовить «многие сотни работников для сибирских судов, администрации и школы взамен анекдотичных деятелей прежних времен». Девять десятых всех, окончивших этот факультет, по их словам, занимали «посты ответственных работников по всем отраслям советского управления и хозяйства в Сибири и Европейской России».

Отстаивая возрождение ФОНа, они указывали на то, что этот гуманитарный факультет «мог бы оказать и в будущем советской общественности крупные услуги» в связи с запроектированным в Госплане новым районированием на основе «предполагаемого хозяйственного развития ближайших лет». Речь шла о вынашиваемом проекте создания самого мощного в Сибири хозяйственного района – Кузнецко-Алтайского, в который должны были войти Томская, Алтайская и Новониколаевская губерния и Минусинский край Енисейской губернии. Центром этого района намечался Томск, где как раз и можно было развернуть подготовку советских, судебных, финансовых и административных работников на возрожденном гуманитарном факультете университета. Статья заканчивалась словами: «Нужны люди, работники нужны на местах. И, прежде чем начать новое районирование Сибири, новое строительство советских областей, округов и прочего с новыми учреждениями и заданиями, – нужно организовать в Томске факультет общественных наук. В качестве действительного признания культурного центра Томск может скорее привлечь и удержать необходимые научные силы и дать свежих работников, педагогов, администраторов и хозяйственников, способных поставить на ноги всю Западную Сибирь и, в особенности, промышленный центр Сибири – Кузнецко-Алтайский район».

Редакция «Советской Сибири, публикуя эту статью и не разделяя мнения авторов, расценила ее как дискуссионную [2. 31 окт.].

С контраргументами выступил заведующий Сибнаробразом Д.К. Чудинов. В корне не согласившись с томскими коллегами, он попытался опровергнуть их доводы. Сразу же отвергнув обвинение в том, что закрытие томского ФОНа явилось «началом организованного похода на высшие учебные заведения города Томска», Д.К. Чудинов привел ряд причин, которые, по его мнению, препятствовали развитию гуманитарного образования в Сибири: «культурная отсталость Сибири, материальная необеспеченность и отсутствие учебных сил». Он высказал убеждение, что «преодолеть эти препятствия в настоящее время невозможно» и сослался на новый учебный план факультета общественных наук, утвержденный Главпрофобром НКП РСФСР, по которому ФОН должен был состоять из 5 отделений – экономического, правового, статистического, общественно-педагогического и этнолого-лингвистического. «Если даже открыть факультет общественных наук в составе не всех его отделений, – писал он, – то и тогда мы не найдем необходимых педагогических сил».

Заострив внимание на классовом подходе к преподаванию перечисленных общественных наук, заведующий Сибнаробразом решительно отверг возможность использования кадров дореволюционной формации. Характеризуя прошлое Томского университета, он обратился к авторитету известного сибирского областника Г.Н. Потанина. «Еще в 1908 г., – писал Д.К. Чудинов, – Потанин сказал, что Сибирский университет готовит предателей-чиновников, а не бескорыстных и непоколебимых защитников интересов массы сибирского населения». Этот советско-партийный чиновник от сферы образования назвал и главную, идеологическую причину нежелания восстановления факультета общественных наук в Томском университете: «Для нас... безразлично, каких политических воззрений держится профессор математики..., но для нас бесконечно важно, кто по своим воззрениям профессор политической экономии или учения о государстве». «Томский ФОН, – заключил Д.К. Чудинов, – закрылся и надолго. Подождем инициативы открытия не от старых работников ФОНа, а от рабочекрестьянских масс Сибири. А теперь, пока что, будем укреплять ФОН существующий (в Иркутском университете – А.Л.) и надеяться, что один факультет на всю Сибирь удастся поставить как следует» [2. 15 нояб.]. Таким образом, судьба высшего гуманитарного образования в Томском университете была на целый ряд лет предрешена.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-03-64301 а/Г.

Примечания

1. *Красильников С.А., Пыстина Л.И., Ус Л.Б., Ушакова С.Н.* Интеллигенция Сибири в первой трети XX в.: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007.
2. *Советская* Сибирь (Новониколаевск). 1923.

А.Г. Костерев

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ
АКАДЕМИКА В.Д. КУЗНЕЦОВА**

Изучение современной истории практически невозможно без опоры на такой специфический вид источников как периодическая печать. Газетные и журнальные публикации являются непосредственным отражением спрессовавшихся событий XX в., историческое время которого ускорилось во много раз по сравнению с предшествующими периодами. В свою очередь, пресса, будучи прямым отпечатком происходящего, несёт в себе целый ряд особенностей, которые и обуславливают её специфику как исторического источника. В отличие от других видов источников, периодика характеризует, прежде всего, такая черта как актуальность фиксируемых фактов (причём очень часто многие исследователи разделяют понятия «актуальность» и «злободневность») – освещая события «по горячим следам», печать, как правило, не выделяется глубиной анализа информации. Кроме того, наиболее яркой особенностью периодических изданий является субъективность в оценке и интерпретации происходящих событий, которой редко когда удаётся избежать. Тем не менее, подобная тенденциозность, рассматриваемая как неустраимо сопутствующий признак, сама по себе представляет достаточно интересное поле для анализа и осмысления минувшей реальности.

В силу своего назначения периодика используется для изучения, главным образом, политической и социально-экономической истории. В то же время материалы периодической печати могут с тем же успехом применяться и для изучения истории культуры и её составной части – истории науки и образования. Естественно, что основные этапы развития науки, её знаковые события и достижения отражаются с большей полнотой в специализированных научных изданиях, нежели в регулярных публикациях обычной прессы, острие которой, как уже говорилось, нацелено, прежде всего, на текущие события повседневной жизни. В то же время та информация о науке, что находит себе место на страницах газет и журналов, позволяет исследователю научной мысли взглянуть на её историю под другим углом, а именно – в контексте неразрывных взаимосвязей всех сфер общественного бытия.

Отдельно следует рассматривать периодика советского времени, освещавшую, в той или иной степени, события научной жизни. С одной

стороны, почти вся тогдашняя официальная печать была крайне политизирована, и материал практически по любой тематике нёс в себе груз идеологической начинки. С другой стороны, наука в советском государстве на протяжении всего его существования являлась приоритетной сферой, которой уделялось особое внимание, в том числе и на страницах периодической печати. Исходя из этого, безусловно, необходимо привлекать такого рода материалы, учитывая, однако, всю их специфику. Отделяя информативную часть публикаций от идеологических наслоений (хотя порой они могут исказить саму суть излагаемого и сделать это бывает не так просто), следует помнить, что газеты, как и любой другой источник, требуют всестороннего разбора и комплексного анализа.

Советский период характерен как раз тем, что наука появлялась на страницах печати, главным образом, по двум поводам: либо рапорты об очередных успехах и достижениях, либо же разгром политически неблагонадёжных научных работников или целых научных направлений. Приметой времени (особенно на заре советской эпохи) стало привнесение политики и идеологии в науку – печатные страницы превращались в поля для дискуссий и настоящих сражений между представителями тех или иных течений научной мысли, вооружённых зачастую далеко не научными аргументами. Несмотря на всё это, печатное слово было не только идеологическим рупором, но и несло, так или иначе, определённую долю объективной информации, отражавшей реально происходившие в обществе (и в науке, в частности) процессы. Задача исследователя состоит, прежде всего, в том, чтобы, максимально пытаясь избежать модернизации истории, попробовать бросить взгляд на события прошлого сквозь призму как авторов публикаций, так и их читателей.

При работе в таком специфичном жанре истории науки, как научная биография, периодика привлекается в качестве дополнительного источника, помогающего дать «внешнюю» оценку изучаемой фигуры. Если же брать сибирскую печать, то она как нельзя лучше подходит для рассмотрения жизненного и научного пути академика В.Д. Кузнецова, раскрывшего все стороны своего научного и организаторского таланта именно в Томске. Причём, что характерно, как раз на страницах печати относительно полно отразилось многогранное поле его деятельности – как учёного, педагога, администратора и общественного деятеля. Академик В.Д. Кузнецов (1887–1963) – один из крупнейших отечественных учёных XX в. и, в своей области, физик, без преувеличения, мирового масштаба. Основатель томской научной школы физики твёрдого тела, Кузнецов, как очень часто про него говорят, стал «отцом сибирской физики». К тому же

Кузнецов и сам был достаточно неплохим публицистом, неоднократно выступая с полемическими и научно-популярными статьями.

Перечисляя задействованные при этом издания, следует назвать, прежде всего, такие как томская городская (с августа 1944 г. – областная) газета «Красное знамя» и официальный печатный орган Томского университета, первоначально называвшийся «В бой за темпы и качество», затем – «За качество кадров», «За советскую науку» и, наконец, «Alma mater». Кроме того, персона академика часто фигурировала на страницах новосибирской «Советской Сибири». Всё это газеты, выходившие в советское время, хотя впервые имя В.Д. Кузнецова было упомянуто «Сибирской жизнью» ещё в начале XX в., когда он только начинал работать в Томске.

Во второй половине 1920-х гг. в сибирской и, конечно же, томской печати широко освещался и обсуждался вопрос о создании в Томске специализированного физико-технического института, становление которого неразрывно связано с именем Кузнецова – его создателя и в течение многих лет руководителя СФТИ. Он вёл активную переписку с известными столичными и ленинградскими физиками, пытаясь заручиться их поддержкой в своём начинании. Некоторые из этих писем были опубликованы в «Красном знамени».

В поворотные для страны годы первой пятилетки СФТИ работал на нужды индустриализации Сибири, в частности, вплотную занимался так называемой урало-кузнецкой проблемой (созданием второй в СССР угольно-металлургической базы). Все успехи и трудности находили своё отражение на страницах местных газет [1]. Кузнецов лично координировал действия различных отделов института, намечая приоритетные направления работы. Так сложилось, что именно в те годы будущий академик окончательно определился с выбором физики твёрдого тела в качестве основной научной тематики, ставшей впоследствии делом всей его жизни [2].

К этому же времени относятся дискуссии о соотношении ролей науки и промышленности. Вопреки доминировавшему тогда в высших партийных и хозяйственных кругах представлению о том, что наука должна решать, прежде всего, текущие задачи, стоящие перед промышленностью, В.Д. Кузнецов (тогда уже являвшийся заслуженным деятелем науки) отстаивал иные убеждения. Суть их состояла в принципиально иной роли науки – живой творческой мысли, управляющей промышленностью и направляющей её. Примечательный факт: в одной из дискуссионных статей он употребляет слово «перестройка» (применительно не только к физике, но и ко всей советской науке в целом), приводя сравнения с западной

научной мыслью и предупреждая об опасностях фатального отставания отечественной [3].

Говоря о сложности взаимоотношений науки и власти, следует сказать и о чисто человеческих качествах учёного Кузнецова, находившего, с одной стороны, смелость противостоять нападкам политизированных оппонентов, но с другой стороны, умевшего гибко обходить острые углы в возникавших спорах и дискуссиях и всегда готового к разумному и конструктивному компромиссу. Ещё в начале 1920-х гг. ему пришлось невольно вступить в полемику с редакцией «Красного знамени» на её же страницах, отвечая на обвинения томской профессуры в «контрреволюционности» [4]. Взятый советским руководством курс на «оробочивание» научных кадров неизбежно затронул тех учёных, что достались стране в наследство от дореволюционной России. Тогда Кузнецов достаточно резко обозначил свою позицию как учёного и гражданина, напомнив, что провинциальный Томск должен быть благодарен людям, которые превратили его в научную столицу Сибири, не прельстившись гораздо лучшими условиями для работы и жизни в Москве или в Ленинграде. В СФТИ непросто складывалась работа и в 1930-е гг., хотя физика (прежде всего, благодаря своему огромному значению для обеспечения военно-индустриальной мощи государства) в годы чисток пострадала в гораздо меньшей степени, чем другие науки. Тем не менее, и томских физиков коснулись те же проблемы, к примеру – борьба с формализмом в науке [5].

Во время войны В.Д. Кузнецов выступил как организатор и один из руководителей Томского комитета учёных, централизовавшего усилия томской научной общественности на помощь фронту. Вклад томских учёных в дело победы регулярно отмечался сибирской печатью [6].

Помимо научной и организаторской деятельности Кузнецова, периодика позволяет судить о нем как о педагоге и общественнике [7]. Кроме того, основные вехи его жизненного пути кратко обрисовывались в газетах, когда он выдвигался кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР [8].

Большое количество печатного материала посвящено рассказам и воспоминаниям о нём его товарищей и учеников. Приурочены они были, как правило, к юбилеям самого академика или его детища – СФТИ. Наиболее интересные из них относятся к концу 1980-х гг., когда наступила пора переосмысления прошлого [9].

В начале 1990-х гг. были опубликованы отрывки из кузнецовских воспоминаний, написанных им в период 1953–1955 гг., но так до сих пор и не изданных [10]. Эти фрагменты проливают свет на не совсем при-

глядные стороны первых лет совместного существования науки и советской власти в России.

Подводя итог краткому обзору периодической печати, привлекаемой в качестве источника, можно отметить, что она, при всех своих особенностях, вполне может быть использована для написания научной биографии В.Д. Кузнецова.

Примечания

1. *Советская* Сибирь. 1931. 28 авг.
2. *Красное* знамя. 1928. 7 июня.
3. *Там же*. 1936. 9 апр.
4. *Там же*. 1922. 13 окт.
5. *Там же*. 1936. 24 апр.
6. *Там же*. 1944. 1 мая.
7. *За советскую* науку. 1948. 1 янв.
8. *Красное* знамя. 1947. 18 янв.
9. *За советскую* науку. 1987. 14 мая.
10. *Томский* вестник. 1993. 6 нояб.

М.В. Грибовский

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ТОМСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕССУРЫ 1930-х гг.
В АРХИВНЫХ ФОНДАХ**

В последние десятилетия в отечественной исторической науке (вслед за европейской и американской) все большее значение приобретает социальная история. Широкое использование в истории методов социологии позволяет увеличить познавательные возможности исторической науки. Сегодня исследователи охотно обращаются к анализу различных социальных групп, рассчитывая с новых ракурсов рассмотреть прошлое.

Томск – город, ставший колыбелью высшего образования в Азиатской части России. Здесь с конца XIX в. действовал старейший в Сибири университет и родоначальник инженерного образования – технологический институт. На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР развернулась масштабная реформа системы высшего образования. С целью приближения ее к производству началось дробление многопрофильных вузов на узкоспециальные. Далеко не все созданные тогда в Томске учебные заведения имели длинную историю. Ряд из них был переведен в другие сибирские города, некоторые прекратили свое существование. Однако выделившийся из университета медицинский институт (ТМИ) изначально занял прочные позиции в сфере отечественного высшего медицинского образования.

Исследователя, обращающегося к истории томской медицинской профессуры, ждет широкий круг неопубликованных материалов, отложившихся в фондах томских и новосибирских архивов.

В Государственном архиве Томской области (ГАТО) интерес представляют фонды 102 и Р-815 (Томский университет), Р-561 (Томский медицинский институт), Ф. Р-430 (Томский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет) и личные фонды профессоров института – Н.В. Вершинина (Р-1552), Д.И. Гольдберга (Р-1550), К.М. Гречищева (Р-1675), С.П. Карпова (Р-1549), П.М. Нагорского (Р-1581), Е.И. Неболюбова (Р-1569), В.В. Ревердатто (Р-1848), А.Г. Савиных (Р-1584), В.Т. Сереброва (Р-1565), В.И. Суздальского (Р-1577), Н.П. Федотова (Р-1657), С.П. Ходкевича (Р-1566), К.Н. Черепнина (Р-1583), Д.Д. Яблокова (Р-1901).

В Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО) имеются фонды Ф. 76 (Томский окружной комитет РКП(б)/ВКП(б)); Ф. 80 (Томский городской комитет КПСС); Ф. 115 (Партийная организация Томского государственного университета); Ф. 357 (Первичная ор-

ганизация КПСС Томского медицинского института); Ф. 607 (Томский областной комитет КПСС); Ф. 1078 (Томский комитет ученых); Ф. 5651 (Думенова Е.М.); Ф. 5666 («Томичи о времени и о себе», коллекция).

Немало высокоинформативных источников хранится в архивах Томского государственного университета (ТГУ) и Сибирского государственного медицинского университета (СибГМУ), в фондах Музея истории ТГУ, Музея истории СибГМУ, а также в музеях кафедр оториноларингологии, фармакологии и кафедры факультетской терапии СибГМУ.

В силу того, что в рассматриваемый период Томск административно входил в состав Новосибирской области, большой пласт источников отложился в фондах Государственного архива Новосибирской области (ГАО): П-3 (Западно-Сибирский краевой комитет КПСС), П-4 (Новосибирский областной комитет КПСС), Р-29 (Управление здравоохранения администрации Новосибирской области), Р-1353 (Отдел здравоохранения Запсибкрайисполкома).

Важнейшим источником по истории ТМИ в 1930–40-е гг. и его профессорского корпуса являются делопроизводственные материалы (отчеты о деятельности и докладные записки о состоянии ТМИ, отчеты о научно-исследовательской деятельности института, факультетов и кафедр, приказы директоров, протоколы заседаний совета, советов факультетов, кафедр, методических и предметных комиссий ТМИ, учебные программы и сведения о пересмотре учебных планов, служебная переписка между дирекцией ТМИ и Наркомздрава РСФСР и местными властями). Эти документы, в основном хранящиеся в ГАО и архиве СибГМУ, содержат разнообразную информацию по самому широкому кругу вопросов. Они дают возможность раскрыть содержание и характер процесса подготовки специалистов на факультетах института, охарактеризовать методические приемы преподавания, выяснить отношение профессуры к реформам в системе высшего образования в целом.

Особо стоит отметить приказы директора института. В этом репрезентативном источнике, сохранившемся фактически целиком, содержится разнообразная информация о текущей жизни Томского мединститута.

Важная информация, касающаяся отдельных профессоров, их деловых качеств содержится в личных делах (автобиографии, общественные, партийные характеристики, переписка по поводу их продвижения по службе и учебной и научной деятельности и т.д.).

Отдельно следует отметить такой источник, как списки личного состава ТМИ за разные годы. Они дают не только возможность проследить изменения в динамике численности профессорского корпуса, но и уточ-

нить социальное происхождение профессоров, их стаж работы в вузе, партийную принадлежность. Использование этих источников позволяет исследователю провести историко-социологический анализ профессорского корпуса Томского мединститута.

Что касается источников, содержащих сведения об уровне зарплаты профессоров, ее покупательной способности в разные годы, то информацию по этим вопросам содержат упомянутые приказы по институту, служебная переписка, списки личного состава и штатные расписания, отчеты о состоянии института, а также материалы Томского окружного статистического бюро о розничных ценах в Томске. Однако сведений о покупательной способности заработных плат в архивах сохранилось явно недостаточно.

Следующая группа архивных источников позволяет охарактеризовать отношения между профессорами и преподавателями, с одной стороны, и властными структурами – с другой. Ключевое значение для выяснения отношений между профессорами Томского мединститута и властями имеют материалы из фондов ЦДНИ ТО, а также материалы фондов ГАНО. Стенограммы партийных заседаний института, переписка партбюро ТМИ с вышестоящими партийными организациями, характеристики на преподавателей – членов ВКП(б) дают возможность составить представление о политических настроениях в среде научных работников института в 1930-е гг. В этих документах зафиксирована реакция профессоров ТМИ на те или иные решения властей, в том числе партийных, характеризуются их политические настроения, межличностные отношения, взаимоотношения со студенчеством по текущим учебным вопросам, а также по вопросу выдвижения выпускников вуза в аспирантуру и ординатуру. Они дают возможность охарактеризовать и атмосферу в среде самих профессоров и преподавателей. В этих же материалах нашло отражение влияние политических кампаний 1930-х гг. на профессорско-преподавательский коллектив ТМИ.

Для всестороннего анализа жизнедеятельности томской медицинской профессуры должны привлекаться имеющиеся в архивах источники личного происхождения. Заслуживают внимания, например, воспоминания Е.М. Думеновой о Н.В. Вершинине, Т.Ф. Мариной – о Н.В. Вершинине и Е.М. Думеновой (ЦДНИ ТО. Ф. 5651). В ЦДНИ ТО (фонд № 5666) хранятся тексты воспоминаний В.И. Черняевой, В.С. Ляликовой, О.И. Далингер и К.В. Лавровой, опубликованные в 2003 г. в сборнике документов «Томские женщины. XX век». К сожалению, круг мемуарных источников, в которых освещался бы период 1930-х гг. в жизни Томского медицинского института, как и высшей школы Сибири в целом, недоста-

точно велик. Тем не менее, подобные документы позволяют ощутить дух времени, восстановить некоторые факты и события, не нашедшие отражения в других источниках.

Все указанные выше архивные источники в сочетании с опубликованными материалами позволяют выявить особенности формирования, динамику численности, социальный состав, материальное положение, политические настроения и взаимоотношения с властью, образовательную и научно-исследовательскую деятельность томской медицинской профессуры 1930-х гг.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-03-64301 а/Г .

Н.П. Цеховой

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АСПИРАНТУРЫ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 1920–30-е гг.**

Важным решением, определившим начало качественно нового этапа в процессе формирования государственной системы подготовки советских научных кадров, явилось «Положение о руководстве делом подготовки научных работников», утвержденное коллегией Наркомпроса РСФСР 30 июня 1925 г. В нем впервые лица, занятые подготовкой к научной и педагогической деятельности, были названы аспирантами. Постановление Наркомпроса положило начало переходу к плановой, организованной подготовке кадров профессоров и преподавателей для высшей школы.

При президиуме ГУСа учреждалась специальная комиссия по подготовке научных работников в виде постоянно действующего органа. Она распределяла ассигнования на подготовку аспирантов, утверждала их состав, направляла, контролировала, инструктировала всю их деятельность. На местах создавались комиссии, которые производили работу по отбору аспирантов. Если раньше студенты оставались в вузе и готовились без всякого плана, то теперь система подготовки носила строго плановый характер. Срок прохождения аспирантуры был установлен в 3 года. В Томском университете впервые в 1926/27 учебном году было утверждено 3 аспиранта.

Для изучения истории аспирантуры в ТГУ в 1920–30-е гг., т.е. в годы ее становления как системы подготовки научно-педагогических кадров для высшей школы страны, можно привлечь как опубликованные, так и неопубликованные источники. Ключевое значение имеют документы из фондов Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО) и Государственного архива Томской области (ГАТО).

Важная информация, касающаяся биографий отдельных аспирантов, их деловых качеств содержится в их личных делах (автобиографии, общественные характеристики, переписка по поводу их учебной и научной деятельности и т.д.). В основном аспиранты были выходцами из рабочих и крестьян, так как при отборе в аспирантуру в это время в первую очередь учитывалось социальное положение кандидата. Аспиранты должны были составить костяк будущей советской интеллигенции. В основном это были выпускники Томского университета. В качестве примера можно

привести аспиранта А.Ф. Колесникова. Из его автобиографии, имеющей в личном деле, следует, что выходец из многолетней крестьянской семьи Семипалатинской губернии, он после окончания профессионально-технической школы, как один из лучших выпускников, с хорошей комсомольской характеристикой был рекомендован в вуз. После успешной сдачи вступительных экзаменов был принят на физико-математический факультет ТГУ в 1926 г. Все годы учебы в университете принимал активное участие в общественной работе и окончил его в 1930 г. После этого был рекомендован в аспирантуру при Сибирском физико-техническом институте, где его научным руководителем стал профессор В.Н. Кесених. В 1935 г. А.Ф. Колесников успешно защитил кандидатскую диссертацию «О механическом двойниковании цинка» и был утвержден Квалификационной комиссией УНИ 4 июня 1935 г. [1. Л. 1–38].

Среди аспирантов ТГУ первого набора (1926 г.) был геолог Ю.А. Кузнецов, ставший впоследствии действительным членом АН СССР. В числе первых аспирантов были также Г.Д. Залесский, будущий ректор Новосибирского медицинского института, Гильм Камай, впоследствии лауреат Государственной премии, заслуженный деятель РСФСР, ректор Казанского университета.

Разнообразная информация по отдельным аспирантам, а также и по работе аспирантуры в целом содержится в различных партийных документах того периода (протоколы заседаний партбюро ТГУ, партгрупп отдельных факультетов, дела по приему в кандидаты и члены ВКП(б)), поскольку партийная организация университета уделяла большое внимание проблемам аспирантуры, контролировала её деятельность. Вопросы «о научном росте коммунистов» постоянно обсуждались на заседаниях партбюро ТГУ, где аспиранты и другие научные работники выступали с самоотчетами о проделанной работе. Эти источники позволяют выяснить, как проходила борьба между профессурой и студенчеством, поддерживаемым партийной организацией университета, за выдвижение своих кандидатов в аспиранты. Так, в 1927 г. парторганизация считала «неподходящими кандидатами в научные работники» следующих лиц:

«1) несильного академически, не общественника, склочника, расшатывающего работу или не желаемого работниками данной кафедры, идущими по советской линии;

2) нашего кандидата, даже хорошего коммуниста, но слабого по общему признанию академически;

3) удовлетворительного академически, но плохого коммуниста, проводящего шкурную линию, подлежащего исключению из партии» [2. Л. 9].

Большие надежды в этой борьбе по воспитанию «своих» кадров парторганизация возлагала на институт выдвиженцев.

В данных источниках, помимо биографических сведений об аспирантах, имеется исчерпывающая информация о их общественной деятельности. Они дают также возможность получить представление о тех трудностях и проблемах, с которыми сталкивалась в своей работе аспирантура.

Особое внимание парторганизация уделяла содержанию подготовки аспирантов – повышению уровня их политической зрелости, воспитанию активной жизненной позиции, вовлечению в общественную работу. В рекомендациях парторганизаций все более четко проявлялась линия на углубление связи научной подготовки аспирантов с жизнью, с задачами индустриализации Сибири, потребностями развития края.

Парконтроль за отбором кандидатов в аспирантуру осуществлялся на всех этапах обсуждения кандидатов в нее. Особое внимание партийные бюро ячеек уделяли деятельности студенческих фракций в предметных комиссиях – самой первой «инстанции» в ходе отбора кандидатов в аспиранты. Партийные бюро регулярно заслушивали отчеты фракций предметных комиссий, направляли их работу. Партячейки вузов контролировали также ход подготовки аспирантов, выполнение ими индивидуальных планов.

Официальные документы, такие как «Инструкция о порядке подготовки научных работников», утвержденная комиссией ГУСа 8 июля 1925 г. [З. Л. 99], «Постановление комиссии по подготовке научных работников при Президиуме ГУСа от 5 мая 1926 г.» [З. Л. 100], «Разъяснение комиссии по подготовке научных работников при Президиуме ГУСа от 11 февраля 1926 г., «О порядке получения аспирантами стипендий» [З. Л. 44], «О порядке и условиях зачисления в разряд аспирантов на 1927/28 учебный год (Постановление комиссии по подготовке научных работников при Президиуме ГУС от 9.03.1927 г.)», Уставы ТГУ (1929, 1939 гг.) и т.п. позволяют составить общее представление об организационных принципах подготовки научных кадров через аспирантуру, как в целом по стране, так и в Томском университете в частности. Например, принятый в 1939 г. «Устав ТГУ» одной из основных задач университета определял «подготовку через аспирантуру научных кадров для самостоятельной научно-исследовательской и преподавательской работы в научно-исследовательских учреждениях, вузах и втузах».

В ТГУ в это время подготовка аспирантов велась по следующим специальностям: история ВКП(б), диалектический и исторический материа-

лизм, математика, астрономия, физика, химия, география, почвоведение, геология, зоология, ботаника, грунтоведение.

Информацию об учебной и научной деятельности аспирантов можно обнаружить и в журналах заседаний правления ТГУ, в протоколах заседаний предметных комиссий, президиумов факультетов, ученого совета ТГУ. Эти органы систематически заслушивали и детально обсуждали отчеты аспирантов. Из материалов этого рода можно извлечь много полезной информации о научных интересах аспирантов, их научных командировках и экспедициях, учебной и общественной деятельности.

Другим источником по истории аспирантуры в Томском университете является периодическая печать, прежде всего издававшаяся с 1931 г. многотиражная газета ТГУ «В бой за темпы и качество» (в 1933–1935 гг. – «За качество кадров»). В ней нередко появлялись публикации, посвященные различным проблемам аспирантуры, под такими заголовками, как «Подготовка кадров для кадров стала забытым участком работы»[5], «Беспризорные аспиранты»[6] и др. Они были призваны привлечь внимание руководства факультетов и университета к улучшению работы аспирантуры. Кроме того, нередко в газетах публиковались отчеты кафедр о своей текущей научной деятельности и работе своих аспирантов.

В целом изучение разнообразных источников позволяет сформировать целостную картину истории аспирантуры ТГУ в 1920–30-е гг. как важного института подготовки научно-педагогических кадров.

Примечания

1. *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 15. Д. 1364.
2. *Центр* документации новой и новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 115. Оп. 3. Д. 1.
3. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 243.
5. *За качество кадров*. 1933. 28 янв.
6. *Там же*. 1934. 30 сент.

А.Н. Сорокин

**МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ
НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Великая Отечественная война явилась своего рода проверкой на прочность того научно-исследовательского фундамента, который был заложен в Сибирском физико-техническом институте (СФТИ) в предшествующий период. Научная работа велась в невероятно трудных условиях военного времени, когда остро ощущалась нехватка необходимого оборудования и материалов, научных кадров (многие сотрудники ушли на фронт). Нередко возникали трудности с отоплением и электроэнергией, не говоря уже о житейских неудобствах и остром дефиците продуктов питания [1. С. 7].

Перед учеными была поставлена задача – использовать достижения науки для укрепления обороны страны, готовить кадры специалистов, в которых нуждалась армия, оборонные предприятия и транспорт, военные госпитали. Ценой неимоверных усилий удавалось организовать масштабные работы и получать необходимые результаты. Исследования выполнялись небольшим составом сотрудников – всего 16 чел. К выполнению научных работ привлекались 42 совместителя из числа преподавателей томских вузов, в первую очередь с физико-математического факультета ТГУ.

Для изучения истории СФТИ этого периода особую ценность представляет фонд «Томский комитет ученых», в организации и работе которого ученые института принимали самое непосредственное участие. В фонде отложились протоколы и выписки из протоколов пленумов президиума Комитета ученых, протоколы общегородских собраний ученых и инженеров, отчеты Комитета ученых, обзоры работ томских вузов и научно-исследовательских учреждений, докладные записки, обращения ученых, тематика научных исследований и т.п.

Материалы фонда дают возможность реконструировать не только историю Томского научно-образовательного комплекса в условиях войны в целом, оценить вклад ученых в общее для страны дело приближения победы, но и вклад в это общее дело отдельных составляющих этого комплекса.

Значительная часть документов напрямую связана с научно-исследовательской работой, проводимой в Сибирском физико-техническом ин-

ституте. Архивные дела содержат характеристику научной деятельности, как в целом СФТИ, так и его отдельных лабораторий и отделов. Материалы содержат ценную информацию, позволяющую определить место института в работе Комитета ученых, связь СФТИ с факультетами Томского университета, другими томскими вузами, промышленными предприятиями и заводами Сибири, роль этого учреждения в подготовке научных кадров, в разработках и их практическом внедрении и т. п.

Для изучения научно-исследовательской деятельности института интерес представляют такие материалы, как протоколы заседаний президиума пленумов бюро Томского комитета ученых, протоколы комиссий, совещаний, пленума комитета, всевозможные тематические планы, задания, программы, отчеты о его работе и т. д. Особого внимания заслуживает составленная в 1943 г. справка «Характеристика научной деятельности Сибирского физико-технического института при Томском государственном университете им. В.В. Куйбышева в военное время». Эти документы содержат данные о результатах и показателях научной работы, описание и аннотации предложений и проектов.

Согласно сохранившемуся положению о Томском комитете ученых, он создавался на время Великой Отечественной войны и являлся филиалом Научного совета при Новосибирском облисполкоме. Главной задачей ставилась «мобилизация научных сил города по обслуживанию промышленных предприятий, транспорта, сельского хозяйства и нужд Красной Армии» [2. Д. 1. Л. 1]. Среди инициаторов создания Комитета были профессор Б.П. Токин (председатель), его заместители Н.Н. Шмаргунов, В.Д. Кузнецов, А.Г. Савиных. В состав комитета вошло 22 чел., в том числе 17 профессоров и 3 доцента, бригадный инженер и секретарь горкома партии.

Сам процесс создания и начальный этап деятельности комитета можно проследить по материалам протоколов президиума пленумов бюро Томского комитета ученых. Организационное заседание комитета, согласно протоколу № 1, состоялось 30 июня 1941 г. Выступивший на нем секретарь Томского горкома ВКП(б) В.И. Баракшин сообщил о том, что горком партии обсудил предложение, внесенное проф. ТГУ В.Д. Кузнецовым и «единодушно поддержанное учеными города Томска», и одобрил ценную инициативу ученых, решив организовать Комитет томских ученых. Полное его название звучало так: «Томский комитет ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время» [2. Д. 2. Л. 1].

Центром Комитета ученых стал Сибирский физико-технический институт, «научный штаб патриотов-ученых Томска», как его назвал проф.

Б.П. Токин. Заседания комитета проходили в кабинете директора института, проф. В.Д. Кузнецова. На них приглашались директора и главные инженеры заводов, профессора томских и эвакуированных в Томск вузов.

Особую роль в выполнении оборонной тематики в годы войны играл СФТИ. На базе лабораторий и мастерских института была проведена большая работа по подготовке квалифицированных кадров, необходимых для госпиталей, транспорта и оборонных заводов.

Постановлением Новосибирского бюро обкома и облисполкома от 19 июля 1941 г. при Новосибирском облисполкоме был создан Научный Совет по мобилизации ресурсов области на службу обороны. В его состав вошло 20 виднейших ученых области, из которых половина была из Томска, в том числе директор СФТИ проф. В.Д. Кузнецов [5. С. 253–254].

Комитет ученых объединял около 300 научных работников. По данным «Протоколов заседаний президиума пленумов бюро Томского комитета ученых» можно сделать вывод о том, что учеными Томска были установлены тесные связи с производством. Для большей оперативности, «в соответствии с новыми задачами, диктуемыми напряженной военной обстановкой, требующей крайне напряженной работы всех ученых вузов и институтов», пленум Томского комитета ученых на своем заседании 10 августа 1942 г. разработал дополнительные организационные формы по мобилизации науки и техники.

В практику было введено военно-научное шефство Комитета ученых и отдельных ученых над предприятиями с тем, чтобы «они входили во все детали научно-технических нужд заводов, знали технологию процессов, помогали изобретателям и рационализаторам, выдвигали сами предложения с максимальным освоением мощностей заводов».

Наряду с кафедрами и учеными томских вузов, за заводами и предприятиями закреплялись и кафедры и лаборатории СФТИ. Так, за Государственным подшипниковым заводом (ГПЗ) была закреплена кафедра металлофизики СФТИ (проф. М.А. Большанина), за заводами № 355 и 838 – кафедры оптики и спектроскопии и металлофизики (проф. В.М. Кудрявцева), за заводом № 353 – коллектив СФТИ и кафедра органической химии ТГУ (проф. В.Д. Кузнецов, М.А. Большанина и В.А. Измаильский), за фармзаводом – кафедра высших растений ТГУ и т.д. [2. Д. 2. Л. 98].

Важная роль в годы войны отводилась ионосферной станции СФТИ, занимавшейся сбором информации о прохождении радиоволн в ионосфере, для того чтобы решать практические вопросы, связанные с обеспечением дальней радиосвязи. В письме председателю горисполкома Годовицину ра-

бота ионосферной станции признавалась «весьма ценной для народного хозяйства Союза и особо актуальной в военное время» [2. Д. 8. Л. 22].

Деятельность ионосферной станции в военное время представляется возможным проследить по документам в архивном деле, озаглавленном «Вопросы энергетики». С 1 октября 1940 г. ионосферная станция работала круглосуточно и занималась исследованием верхних слоев атмосферы методом радиоимпульсов. В годы Великой Отечественной войны это было важно для организации полетов авиации. Нельзя забывать о том, что над Сибирью в это время пролегла трасса, по которой из США перегоняли самолеты, поставляемые СССР по ленд-лизу. Согласно указанным выше материалам, ионосферная станция вела круглосуточную оперативную работу и ежедневно отправляла телеграммы в Москву, Ленинград, Новосибирск, Свердловск и Хабаровск.

7 августа 1941 г. на заседании Комитета ученых было заслушано сообщение проф. В.Н. Кессениха о состоянии строительства загородной ионосферной станции. Комитет принял постановление, согласно которому работа ионосферной станции была признана весьма ценной и актуальной. Было решено обратиться в горисполком и к хозяйственным организациям Томска помочь в 15-20-дневный срок закончить её строительство [2. Д. 8. Л. 22].

Помимо наблюдения за состоянием ионосферы, в 1941 г. станцией было выполнено две специальные работы по заданию Наркомата связи: составлена карта радиосвязи для Европейской части СССР, а также произведен расчет и исследование антенн военных радиостанций.

На всем протяжении Великой Отечественной войны Комитет ученых неоднократно обсуждал различные предложения, выдвигаемые учеными СФТИ. Они были связаны с применением спектрального и люминесцентного анализов, созданием дефектоскопов и радиощупов для обнаружения осколков в телах раненых, созданием новых сплавов, организацией курсов радиомонтажников, рентгентехников и физико-техников и т.д.

Сотрудниками института успешно велись исследования в области медицины прикладного характера. В протоколе № 6 заседаний президиума пленумов бюро Томского комитета ученых отмечается, что применение принципов дефектоскопии имело большой эффект и при хирургических операциях по удалению осколков из тела. Сотрудником СФТИ Б.П. Кашкиным совместно с сотрудником Томского индустриального института П.П. Одинцовым был сконструирован прибор (радиощуп), который, по отзывам медицинских учреждений, удовлетворял всем требованиям операционной обстановки и оказывал существенную помощь хирургу. Он был принят и апробирован специальной комиссией при ВКВШ. Радиощуп был

испытан сортировочным эвакуогоспиталем № 290 Западного фронта при проведении операций по удалению инородных тел из тела человека, вплоть до удаления инородных тел из черепа, и дал хорошие результаты. В письме Б.П. Кашкину и П.П. Одинцову командование эвакуогоспиталя просило выслать им чертежи и техническое описание для того, чтобы наладить серийное производство этого изделия [2. Д. 2. Л. 35].

Таким образом, документы фонда «Томский комитет ученых» содержат ценную информацию, характеризующую научную деятельность СФТИ в годы Великой Отечественной войны, носившую как фундаментальный, так и прикладной характер и подчинённую нуждам фронта.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-03-64301 а/Т.

Примечания

1. **Фоминых С.Ф., Ульянов А.С., Потекаев А.И.** Сибирский физико-технический институт с начала Великой Отечественной войны и до своего пятидесятилетия (1941–1978 гг.). Исторический очерк // Сибирский физико-технический институт: История института в документах и материалах (1928–1941 гг.). Томск, 2006.

2. **Центр** документации новой и новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Оп. 1.

3. **Доблестный** труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов. Новосибирск, 1964.

А.С. Ульянов

**ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТОВ И СОТРУДНИКОВ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТГУ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Воспоминания являются повествованием о событиях, в которых автор принимал, как правило, непосредственное участие. Важная особенность этого вида источников заключается в том, что они носят «документальный» характер, претендуют на достоверность изображения прошлого. В воспоминаниях на первый план выступает сам автор, со своими взглядами, видением описываемых событий и отношением к ним. Через воспоминания можно ощутить дух времени, восстановить некоторые факты и события, которые могли не найти отражения в других источниках. В связи с этим, для изучения истории Томского государственного университета в годы Великой Отечественной войны большую роль, наряду с другими источниками, играют воспоминания тех, кто учился и работал в университете в этот период.

Часть воспоминаний студентов и сотрудников университета публиковалась в разные годы на страницах газеты «Красное знамя» и университетской многотиражной газеты «За советскую науку» («Alma mater»), а также в сборниках воспоминаний и документов [1–4].

Следует отметить и книгу «С верой в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний» [5]. Этот сборник состоит из трех разделов, которым предшествует очерк, посвященный деятельности университета в годы войны. Во втором разделе («Эти долгие военные годы») собраны воспоминания тех, кто учился или работал в ТГУ в военный период, а в третьем разделе («Трудились во имя Победы») помещены воспоминания тружеников тыла, которые были непосредственно связаны с Томским университетом. Специально для этого сборника были написаны воспоминания Г.М. Зайнулиной, Е.П. Бельтюковой, Н.Н. Круликовским, М.М. Молчановой, Н.В. Кудрявцевой, В.М. Судаковой, Б.А. Антиповым, Е.В. Носковой, Т.М. Платовой. Значительная часть воспоминаний, вошедших в эту книгу, была написана в 60–90-е гг. XX в. в связи с празднованием юбилейных дат начала или окончания войны, поэтому содержат неточности, несут отпечаток времени их создания. Тем не менее, они дают почувствовать дух военного лихолетья, узнать о трудно-

стях, которые испытывали не только участники боевых действий, но и те, кто учился или работал в тылу.

В фонде проф. В.Д. Кузнецова, хранящемся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), есть его дневниковые записи, в которых приводятся интересные факты о деятельности ученых Томского университета, направленной на оказание помощи промышленным и оборонным предприятиям. В фондах Музея истории ТГУ хранятся письма студентов, преподавателей и сотрудников, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны (С.М. Петров, В.П. Поддубный, В.Н. Кессених, С.В. Попов, К. Удалов), а также воспоминания Н.Г. Щеглова, М.П. Евсеева и др.

Интерес для изучения истории университета в годы Великой Отечественной войны представляют воспоминания З.Я. Бояршиновой [6] – декана историко-филологического факультета университета в годы войны. Она писала свои воспоминания не только по памяти, но и с использованием архивных документов и публикаций. Материально-бытовые условия жизни ученых в годы войны, состояние учебной и научной работы на историко-филологическом факультете университета получили отражение в воспоминаниях доктора исторических наук Е.В. Гутновой, которая во время войны, будучи аспиранткой, была эвакуирована в Томск [7]. В частности, она даёт описание комнаты в двухэтажном доме на Татарской улице, где жило 6 чел., включая детей: «Комната, в пять окон, была светлая, с высокими потолками, чистая и приятная, но холодная из-за обилия окон, первого этажа и невозможности в тех условиях отопить ее двумя голландскими печами, для того предназначенными... Мебель в нашей новой обители почти отсутствовала. Огромный буфет служил перегородкой, деля комнату на две части. ...С вечера после топки печи в комнате было тепло, даже жарко. Но за ночь она вымерзла до инея на стенах...» [7. С. 210].

Из воспоминаний выясняется, что преподаватели, научные сотрудники, рабочие и служащие получали по карточкам продукты по государственным ценам, но их явно не хватало для нормального питания. В результате приходилось прибегать к услугам рынка, где цены, если исходить из зарплаты, были запредельными: килограмм масла в Томске в годы войны стоил 1 000 руб., ведро картофеля – 450 руб., литр молока – 70 руб., водка – 500 руб. [5. С. 216, 150].

Л.В. Шумилова, которая входила в состав совета жен (семей) фронтовиков ТГУ, в своих воспоминаниях описывала, каким образом организовывался сбор посылок на фронт: «В обязанности партбюро, в первую очередь, секретаря и заместителя, входило обеспечение материальной

поддержки фронта... Нужны были полушубки, валенки, шапки, ватные брюки и телогрейки, теплое белье и носки, рукавицы и другие вещи. Уже в первую военную зиму многие члены коллектива сдали последние личные крупные теплые вещи. Мы писали от коллектива письма фронтовикам. И посылали к праздникам подарки. Особенно запечатлелся в памяти эпизод, когда готовили подарки к Новому, 1943 г. Решили послать продуктовые посылки в войсковые подразделения, где служат бывшие сотрудники нашего университета (преимущественно научные работники), причем адресовать посылки персонально «нашим» фронтовикам. Удалось уточнить более 20 адресов. В их числе были Ю.В. Чистяков, Б.Я. Зубков, В.В. Поттосин, М.С. Вдовкин, В.П. Поддубный и др. При содействии райкома удалось достать в Томторге вино (примерно по 2 бутылки на посылку), копченую рыбу, колбасу и махорку. Члены коллектива принесли много мелких вещей: рукавицы, носки, кисеты, полотенца, носовые платки, бумагу, конверты. Нам очень хотелось добавить чего-нибудь съестного, например, пряников. Но в то время хлебные продукты выдавались строго по карточкам, пряники можно было получить взамен хлеба по очень уменьшенной норме (не то 500 г., не то 300 г. за 800 г. хлеба). Кому-то пришла в голову мысль собрать в коллективе хлебные талоны и «отоварить» их пряниками... нам удалось получить большое количество (кажется, 30–40 кг.) белых мятных пряников, что по тем временам было почти роскошью...» [5. С. 171–173; 8].

Много внимания в годы войны уделялось шефству над госпиталями. Студентки, изучавшие военную медицину, проходили практику в одном из томских госпиталей, располагавшемся в здании по проспекту Кирова, 15 (ныне учебный корпус Сибирского государственного медицинского университета). Эта сторона жизни также нашла отражение в воспоминаниях. «Нам, – пишут студентки военных лет В.В. Палагина и В.А. Соловьева, – разрешалось дежурить у тяжелораненых больных, наблюдать за больным во время переливания крови, очищать раны на нижних и верхних конечностях (раны были глубокие и гнойные), делать перевязки. Не хватало перевязочного материала, и студенток-практиканток привлекали к стирке бинтов» [5. С. 161–162]. Другая студентка военных лет Т.М. Платова пишет: «После лекции и лабораторных занятий я вместе с девушками моей группы бежала в госпиталь к нашим раненым бойцам, как правило, очень молодым, в возрасте от восемнадцати до тридцати лет. Мы ухаживали за ранеными, меняли одежду, постельное белье, делали перевязки, кормили раненых в постели, прямо с ложечки» [5. С. 136]. Для раненых

бойцов устраивались беседы, лекции, концерты, собирались подарки, оказывалась помощь в подготовке к поступлению в университет.

Таким образом, воспоминания позволяют осветить отдельные страницы истории Томского государственного университета в трудные годы Великой Отечественной войны, дополнить новыми фактами, более зримо представить события, происходившие в то время, а зачастую и по-новому взглянуть на известные страницы истории университета.

Примечания

1. **Все** для фронта, все для победы! / Сост. А.П. Акаченко, И.А. Мизгирев. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985.
2. **Томск** и томичи для фронта и победы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995.
3. **Физики** о физике и физиках / Под ред. И.Н. Анохиной. Томск: Изд-во НТЛ, 1998.
4. **Химический** факультет Томского государственного университета (к 70-летию образования) / Ред. Ю.Г. Слизов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.
5. **С верой** в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и воспоминаний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
6. **Бояришинова З.Я.** Томский университет в годы войны / За советскую науку. 1983. 5, 12, 19, 26 мая; 2, 9, 16 июня.
7. **Гутнова Е.В.** Пережитое. М., 2001.
8. **За советскую** науку. 1965. 9 мая.

В.А. Демешкин

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ХОРОВОЙ КАПЕЛЛЫ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

29 октября 2009 г. исполнилось 50 лет со дня основания хоровой капеллы ТГУ – ведущего творческого коллектива первого в Сибири университета. За это время хор под руководством воспитанников Казанской консерватории В.В. Кузьмина (1959–1966 гг.) и В.В. Сотникова (с 1966 г. по н.в.) достиг высокого уровня исполнительского мастерства и признания, как слушателей, так и профессионального сообщества музыкантов.

Очевидно, что к настоящему времени возникла необходимость выявления, публикации документальных материалов, что, в свою очередь, позволит написать историю уникального университетского коллектива.

Круг источников и возможные места их нахождения включают:

1. Документы архива ТГУ, архивного фонда университета в Государственном архиве Томской области, документы архива профсоюза работников высшей школы.

2. Коллекцию материалов архива хоровой капеллы.

3. Материалы периодической печати.

4. Документы личных архивов руководителей и участников коллектива.

В фонде архива ТГУ отложились нормативно-распорядительные документы о командировании участников хора на конкурсы, приказы о поощрении хористов. Содержание этих документов позволяет уточнить состав участников капеллы в различные периоды её деятельности. Документы профкома ТГУ, партийного комитета позволяют оценить роль и значение этих структур в становлении и развитии коллектива.

Ключевое значение имеют материалы коллекции документов самой хоровой капеллы. С момента принятия её Устава в правлении хора была учреждена должность архивариуса коллектива, который должен был собирать и хранить документы по истории коллектива. Это позволило за годы существования хора сохранить разнообразные материалы, отражающие различные стороны жизни коллектива.

Много внимания уделяли этому первый президент капеллы И.И. Госсен (1939–1997 гг.), ветераны капеллы. В настоящее время сотрудник университета Г.А. Шахтарин постоянно пополняет и сохраняет материалы архива. Создана и хранится коллекция концертных афиш капеллы, подборка фотографий и видеоматериалов, сохранена часть карточек уче-

та хористов, журналы учета посещений репетиций, материалы, отражающие вопросы подготовки поездок на конкурсы и фестивали: письма, обращения в различные структуры Томска и областные органы власти.

Анализ этих материалов свидетельствует о том, что подготовка и проведение поездок требовали гигантской организационной работы и решения на различных уровнях вопросов финансирования.

Материалы архива послужили основой создания Н.З. Шафоростовой летописи «Виват капелла!» [1].

Особую ценность, как многоаспектный источник, представляет «Памятная книга хоровой капеллы», которая была вручена коллективу ректором Тартуского университета Б.Д. Клементом в феврале 1968 г. С этого времени она пополнялась записями о творчестве коллектива. На 74 страницах этой книги представлены слова признательности и благодарности поклонников хорового искусства и выдающихся музыкантов современности. Так, 23 апреля 1968 г. композитор Георгий Свиридов оставил запись: «Хору Томского университета, моим славным исполнителям и пропагандистам. Благодарный автор» [2. С. 3].

Анализ записей позволяет выявить круг творческих связей и общения коллектива за 40 лет, географию концертных поездок и многое другое. Они содержат оценку роли и значения творчества дирижера и руководителя хоровой капеллы В.В. Сотникова, которую дали представители музыкального мира различных стран, рядовые слушатели СССР/России, Молдавии, Украины, Прибалтийских республик. Представляется, что значение этого документа со временем будет возрастать.

Творческая жизнь хоровой капеллы постоянно отражалась в различных периодических изданиях. На страницах университетской многотиражки «За советскую науку» («Alma mater»), газеты «Красное знамя» (Томск), центральных изданий («Советская культура», «Правда» и др.) представлен значительный фактический материал по истории коллектива, о творчестве В.В. Сотникова. Библиография публикаций в периодической печати о творчестве коллектива насчитывает более 100 названий. Это информационные заметки и глубокие размышления с оценкой творчества дирижера и коллектива.

Значительный массив документов, особенно фотографий и видеоматериалов сохранен в архиве В. Сотникова, личных архивах участников капеллы. В них зафиксирована вся 50-летняя история коллектива.

Происходит естественная смена поколений участников хоровой капеллы. Чрезвычайно актуальна проблема выявления и сбережения материалов старшего поколения, в первую очередь, у хористов, певших в ка-

пелле под руководством В.В. Кузьмина в 1959–1966 гг. С уходом из жизни ветеранов капеллы эти документы могут быть утрачены. Необходимо сконцентрировать документы по истории хоровой капеллы в фондах Музея истории ТГУ.

В первую очередь, следует осуществить фондирование материалов архива самой капеллы, творческих руководителей коллектива, личных архивов активистов, членов правления хоровой капеллы 1960–1980-х гг. Необходимо ускорить оцифровку выявленных материалов, выставления их на сайте хоровой капеллы. Это обеспечит сохранность документальной базы и возможность исследователям работать с материалами по истории прославленного коллектива.

Примечания

1. *Виват капелла!* Летопись 1959–1994 гг. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 135 с.
2. *Памятная книга* хоровой капеллы Томского государственного университета // Архив хоровой капеллы ТГУ.

Н.В. Аранжина

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ
ТОМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СО РАН В 1991–1994 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕКУЩИХ АРХИВОВ)**

Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (ТНЦ СО РАН) играет значительную роль в инновационном развитии региона. Одним из важных компонентов его деятельности являются международные связи, которые получили развитие в постсоветский период. Для их изучения можно использовать ежегодные отчеты научных институтов, входящих в состав этого центра, фиксирующие основную информацию о научной, научно-производственной, научно-организационной, международной деятельности.

Международная деятельность ТНЦ СО РАН стала бурно развиваться с 1991 г., когда Томск приобрел статус открытого города. С этого момента все научные учреждения ТНЦ СО РАН – Институт оптики атмосферы (ИОА), Институт сильноточной электроники (ИСЭ), Институт физики прочности и материаловедения (ИФПМ), Институт химии нефти (ИХН) становятся активными участниками международной и внешнеэкономической деятельности Томской области. В годовых отчетах институтов до 1991 г. информация о международной деятельности практически отсутствовала, либо занимала несколько строк, поскольку в зарубежные командировки выезжали, как правило, директора институтов. Ученые ТНЦ практически не имели возможности встречаться и общаться со своими коллегами из других стран вследствие закрытости города и секретности разрабатываемой тематики.

Рассматриваемый период (1991–2000 гг.) с точки зрения развития международных научных связей можно условно разделить на два этапа: с 1991 по 1994 гг. и с 1995 по 2000 гг. На первом этапе происходило установление международных контактов, поиск надежных иностранных партнеров и организованных структур, таких как совместные предприятия, международные лаборатории, совместные проекты. На втором этапе наблюдается углубление уже установившихся международных связей. В целом международная научная деятельность институтов включала:

- организацию в стране и за рубежом международных научных конференций;
- работу по контрактам с инофирмами;

- организацию научного обмена специалистами с зарубежными научными центрами на безвалютной основе;
- участие в международных научных конференциях;
- чтение лекций за рубежом на коммерческой основе;
- публикацию монографий и коллективных научных трудов в зарубежных журналах;
- организацию рекламно-выставочной деятельности;
- прием иностранных делегаций и командирование сотрудников за рубеж с целью заключения соглашений и выполнения программ совместных работ;
- осуществление научно-внедренческой деятельности в рамках совместных предприятий с иностранными партнерами.

Период 1991–1994 гг. представляется наиболее интересным и важным с точки зрения вхождения ученых ТНЦ СО РАН в мировое научное сообщество. По отчетам можно выделить несколько направлений их международных научных связей: организация и проведение первых международных конференций, прием иностранных делегаций, первые выезды за рубеж сотрудников, первые стажировки, подписание первых договоров о создании совместных научных лабораторий, а затем совместных предприятий.

Организация и проведение международных научных конференций, симпозиумов, семинаров в начале 1990-х гг. становились заметным явлением для научной общественности. Так, ИХН СО РАН провел первую международную конференцию по химии нефти в октябре 1991 г. в Томске [1]. В 1992 г. ИСЭ СО РАН принимал участие в организации международной конференции «Импульсные лазеры на переходах атомов и молекул» и IX симпозиума по сильноточной электронике [4]. На базе ИФПМ СО РАН был организован и проведен Российско-китайский симпозиум «Актуальные проблемы современного материаловедения» [5].

Одной из особенностей первого периода развития международных научных связей институтов ТНЦ СО РАН, как отмечается в отчетах, стало проведение конференций, симпозиумов, представление научных программ за рубежом. Крупными событиями для ИФПМ и в целом для ТНЦ стали организация и проведение ИФПМ 2-го международного Российско-китайского симпозиума «Актуальные проблемы современного материаловедения» в 1993 г. в г. Сиан (Китай) [8]; презентация программы «Компьютерное конструирование материалов и технологий» на встрече ученых «Восток-Запад» в Совете Европы в г. Страсбург (Франция) в ноябре 1992 г. [5].

Одной из форм обмена научно-технической информацией является проведение международных выставок. Особенно активно осуществлял эту деятельность ИФПМ СО РАН, развернувший выставки во многих городах Европы и Азии: Токио (Япония), Ганновер, Мюнхен (Германия), Вена (Австрия), Будапешт (Венгрия), Милан (Италия), Хельсинки (Финляндия), Калькутта (Индия) [2]. С целью продвижения своих разработок на международный рынок ИОА СО РАН в январе 1993 г. принял участие в международной выставке в г. Балтимор (США) [6].

В 1990-е гг. проводилась работа по установлению связей с международными издательскими центрами. В 1994 г. ИФПМ СО РАН заключил контракты на издание в Великобритании в издательстве «Cambridge Interscience Publishing» двух коллективных монографий сотрудников института [11].

Важное значение в деятельности институтов ТНЦ приобретали совместные исследования с зарубежными научными организациями. По материалам отчетов можно проследить деятельность институтов по созданию совместных международных лабораторий с научными учреждениями за рубежом. Так, ИФПМ СО РАН создал ряд таких совместных лабораторий с научными учреждениями Китая: с институтом исследования металлов и институтом коррозии и защиты металлов Шеньянского отделения АН КНР, с Генеральным Пекинским институтом цветных металлов, с Шанхайским институтом цветных металлов, с Северо-Западным институтом цветных металлов в г. Баоцзи с участием института гидродинамики им. Лаврентьева.

Создание международных научных лабораторий происходило и в Европе. Лаборатория по компьютерному конструированию материалов и технологий была создана совместно с университетом г. Болонья (Италия), а также с институтом Джозефа Стефана в г. Любляна (Словения) при участии Московского авиационно-технологического института [5]. ИСЭ СО РАН проводил исследования по 6 контрактам с зарубежными лабораториями США, Великобритании, Китая. На установке института были проведены совместные эксперименты с учеными Франции [7]. В рамках соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Российской академией наук и национальным центром научных исследований Франции ИОА СО РАН осуществлял сотрудничество с лабораторией физики Бургундского университета в Дижоне, с лабораторией молекулярной физики и применений университета им. Пьера и Марии Кюри в Париже, с университетом Шампань-Арденн в Реймсе [9].

Важным направлением работы институтов ТНЦ становилось участие в совместных научно-технических программах и проектах. ИОА принимал участие в Европейской научно-технической программе EUROTRAC [3], программе GLOBWIND, LITE [9]. ИФПМ реализовывал совместные проекты с компанией «British AeroSpace» и с Северокаролинским университетом США [11].

В 1992 г. было положено начало научным стажировкам ученых ТНЦ СО РАН в зарубежных университетах. По данным годовых отчетов, в 1991–1994 гг. ТНЦ посетили около 30 делегаций и более 140 иностранных ученых. В зарубежные командировки выезжало свыше 200 ученых ТНЦ.

В отчетах институтов отмечается, что с 1993 г. (ИФПМ) и с 1994 г. (ИСЭ) происходило качественное изменение характера международных связей, выразившееся, прежде всего, в заключении контрактов. Так, их количество возросло в ИСЭ СО РАН с 6 (в 1993 г.) до 16 (в 1994 г.) [10]. Более того, в этот период институты ТНЦ начали получать гранты от различных организаций. ИСЭ получил 4 долгосрочных благотворительных гранта [10], ИОА – 3 коллективных и 9 индивидуальных грантов [9], ИФПМ – 20 индивидуальных грантов [8] от фонда Сороса, ИОА – грант от Европейской южной обсерватории и грант CNR (Италия) [9].

Логическим следствием деятельности институтов ТНЦ СО РАН по осуществлению международных научных связей стало создание совместных предприятий с зарубежными учреждениями. Так, ИФПМ создал два совместных предприятия с Институтом исследования металлов Шеньянского отделения АН КНР [8]. В 1994 г. ИФПМ совместно с компанией из Великобритании «A&T Exploration Company Ltd.» создал предприятие «ISPM-INTERNATIONAL», которое занялось реализацией крупных инвестиционных проектов с фондами и фирмами США и Западной Европы [11].

Таким образом, годовые отчеты институтов ТНЦ СО РАН являются важным источником по изучению международных научных связей ТНЦ. Они позволяют проследить развитие международных контактов от чисто научных, традиционных направлений (участие в конференциях, выставках, публикации в зарубежных журналах) до новых направлений, связанных с развитием рыночной экономики (работа по контрактам с инофирмами, организация совместных международных лабораторий, осуществление научно-внедренческой деятельности в рамках совместных предприятий с иностранными партнерами).

Примечания

1. *Текущий* архив Института химии нефти (ИХН) СО РАН. Годовой отчет за 1991 г.
2. *Текущий* архив Института физики прочности и материаловедения (ИФПМ) СО РАН. Годовой отчет за 1991 г.
3. *Текущий* архив Института оптики атмосферы (ИОА) СО РАН. Годовой отчет за 1992 г.
4. *Текущий* архив Института сильноточной электроники (ИСЭ) СО РАН. Годовой отчет за 1992 г.
5. *Текущий* архив ИФПМ СО РАН. Годовой отчет за 1992 г.
6. *Текущий* архив ИОА СО РАН. Годовой отчет за 1993 г.
7. *Текущий* архив ИСЭ СО РАН. Годовой отчет за 1993 г.
8. *Текущий* архив ИФПМ СО РАН. Годовой отчет за 1993 г.
9. *Текущий* архив ИОА СО РАН. Годовой отчет за 1994 г.
10. *Текущий* архив ИСЭ СО РАН. Годовой отчет за 1994 г.
11. *Текущий* архив ИФПМ СО РАН. Годовой отчет за 1994 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адаменко Алексей Михайлович, к.и.н., доц. каф. отечественной истории Кемеровского гос. ун-та (Кемерово).

Ананина Анна Валентиновна, науч. сотр. Гос. архива Томской области (Томск).

Андреев Валерий Павлович, д.и.н., проф., зав. каф. истории России и политологии общеобразовательного ф-та Томского гос. архитектурно-строительного ун-та (Томск).

Аранжина Нина Васильевна, ст. преп. каф. иностранных языков Томского гос. ун-та (Томск).

Арлаишкина Ольга Владимировна, зам. начальника управления кадрами Хакасского гос. ун-та (Абакан).

Бараницева Наталья Анатольевна, к.и.н., доц. каф. всеобщей истории Хакасского гос. ун-та (Абакан).

Берсенева Максим Валерьевич, к.и.н., доц. каф. истории и социальной работы Томского ун-та систем управления и радиоэлектроники (Томск).

Боброва Виктория Сергеевна, к.и.н., доц. каф. гуманитарных и политических дисциплин Омского гуманитарного ин-та (Омск).

Большедворская Марина Владимировна, к. социол. н., доц. каф. информатики Иркутского гос. лингвистического ун-та (Иркутск).

Бочаров Алексей Владимирович, к.и.н., доц. каф. истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Быков Роман Александрович, асп. каф. онтологии, теории познания и социальной философии философского ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Быкова Татьяна Александровна, к.и.н., доц. каф. истории и документоведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Ваганова Ирина Владимировна, асп. каф. истории и документоведения исторического факультета Томского гос. ун-та (Томск).

Васенькин Николай Викторович, гл. библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Науч. б-ки Томского гос. ун-та (Томск).

Викторов Александр Юрьевич, учитель истории ОСШ № 43 (Новокузнецк).

Воробьев Николай Васильевич, к.и.н., доц., докторант исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Галашова Наталья Борисовна, к.и.н., доц. исторического ф-та Томского гос. пед. ун-та (Томск).

Гасникова Светлана Юрьевна, ст. преп. каф. документоведения и всеобщей истории Нижневартковского гос. гуманитарного ун-та (Нижневартовск).

Гахов Виктор Дмитриевич, гл. археограф отдела использования и публикации документов Гос. архива Томской области (Томск).

Гач Ольга Богдановна, ст. преп. каф. отечественной истории и культурологии Томского гос. пед. ун-та (Томск).

Горюнова Екатерина Сергеевна, ст. преп. каф. документоведения и права Нижнетагильской гос. социально-педагогической академии (Нижний Тагил).

Грачев Михаил Семёнович, к.и.н., доц. каф. отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского гос. технического ун-та (Кемерово);

Грибовский Михаил Викторович, к.и.н., доц. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Грик Николай Антонович, д.и.н., зав. каф. истории и социальной работы Томского ун-та систем управления и радиоэлектроники (Томск).

Давыденко Екатерина Александровна, к. фсф.н., доц. каф. документоведения и всеобщей истории Нижневартковского гос. гуманитарного ун-та (Нижневартовск).

Дворецкий Андрей Валерьевич, к.ю.н., доц. каф. трудового права и права социального обеспечения Юридического ин-та Томского гос. ун-та (Томск).

Демешкин Василий Александрович, к.и.н., доц. каф. истории и документоведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Дмитриева Татьяна Анатольевна, ведущий специалист муниципального архива г. Асино (Томская обл.).

Дмитриенко Надежда Михайловна, д.и.н., проф. каф. музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Ин-та искусств и культуры Томского гос. ун-та (Томск).

Домогащев Олег Семенович, ст. преп. каф. физкультуры и спорта Хакасского гос. ун-та (Абакан).

Еремина Наталья Леонидовна, к.т.н., доц. каф. информационных технологий в управлении и экономике международного ф-та управления Томского гос. ун-та (Томск);

Есипова Валерия Анатольевна, д.и.н., зав. сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной б-ки Томского гос. ун-та (Томск).

Жеравина Ольга Александровна, к.и.н., доц., зав. каф. библиотечно-информационной деятельности Ин-та искусств и культуры Томского гос. ун-та (Томск).

Журко Елена Ивановна, студ. отделения управления гуманитарного ф-та Нижневартковского гос. гуманитарного ун-та (Нижневартовск).

Залипаева Елена Анатольевна, ст. преп. каф. высокопроизводительных вычислительных систем Ивановского гос. энергетического ун-та (Иваново).

Звягин Сергей Павлович, д.и.н., проф. каф. новейшей отечественной истории Кемеровского гос. ун-та (Кемерово).

Зленко Константин Васильевич, к.и.н., преп. Томского филиала Кузбасского ин-та Федеральной службы исполнения наказаний РФ (Томск).

Зоркова Оксана Вячеславовна, начальник Архивного управления Томской области (Томск).

Иванова Анна Михайловна, ведущий архивист Гос. архива Томской области (Томск).

Иванова Маргарита Викторовна, к.и.н., доц. каф. истории и регионоведения Томского политехнического ун-та (Томск).

Казакевич Людмила Ивановна, к.и.н., доц. каф. истории и социальной работы Томского гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники (Томск).

Казакова Евгения Александровна, к.и.н., ст. преп. каф. истории и документоведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Калверт Елена Юрьевна, консультант по кадровой политике и организационным вопросам отдела консалтинга корпорации Deloitte (Дуниден, Новая Зеландия).

Кан Галина Исааковна, главный хранитель фонда ОГУ «Центр документации новейшей истории Томской области» (Томск).

Караваева Анастасия Геннадьевна, директор Гос. архива Томской области (Томск).

Карачаков Дмитрий Михайлович, д.и.н., ведущий науч. сотр. Гуманитарного научно-исследовательского ин-та Хакасского гос. ун-та (Абакан).

Карачакова Намира Дмитриевна, магистрантка Ин-та истории и права Хакасского гос. ун-та (Абакан).

Карташова Татьяна Петровна, гл. библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной б-ки Томского гос. ун-та (Томск).

Кискидосова Татьяна Александровна, с.н.с. Хакасского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории (Абакан).

Кладова Нина Васильевна, к.и.н., доц. каф. отечественной истории Алтайской гос. педагогической академии (Барнаул).

Кнауб Ксения Викторовна, студ. международного ф-та управления Томского гос. ун-та (Томск).

Ковалев Анатолий Павлович, к.и.н., доц. каф. отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского гос. технического ун-та (Кемерово).

Козлова Тамара Кузьминична, главный специалист по вопросам архивного дела Администрации муниципального образования «Зырянский район» (с. Зырянка, Томская обл.).

Колосова Галина Иосифовна, зав. отделом рукописей и книжных памятников Научной б-ки Томского гос. ун-та (Томск).

Кондратьева Тамара Николаевна, к.и.н., доц. каф. документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского гос. ун-та (Тюмень).

Костерев Антон Геннадьевич, к.и.н., ст. преп. каф. истории и социальной работы Томского ун-та систем управления и радиоэлектроники (Томск).

Косых Ольга Евгеньевна, к.и.н., с.н.с. Ин-та искусств и культуры Томского гос. ун-та (Томск).

Котляров Иван Дмитриевич, к.э.н., доц. Северо-Западного ин-та печати (Санкт-Петербург).

Коурдаков Михаил Владимирович, магистрант Тюменского гос. ун-та (Тюмень).

Крайнева Ирина Александровна, к.и.н, хранитель архива академика А.П. Ершова Ин-та систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН (Новосибирск).

Круглыхина Екатерина Александровна, ведущий специалист Аппарата Думы г. Томска (Томск).

Крупцева Ольга Васильевна, ведущий библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной б-ки Томского гос. ун-та (Томск).

Ксенофонтова Светлана Николаевна, студ. исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Кузнецова Наталья Валерьевна, асс. каф. информатики Иркутского гос. лингвистического ун-та (Иркутск).

Кузоро Кристина Александровна, ст. преп. каф. библиотечно-информационной деятельности Ин-та искусств и культуры Томского гос. ун-та (Томск).

Куперт Юрий Васильевич, д.и.н., проф. каф. истории и документоведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Курусканова Наталия Петровна, к.и.н, доц. каф. истории и социальных коммуникаций Кубанского гос. технологического ун-та (Краснодар).

Куулар Маадыр Шомаадырович, главный специалист отдела использования информации и публикации документов Центрального гос. архива Республики Тыва (Кызыл).

Ларьков Николай Семёнович, д.и.н., проф., зав. каф. истории и документоведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Лило Ирина Александровна, студ. отделения управления гуманитарного ф-та Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та (Нижневартовск).

Литвинов Александр Валерьевич, к.и.н., доц. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Литенкова Екатерина Викторовна, асп. каф. документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского гос. ун-та (Тюмень).

Лукина Нелли Петровна, д.фсф.н., проф. каф. гуманитарных проблем информатики философского ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Луков Евгений Викторович, к.и.н., доц. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Лысенко Ирина Сергеевна, студ. международного ф-та управления Томского гос. ун-та (Томск).

Ляпкина Анна Алексеевна, асс. каф. библиотечно-информационной деятельности Ин-та искусств и культуры Томского гос. ун-та (Томск).

Мазур Людмила Николаевна, д.и.н., зав. каф. документационного и информационного обеспечения управления Уральского гос. университета (Екатеринбург).

Макачук Сергей Владимирович, д.и.н., проф., зав. каф. истории России Кемеровского гос. ун-та (Кемерово).

Маркова Марина Фадеевна, к.и.н., науч. сотр. Государственного архива Томской области (Томск).

Масяйкина Евгения Анатольевна, к.п.н., ст. преп. каф. библиотечно-информационной деятельности Ин-та искусств и культуры Томского гос. ун-та (Томск).

Матвеева Елена Олеговна, к.п.н., проф. каф. управления информационно-библиотечной деятельностью Московского гос. ун-та культуры и искусств (Москва).

Меркулов Сергей Александрович, асп. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Миргородова Юлия Михайловна, преп. каф. истории и теории государства и права Курского ин-та социального образования (филиала) РГСУ (Курск).

Миркин Владимир Викторович, к.и.н., ст. преп. каф. истории и документоведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Морев Владимир Алексеевич, к.и.н., доц. каф. истории и документоведения Томского гос. ун-та (Томск).

Назаров Александр Владимирович, зам. директора ООО «Энергопром» (Тюмень).

Наумова Наталья Ивановна, к.и.н., доц. каф. истории и документо- ведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Некрылов Сергей Александрович, к.и.н., доц. каф. современной оте- чественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Немирович-Данченко Павел Михайлович, ведущий методист Центра документации новейшей истории Томской области (Томск).

Нестерович Юрий Владимирович, к.и.н., с.н.с. Белорусского НИИ документо- ведения и архивного дела (Минск, Беларусь).

Никиташина Наталья Александровна, к.ю.н., доц., зав. каф. граж- данского права и процесса Ин-та истории и права Хакасского гос. ун-та (Абакан).

Орлова Ирина Вячеславовна, к.и.н., доц. каф. отечественной истории и культурологии Иркутского гос. мед. ун-та (Иркутск).

Перова Ольга Валентиновна, ст. преп. каф. отечественной истории и культурологии Томского гос. пед. ун-та (Томск).

Плешкевич Евгений Александрович, к.и.н., зав. каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Российского гос. гума- нитарного ун-та (Саратов).

Помелова Дина Васильевна, м.н.с. выставочного отдела СОИКМ им. П.В. Алабина (Самара).

Попова Людмила Львовна, к.ф.с.ф.н., доц. каф. социологии Томского политехнического ун-та (Томск).

Постол Владимир Иванович, к.и.н., доц. каф. политологии философ- ского ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Приль Людмила Николаевна, к.и.н., зам. директора Центра докумен- тации новейшей истории Томской области (Томск).

Протасов Александр Дмитриевич, студ. Тюменского гос. ун-та (Тю- мень).

Разинков Сергей Львович, к.и.н., доц. каф. документо- ведения и права Нижнетагильской гос. социально-педагогической академии (Нижний Тагил).

Розалева Наталья Викторовна, майор внутренней службы, началь- ник каф. управления и информационных технологий Кузбасского ин-та Федеральной службы исполнения наказаний РФ (Кемерово).

Родионова Татьяна Валерьевна, с.н.с. Музея истории города Томска (Томск).

Рожнёва Жанна Анатольевна, к.и.н., доц. каф. истории и документо- ведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Румянцев Петр Петрович, асс. каф. отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Рынков Вадим Маркович, к.и.н., с.н.с. Ин-та истории СО РАН (Новосибирск).

Савельева Алена Владимировна, к.и.н., ст. преп. каф. документоведения и всеобщей истории Нижневартковского гос. гуманитарного ун-та (Нижневартовск).

Савин Валерий Александрович, д.и.н, проф. кафедры истории и организации архивного дела Историко-архивного ин-та Российского гос. гуманитарного ун-та (Москва).

Самбурская Галина Ануфриевна, доц. кафедры гражданского права и процесса Ин-та истории и права Хакасского гос. ун-та (Абакан).

Селявская Ирина Васильевна, ст. преп. каф. информационных технологий в экономике и управлении международного ф-та управления Томского гос. ун-та (Томск);

Сергеева Е.Ю. (Самара).

Сергиенко Владимир Алексеевич, к.и.н., докторант Кемеровского гос. ун-та (Кемерово).

Сизова Екатерина Викторовна, ведущий библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Науч. б-ки Томского гос. ун-та (Томск).

Силков Сергей Васильевич, советник председателя правления ИКТ-холдинга «Новаком» (Минск, Республика Беларусь).

Скипор Инна Леоновна, к.п.н., доц. каф. технологии автоматизированной обработки информации Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств (Кемерово).

Скопа Виталий Александрович, к.и.н., ст. преп. каф. отечественной истории Алтайской гос. пед. академии (Барнаул).

Слободяник Михаил Семёнович, д.и.н., проф., директор Института государственного управления и информационной деятельности Государственной академии руководящих кадров культуры и искусств (Киев, Украина).

Слугина Ольга Анатольевна, асп. филологического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Соколов Виктор Юрьевич, к.и.н., доц. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Сорокин Александр Николаевич, асп. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Степанова Вероника Владимировна, д.и.н., проф., зав. каф. документоведения и всеобщей истории гуманитарного ф-та Нижневартковского гос. гуманитарного ун-та (Нижневартовск).

Стрюкова Екатерина Павловна, асп. Уральского гос. ун-та (Екатеринбург).

Судник Татьяна Владимировна, к.и.н., доц. каф. документоведения и всеобщей истории Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та (Нижневартовск).

Тельманова Елена Владиславовна, к.п.н., доц. каф. информационной безопасности Южно-Уральского гос. ун-та (Челябинск).

Титов Владимир Юрьевич, к.и.н., зам. директора по науке Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутск).

Толстова Анна Анатольевна, асс. каф. библиотечно-информационной деятельности Ин-та искусств и культуры Томского гос. ун-та (Томск).

Томилова Наталья Александровна, ст. преп. каф. истории и документоведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Угрюмова Мария Викторовна, к.и.н., доц. каф. документоведения и всеобщей истории Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та (Нижневартовск).

Ульянов Андрей Сергеевич, к.и.н., главный специалист по обеспечению деятельности совета безопасности Администрации Томской области (Томск).

Фоминых Сергей Фёдорович, д.и.н., проф. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Фролова Наталья Викторовна, к.филол.н., доц. каф. экономической теории и менеджмента Самарского филиала Московского городского пед. ун-та (Самара).

Хаминов Дмитрий Викторович, асп. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Харусь Ольга Анатольевна, д.и.н., проф. каф. истории и документоведения исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Хмельницкая Ольга Евгеньевна, к.и.н., зав. отделом использования и публикации документов Гос. архива Томской области (Томск).

Цеховой Николай Петрович, асп. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Черказьянова Ирина Васильевна, д.и.н., с.н.с. Санкт-Петербургского филиала Ин-та истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург).

Чернов Константин Анатольевич, главный специалист-инспектор Архивного управления Томской области (Томск).

Шабалина Виктория Александровна, студ. Социально-гуманитарного ин-та Нижнетагильской гос. социально-педагогической академии (Нижний Тагил).

Шараев Павел Сергеевич, к.и.н., ст. преп. каф. истории и регионоведения гуманитарного ф-та Томского политехнического ун-та (Томск).

Шарунов Александр Иванович, к.п.н., доц. каф. информатики Иркутского гос. лингвистического ун-та (Иркутск).

Швецова-Водка Галина Николаевна, д.и.н., проф. каф. библиотековедения и библиографии Ровенского гос. гуманитарного ун-та (Ровно, Украина).

Шевелев Дмитрий Николаевич, к.и.н., доц. каф. современной отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Шевляков Александр Семенович, д.и.н., проф. каф. истории и документоведения Томского гос. ун-та (Томск).

Шагин Сергей Александрович, к.и.н., доц. каф. политологии философского ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

Шагина Мария Петровна, науч. сотрудник Гос. архива Томской области (Томск).

Якубова Лала Алиевна, к.и.н., доц. каф. документоведения и всеобщей истории Нижневартковского гос. гуманитарного ун-та (Нижневартовск).

Ялунина Кристина Владимировна, студ. Социально-гуманитарного ин-та Нижнетагильской гос. социально-педагогической академии (Нижний Тагил).

Яринская Анна Михайловна, асп. каф. отечественной истории исторического ф-та Томского гос. ун-та (Томск).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Зоркова О.В.	3
-------------------	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ ДОКУМЕНТА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Лукина Н.П.	7
------------------	---

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ДОКУМЕНТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Слободяник М.С.	16
----------------------	----

НА ПУТИ К ОБЩЕМУ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЮ

Ларьков Н.С.	21
-------------------	----

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АРХИВЫ ГЛАЗАМИ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Караваева А.Г.	30
---------------------	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Куперт Ю.В.	36
------------------	----

Часть I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ. СИСТЕМЫ И КОМПЛЕКСЫ ДОКУМЕНТОВ В ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ МНОГООБРАЗИИ

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ ИЛИ ДОКУМЕНТОЛОГИЯ: КАК НАЗЫВАТЬ «НАУКУ О ДОКУМЕНТЕ ВООБЩЕ»

Швецова-Водка Г.Н.	43
-------------------------	----

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ «ОБЩЕНАУЧНОГО» ПОНЯТИЯ ДОКУМЕНТА

Нестерович Ю.В.	47
----------------------	----

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКУМЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ «ПРОДУКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ЗАКРЕПЛЕННОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ»

Плешкевич Е.А.	51
---------------------	----

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ПО ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЮ И УПРАВЛЕНИЮ ДОКУМЕНТАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ И ЗНАНИЯМИ Силков С.В.	59
АРХИВНОЕ ФОНДОВЕДЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ Савин В.А.	69
У ИСТОКОВ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ Боброва В.С.	73
ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ Котляров И.Д.	77
ПОРТАЛЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ Рожнёва Ж.А.	79
БЛОГИ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА Шпагин С.А.	85
ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ КАК СРЕДСТВО ДОСТУПА К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДОКУМЕНТНЫМ РЕСУРСАМ УЧЕНОГО (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО АРХИВА ПРОФЕССОРА С.А. СБИТНЕВА) Скипор И.Л.	89
СИБИРСКАЯ ГАЗЕТНАЯ И ЖУРНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. – 1919 г. В ФОНДАХ ТОМСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Косых О.Е.	93
АРХИВ Н.М. ЯДРИНЦЕВА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ И СОСТАВ Васенькин Н.В.	96
ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ Г.Н. ПОТАНИНА Родионова Т.В.	101
РОЛЬ П.М. МАКУШИНА В ФОРМИРОВАНИИ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА П.И. МАКУШИНА) Сизова Е.В.	105
МАТЕРИАЛЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 г. В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ПРИМЕР ФУНКЦИОНАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ ДОКУМЕНТА Иванова А.М.	109

КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ ПО ПРОВЕДЕНИЮ СЕССИЙ ТЮМЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ В 1944–1950-е гг.	
Литенкова Е.В.	112
ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ ФОТОГРАФИЙ КАК СОБРАНИЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ НАУКИ В СИБИРИ	
Крайнева И.А.	116
ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
Толстова А.А.	122
ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОПОЛНЕНИЯ ФОНДОВ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ	
Помелова Д.В.	125
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ И НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ АТТЕСТАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Гасникова С.Ю., Лило И.А.	127
ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ	
Давыденко Е.А.	130
ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРОДА НИЖНЕВАРТОВСКА	
Степанова В.В.	133
ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЗАГС (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛА ЗАГС ПОСЁЛКА ИЗЛУЧИНСК АДМИНИСТРАЦИИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА)	
Журко Е.И., Якубова Л.А.	137
СИСТЕМЫ ПЛАНОВОЙ И ОТЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ КАДРОВОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОРГАНА ВЛАСТИ	
Кондратьева Т.Н.	141
РЕШЕНИЕ СУДА КАК ДОКУМЕНТ, ИМЕЮЩИЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННУЮ ФУНКЦИЮ	
Самбурская Г.А.	145
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ	
Попова Л.Л.	149
ДОКУМЕНТАЦИОННАЯ СИСТЕМА ГЛАВНЫХ ОРГАНОВ ООН	
Казакевич Л.И.	152

Часть II. ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С ИНФОРМАЦИЕЙ И ДОКУМЕНТАМИ

РАЗВИТИЕ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: СТАДИЯ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ (РАБОЧАЯ ГИПОТЕЗА) Хмельницкая О.Е.	159
ВОСПРИЯТИЕ ДОКУМЕНТИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ Матвеева Е.О.	163
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Арлашкина О.В.	166
ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ РОЛЕЙ НА ХАРАКТЕР ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ В ДОКУМЕНТАХ Шарунов А.И.	169
ТЕХНИКА РАБОТЫ С ЮРИДИЧЕСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ Никиташина Н.А.	173
ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЗАЩИТЫ СВЕДЕНИЙ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА Дворецкий А.В.	177
РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ Галашова Н.Б.	182
РАСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРИНЦИПОВ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕСТРУКТУРИРОВАННОГО ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ АВТОМАТИЗАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ИНДЕКСАЦИИ Бочаров А.В.	186
РЕГИСТРАЦИЯ ИЛИ «ЗАХВАТ» ДОКУМЕНТА: СОДЕРЖАНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ Ялунина К.В.	192
АУДИОДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ЗАСЕДАНИЙ ТОМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ III СОЗЫВА Круглыхина Е.А.	195
РАБОТА ИНСПЕКТОРОВ АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АРХИВНОМ ДЕЛЕ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ НОВОГО ЗАКОНА № 294-ФЗ Чернов К.А.	199
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ АРХИВНОГО ФОНДА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА Куулар М.Ш.	203

ПРАКТИКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО АРХИВА г. АСИНО ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ) Дмитриева Т.А.	206
ПРАВИЛА РАЗРАБОТКИ СИСТЕМ ДОКУМЕНТООБОРОТА Назаров А.В.	209
ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА Разинков С.Л.	211
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ DOCFLOW В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ Горюнова Е.С.	216
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОКУМЕНТООБОРОТА ОРГАНИЗАЦИИ Шабалина В.А.	221
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ СИСТЕМЫ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ Харусь О.А.	225
АВТОМАТИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ОРГАНИЗАЦИОННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Фролова Н.В., Сергеева Е.Ю.	230
БЕЗБУМАЖНЫЙ ОФИС: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ) Калверт Е.Ю.	233
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Стрюкова Е.П.	238
ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РАСПРОСТРАНЕННЫХ ФОРМАТАХ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ Кузнецова Н.В.	242
ВИДОВОЙ СОСТАВ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ г. ЧЕЛЯБИНСКА Тельманова Е.В.	245
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННО-ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА Еремина Н.Л., Кнауб К.В.	250

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ЗАОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ФАКУЛЬТЕТА УПРАВЛЕНИЯ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА) Селявская И.В., Лысенко И.С.	254
ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ХМАО – ЮГРЫ: КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ Судник Т.В.	259
ГАЗЕТА ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА «АЛМА МАТЕР» КАК ИНСТРУМЕНТ ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ Ксенофонтова С.Н.	263
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ОРГАНИЗАЦИЯХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ Шпагина М.П.	267
ОФОРМЛЕНИЕ РЕБЕНКА В ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ: ДОКУМЕНТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ Савельева А.В.	271
К ПРОБЛЕМЕ ИНСТРУКЦИОННОГО РУКОВОДСТВА ПО ЗАПОЛНЕНИЮ ПЕРЕПИСНЫХ И АНКЕТНЫХ ФОРМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТИСТИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.) Скопа В.А.	274
УНИФИКАЦИЯ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ РАБОЧИХ В РАМКАХ ЗАКОНА ОТ 2 ИЮНЯ 1903 г. «О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ПОТЕРПЕВШИХ ВСЛЕДСТВИЕ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ РАБОЧИХ...» Протасов А.Д.	277
О ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО» В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1920-е гг. Залипаева Е.А.	282
ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ФАКТОР ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1920–1930-е гг.) Миркин В.В.	285
СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ Мазур Л.Н.	289
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ ДОКУМЕНТОВЕДОВ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ Большедворская М.В.	293

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ АРХИВОВЕДЕНИЯ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Сергиенко В.А.	297
ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ПРОЕКТА ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СТУДЕНТАМИ-ДОКУМЕНТОВЕДАМИ Быкова Т.А.	300
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ОРГАНИЗАЦИЯ СЕКРЕТАРСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ» Томилова Н.А.	304
ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТА В БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ Масяйкина Е.А.	308
ИМИТАЦИЯ СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ Соколов В.Ю.	311

Часть III. ДОКУМЕНТ В ИСТОРИИ, ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТЕ

ИСТОЧНИКИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОКУМЕНТА В ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК Кладова Н.В.	319
ХРОНОТОПОС: ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Немирович-Данченко П.М.	322
ФЕНОМЕН ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ (КАЗУС «DONATIO CONSTANTINI») Коурдаков М.В.	326
ПАМЯТЬ КАК ИСТОЧНИК НАПИСАНИЯ МЕМУАРОВ Казакова Е.А.	330
«ДОМОСТРОЙ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ Яринская А.М.	334
СТАТЕЙНЫЕ СПИСКИ РУССКИХ ПОСОЛЬСТВ В КИТАЙ XVII в. В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ Слугина О.А.	338

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ОСНОВАНИЯ ТОМСКОГО ГОРОДА (ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПЕРВОИСТОЧНИКАМ) Дмитриенко Н.М.	342
«ОНА ПО-РУССКИ ПЛОХО ЗНАЛА...»? ФРАНЦУЗСКИЙ ДНЕВНИК БАРОНЕССЫ Н.М. СТРОГАНОВОЙ В ТОМСКЕ Крупцева О.В.	346
ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОМСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ (1804–1917 гг.) Гахов В.Д.	351
ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ РУДНИЧНЫХ РАБОЧИХ XIX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК Ляпкова А.А.	357
АВТОГРАФ П.А. СЛОВЦОВА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ И КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Есипова В.А.	361
ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ) Кискидосова Т.А.	365
ИЗУЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННОГО, СОСЛОВНОГО И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА СЕЛЬСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. (НА ПРИМЕРЕ КЛИРОВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ КАРАКАНСКОГО ПРИХОДА ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ) Ананина А.В.	369
ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИССИОНЕРСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ И СЕМИНАРИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛО XX в. Кузоро К.А.	373
ПРИХОДО-РАСХОДНЫЕ КНИГИ ПРИХОДСКИХ ОБЩИН РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В СИБИРИ Адаменко А.М.	377
ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗЕМСКОГО ВОПРОСА И ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ Угрюмова М.В.	380
ВОСПОМИНАНИЯ СЛУЖАЩИХ СИБИРСКИХ ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СЛУЖЕБНОГО ПРИИСКОВОГО ПЕРСОНАЛА Румянцев П.П.	384

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ТАТАР-МУСУЛЬМАН ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)	
Маркова М.Ф.	388
ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТЕЛЕФОНИЗАЦИИ ТОБОЛЬСКА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)	
Морев В.А.	392
ГАЗЕТА «СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРАЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)	
Ваганова И.В.	395
Г.Н. ПОТАНИН И МОЛОДЁЖЬ: НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ Г.Н. ПОТАНИНА С В.Ф. БУЛГАКОВЫМ	
Колосова Г.И.	399
ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПЕРМСКОГО КРАЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В НАЧАЛЕ XX в.	
Макарчук С.В.	404
КРУШЕНИЕ ЦАРИЗМА – ВОСПОМИНАНИЯ – ДИСКУРС-АНАЛИЗ	
Постол В.И.	409

ИСТОЧНИКИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ	
Рынков В.М.	414
ИСТОЧНИКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	
Хаминов Д.В.	420
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ В МЕМУАРАХ К.Н. СОКОЛОВА «ПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА»	
Наумова Н.И.	424
ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ И ДЕКЛАРАЦИЯХ СИБИРСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (АВГУСТ 1917 – ЯНВАРЬ 1918 г.)	
Шевелев Д.Н.	428
АНКЕТА СИБИРСКИХ ЭСЕРОВ, ВЫШЕДШИХ ИЗ ПСР, КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	
Курусканова Н.П.	433

ВАДИМ КОЖЕВНИКОВ: ИСТОРИЯ СЕМЬИ ПИСАТЕЛЯ В ДОКУМЕНТАХ ТОМСКИХ АРХИВОВ	
Кан Г.И.	436
П.И. МАКУШИН И ЕГО МЕМУАРЫ	
Карташова Т.П.	442
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О ПЕРЕХОДЕ К НЭПУ В СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»)	
Грик Н.А.	447
СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ВЫБОРЫ ГОРСОВЕТОВ РСФСР В 1920-е гг.	
Андреев В.П.	452
ДОКУМЕНТЫ 1920-х гг.: ОТРАЖЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НЭПА	
Орлова И.В.	456
ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ	
Баранцева Н.А.	459
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СИБИРИ О РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ И РАБОЧЕЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В 1926–1929 гг.	
Воробьев Н.В.	463
ДОКУМЕНТЫ ЦК ВКП(Б): НОРМАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТОТДЕЛОВ МТС И СОВХОЗОВ (1930-е гг.)	
Шевляков А.С.	467
ОБЛАСТНАЯ ГАЗЕТА «КУРСКАЯ ПРАВДА» О СТАХАНОВСКОМ ДВИЖЕНИИ, ВРАГАХ НАРОДА И ВРЕДИТЕЛЯХ В САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	
Миргородова Ю.М.	471
ЛИЧНЫЕ КАРТОЧКИ БРЭМ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МАНЬЧЖУРИИ (НА ПРИМЕРЕ С.А. ТАСКИНА И ЕГО СЕМЬИ)	
Звягин С.П.	475
ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТОТДЕЛОВ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930–1940-е гг.	
Рогалева Н.В.	479
ДОКУМЕНТЫ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА КУЗБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Викторов А.Ю.	485

ИЗ ИСТОРИИ ТОМСКОЙ МЕТРОЛОГИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Приль Л.Н.	488
К ВОПРОСУ О ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Грачёв М.С., Ковалёв А.П.	492
ЛИЧНЫЕ ДЕЛА МУНИЦИПАЛЬНОГО АРХИВА КАК ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	
Козлова Т.К.	496
ДОКУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. – ГЛАСНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ ДЕЛЕГИТИМНОГО ОБЛИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	
Титов В.Ю.	498
ИСТОРИЯ УГОЛЬНЫХ РАЗРЕЗОВ КУЗБАССА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	
Берсенева М.В.	504
ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ 60–80-х гг. XX в. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЮЖНОЙ СИБИРИ	
Карачаков Д.М., Карачакова Н.М.	507
НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ТУВЫ, ГОРНОГО АЛТАЯ И ХАКАСИИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ	
Карачаков Д.М.	509
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ В РЕГИОНАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ	
Домогашев О.С.	512
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ «СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЕЁ ИДЕЙНО-ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ (ОКТАБРЬ 1990 – ДЕКАБРЬ 1991 г.)	
Луков Е.В.	514
ДОКУМЕНТЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РЕГИОНА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Шараев П.С.	518
ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПАРАНАУЧНЫХ И КВАЗИРЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
Быков Р.А.	522

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ УСТАВЫ САЛАМАНКИ XVI В. КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ИСПАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	
Жеравина О.А.	527
АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ НАУКИ	
Черказьянова И.В.	532
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА	
Гач О.Б.	536
ДНЕВНИКИ В.М. ФЛОРИНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	
Некрылов С.А., Фоминых С.Ф.	540
ЕЖЕГОДНЫЕ ОТЧЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЬСКИХ СЕМИНАРИЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)	
Перова О.В.	547
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА В.В. САПОЖНИКОВА	
Меркулов С.А.	551
ПИСЬМА Н.И. КОНРАДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ	
Иванова М.В.	558
ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (1919–1920 гг.)	
Зленко К.В., Некрылов С.А.	564
СУДЬБА ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ»)	
Литвинов А.В.	568
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ АКАДЕМИКА В.Д. КУЗНЕЦОВА	
Костерев А.Г.	572
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТОМСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕССУРЫ 1930-х гг. В АРХИВНЫХ ФОНДАХ	
Грибовский М.В.	577

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АСПИРАНТУРЫ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1920–30-е гг.	
Цеховой Н.П.	581
МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Сорокин А.Н.	585
ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТОВ И СОТРУДНИКОВ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТГУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Ульянов А.С.	590
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ХОРОВОЙ КАПЕЛЛЫ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	
Демешкин В.А.	594
МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ТОМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СО РАН В 1991–1994 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕКУЩИХ АРХИВОВ)	
Аранжина Н.В.	597
СВЕДЕНИЯ ОБ АТОРАХ	602

Научное издание

ДОКУМЕНТ

КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

*Сборник материалов
IV Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием
(г. Томск, 29–30 октября 2009 г.)*

Издание подготовлено
в авторской редакции
Корректор А.Н. Гранкина
Оригинал-макет О.П. Шершнёвой
Дизайнер обложки А.В. Бабенко

Подписано в печать
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 36,27. Тираж 250 экз. Заказ № .

Отпечатано на оборудовании
Редакционно-издательского отдела
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011.
Тел. 8+(382-2)–25-98-49

ISBN 5-94621-295-8

